

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ТАЙНЫ
РОССИИ

АЛЕКСАНДР ОСТРОВСКИЙ

СОЛЖЕНИЦЫН

ПРОЩАНИЕ С МИФОМ

Annotation

Проследивая жизненный путь лауреата Нобелевской премии Солженицына, автор книги показывает, что, призывая других жить не по лжи, сам писатель этого принципа никогда не придерживался. С учетом этого совершенно иной характер приобретает как история его первого ареста и пребывания в ГУЛАГе, так и его противостояние с советской системой.

Обращая внимание читателей на это, автор заставляет задуматься не только над диссидентским

движением в Советском Союзе 1960–1980 гг. и той борьбе, которая шла тогда в правящих верхах советского общества, но и об истоках той трагедии, которую переживает наша страна.

- [Александр Владимирович
Островский](#)
 - [Вместо предисловия](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)
- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
- [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
- [Послесловие](#)
- [Литература и источники](#)
 - [Давайте разберемся](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
- [Глупость или измена](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)

- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

**Александр
Владимирович
Островский
Солженицын
Прощание с мифом**

Вместо предисловия Давайте разберемся

*Все тайное рано или
поздно становится явным.*

*Библейское
изречение*

*Самый страшный
черт — который молится
богу.*

*Польская
пословица*

Летом 1936 г. в учебную студию

Юрия Александровича Завадского при Ростовском драматическом театре пришел молодой человек, который хотел стать актером. Его забраковали, найдя, что у него слишком слабый голос (1).

Прошло время, и голос этого несостоявшегося актера загредел на всю страну. Его смогли услышать в самых отдаленных уголках планеты. Это был голос Александра Исаевича Солженицына.

Мне, как и многим другим, его фамилия стала известна в начале 1960-х, когда в печати появилась его повесть «Один день Ивана Денисовича». А затем мы жадно вслушивались в зарубежные

радиоголоса, ловя строки знаменитого «Письма к съезду писателей», статьи — манифеста «Жить не по лжи», «Архипелага ГУЛАГ» и других его произведений, которые долгое время были нам недоступны.

Не все разделял я во взглядах их автора.

Но и для меня, и для многих моих современников голос А. И. Солженицына долгое время звучал как голос правды, а сам он представал в образе бесстрашного, бескомпромиссного ратоборца, отважившегося вступить в открытое сражение с той тоталитарной системой, покорными или

непокорными, всё равно винтиками которой мы были.

И вот, рухнули запреты.

Книги А. И. Солженицына стали доступны каждому. Помню, с каким трепетом я открывал приобретенное в одном из книжных развалов «Малое собрание» его сочинений в семи томах (2). И не могу забыть того разочарования, с которым закрывал этот семитомник.

Дело было не в литературных достоинствах тех произведений, с большинством из которых я познакомился впервые. С их страниц со мною говорил совсем не тот человек, каким до этого я представлял их автора.

Возникло желание разобраться.
Так появилась эта книга.

Главная ее цель не в том, чтобы дать еще одно жизнеописание А. И. Солженицына. Ему посвящена огромная литература как в нашей стране (3), так и за рубежом (4). Достаточно указать на изданную в 1984 г. книгу Майкла Скэммела, равной которой по фактическому материалу пока нет (5).

Подавляющее большинство биографических публикаций о А. И. Солженицыне написаны в жанре жития святых. Между тем такое представление о нем все более и более вступает в противоречие с мемуарами его современников, из

числа которых можно назвать В. Е. Аллоя, Н. Бетелла, В. Н. Войновича, И. И. Зильберберга, О. В. Карлайл, А. И. Кондратовича, Л. З. Копелева, В. Я. Лакшина, В. Е. Максимова, М. В. Розанову, А. Д. Сахарова, В. Т. Шаламова и других.

Прочитайте — только внимательно — собственные воспоминания писателя «Бодался теленок с дубом» (далее — «Теленок») (6) и «Угодило зернышко промеж двух жерновов» (далее — «Зернышко») (7). Вдумайтесь в мемуарные свидетельства, рассыпанные по «Архипелагу ГУЛАГ» (8), принизывающие

автобиографическую поэму «Дороженька» (9), мелькающие в интервью и других публичных выступлениях А. И. Солженицына (10), и вы сами увидите расхождение между сложившимся его образом и действительностью.

Об этом же свидетельствуют и мемуары его первой жены Натальи Алексеевны Решетовской (11): и опубликованные ею воспоминания (12), и остающийся пока неопубликованным дневник (13).

Очень многое могли бы рассказать нам дать архивы (14), а также архивы государственных учреждений, в первую очередь спецслужб как советских, так и

зарубежных. Но они, к сожалению, пока остаются для исследователей почти недоступными. Тем ценнее для нас первые документальные публикации (15), важнейшей из которых на сегодняшний день является сборник документов «Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне» (М., 1994).

Опираясь на эти и некоторые другие источники, попробуем проследить жизненный путь писателя и посмотреть, насколько сложившиеся представления о нем как о праведнике, пророке, отважном и бескомпромиссном борце с советской системой соответствуют

действительности.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ В ПОИСКАХ РОЛИ

Глава 1

«Первый ученик»

Корни

Александр Исаевич
Солженицын родился 11 декабря
1918 г. в третьем часу пополуночи в
городе Кисловодске (1).

Через полвека, 5 июля 1967 г.,
Комитет государственной
безопасности при Совете министров
СССР (далее — КГБ) направил в ЦК
КПСС документ под названием
«Справка в отношении
Солженицына А. И.».

В ней говорилось: «Как видно из материалов, Солженицын в своих автобиографических данных по существу ничего не сообщает о своих родителях, не указывая даже их фамилий, имени и отчества. С целью получения более полных сведений проводилась проверка по месту рождения Солженицына и местам его жительства, учебы и работы, просматривались учетные, архивные и другие официальные документы.

Из личного дела, которое хранится в Ростовском университете, усматривается, что до войны Солженицын проживал со своей матерью... В автобиографии, находящейся в личном деле члена

Союза писателей, он указывает, что родился в семье служащих, мать работала машинисткой-стенографисткой, а отца потерял до своего рождения.

Архивные материалы за 1918 г. в гор. Кисловодске не сохранились, поэтому получить сведения о родителях по месту рождения Солженицына не представилось возможным.

В материалах архивного следственного и оперативного дела на Солженицына в архивах Министерства обороны СССР данных о родителях Солженицына не содержится» (2).

Поразительно, располагая

разветвленнейшим аппаратом, имея возможность навести самые сложные архивные справки и опросить любых лиц, имевших на этот счет информацию, КГБ, если верить приведенному документу, не смог до 1967 г. получить необходимые сведения о родителях А. И. Солженицына.

Прошло четыре года. И частично то, что «оказалось» не по силам КГБ, сумел сделать немецкий журналист Дитер Штейнер. Отправившись на родину писателя в Ставропольский край, он посетил город Георгиевск и там взял интервью у Ирины Ивановны Щербак, муж которой Роман Захарович был дядей

А. И. Солженицына по матери. Так в 1971 г. на страницах журнала «Штерн» появились первые сведения о предках писателя (3). 30 марта 1972 г. в интервью газетам «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост» Александр Исаевич внес в эту публикацию некоторые дополнения и коррективы (4), а летом 1977 г. поделился имевшимися у него на этот счет данными со своим биографом Майклом Скэммелом (5).

Вот, что рассказывает писатель о своих предках:

«Деды мои были не казаки, и тот и другой — мужики. Совершенно случайно мужицкий род Солженицыных зафиксирован даже

документами 1698 года, когда предок мой Филипп пострадал от гнева Петра I... А прапрадеда за бунт сослали из Воронежской губернии на землю Кавказского войска» (6).

Сообщая эти сведения, Александр Исаевич ненавязчиво проводит мысль, что корни его социального бунта уходят в XVII–XVIII вв.

Поселившись «на земле Кавказского войска», Солженицыны осели в станице Саблинская (в просторечии — Сабля), которая находится недалеко от города Георгиевска^[1] (7). До революции она входила в состав Александровского уезда Ставропольской губернии и

являлась центром волости. В 1913 г. в станице проживало четыре с половиной тысячи человек (8).

Прапрадеда — бунтаря звали Семен, его сына — Ефим, внука — тоже Семен. Семен Ефимович был женат дважды. От первой жены Пелагеи Панкратовны имел трех сыновей (Константина, Василия, Исакия) и двух дочерей (Евдокию и Анастасию), от второй жены Марфы — сына Илью и дочь Марию. Евдокия и Анастасия вышли замуж и уехали, одна в станицу Курсавка, другая — в станицу Нагутская (родина Ю. В. Андропова) (9).

С легкой руки Дитера Штейнера получила распространение версия,

что Семен Ефимович разбогател и стал помещиком (10).

Возражая против этого, А. И. Солженицын в названном интервью 1972 г. заявил: «Кроме нескольких всем известных казачьих генералов, никаких помещиков, то есть дворян-землевладельцев, потомков древней знати, получившей землю за военную службу, на Северном Кавказе вообще никогда не бывало... Были Солженицыны обыкновенные ставропольские крестьяне: в Ставрополе до революции несколько пар быков и лошадей, десяток коров да двести овец никак не считались богатством. Большая семья и работали все

своими руками. И на хуторе стояла простая глинобитная землянка, помню ее» (11).

Частное землевладение в Ставропольской губернии начала XX в. все-таки существовало, но обнаружить Солженицыных среди помещиков Саблинской волости не удалось (12). Несколько пар быков и лошадей, десяток коров да двести овец до революции даже на Ставрополье имели лишь очень богатые крестьяне. Что же касается «глинобитной землянки», то, по утверждению журналиста Б. Волкова, который в данном случае опирался на свидетельство директора саблинской школы Геннадия

Николаевича Смородина, она сохранилась, сейчас это — «запущенная старинная рыжего кирпича двухэтажная постройка с высокими некогда изящными окнами» (13).

Младший сын Семена Ефимовича от первого брака Исакий родился 6 (18) июня 1891 г. Закончив Пятигорскую гимназию, поступил в Харьковский университет, в 1912 г. перевелся в Московский (14). По утверждению А. И. Солженицына, по своим убеждениям Исакий Семенович был «народником и толстовцем» (15). Когда началась Первая мировая война, он ушел в армию. По окончании офицерских

курсов стал артиллеристом, весной 1917 г. получил возможность приехать с фронта в Москву и здесь познакомился с Таисией Захаровной Щербак (16).

Отец Таисии Захаровны родился в 1853 г. в Таврии, около 1870 г. переселился на Ставрополье и обосновался недалеко от Армавира (17). Его семью Дитер Штейнер характеризовал как семью миллионера (18). Находясь в СССР, А. И. Солженицын оспаривал это (19), а в 1979 г., будучи уже за границей, стал утверждать, что Захар Щербак арендовал 2000 десятин и имел 20 тысяч голов овец (20). Если здесь нет опечатки, для крестьянина

явно многовато.

У Захара и его жены Евдокии было трое детей: сын — Роман и две дочери — Таисия и Мария. Таисия училась сначала в Пятигорске, затем в Ростове-на-Дону в гимназии А. Ф. Андреевой, по окончании которой поступила в Москву на Голицынские сельскохозяйственные курсы, но завершить образование не успела, началась революция (21). В августе 1917 г. посетила Исакия Семеновича в Белоруссии, где они и поженились, после чего Таисия Захаровна вернулась в Москву, а когда к власти пришли большевики, уехала в Кисловодск. Здесь жили ее родители, брат Роман с женой

Ириной Ивановной и сестра Мария, бывшая замужем сначала за Афанасием Карпушиным, потом — за Федором Гариным (22).

По свидетельству А. И. Солженицына, «уже весь фронт почти разбежался», а батарея его отца, продолжала удерживать свои позиции и «стояла на передовой до самого Брестского мира» (23). Мирный договор в Бресте был подписан 3 марта 1918 г., ратифицирован в ночь с 15-го на 16-е (24). Это значит, что Исакий Семенович вернулся домой не ранее второй половины марта. Заехав в Кисловодск, он забрал с собою жену

и вместе с нею появился в родной Сабле (25), а 8 июня при до сих пор невыясненных обстоятельствах был смертельно ранен, по одной версии, случайно, на охоте (26), по другой, пытаясь покончить жизнь самоубийством (27). Обе версии исходят от его родственников (28).

Можно понять, почему раненный Исакий Семенович оказался в больнице города Георгиевска, где 15 июня умер. Непонятно, почему его похоронили на следующий же день, причем в Георгиевске, а не в станице Саблинской? (29) Обращает на себя внимание и то, что после этого Таисия Захаровна вернулась к

родителям в Кисловодск и в дальнейшем отношений с родственниками мужа не поддерживала.

В годы Гражданской войны род Солженицыных понес еще несколько потерь: в 1919 г. то ли умер, то ли пропал без вести Семен Ефимович. В том же году не стало Анастасии Семеновны, тогда же скончался Василий Семенович, а вскоре ушла из жизни его жена (30).

Своего сына Таисия Захаровна назвала Александром. Его крестной матерью стала Мария Васильевна Кремер. Кто был крестным отцом, неизвестно (31).

А. И. Солженицын утверждает,

что помнит себя примерно с трех — четырех лет, т. е. с 1921–1923 гг.: «Я в церкви. Много народа, свечи. Я с матерью. А потом что-то произошло. Служба вдруг обрывается. Я хочу увидеть в чем дело. Мать меня поднимает на вытянутые руки, и я возвышаюсь над толпой. И вижу, как проходят серединой церкви отмеченные остроконечными шапками кавалерии Буденного, одного из отборных отрядов революционной армии, но такие шишаки носили и чекисты. Это было — отнятие церковных ценностей в пользу советской власти» (32).

Эпизод явно символический. Из него явствуется, что будущий пророк и

праведник начал осознавать себя человеком не где-нибудь, а в божьем храме! И мир, который впервые запечатлелся в его памяти, он увидел как ангел вознесенный матерью на толпой. Этот мир сразу же предстал перед ним разделенным на своих и чужих, на людей, имеющих идеалы, тянущихся к богу, и грабителей — безбожников, облеченных земной властью, посягающих на церковные реликвии.

Что здесь правда, что вымысел, известно только Александру Исаевичу. Но бесспорно: вспоминая или же придумывая этот эпизод, он стремился подчеркнуть, что с самого начала своей жизни был среди

верующих и с самого начала стал свидетелем торжества грубой силы, которая не могла не вызвать в его детской душе удивление, возмущение и осуждение.

«Это, — пишет А. И. Солженицын, — мое первое воспоминание, я с ним начал жить» (33).

*«Рос я запутанный, трудный,
двуправдый»*

В 1921 г. после того, как отгремели последние залпы Гражданской войны, Таисия Захаровна отправилась в Ростов-на-

Дону (1). По одним данным, она забрала сына с собой в 1922 г. (2), по другим — в 1924 г. (3).

По всей видимости, ближе к истине вторая версия. Как утверждала И. И. Щербак, первоначально Таисия Захаровна уехала в Ростов-на-Дону одна (4). В 1924 г. кисловодский дом, в котором жила семья Щербаков, национализировали, Захар и Евдокия перебрались под Армавир в селение Гулькевичи, семья Гариных — в Георгиевск, Ирина и Роман — в Новочеркасск, Саню отвезли к матери (5).

В упоминавшемся интервью 1972 г. А. И. Солженицын заявил:

«Мы жили в Ростове до войны 19 лет (т. е. с 1922 г. — А.О.) — из них 15 не могли получить комнаты от государства, *все время снимали в каких-то гнилых избушках*^[2] у частных за большую плату; а когда и получили *комнату*, то это была часть перестроенной конюшни. Всегда холодно, дуло, топились углем, который доставался трудно, вода приносная издалека; что такое водопровод в квартире, я вообще узнал лишь недавно» (6).

А вот интервью А. И. Солженицына журналу «Ле Пуэн» в декабре 1975 г.:

«Мне было шесть лет. Мы с матерью в Ростове-на-Дону

поселились в конце почти
безлюдного тупика Одна сторона его
— стена, огромная стена. И *я
прожил там десять лет.* (то есть
до 1934—1935 гг. — А.О.). Каждый
день, возвращаясь из школы, я шел
вдоль этой стены и проходил мимо
длинной очереди женщин, которые
ждали на холоде часами. В шесть лет
я уже знал. Да все это знали. Это
было задняя стена двора ГПУ.
Женщины были женами
заключенных, они ждали в очереди с
передачами» (7).

Н. А. Решетовская, которая
познакомилась с
А. И. Солженицыным в 1936 г.,
вспоминала, что в это время Таисия

Захаровна и Саня жили в *однокомнатной квартире* «на первом или втором этаже без горячей воды, с печным отоплением, с холодными сенями. В комнате помещались печка, кровать Таисии Захаровны, диван, на котором спал Саня, два стола (кухонный и письменный), зеркало, кажется, платяной шкаф». Ни книжного шкафа, ни стеллажа Наталья Алексеевна не запомнила. В лучшем случае, по ее словам, была книжная полка. Из книг она смогла назвать только произведения Джека Лондона (8).

По одной версии Таисия Захаровна была машинисткой (9), по

другой — стенографисткой (10). Александр Исаевич пишет, что «она была машинисткой и стенографисткой» (11). По всей видимости, отмеченные расхождения связаны с тем, что в разное время его мать занимала разные должности. Нет единства и в вопросе о том, где она работала. А. И. Солженицын подчеркивает, что за время после окончания Гражданской войны Таисия Захаровна сменила не одно место: несмотря на то, что она «хорошо знала французский и английский», а также «стенографию и машинопись», из-за «соцпроисхождения» ее не только «никогда не принимали» «в

учреждения, где хорошо платили», но и неоднократно «подвергали чистке», «увольняли с ограниченными правами на будущее» (12).

По свидетельству И. И. Щербак, перебравшись в Ростов, Таисия Захаровна стала «стенографисткой в ростовской милиции» (13).

А. И. Солженицын упоминает в качестве одного из мест работы матери — Мельстрой (14).

Ростовский журналист И. Гегузин со слов товарищей Александра Исаевича по университету пишет, что мать писателя была сначала «секретарем-машинисткой» в проектно-институте «Севкавгипросельхоз», затем

«стенографисткой в крайисполкоме» (15). В беседе со мной бывший одноклассник А. И. Солженицына Николай Дмитриевич Виткевич заявил, что Таисия Захаровна заведовала стенографическим отделом то ли в крайкоме, то ли в крайисполкоме (16), а Н. А. Решетовская на этот же вопрос ответила, что перед войной ее свекровь трудилась, «то ли в крайисполкоме, то ли в облисполкоме» (17).

Из этого вытекает, что независимо от убеждений — а по воспоминаниям, Таисия Захаровна была верующим человеком (18) — она занимала лояльную позицию по

отношению к Советской власти и подобным образом должна была воспитывать сына.

Некоторое влияние на Саню Солженицына могло иметь окружение его матери, но о нем мы знаем пока немного. Можно лишь назвать одну из ее ближайших подруг Женю Андрееву, находившуюся замужем за инженером Владимиром Федоровским (19).

В сентябре 1926 г. Саня сел за парту. Его университеты начались в Покровской школе им. Г. Е. Зиновьева (20). Одним из его первых школьных друзей стал уже упоминавшийся Николай Виткевич, с которым они познакомились во

втором классе и обучались вместе до окончания пятого класса. Н. Виткевич тоже рос без отца. Его мать Антонина Васильевна вышла замуж вторично и уехала с сыном в Дербент (21).

Из жизни своего знаменитого одноклассника 1927–1931 гг. Н. Д. Виткевич в беседе со мной смог вспомнить лишь несколько фактов: Саня был лучшим учеником, в 1930 г. его приняли в пионеры, в четвертом классе (1930–1931 гг.) назначили старостой (22).

Примерно с девяти лет, т. е. в 1927–1928 гг. у Сани возникло стремление к литературному творчеству, он начал сочинять стихи

(23). По свидетельству Н. А. Решетовской, они сохранились и сданы в архив с пометкой «Не для печати» (24). Вспоминая первые литературные опыты своего бывшего друга, Н. Д. Виткевич не без ехидства отмечал: «В четвертом или пятом классе я видел у него тетрадь с надписью „Полное собрание сочинений А. Солженицына. Том первый. Книга первая“» (25).

Если до семи лет Саня находился главным образом под влиянием матери, то затем определенную роль в его воспитании стали играть школа, газеты, книги и радио. Так, рассказывая о детстве героя своей неоконченной военной

повести Глеба Нержина, прототипом которого был он сам, А. И. Солженицын пишет, что Глеб, «еще *со школьных лет воспитанный не отделять свою судьбу от судьбы всей страны*», пристрастился «к чтению газет от пионерского листика „Ленинских внучат“ до огромных — не хватало детских рук держать развернутый лист — „Известий“...» (26).

Первые летние каникулы 1927 и 1928 гг. Саня провел под Армавиром, в Гулькевичах (27), затем ездил в Ейск, на Азовское море, куда в 1927 г. перебралась И. И. Щербак с мужем. «Раза два — три, — вспоминает Александр Исаевич, —

мама отправляла меня к ней на летние каникулы» (28). У Ирины Ивановны и Романа Захаровича была хорошая библиотека (29).

Среди тех, с кем А. И. Солженицын учился в старших классах, в его воспоминаниях фигурируют: Николай Виткевич, Лидия Ежерец, Михаил Люксембург, Валерий Никольский, Иосиф Резников, Кирилл Симонян, Дмитрий Штительман (30). Дружил Саня, или, как его звали товарищи, «Морж», в основном с Виткевичем, Ежерец и Симоняном (31).

Н. Виткевич снова появился в школе в 1934 г. Второй брак его

матери оказался неудачным, и она вернулась в Ростов-на-Дону. По свидетельству Николая Дмитриевича, некоторое время Антонина Васильевна работала в Артиллерийском училище, потом — управляющей делами в университете (32). Н. А. Решетовская утверждала, что в университет она перешла из обкома партии (33).

С какого класса А. И. Солженицын учился вместе с Лидой Ежерец, установить пока не удалось. Лида являлась дочерью известного в Ростове-на-Дону врача Александра Михайловича Ежереца, богатая квартира которого часто была местом встречи друзей (34).

Кирилл Симонян появился в школе в 1930 г. Он происходил из купеческой семьи, которая жила в Нахичевани. В 20-е годы его отец уехал в Иран и не вернулся оттуда, а мать Любовь Григорьевна с детьми переехала в Ростов-на-Дону. В 1939 г. она умерла, и Кирилл остался с младшей сестрой Надей (35).

Саня учился отлично и был примерным учеником (36). Он увлекался театром, принимал активное участие в школьном драмкружке (37), писал стихи («очень плохие и очень подражательные», как вспоминал потом К. Симонян) (38), по совету учительницы литературы Анастасии

Сергеевны Грюнау вместе с Кириллом и Лидой сочинял роман, который они сами называли «романом трех сумасшедших» (39), вместе с Кириллом и Ёськой Резниковым пытался издавать в школе рукописный литературный журнал (40).

Подчеркивая, что Саня Солженицын был необычным учеником, Н. Д. Виткевич и И. Л. Резников, с которыми мне удалось побеседовать, не запомнили какой-либо его дискриминации. Почти на все мои вопросы, касавшиеся их знаменитого одноклассника, они отвечали однообразно и односложно: «Как

все» (41). Вместе со всеми он был принят в пионеры, вместе со всеми вступил в комсомол (42).

Однако оказавшись за границей, сам А. И. Солженицын стал утверждать, что все, о чем шла речь ранее, представляло только внешнюю сторону его тогдашней жизни.

«В детстве, — заявил он в одном из своих интервью, — я был воспитан в религии. Я рос верующим» (43). При этом Александр Исаевич уточнял, что православие было «внушено» ему «в самой простонародной форме», поэтому для его детских настроений была характерна обычная «народная

набожность». «Я подчеркиваю, — пишет он, — в моем детстве моя вера была именно в той форме, как верит простой народ» (44).

Отмечая, что он воспринял православие «в самой простонародной форме», Александр Исаевич свидетельствует: «Эта народная набожность подвергалась резкому преследованию в советской школе, подавлялась. Мне очень трудно было устаивать против этого давления» (45). И далее: «В юности я испытал *большие преследования* в связи с верой в Бога. Когда мама вела меня в церковь, школьники, которых направляли комсомольцы, следили за нами, а потом устраивали собрания

— судилища, меня судили за это» (46).

«В девять лет (1927–1928 гг. — А.О.), — вспоминает А. И. Солженицын, — я шагал в школу, уже зная, что там всегда меня могут ждать допросы и притеснения. И в десять лет (1928–1929 гг. — А.О.), при гоготе, пионеры срывали с моей шеи крестик. И в одиннадцать лет (1929–1930 гг. — А.О.), и *в двенадцать* (1930–1931 гг. — А.О.) меня истязали на собраниях, почему я не поступаю в пионеры. И чекисты на моих глазах уводили дедушку (Щербака) на смерть из нашей перекошенной щелястой хибарки в девять квадратных метров» (47).

Из последней фразы явствует, что с детских лет Саня Солженицын стал ощущать разлад с действительностью не только в вопросе веры. От взрослых он мог знать, что до революции оба его дедушки были богатыми людьми. Во всяком случае, на его глазах в 1924 г. советская власть конфисковала их дом в Кисловодске. «В шесть лет, — пишет он, — я уже твердо знал, что и дедушка, и вся семья — преследуется, переезжает с места на место, скрывается, еженощно ждет обыска и ареста» (48).

Отсюда, если верить Александру Исаевичу, у него очень рано возник интерес к политике. «Я

интересовался политикой остро — с десятилетнего возраста, я сопляком уже не верил Крыленко и поражался надстроенности знаменитых судебных процессов — но ничто не наталкивало меня продолжить, связать те крохотные московские процессы (они казались грандиозными) — с качением огромного давящего колеса по стране (число его жертв было как-то незаметно). Я детство провел в очередях — за хлебом, за молоком, за крупой (мяса мы тогда не ведали), но не мог связать, что отсутствие хлеба значит разорение деревни и почему оно. Ведь для нас была другая формула: „временные трудности“»

(49).

А вот что мы читаем в «Архипелаге» об отношении А. И. Солженицына к процессам «Промпартии» и «Союзного бюро меньшевиков»:

«Мне было двенадцать (1930–1931 гг. — А.О.), *уже третий год* я внимательно вычитывал всю политику из больших „Известий“. От строки до строки я прочел и стенограммы этих двух процессов. Уже в „Промпартии“ отчетливо ощущалась детскому сердцу избыточность, ложь, подстройка, но там была хоть грандиозность декораций — всеобщая интервенция! паралич всей промышленности!

распределение министерских портфелей! В процессе же меньшевиков все те же были вывешены декорации, но поблекшие, а актеры артикулировали вяло, и был спектакль скучен до зевоты, унылое бездарное повторение» (50).

В 1930 г. началась сплошная коллективизация, которая затронула и родственников Сани Солженицына. Был раскулачен и выслан за Урал брат его отца Константин Семенович, такая же участь постигла семью Ильи Семеновича (51). Обо всем этом Саня мог узнать летом 1930 г., когда вместе с матерью побывал в Георгиевске и посетил Саблю (52). Вскоре после описанных

событий в феврале 1931 г. умерла мать Таисии Захаровны Евдокия (53), в 1932 г. не стало ее отца (54).

Таким образом, происходившие в стране перемены врывались и в жизнь А. И. Солженицына. Как же он реагировал на них?

По свидетельству Александра Исаевича, воспитанный в детстве верующим и критически относящимся к советской деятельности, он затем под влиянием официальной идеологии вместе со всеми увлекся марксизмом, и, лишь пройдя войну и лагеря, вернулся к религии, стал непримиримым противником советской власти (55).

Когда же «общий поток» оторвал Саню Солженицына от «корней»?

Из автобиографической поэмы «Дороженька», которая была начата в 1947–1948 гг., явствует, что Саня был «заражен» новой идеологией уже в одиннадцать лет, т. е. в 1929–1930 гг. (56), и, видимо, именно тогда его захватили «пионерские грезы о будущем святом Равенстве!» (57).

Позднее, 5 марта 1975 г. в телеинтервью японской компании Net-Tokyo Александр Исаевич заявил: «Я рос верующим. И только в 30-е годы попал в это ужасное время, когда у нас был общий поток марксизма, всех захватывающий как

ветер, как сильный ураган. Вся молодежь шла в комсомол, вся молодежь верила в Маркса и Ленина, и действительно, я не устоял, не удержался на ногах в этом потоке. *Так было десятилетие перед войной»* (58).

Если исходить из приведенных слов, получается, что «общий поток марксизма» захватил А. И. Солженицына не ранее 1931 г., когда он учился в пятом или шестом классе и ему было двенадцать — тринадцать лет.

11 мая 1983 г. на пресс-конференции в Лондоне писатель счел возможным отодвинуть свое превращение из верующего в атеиста

еще дальше. «Я, — сказал он, — жил примерно *до пятинадцати* лет (т. е. до 1933–1934 гг. — А.О.) *убежденным православным и полным врагом атеизма и коммунизма*. Но затем, в ходе образования в советской школе, главным образом под влиянием философских трудов, которые нам давали, я испытал постепенное охлаждение к церкви. *Храмы были закрыты, и казалось — навсегда*. И было *несколько студенческих лет*, когда я считал себя марксистом» (59).

9 октября 1987 г. Александр Исаевич дал интервью корреспонденту журнала «Шпигель»

Рудольфу Аугштайну и на его вопрос «до какого момента своей жизни вы считали себя, — конечно, не коммунистом, — а хорошим советским человеком?» ответил: «... Примерно *до 17-летнего возраста* я считал себя совершенно противоположным этому строю, этому государству» (60).

Семнадцать лет Сане исполнилось 11 декабря 1935 г. Следовательно, до последнего класса он «считал себя совершенно противоположным» советскому строю и «увлекся» марксизмом только в университете.

Эта же мысль прозвучала 23 мая 1989 г. в его интервью с Дэвидом

Эйкманом для журнала «Тайм»: «Воспитан я был в семье своими старшими в христианском духе. И почти все школьные годы, так *лет до шестнадцати — семнадцати*, я сопротивлялся советскому воспитанию и не принимал его внутренне. И должен был скрывать свои убеждения. Но потом... лет с *семнадцати — восемнадцати* я действительно повернулся, внутренне, и стал, только с этого времени, марксистом, ленинистом» (61).

Итак, мы видим, что в разное время Александр Исаевич по-разному датировал свое превращение в «марксиста — лениниста». Разброс

датировок от 1929–1930 гг. (одиннадцать лет) до 1936–1937 гг. (восемнадцать лет). Чем дольше он находился вдали от Родины, тем более стремился подчеркнуть кратковременность своих марксистских, атеистических «заблуждений».

Вопрос о времени превращения А. И. Солженицына из верующего в атеиста не праздный. От этого зависит оценка его и как пионера (с 1930 г.), и как комсомольца (с 1935–1936 гг.). Одно дело, если к концу 20-х годов он уже пережил идейный перелом. Тогда его вступление в пионеры и в комсомол можно рассматривать как логическое

следствие идейной эволюции. Другое дело, если к этому времени он продолжал еще исповедывать прежние взгляды. В таком случае перед нами факт приспособленчества.

Когда же Александр Исаевич кривил душой? В детстве, надевая на себя пионерский галстук? В юности, вместе со всеми присягая на верность заветам Ильича? Или же много позднее, призывая других «жить не по лжи» и одновременно в угоду западному читателю искажая свое прошлое?

Ответ на эти вопросы, по всей видимости, дает поэма «Дороженька», в которой мы можем

прочитать следующие строки:

«Лозунги, песни, салюты
не меркли:

„Красный Кантон!..
Всеобщая в Англии!“.

Тетя водила тогда меня в
церковь

И толковала Евангелие.

„В бой за всемирный
Октябрь!“ — в восторге

Мы у костров пионерских
кричали...

В землю зарыт офицерский
Георгий —

Папин, и Анна с мечами.

*Жарко-костровый, бледно-
лампадный*

Рос я *запутанный,*
трудный, *двуправдый.»*
(62).

Сталинский стипендиат

В 1936 г. А. И. Солженицын с отличием закончил школу и перед ним встал вопрос: кем быть?

Можно было ожидать, что будущий писатель изберет филологическую специальность, что, кстати, сделала Лида Ежерец, которая стала студенткой филологического факультета ростовского пединститута (1).

Однако Саня подал заявление в ростовский университет на физико-математический факультет (2). Николай Виткевич и Кирилл Симонян тоже пошли в университет, но на химический факультет (3). Правда, Кирилл быстро разочаровался в выборе профессии и перешел в медицинский институт (4).

На химфаке Николай и Кирилл познакомились с однокурсницей Натальей Решетовской и через некоторое время представили ей своего друга (5). 7 ноября 1936 г. на вечеринке Саня начал ухаживать за Натальей, прошло еще немного времени, и она стала его невестой

(6).

Дед Натальи по отцу Николай Михайлович Решетовский был юристом (7). Потомственный дворянин, он родился не позднее 1844 г., службу начал в 1868 г. (8), 1 января 1902 г. получил чин действительного статского советника, имел медали и ордена, революцию встретил в должности члена Новочеркасской судебной палаты (9), у него было три сына (Алексей, Иван, Сергей) и три дочери (Александра, Мария и Нина), оставшиеся незамужними (10). По данным КГБ, отец Н. Решетовской Алексей Николаевич родился в 1888 г. и «до революции занимался

литературным трудом», затем служил «казачьим сотником» и «погиб во время Гражданской войны при обстоятельствах», которые его дочь «скрывала» (11). По другим сведениям, пропал без вести в ноябре 1919 г. (12).

Дед Натальи по матери Константин Туркин был казаком. Женившись на польке, он имел сына Валентина и трех дочерей, одна из которых Мария (1890), по профессии учительница, стала женой А. Н. Решетовского. Потеряв мужа, Мария Константиновна переехала с дочерью на руках в Ростов-на-Дону (13).

Летом 1937 г., когда за спиной

Александра Солженицына остался
первый курс, студенческий профком
университета организовал
велосипедный пробег по Кавказу.
Мы, вспоминал Н. Д. Виткевич,
«загорелись мыслью проехать по
местам революционной
деятельности товарища Сталина.
Подобрали группу и покатили на
велосипедах в Грузию. Приезжаем в
Тбилиси, что за оказия: закрыт музей
„гениального продолжателя“.
Потолкались немного,
посоветовались, и Сашка Брень (был
такой пробивной хлопец в группе)
предложил пойти за разрешением в
ЦК. А секретарем был Берия.
Лаврентий Павлович разрешил нам

осмотреть музей, запретив что-либо фотографировать и записывать» (14).

В этом пробеге принимал участие и Саня. По возвращении он написал выдержанный в духе того времени очерк о своих впечатлениях, который увидел свет на страницах факультетской стенной газеты и которым, как отмечал Н. Д. Виткевич, потом козыряло факультетское начальство (15).

Пребывание А. И. Солженицына в университете совпало с известными открытыми процессами над «сторонниками Троцкого»: 19–24 августа 1936 г. по делу о троцкистско-зиновьевском террористическом центре

(Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и др.) (16), 23–30 января 1937 г. — по делу об антисоветском троцкистском центре (Л. Г. Пятаков, К. Радек и др.) (17), 2-13 марта 1938 г. — по делу об антисоветском правотроцкистском центре (Н. И. Бухарин, Н. Н. Крестинский и др.) (18). Репрессии затронули и Ростовский университет (19).

Судебные процессы сопровождались собраниями, на которых принимались резолюции с одобрением выносимых приговоров (20). Если школьник Солженицын уже в двенадцать лет ощущал «избыточность, ложь, подстройку» в материалах процесса по делу

Промпартии, если уже тогда он рассматривал процесс по делу меньшевиков как «унылое бездарное повторение», мог ли он с доверием относиться к публиковавшимся материалам открытых судебных процессов 1936, 1937, 1938 гг.? Однако если А. И. Солженицын и испытывал на этот счет какие-то сомнения, он их не показывал и, по свидетельству его однокурсника Э. Мазина, вел себя как «верный ленинец» (21).

По окончании второго курса, 2 июля 1938 г., «верный ленинец» признался Наталье Решетовской в любви (22), после чего вместе с Н. Виткевичем снова отправился в

велопоход, на этот раз на Украину по местам славы Гражданской войны (23).

Когда после летних каникул А. И. Солженицын вернулся в университет, в его жизни произошло событие, о котором он поведал со страниц «Архипелага».

«Я, — пишет он, — вспоминаю третий курс университета, осень 1938 года. Нас, мальчиков-комсомольцев, вызывают в райком комсомола *раз и второй раз* и, *почти не спрашивая* о согласии, суют нам заполнять анкеты: дескать, довольно с вас физматов, химфаков, Родине нужней, чтобы шли вы в училище НКВД... Годом раньше тот

же райком вербовал нас в авиационные училища. И мы тоже отбивались (жалко было университет бросать), но не так стойко, как сейчас» (24). «Все же кое-кто из нас завербовался тогда. Думаю, что если б очень крепко нажали — сломали б нас... всех» (25).

И в первом, и во втором случае речь шла о направлении в училища по путевкам комсомола. Поэтому в райком приглашали только тех, кто заслуживал доверия. Это значит, что в глазах райкома А. И. Солженицын выглядел достойным служить в органах НКВД.

Но дело не только в этом. Даже самый наивный читатель понимает,

что между «вербовкой» в авиационное училище и училище НКВД — огромная разница. В авиационные училища двери были открыты для всех, в училища НКВД — для самых надежных. А поскольку тогда существовала тотальная система контроля над обществом и у каждого учебного заведения был свой куратор из органов государственной безопасности, можно не сомневаться, что прежде чем вызвать А. И. Солженицына для собеседования, райком комсомола согласовал с ним список рекомендуемых.

Приравнивая «вербовку» в училище НКВД к вербовке в

авиационное училище и придавая первой массовый характер, Александр Исаевич явно лукавил.

Когда я попросил Н. Д. Виткевича рассказать, как в это училище вербовали его, он возмутился и заявил, что его туда никто не приглашал. Более того, он сказал, что вообще не помнит подобного эпизода в университете, а о вербовке своего друга узнал только из «Архипелага» (26). Только из «Архипелага» об этом узнала и Н. А. Решетовская (27).

Получается, что А. И. Солженицына вербовали тайно и он скрыл данный факт как от ближайшего друга, так и от невесты.

Это уже похоже на правду. Но тогда рассказанная им история приобретает совершенно иной характер и совершенно иной характер приобретает его «исповедь». Это уже не откровения, а попытка придать серьезному эпизоду несерьезный характер.

В связи с вербовкой в училище НКВД А. И. Солженицын посетил райком как минимум дважды («раз и второй раз»). Может быть, его уговаривали, а он «отбивался»? Нет, оказывается в райкоме *«почти не спрашивая о согласии»*, ему и его товарищам было предложено *«заполнять анкеты»*. «Почти не спрашивая» означает одно —

следовательно, все-таки спрашивали и только потом предлагали анкеты. Из этого явствует, что Александр Исаевич изъявил готовность надеть на плечи военную форму с краповыми петлицами и, если после вторичного посещения райкома и заполнения анкеты перед ним не открылись двери училища НКВД, то причина этого заключалась не в его нежелании, а в чем-то другом.

Как прошел третий курс, мы не знаем.

Летом 1939 г.
А. И. Солженицын, Н. Д. Виткевич и
К. С. Симонян как отличники без
экзаменов поступили на заочное
отделение Московского института

истории, философии и литературы (МИФЛИ). Факт сам по себе редкий. И не только потому, что даже сейчас не часто можно встретить человека, который одновременно учится в двух вузах, но и потому, что для заочного обучения требуются документы с места работы (28).

После первой, установочной сессии Александра Солженицын и Николай Виткевич отправились в новое путешествие, на этот раз по Волге — теперь на родину В. И. Ленина в Ульяновск (29). Кроме обычного отчета о путешествии, в факультетской стенной газете, появилось солженицынское стихотворение

«Ульяновск» (30).

В конце четвертого курса, 27 апреля 1940 г., никому не сказав об этом, Александр и Наталья официально вступили в брак, (31). «Через несколько дней» после этого Н. А. Решетовская «уехала в Москву на производственную практику». «Там, — вспоминала она, — я познакомилась со своим дядей», известным кинодраматургом Валентином Константиновичем Туркиным, а также с его первой женой Вероникой Николаевной и их дочерью тоже Вероникой. «Жила я, — читаем мы в воспоминаниях Н. А. Решетовской далее, — у Вероники Николаевны... на

Патриарших прудах... 18 июня... помчалась встречать своего мужа», приехавшего на летнюю сессию в МИФЛИ (32). А «в конце июля мы, по совету дяди, поселились в Тарусе, где провели свой „медовый месяц“», и «только из Тарусы мы написали нашим обеим мамам и друзьям, что поженились» (33).

По возвращении в Ростов-на-Дону, писала Наталья Алексеевна, «поселились мы отдельно, сняв комнату в Чеховском переулке», «дома нас ждал свадебный подарок: отличник, редактор факультетской газеты, активный участник всех комсомольских дел и художественной самодеятельности

— Саня стал получать сталинскую стипендию» (34). Чтобы правильно оценить этот факт, необходимо учесть, что в 1940 г. в университете на всех факультетах было только восемь сталинских стипендиатов (35).

«Несмотря на всю занятость, — подчеркивала в своих воспоминаниях Н. А. Решетовская, — весной сорок первого года мы участвовали в смотре художественной самодеятельности вузов и техникумов Ростовской области. Саня читал свои стихотворения „Гимн труду“ и „Ульяновск“... О нас писали в газетах „Молот“ и „Большевистская смена“. Потом

ростовчане увидели киножурнал местной хроники. Сталинский стипендиат Александр Солженицын, совмещая два высших учебных заведения, проводил эффектный опыт с аппаратом Тесла, затем готовил очередное задание для заочного института и, вложив его в конверт, разборчиво надписывал адрес МИФЛИ» (36).

Характеризуя свою литературную деятельность и имея в виду предвоенные годы, Александр Исаевич писал, обращаясь к Кириллу Симоняну: «К юности уже много было написано у каждого из нас, тетрадки, тетрадки — и наконец, мы стали посылать свои произведения

светилам — а светилы чаще не отвечали, а когда Лев Тимофеев прислал разгром и моих стихов, и твоих — для нас это был мрачный удар... Но тем не менее мы еще ходили робко к областному поэту Кацу, не напечатает ли он, а из „Молота“ Левин поощрял нас очень. А еще ты завлек меня в литературный кружок при Доме медработника...» (37).

Тогда же А. И. Солженицын делает первые опыты в прозе и задумывает роман о революции. Первоначально он относил возникновение его замысла к школьным годам (38), но, видимо, после знакомства с воспоминаниями

Н. А. Решетовской, которая с его же слов датировала это событие осенью 1936 г. (39), вынужден был присоединиться к ее датировке (40). По свидетельству Натальи Алексеевны, роман должен был называться «Люби революцию» и начинаться разгромом армии генерала Самсонова в августе 1914 г. (41). О том, как протекала работа над воплощением этого замысла, имеются разные сведения (42). Но самым показательным является тот факт, что отложившиеся к началу войны выписки из книг и черновые наброски отдельных глав составили всего лишь *«две тетрадоочки»* (43). Следовательно, в 1930-е гг. работа

над романом не вышла за рамки начальной стадии. Неудивительно, что о ней ничего не знали даже ближайшие друзья его автора (44).

Отказавшись от эпического замысла, А. И. Солженицын попытался проверить свои способности в другом жанре. Так появились на свет три рассказа «Заграничная командировка», «Николаевские» и «Речные стрелочники» (45). Герой первого из них — ученый, который собирается в заграничную командировку и думает о невозвращении, ночь он не спит, а утром включает радио, слышит увертюру к опере «Руслан и Людмила» и понимает, что бросить

Родину не может. Во втором рассказе речь шла о старике, который что-то прятал, это было замечено, явились чекисты, произвели обыск и обнаружили старые, никому уже ненужные, николаевские деньги. Последний рассказ представлял собою очерк о путешествии А. И. Солженицына и Н. Д. Виткевича летом 1939 г. по Волге (46).

Имеются сведения, что свои литературные опыты Александр Исаевич посылал Б. Лавреневу (47), Л. Тимофееву (48) и К. Федину (49).

Между тем обучение в университете подошло к концу. Сдав государственные экзамены,

А. И. Солженицын получил диплом учителя математики и характеристику, в которой говорилось: «Тов. Солженицын Александр Исаевич — студент 5 курса физмата РГУ (*математическая специальность*) является отличником учебы и сталинским стипендиатом. На протяжении пяти лет пребывания в университете тов. Солженицын получал только отличные оценки, совмещая занятия в университете с заочным обучением на литературном факультете. К сожалению, это последнее совместительство не дало возможности тов. Солженицыну получить оригинальные результаты в

своей курсовой работе. Тов. Солженицын ведет большую общественную работу — редактор стенной газеты и староста курса. Деканат физмата рекомендует тов. Солженицына на должность ассистента вуза или аспиранта. Ректор РГУ (Белозеров). Секретарь партийного бюро (Ракитин)» (50).

Из обоза в разведку

Закончив Ростовский университет, Александр Солженицын отправился в Москву, где его ожидала очередная экзаменационная сессия в МИФЛИ (1). В столицу он прибыл 22

июня, «но едва устроился в общежитии, по радио сообщили о войне с Германией». «Многие студенты МИФЛИ записывались добровольцами, — вспоминала Наталья Алексеевна. — Санин военный билет остался в Ростове. Надо возвращаться» (2).

В этих словах по крайней мере две неточности.

Во-первых, тогда «военный билет» представлял собою удостоверение личности только командного состава, рядовым выдавались «красноармейские книжки» (3), причем, как отмечается в литературе, после финской войны рядовой и сержантский состав

некоторое время не имел и красноармейских книжек (4). По этой причине забывать дома А. И. Солженицыну было нечего.

Во-вторых, и это самое главное, военнообязанного могут призвать на службу только по месту прописки (5). Поэтому если в конце июня 1941 г. Александр Исаевич вернулся домой, то только потому, что в связи с началом войны занятия в МИФЛИ были прекращены.

Как утверждала Н. А. Решетовская, добравшись до Ростова, ее муж сразу же бросился в военкомат. «Он рвался на фронт», «предлагал себя в военкомате то в артиллерию, то в переводчики», но

его почему-то не брали (6). Факт сам по себе очень странный, особенно в условиях мобилизации.

В эти летние дни 1941 г. вместо армии Александр Исаевич едва не оказался за колючей проволокой. «В тылу первый же военный поток, — пишет он в «Архипелаге», имея в виду аресты, — был — распространители слухов и сеятели паники, по специальному внекодексовому Указу, изданному в первые дни войны... Мне едва не пришлось испытать этот Указ на себе: в Ростове-на-Дону я стал в очередь к хлебному магазину, милиционер вызвал меня и повел для счета. Начинать бы мне было сразу

ГУЛАГ вместо войны, если бы не *счастливое заступничество*» (7).

Неужели сталинский стипендиат в хлебной очереди 1941 г. вел паникерские разговоры? И что это были за влиятельные «заступники», которые смогли вырвать его из рук НКВД?

Между тем стремительно пронеслась последняя неделя июня, промчался июль, прошел август. Немецкие войска все дальше и дальше продвигались в глубь страны. Почти все сверстники А. И. Солженицына были в армии, но его не призывали.

Мы уже знаем, что по окончании университета Александр

Исаевич был рекомендован «на должность ассистента вуза или аспиранта». Какую же из этих двух перспектив он выбрал? Оказывается, ни ту, ни другую. 20 августа 1941 г. он стал учителем математики средней школы № 1 им. Луначарского в небольшом районном городке Морозовске, который располагался примерно в 250 километрах северо-восточнее Ростова-на-Дону, почти у самой границы с Сталинградской областью (8). «С первого сентября, — читаем мы в воспоминаниях

Н. А. Решетовской, — мы начали учить ребятишек в городе Морозовске» (9).

И только через полтора месяца, когда немецкие войска вплотную подошли к Москве и завязались ожесточенные бои на ее подступах, А. И. Солженицын, наконец, получил повестку. «В середине октября, — вспоминала Наталья Алексеевна, — Саню призвали. Но вместо желанной артиллерии отличный математик попал в *обоз*» (10).

Из документов: «18 октября 1941 г. — Солженицын А. И. мобилизован Морозовским Райвоенкоматом. Зачислен рядовым в 74-й Отдельный Гужтранспортный батальон (ОГТБ), подчиненный штабу Сталинградского ВО, расквартированный в Ново-

Анненском районе Сталинградской области» (11).

Очень странно, что А. И. Солженицына призвали в армию только через четыре месяца после начала войны. И почти невероятно, что его, закончившего физико-математический факультет университета, причем с отличием, в условиях нехватки офицерских кадров направили в обоз.

Как такое могло получиться?

Объясняя этот факт, Александр Исаевич в своей автобиографии, направленной в адрес Нобелевского

комитета, отмечал, что оказался в обозе «из-за ограничений по здоровью» (12). С чем именно были связаны эти ограничения, он не указал. Это сделала Н. А. Решетовская. В своих первых воспоминаниях, изданных в 1975 г., она писала: «Саня был *ограниченно годен* к военной службе», «виной была его *нервная система*» (13).

Какая же была связь между «нервной системой» сталинского стипендиата и его «ограниченной годностью» к военной службе? Ведь все, что до сих пор известно о нем, свидетельствует: его «нервной системе» можно только позавидовать.

Разъяснение на этот счет мы находим в интервью, которое Наталья Алексеевна дала в 1990 г. журналистке Е. Афанасьевой для ростовской газеты «Комсомолец». Отметив, что факт «ограниченной годности» ее мужа к военной службе удостоверяла имевшаяся у него на руках справка, Н. А. Решетовская сказала: «Он даже *немного постарался* получить эту справку, боялся, что в мирное время военная служба повредит осуществлению планов. А тут война» (14).

«Немного постарался» означает только одно: «ограниченная годности» к военной службе была не следствием расстройства «нервной

системы», а результатом стараний самого сталинского стипендиата.

Когда я обратился к Наталье Алексеевне с вопросом, в чем именно заключались эти «старания», она объяснила, что, опасаясь призыва в армию, ее муж обратился за помощью к Лиде Ежерец, отец которой, будучи врачом, помог А. И. Солженицыну получить освобождение от военной службы. При этом Наталья Алексеевна пояснила, что к подобной «хитрости» Александр Исаевич прибег только для того, чтобы иметь возможность закончить университет (15).

Если

свидетельство

Н. А. Решетовской о происхождении «ограниченной годности» ее мужа к военной службе соответствует действительности, а у нас нет никаких оснований ставить его под сомнение, так как сам А. И. Солженицын до сих пор его не опроверг, становится понятно и то, почему он не был призван в армию в первые дни войны, и то, почему первоначально его, одного из лучших выпускников университета, «верного ленинца» и сталинского стипендиата, отправили в обоз.

Оказавшись в армии, А. И. Солженицын вскоре сообщил жене, что его направили в тыл. Так началась военная переписка. По

утверждению Н. А. Решетовской, всего за 1941–1945 гг. она получила от мужа 248 писем (16). Это — два письма в неделю.

В своей неоконченной повести о войне Александр Исаевич живописует, как, оказавшись в обозе, ее герой, прототипом которого был он сам, Глеб Нержин всячески старался перейти в артиллерию, как ему удалось получить командировку в штаб военного округа и как здесь он сумел осуществить свое желание. Его очередная просьба, наконец, была удовлетворена (17).

Подобным же образом рисует судьбу своего мужа и Н. А. Решетовская. По ее словам,

Саня действительно был направлен в командировку. «Эта командировка в Сталинград, — писала она, — решила его судьбу: диплом с отличием произвел магическое впечатление. Саня тут же получил направление в артиллерийское училище» (18).

Однако у нас нет никаких сведений о том, что А. И. Солженицын сам изъявил желание уйти на фронт. Нам неизвестны ни его пламенные заявления на этот счет, которыми он якобы бомбардировал свое начальство, ни свидетельства сослуживцев. Более того, подчеркивая желание мужа попасть

на фронт, Наталья Алексеевна не привела на этот счет ни одного фрагмента из его писем к ней, хотя он писал ей дважды в неделю.

Между тем, есть основания утверждать, что, находясь в обозе, он мечтал не о фронте. В свое время у Н. А. Решетовской мне удалось познакомиться со своеобразной летописью жизни ее мужа, которую она называла «Хронографом». В нем зафиксирован фрагмент из его письма, датированного 15 января 1942 г., в котором, подчеркивая, что его «угнетает» «положение *рядового* обозника», Александр Исаевич писал «...мечтаю о конце войны, о свидании с родными, о работе за

письменным столом, о МИФЛИ» (19). Мечты вполне понятные и объяснимые, но свидетельствующие, что автор письма хотя и мечтал о «конце войны», отнюдь не горел желанием быть на фронте.

В связи с этим нельзя не обратить внимания, что в армию А. И. Солженицын был призван в октябре 1941 г., а направление в училище получил только в марте 1942 г., т. е. через пять месяцев. Неужели он так был нужен в обозе, что его никак не хотели отпускать на фронт?

18 марта 1942 г. «по путевке штаба Сталинградского Военного округа» рядовой А. И. Солженицын

был «направлен в АККУКС (гор. Семенов Горьковской области) на курсы командиров батарей» (20). 23 марта по пути на новое место он завернул в Морозовск, чтобы навестить жену (21). В городе Семенове Александр Исаевич пробыл несколько дней, после чего 9 апреля 1942 г. получил новое направление — на этот раз «в 3-е Ленинградское артиллерийское училище», которое размещалось в Костроме, и 14 апреля стал его курсантом (22).

А пока курсант А. И. Солженицын осваивал основы артиллерийского искусства, немецкие войска подошли к Ростову-

на-Дону. Началась эвакуация.^[3]
Наталья Алексеевна, Мария
Константиновна и Таисия Захаровна
добрались до Минеральных Вод,
откуда Наталья Алексеевна с
матерью отправилась в Кисловодск
(там жила сестра Марии
Константиновны), а Таисия
Захаровна — к своей сестре в
Георгиевск, «вскоре занятый
немцами» (23).

В ночь с 4 на 5 августа 1942 г. в
Кисловодске тоже была объявлена
тревога, снова началась эвакуация.
«Я, — вспоминала
Н. А. Решетовская, — вскочила и
бросилась собирать то, с чего
начинала и в Ростове: дорогие

фотографии, Сашины письма и стихи, особенно любимые мною его рассказы, свои дневники» (24). 6 августа Н. А. Решетовская с матерью были в Пятигорске, затем Баку — Ташкент — Алма-Ата. В столицу Казахстана они прибыли в ночь с 6 на 7 сентября. 21 сентября здесь Наталья Алексеевна получила «известие о том, что Саня в Костроме», а 23 сентября отправилась в Талды-Курган, где стала преподавателем техникума (25).

Через подругу Таисии Захаровны, которая жила в Ташкенте (по всей видимости, Е. Андрееву-Федоровскую), Н. А. Решетовская

узнала новый адрес мужа (26), 13 октября в Талды-Курган пришла телеграмма из Костромы, после чего переписка между Александром и Натальей возобновилась. Один из первых вопросов, который интересовал Александра Исаевича: сохранились ли его «писания» и «зачетная книжка МИФЛИ»? (27). Из переписки Александра Исаевича с женой явствует, что главным его желанием в то время было — погрузиться в литературное творчество, он хотел написать повесть о студентах на войне под названием «Шестой курс» (28).

К сожалению, пока не удалось обнаружить воспоминаний о

пребывании А. И. Солженицына в военном училище. Но вот что об этом времени он пишет сам: «Постоянно в училище мы были голодны, высматривали, где бы тяпнуть лишний кусок, ревниво друг за другом следили — кто словчил. Больше всего боялись не доучиться до кубиков (слали недоучившихся под Сталинград). А учили нас — как молодых зверей: чтоб обозлить больше, чтоб нам потом отыграться на ком-то хотелось. Мы не высыпались — так после отбоя могли заставить в одиночку (под команду сержанта) строевой ходить — это в наказание. Или ночью поднимали весь взвод и строили

вокруг одного нечищенного сапога: вот! он, подлец, будет сейчас чистить и пока не до блеска — будете все стоять. И в страстном ожидании кубарей мы отрабатывали тигриную офицерскую походку и металлический голос команд» (29).

Делая эту зарисовку, Александр Исаевич не отделял себя от общей массы курсантов и, употребляя понятие «мы», имел в виду и себя. Это значит, он тоже «высматривал, где бы тяпнуть лишний кусок», «ревниво» следил за теми, «кто словчил», «больше всего боялся не доучиться до кубиков» и оказаться «под Сталинградом». И если выделялся из общей массы, то только

тем, что был «лучшим учеником», и «в страстном ожидании кубарей» успешнее отрабатывал «тигρινую офицерскую походку и металлический голос».

Через семь месяцев училище было закончено. 1 ноября 1942 г. приказом командующего Московского военного округа А. И. Солженицыну было присвоено звание лейтенанта, 5 ноября 1942 г. его зачислили «в 9-й ЗРАП», расквартированный в г. Саранске Марийской ССР (30).

Широкое распространение получил миф, будто бы во время войны Александр Исаевич служил то ли артиллеристом (31), то ли

зенитчиком (32). Между тем приведенное выше слово «ЗРАП» означает Запасной *разведывательный* артиллерийский полк. Это значит, что закончив артиллерийское училище, А. И. Солженицын получил направление не в артиллерию, а в артиллерийскую разведку, что совсем не одно и то же. Батарея А. И. Солженицына состояла не из орудий залпового огня, а из специальных приборов, которые позволяли засекают огневые точки противника (33).

5 декабря 1942 г. по прибытии в Саранск Александр Исаевич был назначен командиром батареи

звуковой разведки 794-го ОАРАД (Отдельного Армейского Разведывательного Артиллерийского Дивизиона) (34).

«И вот — навинчены были кубики! — пишет А. И. Солженицын, — И через какой-нибудь месяц, формируя батарею в тылу, я уже заставил своего нерадивого солдатика Бербенёва шагать после отбоя под команду непокорного мне сержанта Метлина... И какой-то старый полковник из случившейся ревизии вызвал меня и стыдил. А я (это после университета!) оправдывался: нас в училище так учили» (35). И хотя позднее Александр Исаевич выражал

раскаяние по этому поводу, невольно вспоминается эпизод из пьесы Евгения Шварца «Дракон»: один из ее героев Генрих, холоп дракона, оправдывается перед рыцарем Ланселотом: «Я не виноват, меня так учили». «Всех учили, — отвечает ему Ланселот, — но почему ты, скотина этакая, был первым учеником».

Именно в это время (19 ноября 1942 — 2 февраля 1943 гг.) Красная Армия перешла в наступление под Сталинградом. В одном из писем тех дней А. И. Солженицын с энтузиазмом «первого ученика» писал Н. А. Решетовской:

«Наступление под
Сталинградом! Долгожданное!

Сталин не выбирает второстепенных фронтов, он бьет Гитлера на главных: на Кавказе, на Волхове» (36).

Образцовый офицер

Сталинградская битва знаменовала собою начало коренного перелома в Великой Отечественной войне. Когда эта битва завершилась, А. И. Солженицына, наконец, отправили на фронт. Это произошло 13 февраля 1943 г. (1) Из Саранска через Ярославль, Бологое, Осташков его батарея была доставлена в район Старой Руссы (2) и включена в состав 13 артиллерийской дивизии 1-

й Ударной армии Северо-Западного фронта (3). Но воевать здесь ей не пришлось. Весной ее перебросили в другое место (4). В одном из документов, характеризующих военный путь А. И. Солженицына, мы читаем: «Май 1943 г. — Брянский (позже Центральный, позже 1-й Белорусский фронт) — 63-я армия (ген. Колпакчи), 794 ОАРАД» (5).

По признанию самого Александра Исаевича, его военная профессия принадлежала к числу редких. В среднем на одну армию приходилось по две батареи звуковой разведки (6). Поэтому в Красной Армии того времени насчитывалось лишь около 150 подобных батарей.

Причем возглавляемая А. И. Солженицыным батарея входила в состав бригады, состоявшей в Резерве главного командования (7).

Для правильного понимания характера военной службы Александра Исаевича, необходимо учитывать также, что «на среднепересеченной местности стреляющие орудия, минометы и ракетные средства залпового огня засекаются подразделениями звуковой разведки» на расстоянии от 5 до 20 км (8), т. е. далеко от передовой. К этому нужно добавить, что звуковая разведка «организационно входит в состав

разведывательного артиллерийского дивизиона» (9), а значит, представляет собою подразделение военной разведки (10).

«На фронте, — читаем мы в воспоминаниях

Н. А. Решетовской, — Саню поджидал сюрприз: встретился с Кокой — Николаем Виткевичем» (11). Эта встреча произошла 12 мая на реке Неручь под городом Новосилем (недалеко от Орла) (12).

Н. Д. Виткевич был призван в армию в конце июня 1941 г. и направлен в Москву на командные курсы при Военной академии химзащиты, по окончании которых в октябре 1941 г. получил звание

лейтенанта и назначение на должность начальника химслужбы 866 стрелкового полка 287 стрелковой дивизии 3 армии (13). Незадолго до встречи со своим другом Николай Дмитриевич был повышен в звании, в мае 1943 г. принят в ВКП(б) и назначен командиром 61-й роты химзащиты 41-й стрелковой дивизии 63-й армии, в сентябре 1943 г. стал капитаном и возглавил химслужбу отдельного саперно-минерного батальона этой же дивизии (14).

Н. А. Решетовская узнала о встрече друзей 7 июля. «После каждой из таких встреч — вспоминала она, — я получаю

подробный отчет»^[4] (15).

Как отмечала Наталья Алексеевна, ее муж очень скупое писал о том, что происходило на фронте, зато делился мыслями о своих планах на будущее.

«Ты и все почти думают о будущем в разрезе своей личной жизни и личного счастья. — подчеркивал он. — А я давно не умею мыслить иначе, как: **что я могу сделать для ленинизма**, как мне строить для этого жизнь?» (16). И далее: «Следуя гордому лозунгу „Единство цели“, я должен замкнуться в русской литературе и Истории Коммунистической партии» (17).

«Замыкавшийся» в свободное время в литературе, А. И. Солженицын держал жену в курсе своего творчества. В письмах упоминаются его новые рассказы «В городе М», «Лейтенанты», «Письмо 254». Сообщая о них жене, Александр Исаевич писал, что хотел бы «получить поддержку от Федина, Лавренева, Тимофеева и других» (18). В качестве посредницы им была использована Лидия Ежерец, семья которой к этому времени переселилась в Москву (19). Особенно Александра Исаевича интересовало мнение К. А. Федина. Упоминая об этом в одном из писем к Н. А. Решетовской, он отмечал:

если последний не найдет в его рассказах таланта, то он бросит писать («вырву сердце из груди, растопчу 15 лет своей жизни») и после войны «перейдет на истфак, но свой вклад в ленинизм все равно сделает» (20).

Насколько известно, ответ пришел только от Б. А. Лавренева.

«И, наконец, он у мужа, — вспоминала Наталья Алексеевна, — а у меня — письмо, где Саня сообщает, что вот уже 10 часов вертит в руках отзыв Лавренева и никак не разберется в своем настроении. Лавренев помнит все, что посылалось ему в мае 1941 года! А все его похвалы заключаются в

следующих фразах: „Автор прошел большой путь, созрел и сейчас можно уже говорить о литературных произведениях. Способность автора к литературному труду не вызывает у меня сомнения, и мне думается, что в спокойной обстановке после войны, отдавшись целиком делу, которое он, очевидно, любит, автор сможет достигнуть успехов“» (21).

Ответ явно дипломатический.

К сожалению, почти неизвестны свидетельства бывших сослуживцев А. И. Солженицына, позволяющие представить его как офицера (22). Тем ценнее его собственные воспоминания: «Я метал подчиненным беспспорные приказы,

убежденный, что лучше тех приказов и быть не может. Даже на фронте, где всех нас, кажется, равняла смерть, моя власть возвышала меня. Сидя, я выслушивал их, стоящих по „смирно“. Обрывал, указывал. Отцов и дедов называл на „ты“ (они меня на „вы“, конечно). Посылал их под снарядами сращивать разорванные провода, чтобы только шла звуковая разведка и *не попрекало начальство* (Андреяшин так *погиб*). Ел свое офицерское масло с печеньем, не раздумываясь, почему оно мне положено, а солдату нет. Уж, конечно, был у нас на двоих денщик (а по-благородному „ординарец“), которого я так и сяк озабочивал и

понукал следить за моей персоной и готовить нам всю еду отдельно от солдатской... Заставлял солдат горбить, копать мне особые землянки на каждом новом месте и накатывать туда бревёшки потолще, чтобы было мне удобно и безопасно. Да ведь позвольте, да ведь и гауптвахта в моей батарее бывала, да!.. еще вспоминаю: сшили мне планшетку из немецкой кожи (не человеческой, нет, из шоферского сидения), а ремешка не было. Я тужил. Вдруг на каком-то партизанском комиссаре (из местного райкома) увидели такой как раз ремешок — и сняли: мы же армия... Ну, наконец, и портсигара своего алого трофейного я жадовал,

то-то и запомнил, как отняли...». «Вот что с человеком делают погоны. И куда те внушения бабушки перед иконой! И — куда те пионерские грезы о будущем святом Равенстве!» (23).

Сочетая жесткую требовательность по отношению к подчиненным, необходимые профессиональные качества разведчика и умение правильно строить свои отношения с вышестоящим начальством, А. И. Солженицын сразу же зарекомендовал себя как образцовый офицер (24). Уже 26 июля 1943 г. командир 794 ОАРАД капитан Е. Ф. Пшеченко представил его к

ордену Отечественной войны II степени (25). 10 августа 1943 г. Александр Исаевич был удостоен этой награды (26). Прошло еще около месяца, и 15 сентября 1943 г. его произвели в старшие лейтенанты (27).

7 ноября 1943 г. в 26-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции старший лейтенант А. И. Солженицын направил жене письмо, в котором говорилось: «...В этот день самый мудрый из революционеров и самый революционный из мудрецов поставил мир на ноги... За два года кровью и храбростью мы

подтвердили свое право праздновать 7 ноября» (28).

В результате контрнаступления Красной Армии в 1943–1944 гг. немецкие войска были отброшены от Волги и вытеснены с Северного Кавказа (29). Н. А. Решетовская и ее мать получили возможность вернуться домой. Видимо, прежде чем покинуть Талды-Курган Наталья Алексеевна известила об этом мужа (30). Затем снова Алма-Ата и десять суток до Москвы. Здесь их встречал брат Марии Константиновны В. К. Туркин, с которым она не виделась тридцать лет (31).

А дома Наталью Алексеевну ждало «большое письмо» от мужа

(32). Оказывается, едва она успела добраться до Алма-Аты, как Александр Исаевич появился в Ростове-на-Дону (33). На основании свидетельства Н. А. Решетовской, а также ее переписки с мужем мы можем утверждать, что из части А. И. Солженицын уехал не ранее 22 марта (34), вернулся обратно не позднее 9 апреля (35).

По свидетельству А. И. Солженицына, весной 1944 г. он побывал не только в Ростове-на-Дону, но и Москве (36). Имеются также воспоминания бывшего офицера Л. В. Власова, с которым Александр Исаевич познакомился на ростовском вокзале, а затем

добирался до столицы. Расставаясь, они на всякий случай обменялись адресами и стали переписываться (37). Под Москвой в Барвихе А. И. Солженицын навестил К. С. Симоняна, который работал в правительственном санатории под началом А. М. Ежереца, своего будущего тестя (38).

Как именно Александру Исаевич удалось в разгар войны побывать в Ростове и Москве, он умалчивает. Н. А. Решетовская утверждает, что ее муж получил отпуск (39). Отпуск во время войны представлял собою большую редкость. Для этого требовалось стечение исключительных обстоятельств. А

поскольку ни Александр Исаевич, ни Наталья Алексеевна ничего не пишут на этот счет, заслуживает проверки версия, что появление А. И. Солженицына весной 1944 г. в тылу было связано не с отпуском, а с командировкой, причем, вероятнее всего, в Москву.

Что же писал он жене? Оказывается, о ее «поездке к нему на фронт» (40). Не успела Наталья Алексеевна обустроиться в Ростове-на-Дону, как здесь появился подчиненный А. И. Солженицына — сержант Илья Иосифович Соломин.

«Илья Соломин, — пишет Н. А. Решетовская, — привез мне в Ростов гимнастерку, широкий

кожаный пояс, погоны и звездочку, которую я прикрепила к темно-серому берету. Дата выдачи красноармейской книжки свидетельствовала, что я уже некоторое время служила в части. Было даже отпускное удостоверение. Но я не боялась — фронтовому офицеру ничего не сделают за такой маленький обман» (41).

Можно было бы допустить, что Наталья Алексеевна придумала эту историю, однако впервые о ней поведал сам А. И. Солженицын еще в 1963 г. (42) Нашла она отражение и «В круге первом», и в фотографиях того времени (43).

Что сразу же привлекает в рассказе Н. А. Решетовской?

Прежде всего история с документами, которые позволили ей добраться до фронта и проживать у мужа более месяца. Один из них она назвала сама — красноармейская книжка. Так как Наталья Алексеевна не служила в армии ни одного дня, красноармейская книжка была сфальсифицирована. Для этого нужны были чистый бланк, соответствующие печати, знание правил заполнения подобных документов. Кто мог это сделать? Разумеется, не А. И. Солженицын. Кроме того, Н. А. Решетовская имела

на руках отпускное удостоверение. Этот документ тоже требовалось подделать. Без участия соответствующих воинских служб сделать это было невозможно. Но кто из штабных офицеров тогда просто так стал бы рисковать своим положением? (44).

Когда Александр Исаевич вернулся на свою батарею, Н. Д. Виткевич оказался на другом участке фронта (45). «Весной 1944 г., — вспоминал Николай Дмитриевич, — немцы прорвали фронт под Ковелем, и стрелковую дивизию, где я служил, перебросили туда, мы вновь расстались с Солженицыным, возобновив

переписку» (46). Первое известное нам письмо датировано 30 мая 1944 г. (47).

Именно в майские дни 1944 г. на батарее А. И. Солженицына появилась Н. А. Решетовская. К ее приезду Александр Исаевич получил очередное воинское звание, стал капитаном. Приказ о присвоении ему этого звания был подписан 7 мая 1944 г. (48).

На батарее мужа Наталья Алексеевна пробыла около месяца, после чего отправилась в обратный путь (49). «Я была еще в пути, — вспоминала Н. А. Решетовская, — когда началось грозное наступление в Белоруссии» (50). Речь идет о

знаменитой операции «Багратион», начавшейся 24 июня 1944 г. (51). В успешном развитии этой операции был и вклад батареи звуковой разведки, возглавляемой А. И. Солженицыным. 6 июля 1944 г. командир Разведывательного артиллерийского дивизиона 63 армии майор Е. Ф. Пшеченко представил его к ордену Красной Звезды, 8 июля А. И. Солженицын был удостоен новой награды (52).

14 января 1945 года, продолжая наступление, войска 2-го Белорусского фронта прорвали оборону противника на протяжении более чем ста километров, через две недели вышли западнее Кёнигсберга

к Балтийскому морю и замкнули окружение крупной немецкой группировки (53).

Так А. И. Солженицын оказался на территории Восточной Пруссии. Свои впечатления об этом он попытался передать в автобиографической поэме «Дороженька» (глава «Прусские ночи») (54). В ней показывается, как советские войска шли по Пруссии, оставляя за собою разоренные дома, оскорбленных и изнасилованных женщин, трупы ни в чем неповинных мирных людей (55).

Я далек от того, чтобы идеализировать Красную армию, и сам слышал от бывших фронтовиков

о многих безобразиях, творимых нашими солдатами на оккупированной территории. Но в этих бесчинствах участвовали далеко не все. К какой же части советского воинства принадлежал главный герой поэмы, прототипом которого была ее автор? Оказывается, и он не удержался от грабежа (56), и он, пользуясь положением победителя, прельстился возможностью удовлетворить свою похоть (57) и он оказался причастен к убийству ни в чем неповинного человека (58).

«Ничто так не способствует пробуждению в нас всепонимания, как теребящие размышления *над собственными преступлениями*,

промахами и ошибками. — пишет А. И. Солженицын, — После трудных неоднолетних кругов таких размышлений говорят ли мне о бессердечии наших высших чиновников, о жестокости наших палачей — я вспоминаю себя в капитанских погонах и поход батареи по Восточной Пруссии, объятай огнем, и говорю: „А разве *мы* — были лучше?“...» (59).

На это Александру Исаевичу можно сказать: «Вы лучше не были, но не все были такими, как Вы».

Оказавшиеся в западне, немецкие воинские части пытались вырваться из нее, в результате чего 26–27 января 1944 г. батарея

А. И. Солженицына сама оказалась в окружении. Из него она вышла без потерь (60), за что командир батареи был представлен к новому ордену (61).

Однако получить его Александр Исаевич не успел.

Вскоре он был арестован.

Глава 2

Узник ГУЛАГа

«Ни на что непохожий арест»

Об этом эпизоде в жизни А. И. Солженицына мы узнали в 1962 г, когда в печати появилась первая биографическая справка о нем, в которой говорилось, что его арестовали «по необоснованному политическому обвинению» (1). Прошло два месяца, и 25 января 1963 г. на страницах еженедельника «Литературная Россия» журналист Виктор Буханов опубликовал

интервью с А. И. Солженицыным, в котором последний, говоря о своем аресте, уточнил, что был жертвой «злого навета», т. е. клеветы (2).

В марте 1967 г. Александр Исаевич дал новое интервью, на этот раз словацкому журналисту Павлу Личко. В нем он заявил, что причиной ареста явилась его переписка военных лет с другом детства: «Я был арестован из-за своих наивных детских идей. Я знал, что в письмах с фронта запрещено писать о военных делах, но я думал, что можно было реагировать на другие события. В течение длительного времени я посылал другу письма, ясно критикующие

Сталина» (3).

Вот вам и навет. Вот и клевета.

В 1970 г. А. И. Солженицын стал лауреатом Нобелевской премии. В 1971 г. на страницах «Ежегодника Нобелевского фонда» появилась его автобиография, в которой говорилось: «Арестован я был на основании цензурных извлечений из моей переписки со школьным другом в 1944–1945 гг., главным образом за *непочтительные высказывания* о Сталине... Дополнительным материалом „обвинения“ послужили найденные у меня в полевой сумке *наброски рассказов и рассуждений*» (4).

Прошло еще несколько лет, и 2

февраля 1974 г. А. И. Солженицын выступил с «Заявлением прессе», в котором полемизируя с Н. Д. Виткевичем, заявил: «Отлично знает он, что от моих показаний не пострадал никто, а наше с ним дело было решено независимо от следствия и еще до ареста: обвинения взяты из нашей подцензурной переписки (она фотографировалась *целый год*) с *бранью* по адресу Сталина, и потом — из „*Резолюции № 1*“, изъятой из наших полевых сумок, составленной нами совместно на фронте и *осуждавшей наш государственный строй*» (5).

Таким образом, за двенадцать

лет из-под пера Александра Исаевича вышли три совершенно разные версии его первого ареста. Факт уже сам по себе примечательный, особенно для человека призывающего жить не по лжи.

Но дело не в том, чтобы в очередной раз уличить А. И. Солженицына в неправде. Этот арест во многом предопределил всю его будущую жизнь. Поэтому для правильного ее понимания необходимо знать, что же произошло с ним в 1945 г. на самом деле?

Архивные материалы, связанные с этим эпизодом, до сих пор остаются для исследователей недоступны. Только два человека

получили возможность
познакомиться с ними и частично
предать их огласке: бывший
заместитель главного военного
прокурора СССР генерал-лейтенант
юстиции в отставке Борис
Алексеевич Викторov (6) и
журналист Кирилл Анатольевич
Столяров (7). Именно они
опубликовали постановление, на
основании которого был произведен
арест А. И. Солженицына.

Вот текст этого документа,
обнародованный К. А. Столяровым,
по его утверждению, «без
существенных сокращений»:

«Гор. Москва, 30 января 1945 года.

Я, ст. оперуполномоченный 4 отдела 2 управления НКГБ СССР,^[5] капитан Госбезопасности ЛИБИН, рассмотрел поступившие в НКГБ СССР материалы о преступной деятельности СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича, 1918 года рождения, урож. гор. Кисловодска, русского, беспартийного, с высшим педагогическим образованием, находящегося в настоящее время в Красной Армии в звании капитана.

Имеющимися в НКГБ СССР материалами установлено, что СОЛЖЕНИЦЫН создал антисоветскую молодежную группу

и в настоящее время проводит работу по сколачиванию антисоветской организации.

В переписке со своими единомышленниками СОЛЖЕНИЦЫН критикует политику партии с троцкистско-бухаринских позиций, постоянно повторяет троцкистскую клевету в отношении руководителя партии тов. СТАЛИНА.

Так в одном из писем к своему единомышленнику ВИТКЕВИЧУ СОЛЖЕНИЦЫН 30 мая 1944 года писал:

„...Тщательно и глубоко сопоставив цитаты, продумав и покурив, выяснил, что (Сталин) понятия не имеет о лозунгах по

крестьянскому вопросу и (нецензурно) мозги себе и другим. В октябре 17 года мы опирались на все кр-во, а он утверждает, что на беднейшее...“.

В письме к ВИТКЕВИЧУ от 15/VIII — 44 г. СОЛЖЕНИЦЫН указывает:

„...3) В отношении теоретической ценности (СТАЛИНА) — ты абсолютно прав. Больше того, (он) очень часто грубо *ошибается* в теории и я наглядно мог бы продемонстрировать тебе это при встрече на примере трех лозунгов по крестьянскому вопросу (одному из кардинальнейших вопросов Октябрьской р-ции)“.

В письме к своей жене
РЕШЕТОВСКОЙ в ответ на ее
сообщение о результатах экзаменов,
которые она сдавала в аспирантуру,
СОЛЖЕНИЦЫН 14/X — 44 г. писал:

„...А что ты не ответила на
вопрос о *трех* сторонах диктатуры
пролетариата, не унывай, ибо это уже
не ленинизм, а позже — понимаешь?
И ничего общего с серьезной теорией
не имеет. Просто *кое-кто*, не
понимая всей глубины
бесконечности, любит примитивно
считать на пальцах“.

По этому же поводу
СОЛЖЕНИЦЫН пишет
ВИТКЕВИЧУ:

„...Я указал ей (жене), что

всякие учения о *трех* сторонах, *пяти* особенностях, *шести* условиях никогда даже не лежали рядом с ленинизмом, а выражают чью-то манеру считать по пальцам“.

В письме тому же адресату СОЛЖЕНИЦЫН 15 августа 1944 года указывал о необходимости после войны обосноваться в Ленинграде, мотивируя это следующим:

„...Москва тоже не нужна, а нужен Ленинград, не свободный город торгашей, а пролетарский и интеллигентный умный город... К тому же по традициям (подумай!) чужд (СТАЛИНУ)“.

Будучи на фронте СОЛЖЕНИЦЫН в письмах советует

единомышленникам *избегать боев*, беречь „силы“ для активной борьбы после войны.

В письме ВИТКЕВИЧУ от 25 декабря 1944 года он пишет:

„...Письмо и злоба твоя отозвались во мне очень громко... Я всегда стараюсь избегать боя — главным образом потому, что надо *беречь силы*, не растрачивать резервов — и не тебя мне пропагандировать в этом...“.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 146 и 157 УПК РСФСР, —

ПОСТАНОВИЛ:

„СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича подвергнуть обыску и

аресту с этапированием в Москву для ведения следствия...“» (8).

Постановление было подписано начальником 4-го отдела Второго управления НКГБ СССР подполковником А. Я. Свердловым и заместителем наркома госбезопасности Б. З. Кобуловым. 31 января его утвердил заместитель Генерального прокурора СССР, главный военный прокурор А. П. Вавилов (9).

Из прокуратуры постановление было передано в Главное управление контрразведки (СМЕРШ) Народного комиссариата обороны СССР, которое тогда возглавлял

В. С. Абакумов. Отсюда 2 февраля 1945 г. за подписью генерал-лейтенанта Бабича в контрразведку «Смерш» Второго Белорусского фронта ушла секретная телеграмма № 4146 о необходимости ареста А. И. Солженицына (10).

Контрразведка фронта отдала соответствующее распоряжение контрразведке 48 армии. И 9 февраля 1945 г. на командном пункте 68-й Севско-Режицкой бригады, который располагался в Восточной Пруссии на побережье Балтийского моря в небольшом городке Вормдйт (11), А. И. Солженицын был арестован (12).

«Комбриг, — читаем мы

„Архипелаге ГУЛАГ“, — вызвал меня на командный пункт, спросил зачем-то мой пистолет, я отдал, не подозревая никакого лукавства, — и вдруг из напряженной неподвижной в углу офицерской свиты выбежали двое контрразведчиков, в несколько **прыжков** (видимо, до этого служили в балете или в ансамбле песни и пляски — А.О.) пересекли комнату и, четырьмя руками **одновременно** (значит, долго тренировались — А.О.) хватаясь за звездочку на шапке (зачем? — А.О.), за погоны (обратите внимание — за погоны, а не за погон — А.О.), за ремень, за полевую сумку, **драматически закричали** (в два голоса — А.О.): „Вы

арестованы!“» (13).

Попробуйте, если у вас есть хотя бы небольшое воображение, представить эту картину, не забывая при этом, что двое обыкновенных контрразведчиков имели только четыре руки. Читать без улыбки приведенные строки нельзя. Не нужно большого ума, чтобы понять: нарисованная А. И. Солженицыным картина — плод фантазии. Или никакого ареста не было, или же он происходил совсем не так.

Далее, по А. И. Солженицыну, контрразведчики («капитан и майор») «выпотрошили» его полевую сумку, сорвали погоны, сняли с шапки звездочку, забрали ремень,

после чего вытолкали арестованного во двор, посадили в черную эмку и повезли в контрразведку штаба армии, которая находилась в прусском городке Остероде (14).

«В ту ночь, — пишет Александр Исаевич, — смершевцы совсем отчаялись разобраться в карте (они никогда в ней и не разбирались), и с любезностями вручили ее мне и просили говорить шоферу, как ехать в армейскую контрразведку. Себя и их я сам привез в эту тюрьму и в благодарность был тут же посажен не просто в камеру, а в карцер» (15).

По словам А. И. Солженицына, в контрразведку 48-й армии его доставили «после полуночи», и,

видимо, только здесь был составлен протокол обыска (16). Из интервью Б. А. Викторова явствуется, что «в [следственном] деле есть список, отобранного у Солженицына при аресте. В нем записаны: портрет Троцкого, портрет Николая II, дневник» (17). Неужели командир батареи, советский офицер носил в своей полевой сумке портреты не только свергнутого царя — «Николая Кровавого», но и «врага народа» Л. Д. Троцкого, обвинявшегося в связях с гестапо?

«Я, — вспоминает А. И. Солженицын, — как раз был четвертым, втолкнул уже после полуночи» в карцер армейской

контрразведки (18).

На следующий день утром арестованных построили во дворе. «Когда меня из карцера вывели строиться, — пишет Александр Исаевич, — арестантов уже стояло семеро, три с половиной пары, спинами ко мне. Шестеро из них были в истертых, все выдавших русских солдатских шинелях... Седьмой же арестант был гражданский немец... Меня поставили в четвертую пару, и сержант татарин, начальник конвоя, кивнул мне взять мой *опечатанный*, в стороне стоящий *чемодан*. В этом чемодане были мои офицерские вещи и *все письменное, взятое при*

мне — для моего осуждения» (19).

Как же в одном и том же чемодане могли одновременно оказаться офицерские подштанники и криминальные рукописи? И виданное ли дело, чтобы улики против себя транспортировал сам арестант? Тем более, что их было не так много, чтобы поместиться в полевой сумке одного из контрразведчиков.

Но главное в другом: откуда к утру 10 февраля в армейской контрразведке у А. И. Солженицына появился чемодан? Неужели комбат всякий раз отправлялся с ним на командный пункт? Но тогда почему он не был упомянут в описании

ареста? А если Александр Исаевич прибыл по вызову командира без чемодана, откуда он взялся в контрразведке армии к утру следующего дня?

Как мы уже знаем, в постановлении НКГБ об аресте А. И. Солженицына говорилось: «подвергнуть обыску и аресту». Но обыскать означало не только вывернуть карманы и выпотрошить полевую сумку, но и произвести тщательный осмотр всех солженицынских вещей. Следовательно, с командного пункта смершевцы должны были направиться к месту размещения солженицынской батареи.

В «Архипелаге» этот факт не нашел отражения, зато он описан в поэме «Дороженька», из которой явствуется — чемодан А. И. Солженицына передал смершевцам один из его подчиненных (20). Это вполне соответствует воспоминаниям сержанта И. И. Соломина. По его свидетельству, однажды к батарее звуковой разведки подъехала черная «эмка», из которой вышли два офицера-контрразведчика и, забрав с собой Александра Исаевича, уехали. Через некоторое время они вернулись и потребовали вещи А. И. Солженицына. Уложив их в чемодан, И. И. Соломин передал его

названным офицерам (21).

Из «Архипелага» мы знаем, как во время обысков срывали обои, разбивали сосуды, взламывали полы (22). Почему же, если А. И. Солженицын действительно был арестован, офицеры — смершевцы вопреки поступившему из Москвы приказу не стали производить обыск на его батарее?

«На другой день после ареста, — пишет Александр Исаевич, — началась моя пешая Владимирка: из армейской контрразведки во фронтовую отправлялся этапом очередной улов. От Остероде до Бродниц гнали нас пешком» (23).

Когда арестованные были построены, «сержант татарин» приказал Александру Исаевичу взять свой чемодан. Как же реагировал на это арестованный комбат? «Я — офицер. Пусть несет немец» (24). И «сержант татарин» приказал «немцу» нести чемодан А. И. Солженицына. «Немец, — вспоминал Александр Исаевич, — вскоре устал. Он перекладывал чемодан из руки в руку, брался за сердце, делал знаки конвою, что нести не может. И тогда сосед его в паре, военнопленный, Бог знает, что отведавший только что в немецком плену (а может быть, и милосердие тоже) — по своей воле взял чемодан

и понес. И несли потом другие военнопленные, тоже безо всякого приказания конвоя. И снова немец. *Но не я»* (25).

В Бродницах, где находилась контрразведка 2-го Белорусского фронта, Александр Исаевич провел трое суток (26). Только здесь 14 февраля был составлен протокол о его аресте (27).

В «Архипелаге» А. И. Солженицын дает яркое описание того, как перевозили заключенных: переполненные вагоны, грязь, холод, отсутствие воды, голодный паек, грубость конвоя и т. д. (28) А как этапировали его самого?

«После суток армейской контрразведки, после трех суток в контрразведке фронтовой,.. — пишет он, — я чудом вырвался вдруг и вот уже четыре дня еду *как вольный*, и *среди вольных*, хотя бока мои уже лежали на гнилой соломе у параши» (29). И далее: «На одиннадцатый день после моего ареста три смершевца-дармоеда... привезли меня на Белорусский вокзал Москвы» (30). А затем метро «Белорусская», Охотный ряд и знаменитая Лубянка (31).

Как же так? Оказывается, не всех арестованных этапировали. Некоторых доставляли со спецконвоем. Со спецконвоем,

который состоял из трех смершевцев, в обычном плацкартном вагоне приехал в Москву и Александр Исаевич (32).

Удивительное следствие

На Лубянку А. И. Солженицын был доставлен 19 февраля 1945 г. (1).

О ходе следствия мы тоже можем судить главным образом на основании его собственных воспоминаний, а также материалов, введенных в оборот Б. А. Викторовым и К. А. Столяровым. Из них явствует, что заведенное на

А. И. Солженицына в Народном комиссариате государственной безопасности СССР дело имело номер № 7629 (2), а следствие вел помощник начальника 3-го отделения 11-го отдела 2-го Управления НКГБ СССР капитан государственной безопасности И. И. Езепов (3).

По свидетельству А. И. Солженицына, вначале его поместили в одиночку, затем около 24 февраля перевели в общую камеру — № 67 (4), из нее — в камеру № 53 (5). Александр Исаевич называет шесть своих сокамерников (6), из них наиболее близко он сошелся с Арнгольдом Сузи (7) —

несостоявшимся кандидатом на пост министра эстонского правительства (8).

Как явствует из опубликованных материалов, на первом допросе 20 февраля А. И. Солженицын отверг предъявленное ему обвинение (9). 26 февраля на вопрос И. И. Езепова с какой целью он хранил портрет Л. Д. Троцкого, Александр Исаевич якобы заявил: «Мне казалось, что Троцкий идет по пути ленинизма» (10). Сказать такое в 1945 г. означало подписать себе обвинительный приговор. На очередном допросе 3 марта последовало признание вины (11).

В свое время А. И. Солженицын

описал более тридцати способов воздействия на подследственных для получения необходимых показаний, но не привел ни одного факта из собственного опыта. И неслучайно. «Мой следователь, — пишет он, — ничего не применял ко мне, кроме бессонницы, лжи и запугивания — методов совершенно законных» (12).

В первом издании «Архипелага» он объяснял это следующим образом:

«Содержание наших писем давало по тому времени полновесный материал для осуждения нас обоих. Следователю моему не нужно было поэтому ничего изобретать для меня» (13).

Во втором издании мы читаем:

«Содержание одних наших писем давало по тому времени полновесный материал для осуждения нас обоих; от момента, как они стали ложиться на стол оперативников цензуры, наша с Виткевичем судьба была решена, и нам только давали довоёвывать, допринести пользу. Но беспощадней: *уже год каждый из нас носил по экземпляру* неразлучно при себе в полевой сумке, чтобы сохранилось при всех обстоятельствах, если один выживет — „Резолюцию № 1“, *составленную нами при одной из фронтовых встреч...* Следовательно моему не нужно было поэтому ничего изобретать для меня» (14).

Попробуем разобраться и прежде всего начнем с переписки.

«Когда я потом в тюрьмах рассказывал о своем деле, — пишет А. И. Солженицын, — то нашей наивностью вызывал только смех и удивление. Говорили мне, что других таких телят и найти нельзя. И я тоже в этом уверился. Вдруг, читая исследование о деле Александра Ульянова, узнал, что они попались на том же самом — на неосторожной переписке...» (15).

Участник группы Александра Ульянова П. Андреюшкин, чье письмо, содержащее фразу о терроре, привело к раскрытию готовившегося покушения на Александра III, мог не

знать о существовании перлюстрации (16), а Александр Исаевич этого не мог не знать, так как на всех конвертах, уходящих во время войны из армии ставился штамп «Проверено военной цензурой» (17).

Понимая, что некоторым читателям известен данный факт, А. И. Солженицын дополняет свою версию утверждением, будто бы он думал, что военная цензура контролирует только военные тайны (18), и почему-то полагал, что к своим обязанностям относится формально (19). Между тем нетрудно понять, что, обнаружив письмо с антисоветскими высказываниями,

цензор обязан был обратить на него внимание, в противном случае его могли обвинить в сокрытии криминальной информации со всеми вытекающими для него самого последствиями — статья 58–12 Уголовного кодекса РСФСР (недонесение) (20).

Что же было криминального в переписке Н. Д. Виткевича и А. И. Солженицына? Если вернуться к приведенному ранее тексту «Постановления» об аресте, то в нем фигурировали фрагменты солженицынских писем, содержавшие критику И. В. Сталина как теоретика.

Стремясь получить на этот счет

более полное представление, я в одной из бесед с Н. Д. Виткевичем специально задал ему вопрос о содержании переписки:

— О чем писали?

— *Критиковали военное руководство.*

— И все?

— *И все.*

— А теоретические вопросы затрагивали?

— Может быть.

Здесь Николай Дмитриевич испытал некоторое затруднение и ничего более о переписке вспомнить не смог. В черновой записи у меня отмечено: «Уходит от вопросов» (21).

Оказывается, один из корреспондентов не только плохо помнил содержание переписки, из-за которой оказался за колючей проволокой, но и характеризовал его иначе, чем постановление об аресте.

Еще более удивительно в этом отношении Определение военной коллегии Верховного суда СССР о реабилитации А. И. Солженицына: «Из материалов дела видно, что Солженицын в своем дневнике и в письмах к своему товарищу Виткевичу Н. Д., говоря о правильности марксизма-ленинизма, о прогрессивности социалистической революции в

нашей стране и неизбежной победе
ее во всем мире, высказывался
против культа личности Сталина,
*писал о художественной и идейной
слабости литературных
произведений советских авторов, о
нереалистичности многих из них, а
также о том, что в наших
художественных произведениях не
объясняется объемно и
многосторонне читателю
буржуазного мира историческая
неизбежность побед советского
народа и армии и что наши
произведения художественной
литературы не могут
противостоять ловко
состряпанной буржуазной клевете*

на нашу страну» (22).

Итак, по мнению Военной коллегии Верховного суда СССР, главное место в переписке А. И. Солженицына и Н. Д. Виткевича занимала не критика И. В. Сталина как теоретика и военачальника, а критика *«художественной и идейной слабости литературных произведений советских авторов».*

Три источника и три совершенно разные характеристики криминальной переписки. Особенно поразительно расхождение между двумя официальными документами.

Из беседы с Н. Д. Виткевичем:

— Переписка велась через

полевую почту. Неужели не боялись?

— Она же имела конспиративный характер.

— Ваша конспирация была слишком прозрачной.

— Ну... думали свобода слова.

— У нас?

— Нам все равно нечего было терять. Смерть постоянно висела над нами.

— У Вас может быть, но Александр Исаевич был далеко от передовой.

Новое затруднение с ответом.

— Ну... просто лезли на рожон (23).

В чем же заключалась конспиративность этой переписки?

Если верить ее корреспондентам, несмотря на «ребяческую беззаботность», у них хватило ума не упоминать И. В. Сталина под своим именем. В беседе со мной 8 января 1993 г. Н. Д. Виткевич заявил: «Сталина мы называли *Пахан*» (24). О том, что в своей переписке они «поносили Мудрейшего из Мудрейших», «прозрачно закодированного» ими «в *Пахана*» А. И. Солженицын пишет как в «Архипелаге» (25), так и в автобиографической поэме «Дороженька» (26).

Тому, кто хоть немного знаком с той эпохой, трудно представить себе критическую переписку о

И. В. Сталине, в которой последний фигурировал бы под своей фамилией. Еще более невероятно обозначение его в подобной переписке кличкой «Пахан». И дело не только в настроениях и условиях того времени. Если бы И. В. Сталин действительно упоминался в переписке под такой кличкой, то, независимо от ее содержания, тогда этого было достаточно для привлечения авторов писем к ответственности, так как подобная кличка означала не только оскорбление верховного главнокомандующего, главы партии и государства, но и характеристику существовавшего политического

строю как преступного по своему характеру. Абсурднее конспирацию вряд ли можно вообразить.

Обратимся теперь к «Резолюции № 1» (27).

Во время встреч с Н. Д. Виткевичем я трижды просил его раскрыть содержание этого документа и объяснить, почему он так странно назывался, всякий раз Николай Дмитриевич искусно уходил от ответа (28). Более «откровенным» в этом отношении оказался А. И. Солженицын:

«...Я, — утверждает он, — не считаю себя невинной жертвой, по тем меркам. Я действительно к моменту ареста пришел к весьма

уничтожающему мнению о Сталине, и даже с моим другом, однодельцем, мы составили такой письменный документ *о необходимости смены государственного строя* в Советском Союзе» (29).

«„Резолюция“ эта, — читаем мы в «Архипелаге», — была — энергичная сжатая критика всей *системы обмана и угнетения* в нашей стране» (30). Раскрывая характер этой критики, Александр Исаевич уточнял, что советская система характеризовалась в названном документе как феодальная (31). А затем «Резолюция № 1» «как прилично в политической программе, набрасывала, чем

государственную жизнь исправить» (32). К сожалению, ни Н. Д. Виткевич, ни А. И. Солженицын не раскрыли конкретное содержание своей программы «исправления» «государственной жизни» (33). Далее, если верить А. И. Солженицыну, в «Резолюции» говорилось: «Наша задача такая: определение момента перехода к действию и нанесение решительного удара по послевоенной *реакционной* идеологической надстройке» (34). Завершалась «Резолюция» словами: «Выполнение всех этих задач невозможно без организации» (35).

«Даже безо всякой

следовательской натяжки, — резюмирует А. И. Солженицын, — *это был документ, зарождающий новую партию*. А к тому прилегали и *фразы переписки* — как после победы мы будем вести „*войну после войны*“» (36).

Когда же Александр Исаевич осознал порочность советской политической системы, пришел к убеждению о необходимости борьбы с нею и оказался морально готов к ней? Некоторое представление на этот счет, казалось бы, дает одно из его писем, адресованных Н. А. Решетовской в конце 1944—начале 1945 гг.:

«С удивлением, — писал он, —

обнаруживаю, каким переломным оказался для меня истекший 26-й год жизни... Все изменения, которые накапливались во мне конец 41-го, 42-й и 43-й год — *все они с беспощадной отчетливостью вскрылись в 44-м.* Кроме ленинизма и желания всю жизнь отдать за него — все, что было дорого мне в 41-м или ниспровергнуто и — не хочется понимать или переосмыслено по-новому» (37).

Если верить этому письму, получается, что решающее значение в переоценке ценностей имел для А. И. Солженицына 1944 г. Между тем, по его же собственному свидетельству, «Резолюция № 1»

появилась на свет уже **2 января 1944 г.**, т. е. до пересмотра Александром Исаевичем своих прежних взглядов (38).

Но дело не только в этом. Та борьба, на путь которой якобы встал автор этого документа, требовала от него не только осознания, что созданная к началу войны советская система не имела никакого отношения к социализму, не только стремления к переустройству общества на более гуманных и справедливых началах, но и совершенно исключительных моральных качеств, прежде всего готовности к самопожертвованию.

Обладал всем этим наш герой?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, вспомним, как в студенческие годы он, клянясь в верности советской власти и ленинизму, пытался уклониться от военной службы, причем таким способом, на который решится не каждый, вспомним, как он надеялся пересидеть войну в обозе, как будучи курсантом, со страхом думал о возможности попасть под Сталинград, а, став командиром батареи, вел себя с подчиненными как самодур, стремясь выслужиться, бросал людей под пули, создал на батарее собственную гауптвахту, вспомним, «Прусские ночи».

И это позднее он сам сказал о

себе: «Я приписывал себе бескорыстную самоотверженность. А между тем был — *вполне подготовленный палач*. И попади я в училище НКВД при Ежове — может быть у Берии я вырос бы как раз на месте?..» (39). «В упоении молодыми успехами я ощущал себя непогрешимым и оттого был жесток. *В переизбытке власти я был убийца и насильник*. В самые злые моменты я был уверен, что делаю хорошо, оснащен был стройными доводами. *На гниющей тюремной соломке ощутил я в себе первое шевеление добра*» (40).

Итак, если верить
А. И. Солженицыну, «*первое*

шевелевание добра» в самом себе он ощутил только после ареста *«на гниющей тюремной соломке»*. Только «лежа на тюремных нарах, — пишет он, — я стал как-то переглядывать свой действительный офицерский путь — и ужаснулся» (41).

Мог ли человек, который, по его собственным словам, был в душе насильник, убийца и палач, еще не осознав собственных пороков, вдруг увидеть в насилии порочность существующей общественной системы? Конечно, нет.

Одно никак не стыкуется с другим. А поскольку нет никаких оснований сомневаться в

самобичевании Александра
Исаевича, возникают сомнения
относительно «Резолюции № 1».

По утверждению
А. И. Солженицына, этот документ
существовал в двух экземплярах,
один из которых был изъят из его
полевой сумки, второй находился у
Н. Д. Виткевича. Поскольку до
недавних пор Н. Д. Виткевич
подтверждал этот факт, 10 января
1993 г. я обратился к нему со
следующими вопросами:

— Если «Резолюция № 1»
существовала, она должна была
сохраниться в Вашем следственном
деле?

— Никто Вас к нему не

допустит.

— Но факт ее существования должен был отразиться в выданном Вам Определении Военной коллегии Верховного суда СССР о реабилитации. Нельзя ли с ним познакомиться?

— К сожалению, нет, оно отдано мною в собес.

Понять этот отказ нетрудно. Н. Д. Виткевич, если верить ему, был осужден только по ст.58—10, при наличии же у него упоминаемого документа неизбежно было обвинение и по ст.58—11.

— Еще раз хочу спросить, для чего вы составляли «Резолюцию № 1»?

— Dixi et animam meam levavi
(сказал — облегчил душу).

Не могу скрыть удивления

— Мы, конечно, думали и о
борьбе.

— Для чего «Резолюция» была в
двух экземплярах?

— Вопрос не имеет смысла.

— Почему же? Если Вы просто
хотели выговориться, разрядиться,
достаточно было одного экземпляра,
а если их было несколько?..

Пауза.

Понять ее нетрудно. Если
«Резолюция № 1» существовала в
нескольких экземплярах, на лицо
факт ее распространения, который
можно было квалифицировать как

действие, направленное на создание антисоветской организации. Взвесив за и против, Н. Д. Виткевич продолжил диалог:

— Может быть, второго экземпляра и не было.

— Следовательно, если «Резолюция № 1» существовала...

— Значит у меня ее не было (42).

Итак, в ходе этой беседы главный корреспондент А. И. Солженицына и один из «участников» создаваемой им антисоветской организации признал, что он «Резолюции № 1» не имел. А значит, все, что до нашего разговора он утверждал на этот счет,

мистификация. Невольно возникает вопрос: а была ли «Резолюция № 1» у А. И. Солженицына?

Если бы у него действительно был обнаружен документ, свидетельствующий о его намерении создать антисоветскую организацию и была установлена его принадлежность к антисоветской группе, то все ее члены обязательно оказались бы в поле зрения следствия. Кто же входил в состав этой группы? Б. А. Викторов утверждает, что, кроме Н. Д. Виткевича, в материалах следствия фигурировали Л. В. Власов, Н. А. Решетовская и К. С. Симонян (43). Н. Д. Виткевич,

который, по его словам, ознакомился с протоколами допросов А. И. Солженицына позднее, «уже на свободе», называет еще двух человек: Л. А. Ежерец (44) и приятеля Л. В. Власова, фамилию которого он запомнил (45).

По долгу службы следователь И. И. Езепов обязан был привлечь к следствию всех упомянутых лиц. Однако, как писал Б. А. Викторov, *«никто из этих лиц „не был даже допрошен!!!“*» (46). Данный факт подтверждают Л. В. Власов (47), Н. А. Решетовская (48), К. С. Симонян (49) и сам А. И. Солженицын (50).

Не все понятно и с

Н. Д. Виткевичем, которого А. И. Солженицын называет своим подельником. Александр Исаевич был арестован 9 февраля, Николай Дмитриевич — 22 апреля. Следствие над первым велось на Лубянке, над вторым — в контрразведке фронта, что было исключено, если бы они проходили по одному и тому же делу. По этой же причине не было на следствии ни перекрестных допросов, ни очных ставок (51).

Обращает на себя внимания и то, что «Резолюция № 1» почему-то не фигурировала в протоколе отобранных у А. И. Солженицына вещей (52). Более того, Б. А. Викторov вообще не заметил ее

в следственном деле (53). Не упоминается она ни в Определении о реабилитации А. И. Солженицына (54), ни в тех прошениях о помиловании, с которыми последний обращался в 1947, 1955 и 1956 гг.

Так в прошении 1947 г. он писал: «Сложность моего дела заключается в том, что я в переписке с Виткевичем и при встречах с ним допускал неправильное толкование по отдельным теоретическим вопросам, и неправильно критиковал отдельных писателей и наши литературные издательства». И все. (55). В прошении 1955 г. на имя Н. С. Хрущева он прямо подчеркивал: я был арестован и

осужден *«только на основании моей вздорной юношеской переписки с моим другом»* (56). Эта же мысль нашла отражение в прошении 1956 г. на имя Г. К. Жукова: «Мне ставилась в вину *единственно* моя личная переписка со старым другом детских лет, к тому времени тоже капитаном Красной Армии, но на другом фронте — переписка, содержащая рассуждения на политические темы», «переписка эта и послужила *единственной* причиной ареста» (57).

Невозможно представить, чтобы ходатайствуя о пересмотре дела, А. И. Солженицын рискнул написать такое, зная, что в следственном деле

лежит «Резолюция № 1».

Что же мы видим?

Во-первых, получается, что А. И. Солженицын составил «Резолюцию № 1» еще до того, как пережил разочарование в И. В. Сталине и в советской системе,

Во-вторых, все, что нам известно о А. И. Солженицыне до его ареста исключает возможность участия его в составлении подобного документа.

Во-третьих, несмотря на то, что в «Резолюции № 1» шла речь о создании антисоветской

организации, никто, кроме Н. В. Виткевича и А. И. Солженицына, не был привлечен по этому делу даже в качестве свидетеля.

В-четвертых, один из «авторов» «Резолюции № 1» Н. Д. Виткевич, опровергая тем самым свои предшествовавшие утверждения, признался в том, что лично у него подобного документа не было, а значит, он не фигурировал и в его следственном деле.

В-пятых, этот документ не упоминался в первом издании «Архипелага».

В-шестых, его существование не нашло отражения ни в ходатайствах

А. И. Солженицына о помиловании 1947–1956 гг., ни в Определении о его реабилитации.

В-седьмых, «Резолюцию № 1» не заметил в его следственном деле военный прокурор Б. А. Викторov, занимавшийся его реабилитацией.

Невольно возникает ощущение, что в данном случае мы имеем дело с мистификацией.

Как бы там ни было, через три месяца следствие по делу А. И. Солженицына завершилось. 28 мая 1945 г. он был вызван на последний допрос, на котором, кроме капитана И. И. Езепова, присутствовал «военный прокурор ГВП КА подполковник юстиции

Котов» (58).

В 1990 г. протокол этого допроса ввел в оборот Б. А. Викторov, а затем в 1997 г. с некоторыми сокращениями его опубликовал К. А. Столяров. Сравните:

Б. А. Викторov

«В предъявленном мне обвинении виновным себя признаю».

Вопрос: «В чем именно?».

Ответ: «В том, что начиная с 1940 г. при встречах и в переписке с другом — Виткевичем Николаем Дмитриевичем, клеветал на вождя. В отдельных вопросах был убежден, что Сталин не имеет ленинской глубины. Утверждал в этих письмах

и разговорах, что мы не были полностью готовы к войне в 1941 г. Утверждал и соглашался в письмах и разговорах с Виткевичем об отсутствии свободы слова и печати в нашей стране. Мы действительно записались в так называемые революционеры. Мы считали, что создание, я подчеркиваю, антисоветской организации непосильно нам двоим и предполагали, что у нас могут найтись единомышленники в столичных литературных и студенческих кругах. Вот на все эти темы я вел разговоры с друзьями детства, еще кроме Виткевича — Симоняном К. С., Решетовской Н. А.

и Власовым Л. В.» (Викторов Б. А. Без грифа «секретно». М., 1990. С. 305–306).

К. А. Столяров

«Да, в предъявленном мне обвинении виновным себя признаю.

Вопрос: В чем именно?

Ответ: В том, что начиная с 1940 г. при встречах и в переписке с другом детства ВИТКЕВИЧЕМ Николаем Дмитриевичем мы клеветали на вождя партии, отрицая его заслуги в области теории, утверждая, что в отдельных вопросах он якобы не имеет ленинской глубины... Мы клеветали на ряд мероприятий внутренней политики

Советского правительства, утверждая, что якобы не были полностью готовы к войне 1941 г. В этих же беседах мы клеветнически утверждали, что в Советском союзе отсутствует свобода слова и печати и что ее не будет и по окончании войны. В связи с этим мы пришли к выводам о необходимости в будущем создания антисоветской организации и эти свои намерения мы записали в так называемой *резолюции № 1*. Мы считали, что создание антисоветской организации непосильно нам двоим и предполагали, что у нас могут найтись единомышленники в столичных литературных и студенческих кругах.» (Столяров

К. А. Палачи и жертвы. М., 1997. С.341).

Сопоставление текста протокола допроса А. И. Солженицына 28 мая 1945 г., цитируемого Б. А. Викторовым и К. А. Столяровым, обнаруживает не только совпадения, но и значительные расхождения.

6 июня 1945 г., на свет появилось обвинительное заключение (59) и А. И. Солженицын был переведен из Лубянской тюрьмы в Бутырскую (60).

Началось ожидание приговора.

Странный приговор

Текст обвинительного
заключения по делу
А. И. Солженицына нам неизвестен.
Лишь частично мы можем судить о
нем на основании свидетельств
самого Александра Исаевича,
Определения Военной коллегии
Верховного суда СССР о его
реабилитации, а также публикаций
Б. А. Викторова и К. А. Столярова.

«Прочитую, — писал
К. А. Столяров об обвинительном
заключении, — начало и конец: „...В
НКГБ СССР через Военную Цензуру
поступили материалы о том, что
командир батареи звуковой разведки
Второго Белорусского фронта —
капитан СОЛЖЕНИЦЫН Александр

Исаевич в своей переписке
*призывает знакомых к
антисоветской работе...*

...Виновным себя признал.
Изобличается вещественными
доказательствами (*письма
антисоветского содержания, т. н.
резолуция № 1*).

Считая следствие по делу
законченным, а добытые данные
достаточными для предания
обвиняемого суду, руководствуясь
ст.208 УПК РСФСР и приказом
НКВД СССР № 001613 от 21.XI.1944
года — следственное дело № 7629 по
обвинению СОЛЖЕНИЦЫНА
Александра Исаевича направить на
рассмотрение Особого совещания

НКВД СССР...

Обвинительное заключение
составлено 6 июня 1945 года в городе
Москве...“.»

«Вместе с капитаном
Езеповым, — отмечал
К. А. Столяров, — этот документ
подписали его начальники —
полковник Иткин... и подполковник
Рублев, а двумя днями позже его
утвердил комиссар государственной
безопасности 3 ранга Федотов» (1).

Иначе характеризовал
констатирующую часть
обвинительного заключения
Б. А. Викторov, по словам которого в
ней говорилось: А. И. Солженицын
«с 1940 года занимался

антисоветской агитацией и предпринимал шаги к созданию антисоветской организации». «В связи с этим ему было предъявлено обвинение по ч.1. ст.58–10 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за антисоветскую агитацию, и по ст.58–11 УК, предусматривающей *ответственность за создание антисоветской организации*» (2).

О том, что Александр Исаевич обвинялся по двум статьям, говорится в недавно обнаруженной в архиве карагандинской прокуратуры карточке заключенного (3). Это же следует из опубликованного текста Определения Военной коллегии

Верховного суда СССР о его реабилитации (4). Подобным же образом характеризовал в 1964 г. содержание предъявленного ему обвинения сам А. И. Солженицын (5).

В первом издании «Архипелага» мы читаем об обвинительном заключении: «Подписал вместе с 11 пунктом. Я не знал тогда его веса, *мне говорили только, что срока он не добавляет*» (6). Ах, какая наивность! Он, видите ли, думал, что обвинение в намерении создать антисоветскую организацию, тем более в условиях войны, «не добавляет срока». Во втором издании у этих слов появилось продолжение:

«Подписал вместе с 11 пунктом (*уже „Резолюция“ на него тянула*). Я не знал тогда его веса...» и далее по тексту (7). И здесь мы видим, «Резолюция» появилась только во втором издании «Архипелага». Но упомянув ее, Александр Исаевич тем самым усилил весомость предъявленного ему обвинения, после чего его наивность приобретает смехотворный характер.

Чтобы лучше представлять положение, в котором находился А. И. Солженицын летом 1945 г., прежде всего вспомним один лагерный анекдот, который он приводит в «Архипелаге» как реальный факт: «На новосибирской

пересылке в 1945 г. конвой принимает арестантов перекличкой по делам. „Такой-то!“ — „58–1а, 25 лет“. Начальник конвоя заинтересовался: „За что дали?“ — „Да, ни за что“ — „Врешь. Ни за что десять дают“» (8).

Если тогда «ни за что» давали «десятку», сколько же должен был получить человек за антисоветскую пропаганду и намерение создать антисоветскую организацию?

Обратимся к Уголовному кодексу РСФСР 1926 г., который продолжал действовать и в 1945 г. Вот как в нем была сформулирована первая часть знаменитой статьи 58–10: «Пропаганда или агитация,

содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58—2 — 58—9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собою *лишение свободы* на срок не ниже 6 месяцев» (9).

О том, что означала формулировка «*лишение свободы*», мы можем судить на основании 28-й статьи УК РСФСР, в которой говорилось: «Лишение свободы устанавливается на срок от одного года до 10 лет, а по делам о шпионаже, вредительстве и

диверсионных актах (ст. ст. 58—1а, 58—6, 58—7, 58—9 настоящего Кодекса) — на более длительные сроки, но не свыше 25 лет» (10). Это значит, что статья 58—10 (часть первая) предусматривала наказание до 10 лет.

Выбор наказания зависел от наличия как смягчающих, так и отягчающих обстоятельств. Смягчающие обстоятельства определялись статьей 48, из которой явствуется, что у Александра Исаевича было только одно такое обстоятельство — привлечение к ответственности в первый раз (11). Что же касается отягчающих обстоятельств, то они были

перечислены во второй части статьи 58–10, по которой, кстати, и обвинялся А. И. Солженицын.

В ней говорилось: «Те же действия (т. е. действия, указанные в первой части этой статьи — А.О.) при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или *в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении*, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в статье 58–2 настоящего Кодекса» (12).

Это значит, что, вынося приговор, Особое совещание должно было руководствоваться не только

ст.58–10, но и ст.58–2, которая предусматривала два вида наказания: *«высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся* с конфискацией имущества и лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением *при смягчающих* обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества» (13).

Поскольку такая мера, как лишение гражданства в годы Великой Отечественной войны не применялась, а *смягчающих*

обстоятельств в деле
А. И. Солженицына по существу не
было, то в соответствии с
действовавшим в 1945 г. Уголовным
кодексом РСФСР ему *угрожала
высшая мера наказания —
расстрел.*

Это тем более следует
подчеркнуть, что он обвинялся сразу
же по двум статьям 58—10 и 58—11.
Последняя статья гласила: «Всякого
рода деятельность, направленная к
подготовке и совершению
предусмотренных в настоящей главе
преступлений, а равно участие в
организации, образованной для
подготовки или совершения одного
из преступлений, предусмотренных

настоящей главой, влекут за собою — меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы» (14).

Чем следовало руководствоваться в данном случае, мы можем узнать из статьи 49-й: «Когда в совершенном обвиняемым действии содержатся признаки нескольких преступлений, а равно в случае совершения обвиняемым нескольких преступлений, по которым не было вынесено приговора суда, суд определяет соответствующую меру социальной защиты за каждое преступление отдельно, окончательно определяет последнюю по статье,

предусматривающей наиболее тяжкое из совершенных преступлений и *наиболее тяжкую меру социальной защиты*» (15). В комментариях к данной статье специально подчеркивалось, что в рассматриваемом случае «в качестве основной меры социальной защиты» суд должен использовать «*наиболее суровую меру*» (16). В данном случае такой мерой был расстрел.

Однако знаменитое Особое совещание проигнорировало дополнение к статье 58–10 и статью 58–2, не пожелало руководствоваться статьей 49-й УК РСФСР и сохранило Александру Исаевичу жизнь, чтобы он имел возможность позднее

описать его безжалостность. Если «ни за что» давали «десятку», если «десятку» Н. Д. Виткевич получил по одной статье 58–10 (17), то Александр Исаевич по двум статьям (58–10 и 58–11) был приговорен к восьми годам заключения (18). «При этом, — писал он позднее в прошении на имя министра обороны СССР Г. К. Жукова, — *даже не было решения о лишении меня воинского звания и орденов*». (19).

А поскольку ни следователь, ни прокурор, ни Особое совещание не могли игнорировать действующий Уголовный кодекс РСФСР, можно с полным основанием утверждать, что обвинение по двум статьям (58–10,

ч.2 и 58–11) и приговор о
восьмилетнем сроке наказания
находятся **в непримиримом
противоречии** друг с другом.

В связи с этим особого
внимания заслуживает
опубликованный К. А. Столяровым
документ под названием «Сведения о
прохождении службы в Советской
Армии и о наградах». Он был
составлен А. И. Солженицыным 31
августа 1955 г. и завершался словами:
«...судебного решения по моему делу
вообще не было, а было лишь
административное решение ОСО
НКВД от 7.7.45 (8 лет ИТЛ **по 58–10-
ч. II**)». Обратите внимание — **по
статье 58, пункт 10, часть 2-я**, т. е.

антисоветская агитация (20).
Подобным же образом
характеризовал А. И. Солженицын
вынесенный ему приговор и в своем
ходатайстве на имя Г. К. Жукова, в
нем говорилось: «...меня не судили,
а вынесли административное
постановление ОСО МВД от 7.7.45
— 8 лет Исправ. труд. лагерей,
ст.58–10-ч. II» (21).

Таким образом, ходатайствуя в
1955–1956 гг. о пересмотре дела,
А. И. Солженицын утверждал, что в
основе его обвинения лежала только
переписка с Н. Д. Виткевичем, и
специально подчеркивал, что
обвинялся лишь по одной статье 58–
10-ч.2. Трудно представить, чтобы

человек, ходатайствующий о пересмотре своего дела, сознательно искажал и характер предъявлявшегося ему обвинения, и неправильно называл статью, по которой ему был вынесен обвинительный приговор.

Итак, что же мы видим? «Ни на что непохожий арест», грубейшее нарушение распоряжения Военной прокуратуры СССР о производстве обыска, составление протокола личного обыска постфактум, запоздалое оформление протокола ареста, странное этапирование в контрразведку фронта, доставка в Москву под спецконвоем в плацкартном вагоне, совершенно

невероятное следствие и находящийся в противоречии с Уголовным кодексом РСФС приговор Особого совещания.

Что же скрывалось за всем этим? Это предстоит выяснить.

Знакомство с ГУЛАГом

В начале марта 1945 г. Н. А. Решетовская получила очередное письмо от мужа с фронта. Ответное ее письмо вернулось с пометкой: «Адресат выбыл из части», а в первой половине апреля, пришло сообщение от сержанта И. И. Соломина, который писал ей о

муже: «Он отозван из нашей части. Зачем и куда, сейчас не могу сообщить. Я знаю только, что он жив и здоров и больше ничего, а также, что *ничего плохого* с ним не будет» (1).

Последние слова не могли не настораживать, но что скрывалось за ними, можно было только предполагать.

Потянулись тревожные дни ожидания.

Через два с половиной месяца, 25 июня 1945 г. из Москвы от Туркиных пришла телеграмма: «Саня жив, здоров, подробности сообщу. Вероника». 27 июня — новая телеграмма: «Приезжай».

Телефонный разговор и новость — Саня арестован (2).

Оказывается, после того как завершилось следствие и А. И. Солженицын получил разрешение написать родным, он дал знать о себе не Наталье Алексеевне, а ее московским родственникам — Туркиным (3).

Н. А. Решетовская еще не успела уехать в Москву, как в Ростове-на-Дону появился демобилизованный И. И. Соломин. Он рассказал об аресте Александра Исаевича и привез Наталье Алексеевне письма, которые она писала на фронт (4).

Ко времени приезда И. И. Соломина в жизни Натальи

Алексеевны произошло еще одно событие. По окончании учебного года (с осени 1944 г. она училась в аспирантуре ростовского университета) ее научный руководитель уехал в Казань и предложил ей на выбор: или ехать вместе с ним, или перевестись в Новочеркасск, или же перейти в МГУ на кафедру физической химии профессора А. В. Фроста. Н. А. Решетовская выбрала последний вариант и отправилась в Москву (5), где находилась с 4 июля по 4 августа (6). 18 июля по предложению А. В. Фроста ее согласился взять к себе в аспирантуру профессор Николай

Иванович Кобозев. Решив вопрос об аспирантуре и побывав на свидании с мужем, Наталья Алексеевна вернулась в домой (7).

А пока она улаживала свои аспирантские дела, 27 июля 1945 г. Александр Исаевич был ознакомлен с постановлением Особого совещания и 14 августа покинул Бутырку (8). Можно было ожидать, что его упекут куда-нибудь вроде Джезказганских медных рудников. Можно было ожидать, что его отправят на золотые прииски знаменитой Колымы или в лучшем случае на угольные шахты Воркуты. Однако когда А. И. Солженицына вывезли из тюрьмы, машина

устремилась не к вокзалу, а за пределы города. Прошло около часа, и Александр Исаевич оказался в лагере, который находился под самой Москвой в поселке с оригинальным названием Новый Иерусалим.

«Зона Нового Иерусалима — пишет А. И. Солженицын в «Архипелаге» — нравится нам, она даже премиленькая: она окружена не сплошным забором, а только переплетенной колючей проволокой, и во все стороны видна холмистая, живая, деревенская и дачная, звенигородская земля». Лагерь обслуживал кирпичный завод (9).

Оказавшись на новом месте, Александр Исаевич дал знать об этом

Туркиным, и 24 августа Вероника Николаевна сообщила Н. А. Решетовской о новом местонахождении ее мужа (10).

В «Архипелаге» А. И. Солженицын нарисовал страшную картину лагерной жизни, которая отнимала у заключенных не только все время, но и все силы. В эту жизнь на восемь лет предстояло погрузиться и ему. Как же началось его хождение по мукам? По утверждению Натальи Алексеевны, обосновавшись на новом месте, ее муж написал ей письмо. В нем говорилось, что «он думает всерьез заняться изучением английского языка, просит привезти ему

побольше чистой бумаги, карандашей, перьев, чернил в чернильницах — непроливайках, английские учебники и словари» (11).

Такое впечатление, что Александр Исаевич попал не за колючую проволоку, а в дом отдыха. Оказывается, хождение по мукам он начал с командирской должности — его назначили «сменным мастером глиняного карьера» (12).

«В конце августа, — отмечала Н. А. Решетовская, — муж писал, что с командирской должности уже слетел», «но в перспективе метил все-таки попасть „на какое-нибудь канцелярское местечко.

Замечательно было бы, если удалось...“» (13). «Но я даже из Ростова не успела приехать, как адрес переменился. Тетя Вероника прямо на вокзале ошарашила меня: „Саня уже в самой Москве“» (14).

9 сентября Александра Исаевича перевели из Нового Ерусалима в лагерь № 121, который находился в Москве на Калужской заставе. Сейчас это Ленинский проспект, д.30, площадь Ю. А. Гагарина (15).

По прибытии на новое место А. И. Солженицын был назначен «заведующим производством». Комментируя это назначение, он пишет: «Прежде меня тут не было и должности такой» (16). Получается,

что ее создали специально для него. В связи с этим он поселился не вместе со всеми заключенными в лагерном бараке, а в так называемой «комнате уродов», в которой вместе с ним жило еще пять «придурков» (так в лагерях именовали заключенных, занимавших «теплые местечки») (17).

В новой должности А. И. Солженицын пробыл недолго. Сменился начальник лагеря, начались кадровые перестановки и «на вторую неделю (т. е. не ранее 16 — не позднее 23 сентября — А.О.), — пишет Александр Исаевич, — меня с позором изгнали на общие» работы. Так он стал

маляром. Однако несмотря на «позор» его оставили в «комнате уродов» (18). А «как-то ночью», вспоминает А. И. Солженицын, увели одного из ее обитателей, бывшего нормировщиком, «не теряя времени, я на другое же утро устроился помощником нормировщика» (19). Когда это произошло, Александр Исаевич не указывает, но поскольку, по его же словам, он не успел овладеть «малярным делом», есть основания думать, что на общих работах он не задержался (20). Зато в новой должности пробыл до середины июня 1946 г. когда его перевели то ли в плотники, то ли в паркетчики (21).

В «Архипелаге» «придурки» подразделены на две группы: зонных и производственных (22). «Трудно, трудно, — пишет А. И. Солженицын, — зонному придурку иметь неомраченную совесть. А еще ведь вопрос — и о средствах, какими он своего места добился. Тут редко бывает неоспоримость специальности, как у врача (или как у многих производственных придурков). Бесспорный путь — инвалидность. Но нередко покровительство кума» (23).

Кличка «кум» в местах заключения обозначает офицера, который обязан следить за

настроениями в лагере и по этой причине имеет осведомителей из числа заключенных. Подчеркивая, что покровительство «кума» открывало путь к занятию должностей зонных «придурков», Александр Исаевич тем самым дает понять, что к нему это не относилось, так как он принадлежал к числу производственных «придурков».

Однако администрация лагеря нуждалась в том, чтобы иметь «глаза и уши» не только в зоне, но и за ее пределами. И в «Архипелаге» мы можем прочесть, как однажды на Калужской заставе пригласил к себе лагерный «кум» Александра

Исаевича и предложил ему стать осведомителем (24).

А. И. Солженицын не датирует эту встречу, но отмечает три детали: 1) «зима» и «вьюга» за окном (25), 2) «еще года не прошло от моего следствия» (26) и 3) вопрос кума: «Как я *привыкаю* к лагерю» (27), который имел смысл только в самом начале пребывания за колючей проволокой. Это дает основание датировать данную встречу началом зимы 1945 г.

Я не имею на этот счет собственного опыта, но с чужих слов мне известно несколько фактов вербовки. Один случай относится ко времени войны, когда человека

вербовали, используя чисто патриотические чувства и мотивируя сделанное предложение необходимостью борьбы с немецкими диверсантами. В другом случае человек уже в мирное время был поставлен перед выбором: или отвечать за связь с эмигрантской организацией Народно-трудовой союз (НТС), которой, как я думаю, у него не было, и его специально подставили, адресовав на его имя из-за границы посылку с энтээсовской литературой, или же помочь установить, кому она в действительности могла быть адресована. И в одном, и в другом случае отказаться от сотрудничества

было почти невозможно.

У А. И. Солженицына же получается, что на протяжении нескольких часов «кум» всячески уговаривал его и вырвал согласие на сотрудничество только потому, что пошел на удовлетворение его условия — сообщать информацию лишь о готовящихся побегах (28). Вряд ли, у осведомителей есть специализация. Сомнительно и то, что подписав обязательство о сотрудничестве и получив оперативную кличку «Ветров», Александр Исаевич, если верить ему, ни разу не дал своему куратору никаких сведений (29).

«А тут, — пишет он, — меня по спецнаряду министерства выдернули

на шарашку. Так и обошлось. Ни разу больше мне не пришлось подписываться „Ветров“.» (30).

Через некоторое время после того, как произошла история с вербовкой, примерно в январе 1946 г., «в наш лагерь, — пишет А. И. Солженицын, — приехал какой-то тип и давал заполнять учетные карточки ГУЛАГа... Важнейшая графа там была „специальность“. И чтоб цену себе набить, писали зэки самые золотые гулаговские специальности: „парикмахер“, „портной“, „кладовщик“, „пекарь“. А я прищурился и написал: „ядерный физик“. Ядерным физиком я отроду

не был, только до войны слушал что-то в университете, названия атомных частиц и параметров знал — и решился написать так. Был 1946 г., атомная бомба была нужна позарез. Но я сам той карточке значения не придавал, забыл» (31).

Хотя Александр Исаевич учился на физико-математическом факультете, но, как мы знаем, закончил университет только с одной специальностью — «преподаватель математики» (32). Поэтому если бы в НКВД (в 1946 г. он был переименован в МВД) обратили внимание на него как на ядерного физика, обман обнаружился бы сразу. Следовательно, или весь эпизод с

анкетой придуман, или же данная профессия была указана А. И. Солженицыным *под чью-то диктовку*.

На этот эпизод можно было бы не обращать внимания, если бы не воспоминания Л. В. Власова, который узнал от Н. А. Решетовской об аресте А. И. Солженицына после окончания войны (33):

«Мысль одна, — читаем мы в воспоминаниях Л. В. Власова, — если нельзя помочь, то как облегчить положение узника? Страна готовилась к выборам в Верховный Совет СССР. На встрече с избирателями Берия говорил о необходимости быстро овладеть

секретом атомной энергии. Я подумал: Солженицын имеет два высших образования (окончил физико-математический факультет Ростовского университета и Московский институт истории, философии и литературы — заочно). Такой человек вполне мог бы принять участие в подобных изысканиях. Об этом в адрес Берия и улетело мое послание» (34).

В этом свидетельстве много странного: во-первых, что В. Л. Власов, случайный знакомый А. И. Солженицына, знал о нем как о физике или математике, во-вторых, трудно поверить в то, что он мог вступить за малознакомого ему

репрессированного человека, а в-третьих, откуда ему было известно, что существовавший советский атомный проект курировал Л. П. Берия, в «избирательной речи» которого, кстати, на эту тему не было ни слова (35).

Между тем, если верить Александру Исаевичу, история с анкетой имела продолжение. «Моя лагерная жизнь, — пишет он, — перевернулась в тот день, когда я со своими скрюченными пальцами (от хватки инструмента они у меня перестали разгибаться) жался на разводе в плотницкой бригаде, а нарядчик отвел меня от развода и со внезапным уважением сказал: „Ты

знаешь, по распоряжению министра внутренних дел...“» (36).

Это произошло 18 июля 1946 г., когда с Калужской заставы А. И. Солженицына снова перевели в Бутырку^[6] (37). Здесь он, по его собственному свидетельству оказался, в камере № 75 (38). Однако сидевший вместе с ним Виктор Коган утверждал, что их камера имела номер № 71 (39). Не исключено, правда, что за время этого пребывания в Бутырке Александр Исаевич побывал не в одной камере.

Перечисляя своих сокамерников, он пишет: «Николай Андреевич Семенов, один из создателей

ДнепроГЭСа. Его друг по плену инженер Федор Федорович Карпов. Язвительный находчивый Виктор Коган, физик. Консерваторец Володя Клемпнер, композитор. Дровосек и охотник из вятских лесов, дремучий как лесное озеро. Эн-те-эсовец из Европы Евгений Иванович Дивнич» (40). Но самой яркой фигурой был Николай Васильевич Тимофеев-Ресовский (41). Известный русский биолог-генетик, он долгое время работал в Германии, стал невозвращенцем, принял участие в германском атомном проекте. После разгрома фашистской Германии был арестован и брошен в лагерь, но там разыскан и доставлен в Москву.

Летом 1946 г. он ожидал здесь отправки на Урал, где должен был возглавить биологическую лабораторию, связанную с советским атомным проектом (42).

Получается, что «рекомендованный» Л. П. Берии «ядерный физик» «случайно» оказался в одной камере с человеком, которому предстояло в самое ближайшее время подключиться к участию в создании советской атомной бомбы.

Обращает на себя внимание и другое. По свидетельству А. И. Солженицына, Н. В. Тимофеев-Ресовский организовал в камере своеобразный семинар по обмену

научными знаниями и профессиональным опытом (43). Поэтому, когда появился Александр Исаевич, ему тоже было предложено провести беседу. Виктору Когану запомнилась, что будущий писатель познакомил их с техникой звуковой артиллерийской разведки (44). А. И. Солженицын утверждает, что темой его выступления был рассказ об одной только что вышедшей книге.

«Тут я вспомнил, — пишет он, — что недавно в лагере была у меня две ночи принесенная с воли книга — официальный отчет военного министерства США о первой атомной бомбе. Книга вышла

этой весной. Никто в камере ее еще не видел» (45).

Речь идет о книге Г. Д. Смита «Атомная энергия для военных целей. Официальный отчет о разработке атомной бомбы под наблюдением правительства США». Она увидела свет в Соединенных Штатах Америки 12 августа 1945 г. (46), почти сразу же была переведена на русский язык, 10 ноября сдана в набор и 30 января 1946 г. подписана к печати (47). Правда, объявление о ее выходе в свет появилось в «Книжной летописи» только осенью 1946 г. (48). Если верить Н. А. Решетовской, услышав об этой книге, она одной из первых взяла ее

на абонементе библиотеки МГУ и передала мужу в лагерь на Калужской заставе (49). Обратите внимание: обыкновенный заключенный, каким, являлся А. И. Солженицын, сумел познакомиться с книгой Г. Д. Смирта раньше, чем о ней узнал отправляемый для участия в советском атомном проекте Н. В. Тимофеев-Рессовский.

Складывается впечатление, что летом 1946 г. А. И. Солженицын оказался в одной камере с ним не случайно. Однако около 27 сентября несостоявшийся «ядерный физик» был отправлен не на Урал вместе с Н. В. Тимофеевым-Ресовским, а в

Первый круг ада или «Райские острова»?

В Рыбинске находилось отделение знаменитой авиационной туполевской «шарашки» (1). Здесь А. И. Солженицын пробыл менее полугода и, как утверждала Н. А. Решетовская, использовался «по специальности — математиком» (2). 21 февраля 1947 г. Александра Исаевича вернули в Москву (3). До столицы он снова добирался в плацкартном вагоне в сопровождении спецконвоя.

Оказавшись в Бутырской тюрьме, на этот раз он провел в ней не более месяца (4).

«В марте 1947 г., — писала Наталья Алексеевна, — Саню переводят в Загорск» (5). В Загорске тоже находилась «шарашка». В ней А. И. Солженицын пробыл около трех месяцев. За это время он успел побывать и математиком, и в библиотекарем, и переводчиком, и даже экспертом по научно-техническим изобретениям (6). Для человека, который плохо знал иностранный язык и вообще не имел научно-технического опыта, это по меньшей мере странно.

Летом 1947 г. в очередной раз

спецконвой доставил
А. И. Солженицына в Москву (7).
«Находясь в московской тюрьме для
военных на Матровской Тишине в
июне 1947 года, — читаем мы в
книге Б. А. Викторова, —
Солженицын написал на имя
Генерального прокурора жалобу-
заявление». Признавая в этой
жалобе, что «в переписке с
Виткевичем и при встречах с ним
допускал неправильное толкование
по отдельным теоретическим
вопросам и неправильно критиковал
отдельных писателей и наши
литературные издательства»,
соглашаясь с тем, что в стремлении
«поскорее иметь свои собственные

оригинальные суждения», «впал в горькое и тяжкое заблуждение» (8), А. И. Солженицын обращал внимание прокуратуры на свои боевые заслуги (9) и ставил под сомнение наличие в своих действиях «контрреволюционного умысла» (10). «...что это не так, — писал Александр Исаевич, — свидетельствуют *мои произведения, которые были изъяты при моем аресте* и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств. Если внимательно ознакомиться с этими моими произведениями, отдельные из которых получили положительные отзывы, то можно усмотреть, что *все*

*они идеологически строго
выдержаны, да иначе они и не
могли быть по моему
мировоззрению.* Таким образом
полностью отпадает версия
предварительного следствия о моей
контрреволюционной деятельности»
(11).

В книге Б. А. Викторова на этом
изложение жалобы
А. И. Солженицына обрывается.
К. А. Столяров далее приводит
следующие слова: «Но если
допустить, что меня в какой-то мере
можно считать виновным по ст.58
п.10, если все мои ошибки считать
преступлением по ст.58 п.10, то
обвинение по пункту *11 ст.58* УК

исключается совершенно...» (12).

Ответа на свою жалобу А. И. Солженицын на Матросской Тишине не дождался, вскоре его отправили в новую «шарашку», которая именно в это время была переведена из Ногинска в Марфино (тогдашнее предместье Москвы, современное Останкино) и здесь размещена в здании бывшей духовной семинарии: «по-ихнему „объект № 8“ или „спецтюрьма № 16“». Так 9 июля А. И. Солженицын снова оказался в столице^[7] (13).

На сегодняшний день известно более трех десятков заключенных, которые в 1947–1950 гг. находились в

Марфино (14). Среди тех, с кем А. И. Солженицын сошелся наиболее близко прежде всего следует назвать Сергея Михайловича Ивашева—Мусатова, Льва Зиновьевича Копелева и Дмитрия Михайловича Панина.

Л. З. Копелев родился в Киеве в 1912 г., учился сначала на философском факультете Харьковского университета, затем на германском факультете МГПИИЯ, после окончания которого в 1935 г. преподавал в МИФЛИ. С начала войны находился на фронте и вел пропагандистскую работу среди немецких солдат, в 1945 г. был арестован (16).

Д. М. Панин родился в 1911 г. в Москве, происходил из дворянской фамилии, был сыном присяжного поверенного, закончил Московский институт химического машиностроения, затем — аспирантуру, в 1940 г. его арестовали и по статье 58–10 приговорили к 5 годам заключения, а в 1943 г. по новому обвинению — к 10 годам (17).

Из числа тех, с кем еще Александр Исаевич познакомился в Марфино, следует назвать Игоря Александровича Кривошеина (1899, Петербург — 1987, Париж), отец которого Александр Васильевич (1857–1921) в 1908–1915 гг. занимал

пост главным управляющего землеустройством и земледелием, а мать Елена Геннадиевна Карпова (1870–1940) была двоюродной сестрой знаменитого московского предпринимателя Саввы Тимофеевича Морозова. Закончив гимназию «Русского собрания» и Пажеский корпус, Игорь Александрович в 1916 г. получил офицерские погоны, после революции воевал в белой армии, с 1920 г. жил в Париже, учился в Сорбонском университете и в Высшей Электротехнической школе, был инженером. Когда началась Вторая мировая война, участвовал в движении Сопротивления. В 1945 г.

возглавил Содружество русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления, в 1947 г. председательствовал на учредительном съезде Союза советских граждан. 25 ноября 1947 г. был выслан в Советский Союз, где вскоре арестован (18).

В Марфино А. И. Солженицын встретил своего друга Н. Д. Виткевича. Л. З. Копелев датировал эту встречу «началом 50-го года» (19). Н. А. Решетовская писала, что узнала о появлении Николая Дмитриевича в марфинской шарашке во время свидания с мужем 20 июня 1948 г. (20). Сам Н. Д. Виткевич утверждал, что был доставлен в

Марфино после 7 ноября 1948 г. В чем причина этих расхождений и какая из трех названных датировок соответствует истине, сказать трудно (21).

То, что на «райские острова» попал А. И. Солженицын можно было бы объяснить случайностью, труднее объяснить случайностью появление вслед за ним на этих же «островах» и Н. Д. Виткевича. Еще более удивительно, что они оба оказались в Москве, причем в одной и той же «шарашке», в одно и тоже время.

Можно было бы ожидать, что, встретившись, Александр Исаевич и Николай Дмитриевич прежде всего

обменяются сведениями о том, как они оказались за колючей проволокой. *Однако увидевшись после длительной разлуки, они ни словом не обмолвились о причинах и обстоятельствах их арестов. Более того, если верить Н. Д. Виткевичу, на эту тему они вообще не говорили ни в шарашке, ни после выхода на волю. Никогда (22).*

«В... первую зиму шарашки — 1947–1948, — читаем мы в воспоминаниях Л. З. Копелева, — арестанты размещались в двух комнатах на третьем этаже... На втором этаже основные лаборатории» (23).

«В закрытом НИИ связи, — вспоминал Николай Дмитриевич, — я работал в вакуумной лаборатории, изготавливал первые отечественные кинескопы для телевизоров. Через коридор в акустической лаборатории работал Солженицын, изучая особенности звуков при прохождении теле— и радиоканалов» (24).

К этим словам необходимо сделать небольшое уточнение. Первоначально А. И. Солженицыну была доверена техническая библиотека, но «зимой 48–49 гг., — писал Л. З. Копелев, — шарашку передали новому хозяину — МГБ. Начальником стал Антон

Михайлович В.» (25). Произошли кадровые перестановки и только после этого Александра Исаевича перевели из библиотеки в акустическую бригаду (26).

Акустическую бригаду в то время возглавлял инженер-экономист Александр Михайлович П. (27). По свидетельству Л. З. Копелева, несколько позднее бригада «была включена в новосозданную акустическую лабораторию, начальником которой стал Абрам Менделевич Т. — он же помощник начальника Института по научной части» (28).

«Абрам Менделевич Т.» — это, по всей видимости, Авраам

Менделевич Трахтман (р. 1918). Закончив в 1941 г. Московский электротехнический институт связи, он до 1950 г. работал в Центральном НИИ связи, а в 1950–1996 гг. — в НИИ-885 (с 1963 г. — это НИИ приборостроения, с 1990 г. — Российский НИИ космического приборостроения) (29).

В то время, как Александр Исаевич осваивался в шарашке, Наталья Алексеевна с осени 1945 г. училась в аспирантуре МГУ и регулярно посещала мужа как до его отъезда в Рыбинск, так и после возвращения из Загорска. В 1947 г. срок ее пребывания в аспирантуре подошел к концу, и хотя к этому

времени она не только не завершила работу над диссертацией, но и была иногородней, ее оставили в университете (30). 23 июня 1948 г. она защитила кандидатскую диссертацию (31), но через год, 6 июня 1949 г., ее неожиданно уволили (32). Формально за то, что, уходя с работы, не закрыла окно и дверь в лаборатории. Через некоторое время этот приказ был отменен, и ей позволили уволиться по собственному желанию (33). Однако она вынуждена была оставить не только университет, но столицу (34). Причина этого, по свидетельству Натальи Алексеевны, заключалась в том, что только к лету 1949 г. отделу

кадров университета стало известно, кто ее муж. Не помогло и оформление развода (35).

Покинув Москву, осенью 1949 г. Н. А. Решетовская стала доцентом Рязанского сельскохозяйственного института (36), а через некоторое время возглавила здесь кафедру химии (37). Обосновавшись на новом месте, она получила две комнаты в трехкомнатной коммунальной квартире в 1-м Касимовском переулке и перевезла сюда свою мать Марию Константиновну (38).

А пока Н. А. Решетовская улаживала свои дела, в марфинской шарашке произошло следующее событие. Как пишет Л. З. Копелев,

«поздней осенью 1949 года» он был вызван к Антону Михайловичу, который ознакомил его с записью нескольких подслушанных органами госбезопасности телефонных разговоров. В ходе одного из них неизвестный сообщил в американское посольство, что в США направлен советский разведчик для получения сведений об атомной бомбе, и указал возможное место его встречи со своим американским партнером (39).

Для идентификации голоса этого неизвестного и установления его личности срочно была создана специальная секретная лаборатория, научным руководителем которой стал

Л. З. Копелев. О том, как развивались события дальше, мы имеем две версии.

По одной из них, исходящей от Л. З. Копелева, «в первый же день» он познакомил с полученным им заданием А. И. Солженицына (40). «Солженицын, — вспоминал Лев Зиновьевич, — разделял мое отвращение к собеседнику американцев. Между собой мы называли его „сука“, „гад“, „блядь“ и т. п.» (41). Установив общность взглядов в данном вопросе, Л. З. Копелев привлек Александра Исаевич к выполнению этого государственно важного и сверхсекретного задания (42). В

результате на свет появились «два больших толстых тома», которые содержали «отчет о сличении голосов неизвестных А-1, А-2, А-3, А-4 (три разговора с посольством США и один с посольством Канады), неизвестного Б. (разговор с женой) с голосом подследственного Иванова», позволившем изобличить изменника (43).

А вот что писал А. И. Солженицын Сергею Николаевичу Никифорову, вместе с которым находился в Марфино: «Дорогой Сережа. Очень благодарен тебе за твою информацию о содержании двух толстых книг Копелева („Утоли мои печали“ и

„Хранить вечно“ — С.Н.). *Я и не думал их читать*: и по толщине, и по тому, что никак не предполагал найти в них что-нибудь разумное или душеполезное. Сейчас *ты мне заменил чтение*. Просто волосы дыбом становятся от этих высказываний, которые он сам и выкладывает. Значит, он посылал доносы через оперов — а как же иначе? Врет он, что я „увлеченно участвовал в его игре“. Дело было, как описано в „Круге“ (имеется в виду роман „В круге первом“ — А.О.): он открыл мне тайну, чтобы завлечь меня в его группу, а я отказался наотрез. Но у меня в тот самый момент сверкнуло, что это —

потрясающий сюжет для романа, и я расспросил его о подробностях, сколько он мне сказал (Фамилии „Иванов“ не назвал). *Итак черноты его падения — я не знал до вот этого твоего письма.* А обрисовал (в „Круге“) его — как твердолобого марксиста искреннего в убеждениях, а в отношениях к людям доброго. Ты, *может быть сообщишь мне главные страницы Копелева, на которых все это содержится?* (Сообщил — С.Н.). Поссорились мы с ним осенью 1973. В 1983–85 обменялись несколькими письмами на Западе, и снова поссорились уже навсегда... Крепко жму руку. Солженицын. *4 февраля 1993 г.»*

(44).

Кому же верить?

Для того, чтобы понять это, необходимо учесть — в письме С. Н. Никифорову А. И. Солженицын кривил душой, будто бы только от него узнал, что Л. З. Копелев называл его своим соучастником по разоблачению «дипломата Иванова». Чтобы убедиться в этом откройте ту часть воспоминаний А. И. Солженицына «Зернышко», которая появилась на свет в 1987 г., т. е. за шесть лет до письма С. Н. Никифорову (45), и вы узнаете, что А. И. Солженицын и Л. З. Копелев поссорились в 1983–1985 гг. как раз из-за того, что

последний предал огласке данный эпизод^[8] (46).

Через некоторое время после этой истории в жизни Александра Исаевича произошел резкий поворот. 14 мая 1950 г. он писал жене: «Я живу по-прежнему, здоров, бодр, изменений в жизни пока никаких» (47), а 19-го его перевели в Бутырскую тюрьму, а затем отправили в лагерь (48).

Что же произошло?

Н. А. Решетовская, явно со слов мужа, писала, что в «шарашке» Александр Исаевич стал все больше и больше заниматься своими делами в ущерб государственному. Это было замечено, и его отправили в лагерь:

«Монотонная работа, — утверждала она, — которую Саня должен был выполнять год за годом, — становилась постылой, забрасывалась. Он все больше внимания уделял своим делам... А какому начальству нужен такой зэк? В результате... муж убыл на восток» (49). Во-первых, выполняемая в «шарашке» работа была не «монотонной», а творческой, а во-вторых, можно подумать, что работа в лагере была интереснее и приятнее.

Сам А. Солженицын предложил три версии своего расставания с «шарашкой», что уже само по себе показательно.

Одна из них нашла отражение в «Архипелаге»: «...Я вдруг потерял вкус держаться за эти блага. Я уже нащупывал новый смысл тюремной жизни... Дороже тамошнего сливочного масла и сахара мне стало — распрямиться», и я «казенную работу нагло перестал тянуть» (50). Оказывается, в лагерях не нужно было «тянуть» «казенную работу» и можно было «распрямиться». Правда, это видел и понимал только А. И. Солженицын. Остальные заключенные, которым был доступен только старый «смысл тюремной жизни», называли лагеря «каторгой», а «шарашки» — «райскими островами». Непонятно лишь, зачем

открывший «новый смысл тюремной жизни» Александр Исаевич написал свой «Архипелаг»?

По другой версии, которая нашла отражение в воспоминаниях Л. З. Копелева (см. также роман «В круге первом»), в 1950 г. А. И. Солженицыну было предложено перейти в из акустической лаборатории в математическую группу, он отказался и за это вообще был удален с шарашки (51). Это объяснение тоже вызывает сомнения. Во-первых, вряд ли бы А. И. Солженицын, который был и математиком, и библиотекарем, и техническим экспертом, и переводчиком, стал

рисковать своим положением по такому поводу, а во-вторых, не следует забывать, что одновременно с ним из шарашки были удалены еще несколько человек, в частности, Перец Герценберг (52) и Дмитрий Панин (53).

Уже в эмиграции А. И. Солженицын предложил третью версию: «...я в артикуляционной группе лепил безжалостные приговоры престижным секретным телефонным системам и за то загремел в лагеря» (54). Эта версия представляется более правдоподобной. Однако она тоже вызывает сомнения, так как оставляет без объяснения, каким

образом в одной связке с Александром Исаевичем оказались П. Герценберг и Д. Панин?^[9]

Видимо, сознавая несерьезность этих объяснений, Н. Д. Виткевич выдвинул еще одну версию. По его утверждению, подобная перетасовка в шарашках была обычным явлением и вызывалась необходимостью сохранения секретной информации, к которой были допущены заключенные, для чего их за три года до освобождения отстраняли от секретов и переводили на общие работы или отправляли в ссылку (55). Почему же тогда некоторые заключенные (например, Л. З. Копелев) из шарашки сразу же

выходили на волю? (56).

Обилие версий свидетельствует о стремлении Александра Исаевича и его товарищей скрыть реальную причину его отправки в лагерь. Подтверждением этого является недавно вышедшая книга Н. А. Решетовской «В круге втором». Из цитируемых в ней писем А. И. Солженицына на волю, мы узнаем, что отъезд из Марфино был для него неожиданным, уезжать оттуда он не хотел, а когда покинул ее, пытался добиться возвращения в рыбинскую шарашку (56а), где, как мы помним, его использовали по специальности — математиком.

Описывая в романе «В круге

первом» отъезд Глеба Нержина из шарашки, А. И. Солженицын отмечает, что он вынужден был уничтожить все свои записи, которые были сделаны им до этого (57). А какова судьба собственных записей автора романа?

«Солженицын, — писал по этому поводу Л. З. Копелев, — оставил мне свои конспекты по Далю, по истории и философии, несколько книг, среди них растрепанный томик Есенина — подарок жены с надписью „Все твое к тебе вернется“». По свидетельству Л. З. Копелева, «конспекты» и книги Александра Исаевича он передал на волю вместе с одним из

освободившихся заключенных (58).

Если исходить из воспоминаний Н. А. Решетовской, то самое ценное из своих бумаг ее муж доверил одной из сотрудниц МГБ по имени «Анечка» (59).

«Анечка» фигурирует и в воспоминаниях Л. З. Копелева. «Лабораторией, — пишет он, имея в виду 1949 г., — по-прежнему руководил капитан Василий Николаевич... А его непосредственной помощницей стала старший техник-лейтенант Анна Васильевна... На шарашку она пришла в 1949 г. сразу после окончания института связи... Некоторое время она была

помощницей Солженицына —
бригадиром артикуляторов и
дикторшей. И, разумеется,
влюбилась в него» (60).

Каторга

В Бутырскую тюрьму
Д. М. Панин и А. И. Солженицын
были переведены 19 мая 1950 г. (1).
Из воспоминаний Дмитрия
Михайловича остается неясно, как
долго они пробыли там (2). По
свидетельству Александра Исаевича,
в день их отправки в лагерь на
Казанском вокзале по репродуктору
они «услышали о начале корейской

войны» (3). А поскольку эта война вспыхнула 25 июня 1950 г. (4), то из Москвы их могли отправить не ранее названной даты.

Как явствует из «Архипелага», «за Рязанью» в поезде Александр Исаевич встретил «красный восход», «больше месяца» пришлось «загорать» «на Куйбышевской пересылке», затем «Омская тюрьма,.. потом Павлодарская», восемь часов по «ухабам» и — Степной лагерь (5).

Карточка заключенного А. И. Солженицына, обнаруженная в Информационном центре прокуратуры Карагандинской области, свидетельствует, что 18 августа 1950 г. Александр Исаевич

был доставлен в Караганду и в тот же день определен в 9-е лагерное отделение Степлага МВД СССР (6), который входил в состав треста «Иртышуглестрой» города Экибастуза Павлодарской области, а поэтому имел еще одно название Экибастузский лагерь (7).

«Экибастузский лагерь, — пишет А. И. Солженицын, — был создан за год до нашего приезда — в 1949 году, и все тут так и сложилось по подобию прежнего, как оно было принесено в умах лагерников и начальства. Были комендант, помкоменданта и старшие барачников, кто кулаками, кто доносами изнимавшие своих подданных. Был

отдельный барак придурков, где на вагонках и за чаем дружески решались судьбы целых объектов и бригад. Были (благодаря особому устройству финских бараков) отдельные „кабины“ в каждом бараке, которые занимались по чину, одним или двумя привилегированными зэками. И нарядчики били в шею, и бригадиры — по морде, и надзиратели — плетками. И подобрались наглые мордастые повара. И всеми каптерками завладели свободолюбивые кавказцы. А прорабские должности захватила группка проходимцев, которые считались все инженерами. А

стукачи исправно и безнаказанно носили свои доносы в оперчасть. И, год назад начатый с палаток, лагерь имел уже и каменную тюрьму, — однако еще не достроенную и потому сильно переполненную, очереди в карцер с уже выписанным постановлением приходилось ожидать по месяцу и по два — беззаконие да и только» (8).

Из своих новых знакомых А. И. Солженицын называет Павла Баранюка и Владимира Гершуни (9). «Мы, — вспоминает Александр Исаевич, — четверть сотни новоприбывших, большей частью западные украинцы, сбились в одну бригаду, и удалось договориться с

нарядчиком иметь бригадира из своих — того же Павла Баранюка. Получилась из нас бригада смирная, работающая... Дней несколько мы считались чернорабочими, но скоро объявились у нас каменщики — мастера, а другие взялись подучиться и так мы стали бригадой каменщиков» (10).

В «Хронографе» Н. А. Решетовской приводится фрагмент из письма Александра Исаевича от 14 марта 1952 г., в котором говорилось: «По приезде осень, зиму и весну работал я каменщиком, натерпелся горюшка от холода (лютая была зима), но зато научился хоть одной трудовой

специальности» (11). Вначале А. И. Солженицын осваивал профессию каменщика на строительстве жилого дома, потом их бригаду перебросили на строительство БУРа (барак усиленного режима) в самом лагере. Здесь Александр Исаевич работал в сентябре-октябре 1950 г. (12). Затем его перевели на строительстве ТЭЦ (13), а оттуда не позднее 19 января 1951 г. — в Автомастерские, в бригаду Д. М. Панина (14). «В бригаде Панина... — вспоминал С. Бадаш — ходил зэк — нормировщик постоянно с папочкой нормативных справочников, — это был Саша Солженицын» (15). После

того, как Д. М. Панина перевели на инженерную должность, по одним данным, весной (16), по другим — «с начала лета Саня работал уже бригадиром» (17).

Казалось бы, заброшенный в далекий Экибастуз, оторванный от своих товарищей по «шарашке», Александр Исаевич должен был установить с ними переписку. Причем поскольку «шарашку» покинул он — и, следовательно, он знал их адрес, а они его нет, — первым должен был написать А. И. Солженицын. Однако, насколько известно, находясь в Экибастузе, ни с Н. Д. Виткевичем, ни с Л. З. Копелевым он не

переписывался (18). Что же касается Н. А. Решетовской, то она получила из Экибастуза всего шесть писем: одно в 1950 г., два в 1951, два в 1952 г. и одно в 1953 г. Это было связано не только с теми порядками, которые существовали в лагере, но и с тем, что в 1952 г. Наталья Алексеевна вступила в Рязани в гражданский брак с Владимиром Сергеевичем Сомовым (19).

Летом 1951 г. в лагерь прибыло около двух тысяч бандеровцев, общая численность заключенных достигла пяти тысяч. По свидетельству А. И. Солженицына, сразу же после этого началась охота за осведомителями, по лагерю

прокатилась волна убийств (20).

«На пять тысяч человек было убито с дюжину — читаем мы в «Архипелаге», — но с каждым ударом ножа отваливались и отваливались щупальцы, облепившие, оплетшие нас. Удивительный повеял воздух! Внешне мы, как будто, по-прежнему были арестанты и в лагерной зоне, на самом деле мы стали свободны — свободны, потому что впервые за всю нашу жизнь, сколько мы ее помнили, мы стали открыто, вслух говорить, все, что думаем!.. *А стукачи — не стучали...* До тех пор оперчасть кого угодно могла оставить днем в зоне, часами беседовать с ним — получать

ли доносы? давать ли новые задания?.. Теперь если оперчекисты и велели кому-нибудь остаться от развода, — он не оставался!» (21).

Откуда

зэка [\[10\]](#)

А. И. Солженицын мог знать, как вели себя те, кого оставлял в лагере «кум», и, тем более, что стукачи перестали стучать? Или приведенное свидетельство — это авторская фантазия, или же следует признать, что Александр Исаевич опирался на откровения лагерного «кума».

К концу декабря Степлаг был разделен высоким, четырехметровым забором на две зоны, после чего в воскресенье, 6 января 1952 г., началась пересортировка

заклученных. В одной зоне было оставлено около двух тысяч украинцев, в другую переведены остальные, среди них и Александр Исаевич. В этой второй зоне находился БУР. Сюда стали переводить бандеровцев, подозревавшихся в убийствах. По свидетельству А. И. Солженицына, для получения необходимых сведений их избивали, крики избиваемых разносились по лагерю и способствовали электризации настроений среди заключенных (22).

В таких условиях вечером 22 января было совершено нападение на БУР. В ответ заговорили пулеметы. В зону вошли автоматчики и стали

загонять заключенных в бараки. Все, кто не успел попасть в бараки до их закрытия, были арестованы как участники беспорядков. В это время Александр Исаевич и возглавляемая им бригада находились в столовой и участия в волнении не принимали (23).

Давая хронику тех событий, А. И. Солженицын пишет: «Стрельба охраны по безоружному лагерю и избиение беззащитных 22 января 1952 г... 23 января — частично начали забастовку те бараки, где есть убитые». В этот день на работу вышла только бригада А. И. Солженицына, которая трудилась в механических

мастерских. На следующий день она тоже осталась в бараке, в результате чего забастовка стала всеобщей. «24-25-26 января — продолжает Александр Исаевич, — три дня голодовки—забастовки всего лагпункта. 27-го — мнится победа, администрация заявляет, что требования будут выполнены. 28-го — опрос требований и собрание бригадиров» (24).

А когда 29 января бараки были открыты и заключенные вернулись на работу, Александр Исаевич исчез.

«Это, — пишет он, — был мой последний бригадирский день, у меня *быстро* росла *запущенная опухоль*, операцию которой я *давно*

откладывал на такое время, когда, полагерному, это будет „удобно“. В январе и особенно в роковые дни голодовки опухоль за меня решила, что сейчас — удобно, и *росла почти по часам*. Едва раскрыли бараки, я показался врачам и меня назначили на операцию» (25). Позднее он напишет: «29-го января я уйду в больницу на операцию *раковой опухоли*» (26).

Если бы А. И. Солженицын был неграмотным человеком, можно было бы допустить, что он долгое время не обращал внимание на разраставшуюся опухоль, но невероятно, чтобы она не привлекла к себе внимание человека, имевшего

университетское образование и знавшего, что такое рак. Бросается в глаза и внутренняя противоречивость его слов: с одной стороны, он пишет, что опухоль появилась «давно» и характеризует ее как «запущенную», этим самым давая понять, что долгое время она не вызывала у него тревоги, с другой стороны, утверждает, что она «быстро» росла, а во время лагерного бунта стала расти «почти по часам». Однако за те несколько дней, на протяжении которых продолжались лагерные беспорядки, не вызывающая беспокойства опухоль не могла приобрести угрожающие размеры.

Что представляла собою эта

опухоль, Александр Исаевич не пишет, но из его прошения о помиловании 1955 г. явствует, что у него была *семинома*, т. е. опухоль яичка (27).

Несмотря на то, что Александр Исаевич был положен в больницу, по одним данным, 29 января (28), по другим — 30-го (29), на протяжении почти двух недель врачи не предпринимали никаких действий (30) и только 12 февраля, если верить А. И. Солженицыну (а на сегодняшний день это единственный источник), у него была произведена операция (31).

Касаясь в «Архипелаге» этого эпизода, Александр Исаевич пишет:

«Я лежу в послеоперационной. *В палате я один*: такая заваруха, что *никого не кладут*, замерла больница» (32). Объясняя, почему именно «замерла больница», в другом месте «Архипелага» он уточняет: «В... послеоперационной... я пролежал *долго и все один* (из-за ареста хирурга операции остановились)» (33). Можно было бы подумать, что А. И. Солженицыну повезло, и его успели оперировать до ареста хирурга. Но вот его собственное свидетельство на этот счет. «... *накануне назначенной мне операции* арестовали и хирурга Янченко, тоже увели в тюрьму» (34).

Кто же тогда делал операцию? Ответа на этот вопрос в «Архипелаге» нет. Не исключено, что события развивались также, как в повести «Раковый корпус», где для производства операции у ее героя Костоглотова *«дней через пять* привезли с другого лагпункта другого хирурга, немца, Карла Федоровича» (35).

Но тогда, мы должны констатировать следующий факт: проявив по отношению к Александру Исаевичу редкую гуманность, лагерная администрация не проявила ее по отношению к другим пациентам, среди которых были не только заключенные, но надзиратели.

Признать факт вызова хирурга из другого лагеря только для операции А. И. Солженицыну, это значит признать его совершенно особый статус как заключенного. Но поставить вызов хирурга под сомнение, значит допустить, что никакой операции Александру Исаевичу не делали и лагерная администрация просто-напросто скрывала его в медсанчасти.

В связи с этим бросается в глаза то, что не позднее 12 февраля в лагерь приехала следственная бригада для выяснения обстоятельств произошедшего бунта (36), после чего были произведены дополнительные аресты и 13-го

начались допросы заключенных (37), а затем их начали группами увозить из лагеря. «Отправляли куда-то маленькие этапы человек по двадцать-тридцать,.. — читаем мы в «Архипелаге», — И вдруг 19 февраля стали собирать огромный этап человек в семьсот. Этап особого режима: этапируемых на выходе из лагеря заковывали в наручники» (38).

В первом издании «Архипелага» на этом Александр Исаевич ставил точку (39), во втором после приведенных слов появилось продолжение: «В том большом этапе был и я. И начальница санчасти Дубинская согласилась на мое этапирование с незажившими швами.

Я чувствовал — и ждал, как придут — откажусь: расстреливайте на месте. Всё же не взяли» (40).

Читая эти строки, нельзя не выразить удивления, почему А. И. Солженицын не упомянул о столь важном факте как включение его в «большой этап» в первом издании «Архипелага»? Очень странное впечатление производит и содержание сделанного им дополнения.

После операции яичка швы заживают в течение одной — реже двух недель (41). Поэтому если бы Александр Исаевич действительно значился в списках «этапа особого режима», то 19 февраля его

отправили бы вместе со всеми. Но если даже допустить, что к этому времени швы действительно не зажили и администрация лагеря проявила гуманность, то, будь А. И. Солженицын в списке этаплируемых, его *обязаны* были отправить на новое место по выздоровлению. А так как его никто не тронул, то или весь этот эпизод выдуман с целью подчеркнуть особую роль А. И. Солженицына январском бунте, или же если его фамилия фигурировала среди этаплируемых, то лишь для отвода глаз.

«Через две недели, — писала Н. А. Решетовская, ведя отсчет от

операции — Саню выписали из больницы» (42).

Заканчивая рассмотрение этого эпизода в жизни А. И. Солженицына, представляется необходимым обратить внимание еще на три факта.

Первый факт. Во время пребывания А. И. Солженицына в послеоперационной палате неожиданно был убит врач Борис Абрамович Корнфельд (43). Чем он мог не угодить заключенным, трудно представить. Может быть, его убили по ошибке?

Второй факт. Оказывается, до событий 1952 г. Александр Исаевич ходил под одним лагерным номером, а по выходе из больницы — под

другим. «Весь Экибастуз, — пишет он, — я проходил с номером Щ-232, в последние же месяцы приказали мне сменить на Щ-262. Эти номера я и вывез тайно из Экибастуза, храню и сейчас» (44). Не принадлежал ли новый номер Б. А. Корнфельду?

Третий факт. Если бы во время лагерного бунта Александр Исаевич действительно попал в черные списки, то по возвращении из больницы его ждали общие работы. Однако, как пишет Н. А. Решетовская, «Саня начал учиться столярному делу, но овладеть им, как мечталось, не успел: перевели в литейный цех» (45). Еще более важно то, что в 1952–1953 гг.

он оказался в числе тех немногих заключенных, которые получали зарплату: часть заработка шла в лагерь, «зато оставшиеся 30–10 % всё же записывали на лицевой счет заключенного, и хоть не все эти деньги, но часть их (если ты ни в чем не провинился, не опоздал, не был груб, не разочаровал начальство) можно было по ежемесячным заявлениям переводить на новую лагерную валюту — боны, и эти боны тратить» (46).

Для некоторых была и такая каторга.

Один этот факт свидетельствует, что лагерное начальство не собиралось наказывать

А. И. Солженицына и все, что он пишет на этот счет, выдуманно от начала до конца.

Тайна «12 тысяч строк»

Оказавшись за колючей проволокой, А. И. Солженицын вернулся к литературной деятельности. По его словам, это произошло летом 1946 г. в одной из бутырских камер: «С той камеры, — вспоминал он позднее, — потянулся... я писать стихи о тюрьме» (1).

Говоря о своем лагерном творчестве, Александр Исаевич

долгое время утверждал, что первоначально оно ограничивалось только стихами, затем он стал сочинять автобиографическую поэму «Дороженька» (2), потом перешел к пьесам в стихах и только после этого снова взялся за прозу. В «Теленке» специально подчеркивается, что он писал *«сперва стихи, потом пьесы, потом и прозу»* (3). Главным своим делом того времени Александр Исаевич считает поэму: «Все лагерные годы, я, по сути дела, ее писал и писал, потом пьесы» (4).

Объясняя причину обращения к поэтическому жанру, Александр Исаевич признается, что это было связано с невозможностью писать

открыто и открыто хранить написанное. «Я, — отмечал он, — вынужденно писал в стихах только для того, чтобы запомнить как-нибудь, в голове проносить» (5).

Характеризуя процесс своего лагерного творчества, А. И. Солженицын пишет: «Иногда в понурой колонне, под крики автоматчиков, я испытывал такой напор строк и образов, будто несло меня над колонной по воздуху — скорее туда, на объект, где-нибудь в уголке записать... Я записывал лишь корневую основу... в виде существительного или превращая в прилагательное. Память — это единственная заначка, где можно

держат написанное, где можно проносить его сквозь обыски и этапы. Поначалу я мало верил в возможности памяти и потому решил писать стихами. Это было, конечно, насилие над жанром. Позже я обнаружил, что и проза неплохо утолчивается в тайные глубины того, что мы носим в голове... Но прежде чем что-то запомнить, хочется записать и отделать на бумаге... Я решил писать маленькими кусочками по 12–20 строк, отделав — заучивать и сжигать» (6).

Но чем больше объем созданного, тем сложнее хранить его в памяти. Как же А. И. Солженицын выходил из этого положения? Если

верить ему, то все сочиненное он периодически повторял. В одном случае он утверждает, что к концу срока это занимало неделю в месяц (7), в другом — десять дней (8).

Для этого, по словам Александра Исаевича, он первоначально использовал следующий прием: «...я наламыывал обломков спичек, на портсигаре выстраивал их в два ряда — десять единиц и десять десятков и, внутренне произнося стихи, с каждой строкой перемещал одну спичку в сторону. Переместив десять единиц, я перемещал один десяток. Но даже и эту работу приходилось делать с оглядкой; и такое невинное

передвигание, если б оно сопровождалось шепчущими губами или особым выражением лица, навлекло бы подозрение стукачей. Я старался передвигать как бы в полной рассеянности. Каждую пятидесятую и сотую строку я запоминал особо — как контрольные. Раз в месяц я повторял все написанное. Если при этом на пятидесятое или сотое место выходила не та строка, я повторял снова и снова, пока не улавливал ускользнувших беглянок» (9).

Так, по утверждению А. И. Солженицына, продолжалось до лета 1950 г. «На Куйбышевской пересылке, — пишет он, — я увидел,

как католики (литовцы) занялись изготовлением самодельных тюремных четок. Они делали их из размоченного, а потом промешанного хлеба, окрашивали (в черный цвет — жженой резиной, в белый — зубным порошком, в красный — красным стрептоцитом), нанизывали во влажном виде на ссученные и промышленные нитки и давали досохнуть на окне. Я присоединился к ним... Литовцы... помогли... С этим их *чудесным подарком* я не расставался потом никогда... И через обыски я проносил его... в ватной рукавице... Раз несколько находили его надзиратели, но догадывались, что

это для молитвы и отдавали. До конца срока (когда набралось у меня уже *12 тысяч строк*), а затем еще и в ссылке помогало мне это ожерелье писать и помнить» (10).

Казалось бы, все ясно, но вот мы открываем «главный текст» «Теленка» и читаем: «...*в лагере* пришлось мне стихи заучивать наизусть — многие тысячи строк. Для того *я придумал четки* с метрической системой, а *на пересылках* наламывал спичек обломками и передвигал. Под конец лагерного срока, поверивши в силу памяти, я стал писать и заучивать диалоги в прозе, маненько — и сплошную прозу. Память вбирала!

Шло. Но больше и больше уходило времени на ежемесячное повторение всего объема заученного» (11).

Оставляя в стороне вопрос о том, сам ли Александр Исаевич придумал четки или же все-таки заимствовал их у литовцев, нельзя не обратить внимание на то, что в первом случае до 1950 г. (Куйбышевская пересылка) он использовал при повторении спички, во втором до экибастузского лагеря не использовал никаких вспомогательных контрольных средств. Уже одно это заставляет относиться к рассказанной А. И. Солженицыным истории о характере его литературного

творчества за колючей проволокой с осторожностью. Есть в ней и другие неувязки. Допустим, Александр Исаевич действительно прятал на обыске четки в «ватной рукавице»; но это можно было делать только зимой; а где он хранил их весной, летом и осенью? Непонятно и то, для чего ему нужно было «это ожерелье» в ссылке, когда он уже не подвергался обыскам и имел возможность писать более или менее свободно.

Заставляют задуматься и некоторые особенности описанного им литературного творчества, при котором автор был лишен возможности видеть весь

сочиненный текст и возвращаться по мере необходимости к отдельным его частям. В результате он не только не мог отделять написанное, но и должен был сочинять последовательно: строку за строкой, строфу за строфой, стихотворение за стихотворением, одну главу поэмы за другой, пока не была завершена поэма, невозможно было переходить к пьесам, только после завершения одной пьесы можно было переходить к другой. Подобное творчество предполагает рационалистический склад ума, но его не может быть у поэта, у которого образы и рифмы рождаются произвольно, часто ассоциативно.

В связи с этим особое значение приобретает вопрос о хронологии работы над отдельными произведениями. Если обратиться к их опубликованным текстам, то до недавнего времени картина литературного творчества А. И. Солженицына выглядела следующим образом: «Лагерные стихи»: 1946–1953 (12). Поэма «Дороженька» — по одним данным, начата в 1947 (13), по другим — в 1948 г (14). Поэма «Прусские ночи»: 1950, Экибастуз (15). Пьеса «Пир победителей»: 1951. Экибастуз, на общих работах, устно (16). Пьеса «Пленники»: 1952–1953, Экибастуз на общих работах, устно, Кок-Терек

(17).

Подобная последовательность была возможна только в том случае, если бы «Прусские ночи», «Пир победителей» и «Пленники» вписывались в хронологию поэмы. И действительно, имеются сведения, что «Прусские ночи» и «Пир победителей» первоначально были задуманы как восьмая и девятая главы поэмы (18). Согласуется с этим и опубликованная Н. А. Решетовской графическая схема литературного творчества А. И. Солженицына, которая была составлена им самим в 1967–1968 гг. и называется «Исторические даты» (19).

Однако далее начинаются

противоречия.

25 июля 1966 г. в письме Л. И. Брежневу, А. И. Солженицын заявил, что «Пир победителей» был написан в «1948–49 гг.». (20). Ошибка в датировке событий по истечении полутора десятков лет явление распространенное, но неужели человек, обладавший феноменальной памятью, которая позволяла хранить в голове «многие тысячи строк», не мог вспомнить, работал ли он над пьесой в шарашке (1947–1950) или же в лагере (1950–1953)?

Вызывает удивление и другой факт. В «Архипелаге» Александр Исаевич рассказывает о трех случаях,

когда у него изымались фрагменты его литературных произведений: из «Прусских ночей» (21), из одиннадцатой главы поэмы «Дороженька» (22), из пьесы «Пир победителей» (23) Первый случай мог иметь место осенью 1950 г. (24), второй — весной — осенью 1951 или же весной — осенью 1952 г. (25) Если уже весной 1951 г. автор работал над одиннадцатой главой, как он мог успеть за полгода не только завершить «Прусские ночи», но и написать «Пир победителей»? Если работа над одиннадцатой главой велась весной-осенью 1952 г., мог ли за следующие полгода автор закончить поэму и начать новую

пьесу «Пленники»?

Здесь мы сталкиваемся с еще одним противоречием. В одном случае А. И. Солженицын датирует завершение работы над поэмой «Дороженька» 1952 г. (26), в другом — 1953 г. (27).

Отмеченные противоречия дают основания думать, что необходимой последовательности в создании отдельных произведений не существовало. А это порождает сомнение в том, что Александр Исаевич творил без сохранения написанного на бумаге.

Эти сомнения получили подтверждение в 1999 г., когда вышел сборник его произведений

«Протеревши глаза». Из него мы узнали о существовании еще одного солженицынского произведения — незаконченной автобиографической повести о войне, которая была опубликована им под названием «Люби революцию» (28). Как мы знаем, по утверждению Н. А. Решетовской, под таким названием у ее мужа существовал замысел романа не о войне, а революции (29). А поскольку никакого отношения к революции данная повесть не имеет, есть основания полагать, что первоначально она называлась по-другому. Вероятнее всего, это та самая повесть, которую он задумал

еще на фронте под названием «Шестой курс» (30).

Представляя это произведение читателям, Александр Исаевич сопровождал его следующим комментарием: «Неоконченная повесть. Задумывалась как прозаическое *продолжение* „Дороженьки“. Предполагалось и дальше большое протяжение — с историей создания и боевой жизни „одного разведдивизиона“. Главы 1–5 написаны в 1948 на шарашке в Марфино» (31).

Таким образом, если первоначально А. И. Солженицын утверждал, что вернулся к прозе и «поманеньку» стал ее запоминать

только тогда, когда уже были написаны пьесы в стихах, теперь выясняется, что повесть предшествовала пьесам. Более того, в 1948 г. она составляла 8 авторских листов. Возможность сохранения ее в памяти на протяжении почти пяти лет, даже при регулярном повторении, представляется невероятной. Видимо, понимая это, Александр Исаевич не стал поддерживать свою прежнюю версию и сообщил нам, что он писал повесть, как все смертные, на бумаге и даже приложил к своей публикации несколько факсимильных страниц самой рукописи (32). Эту рукопись, покидая

Марфино, он, оказывается, и передал на хранение сотруднице марфинской «шарашки» — «Анечке», А. В. Исаевой (33).

Следовательно, поражавшая до этого наше воображение история о том, как на протяжении почти семи лет будущий автор «Архипелага» занимался литературным творчеством, лишь изредка прибегая к перу и бумаге и храня все сочиненное им в памяти, — это миф.

Но, может быть, перо и бумага были доступны только в шарашке, и рассказанная история относится к Экибастузу?

Касаясь этого вопроса в «Архипелаге» и подчеркивая

суровость режима в Особом лагере, Александр Исаевич пишет: «Карандаш и чистую бумагу в лагере иметь можно, **но нельзя иметь написанного** (если это — не поэма о Сталине). И если ты не придуряешься в санчасти и не прихлебатель КВЧ, ты утром и вечером должен пройти обыск на вахте» (34).

В этих словах нетрудно заметить два противоречия.

Во-первых, если заключенным разрешалось иметь «карандаши и чистую бумагу», то, разумеется, для того, чтобы они писали. А если писать все-таки было можно, то почему нельзя было хранить

написанное? И во-вторых, при чем здесь «обыск на вахте»? неужели имея в лагере «карандаши и чистую бумагу» вполне законно, заключенные могли писать только тайно за пределами лагеря?

Видимо, забыв свои же собственные слова, Александр Исаевич в том же томе «Архипелага» рассказывает, как заключенный Арнольд Львович Раппопорт «уже не первый год терпеливо» составлял «универсальный технический справочник» и одновременно писал «в клеёнчатой черной тетрадке» и хранил в экибастузском лагере целый трактат «О любви» (35). Фигурирует в «Архипелаге» и «тверичанин

Юрочка Киреев — поклонник Блока и сам пишущий под Блока» (36). Из «Теленка» мы узнаем что заключенный Альфред Штекли написал в лагере целый роман (37). А Н. А. Решетовская цитирует письмо бывшего заключенного А. Ф. Степового, который сообщал, что «с лагеря привез дневников тетрадей шестьдесят штук» (38). Есть сведения, что писал в лагере и А. И. Солженицын. «Мне запомнилось, — вспоминал бывший заключенный Б. С. Бурковский, — что он лежа на нарах, читал затрепанный том словаря Даля и записывал что-то в большую тетрадь» (39).

Но если писать в лагере разрешалось и разрешалось хранить написанное, то Александр Исаевич вполне мог использовать перо и бумагу для своего литературного творчества не только в шарашке, но и в лагере. Об этом свидетельствует опубликованное в 1990 г. на страницах экибастузской газеты «Заветы Ильича» интервью журналиста П. Оноприенко с бывшим рабочим экибастузского Деревообрабатывающего комбината М. Ж. Нефедовым, который там встречался с А. И. Солженицыным. М. Ж. Нефедов утверждает, что в лагере многие знали о литературных занятиях Александра Исаевича и что

в свое время тот передал ему на хранение несколько своих исписанных блокнотов, которые, однако, сохранить не удалось (40).

Если и в шарашке, и в лагере Александр Исаевич имел возможность писать как все, возникает вопрос о содержании написанного. Очевидно, что хранить он мог только в то, что не являлось криминальным. Между тем известные нам его «лагерные» произведения назвать безупречными с точки зрения советской цензуры нельзя.

Как же объяснить это противоречие?

В поисках ответа на

поставленный вопрос обратимся к лагерной поэзии А. И. Солженицына. Вот строки из заключительной части поэмы «Дороженька»:

Родится предатель в ужасе,
Звереет в голоде плоть...
Оставь мне гордость и
мужество!
Пошли мне друзей,
Господь!
О Боже, о Ты, Кем созданы
Твердь суши и водная
гладь!
Быть может и мне не
опоздано
Еще человеком стать? (41).

Мог ли автор написать такие слова в 1952–1953 гг.?

Отмечая сделанный им атеистический зигзаг, Александр Исаевич предложил нам три версии своего возвращения к вере в бога. На пресс-конференции в Лондоне 11 мая 1983 г. он заявил: «...я пережил смертельную болезнь в лагере и *перед ее лицом* во мне снова и *полностью* восстановилась православная вера... Это мое возвращение я описал в „Архипелаге“, в 4-й части» (42). 9 октября 1987 г. в интервью Рудольфу Аугштайну для журнала «Шпигель» он выразил эту же мысль несколько иначе, отметив, что возвратился к

прежней вере «*к концу лагеря*», когда заболел раком и затем *выздоровел* (43). В первом случае вера в бога проснулась в нем перед лицом смертельной болезни, во втором после выздоровления. 23 мая 1989 г. в интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» Александр Исаевич подчеркнул, что возвращение к вере произошло «*не за один год*» и отметил — решающую роль здесь сыграло то, что он «умирал», но «вернулся к жизни» и было это «в конце лагеря» — «*начале ссылки*» (44).

Итак, по свидетельству А. И. Солженицына, он утратил свой атеизм не ранее февраля 1952 г. С

учетом этого приведенные выше строки вполне могли выйти из-под его пера в 1952–1953 гг.

Что же касается четвертой части «Архипелага», то здесь Александр Исаевич приводит стихотворение под названием «Акафист», которое заканчивается словами: «Бог Вселенной! Я снова верую! И с отрекшимся был Ты со мной». По утверждению автора, эти строки были написаны им в послеоперационной палате, не ранее 12 — не позднее 26 февраля 1952 г. и (45).

В этой датировке есть одна неувязка. Она заключается в следующем: когда автор приведенных

строк ложился в больницу, то о характере своей болезни ничего не знал, более того, о возможной близкой смерти даже не задумывался, иначе бы не стал ждать с опухолью удобного для обращения к врачу момента. Не знал он о характере своей болезни и сразу после операции, так как о том, что представляла собою вырезанная опухоль (если она была и ее действительно потребовалось вырезать), можно было судить только на основании ее гистологического анализа. Между тем, подобный анализ, судя по всему, не проводился. В своей автобиографии, представленной в Нобелевский

комитет, Александр Исаевич писал: «Там (в лагере — А.О.) у меня развилась раковая опухоль, оперированная, но не долеченная (*характер ее узнался лишь потом*)» (46).

Следовательно, ко времени выписки из больницы, т. е. к 26 февраля 1952 г. А. И. Солженицын ничего не мог знать о том, что представляла вырезанная у него опухоль. Поэтому если «Акафист» был написан перед лицом смерти, то это никак не могло быть в феврале 1952 г.

Отсюда вытекают два вывода: или возвращение Александра Исаевича к вере в бога не имело

никакого отношения к его болезни, или же данное стихотворение было написано позже называемой им даты.

О том, что подобная версия не исключена, свидетельствует вступление к поэме «Дороженька» под названием «Зарождение», в котором имеются такие строки:

«Тогда напрасно вы по телу
шарить станете —

Вот я. Весь — ваш. Ни
клока, ни строки!

А к *чуду Божьему*, к
неистребимой нашей
памяти

Вы не дотянете палаческой

руки!!!» (47).

Исходя из того, что поэма была начата в 1947–1948 гг., а к вере в бога Александр Исаевич вернулся, по его свидетельству, не ранее 1952 г., следует признать, что приведенные строки появились на свет намного позднее 1947–1948 гг. Это наводит на мысль, что и другие «лагерные произведения» А. И. Солженицына (полностью или частично) могли быть написаны после выхода на волю.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что называемая Александром Исаевичем при

характеристике лагерного творчества цифра «12 тысяч строк» не соответствует действительности. Лагерные стихи составляют около 1200 строк (48). Опубликованный текст «Дороженьки» (вместе с «Прусскими ночами») — примерно 6800 строк (49), «Люби революцию» — 5500 строк (50), «Пир победителей» — 5000 строк (51), «Пленники» — 5000 строк (52). Итого, примерно 24 тысячи строк. Однако это не все. Упоминая «лагерные стихи» своего мужа, Н. А. Решетовская называла цикл «Когда теряют счет годам», «написанный от лица женщины, ожидающей заключенного» (53). Эти

стихотворения неопубликованы. К этому нужно добавить ту прозу, которую, если верить Александру Исаевичу, он начал «поманеньку» сочинять и заучивать к концу срока.

С учетом этого получается, что А. И. Солженицын занизил объем своих лагерных произведений более чем в два раза. Даже если исключить повесть «Люби революцию», получается перебор, как минимум, в 6 тысяч строк. Это значит, что, даже принимая на веру масштабы лагерного творчества в пределах «12 тысяч строк», можно утверждать, что не менее чем на треть «лагерные произведения» были написаны после выхода их автора из заключения.

И действительно, как мы увидим далее, выйдя из лагеря, Александр Исаевич, не только завершил пьесу «Пленники», он работал над «лагерными стихами», правил поэму, пытался продолжить работу над повестью о войне, редактировал «Пир победителей» и т. д.

Видимо, тогда «лагерные произведения» и приобрели современный вид.

Перед лицом «смерти»

27 декабря 1952 г. 9-е
Управление МГБ СССР подписало
«наряд № 9/2 — 41731», на

основании которого по истечении срока заключения А. И. Солженицын был отправлен в ссылку (1).

Как утверждает он, его «передержали в лагере всего несколько дней», затем снова «взяли на этап» (2). И, пишет он, «замелькали опять Павлодарская, Омская, Новосибирская пересылки... на Омской пересылке *добродушный надзиратель* (оказывается, в сталинских лагерях были и такие — А.О.), перекликая по делам, спросил нас пятерых экибастузских: „Какой бог за вас молится?“ — „А что? А куда?“ — сразу наострились мы, поняв что место, значит, хорошее. — „Да на

юг“ — дивился надзиратель. И действительно, от Новосибирска нас завернули на юг... на станции Джамбул нас высаживали из вагонзака... Вот так ссылка!.. Конец февраля, у нас на Иртыше сейчас лютъ, — а здесь весенний ласковый ветерок» (3).

Джамбул находится юго-западнее Экибастуза и соединен с ним железной дорогой. Для чего же тогда понадобилось везти А. И. Солженицына сначала на северо-восток в Павлодар, затем в расположенный западнее Павлодара и северо-западнее Экибастуза Омск, потом в Новосибирск, т. е. опять на восток и только после этого на юг,

причем снова через Павлодар и Экибастуз?! (4).

В Джамбул Александр Исаевич был доставлен в ночь с 27 на 28 февраля 1953 г., 2 марта его отправили в районный центр Кок-Терек, куда он прибыл 3 марта, на следующий день его расконвоировали, а через день по радио он услышал новость: 5 марта в Москве скоропостижно скончался И. В. Сталин (5). Понимал ли тогда А. И. Солженицын, что начинается новый этап не только в его личной жизни, но в жизни всей страны.

О том, где и как поселился Александр Исаевич, имеются две версии.

Одна из них нашла отражение в «Архипелаге». «По своим средствам, — пишет его автор, — я нахожу себе домик-курытник — с единственным подслеповатым окошком и такой низенький, что даже посередине, где крыша поднимается выше всего, я не могу выпрямиться в рост... Зато — отдельный домик. Пол — земляной, на него лагерную телогрейку, вот и постель! Но тут же ссыльный инженер, преподаватель Баумановского института, Александр Климентьевич Зданюкович, одолжает мне пару досчатых ящиков, на которых я устраиваюсь с комфортом. Керосиновой лампы у меня еще нет

(ничего нет, *каждую* *нужную вещь* *придется* *выбрать* *и* *купить*, *как будто ты на земле впервые*) — но я даже не жалею, что нет лампы... В темноте и тишине (могло бы радио доноситься из площадного динамика, но третий день оно в Кок-Тереке бездействует) я просто так лежу на ящиках — и наслаждаюсь». Хозяйкой домика, в котором поселился Александр Исаевич, была «новгородская ссыльная бабушка Чадова» (6).

По другой версии, которая исходит от журналиста Ю. Кунгурцева, после того, как А. И. Солженицына расконвоировали, он снял угол в

доме Якова и Екатерины Мельничуков.

«...Мы жили тогда на другой улице, на Садовой... жили в мазанке — комната да кухонька,.. — вспоминала Е. Мельничук о своем квартиранте. — Пришел,.. чемоданчик деревянный у порожка поставил... Яков, мужик мой, взялся за чемодан и говорит: „Ого! Тяжелый! Книжки, что ли?“. „Книжки“, — отвечает. Устроили ему лежанку из тарных ящиков на кухне... Мучил он себя ночами, мы спим давно, а он при лампе керосиновой допоздна все читает да все пишет... Вставал рано, в одно время — в шесть утра. Коли ведро —

делал прогулку по степи, далеко уходил, до самого отделения Коминтерна, если же непогода, грязь осенняя — по огороду взад-вперед...» (7).

Вероятнее всего, первоначально Александр Исаевич поселился в доме ссыльной Чадовой, затем перебрался в дом Мельничуков.

По словам А. И. Солженицына, он сразу же начал искать работу и с этой целью обратился в местное районо (районный отдел народного образования), однако получил уклончивый ответ и стал ждать. «Уже месяц, проведенный в ссылке, — отмечал он позднее в «Архипелаге», — я проедал свои

лагерные „хозрасчетные“ заработки литейщика — на воле поддерживался лагерными деньгами! — и все ходил в районо узнавать: когда ж возьмут меня?.. а к исходу месяца была мне показана резолюция облоно, что школы Коктерекского района полностью укомплектованы математиками» (8).

«...Тем временем, — вспоминает Александр Исаевич, — я писал, однако, пьесу о контрразведке 1945 г., не проходя ежедневного утреннего и вечернего обыска и не нуждаясь *так часто уничтожать написанное, как прежде*. Ничем другим я занят не был» (9). Речь идет о пьесе «Пленники», которая тогда

называлась «Декабристы без декабря» (10).

Работу удалось найти только в конце марта, когда в «райпо» (районное потребительское общество) для переоценки товаров срочно понадобился человек, знающий математику (11). А еще через месяц появилась вакансия в местной школе. А. И. Солженицын пишет, что был назначен учителем «в апреле», но при этом уточняет — «за три недели до выпускных экзаменов» (12). Документы свидетельствуют, что он был оформлен 3 мая 1953 г. (13.).

О том, как протекала жизнь нового учителя, мы пока можем

судить главным образом на основании его собственных свидетельств, в которые он, однако, неоднократно вносил коррективы.

По утверждению А. И. Солженицына, почти сразу же, как только он попал в ссылку, на него навалилась болезнь. Причем если в «Архипелаге» он подчеркивает: **«И целый год никто в Кок-Тереке не мог даже определить, что за болезнь»** (14), то в «Теленке» пишет, что у него **«тотчас же в начале ссылки — проступили метастазы рака»** (15). Вероятнее всего, в «Теленке» диагноз болезни был назван ретроспективно. Ведь не мог же человек, зная, что ему грозит

смерть, на протяжении почти целого года ничего не делать для своего спасения.

Если же признать, что почти *«целый год»* ни у кого из врачей в Кок-Тереке даже не возникало подозрений насчет рака, то из этого вытекает, что после выхода из больницы в 1952 г. А. И. Солженицын не только не находился на учете у онкологов, но даже не думал, что у него была удалена раковая опухоль. Подобное могло быть в одном из следующих случаев: а) если упоминаемая опухоль не являлась раковой и Александр Исаевич это знал, б) если результаты онкологической

экспертизы опухоли ему не были известны, в) если произведенная в лагере операция не имела связи с удалением опухоли, д) если никакой операции в лагере ему вообще не делали.

Но вернемся к «главному тексту» «Теленка»:

«Осенью 1953 — пишет Александр Исаевич, — очень было похоже, что я доживаю последние месяцы... Грозило погаснуть с моей головой и все мое лагерное заучивание. Это был страшный момент в моей жизни: смерть на пороге освобождения и гибель всего написанного, всего смысла прожитого до тех пор... Эти

последние обещанные врачами *недели* мне не избежать было работать в школе, но вечерами и ночами бессонными от болей я *торопился* мелко-мелко записывать и скручивал листы по несколько в трубочки, а трубочки наталкивал в бутылку из-под шампанского, у нее горлышко широкое. Бутылку я закопал на своем огороде — и под новый 1954 год поехал умирать в Ташкент» (16). Подобную же картину А. И. Солженицын рисует и в «Архипелаге» (17).

Упоминая о возвращении из Ташкента, он пишет: «Однако я не умер... Той весной в Кок-Тереке... в угаре радости я написал „Республику

труда“. Эту я уже не пробовал и заучивать, это *первая была вещь*, над которой я узнал счастье: не сжигать отрывок за отрывком, едва знаешь наизусть; иметь неуничтоженным начало, пока не напишешь конец, и обозреть всю пьесу сразу; и переписывать из редакции в редакцию; и править; и еще переписывать» (18).

Далее в первом издании «Теленка» говорилось: «Но уничтожая все редакции — черновые — как же хранить последнюю? *Счастливая чужая мысль и чужая помощь* навели меня на новый путь: оказалось надо освоить новое ремесло, самому научиться делать

заначки» (19).

Такова одна из версий первого года пребывания А. И. Солженицына в ссылке.

Оставляя на совести автора историю с бутылкой из-под шампанского, в которой он якобы умудрился поместить все свое литературное наследство (то ли 12, то ли 18 тысяч строк), нельзя не выразить удивления: неужели страх настолько глубоко сидел в нем, что даже после того, как его расконвоировали и ему больше не нужно было проходить ежедневного обыска на вахте, он на протяжении более полугода продолжал по-прежнему заниматься литературной

деятельностью без помощи бумаги и, ежемесячно тратя на повторение уже по десять дней, вплоть до конца 1953 г. не решался хотя бы частично перенести на бумагу то, что уже было создано им и продолжало храниться в памяти?

Вероятно, почувствовав уязвимость этой версии, Александр Исаевич в 1974–1975 гг. при написании «Пятого дополнения» к «Теленку» внес с нее существенные коррективы.

Отмечая, что в ссылке он подружился с врачом Николаем Ивановичем Зубовым (20), А. И. Солженицын пишет: «Мы встретились в районной больнице,

куда я лег с непонятной болезнью, схватившей меня тотчас по освобождении (это были годовичные метастазы рака, но *еще никто не определил*, Н.И. первый заподозрил), не он лечил меня, мы встретились как зэк с зэком. *А вскоре после моей выписки* как-то шли вместе по аулу, зашли в чайную выпить пива, посидели два бессемейца... Николай Иванович так сразу очаровал меня, так растворил замкнутую грудь, что я быстро решил ему открыться — первому (и последнему) в ссылке. Вечерами мы стали ходить за край поселка, садились на горбик старого арычного берега, и я читал ему, читал из своего стихотворного (*да уж и*

прозного) запаса, проверяя насколько ему понравится. Это был за тюремное время девятый мой слушатель», **«через несколько** дней принес (он) мне в подарок первое приспособление — ... небольшой посылочный фанерный ящик... А в ящике том дно было — двойное... При моем почерке, измельченном необходимостью, этого объема было достаточно, чтобы записать работу пяти лагерных лет... в последнюю минуту перед школой ***я все прятал в своей одинокой халупке...***» (21).

К этим словам было сделано дополнение: «В главном тексте „Теленка“ я написал: „счастливая чужая мысль и помощь“, но так,

будто это было уже после поездки в Ташкент, а из памяти записывал будто перед самой смертью — пример искажения, чтоб на Николая Ивановича не навести. От этого дня подарка *в мае 1953 г.* я и стал *постепенно* записывать свои 12 тысяч строк — стихи, поэму, две пьесы» (22).

Новая версия открывала возможность устранить те недоумения, которые вызывала первоначальная версия. Однако и она оказывается уязвимой.

Во-первых, каким образом перенесение слов «счастливая чужая мысль» с весны 1953 г. на весну 1954 г. позволяло отвести подозрения

от Н. И. Зубова, если при этом в «главном тексте» «Теленка» он даже не упоминался? Очевидно, перед нами неуклюжая попытка объяснить замену одной версии другой.

Когда же Александр Исаевич оказался в больнице и познакомился с Н. И. Зубовым? Если исходить из его слов, получается, не ранее 4 — не позднее 30 мая. Но чтобы уже в мае начать записывать свои произведения и прятать их в посылочный ящик, Александр Исаевич должен был за это время почувствовать недомогание, обратиться к врачу, сдать необходимые анализы, обнаружившие у него воспалительный процесс, лечь в

больницу, пройти там обследование, поставившее врачей в тупик, выписаться, сблизиться с Н. И. Зубовым, проникнуться к нему доверием, познакомить его со своими стихами и только после этого получить от него в подарок посылочный ящик с двойным дном. Двадцати семи дней для всего этого было явно недостаточно.

Более того, факт пребывания А. И. Солженицына до осени 1953 г. в больнице вообще представляется сомнительным: как утверждала с его собственных слов Н. А. Решетовская, до конца учебных занятий он был занят в школе, затем в июне принимал экзамены, после их

окончания готовился к новому учебному году (23). О его болезни нет ни слова в воспоминаниях Екатерины Мельничук (24).

Поэтому, заявляя, что болезнь дала о себе знать в самом начале ссылки, А. И. Солженицын вступает в противоречие как с самим собой, так и со свидетельствами других лиц.

В новой версии было еще одно уязвимое звено. Заявляя, что уже в мае 1953 г. он начал записывать свои лагерные произведения, Александр Исаевич отмечал: «...в последнюю минуту перед школой *я все прятал в своей одинокой халупке*» (25). Это значит, что к этому времени он уже покинул дом Мельничуков. Когда же

это произошло? По свидетельству Катерины Мельничук, ее квартирант жил у них до осени 1953 г. (26) «В начале учебного года, — пишет Н. А. Решетовская, — подвернулся случай снять отдельную хатку, где можно писать сколько угодно, не опасаясь ареста за противозаконные деяния» (27). Как явствует из «Хронографа», это произошло 9 сентября 1953 г. (28).

Следовательно, если исходить из смысла новой версии, Александр Исаевич мог начать записывать свои «12 тысяч строк» никак не ранее этой даты. И действительно, публикуя в 1999 г. свои лагерные стихи и поэму «Дороженька», он

указал, что они были *записаны* им «*осенью 1953*» (29), признав тем самым, что предпринятая им в «Пятом дополнении» к «Теленку» попытка передвинуть данный факт с конца 1953 г. на май месяц того же года, лишена оснований.

Итак, мы видим, что А. И. Солженицын запутался в своих объяснениях. Невольно вспоминается одна моя хорошая знакомая, которая как-то сказала: «Я стараюсь говорить только правду, потому что у меня плохая память». Как мы видим, человека, говорящего неправду, может подвести и феноменальная память.

Однако в данном случае главное

не в том, когда Александр Исаевич стал записывать свои «12 тысяч строк», а в том, когда он заболел. Если верить Н. А. Решетовской, первые боли ее бывший муж почувствовал только «с наступлением жары», т. е. летом 1953 г., но не придавал этому серьезного значения: было «время каникул» и нужно было «готовить физику и математику к следующему учебному году» (30).

Обо всем этом она узнала позднее, так как лишь «в конце августа» ей стал известен новый адрес Александра Исаевича и она возобновила с ним переписку (31). «Ответ, — вспоминала Наталья

Алексеевна, — он мне написал *12 сентября* того же года. *Тогда он не был болен, еще не был болен, а последствий перенесенной еще в лагере операции не ощущал».*

А. И. Солженицын изъявил готовность восстановить прежние отношения и предложил Наталье Алексеевне вернуться к нему (32).

Бросать свою новую жизнь и ехать в Казахстан она не захотела. На этом их переписка снова прервалась. Только после этого, как утверждает Н. А. Решетовская, т. е. не ранее середины сентября к ее бывшему мужу «явилась болезнь». Исчез аппетит. Александр Исаевич стал худеть. Врачи терялись в догадках:

«то ли гастрит, то ли язва» (33).

Если исходить из этого, получается, что А. И. Солженицын лег в городскую больницу только осенью 1953 г. Местные врачи оказались бессильными поставить диагноз, и Александра Исаевича направили в областной центр — Джамбул (34).

«В Джамбуле, — читаем мы в воспоминаниях Н. А. Решетовской, — Сане сделали все анализы, рентген. Увы, обнаружили не желудочное заболевание, а *опухоль величиной с кулак*. Она-то и давила на желудок, причиняя боль. Одни врачи думали, что это — метастаз прежней

злокачественной. Другие считали ее самостоятельной и относительно опасной. Кому же верить? Во всяком случае, следовало готовиться к худшему» (35).

Наталья Алексеевна не была в ссылке и по этой причине писала со слов мужа, который тоже упоминает о существовании у него в 1953 г. крупной опухоли: «Мне, — говорится в «Архипелаге», — пришлось носить *в себе* опухоль *с крупный мужской кулак*. Эта опухоль *выпятила и искривила мой живот*, мешала мне есть, спать»^[11] (36).

Позднее, в 70-е годы, А. И. Солженицын привез «джамбульский» рентгеновский

снимок в Ленинград и попросил одного своего знакомого показать его специалистам. Им оказался известный ленинградский онколог А. И. Раков, который, ознакомившись с рентгеновским снимком, заявил, что подобная опухоль неоперабельна, и больной обречен на смерть (37).

Если опухоль была величиной с *«крупный мужской кулак»*, если она *«выпятила и искривила»* живот, то ее можно было наблюдать невооруженным глазом. Более того, в таком случае не нужно было специального образования, чтобы заподозрить рак. Однако обоснованный вывод на этот счет мог дать только гистологический

анализ опухоли. Между тем, сведения о производстве такого анализа отсутствуют.

Казалось бы, обнаружив у больного подобную опухоль, джамбульские врачи должны были поставить вопрос об операции, но, как писала Н. А. Решетовская о муже, «в Джамбуле ему дали направление в Ташкентский онкологический диспансер» (38). Неужели в джамбульской областной больнице не было хирурга? И почему направление было дано не в столицу Казахской ССР Алма-Ату, а в столицу другой союзной республики — Ташкент?

В первом издании «Теленка»

можно прочитать, что узнав о характере своей болезни, Александр Исаевич сообщил об этом Наталье Алексеевне и пригласил ее приехать в Кок-Терек, чтобы проститься с ним, но она даже не откликнулась на его приглашение (39). Комментируя это свидетельство, Н. А. Решетовская заявила, что не только не получала подобного приглашения, но и узнала о самой болезни только летом 1954 г. (40). Более того, по ее словам, в рукописной варианте «Теленка» подобного утверждения не было (41).

Кому же верить? Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, как солженицынская версия отразилась в первом и последующих изданиях

«Теленка»:

1 издание

«По особенностям советской почтовой цензуры никому во вне я не мог крикнуть, позвать: приезжайте, возьмите, спасите мое написанное! Да чужого человека и не позовешь. Друзья — сами по лагерям. Мама — умерла. Жена — не дождалась, вышла за другого; *все же я позвал ее проститься, могла б и рукописи забрать, — не приехала*» (Солженицын

А. И. Бодался теленок с дубом. Paris, 1975. С.8).

Журнальный вариант

«По особенностям советской почтовой цензуры никому во вне я не мог крикнуть, позвать: приезжайте, возьмите, спасите мое написанное! Да чужого человека и не позовешь. Друзья — сами по лагерям. Мама — умерла. Жена — не дождалась, вышла за другого» (Солженицын А. И. Бодался теленок с

дубом// Новый мир. 1991.
№ 6. С.8).

Сопоставление двух

приведенных текстов показывает, что
после выступления

Н. А. Решетовской в печати
А. И. Солженицын предпочел
исключить из второго издания
«Теленка» слова о приглашении
Наталии Алексеевны. Это означает
только одно — в письме от 12
сентября 1953 г. Александр Исаевич
ничего не писал Н. А. Решетовской о
своей болезни и не звал ее приехать к
нему, чтобы проститься.

Зато 23 ноября 1953 г. он
пригласил приехать к нему другого

человека:

«Пишу тебе в предположении, что я умру... Если я умру, то этим летом ты обязательно, отбросив всякие помехи, приедешь в Берлик [\[12\]](#). На Садовой улице, 41, живет врач Николай Иванович Зубов, который *заботливо лечил* меня во всем течении *моих безжалостных болезней*. От него ты узнаешь подробности моего последнего года жизни и этим самым как бы повидаешься со мной. Кроме того, ты распорядишься остатками моего имущества, которого наберется больше тысячи...» (42).

Кому же было адресовано это письмо? Оказывается, подруге

Натальи Алексеевны по Ростову-на-Дону Ирине Арсеньевой, с которой Александр Исаевич «некоторое время назад стал переписываться» (43).

Приведенное письмо производит странное впечатление. С одной стороны, это предсмертный отчаянный крик, с другой стороны, автор письма еще не уверен в приближении смерти. Тогда для чего поднимать тревогу? И почему отнюдь не самый близкий автору письма человек должен был броситься к нему в далекий Берлик? Но если когда-то они и были близки, не следует забывать, с тех пор прошло более 12 лет. За это время у Ирины

Арсеньевой мог появиться жених. К тому же следует иметь в виду, что тогда в глазах окружающих ее знакомый являлся преступником. Не следует сбрасывать со счета и то, что дорога из Ростова в Казахстан требовала денег. Поэтому вероятность приезда Ирины в Берлик была равна нулю. Зачем же тогда нужно было писать ей?

Точная дата возвращения Александра Исаевича из Джамбула неизвестна. Н. А. Решетовская утверждала, что он вернулся в первых числах декабря (44).

А. И. Солженицын пишет, что ожидал разрешения на поездку в Ташкент с ноября — месяца (45).

Расходятся они и в оценке его состояния. Наталья Алексеевна вспоминала, что по возвращении «в Кок-Терек Саня почувствовал себя лучше», «вернулся аппетит» (46). Александр Исаевич рисует совершенно иную картину: «В декабре подтвердили врачи, ссыльные ребята, что жить мне осталось не больше трех недель» (47). «Еле держась, я вел уроки; уже мало спал и плохо ел» (48).

Как же так? Если смерть уже стучалась в дверь, чего ждал на протяжении всего декабря А. И. Солженицын? По одной версии, — направления в ташкентский онкологический

диспансер (49), по другой — окончания четверти (50). И одно, и другое объяснение могут вызвать только недоумение.

В «Теленке» Александр Исаевич пишет, что «поехал умирать в Ташкент» *«под новый 1954 год»* (51), т. е. в последних числах декабря 1953 г. А вот его свидетельство из «Архипелага»: «Эту ночь перед отъездом в Ташкент, *последнюю ночь 1953 г.*, хорошо помню» (52), из чего явствует, что он уехал не ранее 1 января 1954 г.

От Кок-Терека до Ташкента несколько сот километров. Это расстояние можно было преодолеть за один день. Между тем, выехав

около 1 января, А. И. Солженицын добрался до столицы Узбекистана только 4-го числа, когда его положили в 13-й (онкологический) корпус клиники Ташкентского государственного медицинского института и передали врачам Лидии Александровне Дунаевой и Ирине Емельяновне Мейке (53).

«Врачи, — вспоминала Н. А. Решетовская, — сочли операцию ненужной, предложив *рентгенотерапию*. Так Саня попал в лучевое отделение», здесь он провел «полтора месяца» и получил «12 тыс. рентгенов» (54). Свое пребывание в Ташкенте А. И. Солженицын позднее описал в повести «Раковый корпус»

(55).

Когда ее автора положили в больницу, был сделан запрос относительно результатов его операции 12 февраля 1952 г. Однако обнаружить их не удалось (56). Подобный эпизод нашел отражение и в истории болезни главного героя «Ракового корпуса» Костоглотова (57).

«Я — отмечал А. И. Солженицын, выступая 22 сентября 1967 г. на заседании Секретариата Правления Союза писателей СССР, — давал повесть на отзыв крупным онкологам — они признавали ее с медицинской точки зрения безупречной и на

современном уровне. Это именно рак, рак как таковой» (58).

Я тоже обратился к одному из онкологов, который заявил, что познакомился с «Раковым корпусом» еще тогда, когда он ходил в Самиздате, но не смог дочитать его до конца именно потому, что с медицинской точки зрения течение болезни и процесс лечения описаны совершенно некомпетентно (59).

«В угаре радости»

По свидетельству Н. А. Решетовской, в Ташкенте ее муж пробыл полтора месяца, т. е.

примерно до 19 февраля 1954 г. (1) «По пути домой» он заехал в горы, к «старикку Кременцову» за лечебным корнем и в последних числах февраля вернулся в Кок-Терек (2).

«Тем временем, — пишет Наталья Алексеевна, — освобождали многих ссыльных. В марте 54-го года Саня тоже написал Ворошилову просьбу избавить от ссылки. Даже *приложил справку онкодиспансера*, хотя не очень надеялся на успех. В Москве заявление почему-то не разбиралось. Вернули на усмотрение Джамбула. Там отказали» (3).

Вскоре после возвращения из Ташкента Александр Исаевич стал домовладельцем. «Появились деньги

— пишет он, — и вот я купил себе отдельный глинобитный домик, заказал крепкий стол для писания, а спал — все также на ящиках холостых» (4). «Домик мой стоял на самом восточном краю поселка. За калиткою был — арык, и степь, и каждое утро восход» (5).

Почувствовав весной 1954 г. выздоровление, А. И. Солженицын, если верить ему, с головой ушел в учительство (6). «При таком ребячьем восприятии я в Кок-Тереке захлебнулся преподаванием, и три года (а может быть, много бы еще лет) был счастлив даже им одним» (7). По утверждению Александра Исаевича, работал он в школе в две

смены (8) и его нагрузка составляла 30 часов в неделю. (9). Однако, пишет он, «мне не хватало часов расписания», «я назначал... вечерние дополнительные занятия, кружки, полевые занятия, астрономические наблюдения... Мне дали и классное руководство, да еще в чисто казахском классе, но и оно мне почти нравилось» (10). И, несмотря на подобную загруженность, у него «каждый день *оставался часик для писания*» (11).

30 часов в неделю, это 5 часов в день без «окон». «Вечерние дополнительные занятия, кружки, полевые занятия, астрономические наблюдения» — не менее одного часа

в день. Подготовка к урокам, проверка тетрадей и классное руководство — около двух часов, «кухонное хозяйство» в самом широком смысле этого слова, включая покупку продуктов, заготовку топлива, топку печи, приготовление пищи, мытье посуды и т. д., — еще, как минимум, два часа, утренний туалет и прогулка — не менее часа, завтрак, обед и ужин с учетом разогревания пищи — столько же, уборка дома, стирка одежды — полчаса, дорога в школу и обратно — еще столько же, слушание радио и чтение газет — не менее получаса, общение с коллегами, соседями и другими знакомыми —

как минимум, полчаса. Итого по меньшей мере 14 часов. Если взять один час на отдых и восемь часов на сон, окажется, что для литературного творчества у А. И. Солженицын действительно оставалось не больше «часика» в день. Единственно, на что он мог рассчитывать — на воскресенье.

Зачем нужна была такая учебная нагрузка? И как понять человека, который, если верить ему, еще совсем недавно, преодолевая усталость и холод, сочинял стихи в колонне заключенных, а тут променял возможность спокойно заниматься литературным творчеством на преподавательскую

работу?

Что же писал он в свободные минуты? По словам А. И. Солженицына, новую пьесу: «...Весной 1954 г. я был награжден выздоровлением и в радостном полете писал „Республику труда“» (12). Под опубликованным текстом пьесы значится: «1954, Кок-Терек» (13). В «Исторических датах» работа нею датирована несколько иначе: январь — февраль, май — июнь, сентябрь — октябрь 1954 г. (14) В «Теленке» А. И. Солженицин отмечает, что пьеса была закончена им в июне этого года (15). Вероятнее всего, к январю — февралю следует отнести возникновение замысла

пьесы, к марту — июню —
написание ее первого варианта, к
сентябрю — октябрю —
редактирование.

Сейчас пьеса занимает около
100 страниц типографского текста
(16). Первоначальный вариант, по
утверждению А. И. Солженицына,
был в полтора раза больше, т. е.
около 150 страниц (17). Одна
типографская страница — как
минимум, полторы машинописных,
следовательно, первоначальный
текст пьесы составлял не менее 225
машинописных страниц, или же 10
а.л. Как же мог автор написать такой
текст практически за 16–17
выходных дней? Одно из двух: или

учебная нагрузка была не такой, как пишет о ней Александр Исаевич, или же к лету 1954 г. пьеса не была готова.

По выходе из диспансера больные раком остаются в нем на учете и обязаны появляться для профилактического осмотра сначала один раз в месяц, потом один раз в полгода, наконец, один раз в год (18). Казалось бы, и опасение за свою жизнь, и возможность лишний раз побывать за пределами Кок-Терека делали Александра Исаевича заинтересованным в точном соблюдении этого требования. Между тем, в Ташкенте он появился снова только 21 июня 1954 г. (19).

По свидетельству Н. А. Решетовской, летом этого года А. И. Солженицына опять госпитализировали, и он «долечивался в диспансере почти два месяца» (20), т. е. до конца августа, после чего в Ташкенте больше не появился ни через полгода, ни через год. Более того, летом 1954 г. Александр Исаевич сообщил Наталье Алексеевне о полном выздоровлении (21).

Из Ташкента он привез фотоаппарат (22). «...За одним ремеслом, — пишет А. И. Солженицын, — потянулось другое: самому делать с рукописей микрофильмы (без единой

электрической лампы и под солнцем, почти не уходящим в облака — ловить короткую облачность). А микрофильмы потом — вделать в книжные обложки, двумя готовыми конвертами: Соединенные Штаты Америки, ферма Александры Львовны Толстой. Я никого на Западе более не знал, но уверен был, что дочь Толстого не уклонится помочь мне». (23).

Невольно вспоминаешь чеховского Ваньку Жукова, который адресовал свое письмо почти также: «На деревню дедушке». Разница заключается только в том, что Ваньке было всего девять лет и он не имел университетского образования.

Но давайте задумаемся в приведенное свидетельство.

1954 г. Зброшенный в степи небольшой казахский поселок и почтовое отделение, куда поступают две бандероли, адресованные не куда-нибудь, а в Соединенные Штаты Америки! Поскольку отсюда такие бандероли уходили не каждый день, они сразу должны были привлечь к себе внимание. И уж их никак не могли не заметить на таможне. Последствия этого представить не трудно.

По свидетельству А. И. Солженицына, завершив «Республику труда», он в 1955 г. начал писать роман «В круге

первом», в основу которого легли его личные впечатления о пребывании в Марфино и который первоначально назывался «Шарашка» (24). Со слов мужа, Наталья Алексеевна утверждала, что до конца ссылки роман был написан на треть (25).

Поразительно, находясь в лагере и имея возможность, если верить ему, сочинять только в уме, А. И. Солженицын за два с половиной года (с августа 1950 по февраль 1953 г.) написал полпоэмы и две пьесы, а в ссылке за три с лишним года (с марта 1953 по июнь 1956 г.) — только одну пьесу и не более трети первой редакции романа «Шарашка». Причем с

ноября 1954 по сентябрь 1955 г. в
схеме «Исторические даты» вообще
перерыв (26).

Что же отвлекало его от
литературного творчества?

Не исключено, что после второй
поездки в Ташкент у
А. И. Солженицына начался
«роман». «Пятьдесят пятый год, —
пишет Н. А. Решетовская, — Саня
встретил с девушкой, которой
симпатизировал. Смертельно

надоело жить бобылем. К тому же
вдруг заболает? И поухаживать
некому» (27). Единственно, что пока
известно об этой девушке, ее имя —
Ксения (28). Видимо, именно к ней, в
Караганду, ездил Александр Исаевич

в августе 1955 г. (29) «Я повидал ее, — пишет он о Караганде, — перед концом всеобщей ссылки, в 1955 г. (ссылного меня на короткое время отпустила туда комендатура: я там жениться собирался на ссылке же)» (30). «Но жениться на ней, — вспоминала Наталья Алексеевна, — все-таки не решился — слишком велик риск для творчества» (31).

О том, что после второй поездки в Ташкент А. И. Солженицын действительно был озабочен поисками невесты, свидетельствует и его «роман» в письмах с Натальей Бобрышевой, которая была племянницей Е. А. Зубовой и жила с матерью на Урале, в Златоусте (32).

Вернувшись осенью 1955 г. к литературному творчеству и начав писать «Шарашку» (33), Александр Исаевич, как явствует из «Хронографа», вскоре отложил роман в сторону и 21 декабря взялся за цикл лагерных стихов «Сердце под бушлатом», с 27 января по 24 марта 1956 г. он трудился над поэмой «Дороженька», которая тогда называлась «Шоссе энтузиастов», с 22 мая по 9 июня — над «Пиром победителей» (34).

«Вдруг совсем нежданно-нежданно, — читаем мы в Архипелаге, — подползла еще одна амнистия — „аденауэровская“, в сентябре 1955 г. Перед тем Аденауэр

приезжал в Москву и выговорил у Хрущева освобождение всех немцев. Никита велел их отпустить, но тут хватились, что несуразица получается: немцев-то освободили, а их русских подручных держат с двадцатилетними сроками... И вот крупнейшая из всех политических амнистий после Октября была дарована в „некий день“, 9 сентября... Ну, как не заволноваться?.. А московские друзья настаивали: „Что ты придумал там сидеть?.. Требуй пересмотра дела! Теперь пересматривают!“. „Зачем?..“ Однако... *начался XX съезд... И я — написал заявление о пересмотре»* (35).

Кто же были эти московские друзья А. И. Солженицына? В начале 1955 г. в Москве Н. А. Решетовская случайно встретилась в ЦУМе с женой Д. М. Панина Евгенией Ивановной и дала ей адрес А. И. Солженицына (36). К этому времени Дмитрий Михайлович отбыл свой срок и обосновался в Москве (37). Здесь он восстановил отношения с тоже вышедшим на свободу Л. З. Копелевым. Срок наказания Л. З. Копелева истекал 7 июня 1955 г., однако его освободили досрочно 7 декабря 1954 г. (38) И хотя он вынужден был прописаться в деревне под Клином, но вернулся в Москву и жил у друзей (39).

«Весной 1955 года, — вспоминал Л. З. Копелев, — мы с Дмитрием Паниным узнали адрес Солженицына... стали переписываться. Он тогда был под наблюдением онкологов — еще не оправился *после операции семиномы*» (40).

Именно они и могли подвигнуть А. И. Солженицына на подачу прошения о пересмотре его дела. Если верить ему, он решился на такой шаг только после XX съезда, который проходил с 14 по 25 февраля 1956 г. и на котором был осужден культ личности И. В. Сталина.

Но вот перед нами воспоминания уже упоминавшегося

бывшего военного прокурора Б. А. Викторова: «...Мое заочное знакомство с Александром Исаевичем Солженицыным,... состоялось в сентябре 1955 г... Из Секретариата Первого секретаря ЦК КПСС нам было передано заявление А. И. Солженицына. Адресовывалось оно естественно на имя Н. С. Хрущева. Датировано: *1 сентября 1955 г.*» (41).

Б. А. Викторов приводит текст этого заявления с изъятиями (42), полностью оно воспроизведено в книге К. А. Столярова (43). Заявление заканчивалось словами: «Прошу Вас снять с меня ограничения в передвижении, а по

возможности и прочие ограничения» (44).

Итак, получается, что А. И. Солженицын снова поставил вопрос о пересмотре своего дела не после XX съезда и даже не после «аденауэровской амнистии», а за полторы недели до того, как узнал о ней.

Начало 1956 г. ознаменовалось целой серией подобных обращений Александра Исаевича: 30 января 1956 г. он направил письмо на имя министра обороны СССР Г. К. Жукова (45), в котором просил его помочь в «снятии ссылки», «снятии судимости», «возврате орденов» (46). 24 февраля 1956 г.

последовало новое ходатайство на имя Н. С. Хрущева, на этот раз с просьбой о «полной реабилитации» (47). В тот же день подобное заявление было направлено Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко (48). Имеются сведения, что тогда же А. И. Солженицын обратился к заместителю председателя Совета министров СССР А. И. Микояну (49).

«Совершенно неожиданно в апреле 56 года, — писала Н. А. Решетовская в своих первых воспоминаниях, — я получила от Сани письмо. Он сообщил мне, что его *освободили от ссылки со снятием судимости*» (50). Это

свидетельство нашло отражение и в последующих ее воспоминаниях (51).

28 мая Александр Исаевич продал свой домик (52) и 20 июня покинул Кок-Терек (53).

Глава 3

Необычный учитель

Новая жизнь

Четверо суток дороги.

24 июня, наконец, Москва. Здесь на вокзале А. И. Солженицына встречали Л. З. Копелев и Д. М. Панин. Из дневника Л. З. Копелева: «Он похудел. Бледный, нездоровый загар. Но те же пронзительные синие глаза. Еще растерян, не знает — что, куда? Тот же торопливый говор» (1).

На следующий день

Л. З. Копелев записал в дневнике: «С. приехал к нам на дачу. *Сумка рукописей*... Читает стихи — тоска заключенного о далекой любимой. Искренние, трогательные, но все же книжные,.. очень интересные пьесы: „Пир победителей“ — мы в Восточной Пруссии... „Республика труда“. Лагерный быт... „Декабристы“ — дискуссии в тюремной камере... Я всего до конца и не услышал, заснул где-то после половины» (2).

Через несколько дней в Москве на квартире Д. М. Панина А. И. Солженицын встретился с Н. А. Решетовской (3).

По свидетельству Натальи

Алексеевны, в эти же дни Александр Исаевич сумел разыскать в Москве свою бывшую помощницу по марфинской шарашке «Анечку», Анну Васильевну Исаеву. Она уже была замужем, но продолжала хранить рукописи А. И. Солженицына (4). «Воротясь из ссылки, — пишет А. И. Солженицын, — с благодарностью получил их от нее в 1956» (5).

К этому времени в Москве жили Л. А. Ежерец и К. С. Симонян, ставшие мужем и женой. Однако они не пожелали возобновлять отношения со своим бывшим другом (6). Объяснение этого сводится к

тому, что в 1952 г. К. С. Симонян был приглашен в управление МГБ по Москве и ознакомлен с пространными показаниями А. И. Солженицына против него (7). Александр Исаевич подтверждает факт его допроса по делу К. С. Симоняна в 1952 г., но заявляет, что от показаний против своего друга отказался (8). Как все обстояло на самом деле, мы не знаем.

Видимо, тогда же Александр Исаевич посетил литературоведа профессора Альфред Штёкли, который написал в лагере роман о Древнем Риме. Н. И. Зубову удалось сохранить его рукопись, и он передал ее с А. И. Солженицыным. Однако

А. Штёкли от нее отказался (9).

Александр Исаевич не пожелал возвращаться в родные места и в поисках работы отправился во Владимир, где 30 июня получил место в Мезиновской сельской школе Курловского (сейчас — Гусь-Хрустального) района (10), после чего решил выяснить судьбу своего ходатайства о реабилитации.

«Летом в Москве, — пишет он, — я позвонил в прокуратуру: как там моя жалоба? Попросили перезвонить — и дружелюбный простецкий голос следователя пригласил меня зайти на Лубянку потолковать» (11). Голос следователя был дружелюбным потому, что после

XX съезда КПСС началась реабилитация необоснованно репрессированных. «14 июня 1956 года, — говорится к книге К. А. Столярова, — помощник Главного военного прокурора полковник юстиции Прохоров обратился в КГБ с просьбой выполнить некоторые следственные действия, необходимые для принятия решения *по жалобам Солженицына*» (12). Это дело было поручено капитану КГБ Орлову, от прокуратуры его курировал подполковник юстиции Горелый (13).

По всей видимости, именно с капитаном Орловым и встретился

А. И. Солженицын на Лубянке 6 июля 1956 г. (14) В первом издании «Архипелага» Александр Исаевич так описывает свой разговор со следователем: «Он даже смеется над моими остротами 44-го года о Сталине. „Это вы точно заметили“. Он *хвалит мои фронтовые рассказы, вшитые в дело*, как обвинительный материал. „В них же ничего антисоветского нет. Хотите — возьмите их, попробуйте напечатать“. Но голосом больным, почти предсмертным я отказываюсь» (15).

Во втором издании «Архипелага» этот разговор изображен несколько иначе:

«Он даже смеется над моими

остротами 44-го года о Сталине. „Это вы точно заметили“. Все ему ясно, все он одобряет, только вот одно его беспокоило; в „резолюции № 1“ вы пишете: „выполнение всех этих задач невозможно без организации“. То есть, что же, вы хотели создать организацию?

— Да не-ет! — уже заранее обдумал я этот вопрос. — „организация“ не в смысле совокупности людей, а в смысле системы мероприятий, проводимых в государственном же порядке.

— Ах ну да, ах ну да, в этом смысле! — радостно соглашается следователь.

Пронесло.

Он хвалит мои фронтовые рассказы...». И далее по тексту (16).

И здесь мы видим, что «Резолюция № 1» появилась только во втором издании «Архипелага».

Читая приведенный диалог, нельзя не отметить, что, по словам самого же А. И. Солженицына, в упоминаемом документе не только давалась характеристика советской политической системы как феодальной, но и обосновывалась необходимость ее ликвидации, причем вопрос об организации рассматривался именно «в смысле совокупности людей»: «Выполнение этих задач невозможно без организации. Следует выяснить, с

кем из активных строителей социализма, как и когда найти общий язык» (17).

Поэтому если бы в этом разговоре «Резолюция № 1» действительно обсуждалась, то радостно согласиться с А. И. Солженицыным («Ах ну да, ах ну да, в этом смысле!») следователь КГБ никак не мог. Это дает основание думать, что добавленный во второе издание «Архипелага» разговор — имел место только в воображении автора.

Казалось бы, ходатайство Александра Исаевича о реабилитации, означало признание им своей лояльности по отношению

к существующему политическому строю, однако если верить ему, из ссылки он вернулся с намерением продолжать начатую им борьбу. Прежде всего он хотел отправить свои произведения за границу. По тем временам это уже само по себе было криминалом, а если принять во внимание содержание «Прусских ночей» и «Пира победителей», со страниц которого в самом неприглядном виде представляли офицеры советской контрразведки, то их публикация за рубежом могла тянуть на новый срок. По утверждению А. И. Солженицына, первоначально он думал использовать иностранных туристов

или же иностранных дипломатов, затем особые надежды стал возлагать на Л. З. Копелева (18).

«...со Львом Копелевым, — пишет он, — развитие было такое: из нашей зэческой компании он раньше и ближе всего стоял к столичным литературным кругам, к иностранцам... Приехавший в Москву в 1956 г. я в туристах иностранных и в возможности прорваться к посольству разуверился быстро. Но на Льва была надежда огромная, я ему читал, читал написанное в лагерях, в ссылке и с надеждой смотрел: что согласится отправить? Но — не хвалил он моих вещей» (19).

Из Москвы Александр Исаевич отправился на Урал к Наталье Бобрышевой. «Теперь пришла пора решить судьбу. — читаем мы в воспоминаниях

Н. А. Решетовской, — Наташа Б. понравилась настолько, что Саня сделал ей предложение. Но робкая девушка испугалась подобной стремительности» (20).

На Урале Александр Исаевич пробыл с 16 по 27 июля (21). Вернувшись из этой поездки, он решил навестить родные места и 31 июля после длительной разлуки снова появился в Ростове-на-Дону (22). Здесь уже находился Н. Д. Виткевич, который, как и

Л. 3. Копелев, тоже вышел из заключения досрочно, еще в 1954 г. (23). 9 августа Александр Исаевич навестил Георгиевск, повидал И. И. Щербак, посетил могилу матери (24).

Только после этого он отправился к месту работы. Мезиновская сельская школа находилась неподалеку от железнодорожной станции с поэтическим названием Торфопродукт. В самом Мезинове жилья Александр Исаевич не нашел, но ему удалось устроиться в соседней деревне Мильцево у Матрены Васильевны Захаровой (25). Почти сразу же он написал Наталье

Алексеевне и сообщил свой новый адрес (26).

В феврале 1957 г. Матрена Васильевна погибла (27), и Александр Исаевич перешел в новый дом, хозяйку которого звали Евдокия Федоровна (28). Как говорится в одной из статей об этом периоде в его жизни, «вне школы он был *необщителен и замкнут*» (29).

Из «Хронографа» явствует, что, обосновавшись на новом месте, А. И. Солженицын вернулся к роману и работал над ним с 16 сентября 1956 по 27 июня 1957 г., сделав лишь один перерыв (14–31 октября) для доработки пьесы «Республика труда» (30). Этот перерыв, по всей

видимости, был связан с тем, что на ноябрьские праздники Александр Исаевич собирался в Москву (31), где надеялся повидать Л. З. Копелева, который обещал отправить его пьесу в Польшу (32).

Обжившись на новом месте, А. И. Солженицын пригласил Наталью Алексеевну в гости. 19 октября она приехала в Мильцево (33), а вернувшись домой, решила расстаться с Всеволодом Сергеевичем Сомовым (34). 30 декабря Александр Исаевич нанес ответный визит в Рязань (35). 2 февраля 1957 г. они с Натальей Алексеевной заново оформили брак (36).

Другой проблемой, которая в это время занимала Александра Исаевича, была проблема реабилитации. Вспоминая свои отношения с А. И. Солженицыным, Л. З. Копелев отмечал: «...в 1956–1957 гг. он был учителем в поселке Торфопроduct. Мы переписывались. Я ходил в приемную Верховного суда узнавать, когда, наконец, оформят его реабилитацию. Изредка он приезжал» (37).

Дело с реабилитацией двигалось медленно. Свой вердикт на этот счет КГБ вынес только осенью 1956 г. «29 сентября, — писал К. А. Столяров, — заместитель председателя КГБ генерал-лейтенант... П. И. Ивашутин

утвердил подготовленное следователем капитаном Орловым заключение», согласно которому следовало «возбудить ходатайство перед Генеральным прокурором СССР о внесении протеста в Верховный Суд СССР на предмет отмены постановления Особого совещания от 7 июля 1945 года в отношении Солженицына А. И. и прекращении его дела по п. „б“ ст.204 УПК РСФСР» (38).

Прошло еще три месяца, и «28 декабря Главная военная прокуратура направила в Военную коллегия Верховного суда СССР поднадзорный протест за подписью генерал-майора Терехова, где ставился вопрос об

отмене постановления ОСО НКВД и прекращении дела Солженицына по п.5 ст.4 УПК РСФСР, то есть за отсутствием состава преступления» (39).

А «6 февраля 1957 года Военная коллегия Верховного Суда СССР... вынесла определение, полностью реабилитирующее

А. И. Солженицына, о чем его уведомили 2 марта» (40).

Впервые этот документ был оглашен в 1964 г. в связи с выдвижением А. И. Солженицына на Ленинскую премию (41), а опубликован в 1970 г. в первом издании собрания его сочинений, изданном во Франкфурте-на-Майне

(42), и с тех пор печатался неоднократно (43).

Сравнивая отдельные публикации, можно заметить, что между ними нет расхождений по содержанию, но они различаются датировкой. Первая публикация имела дату — 1956 г., [\[13\]](#) все последующие — 1957 г. Можно было бы допустить, что в первую публикацию вкралась опечатка. Но оказывается, что подобное расхождение наблюдается и в исходящем номере документа: «4н — 083/56» в первом случае и «4н — 083/57» — во втором (цифры «56» и «57» являются обозначением года). Это дает основание думать, что

перед нами не опечатка, а сознательное изменение в датировке документа. Но чем это вызвано, сказать трудно.

Вот текст «Определения»:

«Верховный Суд Союза ССР
Определение № 4н-083/57

Военная Коллегия Верховного
Суда СССР в составе:
Председательствующего полковника
юстиции Борисоглебского и членов
— полковников юстиции Долотцева
и Конова рассмотрела в заседании от
6 февраля 1957 г. протест Главного
военного прокурора на
постановление Особого Совещания
при НКВД СССР от 7 июля 1945 г.,

на основании которого по статьям 58—10, ч.2 и 58—11 УК РСФСР был заключен в ИТЛ сроком на 8 лет **Солженицын** Александр Исаевич рождения 1918 г., уроженец г. Кисловодска, с высшим образованием, до ареста являлся командиром батареи, участвовал в боях против немецко-фашистских войск и был награжден орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды.

Заслушав доклад тов. Конова и заключение зам. Главного военного прокурора — полковника юстиции Терехова, полагавшего протест удовлетворить, установила:

Солженицыну вменялось в вину

то, что он с *1940 года* и до дня *ареста* среди своих знакомых проводил антисоветскую агитацию и *предпринимал меры к созданию антисоветской организации.*

В протесте Главный военный прокурор ставит вопрос об отмене в отношении Солженицына указанного постановления Особого Совещания и прекращения о нем дела за отсутствием состава преступления на следующих основания:

Из материалов дела видно, что *Солженицын* в своем дневнике и в письмах к своему товарищу Виткевичу Н. Д., говоря о правильности марксизма-ленинизма, о прогрессивности

социалистической революции в нашей стране и неизбежной победе ее во всем мире, высказывался против культа личности Сталина, писал о художественной и идейной слабости литературных произведений советских авторов, о нереалистичности многих из них, а также о том, что в наших художественных произведениях не объясняется объемно и многосторонне читателю буржуазного мира историческая неизбежность побед советского народа и армии и что наши произведения художественной литературы не могут противостоять ловко состряпанной буржуазной

клевете на нашу страну.

Эти высказывания *Солженицына* не содержат состава преступления.

В процессе проверки жалоб *Солженицына* были допрошены Решетовская, Симонян, Симонянц, которым *Солженицын* якобы высказывал антисоветские измышления. Указанные лица охарактеризовали *Солженицына* как советского патриота и отрицали, что он вел антисоветские разговоры.

Из боевой характеристики на *Солженицына* и отзыва служившего вместе с ним капитана Мельникова видно, что *Солженицын* с 1942 года до дня ареста, т. е. до февраля 1945

года находился на фронтах Великой Отечественной войны, храбро сражался за Родину, неоднократно проявлял личный героизм и увлекал за собой личный состав подразделения, которым командовал. Подразделение *Солженицына* было лучшим в части по дисциплине и боевым действиям.

Исходя из изложенного, Главный военный прокурор считает, что осуждение *Солженицына* является неправильным и в связи с этим ставит вопрос о прекращении о нем дела на основании ст.4 п.5 УПК РСФСР.

Рассмотрев материалы дела и дополнительный материал проверки,

соглашаясь с доводами,
изложенными в протесте, и
принимая во внимание, что в
действиях Солженицына нет состава
преступления и дело о нем подлежит
прекращению за отсутствием состава
преступления, Военная коллегия
Верховного Суда СССР определила:

постановление Особого
Совещания при НКВД СССР от 7-го
июня 1945 года в отношении
Солженицына Александра Исаевича
отменить и дело о нем за
отсутствием состава преступления
на основании ст.4 п.5 УПК РСФСР
прекратить.

Подлинное за надлежащими
подписями.

С подлинным верно: ст. офицер
Военной коллегии
майор о/с (Дегтярев)» (44).

Знакомство с Определением
вызывает странное чувство.

Во-первых, нельзя не отметить
некоторое расхождение между этим
документом и приведенным ранее
текстом постановления об аресте
А. И. Солженицына, а также
опубликованными фрагментами
материалов следственного дела, о
чем уже шла речь ранее.

Во-вторых, если в
постановляющей части Определения
говорится, что А. И. Солженицыну
вменялись в вину антисоветские

разговоры, которые он вел со своими знакомыми «с 1940 года и *до дня ареста*», то допрошены были лица, которые могли подтвердить или опровергнуть этот факт только в отношении 1940–1941 гг. А далее «до дня ареста»?

В-третьих, в «Определении» вообще обойдена стороной обоснованность обвинения А. И. Солженицына в том, что он «предпринимал меры к созданию антисоветской организации». Ведь подобные меры можно было предпринимать, не только не ведя антисоветских разговоров, не только не оставляя следов в дневнике и переписке, но и изображая себя

преданным советской власти
человеком. Поэтому отмену
подобного обвинения следует
считать немотивированной.

О реабилитации мужа Наталья Алексеевна могла узнать от него, когда на весенних каникулах (24 марта — 1 апреля) он снова появился в Рязани (45). По возвращении в Мильцево Александр Исаевич продолжил работу над романом (46). 12 июня он покинул Торфопродукт, более недели провел в Москве, 21-го числа вместе с Натальей Алексеевной отправился в недельное путешествие на теплоходе (47), а с 27-го обосновался в Рязани (48).

К этому времени относится

следующая запись в дневнике Л. З. Копелева: «1957 г. Письмо от С[олженицына]. Его Наташа вернулась к нему. Как говорит мама: „Снова дома, все забыто“. Может к лучшему? *Он попросил сжечь все его письма из Кок-Терека и Торфопродукта. Сжег*» (49).

Для чего же А. И. Солженицын потребовал сжечь свои письма? Ответ может быть только один: он пытался уничтожить какие-то следы из своей жизни того периода, чтобы иметь возможность позднее изображать ее по-иному.

В рязанском уединении

1 сентября 1957 г.

А. И. Солженицын стал учителем рязанской средней школы № 2, которая находилась на улице Революции. Из ее наиболее знаменитых выпускников можно назвать известную большевичку Н. К. Крупскую, академика И. П. Павлова, писателя К. М. Симонова (1).

Характеризуя переезд на новое место, Александр Исаевич пишет, что, желая сохранить в тайне свою литературную деятельность, он стремился и здесь «не иметь вовсе никаких знакомств, приятелей, не принимать дома гостей и не ходить в гости» (2). «Он, — читаем мы в

интервью В. Буханова, — приходит в школу за минуту — две до занятий. Он не задерживается после уроков и без веской причины не заглядывает в учительскую. Он по возможности избегает долгих собраний, совещаний...» (3).

Вспоминая эти годы, А. И. Солженицын подчеркивает загруженность учительскими обязанностями и связанную с этим «скудость свободного времени», в результате чего ему якобы приходилось, работая в школе, думать «лишь бы выдался свободный часик-два подряд», которые можно было бы посвятить литературному творчеству (4). Это очень

напоминает нам то, что он писал о своей загруженности в Кок-Тереке. Но если те свидетельства мы не можем проверить, то относительно его учебной нагрузки в Рязани имеются точные данные.

Ставка учителя — 18 уроков или учебных часов в неделю. «Поступая в школу», Александр Исаевич, по его же собственным словам, сказанным в январе 1963 г. В. Буханову, «просил директора ограничить число уроков 15-ю часами в неделю» (5). При равномерном распределении нагрузки — это два — три урока в день. Поэтому большую часть времени Александр Исаевич был свободен от занятий и мог

заниматься литературной деятельностью.

Заработная плата учителя и в те времена была невелика. В связи с этим учителя всегда стремились и стремятся иметь более 18 часов в неделю. По этой причине неполная учебная нагрузка — вещь редкая. И нелюдимый образ жизни, и слабая загруженность в школе не могли не привлечь к себе внимание. Поэтому у окружающих невольно должны были возникнуть по крайней мере два вопроса: как здоровый мужчина может жить за счет жены? И чем можно заниматься, имея столько свободного времени? Поэтому как бы А. И. Солженицын ни

конспирировал, если не КГБ, то «уличные детективы» (прежде всего из числа соседских старушек) обязательно докопались бы до его подпольной деятельности.

Это было тем более неизбежно, что до лета 1959 г. Александр Исаевич жил в коммунальной квартире и вся его жизнь проходила на виду у соседей (6). Скрывать от них свои литературные занятия было особенно трудно, так как летом 1957 г. А. И. Солженицын купил печатную машинку (7). И хотя, по свидетельству Н. А. Решетовской, даже после этого он продолжал писать от руки и первую правку текста производил по рукописи, но

затем исправленный текст перепечатывал (8). Стук пишущей машинки могли слышать не только соседи по коммунальной квартире, не только другие жильцы дома, но даже прохожие, особенно когда окна или хотя бы форточка были открыты.

Так что секрет подпольной литературной деятельности Александра Исаевича должен был быть раскрыт в самом ее начале. И действительно, в школе знали о том, что у него есть «какое-то увлечение», но думали, что он «пишет учебник по физике или сборник задач» (9).

«Первой работой, отпечатанной на машинке Александром Исаевичем, — вспоминала Наталья

Алексеевна, — была статья о будущих искусственных спутниках Земли, *заказанная ему* для „Блокнота агитатора“, издававшегося Обкомом КПСС. Статье этой не суждено было увидеть свет. 4 октября запустили наш первый спутник» (10).

Вдумайтесь в этот факт. Летом 1957 г. А. И. Солженицын появляется в Рязани, только-только начинает делать первые шаги как преподаватель, ни с кем в школе не поддерживает отношений, ведет себя как отшельник. Его никто не знает за пределами школы, разве что местное управление КГБ. И вдруг уже в сентябре Обком КПСС приглашает его к сотрудничеству на страницах

своего печатного органа. Согласитесь, странно. И дело не только в том, что подобное приглашение было сделано совершенно неизвестному и ничем не проявившему себя учителю. Не следует забывать, что А. И. Солженицын являлся беспартийным.

Может быть, ему содействовал кто-нибудь из друзей и знакомых Натальи Алексеевны? Нет, пишет она: «Знакомиться с моими коллегами Саня не торопился. Ведь никто в городе не должен даже подозревать об истинной жизни мужа. Так мы превратились в затворников» (11).

Обращает на себя внимание и другое. Едва А. И. Солженицын появился в Рязани, как уже 12 июля посетил общество «Знание» и предложил ему свои услуги (12). И хотя туда путь был открыт для любого, по собственному опыту знаю, с улицы не брали, приглашали только по рекомендации. Кто же рекомендовал Александра Исаевича, и где, в какой аудитории ему, начинающему беспартийному лектору, недавно вернувшемуся из ссылки, доверяли читать лекции? Насколько удалось установить, первое его выступление состоялось уже 15 июля на Станкозаводе и было посвящено атомной энергии, в

августе он читал лекцию о современных достижениях науки и техники в областной библиотеке (13), в октябре — об искусственных спутниках земли (14). Именно к этому времени относятся следующие его слова из «Архипелага» о самом себе: «Выписывают тебе путевку на лекцию (1957 г.) из всесоюзного общества по распространению невежества, и путевка оказывается в рязанскую ИТК-2 — женскую колонию при тюрьме» (15).

Все это не стыкуется ни с желанием Александра Исаевича уединиться в глубоком подполье, ни с неполной нагрузкой в школе.

«Весь тот год, начиная с лета 57-

го и кончая весной 58-го, — вспоминала Н. А. Решетовская, — прошел у нас под флагом работы над „Шарашкой“. Сначала до середины января — вторая редакция, т. е. перепечатывание и переписывание всего романа заново» (16). В «Хронографе» работа над второй редакцией роман датирована 1 июля 1957 — 12 января 1958 г. (17). Это значит, что А. И. Солженицын не ограничился перепечаткой привезенной им из Торфопродукта рукописи и подверг ее редактированию. О том, что к середине января 1958 г. подобная работа действительно была завершена, свидетельствует дневник

Л. З. Копелева, который вместе с Д. М. Паниным посетил Рязань зимой 1957–1958 гг. (18).

К этому времени Л. З. Копелев был реабилитирован и на основании решения КПК при ЦК КПСС от 5 сентября 1956 г. восстановлен в партии (19). Защитив кандидатскую диссертацию, он с 1957 по 1960 гг. преподавал историю зарубежной литературы в Московском полиграфическом институте (20).

Из дневника Л. З. Копелева. 17 января 1958 г.: «Вернулся из Рязани. Поездка с бригадой Госэстрады... На вокзале встречал С. Все еще худой и словно бледнее. Долгополое пальто, как шинель. Решили: буду ночевать у

него... Ночью, утром, днем читал „Шарашку“. Митя твердил взхлеб: „Гениально, лучше Толстого, все точно, как было, и гениальная художественность“. Митя, как всегда, фантастически преувеличивает. О шарашке — добротная, хорошая проза, но все наши споры опять, как в „Декабристах“, преобразены на свой лад. Мой „протагонист“ глупее, равнодушнее, а „сам“ и „Митя“, и „синтетические“ персонажи — их единомышленники — умнее, благороднее. Страницы про волю, про красивую жизнь сановников — *карикатура на Симонова*, посредственная, а то и плохая беллитристика, скорее

боборыкинская. Когда говорю об этом, Наташа злится больше, чем он» (21).

Как свидетельствует Н. А. Решетовская, после отъезда Л. З. Копелева и Д. М. Панина работа над «Шарашкой» была продолжена: «Потом, по апрель включительно, еще одна внимательнейшая и придирчивейшая читка, наконец, перепечатка на машинке», в результате чего на свет появилась третья редакция романа (22).

О том, как протекала эта работа, можно было бы судить по черновикам. Однако черновые рукописи «Шарашки», не сохранились. Касаясь данной

проблемы, А. И. Солженицын пишет: «...полное уничтожение (всегда и только сожжение) всех набросков, планов и промежуточных редакций... один огонь я признавал надежным еще с первых литературных шагов в лагере» (23).

Характеризуя 1958 г., Н. А. Решетовская вспоминала: «Санина болезнь пока не проявлялась, но требовала постоянного внимания. Весной около двух недель он пролежал в больнице, лечась химеотерапией. Полагалось полежать подольше, да муж выписался и продолжал лечиться амбулаторно. Чувствовал себя при этом неплохо, а потому

завершил редактирование „Шарашки“. Когда стало ясно, что никаких исправлений больше не потребуется, я села за машинку» (24). В «Хронографе» пребывание А. И. Солженицына в больнице датируется 2-13 апреля 1958 г. (25).

А пока Наталья Алексеевна перепечатывала роман (26), Александр Исаевич обратился к новому замыслу, который позднее воплотился в книге «Архипелаг ГУЛАГ».^[14] Начало работы над ней он датирует 27 апреля 1958 г. (27) По его свидетельству, этот замысел он заимствовал у солагерника по Экибастузу Арнольда Львовича Раппопорта. «Когда-то, — пишет

А. И. Солженицын, — он подумывал написать вот такую книгу, как у меня сейчас, — все о лагерях, но так и не собрался» (28). И далее: «Обобщающую работу об Архипелаге ГУЛАГе (под этим названием) автор задумал и стал писать весной 1958 г. Объем ее представлялся меньшим, чем сейчас, но уже был принят принцип последовательных глав о тюремной системе, следствии, судах, этапах, лагерях ИТЛ, каторжных, ссылке и душевных изменениях за арестантские годы. Некоторые главы были тогда же написаны, однако работа прервалась, так как материала — событий, случаев, лиц — на основе лишь личного опыта автора и

его друзей явно недоставало» (29).

Едва А. И. Солженицын отложил работу над «Архипелагом», как подошел к концу его первый учебный год в Рязани. Начались летние каникулы, и Александр Исаевич вместе с Натальей Алексеевной отправился в путешествие: Рязань — Москва — Ленинград — Псков — Пушкинские горы — Тарту — Таллин — Ленинград — Москва и снова — Рязань (30). Путешествие началось 29 июня (31). По свидетельству Н. А. Решетовской, одна из целей этой поездки заключалась в том, чтобы разыскать в Эстонии сокамерника А. И. Солженицына Арнгольда Сузи. Однако его адрес

оказался неточным и встреча не состоялась (32).

В этом эпизоде много неясного. Во-первых, для чего Александру Исаевичу понадобилось разыскивать своего бывшего сокамерника, если он избегал встреч даже в Рязани. Во-вторых, его знакомство с А. Сузи имело место 13 лет назад и продолжалось всего лишь несколько месяцев, поэтому где была гарантия, что А. Сузи будет рад новой встрече? В-третьих, зная фамилию, имя, примерный возраст и пусть даже неточно записанный адрес, в то время можно было найти человека через адресный стол. В-четвертых, очень странно, что такой деловой

человек, как А. И. Солженицын отправился в путешествие, предварительно не списавшись со своим знакомым.

«Переполненные впечатлениями и обремененные обновками, — вспоминала Н. А. Решетовская, — мы одиннадцатого августа вернулись в Рязань» (33).

После летних каникул 1958 г. А. В. Солженицын, «не объясняя причин», попросил уменьшить учебную нагрузку в школе до 12 часов в неделю, т. е. перевести его на две трети ставки (34), а позднее перешел на полставки. «Последнее время, читаем мы в интервью В. Буханова, — он имел девять

уроков в неделю. Отсюда его более, чем скромный заработок — 50 руб. в месяц» (35).

Как явствует из схемы «Исторические даты», осенью 1958 г. Александр Исаевич продолжал шлифовать «Шарашку» (36). Совершенно недавно стало известно, что в это же время он вернулся к своей повести о войне, опубликованной под названием «Люби революцию». В примечаниях к ее публикации сказано: «В Рязани в 1958 главы 1–5 еще раз переписаны, *к ним добавлены малые отрывки для глав 6 и 7.* Дальше работа не пошла» (37). С 18 января по 2 мая 1959 г. А. И. Солженицын снова

сосредоточился на «Шарашке» и подверг ее новой доработке (38).

Одновременно с этим его потянуло на публицистику. «В марте месяце 1959 г.,.. — писала Н. А. Решетовская, — в рязанской областной газете „Приокская правда“ появилась заметка „Почтовые курьезы“, автором которой был Солженицын. Речь шла в ней о задержке с доставкой письма» (39). В августе он послал в одну из газет на имя В. А. Солоухина «письмо... против громкого радиовещания, бича сельской тишины» (40). В 1960 г. «Солженицыным [было] написано еще одно произведение подобного жанра с жалобой на продажу двух

железнодорожных билетов на одно и то же место. Оно было послано в газету „Гудок“... газета... от публикации воздержалась» (41). «... В ноябре 60-го года Александр Исаевич посылает в „Литгазету“ свою статью, озаглавленную „Эпидемия автобиографий“, которая тоже не была напечатана. А. И. Солженицын направил ее К. Паустовскому, но тот не ответил (42). В том же 1960 г. Александр Исаевич ополчился против кинематографа. Правда, свой опус никуда не отправил» (43).

Как-то странно читать это о писателе, который уже написал «Шарашку» и вынашивал замысел

«Архипелага».

Перед выходом на сцену

В 1959 г. А. И. Солженицын создал одно из самых значительных своих произведений — повесть, которая первоначально называлась «Щ-854» (1), затем — «Один день одного зэка»^[15] (2), а получила известность по названию «Один день Ивана Денисовича» (3). В этой повести автор решил показать обычный день обычного заключенного. По одной версии, подобная идея возникла у него еще в лагере то ли в 1950 (4), то ли в 1952 г.

(5). По другой версии, ее навеяла услышанная значительно позднее радиопередача «Один день из жизни школьного учителя» (6).

Из схемы «Исторические даты» явствует, что работа над повестью началась в феврале 1959 г. (7). Н. А. Решетовская датировала ее начало 18 мая (8). Нет единства и в вопросе о продолжительности этой работы. А. И. Солженицын утверждает, что повесть была написана за сорок дней (9). В «Исторических датах» значится, что работа продолжалась полгода (10). Наталья Алексеевна утверждала, что Александр Исаевич писал «Щ-854» «почти до конца июня» (11), когда

«работа над „Иваном Денисовичем“ была прервана», и закончил его уже осенью (12).

29 июня супруги Солженицыны отправились в Ростов-на-Дону (13). К этому времени Н. Д. Виткевич закончил аспирантуру и готовился к защите кандидатской диссертации (14). Пробыв в Ростове около недели, супруги Солженицыны двинулись в обратный путь, но не одни. С собою в Рязань они забрали тетюшек Натальи Алексеевны, сестер ее отца — Марию Николаевну и Нину Николаевну. Они поселились все вместе в Касимовском переулке, где к лету 1959 г. освободилась третья комната в их коммунальной квартире

(15).

Дома Александр Исаевич и Наталья Алексеевна пробыли недолго. 14 июля они уехали в Крым, 17 июля посетили Севастополь, затем сделали остановку на западном побережье в курортном городе Черноморске. Здесь после ссылки жил Н. И. Зубов (16).

Вспоминая пребывание в Черноморске, Н. А. Решетовская писала: «...тут-то Александр Исаевич *начал* писать рассказ, который он назвал „Не стоит село без праведника“» (17), а получил название «Матренин двор». Под его опубликованным текстом стоит дата — 1959 г. (18), из схемы

«Исторические даты» видно, что работа над ним велась до конца этого года (19).

Однако вот перед нами фрагмент из дневника Л. З. Копелева, в котором **17 января 1958 г.** было записано: «*До этого, еще раньше, я читал рукопись, именно рукопись, не перепечатанную на машинке „Не стоит село без праведника“*» (20). Характеризуя свои впечатления от этого чтения, Л. З. Копелев отмечал: «Рукопись была иллюстрирована снимками, которые он делал сам: Матрена, ее шурин, изба и др. Мне показалось хорошим „физиологическим очерком“ в традициях народников,

Глеба Успенского» (21).

Из Черноморска Наталья Алексеевна и Александр Исаевич уехали 8 августа, 10–14-го они провели в Киеве и на самолете вернулись в Москву. Посетив 16 августа Л. З. Копелева на его даче в Жуковке (другое название этого подмосковного поселка — Барвиха), супруги вернулись домой, а затем, видимо, не израсходовав всю энергию, отправились в велопоход, в котором провели четыре дня: 20–23 августа (22).

Таким образом, большую часть лета Александр Исаевич литературным творчеством не занимался. Как утверждала

Н. А. Решетовская, только после возвращения с юга он снова взялся за повесть «Щ-854» и закончил ее 11 октября (23). Одним из первых его читателей стал Л. З. Копелев, который 2 ноября 1959 г. приехал в Рязань (24).

«Перед Октябрьскими праздниками, — вспоминала Наталья Алексеевна, — в Рязань приехал Копелев прочесть лекцию о Шиллере. Ночевал у нас. Прежде он хвалил Санины пьесы. А тут, перелистав рукопись „Ивана Денисовича“, отмахнулся от нее, небрежно бросив: „Это типичная производственная повесть в духе социалистического реализма. Да еще

перегружена ненужными деталями“. Саня очень расстроился от подобного приговора» (25).

Если верить А. И. Солженицыну, закончив «Ивана Денисовича», он продолжил работу над рассказом «Не стоит село без праведника» и завершил ее в декабре 1959 г. (26) По утверждению Н. А. Решетовской, это произошло еще позже — осенью следующего года (27).

Имеются сведения, что в 1959 г. Александр Исаевич написал еще одно произведение — киносценарий «Знают истину танки», под которым стоит дата: «1959, Рязань» (28). Наталья Алексеевна датировала работу над ним 15 октября — 17

декабря 1959 г. (29) Согласно схеме «Исторические даты», она продолжалась до начала 1960 г., когда А. И. Солженицын вернулся к пьесе «Республика труда» и к замыслу «Архипелага» (30).

Между тем закончился еще один учебный год, и отложив в сторону свои рукописи, Александр Исаевич отправился с Натальей Алексеевной в новое путешествие, на этот раз по Кавказу. Там они провели две недели: с 5 по 19 июля (31), побывали в Георгиевске (32) и вернулись домой (33), с 4 по 8 августа совершили велопоход (34), 16-го были в Солотче (место отдыха под Рязанью), 17-го — на озеро

Сегеж, 20-го посетили родину Сергея Есенина село Константиново (35).

«12 лет я спокойно писал и писал. — вспоминает

А. И. Солженицын, — Лишь на 13-м дрогнул. Это было лето 1960 года... В литературном подполье мне стало не хватать воздуха» (36). Если верить

Александру Исаевичу, Наталья Алексеевна предложила расширить круг читателей и в этом качестве назвала своих знакомых Вениамина Львовича и Сусанну Лазаревну Теушей, которые до этого жили в Рязани, а затем перебрались в Москву (37). Вениамин Львович был специалистом в области авиационной промышленности, имел

звание профессора и являлся лауреатом Сталинской премии (38).

«В конце лета 1960 г., — пишет А. И. Солженицын, — мы съездили на их подмосковную дачу». Познакомившись с супругами Теушами, Александр Исаевич «решился» и «дал им „Щ-854“». «Результат от чтения был взрывной. Вениамин Львович... объявил рассказ не просто художественной удачей, но историческим явлением» и дал почитать еще двум своим знакомым, в том числе доценту Каменомостовскому (39). «Вслед за тем они с Каменомостовским... вместе приехали в Рязань... оба хотели прочесть — еще что-нибудь»

(40).

Именно в это время Александр Исаевич взялся за новый жанр — миниатюрные рассказы, которые получили название «Эссе» или «Крохотки». Ими он занимался с 25 августа до 18 сентября, после чего снова вернулся к «Матрене» и работал над рассказом с 20 сентября по 9 октября (41).

«В ту осень, — пишет А. И. Солженицын, — мыкаясь в своей норе и слабея, стал я изобретать: не могу ли я все-таки что-нибудь такое написать, чего пусть нельзя будет печатать — но хоть показать людям можно! хоть не надо прятать! Так я задумал писать

„Свечу на ветру“ — пьесу на современном, безнациональном материале: о всяком благополучном обществе нашего десятилетия, будь оно западное или восточное» (42).

«Желание поставить целый ряд этических вопросов, касающихся любого человека, общества и государства, — вспоминала Н. А. Решетовская, — подтолкнуло его написать пьесу „Свеча на ветру“. Образ „свечечки“ символизировал образ души человеческой, которую человек не должен загасить и которую XX век должен бережно передать эстафетой XXI веку. Вот о чем он думал» (43). В схеме «Исторические даты» работа над

пьесой ограничена серединой 1960 — осенью 1961 гг. (44). В «Хронографе» указаны даты: 18 ноября — 14 декабря 1960 г. (45).

Когда первая редакция пьесы была готова, Александр Исаевич решил вынести ее на суд читателей и с этой целью обратился к Каменомостовскому. «Жена Каменомостовского, — отмечает А. И. Солженицын в „Теленке“, — оказалась бывшей артисткой Малого театра, кого-то позвала оттуда, у них на квартире я читал „Свечу на ветру“. Правда, с малым успехом» (46). Чтение состоялось не ранее декабря 1960 — не позднее февраля 1961 г., так как в феврале-марте 1961 г.

Александр Исаевич снова вернулся к пьесе и до 8 марта занимался ее доработкой (47).

Одновременно с 17 января по 31 мая 1961 г. он продолжал редактировать повесть «Щ-854» (48) и весной снова повез ее в Москву, на этот раз Л. З. Копелеву, который с 1960 работал старшим научным сотрудником Института истории искусств АН СССР (49).

К этому времени Лев Зиновьевич во второй раз женился. Его новая жена Раиса Давыдовна Орлова (ур. Либерзон) родилась в 1918 г., закончила МИФЛИ, в 1935–1940 гг. работала во Всесоюзном обществе культурных связей с

заграницей. В 1950 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Образ коммуниста в прогрессивной литературе США. 1945–1949 гг.», с 1951 по 1953 гг. возглавляла кафедру иностранной литературы в Таллинском педагогическом институте. Вернувшись в Москву, с 1953 по 1955 г. преподавала зарубежную литературу в Московском областном педагогическом институте. В 1955 перешла в редакцию журнала «Иностранная литература», где заведовала сначала отделом критики, потом — отделом информации (50).

К концу 50-х годов Л. З. Копелев восстановил старые и приобрел

новые связи. В своей книге «Мы жили в Москве. 1956–1980», написанной им совместно Р. Д. Орловой, среди своих друзей того времени он особенно выделял Евгения Александровича Гнедина и Игоря Александровича Кривошенина (51).

Е. А. Гнедин (1898–1983) был сыном известного деятеля российской и германской социал-демократии Александра Лазаревича Гельфанда, который вошел в историю под партийной фамилией «Парвус» (52). Родился Евгений Александрович в Дрездене. Когда ему шел пятый год, его родители разошлись и мать уехала с сыном в

Одессу. Сохранив связи с Германией, она в течение многих лет переписывалась с Луизой Каутской, Юлианом Мархлевским, Кларой Цеткин. В 1920 г. Евгений Александрович принял фамилию Гнедин и под этой фамилией находился на дипломатической работе. В 1939 г. он был арестован и приговорен к десяти годам заключения, после чего отбывал ссылку в Казахстане, в 1955 г. вернулся в Москву (53).

И. А. Кривошеин, с которым Л. З. Копелев познакомился с марфинской шарашке, был освобожден в 1954 г. Поселившись в Москве, он работал консультантом

Академии коммунального хозяйства, занимался переводами (54).

Игорь Александрович был женат на Нине Алексеевне Мещерской, отец которой Алексей Павлович перед революцией возглавлял крупную промышленную группировку Коломно-Сормово, входившую в сферу влияния Петербургского международного коммерческого банка и связанную с германским капиталом. Умер он за границей в 1938 г. Нина Александровна находилась в родстве с советским биологом Владимиром Леонтьевичем Комаровым (1869–1945), женатом на сестре известной большевички Елены Дмитриевны

Стасовой и с 1936 по 1945 г. возглавлявшем АН СССР (55).

Следует также отметить, что к этому времени семья Копелевых породнилась с семьей Литвиновых (56), родоначальником которой был известный большевик, нарком иностранных дел Максим Максимович Литвинов. Он умер в 1952 г. (57), но еще была жива его жена Айви Вальтеровна, урожденная Лоу. У них было двое детей: сын Михаил (р. ок. 1917) и дочь Татьяна (р.1918) (58). Сын Михаила Максимовича Павел (р.1940), закончивший в 1961 г. МГУ, стал мужем Майи Львовны Копелевой (59).

В Москву Александр Исаевич отправился не позднее 29 мая 1961 г., так как в этот день должен был делиться на конференции в Академии педагогических наук своим учительским опытом (60). Во время этой поездки он, видимо, и передал Л. З. Копелеву свою повесть.

Из дневника Р. Д. Орловой: «Май 61 г. С. принес рукопись. На плохой бумаге, через один интервал, почти без полей. Заголовок „Щ-854“ (арестантский номер). *Сперва не хотел никому, кроме Л. показывать.* Разрешил мне... Составили список — еще шесть человек. Летом 61-го года мы все же осторожно вышли за пределы списка. Несколько самых

близких друзей прочли у нас дома» (61). Из числа этих «самых близких друзей» Л. З. Копелева, которые вошли в «дозволенный список читателей» со слов А. И. Солженицын нам известны только *«Рожанские, Основаты, Кома Иванов»* (62).

А пока повесть читали, Александр Исаевич опять отправился в путешествие: с 27 июня по 8 августа он побывал в Суздале, Ростове, Переяславле, Загорске, в Ленинграде, около десяти дней провел на Селигере (63).

*Как решалась судьба «Ивана
Денисовича»?*

17–31 октября 1961 г. в Москве состоялся XXII съезд КПСС. Он вошел в историю как съезд, на котором была принята третья Программа партии — программа построения коммунизма, представлявшая собою по сути дела программу осуществления научно-технической революции. Вместе с тем съезд не только открыто подверг критике культ личности Сталина, но и совершенно справедливо оценил его политику репрессий как преступление.

8 ноября 1961 г.
А. И. Солженицын снова посетил
Л. З. Копелева и заявил о своем

желании опубликовать повесть «Щ-854». Посоветовавшись, они решили передать ее в «Новый мир», используя для этого известную Л. З. Копелеву сотрудницу редакции Анну Самойловну Берзер, что и было сделано через день (1).

А. И. Солженицын живописует, как «целую неделю» его повесть, нечитанная, «пролежала на столе у А. Берзер», как, ознакомившись с нею, Анна Самойловна перепечатала ее за счет редакции и пустила по редакционным инстанциям, как прочел «первый абзац» повести и отложил ее в сторону ответственный секретарь редакции Б. Г. Закс, как отмахнулся от нее заведующий

отделом прозы журнала
Е. Н. Герасимов, как не пожелал
знакомиться с нею второй
заместитель главного редактора
А. И. Кондратович и как после всего
этого А. С. Берзер положила повесть
на стол главного редактора журнала
Александра Трифоновича
Твардовского (2). Произошло это к
вечеру 8 декабря (3).

По свидетельству
В. П. Некрасова, А. Т. Твардовский
так описывал этот эпизод: «Принес
домой две рукописи — Анна
Самойловна принесла мне их перед
самым уходом, положила на стол.
„Про что?“ — спрашиваю. „А Вы
почитайте, — загадочно отвечает, —

это вот про крестьянина“. Знает же хитрюга мою слабость. Вот и начал с этой, про крестьянина, на сон грядущий, думаю, страничек двадцать полистаю... И с первой же побежал на кухню чайник ставить. Понял — не засну же. Так и не заснул» (4).

К утру А. Т. Твардовский прочитал повесть дважды и чуть свет, разыскав через А. С. Берзер Л. З. Копелева, выразил ему восхищение прочитанным (5), после чего Александр Исаевич получил телеграмму: «Александр Трифонович восхищен статьей» (6). 11 декабря пришла телеграмма от самого А. Т. Твардовского, приглашающая

А. И. Солженицына в Москву (7).

12-го Александр Исаевич впервые переступил порог редакции «Нового мира» (8) и познакомился с А. Т. Твардовским. К концу разговора, вспоминает Александр Исаевич, А. Т. Твардовский распорядился заключить «договор по высшей принятой у них ставке (один аванс — моя двухлетняя зарплата)» (9). Как явствует из «Хронографа» гонорар составил 1800 рублей (10).

«За тот декабрь, — пишет А. И. Солженицын, — еще два раза мне пришлось приезжать в Москву... В те приезды я и привез Твардовскому: несколько лагерных стихотворений, несколько

„Крохоток“ побезобиднее и рассказ „Не стоит село без праведника“, облегченный от самых непроходимых фраз». «Крохотки» и стихи были встречены без восторга, а «Не стоит село без праведника» было решено печатать под названием «Матренин двор» (11).

26 декабря Александр Исаевич снова отправился в Москву. На этот раз он повез с собою не только рукопись «Матрениного двора» (12), но и свой литературный архив (13). Готовясь в связи с открывшейся перспективой публикации «Одного дня» к выходу из подполья, пишет А. И. Солженицын, «я перевез к Теушам (в проигрывателе) из

Рязани... набор машинописей и фотопленок»^[16] (14).

В Москву Александр Исаевич поехал вместе с женой. «В канун Нового года, — вспоминала Н. А. Решетовская, — мы гуляли по Москве. Купили билет на органный вечер» (15). Новый 1962 г. они встретили на квартире подруги Натальи Алексеевны по аспирантуре Александры Александровны Поповой, 1 января отправились в гости к С. М. Ивашеву-Мусатову (16). 2 января Наталья Алексеевна уехала в Рязань, а Александр Исаевич остался в Москве (17). В этот день в редакции «Нового мира» состоялось обсуждение его рассказа «Матренин

двор», который был рекомендован к печати (18).

«С этого времени, — пишет А. И. Солженицын, — я догадался, что сгодятся когда-нибудь записи литературных встреч, и стал записывать всегда посвежу, а то и при самих обсуждениях» (19). Так стал накапливаться материал для будущих литературных воспоминаний.

На рубеже 1961–1962 гг. в Рязани появился Н. Д. Виткевич. К этому времени он уже защитил кандидатскую диссертацию и заведовал лабораторией рентгенографических исследований Физического института при

Ростовском университете, в конце 1961 г. подал на конкурс в Рязанский государственный медицинский институт и был избран на должность доцента кафедры химии. Так, 1 февраля 1962 г. с женой и сыном Николай Дмитриевич оказался в Рязани. Однако, по его свидетельству, прожив здесь четыре года, он очень редко встречался с Александром Исаевичем и если заходил к нему в дом, то чаще проводить тетушек Натальи Алексеевны (20).

По свидетельству Н. А. Решетовской, вернувшись в начале 1962 г. из Москвы, «Солженицын принялся за последнюю, как он думал, редакцию

романа „Круга первого“. С января по апрель все свое свободное от школы время печатал роман на любимой машинке „Рене“» (21). Это подтверждают и его собственные воспоминания. «Четыре месяца, до конца апреля, — пишет он, — ничем другим я не был занят» (22). Так, весной 1962 г. на свет появилась новая четвертая редакция «Шарашки» (23).

«Готовясь ко всякой встряске при выходе „Денисовича“, — читаем мы в «Теленке», — я тою весной сделал *еще три* полных фотокопии всего-всего написанного мною до сих пор» (24). «По каждой вещи была фотопленка собственного

изготовления, готовая к отправке за границу под псевдонимом Степан Хлынов и с поправкой слишком автобиографических мест, по которым могли бы меня раскопать» (25).

Закончив эту работу, в конце апреля Александр Исаевич отправился в Москву и здесь познакомился с секретарем И. Г. Эренбурга Натальей Ивановной Столяровой (26). Позднее, в 1977 г., Наталья Ивановна писала А. И. Солженицыну: «...Я благодарна судьбе за жизнь, за необыкновенные встречи, из которых ни одной не забываю. Вы, в частности, были одним из моих великих соблазнов,

сразу в первом же разговоре осознанном и, как Вы помните, я Вас не отпустила, пока Вы меня не „услышали“» (27). Какой смысл Н. И. Столярова вкладывала в слова «великий соблазн» и что в данном контексте означает слово «услышал», мы может только предполагать.

Наталья Ивановна была дочерью известной эсерки Натальи Сергеевны Климовой (1885–1918), которая входила в партию эсеров-максималистов и участвовала в подготовке покушения на П. А. Столыпина летом 1906 г., отбывала каторгу, в 1909 г. сумела бежать за границу (28). От брака с революционером-эмигрантом

Иваном Столяровым имела двух дочерей: Наталью и Екатерину (29). В 1917 г. И. Столяров уехал, как пишет А. И. Солженицын, «в петроградское кипение» (30), а Н. С. Климова осталась за границей (31).

Родилась Наталья Ивановна в 1912 г. в Италии (32), была удочерена «сыном рязанского судьи Шиловским» (33). В молодости, живя в Париже, встречалась с И. А. Буниным, Н. А. Бердяевым, А. Ф. Керенским, Д. С. Мережковским, П. Н. Милюковым, Б. В. Савинковым. С сыном последнего «долгое время» находилась «в интимных

отношениях» (34). Была невестой поэта Бориса Поплавского^[17] (35). Закончив Сорбонский университет, в 1934 г. уехала в СССР, в 1937 г. была арестована, провела в заключении почти девять лет (36). С 1946 по 1953 г. отбывала ссылку в Казахстане (37), с 1953 г. жила в Рязани, с 1956 г. — Москве, где «дочь Эренбурга (с которой Н.И. училась в одной школе в Париже)» рекомендовала ее отцу на должность секретаря (38).

30 апреля из Москвы Александр Исаевич отправился в Крым и вернулся оттуда 2 мая (39). Объясняя цель этой поездки, он пишет: «На майские праздники я, еще не

следимый, благополучно отвез экземпляр отпечатанного романа к Zubовым в Крым,.. и еще набор тайных плотных отпечатков. Потом дома занимался разными доработками, и уж лето подошло, и надо было славно провести его в движении» (40).

Из Рязани Александр Исаевич и Наталья Алексеевна выехали в ночь с 22 на 23 июня (41), посетили Пермь, где жил уже упоминавшийся Николай Андреевич Семенов, потом Екатеринбург, где жил другой знакомый А. И. Солженицына, тоже бывший зэка Юрий Васильевич Карбе, затем направились к П. Баранюку, но не доехали, узнав,

что тот служит в МВД. В Перми и Екатеринбурге Александр Исаевич тоже оставил по набору фотокопий своих рукописей (42).

А в это время А. Т. Твардовский готовился к тому, чтобы представить повесть А. И. Солженицына в ЦК КПСС. «Он, — вспоминал Л. З. Копелев, — действовал мудро и хитро: собрал отзывы самых именитых писателей. Чуковский назвал повесть „литературным чудом“. Маршак писал, что „мы никогда себе не простим, если не добьемся публикации“». За ее публикацию высказались К. А. Федин и И. Г. Эренбург (43). А пока собирались отзывы

литературных светил, повесть ушла в Самиздат, ее читали не только в Москве и Ленинграде, но и в Горьком, Киеве, Одессе, Харькове (44).

3 июля А. Т. Твардовский «передал рукопись окруженную букетом рекомендаций, эксперту Хрущева по культуре Владимиру Семеновичу Лебедеву» (45).

В. С. Лебедев встретил повесть благосклонно, после чего А. Т. Твардовский направил А. И. Солженицыну телеграмму с приглашением для переговоров. В Рязань она пришла 9 июля и оттуда была отправлена в Иркутск, где в это время находились Александр

Исаевич и Наталья Алексеевна (46).
«...в Иркутске, — с иронией пишет
А. И. Солженицын, — не ближе
никак, ожидала меня копия срочной
телеграммы Твардовского,
приглашающего „на короткое время“
заехать в редакцию... до того
„короткого времени“ езды от
Иркутска было четверо суток» (47). В
ночь с 12 на 13 июля пришлось
возвращаться обратно, но в Москве
А. И. Солженицын был не через
четверо суток, а лишь в субботу 21-го
(48).

«Опять, — читаем мы в
«Теленке», — устроили
всередакционное заседание.
Неопределенно было мне объявлено,

что в одной важной инстанции (это значило — В. С. Лебедевым) повесть моя одобрена. Но высказаны некоторые пожелания к ее улучшению» (49).

Совещание в редакции «Нового мира» состоялось в понедельник 23 июля. «Последующие три дня, — вспоминала Н. А. Решетовская, — Александр Исаевич на квартире Шуры Поповой, у которой в тот раз мы остановились, работал над рукописью, готовя окончательный вариант». 26-го он отвез ее в «Новый мир» (50), через день вернулся в Рязань (51) и вместе Л. В. Власовым отправился в новое путешествие, на этот раз на велосипедах в

Прибалтику. Побывал в Риге, Двинске, Вильнюсе (52).

Во время этого путешествия Л. В. Власов поведал А. И. Солженицыну историю о том, как во время войны он встретил человека, который не знал о существовании такого города как Сталинград. Заподозрив в нем немецкого диверсанта, Л. В. Власов передал его в НКВД. И только потом понял, что перед ним был человек, возвращавшийся из заключения и по этой причине не знавший о переименовании Царицына. Эта история легла в основу рассказа «Случай на станции Кочетовка», который Александр Исаевич написал

вскоре после возвращения из велопохода (53).

Между тем судьба повести еще не была решена. Рассказывая о том, как «Один день Ивана Денисовича» появился в печати, А. И. Солженицын подчеркивает случайный характер этой публикации (54). Однако такие вещи тогда так просто не делались. Прежде всего оказывается, в конце августа — начале сентября в Пицунде В. С. Лебедев познакомил с повестью не только Н. С. Хрущева, но и двух влиятельных членов тогдашнего Президиума ЦК КПСС К. Е. Ворошилова и А. И. Микояна (55). После того, как они втроем

одобрили ее, было решено передать повесть в ЦК КПСС.

16 сентября В. С. Лебедев поставил в известность об этом А. Т. Твардовского (56), 20-го Александру Трифоновичу позвонил заведующий отделом ЦК КПСС Д. А. Поликарпов и приказал срочно «изготовить 20 (не более и не менее) экземпляров этого твоего Ивана, как его, Парфеновича» (57). Существует версия, будто бы повесть была набрана и отпечатана в редакции «Известий» буквально за одну ночь (58). Как явствует из «Рабочих тетрадей» А. Т. Твардовского, 22-го он лично отвез отпечатанные экземпляры Д. А. Поликарпову (59),

в тот же день они были разосланы членам Президиума ЦК КПСС (60). 12 октября вопрос о судьбе повести был вынесен на заседание Президиума и принято решение о ее публикации (61). 20-го Н. С. Хрущев принял А. Т. Твардовского и сообщил ему об этом, заявив: «Вещь жизнеутверждающая и написана, я считаю, с партийных позиций» (62). Тогда же Александр Исаевич получил телеграмму: «Повесть идет одиннадцатым номером журнала. Поздравляю Твардовский» (63).

Таким образом, решение о публикации «Одного дня» было принято не единолично, а коллегиально. Могут найтись

скептики, которые скажут, что Президиум ЦК КПСС просто проштамповал предложение Н. С. Хрущева. Однако есть основания думать, что все обстояло не так просто.

Прежде всего, имеются сведения, что еще в конце 50-х годов председателем КГБ А. Н. Шелепиным и начальником Управления КГБ по Ленинграду Н. Р. Мироновым был разработан план «стратегической дезинформации». В соответствии с ним предполагалось осуществить в стране «контролируемую либерализацию», которая должна была изменить представления Запада

об СССР и открыть возможность для получения «долгосрочной западной экономической помощи» (64).

Именно в это время Н. С. Хрущев обдумывал возможность ограничения цензуры (65). Тогда же он «высказался за пересмотр ждановских резолюций по культуре» (66) и «пытался добиться аннулирования известных процессов, которые в 1936–1938 гг. подняли волну сталинского террора против партии, и реабилитации осужденных: сначала Бухарина, а потом... Зиновьева, Каменева и других» (67). В сентябре 1962 г. с публикации статьи харьковского профессора Е. Либермана «План,

прибыль, премия» начинается обсуждение вопроса об экономической реформе (68).

Это свидетельствует, что после XXII съезда КПСС в руководстве партии существовали планы значительных перемен в области экономики, управления и идеологии. Не исключено, что публикация повести А. И. Солженицына рассматривалась как один из шагов на пути намечавшейся «перестройки».

Александр Исаевич пишет, что «перед ноябрьскими», т. е. незадолго до 7 ноября 1962 г. он «был вызван на первую корректуру» (69). Однако Наталья Алексеевна утверждала, что

с первой корректурой его не знакомили, а пригласили на субботу 27 октября для знакомства сразу со второй корректурой (70). По утверждению Н. А. Решетовской, 17 ноября «Один день Ивана Денисовича» появился в печати (71). А. И. Солженицын датирует это событие 18 ноября (72).

И одна, и другая дата не соответствуют действительности.

Редкий дебют

В четверг 15 ноября 1962 г. со своим новым рассказом «Случай на станции Кочетовка»

А. И. Солженицын отправился в «Новый мир». «Незадолго до ухода Александра Исаевича, — читаем мы в воспоминаниях Н. А. Решетовской, — Твардовскому принесли сигнальный экземпляр 11-го номера. Он предложил его автору „Денисовича“, но Александр Исаевич скромно отказался» (1).

Сигнальный экземпляр появляется тогда, когда начинается переплет отпечатанного издания, поэтому между подписанием «сигнального экземпляра» и поступлением тиража в систему распространения всегда проходит время, которое зависит как от величины тиража, так и от скорости

переплетных работ. Поэтому № 11 «Нового мира» никак не мог выйти в свет ни 17 (суббота), ни 18 ноября (воскресенье).

Между тем утром 18-го в «Известиях» на повесть «Один день Ивана Денисовича» появилась рецензия К. М. Симонова «О прошлом во имя будущего» (2). В этот день, когда ее читали по всей стране и даже за рубежом, Александр Исаевич снова был в Москве (3) и здесь в редакции «Нового мира» получил возможность познакомиться с этой публикацией (4).

Те, кого статья К. М. Симонова, не оставила равнодушными, бросились в библиотеки, но там

одиннадцатого номера «Нового мира» еще не было. Не было его ни в киосках «Союзпечати», ни в редакции самого журнала.

19 ноября открылся Пленум ЦК КПСС, среди участников которого находился и А. Т. Твардовский. На следующий день, вечером, первые переплетенные к тому времени экземпляры одиннадцатого номера «Нового мира» были доставлены в ЦК КПСС и только здесь его смог приобрести Александр Трифонович. «Вечером, — читаем мы в его „Рабочих тетрадях“, — поделился с Заком, а он говорит, что весь день в редакции бог весть что — звонки, паломничество. В киосках — списки

на № 11, а его еще там и нет, сегодня, должно быть, будет» (5).

Но ни 20-го, ни 21-го этот номер в киосках не появился.

Зато 22-го появилась новая рецензия на «Один день Ивана Денисовича». Она была написана Г. Баклановым и опубликована в «Литературной газете» (6) Описывая эти же дни, Н. А. Решетовская отмечает, что «англичанин Паркер» решивший переводить «Ивана Денисовича», «требуется консультации с автором и его фото» (7).

А повести еще не было.

23 ноября хвалебную рецензию В. Ермилова на эту повесть напечатала «Правда» (8). 24-го в

Рязань с поручением взять у Александра Исаевича интервью был направлен корреспондент ТАСС П. И. Косолапов. А. И. Солженицын отказался от встречи, но пообещал написать автобиографию (9). 26 ноября на заключительном заседании Пленума ЦК КПСС выступил Н. С. Хрущев. Перечисляя достижения советской литературы последнего времени, он назвал фамилию А. И. Солженицына (10).

А повести еще не было.

В этот день Александр Исаевич снова едет в Москву. Все расписано: «На следующий же день. — вспоминала Н. А. Решетовская, — он будет в театре „Современник“ читать

художественному совету пьесу. Через день должен встретиться с представителем „Роман-газеты“ и впервые присутствовать на спектакле в „Современнике“. Надо принять переводчиков на английский и французский языки, фотокорреспондента ТАСС, побывать в издательстве „Советский писатель“, в „Новом мире“, где ждет гонорар и *накопилась почта*, повидаться с друзьями, развить и начать новые интересные знакомства с Анной Ахматовой, Варламом Шаламовым, вдовой писателя Булгакова» (11).

А повести еще не было

По приезде в Москву

А. И. Солженицын передал
П. И. Косолапову свою
автобиографию (12), на следующий
день всесоюзное радио познакомило
с нею своих слушателей (13). Тогда
же «ТАСС разослал по многим
газетам статью с биографическими
данными Солженицына под
названием „Имя, новое в нашей
литературе“ — была опубликована 28
ноября 1962 г. в „Московской
правде“, в „Советской России“ и во
многих республиканских и
областных газетах». 28 ноября
появилась хвалебная статья
А. Дымшица в «Литературе и жизни»
(14). В тот же день Рязань посетил
корреспондент Агентства печати

«Новости» (далее — АПН)
И. Кашкадамов. Не застав
А. Солженицына, он познакомился в
школе с его личным делом и 1
декабря на страницах (Учительской
газеты) опубликовал статью
«Учитель с улицы Революция» (15). 1
декабря был сдан в набор № 1 (277)
«Роман-газеты» на 1963 г, полностью
состоящий из «Одного дня Ивана
Денисовича» (16).

И только к самым последним
числам ноября — начале декабря,
когда имя А. И. Солженицына
приобрело широкую известность,
одиннадцатый номер «Нового мира»
пошел к читателям. Так, в Мурманске
он появился около 1 декабря и «как

рассказывают киоскеры, был раскуплен за несколько минут» (17). В Москве он стал более или менее доступен читателям не ранее 7 декабря (18).

«А еще несколько дней спустя, — вспоминает Н. А. Решетовская, — получив письмо из Всесоюзного общества „Международная книга“, мы узнали, как уверенно зашагал по миру „Иван Денисович“. Общество уже заключило договоры на издание повести с издательством „Голланц“ (Лондон) и „Жильяр“ (Париж), в ближайшее время будут заключены договоры с итальянским издательством „Эйнауди“ (Турин) и

американским издательством „Даттон“ (Нью-Йорк), вопрос об издании повести на немецком языке рассматривается западногерманским издательством „Револьт“ (Гамбург), получены запросы из Дании, Голландии, Швеции и Норвегии» (19).

Касаясь появления этой повести, писатель Ион Друцэ тогда же, что называется по горячим следам, писал: «Ее стали рецензировать до выхода в свет, по типографским оттискам» (20). «Нехорошо — вынужден был признаться в январе 1963 г. журналисту В. Буханову и сам Александр Исаевич, — что первые

рецензии появились практически до выхода первой книги» (21).

Так А. И. Солженицын вошел в литературу.

Согласитесь, это очень мало напоминает ту картину, которая позднее была нарисована им самим.

Если допустить, что повесть А. И. Солженицына появилась в печати случайно, как объяснить, что еще до выхода ее в свет весь советский информационный аппарат был мобилизован на то, чтобы сделать ей рекламу. Осечка действительно произошла, но она была связана не с тем, что цензура случайно пропустила повесть, а с тем, что типография, в которой

печатался одиннадцатый номер «Нового мира», не смогла уложиться в установленный график, в результате чего рекламный аппарат начал публиковать рецензии тогда, когда повести еще не было.

Публикация «Одного дня Ивана Денисовича» принесла А. И. Солженицыну такую славу, о которой начинающему автору даже трудно мечтать.

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ
РЯЗАНСКИЙ
ПРАВЕДНИК
(1962–1974)**

Глава 1

Из фавора в опалу

Первый год славы

17 декабря 1962 г. в Москве состоялась встреча руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства. На эту встречу были приглашены наиболее известные советские писатели. Несмотря на то, что А. И. Солженицын еще только-только в литературе и принадлежал к начинающим авторам, его тоже пригласили,

пригласили, хотя он не был даже членом Союза писателей РСФСР (1).

«Вызов на первую встречу, — вспоминает он, — настиг меня распыхом: в субботу вечером пришло в школу распоряжение из обкома партии, что в понедельник я вызываюсь в ЦК к товарищу Поликарпову (главный душитель литературы и искусства), а повезет меня туда в шесть утра обкомовская машина... Близ 10 утра подкатили меня к зданию самого ЦК на Старой площади... Поликарпов видеть меня не пожелал... зато отдел принял меня восхитительно-заботливо... Дали мне кусок изукрашенного картона — это и был пропуск на

сегодня в кремлевский дворец приемов» (2). Затем гостиница «Москва» и оттуда на Ленинские горы (3).

На встрече присутствовало около 300 человек (4).

Первую ее часть Александр Исаевич, по его словам, решил провести неприметно, «при казахах» (5), а в перерыве «набрел» на А. Т. Твардовского и далее уже сидел и выходил вместе с ним. «Он, — пишет А. И. Солженицын, — меня взял под руку и водил, выбирая, с кем знакомить» (6). Среди тех, кто был удостоен такой чести или же кто решился подойти сам, оказались уже упоминавшийся ранее помощник

Н. С. Хрущева В. С. Лебедев, главный редактор газеты «Правда»
П. А. Сатюков, композитор
Г. В. Свиридов, поэт Алексей Сурков, кинорежиссер Георгий Чухрай, писатель Михаил Шолохов.
Познакомиться с
А. И. Солженицыным подошел секретарь ЦК КПСС, главный идеолог партии М. А. Суслов.
А. Т. Твардовский представил Александра Исаевича Н. С. Хрущеву (7).

Во время выступления секретаря ЦК КПСС Л. Ф. Ильчева Н. С. Хрущев неожиданно для всех прервал его и под аплодисменты представил А. И. Солженицына залу.

Описывая этот эпизод уже за границей, Александр Исаевич отмечал: «Я встал — ни на тень не обманутый этими аплодисментами. Встал — безо всякой и минутной надежды с этим обществом жить. Перед аплодирующим залом встал, *как перед врагами, сурово...* Поклонился холодно в одну сторону, в другую и тут же сел, обрывая аплодисменты, предупреждая, что я — *неихний*» (8).

Вскоре после этой встречи, в декабре того же 1962 г., «неихний» А. И. Солженицын стал членом Союза писателей РСФСР. «Под Новый год, — пишет он, — они приняли меня в Союз без обычной

процедуры, без поручительств, даже сперва без заявления,.. а приехал я 31 декабря в Москву — звали меня к себе на Софийскую набережную... Звали меня, чтобы в *полчаса* выписать мне московскую квартиру... я *гордо* отказался» (9).

Вступление А. И. Солженицына в Союз писателей РСФСР позволило ему с 1 января 1963 г. оставить школу и полностью сосредоточиться на литературной деятельности (10).

Новый год Александр Исаевич и Наталья Алексеевна встретили в столице. «Еще с неделю, — пишет Н. А. Решетовская, — мы пробыли в Москве. Жили в роскошной гостинице „Будапешт“... 2 января

Александр Исаевич окончательно оформил деловые отношения с „Международной книгой“, а затем подписал с театром „Современник“ договор на постановку пьесы „Олень и шалашовка“, так стала называться „Республика труда“» (11).

Возвратившись 6 января домой и снова сев за письменный стол, А. И. Солженицын решил вернуться к автобиографической поэме «Дороженька». «Для „Нового мира“, — читаем мы в воспоминаниях Н. А. Решетовской, — Александр Исаевич готовит „Повесть в стихах“. Она давно написана, но надо еще поработать» (12). «Потихонечку работаю, — сообщал тогда же

А. И. Солженицын
А. Т. Твардовскому, — Может быть
удастся в марте (но не позже, чем в
апреле) принести Вам пару
рассказов. А раньше этого — нечто
стихотворное» (13).

«3 февраля, — отмечала Наталья
Алексеевна, — муж кончил печатать
„Повесть в стихах“. Но о передышке
нечего и думать. Александр Исаевич
вдруг почувствовал непреодолимое
желание написать рассказ из своего
„онкологического прошлого“. Этот
рассказ позднее превратился в
повесть и получил название
„Раковый корпус“» (14).

9 февраля Александра Исаевича
оторвала от работы встреча в школе с

выпускниками (15), затем почти неделю, с 12-го по 17-е, он провел в Москве (16), здесь, в частности, выступил в Военной коллегии Верховного суда СССР (17). А едва вернулся домой, как дела опять позвали в столицу. 7–8 марта в Кремле состоялась новая встреча руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства (18). А. И. Солженицын был удостоен чести присутствовать и на ней (19).

Не позднее 13 марта он был дома. «В самый день приезда из Москвы, — читаем мы в воспоминаниях

Н. А. Решетовской, — Александр

Исаевич получил письмо из Банка для внешней торговли. Ему сообщили, что на его имя пришло 75 фунтов из Лондона. Спрашивают: выплачивать в эквивалентах? Или завести счет в „Банке“? Мы предпочли второе» (20). Так у А. И. Солженицына появился личный банковский счет, на который легли первые денежные поступления в иностранной валюте. Тогда же ему была предложена в Рязани трехкомнатная квартира, но он заявил, что имеет право на большую (21).

Поскольку во время встречи с деятелями литературы и искусства прозвучало предложение провести

Пленум ЦК КПСС, посвященный вопросам культуры, такое решение было принято, и беспартийный А. И. Солженицын включен в список приглашенных (22). Если верить ему, узнав об этом, он обратился к В. С. Лебедеву с просьбой позволить ему не присутствовать на Пленуме. Одновременно Александр Исаевич пожелал узнать мнение В. С. Лебедева о пьесе «Олень и шалашовка», относительно которой у него возникли разногласия с А. Т. Твардовским (23).

«Я, — объяснял „*неихний*“ А. И. Солженицын, — хочу еще раз проверить себя: прав ли я или прав Александр Трифонович

Твардовский... Если Вы скажете то же, что А. Т. Твардовский, то эту пьесу я немедленно забираю из театра „Современник“ и буду над ней работать дополнительно. *Мне будет больно, если я в чем-либо поступлю не так, как этого требуют от нас, литераторов, партия и очень дорогой для меня Никита Сергеевич Хрущев*» (24).

Делая такой шаг, А. И. Солженицын надеялся на поддержку ЦК КПСС, но получил отрицательный ответ (25).

Из Москвы он привез пачку писем, которые продолжали поступать на его имя в редакцию «Нового мира». Автор одного из них

сетовал на то, что у читателей «Ивана Денисовича» может сложиться впечатление, будто бы главные виновники тяжелого положения заключенных — это конвойные. «Не беспокойтесь, — успокоил его А. И. Солженицын, — никто такого вывод не сделает. Все прекрасно разобрались, что во всем виновата та система произвола, при которой *группа Абакумова и Берия* сумела ввести бесконтрольное следствие, несправедливые судебные приговоры, неконституционный орган особого Совещания, а места заключения *освободить от партийного и общественного контроля*» (26).

Тогда же, весной 1963 г., когда Александр Исаевич клялся в любви к Н. С. Хрущеву и заверял его в желании **«быть достойным высокого звания советского писателя»**, в Рязань приехала Н. И. Столярова. В разговоре с ней А. И. Солженицын поинтересовался, не может ли она переправить его рукописи за границу? Наталья Ивановна согласилась (27). Но ее услугами тогда он не воспользовался.

Если обратиться к схеме «Исторические даты», получается, что январь-апрель 1963 г. были заняты работой над «Раковым корпусом» (28). Однако, по свидетельству Н. А. Решетовской, за

письменный стол ее муж снова сел только в апреле. Так, характеризуя начало этого месяца, она отмечала: «Александр Исаевич уже забыл когда писал» (29), а упоминая 11 апреля, подчеркивала: «Скоро, скоро начнется у мужа творческая пора» (30).

Отдохнув, ознакомившись с корреспонденцией и ответив на некоторые письма, А. И. Солженицын действительно вернулся к литературному творчеству, но не к «Раковому корпусу». К этому времени его захватил другой сюжет — история, незадолго перед тем произошедшая в Рязани. Один из техникумов должен был переехать в

новое, специально строившееся для него здание. Строительство затягивалась, и дирекция техникума обратилась к учащимся с просьбой помочь. А когда здание было возведено, обком партии распорядился передать его создававшемуся в Рязани научно-исследовательскому институту. Такое решение вызвало недовольство не только учащихся, но и преподавателей, однако в обкоме им объяснили, что оно было принято «для пользы дела».

Именно так и назвал свой новый рассказ А. И. Солженицын (31). Для работы над ним он решил уединиться в деревне. «15 апреля после обеда, —

вспоминала Н. А. Решетовская, — я проводила мужа к автобусу в Солотчу» (32). Через полторы недели Александр Исаевич сообщил, что «первую редакцию рассказа» уже закончил (33), а 17 мая отправил его в «Новый мир» (34).

18-го в Солотчу приехала Наталья Алексеевна (35). Тогда же сюда нагрянул В. Л. Теуш, решивший писать исследование об «Иване Денисовиче» (36). Отдохнув полторы недели, Александр Исаевич и Наталья Алексеевна вернулись домой (37), откуда 2 июня А. И. Солженицын уехал в столицу (38). Здесь он обратился к В. Т. Шаламову с просьбой

познакомиться с его рассказом «Для пользы дела»: «Я, — заявил он, — считаю Вас *моей совестью* и прошу посмотреть, не сделал ли я чего-нибудь помимо воли, что может быть истолковано, как малодушие, приспособленчество» (39).

Доработав рассказ с учетом сделанных замечаний и передав его 6 июня в редакцию «Нового мира», Александр Исаевич в тот же день отправился в Переделкино (40), где состоялось его знакомство с К. И. Чуковским. «Сегодня, — записал Корней Иванович в дневнике, — был у меня Солженицын. Взбежал по лестнице легко, как юноша. В легком летнем

костюме, лицо розовое, глаза молодые, смеющиеся. Оказывается он вовсе не так болен, как говорили» (41).

Окрыленный успехами, А. И. Солженицын решил вернуться к своей пьесе «Свеча на ветру» и 8 июня на одной из московских квартир организовал ее чтение для своих поклонников, но и на этот раз она не произвела впечатления на слушателей.

12-го пришла верстка рассказа «Для пользы дела» (42), в седьмом, июльском номере журнала он пошел к читателям (43). Оценивая позднее данную публикацию, Александр Исаевич писал: «В этом рассказе я

начинал сползать со своей позиции, появились струйки приспособления» (44).

А пока этот номер журнала печатался, А. И. Солженицын решил вернуться к возникшему еще до войны замыслу романа о революции (45) и с этой целью 14 июня вместе с Натальей Алексеевной поехал в Ленинград, 16-го он впервые переступил порог Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (46). Однако полностью сосредоточиться на работе в ней ему не удалось. Отвлекали встречи, культурные мероприятия.

Из числа тех, с кем встречался

Александр Исаевич, можно назвать
доцента Ленинградского
государственного педагогического
института им. А. И. Герцена
филолога Ефима Григорьевича
Эткинда, его жену Екатерину
Федоровну Зворыкину и Елизавету
Денисовну Воронянскую, ставшую
затем одной из его верных и
бескорыстных помощниц (47).

Пробыв в Ленинграде три с
половиной недели, Александр
Исаевич и Наталья Алексеевна 9
июля «ночным автобусом»
отправились в Тарту (48). «Из
наводнения писем после
„Денисовича“, — пишет
А. И. Солженицын, — однажды

выловил я и драгоценное письмо Арнгольда Сузи: вся семья его побывала в сибирской ссылке, лишь вот недавно разрешили им вернуться, и то без городской прописки, где-то на хуторе под Тарту жили они, и жена умирала от рака. Летом 1963 г. мы и увиделись в Тарту... Жена его уже умерла, сам он приехал на встречу с хутора, сын его Арно перебивался в Тарту, не имея квартиры, а дочь Хели приехала из Таллина... Арно уже женат, а Хели с маленьким сыном... только старшего брата Хейно не хватало: отступил с немцами, а сейчас уже жил в Штатах» (49).

После Тарту — Рига, взморье,

два хутора и обратная дорога в Москву (50).

В столицу Солженицыны вернулись 26 июля. В тот же день Александр Исаевич встретился с В. Т. Шаламовым, который затем сделал следующую запись о нем. «Приехал из Ленинграда, *где месяц работал в архивах* над новым своим романом... Бодр, полон планов» (51). Как мы знаем, в Ленинграде А. И. Солженицын провел 25 дней, в архивах не был, а в библиотеке работал лишь урывками. Однако окружающим этого знать не полагалось.

28 июля Александр Исаевич и Наталья Алексеевна были дома, а

затем 1 августа отправились в велопоход по маршруту: Рязань — Михайлов — Ясная Поляна — Епифань — Куликово Поле — Рязань и провели в дороге 11 дней (52). По всей видимости, именно из этого похода Александр Исаевич привез замысел рассказа «Захар Калита».

По возвращении, вспоминала Наталья Алексеевна, Александр Исаевич хочет сесть за «Раковый корпус», «но пока что вместо повести пишет по 5—6 писем в день... К концу месяца нужно обязательно со всем этим разделаться и ехать работать в Солотчу» (53). 22 августа А. И. Солженицын съездил туда на разведку и через несколько

дней обосновался там. Посетившая его в начале сентября Наталья Алексеевна позднее напишет: «Александр Исаевич еще не работает по-сумасшедшему, как он умеет. Настраивается на „Раковый корпус“ и одновременно занимается главами из „Круга“» (54).

В Солотче А. И. Солженицына посетил В. Т. Шаламов (55). Александр Исаевич явно хотел сблизиться с писателем, однако его приезд привел к тому, что в отношениях между ними пробежала первая трещина, расширение которой со временем завершилось полным разрывом (56), в результате чего Александр Исаевич оказался не в

ладу со своей «совестью».

Первоначально работа над «Раковым корпусом» шла успешно. «Повесть разрастается, — читаем мы в воспоминаниях Н. А. Решетовской, — намечал 25 глав, но уже получается 32», «написал 10 глав» (57). Однако в начале октября работа остановилась. 3 октября Александр Исаевич вернулся в Рязань, а 12-го отправился на юг, побывал в Ростове-на-Дону, в Георгиевске и 24-го снова был дома (58). По возвращении он несколько дней редактировал «Свечу» для «Современника» и «сплотку» из женских глав «Круга» для «Нового мира», после чего 29 октября поехал

в Москву. (59).

«...Осенью 63-го года, — читаем мы в «Теленке», — я выбрал четыре главы из „Круга“ и предложил их „Новому миру“ для пробы, под видом „Отрывка“. Отказались. Потому что „отрывок“? Не только. Опять тюремная тема... Тем временем нужно было им печатать проспект — что пойдет в следующем году. Я предложил: повесть „Раковый корпус“, уже пишу. Так название не подошло! — во-первых, символом пахнет; но даже и без символа — „само по себе страшно, не может пройти“. Со всей решительностью переименовывать все, приносимое в „Новый мир“, Твардовский сразу

определил: „Больные и врачи“. Печатаем в проспекте. Манная каша, размазаная по тарелке... Я отказался» (60).

По свидетельству Натальи Алексеевны, все было несколько иначе. Когда Александр Исаевич передал А. Т. Твардовскому «сплотку» женских глав, последний сразу же предложил А. И. Солженицыну подписать с редакцией «Нового мира» договор на публикацию романа (61). Но Александр Исаевич отклонил сам это предложение, после чего с ним «заключили договор на повесть в десять листов», т. е. на «Раковый корпус» (62).

Разбирая в эти осенние дни 1963 г. поступающую на его имя корреспонденцию, Александр Исаевич обнаружил письмо, которое было подписано Натальей Мильевной Аничковой (63). «... Она, — пишет А. И. Солженицын, — бывшая зэчка, и дочь ее приемная, тоже зэчка, благодарят за „Ивана Денисовича“ и готовы помогать, чем могут. А для заманки, чтоб я верней отозвался, приправлено было, что Павел Дмитриевич Корин^[18] — их сосед, могут познакомить». Через некоторое время Александр Исаевич познакомился как с самой Натальей Мильевной, так и с ее приемной дочерью Ниной Григорьевной

Левитской, дочерью одного из ближайших сотрудников Н. И. Вавилова, биолога Григория Андреевича Левитского (64). Появились две верные помощницы, которых А. И. Солженицын по первым буквам их имен стал называть «Энэнами» и к содействию которых затем прибегал неоднократно.

К 1 ноября А. И. Солженицын вернулся из Москвы и опять сел за «Раковый корпус», но и на этот раз работа шла неровно, неоднократно он отвлекался на другие сюжеты. Так, в ноябре 1963 г. им были написаны небольшие рассказы «Как жаль», «Корова», «Правая кисть»

(65). А затем, так и не сумев полностью сосредоточиться на повести, он снова отодвинул ее в сторону и в конце 1963 г. возвратился к роману «В круге первом». «У него, — вспоминала Н. А. Решетовская, — созрел план сделать подходящую для „Нового мира“ редакцию „Круга“ и предложить ее Трифоновичу прочитать ее у нас дома» (66).

Характеризуя позднее эту работу, Александр Исаевич писал: «...я предпринял такую операцию: я развалил... постройку... на кирпичи, на главы, полуглавы, иногда абзацы, — и *заново построил* другой роман из того, что все-таки можно

показать. Так и получился вариант „Круга“ из 87 глав» (67). Если верить А. И. Солженицыну, дело заключалось не только в сокращении объема романа, но и в изменении его сюжета (68). Однако до тех пор, пока нам не станет известна предшествующая редакция романа, судить о характере этих изменений не представляется возможным.

«Всю эту зиму (т. е. зиму 1963—1964 гг. — А.О.), — уверяет нас Александр Исаевич, — я кончал облегченный для редакции и для публики роман „В круге первом“» (Круг-87) (69). Для того, чтобы ускорить работу он привлек к ней Наталью Алексеевну, «и мы, —

пишет она, — начинаем в четыре руки печатать роман» (70).

Во время этой работы семью Солженицыных посетили мелкие житейские радости: в середине ноября у них появился телефон (71). Ко дню рождения Александра Исаевича Валютное управление Министерства финансов сделало подарок — прислало разрешение на покупку машины, на «Волгу» денег не хватило, купили «Москвич», который Александр Исаевич и Наталья Алексеевна между собой стали называть «Денисом» (72). Перед Новым годом В. С. Лебедев прислал письмо с высокой оценкой рассказа «Для пользы дела» (73).

Немногие, даже очень известные советские писатели могли похвастаться тем, что с Новым годом их поздравляли помощники Первого секретаря ЦК КПСС.

Несостоявшийся лауреат

Под Новый год Александр Исаевич получил еще один подарок.

Летом Секция прозы Союза писателей РСФСР, на заседании которой председательствовал Л. З. Копелев, выдвинула кандидатуру А. И. Солженицына на соискание Ленинской премии (1). Предложенные разными

творческими организациями кандидатуры были рассмотрены Отделом культуры ЦК КПСС, и 28 декабря 1963 г. «Известия» опубликовали официальный список кандидатов на соискание премии. К участию в конкурсе в области литературы было допущено 19 писателей, среди них значилась и фамилия А. И. Солженицына (2).

Обычно такой чести удостаивались лишь те писатели, которые были давно и хорошо известны читателям. Между тем с момента публикации первого литературного произведения А. И. Солженицына прошел всего лишь год, а список его

опубликованных произведений включал в себя четыре наименования. И хотя все четыре произведения были неординарными, по принятым в советской литературе того времени традициям, до Ленинской премии ему было далеко.

Если же несмотря на это, его фамилия оказалась в списке 19 лучших писателей года, это означает, что кто-то очень влиятельный покровительствовал ему не только в руководстве Союза писателей СССР, но и внутри ЦК КПСС.

«Первые дни Нового (1964 — А.О.) года, — читаем мы в воспоминаниях

Н. А. Решетовской, — муж провел в

Рязани. Далее предстоят поездки в Москву и Ленинград для работы в лучших библиотеках страны. Надо использовать открывшуюся возможность для сбора материала к его историческому роману» (3). И далее: «Десятого января муж уехал... В Москве заниматься Александру Исаевичу больше всего полюбили в Фундаментальной библиотеке общественных наук и в Центральном военном архиве, который помещается в бывшем Лефортовском дворце» (4).

20 января, в воскресенье, А. И. Солженицын посетил А. Т. Твардовского, который в тот же день записал в своих «Рабочих

тетрадах»: «Более трех часов вчера просидели с Солженицыным. Он на большом рабочем подъеме, даже сам говорит: работаю бешено. Выходит, что у него в работе три большие вещи: роман, начатый где-то еще до „Ив[ана] Денисовича“, „раковая“ повесть и „замысел отроческих лет“ — роман об „Октябрьской революции“ (до 29 г.)... Роман „В круге первом“ (первые дни (часы) после 70-летия Сталина) уже написан — около 35 л. Не дает до апреля, когда приглашает меня в Рязань... Для второго романа (о 20-х годах) он сейчас в Москве и поедет в Л[енинград] для работы в библиотеках. В марте поедет в

Ташкент для раковой повести» (5).

В Москве А. И. Солженицын находился до конца января. 29-го, вечером, принял участие во встрече редакции «Нового мира» с читателями, которая состоялась в Доме учителя (6). «Он, — пишет В. Н. Войнович о А. И. Солженицыне, — был привезен и отправлен обратно на машине Твардовского (сам Твардовский добирался на такси). Приехал, сразу получил слово, сказал что-то значительное о миссии учителя и уехал. Все понимали, что человек серьезный, его время не то, что наше, стоит дорого. А наше не стоит, в общем-то, ничего. Пока он был среди

нас, мы все держались как младшие по званию. Почтительно и напряженно. А Твардовский — как деревенский отец, воспитавший далеко пошедшего сына. Когда же Солженицын отъехал, все, вздохнувши, расслабились» (7).

Через день, 31 января, Александр Исаевич уехал в Ленинград (8). К середине февраля Наталья Алексеевна ждала мужа домой, но 13-го получила телеграмму от Е. Д. Воронянской: «Умоляем разрешить задержаться [на] неделю». Разрешение, по всей видимости, дано не было, однако Александр Исаевич покинул Ленинград только 25-го (9).

Во время его пребывания в Ленинграде произошло событие, эхо которого разнеслось не только по всей стране, но и далеко за рубежом. 29 ноября 1963 г. на страницах газеты «Вечерний Ленинград» была опубликована статья «Окололитературный трутень», посвященная тогда еще малоизвестному поэту Иосифу Бродскому. Полностью поглощенный литературным творчеством, он формально нигде не работал. 13 декабря Ленинградское отделение Союза писателей РСФСР приняло неслыханное в истории литературы постановление о необходимости предания поэта суду. 13 февраля

1964 г. он был арестован и 18-го предстал перед судом (10).

Судили И. А. Бродского, конечно, не за тунеядство и даже не за антисоветскую пропаганду (его стихи не имели политической направленности), а за вызывающий образ жизни. И тут произошло то, чего до этого советская юстиция не знала. Началась открытая кампания в защиту поэта. Появилось обращение к руководству партии и правительства, под которым поставили свои подписи многие писатели и другие деятели культуры. Было предложено подписаться и А. И. Солженицыну. Однако он отказался сделать это (11). Понять

отказ нетрудно — его фамилия фигурировала в списке кандидатов на Ленинскую премию. На одной чаше весов был хотя и безвинно пострадавший, но незнакомый ему поэт, на другой — Ленинская премия. Поставить свою фамилию под обращением в защиту И. А. Бродского означало самому вычеркнуть себя из списка кандидатов на правительственную награду.

Комитет по Ленинским премиям начал работать 4 февраля 1964 г. (12). Из 19 кандидатов в области литературы для дальнейшего рассмотрения было оставлено семь писателей, среди них фигурировал и

Александр Исаевич (13).

25 февраля Н. А. Решетовская встретила своего мужа в Москве на Ленинградском вокзале, и у нее впервые появились сомнения в его супружеской верности (14). Отметив в Москве свой день рождения, Наталья Алексеевна уехала в Рязань, а Александр Исаевич задержался в столице (15). Вернувшись домой, он, наконец, взялся за «Круг», но вскоре снова отложил его в сторону (16).

17 марта он отправился в Ташкент, на этот раз в сопровождении жены. Поездка была связана с работой над «Раковым корпусом» и продолжалась до 2 апреля (17). Согласно схеме

«Исторические даты», «Раковым корпусом» А. И. Солженицын занимался на протяжении марта-апреля и июля августа 1964 г. (18). Однако если двухнедельное путешествие в Ташкент можно рассматривать как работу над повестью, то после возвращения домой сесть за письменный стол Александру Исаевичу не удалось.

Прежде всего именно в те весенние дни семейный разлад достиг такой остроты, что возник даже вопрос о разводе, хотя до этого дела не дошло (19).

Вместе с тем борьба вокруг Ленинской премии вступила в свою завершающую стадию. Поэтому

вернувшись в Рязань, но так и не сев ни за «Круг», ни за «Раковый корпус», А. И. Солженицын снова помчался в Москву.

12 апреля В. Я. Лакшин записал в дневнике: «Забегал на днях Солженицын. Говорит о премии: „Присудят — хорошо. Не присудят — тоже хорошо, но в другом смысле. Я и так, и так в выигрыше“» (20).

Что означали эти слова? По всей видимости, только то, что в первом случае А. И. Солженицын получал возможность занять особое положение в писательском мире и готов был сохранять лояльность по отношению к власти, а во втором случае собирался перейти в

оппозицию и получить поддержку как у определенной части советской интеллигенции, так и за рубежом.

Борьба в Комитете по Ленинским премиям достигла такой остроты, что на одном из его заседаний первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов заявил, будто бы А. И. Солженицын был осужден за уголовное преступление (21). А. Т. Твардовский немедленно запросил Определение Военной коллегии Верховного суда СССР о реабилитации писателя (22). Когда Определение огласили, С. П. Павлов принес свои извинения (23), но на исход голосования этот шаг влияния не оказал. 14 апреля, когда в списке

претендентов остались только два человека: Олесь Гончар и А. И. Солженицын (24), Комитет по Ленинским прениям назвал лауреатом Олесья Гончара (25).

Эта неудача была не только личным поражением А. И. Солженицына, но и поражением тех, кто покровительствовал ему в руководстве партии. А поскольку на него смотрели как на фаворита Н. С. Хрущева, данный эпизод можно рассматривать как косвенное отражение той скрытой борьбы, которая шла в руководстве КПСС. Нередко она сводится к соперничеству за обладание властью.

Однако в действительности речь шла о выборе политического курса страны.

К этому времени, пишет Ф. М. Бурлацкий, Н. С. Хрущев «сменил большинство первых секретарей республик и областей», было принято решение «разделить обкомы и горкомы партии на две части — промышленные и сельскохозяйственные», в чем некоторые усматривали первый шаг на пути «создания двух партий». В начале 1964 г. активизировалась работа по подготовке новой Конституции: предлагалось превратить Верховный Совет СССР в постоянно действующее учреждение,

ввести альтернативные выборы, возродить суд присяжных, перейти к президентской республике с прямым всенародным избранием главы государства, ограничить роль партии и расширить роль государственных учреждений в управлении страной (26). В решающую стадию вступила подготовка экономической реформы, направленной на расширение хозрасчетных методов управления экономикой (27). Предполагались крупные изменения во внешней политике, в частности рассматривалась возможность объединения Германии (28).

Это свидетельствует, что в 1964 г. советская страна стояла в

преддверии важных решений, от которых во многом зависела ее судьба. И если рассматривать провал А. И. Солженицына как поражение покровительствовавших ему сил, то это был один из симптомов приближавшегося падения Н. С. Хрущева.

На исходе хрущевской «оттепели»

Из дневника В. Я. Лакшина. 18 апреля 1964 г.: «Накануне заходил Солженицын,.. Он хотел взять с собой А.Т. в Рязань, читать там ему роман, но тот не сможет, пожалуй, ехать» (1). Действительно домой

Александр Исаевич вернулся один (2), но 2 мая Александр Трифонович все-таки откликнулся на его приглашение и поехал в Рязань (3). Здесь, совмещая чтение романа с затянувшимся праздничным застольем (4), он провел четыре дня (5). Этот эпизод нашел в «Теленке» довольно яркое, но совершенно бестактное описание (6).

Александр Трифонович не только получил удовлетворение от чтения романа, но и загорелся желанием во чтобы то ни стало его напечатать. 18 мая В. Я. Лакшин записал: «Твардовский уже сговорился с В. С. Лебедевым» (7). А пока Александр Трифонович готовил

почву для публикации романа, Александр Исаевич срочно правил его с учетом сделанных замечаний (8). Завершив правку 19 мая, он 21-го повез «Круг» в Москву (9). Через три недели, 11 июня, состоялось его обсуждение в редакции «Нового мира» (10). Представляя своей новое произведение членам редколлегии, Александр Исаевич заявил, «что, на его взгляд, роман оптимистический, грубо говоря, за Советскую власть» (11). И хотя «Круг-87» вызвал много замечаний (12), 20 июня с автором был заключен договор (13) и на его основе выплачен новый аванс (14).

На следующий день Александр Исаевич и Наталья Алексеевна

вместе с приехавшим к ним Н. И. Зубовым отправились в очередное летнее путешествие (15). «...Из Москвы, — пишет Н. А. Решетовская, — мы выехали 21 июня по Ленинградскому шоссе... После Новгорода сворачиваем на Псков, Изборск, Печоры и оказываемся в Прибалтике» (16). По пути их встретила Е. Д. Вороньянская, вместе с нею и Н. И. Зубовым они поселились в Эстонии на хуторе под городом Выру (17).

Отправляясь в это путешествие, А. И. Солженицын захватил с собою рукопись неопубликованной книги тогда еще мало кому известного биолога, работавшего в Обнинском

институте медицинской радиологии, Жореса Александровича Медведева «Очерки по истории биолого-агрономической дискуссии или культ личности в ботанике» (18). Предпринимая попытку восстановить картину разгрома советской генетики в первые послевоенные годы, Ж. А. Медведев тем самым наносил удар по одному из его организаторов академику Т. Д. Лысенко, который продолжал заседать в Академии наук СССР и пользовался покровительством Н. С. Хрущева (19).

Каким образом рукопись данной книги оказалась у А. И. Солженицына, мы не знаем. Но

любопытно, что его заочное знакомство с Ж. А. Медведевым по времени совпало с событием, которое имело самое непосредственное отношение к Т. Д. Лысенко и участником которого стал известный тогда только в своем очень узком кругу один из создателей советских атомной и водородной бомб академик Андрей Дмитриевич Сахаров.

Поскольку он будет фигурировать в этой книге далее, необходимо сказать о нем хотя бы несколько слов. Андрей Дмитриевич был внуком известного московского адвоката и общественного деятеля Ивана Николаевича Сахарова (1860—

1918), который фигурирует в энциклопедии А. И. Серкова «Русское масонство» (20). Иван Николаевич имел дочь Татьяну (1883–1977) и пятерых сыновей (21). Татьяна Ивановна находилась замужем за потомком декабриста Николаем Вячеславовичем Якушкиным (22). Отмечая в своих воспоминаниях этот факт, А. Д. Сахаров забыл упомянуть, что брат Николая Вячеславовича Иван (1885–1960) являлся академиком ВАСХНИЛ и заведовал кафедрой растениеводства в Тимирязевской сельскохозяйственной академии (23), а его сын Дмитрий Иванович был генералом КГБ и некоторое время

являлся советским резидентом в США (24). К этому нужно добавить, что, по имеющимся сведениям, с 1931 г. Иван Вячеславович являлся осведомителем органов госбезопасности (25).

«Летом 1964 года — вспоминал А. Д. Сахаров, — состоялись очередные выборы в Академию наук СССР. Академические выборы проходят... в два этапа: сначала на Отделениях выбирают многократным тайным голосованием столько академиков и член-корреспондентов, сколько данному отделению выделено вакансий... Затем Общее собрание должно подтвердить эти кандидатуры... Во время собрания

нашего Отделения мне стало известно, что биологи избрали академиком члена-корреспондента своего Отделения Н. И. Нуждина. Эта фамилия была мне известна. Нуждин был одним из ближайших сподвижников Т. Д. Лысенко, одним из соучастников и вдохновителей лженаучных авантюр и гонений на настоящую науку и подлинных ученых» (26).

Далее А. Д. Сахаров рассказывал о том, как он выступил на общем собрании АН СССР, как его поддержали другие академики, в результате чего произошло невиданное — кандидатура Н. И. Нуждина, рекомендованная

Отделением биологии АН СССР и одобренная ЦК КПСС, была провалена общим собранием АН СССР (27). Произошедшая история тоже в известной степени была поражением Н. С. Хрущева.

Вскоре после этого А. Д. Сахаров познакомился как с Ж. А. Медведевым, так и с его книгой (28).

Вспоминая лето 1964 г., Александр Исаевич отмечает: «на хуторе под Выру... я готовил текст „Круга“, а еще — раскладывал, растасовывал по кускам и прежний мой малый „Архипелаг“, и новые лагерные материалы, показания свидетелей. И здесь на холмике под

Выру родилась окончательная конструкция большого „Архипелага“ и сложился новый для меня метод обработки в стройность хаотически пришедших материалов» (29).

Если исходить из того, что в это время его роман находился в «Новом мире» и решался вопрос о его публикации, можно было бы думать, что А. И. Солженицын продолжал работать над его 5-й редакцией. Однако, по его свидетельству, летом 1964 г. им была «предпринята противоположная попытка (6-я редакция) — углубить и заострить в деталях вариант 87 глав» (30).

А пока Александр Исаевич пытался «углубить и заострить»

«Круг-87», судьба романа решалась на самом высоком уровне. 29 июля В. Я. Лакшин записал в дневнике: «Рукопись „Круга первого“ передана В. С. Лебедеву. Рубикон перейден». Запись 3 августа: «Лебедев откладывает чтение Солженицына». Запись 20 августа: «Твардовский вернулся от Лебедева. Тот, по его выражению, *„очищал стол“* — торопился отдать папку с Солженицыным. Говорил нетерпимо, резко. Вопреки обыкновению, даже не проводил до лифта». «...я не советую эту рукопись вам даже кому-нибудь показывать — заметил Лебедев, — Я прежде говорил Ильичеву, что Твардовский

собирается мне дать кое-что почитать и он заранее просил его познакомить, но я не сказал, что рукопись уже у меня... Прочтя „В круге первом“, я начинаю жалеть, что помогал публикации повести» (31).

Если принять во внимание последующее развитие событий, складывается впечатление, что помощник Н. С. Хрущева не только знал о зревшем против него заговоре, но по-своему и готовился к нему.

«К 25 августа еще одна редакция „Круга“, — вспоминала Н. А. Решетовская, — сделана и отпечатана! Кроме того, Александр Исаевич успел поработать над

будущим „Архипелагом ГУЛАГ“». В указанный выше день супруги Солженицыны отправились в обратный путь: проехали Псков, завернули в Михайловское и через Москву вернулись в Рязань (32).

В Москве А. И. Солженицын провел несколько дней. Здесь 30 августа он на квартире Вероники Туркиной, к этому времени вышедшей за Юрия Генриховича Штейна, встретился с В. Т. Шаламовым и предложил ему совместно писать «Архипелаг». Последний, заявив: «Я хочу иметь гарантии, для кого книга» и, видимо, не получив удовлетворившего его ответа, от предложенного

сотрудничества отказался (33). Видимо, тогда же Александр Исаевич попытался привлечь к этой работе писателя Юлия Даниэля, но тоже безуспешно (33а).

Это дает основание думать, что летом 1964 г. у А. И. Солженицына появился заказчик на «Архипелаг», но назвать его он не решился, ни в 1964 г. — В. Т. Шаламову, ни позднее — читателям.

По всей видимости, во время этого пребывания в Москве Александр Исаевич передал на хранение имевшиеся у него материалы будущего «Архипелага» В. Л. Теушу, который через некоторое время познакомил с ними своего

приятеля Илью Иосифовича Зильберберга (34).

В Рязань А. И. Солженицын вернулся 1 сентября (35). Дома он познакомился со статьей президента ВАСХНИЛ М. Ольшанского «Против дезинформации и клеветы». Она была опубликована 29 августа 1964 г. в газете «Сельская жизнь» и направлена против Ж. А. Медведева и А. Д. Сахарова (36). 2 сентября Александр Исаевич написал Жоресу Александровичу письмо, в котором выразил свою солидарность с ним и желание познакомиться (37).

Через некоторое время, так и не сев за письменный стол, А. И. Солженицын снова отправился

в Москву и провел здесь в хождениях по знакомым около недели: встречался с Д. Д. Шостаковичем (38), В. Я. Лакшиным (39), К. И. Чуковским (40), в воскресенье 13 сентября вместе с Натальей Алексеевной побывал в Большом театре (41). Получив информацию о том, что роман «В круге первом» «завис», и натолкнувшись на невозможность найти соавтора для «Архипелага», Александр Исаевич вернулся к замыслу романа о революции, который Н. А. Решетовская обозначает в своих воспоминаниях как «Р-17». Для работы над ним он отправился на юг, в Лазаревскую (42), 22-го был в

Ростове-на-Дону (43), побывал в Георгиевске (44), но, едва добравшись до места, уже 23-го сообщил Наталье Алексеевне: «В четверг возвращаюсь» (45).

После возвращения домой, пишет Н. А. Решетовская, «переменились и творческие планы. Совершенно неожиданно роману пришлось потесниться перед пьесой „Свеча на ветру“... Появилась надежда поставить ее в Театре Ленинского комсомола», надежда, правда, так и не реализовавшаяся (46).

А пока А. И. Солженицын занимался пьесой, 14–15 октября состоялся Пленум ЦК КПСС,

который освободил Н. С. Хрущева от должности первого секретаря Цека и избрал его преемником Леонида Ильича Брежнева. Поскольку Л. И. Брежнев начинал свою карьеру в Днепропетровске и придя к власти стал активно выдвигать на высшие должности своих земляков, получила распространения шутка: историю Россию можно подразделить на три периода: допетровский, петровский, днепропетровский.

Первые сведения о решении Пленума начали циркулировать уже вечером 15 октября. А 16-го в «Правде» появилось официальное сообщение (47). «На другой день, — пишет А. И. Солженицын, — я уже

был у Н.И. (Столяровой — А.О.) в Москве». Здесь он сразу же поднял вопрос о необходимости переправить его рукописи за границу. Наталья Ивановна обещала помочь и предложила приехать «снова, к концу октября» (48).

19-го А. Т. Твардовский записал в «Рабочих тетрадях»: «Вчера Оля привезла Солженицына... Излагал четко построенный план укрытия рукописи романа „В круге первом“». Суть этого плана заключалась в том, чтобы сделать вид, будто бы никакого романа не существовало, а то, что фигурировало в документах под названием «В круге первом» представляло собою переработанный

и переименованный вариант повести «Раковый корпус» (49). Подобное предложение имело если не провокационный, то по меньшей мере авантюрный характер, так как роман уже обсуждался в редакции «Нового мира», его содержание было известно в ЦК КПСС. Отклонив предложение А. И. Солженицына, А. Т. Твардовский предложил ему до лучших времен забрать роман из редакции. Однако, отмечено в «Рабочих тетрадях», Александр Исаевич не пожелал делать этого, «ссылаясь (смех) на большой объем этих *трех экземпляров*» (50).

В это время в Москву приехал сын известного русского писателя

Леонида Николаевича Андреева (1871–1919) от его брака с Александрой Михайловной Велигорской (1881–1906) Вадим Леонидович (1903–1976). Вместе с ним была и его жена Ольга Викторовна Федорова (1905–1979) — падчерица одного из лидеров партии эсеров Виктора Михайловича Чернова. С 1922 г. В. Л. Андреев находился в эмиграции. Жил в Берлине и Париже. В 1946 г. получил советский паспорт, правда, без права возвращения на Родину. В 1949 г. уехал в Нью-Йорк и как советский представитель работал в издательском отделе ЮНЕСКО. В

1959 г. поселился в Женеве и с 1961 г. трудился в издательском отделе Европейского отделения ООН (51).

К Вадиму Леонидовичу и обратилась Н. И. Столярова с просьбой вывезти за границу рукописи А. И. Солженицына. А когда согласие было получено, она познакомила их «у себя в комнатухе, в коммунальной квартире, в Мало-Демидовском переулке». «31 октября 1964 г., — пишет А. И. Солженицын, — через две недели после воцарения Коллективного Руководства, моя маленькая бомба пересекла границу СССР в московском аэропорту. Она

просто лежала в кармане пиджака В.Л.», который вывез за границу «все написанное мною за 18 лет, от первых непримиримых лагерных стихов до „Круга“» (52).

У истоков «Архипелага»

История октябрьского переворота 1964 г. еще ждет своего исследователя. Но уже сейчас очевидно, что против Н. С. Хрущева объединились разнородные силы: и те, кто хотел идти дальше по курсу, намеченному XX съездом партии (назовем их условно либералами), и те, кто, считая этот курс опасным, во

многим желал вернуться назад (назовем их условно консерваторами). Отстранение Н. С. Хрущева не означало устранения противоречия между этими силами. Борьба продолжалась.

Имеются сведения, что одним из сторонников либерализации был тогда секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, который возглавлял в ЦК отдел, курировавший так называемые страны «народной демократии». Если верить этим сведениям, вскоре после смещения Н. С. Хрущева Ю. В. Андропов представил «ёмкую программу» действий, предлагая провести экономическую реформу, расширить

демократию и самоуправление, сосредоточить партию главным образом на политическом руководстве, прекратить гонку ракетно-ядерного оружия, вывести СССР на мировой рынок с целью приобщения к новой технологии (1). С этой программой Ю. В. Андропов ознакомил не только Л. И. Брежнева, но и председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина. Однако она не встретила их полной поддержки, правда, по разным причинам (2).

Вскоре после октябрьского Пленума А. И. Солженицын познакомился с Ж. А. Медведевым. «Наша встреча, — писал позднее Ж. А. Медведев, — состоялась в

середине ноября... Из переписки и из беседы выяснилось, что Солженицын знает моего обнинского коллегу известного генетика Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского... В Обнинск он переехал только весной 1964 г. для руководства отделом генетики» (3).

Эта встреча позволила А. И. Солженицыну не только восстановить знакомство с Н. В. Тимофеевым-Ресовским, но и заочно познакомиться с братом Жореса Роем, который в это время возглавлял сектор НИИ производственного обучения Академии педагогических наук СССР (4). С 1962 г. Рой

Александрович работал над книгой о сталинизме (5), а «с конца 1964 г.» стал «выпускать напечатанный на машинке бюллетень, который вначале не имел названия и обозначался лишь месяцем „издания“». Тираж этого машинописного журнала насчитывал всего 10 или 12 экземпляров и предназначался очень узкому кругу читателей» (6). Это издание, получившее название «Политический дневник», выходило в самиздате до 1970 г. «Р. Медведев сообщил позднее, — пишет Л. Алексеева, — что поставщиками материалов для „Политического дневника“ были несколько его

друзей, среди них Евгений Фролов, ответственный работник журнала „Коммунист“ — органа ЦК КПСС»^[19] (7).

Отмечая существование внутри КПСС сторонников реформ, Л. Алексеева пишет: «Выразителем этого реформистского направления был Рой Медведев. И Сахаров, и Солженицын в 60-е годы испытали на себе его идейное влияние, имея с ним личные контакты» (8). Если А. Д. Сахаров признавал влияние Р. А. Медведева на собственную идейную эволюцию (9), то А. И. Солженицын категорически отрицает его. «Роя, — утверждает он, — я почти не знал, видел дважды

мельком: при поразительном его внешнем сходстве с братом он, однако, был несимпатичен» (10). О том, что их знакомство было шапочным пишет и сам Р. А. Медведев: «Я, — подчеркивает он, — беседовал с Солженицыным всего три раза» (11).

В ноябре-декабре Александр Исаевич находился в Москве (12). Домой он, по всей видимости, вернулся только к дню своего рождения и только после этого снова взялся за перо.

«Всю зиму с 64-го на 65-й — пишет А. И. Солженицын, — работа шла хорошо, полным ходом я писал „Архипелаг“, материалов от зэков

теперь избывало» (13). Подтверждая данный факт, Н. А. Решетовская вместе с тем уточняла, что к этому времени работа над «Архипелагом» не отодвинула на задний план все остальное. «Новый год, — писала она, — Александр Исаевич встретил в хорошем внутреннем настроении, работал в то время по двум одинаково дорогим для него направлениям: Р-17 и „Архипелаг“» (14). Из этого вытекает, что А. И. Солженицын мог приступить к работе над «Архипелагом» не ранее середины декабря 1964 г. и что первоначально он пытался совместить работу над ним и будущим романом о революции.

К этому нужно добавить, что на рубеже 1964–1965 гг. его снова стал занимать роман «В круге первом». В декабре он дал прочитать его Н. Д. Виткевичу, а затем впервые со времени переезда последнего в Рязань пригласил его к себе домой для встречи Нового года. По свидетельству Николая Дмитриевича и Натальи Алексеевны, в этот вечер между бывшими друзьями произошла размолвка, после которой А. И. Солженицын забрал у Н. Д. Виткевича свой роман, и больше они никогда не встречались. Н. Д. Виткевич, и Н. А. Решетовская объясняли это тем, что за праздничным столом Николай

Дмитриевич позволил себе критически отозваться о произведении своего друга (15). Однако есть основания думать, что причина размолвки заключалась в другом.

Как мы уже знаем, в основу романа были положены события, происходившие в марфинской шарашке. По этой причине некоторые герои были списаны, что называется, с натуры. Так, Л. З. Копелев стал прототипом Якова Рубина, Д. М. Панин — Дмитрия Сологдина, А. И. Солженицын — Глеба Нержина. А в каком образе был выведен в романе Н. Д. Виткевич? Ни Л. З. Копелев,

Д. М. Панин, ни А. И. Солженицын не дают ответа на поставленный вопрос. Не удалось мне получить его и от самого Николая Дмитриевича. Зато Н. А. Решетовская заявила, что Н. Д. Виткевич стал одним из прототипов собирательного образа раскаявшегося осведомителя Руськи Доронина (16). Если это действительно так, понять причину разрыва отношений между бывшими друзьями нетрудно.

Между тем к раскаявшемуся осведомителю Н. Д. Виткевич не имел никакого отношения. В 1992 г. в письме С. Н. Никифорову А. И. Солженицын писал: «Мне пришлось когда-то в одном из

интервью сказать, что Доронин слеплен из трех реальных людей. Это — ты (биография и наружность). Перетц Герценберг (вся сфера с разоблачением стукачей и он это сам публично подтверждал, недавно он умер в Израиле), а любовная история с прокурорской дочерью — это еще третий наш шарашечник» (17).

Почему же в конце 1964 г. Александр Исаевич, вдруг, решил ознакомить своего друга с романом? Не исключено, что в это время у него снова блеснула надежда на его публикацию, а тем, кто ее пробудил, стал его новый знакомый Юрий Федорович Карякин — автор опубликованной в сентябре 1964 г.

статьи «Эпизод из современной борьбы идей», которая содержала высокую оценку произведений А. И. Солженицына (18).

Статья появилась на страницах издававшегося в Праге журнала «Проблемы мира и социализма», который курировали секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев и уже упоминавшийся Ю. В. Андропов. Журнал выходил на 37 языках и распространялся в 45 странах мира (19). До отставки Н. С. Хрущева его редактором был академик Алексей Матвеевич Румянцев (20), а А. Ю. Ф. Карякин с 1960 по 1965 г. являлся его сотрудником (21).

Когда статья «Эпизод из

современной борьбы идей» появилась в печати, Юрий Федорович прислал ее А. И. Солженицыну, между ними началась переписка (22). И «в начале 1965 г.» через Ю. Ф. Карякина Александр Исаевич передал роман «В круге первом» в Отдел ЦК КПСС по связям с рабочими и коммунистическими партиями социалистических стран (23).

О том, что на рубеже 1964–1965 гг. работа над «Архипелагом» еще не захватила А. И. Солженицына полностью, свидетельствует и то, что хотя январь 1965 г. он провел в Рязани, но, по свидетельству Натальи Алексеевны, неоднократно выезжал в

Москву и Ленинград (24). «Поездки в Москву и Ленинград для работы в библиотеках, — читаем мы в воспоминаниях

Н. А. Решетовской, — вырывают мужа из нашего гармонического существования» (25). Пока удалось найти сведения об одной из таких поездок: 14 января Александр Исаевич был в Москве, с 16-го по 24-е — в Ленинграде и не ранее 25-го в Рязани (26). Эти поездки несомненно были связаны с работой над «Р-17».

Во время одной из них Н. А. Решетовская отправилась «в соседнюю с Солотчей деревню Давыдово» и сняла часть дома у

новой «Матрены», которую звали Агафья Ивановна (27). Сюда для дальнейшей работы и отправился А. И. Солженицын 2 февраля 1965 г. (28). Только здесь он полностью сосредоточился на «Архипелаге». Работа его захватила настолько, что он не поехал даже на 40-летие «Нового мира» (29).

Однако вскоре работа над «Архипелагом» приостановилась. «Ранней весной 1965, — пишет А. И. Солженицын, — мы опять поехали в Эстонию на хутор Марты, [\[20\]](#) прожили там дней десяток... И здесь напечатал последнюю редакцию „Танков“ и здесь же *на всякий случай* оставил свою

любимую пишущую машинку „Рену“» (30). Вернувшись из этой поездки, Александр Исаевич сел за новую работу. «...в апреле, — читаем мы в воспоминаниях Н. А. Решетовской, — живя уже в Рязани, муж пишет как бы статью „Читают Ивана Денисовича“ (обзор писем 1962–1964 годов)». Речь идет об обзоре отзывов на повесть «Один день Ивана Денисовича» (31).

Едва закончив статью-обзор, Александр Исаевич начал готовиться к очередному путешествию. Первоначально планировалось проехать по Владимирской, Калужской, Московской, Тульской и Ярославской областям с целью

изучения возможностей переезда из Рязани (32), затем было решено совершить путешествие по маршруту: Москва — Ленинград — Прибалтика — Белоруссия (33).

Из Рязани А. И. Солженицын и Н. А. Решетовская выехали 29 апреля, поколесив по дорогам Подмосковья (34), они побывали в Переяславле-Залесском (35) и 6 мая из Москвы отправились в Ленинград (36), где преподнесли Е. Воронянской подарок — новую пишущую машинку — «Оптиму» (37).

Отсюда 7 мая 1965 г. А. И. Солженицын послал Ж. А. Медведеву письмо, в котором

говорилося: «С тех пор, как мы разговаривали с Вами по телефону, наш автомобильный маршрут более прояснился и стало ясно, что нам будет удобно и приятно заехать в Обнинск. Мы предполагаем это сделать в самых последних числах мая (около 30-го). Надеюсь, что мы Вас застанем? И Николая Владимировича? Сердечный ему привет. Мы с женой тронуты и заинтересованы высказанным им намерением в отношении ее работы» (38). Речь идет о приглашении Натальи Алексеевны в Обнинский медицинский радиологический институт.

Через Эстонию Александр

Исаевич и Наталья Алексеевна добрались до Риги, проехали Вильнюс, побывали в Тракае, заехали в Белоруссию и 29 мая были в Обнинске, где провели три дня: 29, 30 и 31 мая (39). «...мы, — вспоминала Н. А. Решетовская, — остановились у Медведевых, побывали у Тимофеевых-Ресовских». Здесь был решен вопрос о переезде Солженицыных в Обнинск. По возвращении в Рязань Наталья Алексеевна начала собирать необходимые документы (40). «...В *самом начале июня*, — читаем мы в ее воспоминаниях, — Жорес Александрович высылает мне анкеты, которые тотчас,

заполненными, вместе с заявлением уходят в Обнинск...» (41).

19 июня 1965 г. в Рязань приехал писатель Борис Можаяев, вместе с которым Александр Исаевич собрался в новую поездку — по Тамбовской области (42). Однако сборы пришлось приостановить, так как на следующий день, 20-го, в Рязани появился Ю. Ф. Карякин, чтобы лично познакомиться с А. И. Солженицыным. По всей видимости, к этому времени он оставил пражскую редакцию журнала «Проблемы мира и социализма» и перешел в редакцию «Правды», которую после отстранения Н. С. Хрущева возглавил

А. М. Румянцев (43).

21-го Александр Исаевич вместе с Б. А. Можаявым отправился в дорогу. Позднее он вспоминал: «Торопя судьбу, нагоняя упущенные полстолетия, я бросился в Тамбовскую область собирать остатки сведений о крестьянских повстанцах, которых уже сами потомки и родственники заученно звали бандитами» (44). 29 июня пришла телеграмма от Ж. А. Медведева, который сообщил Наталье Алексеевне об избрании ее по конкурсу в Обнинский медицинский радиологический институт (45).

9 июля Александр Исаевич

написал жене: «Дорогой Наташок, ближайшую неделю, пока меня не будет, тебе стоит съездить в Обнинск» (46). Но вслед за тем дал телеграмму: «Еду» (47). Объясняя причину возвращения мужа, Н. А. Решетовская писала: «Из путешествия с Можаявым по Рязанской и Тамбовской областям Александр Исаевич вернулся раньше времени: прошли дожди, дороги раскисли. Не проедешь...» (48).

10-го А. И. Солженицын был дома (49), а 12-го вместе с женой отправился в Обнинск (50). Готовясь к переезду на новое место жительства, он начал искать вблизи него дачу и очень быстро нашел

продававшийся домик с земельным участком возле селения Рождество Нарофоминского района (на реке Истье). Описывая эти события, Н. А. Решетовская вспоминала: «Муж едет в Москву рядиться с хозяином дачи Борзовым. Попутно зашел в „Новый мир“. Твардовский оказался на месте» (51).

От А. Т. Твардовского А. И. Солженицын узнал, что он только что из ЦК, где встречался с новым заведующим Отдела культуры П. Н. Демичевым (52). Отмечая, что Александр Трифонович встретил ее мужа очень приветливо, Наталья Алексеевна писала: «Получено разрешение печатать „Театральный

роман“ М. Булгакова. Разговор коснулся и Солженицына. Демичев сказал, что хотел бы его видеть. „Не вызывает, но хочет видеть!“. А утром в редакцию заходил Жорес Медведев и рассказал Кондратовичу, что меня вычеркнули из первого списка, посланного на утверждение в Академию медицинских наук. Тем более надо идти! Твардовский говорит с Демичевым по телефону. Тот готов завтра принять Солженицына» (53).

А вот, как описывает этот эпизод сам Александр Исаевич: «...в апреле 1965 у „агитпрома“... появился начальник — Дёмичев... Лишь в июле Твардовский явился к

Дёмичеву на первый прием. Прием прошел доброжелательно, и высказал Дёмичев, что хотел бы видеть и этого Солженицына. Где меня искать Твардовский не знал, и не обещал, но в этот день меня с неудержимостью вдруг потянуло в „Новый мир“, — толкуй, что нет передачи мыслей и воли. Оттуда А. Т. созвонился тотчас, и на завтра, 17 июля, мне был назначен прием» (54).

Петр Нилович Демичев был не простым заводделом, с 1961 г. он являлся секретарем ЦК КПСС, а с 1964 г. — кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС (55). Это означает, что А. И. Солженицын получил приглашение на прием к

человеку, который входил в состав самого высшего руководства партии и страны. Такой чести удостоивались немногие советские писатели

Этот визит на Старую площадь Александр Исаевич подробно описал в «Теленке», рассказывая, как он дурачил П. Н. Демичева, демонстрируя свою лояльность и к партии, и к советской власти. «Это, — с некоторым самодовольством пишет А. И. Солженицын, — был — исконный привычный стиль, лагерная „раскидка чернухи“; и прошло великолепно... Оба мы очень остались довольны». Чем же Александр Исаевич сумел

расположить к себе П. Н. Демичева? А тем, например, что, раскрывая смысл своего рассказа «Для пользы дела», заявил: его цель «напомнить, что коммунизм надо строить в людях прежде, чем в камнях» (56).

Описывая свою беседу с П. Н. Демичевым, А. И. Солженицын создает видимость, что она имела сугубо отвлеченный характер. Между тем, Наталья Алексеевна утверждала, что во время этой встречи ее муж обратил внимание своего собеседника на историю с Обнинском, после чего П. Н. Демичев тут же позвонил в Калужский обком партии и предложил не чинить препятствия

для переезда семьи
А. И. Солженицына (57). Данный
факт подтверждает и Жорес
Медведев, по свидетельству которого,
этот звонок произвел в обкоме такое
впечатление, что 19-го в институт
приехал сам секретарь обкома. В тот
же день сюда были вызваны Наталья
Алексеевна и Александра Исаевич
(58).

20 июля А. И. Солженицын
действительно ездил в Обнинск (59).
Было решено, что Н. А. Решетовская
приступит к работе 1 сентября, ей
обещали сразу же предоставить
квартиру. Казалось бы, все
разрешилось, поэтому Александр
Исаевич и Наталья Алексеевна

решили купить облюбованную ими дачу (60). «Александр Исаевич рассказывает, — вспоминала Н. А. Решетовская, — что Борзов просит три тысячи, а он предлагает ему две с половиной. Я так хочу эту дачу, что мне совсем не жалко и трех». В конце концов удалось «сговориться» на 2600 руб. 25 июля сделка была совершена (61). В последующем Александр Исаевич будет именовать свою дачу Рождество-на-Истье, Наталья Алексеевна — Борзовка.

Александр Исаевич и Наталья Алексеевна еще занимались обустройством дачи, когда в первых числах августа «прикатили гости из

Обнинска» и пригласили Наталью Алексеевну к директору института (62). Оказывается, несмотря на звонок из ЦК КПСС, Академия медицинских наук потребовала проведения повторного конкурса (63).

Только после этого, т. е. в августе А. И. Солженицын снова вернулся к литературному творчеству.

«...Я, — вспоминает он, — опять распустился, жил как неугрожаемый... Разрывался писать и „Архипелаг“, и начинать Р-17» (64). То, что в августе 1965 г. А. И. Солженицын работал одновременно по двум направлениям, отмечала и

Н. А. Решетовская: «Он вплотную начал работать над „Архипелагом“, а также написал первые строки Р-17». По свидетельству Натальи Алексеевны, тем летом ее муж работал без напряжения, делая перерыв на обед в 13.45 и завершая работу к 17.45, вечером — чтение В. Даля и подготовка к следующему дню (65). Следовательно, рабочий день не превышал семи — восьми часов. Из них только часть времени Александр Исаевич занимался «Архипелагом».

Во второй половине того лета погода не баловала дачников, «заладили дожди, — читаем мы в воспоминаниях

Н. А. Решетовской, — Крыша... протекает. Стало холодно... Так мы и жили весь август... Александр Исаевич намерен жить в Борзовке до поздней осени. Выписал в лесничестве кубометр дров и занялся их заготовкой» (66).

Провал «архива»

«Я только наощупь могу судить, — пишет А. И. Солженицын, — какой поворот готовился в нашей стране в августе-сентябре 1965 года. Когда-нибудь доживем же мы до публичной истории, и расскажут нам точно, как

это было. Но близко к уверенности можно сказать, что готовился крутой возврат к сталинизму во главе с „железным Шуриком“ Шелепиным. Говорят, предложил Шелепин: экономику и управление зажать по-сталински — в этом он, будто бы спорил с Косыгиным, а что идеологию надо зажать, в этом они не расходились никто. Предлагал Шелепин поклониться Мао Дзедуну, признать его правоту: не отсохнет голова, зато будет единство сил. Рассуждали сталинисты, что если не в возврате к Сталину смысл свержения Хрущева — то в чем же?.. и когда же пробовать?.. Все шаги, как задумывали шелепинцы, остаются

неизвестными. Но один шаг они успели сделать: арест Синявского и Даниэля в начале сентября 1965 г.» (1).

Юлий Маркович Даниэль и Андрей Донатович Синявский были писателями, публиковавшими свои произведения за границей, что было расценено КГБ как антисоветская деятельность (2). Одним из первых после начала холодной войны на такой шаг отважился Борис Леонидович Пастернак, напечатавший за рубежом свой роман «Доктор Живаго»,^[21] который в 1958 г. был удостоен Нобелевской премии (3). В 1961 г. в Лондоне издал сборник стихов «Весенний

лист» сын Сергея Есенина — Александр Сергеевич Вольпин (4). В 1962 г. почти одновременно за границей появились произведения Михаила Александровича Нарницы (5) и Валерия Яковлевич Тарсиса (6). За ними последовали другие писатели. Нанося удар по Ю. М. Даниэлю и А. Д. Синявскому, КГБ тем самым преследовал цель — остановить поток подобных публикаций.

Отмечая факт их ареста, А. И. Солженицын пишет: «„Тысячу интеллигентов“ требовали арестовать по Москве подручные Семичастного. В то тревожное начало сентября я задался планом забрать свой роман из „Нового

мира“: потому что придут, откроют сейф и... Рано всё было затеяно, надо *спешить уйти в подполье и замаскироваться математикой*» (7).

Приведенные слова создают впечатление, будто бы именно арест Ю. М. Даниэля и А. Д. Синявского придал началу сентября 1965 г. тревожный характер и возникшее в связи с этим беспокойство привело Александра Исаевича к мысли о необходимости «уйти в подполье».

Насколько же это соответствует действительности?

По воспоминаниям А. И. Солженицына, забрать из редакции «Нового мира» свой роман

он решил не позднее 6 сентября, когда с подобной просьбой явился на дачу к А. Т. Твардовскому (8), а 7-го уже был в Москве и получил роман на руки (9). А когда произошли названные выше аресты? Оказывается, и А. Д. Синявского в Москве, и Ю. М. Даниэля в Новосибирске арестовали 8 сентября (10). Следовательно, изъятие романа «В круге первом» из редакции «Нового мира» не имело никакого отношения к названным арестам.

Как же А. И. Солженицын объяснял А. Т. Твардовскому свое намерение забрать роман? Сначала якобы он заявил, что «для переделки синтаксиса». «Не верит, —

комментирует поведение Александра Трифоновича А. И. Солженицын, — Открываюсь: не считаю надежным их сейф. Это дико ему... Но А.Т. — добр, верит мне, и как ему ни жаль, обещает завтра разрешительный звонок в редакцию — чтоб отдали» (11).

Свидетелем изъятия романа из редакции «Нового мира» оказался В. Я. Лакшин. 7 сентября он записал в дневнике: «Поднялся наверх к С.Х. (Софья Ханаановна Минц — секретарь А. Т. Твардовского — А.О.) — и застал Солженицына... Закс встревожено сказал мне, что А.И. забирает роман. Когда позже С. заглянул ко мне, и я спросил его,

зачем он это делает — он стал говорить, что-то о том, что его не устраивает слог, что у него появились какие-то новые мысли о русском синтаксисе и он хочет поправить. Все это высказано было поспешно, путанно и, кажется, не совсем искренне» (12).

Почему ненадежен был сейф «Нового мира»? И что криминального было в самом романе? В редакции журнала он находился совершенно легально, отношения его автора с журналом скрепляли не только договор, но и выплаченный ему аванс.

Но тогда получается, что роман понадобился где-то в другом месте.

Куда же, почувствовав необходимость
спешно «уйти в подполье»,
отправился прятать свое
«криминальное» произведение
Александр Исаевич? Хотите —
верьте, хотите — нет, но он не нашел
более надежного места, чем
редакция газеты «Правда». Да, да,
редакция Центрального органа ЦК
КПСС. Следовательно, забирая
роман из редакции «Нового мира»,
А. И. Солженицын вовсе не
собирался «уходить в подполье» и
переквалифицироваться в
«математики». Объясняя столь
необычный для «подпольщика-
математика» шаг, он пишет: «...по-
ребячьи поверил вздорным

заявлениям Ю. Карякина, что его очень либеральный шеф Румянцев» готов напечатать «одну — две безопасных глав из „Круга“... Обезумел» (13). Но если так, то почему это предложение нужно было держать в секрете и дурачить А. Т. Твардовского «синтаксисом»? При чем здесь была угроза ареста?

Однако в редакцию «Правды» был передан только один экземпляр романа. Куда же «угрожаемый автор» (так называет себя в «Теленке» сам А. И. Солженицын: см. далее — С.) отнес остальные? Казалось бы, решив спешно *«уйти в подполье»*, он должен был или отвезти роман домой, или же спрятать его где-

нибудь в другом, более надежном месте. Между тем из редакции «Нового мира» он отправился к своим знакомым Теушам, квартира которых, по его собственному свидетельству, к этому времени уже была на примете у КГБ и откуда, если верить ему, он незадолго до описываемых событий решил забрать все свои рукописи (14).

Излагая дальнейшее развитие событий и имея в виду рукопись романа, А. И. Солженицын пишет: «Правда, я несу ее на опасную важную квартиру (Теушей — А.О.), где еще недавно хранился мой *главный архив* — тот самый, в новогоднюю ночь увезенный из

Рязани. Но основную часть похоронок, все сокровище, я недавно оттуда забрал, осталось же второстепенное, полуоткрытое, вроде „Свечи“» (15). Отмечая, что он принес рукопись романа «на *опасную* важную квартиру», А. И. Солженицын далее пишет: «*несу ее, собственно, даже не прятать*» (16).

Для чего же тогда? Уж не для того ли, чтобы ее там нашли?

И действительно, не прошло недели, как 13 сентября 1965 г. около 16.00 в Борзовке появилась Вероника Штейн. Она принесла весть о том, что у Теушей был обыск и роман «В круге первом» конфисковали (17).

«Было к вечеру, — пишет А. И. Солженицын, — и поспешно побросав в автомобиль какие-то вещи с собой и что было из рукописей (без нас через час могут приехать и обыскать), мы поехали подмосковными дорогами, минуя Москву, на дачу к Твардовскому: успеть сообщить ему, пока я не схвачен» (18).

У А. Т. Твардовского было решено обратиться по этому поводу к П. Н. Демичеву. «Я, — вспоминает А. И. Солженицын, — тут же стал писать черновик письма — и первой легчайшей трещинкой наметилось то, что потом должно было зазиять: А.Т. настаивал на самых мягких и

даже просительных выражениях. Особенно он не допускал, чтобы я написал „незаконное изъятие“... Я вяло сопротивлялся... К позору своему я уступил, переправил холуйским словом „незаслуженное“» (19).

Куда же, согласовав с А. Т. Твардовским текст своего письма на имя П. Н. Демичева, отправился Александр Исаевич? «Покинув дачу Твардовского, — писала Наталья Алексеевна, — едем в Москву. И не потому, что надо сдать письмо в ЦК, но еще, чтобы узнать подробности» (20). Логично. Исходя из воспоминаний Натальи Алексеевны можно подумать, что это

произошло вечером 13 сентября. Однако вот, что пишет на этот счет Александр Исаевич: «После бессонной палящей ночи мы с женой рано поехали в Москву» (21).

Следовательно, в Москву они отправились только на следующий день. Где же они провели «бессонную палящую ночь»? Может быть в Пахре, у А. Т. Твардовского? Нет, когда утром 14-го Ж. А. Медведев приехал в Борзовку, он застал Солженицыных там (22). К моменту его приезда у Александра Исаевича уже были готовы письма не только на имя П. Н. Демичева, но и Ю. В. Андропова, Л. И. Брежнева и М. А. Суслова (23). «Эти письма, —

пишет Ж. Медведев, — Александр Исаевич просил меня отправить в Москве» (24).

Следовательно, узнав вечером 13 сентября о провале романа и поставив об этом в известность А. Т. Твардовского, А. И. Солженицын не помчался в Москву, чтобы узнать там подробности произошедшего, а спокойно вернулся в Борзовку (24).

Между тем в «Теленке» он описывает свое тогдашнее состояние совершенно иначе. «...Провал мой в сентябре 1965, - пишет Александр Исаевич, — был самой большой бедой за 47 лет моей жизни. Я несколько месяцев ощущал его как

настоящую физическую
незаживающую рану — копьем в
грудь, и даже напрокол, и
наконечник застрял, и не вытащить.
И малейшее мое шевеление...
отдавалось колющей болью... Сейчас
даже не понимаю, почему открытие
„Круга-87“ показалось мне тогда
катастрофой» (25). Если верить
А. И. Солженицыну, в первый раз его
посетила мысль о самоубийстве (26).

14 сентября Александр Исаевич
направил свое письмо
П. Н. Демичеву. Самое простое было
бы опустить его в обыкновенный
почтовый ящик или сдать на почте
как заказное, в крайнем случае,
отнести в Приемную ЦК КПСС.

Однако «угрожаемый автор» поступил иначе: «Пересек солнечный, многолюдный и совсем нереальный московский день, — пишет А. И. Солженицын, — опять через пронзительный контроль вошел в лощенное здание ЦК, где так недавно и так удачно был на приеме; прошел по безлюдным, широким как комнаты обставленным коридорам, где на дверях не выставлено должностей, а лишь фамилии — неприметные, неизвестные, стертые; и отдал заявление уже мне знакомому любезному секретарю» (27).

Вот так. Оказывается, гонимый, преследуемый, с минуты на минуту

ожидающий ареста,
А. И. Солженицын имел
возможность свободно пройти в
здание ЦК КПСС. Не в общую
приемную ЦК КПСС, куда мог
обратиться каждый, а в приемную
одного из секретарей ЦК КПСС.
Следовательно, или он имел
постоянный пропуск, что
маловероятно, или же на него был
выписан разовый пропуск, что
представляется более
правдоподобным. Но в таком случае
ему необходимо было
предварительно связаться с
приемной П. Н. Демичева по
телефону и получить разрешение на
вход. Такое разрешение давали не

каждому.

Из ЦК КПСС А. И. Солженицын заехал в «Новый мир» (28), а затем на нейтральной территории (29) встретился с Сусанной Лазаревной Теуш. Описывая эту встречу, Н. А. Решетовская отмечала: «Ни до, ни после я не видела мужа в подобном состоянии. Он сидел, откинувшись на спинку дивана. Руки его бессильно вытянулись. Глаза закрыты. Состояние полной прострации» (30). От Сусанны Лазаревны А. И. Солженицын узнал, что в руках КГБ оказался не только его роман, но и другие рукописи (31).

Последний факт заслуживает особого внимания.

С одной стороны, в «главном тексте» «Теленка», написанном весной 1967 г., рассказывается, как забирая у В. Л. Теуша свое основное хранение, Александр Исаевич проявил легкомыслие и не проверил, все ли было возвращено ему. Между тем, В. Л. Теуш случайно забыл у себя ряд его рукописей, которые, уезжая на лето, передал на хранение «своему молодому другу Зильбербергу», а вечером 11 сентября «гэбисты одновременно пришли к Теушам (взяли „Круг“) и из всех друзей их — именно к Зильбербергу» (32).

Рассказывая далее о своем приезде в Москву 14 сентября,

Александр Исаевич тоже в «главном тексте» воспоминаний отмечает: «После бессонной палящей ночи мы с женой рано поехали в Москву. Там через несколько часов я узнал от Теушей о горшей беде: что в тот же вечер 11 сентября были взяты и „Пир победителей“, и „Республика труда“, и лагерные стихи! — *как это могло получиться; ведь я это все забрал у Теушей!* — *я еще понять не мог.* Вот она была беда, а до сих пор — предбедки! Ломились и *рухались* мосты под ногами, бесславно и преждевременно» (33).

Выраженное здесь недоумение представляется по меньшей мере странным. Что тут понимать, если

несколькими строками выше уже сказано, что 14 сентября в Москве от Сусанны Лазаревны Александр Исаевич не только узнал, что одновременном с обыском у Теушей, был обыск у И. И. Зильберберга, но и получил объяснение, как его рукописи оказались у последнего (34).

Еще более странно то, что в «Пятом дополнении» к «Теленку», которое вышло из-под его пера в 1974–1975 гг. (35), Александр Исаевич совершенно по-другому и в полном противоречии с известными ему фактами писал: «13 сентября 1965 г. грянула гроза надо мной, узнал я о *провале архива у Теуша*»

(36). Заметьте: не об изъятии романа, а об изъятии «архива» и не у И. И. Зильберберга, а у В. Л. Теуша. О «провале архива у Теуша» говорится и других частях «Пятого дополнения» (37).

Как же объяснить подобное противоречие? Судя по всему, первоначально в «главном тексте» воспоминаний о причастности И. И. Зильберберга к провалу архива А. И. Солженицына не упоминалось. Более того, когда появились первые намеки на связь В. Л. Теуша с И. И. Зильбербергом, А. И. Солженицын пытался протестовать. Выступая 22 сентября 1967 г. на заседании Секретариата

Правления Союза писателей СССР, он заявил: «...За последнее время изобретена новая версия об изъятии моего архива. Будто бы тот человек, Теуш, *у которого хранились мои рукописи*, был связан с другим еще человеком, которого не называют, а того задержали на таможне, неизвестно какой, и что-то нашли (не называют что), *не мое нашли*, но решили меня обереечь от такого знакомства. *Все это ложь*. У знакомого моего Теуша два года назад было следствие, но такого обвинения ему даже не выставлялось» (38).

Эти слова А. И. Солженицына не были включены в стенограмму заседания Секретариата Правления

Союза писателей СССР 22 сентября 1967 г., или, что точнее, были исключены из нее. Сохранилась только следующая запись: «Изготовлена новая версия об изъятии моего архива» (39).

И, видимо, только после знакомства с вышедшей в 1972 г. книгой Д. Бурга и Д. Фейфера «Солженицын», а затем с изданной в 1973 г. книгой Ж. А. Медеведева «Десять лет после Ивана Денисовича», в которых фигурировал факт провала солженицынского архива у И. И. Зильберберга (40), Александр Исаевич при подготовке «главного текста» «Теленка» к печати внес в него соответствующий

корректив, но забыл вычитать весь его текст и не откорректировал «Пятое дополнение», которое тогда к печати не предназначалось. Так появилось отмеченное выше противоречие. О значении этого частного, но, как мы увидим далее, очень важного факта речь пойдет далее.

Первоначально

А. И. Солженицын пытался не только скрыть факт изъятия его архива у И. И. Зильберберга, но и отрицал даже знакомство с ним (41). В 1991 г. в журнальном варианте «Теленка» он не только признал это знакомство, но и назвал время и место, где оно произошло (42). Следовательно, в

первом издании он сознательно лгал.

Александр Исаевич имел право применить к изъятым у И. И. Зильберберга рукописям понятие «архив», так как оно употребляется в двух смыслах: а) учреждение, хранящее документы и б) коллекция или собрание документов. Однако используя это слово без всяких уточнений или же характеризуя его как «мой архив» и даже «главный архив», он создавал иллюзию, будто бы речь идет о конфискации не нескольких его рукописей, а всего комплекса документов, которыми он владел как писатель (43).

Ответ на вопрос, что же

представлял собою захваченный КГБ
«главный архив» А. И. Солженицына
дает опубликованный протокол
обыска на квартире
И. И. Зильберберга:

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА.

Мы сотрудники
Комитета государственной
безопасности при Совете
министров СССР, капитан
Н., ст. лейтенант Б.,
лейтенант Л., по
поручению капитана С., на
основании постановления
Комитета государственной
безопасности при Совете
министров СССР за №... —

от 11 сентября 1965 г... в
присутствии
Зильберберга И. И. и
понятых К-вой,
проживающей... и К-на,
проживающего,...
руководствуясь ст. ст. 167–
177 УПК РСФСР,
произвели обыск на
квартире
Зильберберга И. И. по
адресу: г. Москва, 1
Гончарный переулок, д.7,
кв. 8...

10) Пакет из белой
бумаги размером 38 см. на
24,5 см. (Эти слова
И. Зильберберг сопровождал

следующим примечанием
обращенным к
А. И. Солженицыну: «Вот
он, Ваш архив в упаковке
В.Л.»). На пакете имеется
штемпель с надписью
«Машиностроение». При
вскрытии в нем был
обнаружен конверт
коричневого цвета с
различными
машинописными текстами
и текстами, исполненными
от руки, а именно: Степан
Хлынов «Улыбка Будды»
— на 5 листах. Степан
Хлынов «Щ-854» — на 36
листах. А. Солженицын

«Сердце под бушлатом»
— на 29 листах. Степан
Хлынов — **«Сердце под
бушлатом»** — на 20
листах.

**«Пир
победителей»** — пьеса в
стихах на 66 листах.
Степан Хлынов

«Республика труда» — на
74 листах. **«Эренбург и
Солженицын»** Рональд
Хинкли — на 3 листах.

А. Солженицын **«Правая
кисть»** — на 11 листах.
**«Не стоит село без
праведника. Рассказ»** —
автор не указан — на 20
страницах, на стр. 2, 3, 5,

10, 17 имеются наклеенные фотоснимки. **«Когда теряют счет годам».** Григ, **«Песня Сольвейг»** — на 10 листах. **«Вертеп счастливых. Драма в 7 картинах»** — на 49 листах. А. Солженицын **«Невеселая повесть»** — на 60 листах. Текст без заглавия, начинающийся словами **«19. Вся долгая жизнь...»** и кончающийся словами **«...все новых и новых вырастающих голов гидры»** — на 5 страницах. Рукопись исполненная чернилами фиолетового

цвета на листах бумаги
белого цвета размером 9,7
на 14,5 см, начинающаяся
словами: **«Д-VI. Как
человек учился
руководить...»** и
заканчивающаяся словами
**«...Ключом бьет жизнь-
кариатура»** — в
количестве 8 прошитых
листов. Аналогичная
рукопись, исполненная на
10 листах скрепленной
бумаги, начинающаяся
словами: **«1956 год —
„Пакеты“ 18.12.56 —
радиопередача...»** и
кончающаяся словами **«...**

будет еще круче и зверей сталинского».

Аналогичная рукопись на 2 листах. Различные записи, исполненные чернилами фиолетового цвета на двух листах тетрадной бумаги в линейку. Записи

начинаются словами: «...

выставка достаточно разнообразна...» и

заканчиваются словами:

«...Нет ли билетика? — еще от метро». В пакет была вложена также радиопрограмма (1, 2, 7, 8 стр. стр.) от 31 мая по 6

июня 1965 г. № 21/980 (44).

Вот и весь «главный архив»!

Оказывается, он состоял всего лишь из 19 рукописей. Из них четыре не имели к А. И. Солженицыну никакого отношения, авторство трех рукописей — неизвестно, две рукописи уже были опубликованы, три рассматривались на предмет публикации, что же касается остальных семи, то из них особый интерес для КГБ могла представлять только пьеса «Пир победителей», автор которой, кстати, в тексте указан не был.

Почему же эти несколько рукописей Александр Исаевич

именовал своим «главным архивом», захваченным КГБ, и чем именно для него мог угрожать провал этого «архива»?

Перед нами то, что сейчас называют иностранным словом «пиар», цель которого заключалась в том, чтобы создать самому себе новый ореол — ореол гонимого писателя.

Глава 2

Начало противостояния

«Угрожаемый автор»

«...когда 13 сентября 1965 г. грянула гроза надо мной, — пишет А. И. Солженицын, — узнал я *о провале архива у Теуша*, а сидел в это время на всех заготовках и рукописях „Архипелага“, все в клочках и фрагментах, *написана только „Каторга“* — то и мысли не было другой, куда спасти свое сокровище, куда поеду я его дорабатывать, если уцелею, —

конечно, в Эстонию» (1).

А куда же еще? Ведь свою любимую пишущую машинку «Рену» он предусмотрительно забросил в Эстонию на хутор Марты еще весной, как будто бы уже зная, что вскоре над ним грянет гроза и ему понадобится «укровище».

«Я сидел в Рождестве открыто, — пишет Александр Исаевич, имея в виду свое пребывание там уже после возвращения из Москвы — ожидая ареста или обыска с часу на час, а в Москве на Большой Пироговке вечером, в темное время, по согласованному расписанию, встретились в парадном впервые,

незнакомые Тэнно (Георгий Тэнно — бывший узник Экибастузского лагеря — А.О.) и Надя Левитская, вошли в лифт, и там, в закрытости, она передала ему все то, что было тогда „Архипелаг“... Это была передача уже из третьих рук в четвертые, к Наде отвезла жена, — и Тэнно, чистый, без „хвоста“, на другой день уехал в Эстонию, и через день все было спрятано у Лембита (Лембит Аасало — эстонец, знакомый А. И. Солженицына — А.О.) на хуторе... Георгий предупредил, что этой зимой я, может быть, приеду к Марте. И все было четко подготовлено и ждало меня» (2).

А вот другая версия, тоже исходящая от А. И. Солженицына: «В самый разгар работы над „Архипелагом“ в сентябре 1965 г. меня постиг разгром архива и арест романа. Тогда написанные части „Архипелага“ и материалы других частей разлетелись в разные стороны и больше не собирались вместе» (3).

Что же было сделано к этому времени? Для ответа на этот вопрос прежде всего вспомним, что настраиваться на «Архипелаг» Александр Исаевич стал в декабре 1964 г., вплотную взялся за него 2 февраля 1965 г. и работал над ним до 13 сентября. Это 224 дня. Между тем

весной десять дней он провел в Эстонии, не менее недели занимался составлением обзора отзывов на «Один день Ивана Денисовича», с 29 апреля по 31 мая путешествовал по Прибалтике, с 21 июня по 10 июля находился в Тамбовской области, оставшуюся часть июля занимался другими делами, в частности связанными с попыткой переезда в Обнинск, поисками, приобретением и обживанием дачи. Поэтому, по свидетельству Н. А. Решетовской, снова взялся за перо только в августе. Кроме того, нам известно, что и в августе, и в сентябре он не только работал вполсилы, но и отвлекался на «Р-17». Следовательно, до осени

1965 г. Александр Исаевич мог заниматься «Архипелагом» не более 110 дней.

По свидетельству Н. А. Решетовской, характеризовавшей работу своего мужа, «если день был посвящен творчеству, то нормой обычно считалось четыре странички» (4). Это, видимо, 0,25 авторских листа. Свои воспоминания «Бодался теленок с дубом» А. И. Солженицын начал 7 апреля 1967 г., завершил «главный текст» 7 мая (5). Следовательно 11 а.л., 242 машинописные страницы были написаны максимум за 38 дней, что дает примерно 7 страниц или же

около 0,3 а.л. в день. Шестая часть «Архипелага» была написана между 26 декабря 1967 г. и 9 января 1968 г. Это 5,5 а.л., 124 машинописные страницы, или же тоже около 0,3 а.л. в день (6). Работа над «соловецкими главами» «Архипелага» (6,5 а.л. 150 страницы) заняла не более 20 дней (7). И здесь мы видим ту же самую скорость — примерно 0,3 а.л. в день.

Следовательно, за 110 дня Александр Исаевич мог написать максимум 33 авторских листа. Между тем ранее были приведены его слова, из которых явствует, что к осени 1965 г. он успел написать только «Каторгу», которая тогда составляла не более 12 а.л. А вот его слова,

относящиеся тому же времени, в передаче КГБ: «Первая часть „Фабрика тюрьмы“. Я все написал, 15 печатных листов. Вторая часть „Вечное движение“. Это этапы и пересылки... Я ее закончил. Кроме этого, у меня написана 5-я часть, „Каторга“ — 12 глав. Вся написана... Теперь мне надо возвращаться к третьей части» (8).

Как же примирить приведенные свидетельства? Не исключено, что к середине сентября 1965 г. рукопись «Архипелага» действительно составляла около 33 а.л., но отредактирована была только пятая часть книги — «Каторга».

Характеризуя те сентябрьские

дни 1965 г., Н. А. Решетовская пишет: «Сидя за любимым столиком в Борзовке, где мы были так беззаботно счастливы целых полтора месяца, муж не писал, не читал Даля, не работал вообще, а мучительно думал... Александр Исаевич составляет телеграмму Л. И. Брежневу... Первую неделю после удара Александр Исаевич назвал „первой черной неделей“... Машинально работали на участке, пилили дрова, хотя уже казалось небезопасным жить на уединенной дачке, собирали урожай» (9).

Но КГБ не спешил брать «угрожаемого автора».

«В конце сентября, —

вспоминал Ж. А. Медведев, — похолодало и Александр Исаевич решил возвратиться в Рязань. Надежды на переезд в Обнинск угасли, и Н. А. Решетовской нужно было восстанавливаться на работе на кафедре органической химии Рязанского сельскохозяйственного института» (10).

Однако Борзовка опустела несколько раньше. «В воскресенье, девятнадцатого сентября, — писала Н. А. Решетовская, — простившись с Борзовкой, мы едем домой, не скрывая друг от друга страха, что могут остановить, обыскать» (11). Сразу по приезде Александр Исаевич отправился в Москву к

К. И. Чуковскому (12), а Наталья Алексеевна начинает разбирать бумаги и передает матери то, что «следовало уничтожить» (13). Поразительно, на протяжении почти целой недели ждать ареста и только к концу ее додуматься до необходимости уничтожения хранившихся дома рукописей криминального по тем временам характера.

Когда А. И. Солженицын добрался до Москвы, «в Переделкино, к Корнею Ивановичу, по свидетельству Н. А. Решетовской, ехать было уже поздно. Муж направился к Туркиным, где выяснилось, что завтра в Большом

зале консерватории состоится первое исполнение XIII симфонии Шостаковича... Значит, поездку в Переделкино придется еще на день отложить. А днем он зайдет в „Новый мир“ поговорить с Твардовским. Выяснилось еще одно обстоятельство: положение Румянцева в „Правде“ неустойчиво. Хранение там романа становится даже опасным... И Карякину дается наказ доставить роман прямо в „Новый мир“» (14).

А вот, что мы читаем в «Теленке»: «...все пришло в движение в этих днях, снят был из „Правды“ Румянцев, и мой доброжелатель Карякин должен был

в суете утаскивать роман... из „Правды“. Это было уже 20 сентября... Попросил я Карякина, чтобы вез он роман из „Правды“ прямо в „Новый мир“... довез благополучно». Однако теперь А. Т. Твардовский принять роман отказался (15). И понять его нетрудно.

Посетив редакцию «Нового мира», Александр Исаевич «навестил Копелева» (16), после чего побывал в консерватории, переночевал у Штейнов и на следующий день, сдав свой роман «В круге первом», а также пьесы «Свеча на ветру» и «Республику труда» в Центральный государственный архив литературы и

искусства (ЦГАЛИ), отправился в Переделкино (17). 21 сентября Корней Иванович записал в дневнике: «Сейчас ушел от меня Солженицын — борода, щеки розовые, ростом как будто выше. Весь в смятении» (18).

В Москве А. И. Солженицын пробыл несколько дней. Если верить ему, здесь он обнаружил за собою слежку и во избежания ареста вынужден был поменять место жительства. Одним из них стала квартира Анны Ивановны Яковлевой, которая фигурирует в «Теленке» под кличкой «Гадалка». С Анной Ивановной (доктор биологических наук, фармацевт, «была незамужем»)

Александр Исаевич познакомился еще в 1963, когда посетил «химический институт», где она работала, затем они стали переписываться и Анна Ивановна предложила ему «свою квартирку на 13-й Парковой»: «если нужно когда в тишине поработать». «В мою разгромную полосу, в сентябре 1965, — пишет А. И. Солженицын, — я иногда и скрывался у нее, когда надо было уйти от слежки, отдохнуть от опасности, знать, что хоть в эту ночь — наверняка не придут» (19).

В эти сентябрьские дни Александр Исаевич обратился к Л. З. Копелеву с просьбой переправить за границу

киносценарий «Знают истину танки» и «Прусские ночи»: «Он — пишет А. И. Солженицын, — взялся, и на этот раз действительно отправил — с Бёллем» (20).

«Пристроив „Шарашку“, почувствовав хоть маленькое облегчение и ощутив страшную усталость от московских дней, — вспоминала Н. А. Решетовская, — Александр Исаевич решил поехать не к Чуковскому, а в Борзовку». Теперь «там он не чувствует себя в такой опасности, как в Рязани. Наша ничем и никем не защищенная дачка кажется мужу маленьким убежищем. Ему хочется наедине с природой поразмыслить...» (21).

В Борзовку Александр Исаевич вернулся 22 сентября, но пробыл там недолго (22). Через несколько дней он опять отправился в Переделкино. «...в конце сентября, — пишет Н. А. Решетовская, — Саня поселяется у Чуковских» (23). Как явствует из дневника Корнея Ивановича, «Солженицын с вещами и женой» появился у него в Переделкино 28 сентября 1965 г. «в час дня». «Завтра утром, — записал Корней Иванович, — он поселится у меня в Колиной комнате» (24). 30 сентября Александр Исаевич читал К. И. Чуковскому «Прусские ночи», после чего тот не без иронии записал в дневнике об этой поэме: «...

кончается тихой идилией: изнасилованием немецкой девушки» (25).

Характеризуя первые дни пребывания мужа в Переделкино, Наталья Алексеевна отмечала в «Хронографе»: «29, 30 сентября — первое облегчение» (26). К сожалению, получить у нее объяснение этих слов не удалось. Не исключено, что его дает следующее свидетельство А. И. Солженицына: «Две — но не малых — политических радости посетили меня в конце сентября в мое гощение у Чуковского»: «поражение шелепинской затеи» и «поражение индонезийского коммунистического

переворота» (27).

Что именно имел в виду Александр Исаевич под «шелепинской затеей», мы не знаем. Не исключено, что в данном случае речь идет о той борьбе, которая развернулась осенью 1965 г. в руководстве партии вокруг экономической реформы. Важной вехой в этой борьбе стал Пленум ЦК КПСС, который проходил с 27 по 29 сентября и принял программу перевода советской экономики на рельсы так называемого хозяйственного расчета (28). Представляя ее, «Косыгин говорил в своем докладе, что принятые Пленумом решения являются только

началом еще более глубокой и всеобъемлющей реформы, которая будет осуществляться на протяжении ближайшей пятилетки и даже в 70-е годы» (29).

Намеченные реформы были непоследовательны и противоречивы.

Так, поставив деятельность предприятий в зависимость от их эффективности, государство должно было признать возможность объявления их банкротства в случае нерентабельности. Не решившись на такой шаг, правительство сохранило дотации убыточных предприятий, что лишило реформу ее смысла. Другая ахилесова пята реформы была

связана с тем, что расширение хозяйственной самостоятельности предприятий открывало возможность растаскивания государственной собственности их руководителями. Остановить этот процесс, опираясь только на правоохранительные органы, было невозможно.

Не сумев придать советской системе второе дыхание, реформа 1965 г. стала важной вехой на пути складывания теневой экономики и формирования подпольной буржуазии, иначе говоря, важной вехой на том пути, который привел нашу страну к 1991 г.

У этой реформы были не только

сторонники, но и противники. Одним из ее противников, по всей видимости, был Александр Николаевич Шелепин (1918–1994), который с декабря 1958 по ноябрь 1961 г. возглавлял КГБ при СМ СССР, а в рассматриваемое время занимал посты секретаря ЦК КПСС, председателя Комиссии партийно-государственного контроля ЦК КПСС, заместителя председателя Совета министров СССР и члена Президиума ЦК КПСС (30).

Что касается Индонезии, то на самом деле 30 сентября — 2 октября 1965 г. там произошел государственный переворот, следствием которого стал массовый

террор против коммунистов (31). Неужели известия об этих жертвах доставили радость «угрожаемому автору», считающему себя христианином?

Чем занимался А. И. Солженицын в Переделкино, мы не знаем.

«Я, — пишет он, — гулял под темными сводами хвойных на участке К.И. — многими часами, с безнадежным сердцем, и бесплодно пытался осмыслить свое положение, а еще главней — обнаружить высший смысл обвалившейся на меня беды» (32). «...я залеживал подранком в отведенной мне комнате, по вечерам даже не зажигая лампочки для

чтения, не в силах и читать» (33).

По свидетельству Н. А. Решетовской, во время пребывания на даче К. И. Чуковского Александр Исаевич наездами бывал в Москве и звонил оттуда в Рязань. 3–6 октября он провел вместе с Натальей Алексеевной в Борзовке (34). Здесь, по свидетельству Н. А. Решетовской, Александр Исаевич рассказал ей «о телефонном разговоре Твардовского с Демичевым, который дал указание о возврате рукописи, а также обещал принять меры к нашему переезду в Обнинск» (35). 8–9 октября А. И. Солженицын побывал в Рязани (36), после чего опять уехал в Москву. 9-го в Рязань, как писала

Н. А. Решетовская, к ним нагрянули «цгалийцы» (сотрудники Центрального государственного архива литературы и искусства) и «увезли с собой полный чемодан черновиков», а также «писем читателей» (37).

17 октября Наталья Алексеевна приехала в Переделкино и нашла мужа здесь (38). Вспоминая эту встречу, А. И. Солженицын пишет: «В тех самых днях (в той самой столовой Чуковских) дошел до края и наш разлад в женой, выразившийся, что лучше бы меня арестовали, нежели буду я скрываться и тем „добровольно не жить с семьей“. С этого мига я не только не мог

полагаться на жену, но должен был строить новую систему, скрытую от нее как от недруга». (39). До этого Александр Исаевич не раз и гораздо на большее время покидал свою жену, выезжая по делам в Москву или Ленинград. Поэтому Наталью Алексеевну, конечно же, встревожило не это, а что-то другое.

Здесь в Переделкино А. И. Солженицын познакомился с внучкой К. И. Чуковского Еленой Цезаревной, которая фигурирует в его воспоминаниях как «Люша» (40). Отмечая факт своего семейного разлада, Александр Исаевич далее пишет: «А Люша, в моей неразрядной тогда опасности, тут же,

в короткие недели, стала предлагать один вид помощи за другим. Сперва — свою с Лидией Корнеевной городскую квартиру, не только для остановок, для встреч с людьми, но и для работы (провинциалу, мне очень не хватало в Москве такой точки опоры); быстро вослед — свою помощь секретарскую, организаторскую, машинописную, по встречам с людьми взамен меня, какую ни понадобится» (41). Отношения с новой помощницей развивались настолько быстро, что прошло совсем немного времени, и Александр Исаевич стал подумывать о том, чтобы сделать ее своей литературной наследницей (42).

Осенью 1965 г. Александр Исаевич предложил «Новому миру» свою пьесу «Свеча на ветру», как он сам пишет, «до сих пор им неизвестную. Когда все прочли, пошел в редакцию» (43). Здесь он появился 18 октября. Пьеса не заинтересовала журнал (44). Тогда А. И. Солженицын предложил А. Т. Твардовскому свой новый рассказ «Правая кисть», уже «на другой день» Александр Трифонович заявил, что печатать рассказ невозможно: «...Это страшнее всего, что Вы написали» (45).

Как явствует из документов КГБ, оказывается, подобный прием в «Новом мире» вполне

соответствовал новой тактике писателя. «Я должен, — заявлял он тогда в своем узком кругу, — ... сделать так, чтобы наверняка задержали мою пьесу „Свеча на ветру“... одну пьесу зажали, вторую зажмут, а затем, исходя из этого можно будет сделать публичный общественный протест, „сказать так, как бомбу сбросить, чтобы сразу на Западе было известно...“» (46).

А пока до сбрасывания бомб было далеко, А. И. Солженицын по настоянию А. Т. Твардовского «согласился на вздор — просить приема у Демичева» (47).

В своем новом письме в ЦК КПСС будущий бомбометатель

упоминал об арестованном романе и «об отнятом архиве». *«А еще наглое, — пишет Александр Исаевич, — было в письме то, что именно теперь, когда мне уготовлялась жилплощадь на Большой Лубянке, я заявил, что в Рязани у меня слишком дурные квартирные условия и я прошу квартиру... в Москве!»* (48).

Невероятно: знать о захвате «Пира победителей», с минуты на минуту ожидать ареста, думать о самоубийстве, готовиться к «бомбометанию» и просить о квартире, да не где-нибудь, а в Москве!

На что же рассчитывал

«угрожаемый автор»?

Однако сделанный им шаг представляется невероятным только в том случае, если следовать логике сообщаемых А. И. Солженицыным фактов. Все становится гораздо проще, если принять во внимание, что никто арестовывать его не собирался и допустить, что сам он это хорошо знал. Что же касается квартиры в Москве, то в былые времена получить ее иногороднему можно было или по великому благу, или за хорошую взятку, или же за очень добросовестную службу. А поскольку в данном случае блат и взятка исключены, остается только одно — служба. Какие же заслуги

перед властью были у А. И. Солженицына в 1965 г., чтобы он мог позволить себе «наглость» — просить квартиру в Москве? И не где-нибудь, а в ЦК КПСС. И не у кого-нибудь, а у кандидата в члены Президиума ЦК КПСС.

«20 октября в ЦДЛ (Центральный дом литераторов — А.О.) чествовали С. С. Смирнова (50 лет), — пишет А. И. Солженицын, — и Копелевы уговорили меня появиться там, в первый раз за три года... О том, что Смирнов председательствовал на исключении Пастернака, — я не знал, я бы не пошел» (49). И далее: «После торжества прошел в вестибюле ЦДЛ

слушок, что я — тут. И с десятков московских писателей и потом сотрудники ЦДЛ подходили ко мне знакомиться — так, как если б я был не *угрожаемый* *автор* арестованного романа, а обласканный и всесильный лауреат» (50). Подошел и А. Т. Твардовский, который сообщил: «Обещан был мне на завтра прием у Дёмичева» (51).

21 октября А. И. Солженицын действительно посетил ЦК КПСС, но его принял не сам П. Н. Демичев, а его референт И. Т. Фролов (52).

Чем еще занимался в Александр Исаевич в эти дни? 28 октября Жорес Медведев познакомил его с директором Института физических

проблем академиком Петром Леонидовичем Капицей (1894–1984), будущим лауреатом Нобелевской премии (53). В последних числах октября А. И. Солженицын закончил небольшую заметку под названием «Не обычай дегтем щипать белить, на то сметана», которая была опубликована на страницах «Литературной газеты» и представляла собою отклик на статью академика В. В. Виноградова «Заметки о стилистике советской литературы» (54). 31-го Александр Исаевич побывал с Натальей Алексеевной в театре на Таганке на спектакле «Антмиры» и удостоил их автора поэта А. А. Вознесенского

небольшого разговора, затем съездил на два дня в Борзовку (55) и 3 ноября вернулся в Рязань (56). «После барской усадьбы Чуковского — наша скромная квартира. — пишет Н. А. Решетовская, — После подмосковной тишины — рычание машин под окнами» (57).

7 ноября, по свидетельству Натальи Алексеевны «впервые после сентябрьских событий» Александр Исаевич сделал попытку сесть за письменный стол, но ему не работалось, поэтому он занялся подготовкой своих материалов для передачи их в ЦГАЛИ (58).

Если верить А. И. Солженицыну вплоть до начала ноября от работы

его отвлекало только одно — мысль о возможности ареста. «Кончался второй месяц со времени ареста романа и архива — констатирует Александр Исаевич, — а меня не брали вослед. Не только полный, но избыточный набор у них был для моего уголовного обвинения, десятикратно больший чем против Синявского и Даниэля, — а все-таки меня не брали? Все же неловко было им арестовывать меня на третьем году после того, как трубно прославили?!» (59).

Но не в этом он видел гарантию своей безопасности. Вот, «если б на Западе хоть расшумели б о моем романе, — писал он, — если б арест

его стал всемирно известен — я, пожалуй, мог бы и не беспокоиться, я как у Христа за пазухой мог бы продолжать свою работу. Но они молчали! Антифашисты и экзистенциалисты, пацифисты и страдатели Африки — о гибели нашей культуры, о нашем геноциде они молчали» (60).

Но, оказывается, молчали не все. 9 ноября, с удовлетворением отмечает А. И. Солженицын, «благословенная умная газета „Нойе Цюрихер Цайтунг“ напечатала: что был у меня обыск и забрали мои произведения. *Это и было то, чего я жаждал минувших два месяца!*» (61).

Все сразу переменялось.

«Ко мне, — пишет А. И. Солженицын, — вернулось рабочее настроение, и мне удалось кончить несколько рассказов, начатых ранее: „Как жаль“, „Захара Калиту“ и еще один. И решил я: сцепить их со своей опасной „Правой кистью“ и так сплоткой в четыре рассказа двинуть кому-нибудь. Кому-нибудь, но не „Новому миру“» (62). «Может, предложить в „Огонек“? — передавала рассуждения мужа Наталья Алексеевна, — Его тираж несравненно больше. Вдобавок Михаил Алексеев согласился помочь. Или попробовать напечататься в

„Литературной России“?» (63).

Прежде чем сделать выбор и отправиться в Москву, А. И. Солженицын в ноябре 1965 г. официально обращается с просьбой о предоставлении ему квартиры (64). А поскольку квартира у него была, речь могла идти об улучшении жилищных условий.

В Москву Александр Исаевич уехал 17 ноября (65). Остановившись у Чуковских (66), он на следующий день отправился к М. Н. Алексееву (67).

Вот как описывает эту поездку Н. А. Решетовская: «Сразу навестил секретаря Союза писателей РСФСР Михаила Алексеева. Как бы получить

предлагавшуюся ранее квартиру в Москве и нельзя ли напечататься в „Огоньке“? Алексеев не возражает. Вскоре за Александром Исаевичем подкатывает „огоньковская“ машина. Главный редактор Сафронов специально приезжает для разговора с Солженицыным. В редакции собралась вся „верхушка“. Речь шла о публикации четырех рассказов и переиздании всего напечатанного в литературном приложении к „Огоньку“». Одновременно велись переговоры с «Литературной Россией» и «Москвой» (68). Эти хождения по редакциям враждебных «Новому миру» журналов Л. З. Копелев назвал «переходом

Хаджи Мурата» (69).

«На первых часах, — пишет Александр Исаевич, — „переход Хаджи-Мурата“ действительно произвел там переполох. Мне не давали шагу одного сделать пешком — привозили, перевозили и увозили только на автомобилях. В „Огоньке“ встречать меня собрался полный состав. Сафронов приехал из-за города...; Стаднюк, держа еще нечтенные рукописи, взмолился: „Дай Бог, чтоб это нам подошло!“; Алексеев одобрял: „Да, надо вам переезжать в Москву...“. Главред „ЛитРоссии“ Поздняев тоже разговаривал с пружинной готовностью...» (70).

Но «переход» не состоялся. Чем он был вызван? что заставило А. И. Солженицына решиться на такой шаг? почему он оказался неудачным? Все это еще ждет выяснения.

Если исходить из воспоминаний Н. А. Решетовской, в Рязань ее муж вернулся 26 ноября. «Последние дни ноября — пишет она, — Саня дома» (71). 27 ноября здесь он пишет письмо в Секретариат Правления Союза писателей, а затем опять отправляется в столицу (72). «Первого декабря, — читаем мы в воспоминаниях Натальи Алексеевны, — муж едет в Москву. На следующий день звонит: „Огонек“

его условия — печатать „Захара Калиту“ и „Сборник рассказов“ не принял» (73).

2 декабря после того, как стало очевидно, что переход «Хаджи Мурата» не состоялся, А. И. Солженицын появился в редакции журнала «Новый мир» (74). Между ним и А. Т. Твардовским «произошла первая крупная ссора». По словам Н. А. Решетовской, Александр Трифонович «страшно кричал», «дело дошло до оскорблений» (75). Однако сотрудники редакции журнала не желали драматизировать ситуацию и, когда Александр Исаевич сообщил им о своем новом рассказе «Захар

Калита», изъявили готовность помочь ему. А. Г. Дементьев, как пишет А. И. Солженицын, разыскал по телефону «„зав. отделом культуры“ „Правды“ видного мракобеса Абалкина» и предложил этот рассказ ему. Н. А. Абалкин согласился посмотреть его. «И тут же, — говорится в «Теленке», — младшего редактора прозы, уже по окончании рабочего времени, погнал собственными ножками отнести пакет с рассказом в „Правду“» (76).

«Весь следующий день, — вспоминает А. И. Солженицын, — мой рассказ шел по „Правде“, возвышаясь от стола к столу», но до типографии так и не дошел. После

этого В. Я. Лакшин предложил рассказ «Известиям», его уже набрали, но в самую последнюю минуту набор был рассыпан. К этому времени А. Т. Твардовский остыл, и в начале следующего года рассказ был напечатан в «Новом мире» (77).

Перед тем, как покинуть Москву. А. И. Солженицын «организовал» посылку на имя секретаря ЦК КПСС П. Н. Демичева коллективного письма П. Л. Капицы, К. Г. Паустовского, С. С. Смирнова, К. И. Чуковского и Д. Д. Шостаковича (от 3 декабря 1965 г.), к которому была «приложена копия решения Рязанского горисполкома от 28 мая

1965 г. о выделении трехкомнатной квартиры жене А. И. Солженицына Н. А. Решетовской на семью в 5 человек». В письме отмечалось, что А. И. Солженицын живет в Рязани «в очень плохой квартире в ветхом здании барачного типа», рядом с которым «расположен гараж с десятками постоянно шумящих машин», говорилось в письме и том, что «в настоящее время он приступил к серьезной работе *над исторической темой (Россия XVII–XVIII веков)*» и что по этой причине «ему необходимо постоянно заниматься в московских архивах и книгохранилищах», подчеркивалось также, что «А. И. Солженицын был

тяжело болен и после этой болезни должен находиться под постоянным наблюдением квалифицированных врачей-онкологов» и делалось заключение «Условия здоровья и литературной работы А. И. Солженицына диктуют неотложную необходимость его переезда в Москву» (78).

На хуторе под Тарту

Куда же на этот раз устремился из Москвы «больной» писатель?

«Вечером 2 декабря, — пишет он, — перейдя из „Нового мира“ на городскую квартиру Чуковских, я

сбрил бороду и с двумя чемоданами спустился в такси, подогнанное Люшей». А затем — вокзал, и таллинский поезд до Тарту (1). Однако, как явствует из «главного текста» «Теленка», А. И. Солженицын уехал из Москвы не ранее 3 декабря.

В таком случае в Тарту он мог прибыть утром 4-го. «В таллинском поезде среди эстонцев, — вспоминает Александр Исаевич, — я старался молчать... В любимый Тарту я приехал в снежно-инеистое утро... В этот день, оставив чемоданы у Арно Сузи, я много ходил по городу, закупая и закупая продукты себе недели на четыре...

На темном рассвете следующего дня Арно отвез меня на такси до Хаавы... Так началось мое Укрывище... Первую зиму я пробыл здесь 65 дней» (2).

5 декабря, в тот самый день, когда А. И. Солженицын появился на хуторе Хаава, в Москве на Пушкинской площади планировалось проведение политического митинга, приуроченного к дню Конституции. Однако попытка открыть его и поднять плакаты с лозунгами сразу же была пресечена, около 20 человек оказались за решеткой (3). Цель митинга заключалась в том, чтобы выразить протест по поводу подготовки судебного процесса над

Ю. М. Даниэлем и А. Д. Синявским и в связи с этим привлечь внимание к вопросу о соблюдении государством разрешенных конституцией политических свобод. Одним из инициаторов митинга являлся уже упоминавшийся А. С. Вольпин, видную роль в его организации играл В. К. Буковский, изготовлением плакатов занимался художник Ю. В. Титов (4).

Поскольку подготовка митинга велась открыто, то, находясь в Москве, А. И. Солженицын не мог не знать о ней. Для любого человека, небезразличного к тому, что происходило вокруг него, было интересно, много ли соберется

протестантов, с какими лозунгами они выйдут, как поведут себя власти. Между тем буквально за несколько дней до митинга Александр Исаевич исчез из Москвы.

Рассказывая о своем пребывании на хуторе под Тарту, он пишет: «Моя первая зима в Укрывище оборвалась прежде моих намерений, болезненно: недельку мне еще оставалось там добыть,.. как смотрю — по глубокому снегу в полуботинках... бредет бедный 70-летний Арнгольд Юханович ко мне. Телеграмма на их тартусский адрес. Из Рязани: „приезжай немедленно. Ада“. Ясно, что от жены, но почему Ада?.. в этой „Аде“ был какой-то

адский намек? там творится какой-то адский разгром?.. Что-то случилось опасное и неотложное, несомненно. Безопасный быт, страстная работа — все бросается в час, сворачивается наспех, уже покоя нет в душе, все равно и не поработаешь, прощайте рукописи незабвенные, может быть, из внешнего мира уже к вам не вернуться... Ночной поезд до Москвы. Оттуда звоню в Рязань, ответ: скорей! скорей! приезжай! Наконец и в Рязани, бритобородый, *уже открытый, засвеченный*: что же??? А ничего. Ты с осени почти в Рязани не живешь, я все время одна. Просто не могла больше ждать (а полтора года у нас уже все — в

разломе и обмороке). И — надо квартиру в Рязани получать, а горсовет молчит» (5).

Если принять хронологию А. И. Солженицына (отъезд из Москвы 2 декабря) и допустить, что на хуторе Хаава он пробыл 65 дней, то покинуть его он должен был 6 февраля 1966 г.

По версии Н. А. Решетовской, в основе которой лежит ее дневник, все было совершенно иначе. Не прошло и трех недель после отъезда мужа, как 22 декабря пришла повестка с приглашением в жилуправление (6). Оказывается, «наглая» просьба «угрожаемого автора» нашла отклик у власть

имущих, и ему была предложена новая квартира, правда, не в Москве, а в Рязани.

«Что же делать? — передает охватившие ее сомнения Н. А. Решетовская, — Вызывать мужа? Ведь нужно его личное решение. Но... квартирный вопрос и... „Архипелаг“? Когда я размышляла над этим, Александр Исаевич — о, чудо! — позвонил домой из... Москвы! В ночь на 30 декабря он приехал» (7).

В Рязани Александра Исаевич ждал сюрприз — поздравление от В. С. Лебедева. «Еще с новым 1966 годом он меня поздравил письмом — читаем мы в «Теленке», — и это

поразило меня, так как я был на краю ареста (а может, быть, он не знал?). До него дошли слухи, что мы поссорились с Твардовским, и он призывал меня к примирению» (8).

Встретив дома новый 1966 год и посетив жилуправление, А. И. Солженицын снова отправился в Эстонию (9). «Сразу после встречи Нового года, — вспоминала Наталья Алексеевна, — Александр Исаевич уехал. До „берлоги“ были еще Москва, был Ленинград. А значит, были и письма» (10). В Москве он посетил «Новый мир» (11), в Ленинграде 10-го имел встречу с режиссером Театра комедии Н. П. Акимовым (12).

12-го Александр Исаевич

вернулся на хутор и снова погрузился в работу над «Архипелагом» (13). 6 февраля он действительно вынужден был прервать ее, но не потому что приехал Арнгольд Сузи, а потому что на хуторе неожиданно появилась Н. А. Решетовская. Она могла снять с плеч мужа все заботы по хозяйству: ходить за продуктами, топить печь, готовить пищу, мыть посуду, поддерживать в доме порядок, а также помогать в работе над книгой. Но, как явствует из ее дневника, Александр Исаевич был «не рад» ее приезду и потребовал, чтобы она немедленно уезжала обратно, что она и вынуждена была сделать, пробыв

на хуторе всего «несколько часов» (14).

Почему же А. И. Солженицын повел себя так? Оказывается, у него уже была помощница — дочь Арнгольда Сузи, Хели (15). Из ее воспоминаний мы узнаем, что она приезжала на хутор «в свободные выходные дни», т. е. по воскресеньям, которое приходилось на 12 и 19 декабря, 16, 23, 30 января, 6, 13, 20 февраля, «привозила ему провизию, прибирала в доме» (16). Иногда, она оставалась на ночь, поэтому имела возможность получить полное представление о распорядке дня Александра

Исаевича, его образе жизни и работе над книгой.

Он «сам, — пишет Хели, — ходил за молоком к соседской хозяйке и только при самой крайней необходимости за едой в магазин... Свою работу, а вернее всю свою жизнь, Солженицын расписывал на несколько лет вперед. И в этот раз у него был точный план, который нужно было выполнить до отъезда. Его рабочий день продолжался с 8 утра до 9-10 вечера. В крови у него еще осталась лагерная привычка: каждое утро он выскакивал во двор и до пояса обтирался обжигающим снегом... Каждый раз, садясь за стол,

он слушал передачи „Би-би-си“, „Голос Америки“ он по-моему меньше жаловал своим вниманием. Такую работу, которую можно было бы успешно выполнить вдвоем (сортирование заметок, проверка сносок и др.) он откладывал иногда до моих приездов к концу недели» (17). И далее: «Обедал Александр Исаевич во время последних известий по радио, чтобы не тратить лишних минут. После обеда час или полтора выходил во двор, рубил дрова, катался на лыжах по берегу реки или просто прогуливался... Только при перевыполнении плана он позволял себе побеседовать подробнее. Читал наизусть стихи,

отрывки из своих произведений или просил меня читать немецких поэтов». Занимал он две комнаты, в одной из них работал, «это было „святое место“, „*посторонним вход воспрещен*“» (18).

Между тем едва Наталья Алексеевна вернулась в Рязань, как был решен квартирный вопрос и А. И. Солжницына пригласили за ордером на получение квартиры. Зная местопребывания мужа, Н. А. Решетовская срочно отбила ему телеграмму, которую, вполне возможно, и доставил ему А. Сузи. Телеграмма пришла 17 февраля (19). 19-го Александр Исаевич покинул хутор (20).

«21 февраля, — вспоминала Наталья Алексеевна, — на несколько дней ранее намеченного им срока мой муж приехал в Москву. Домой он вернуться не мог — ведь надо было еще надежно спрятать своего „Архипа“. В тот же день он звонит в ЦК, жалуется на то, что никак не разрешится квартирный вопрос. 22 февраля он, наконец, в Рязани» (21).

Подведем итоги его литературной деятельности зимой 1965–1966 гг. Во время первого приезда на хутор А. И. Солженицын мог работать не более 24 дней (с 5 по 28 декабря), вероятнее всего, еще меньше, во время второго приезда —

не более 38 дней (12 января — 18 февраля). Итого 62 дня. Как же получилось 65 дней?

Но не все дни, проведенные на хуторе были рабочими. Прежде всего следует принять во внимание поездки А. И. Солженицына в Тарту за продуктами и приезд Н. А. Решетовской 6 февраля. Кроме того, необходимо учитывать, что материалы «Архипелага» находились под Пярну у Лембита, поэтому необходимо было совершить туда «через всю Эстонию», как минимум четыре поездки: сразу же по приезде, перед поездкой в Рязань, после возвращения из Рязани и перед отъездом. Между тем Александр

Исаевич утверждает, что забирал у Лембита материалы по частям и упоминает одну такую промежуточную поездку: «какую-то часть рукописей отдать, а какую-то взять, для надежности я не держал всего при себе» (22). Дорога в Пярну и обратно требовала не менее пяти часов, а с пересадкой и остановкой в два раза больше. Поэтому поездки туда могли отнять у А. И. Солженицына, как минимум, три — четыре дня. Но, оказывается, на хуторе Александр Исаевич занимался не только «Архипелагом». В декабре 1965 г. им была написана статья, которая известна сейчас под названием «Евреи в СССР и в

будущей России» (23).

Таким образом зимой 1965—1966 гг. А. И. Солженицын занимался Архипелагом не 65, а **максимум 55 дней**. Если исходить из принятой нормы средней производительности труда Александра Исаевича, за это время он мог написать не более 17 авторских листов. А значит, к отъезду с хутора рукописный текст «Архипелага» составлял самое большее — 50 а.л.

Запомним эту цифру, она еще нам понадобится.

Возвращение к «Раковому корпусу»

Новую квартиру семья Солженицыных получила рядом со старой — на углу проезда Яблочкова и улицы Юнатов (1). «Весь март, по свидетельству Натальи Алексеевны, — поглотился квартирной эпопеей» (2).

«Солженицын и его тогдашняя жена Наталья Алексеевна Решетовская, — вспоминала Анна Михайловна Гарасева, — жили вместе с ее матерью, Марией Константиновной, и двумя ее тетушками в большой, очень удобной по рязанским меркам квартире на улице Урицкого. [\[22\]](#) Это была их вторая квартира: первая находилась в том же районе, примерно в середине

улицы Урицкого... Они жили на первом, довольно высоко приподнятом этаже трех-... этажного старого дома, который в наших разговорах проходил под именем „розового дома“. Квартира состояла из большого холла, большой кухни-столовой, большой общей комнаты, эркер которой выходил в сквер, такой же большой комнаты, в которой жила Мария Константиновна, теща Солженицына, со своими двумя сестрами (правильнее, золовками — А.О.), и маленькой комнатки самих Солженицыных, являвшейся одновременно кабинетом и спальней» (3).

2 апреля 1966 г. Наталья

Алексеевна отправилась в Москву на двухмесячные курсы повышения квалификации (4). Решив квартирный вопрос, Александр Исаевич имел возможность снова уединиться и продолжить работу над «Архипелагом». Однако 4 апреля он отправился не в Тарту, а в Москву (5), где в это время, кстати, проходил очередной XXIII съезд КПСС. Открылся он 29 марта, завершился 8 апреля (6).

Накануне съезда получили распространение слухи, будто бы готовится политическая реабилитация И. В. Сталина (7). В таких условиях среди столичной интеллигенции появилось письмо, в

котором выражалась тревога по поводу подобных ожиданий и содержался призыв не допустить возвращения к сталинизму. Письмо было адресовано Л. И. Брежневу и датировано 14 февраля. Под ним подписались академики Л. А. Арцимович, П. Л. Капица, М. А. Леонтович, И. М. Майский, А. Д. Сахаров, С. Д. Сказкин, И. Е. Тамм, писатели В. П. Катаев, В. П. Некрасов, К. Г. Паустовский, Б. А. Слуцкий. В. Ф. Тендряков, К. И. Чуковский, артисты и режиссеры — О. Н. Ефремов, М. М. Плисецкая, А. А. Попов, М. И. Ромм, И. М. Смоткуновский, Г. А. Товстоногов, М. М. Хуциев,

художники — П. Д. Корин, Б. Н. Неменский, Ю. И. Пименов, С. А. Чуйков и организатор этого письма — журналист Эрнст Генри (8).

А. Д. Сахаров вспоминал, что Э. Генри привел к нему бывший сотрудник ФИАНа, позднее работавший в Институте атомной энергии Б. Г. Гейликман, а он «сделал это по просьбе своего друга академика В. Л. Гинзбурга» (9).

К открытию съезда появилось еще одно письмо — в защиту Ю. М. Даниэля и А. Д. Синявского. Оно была вызвано к жизни тем, что состоявшийся в январе 1966 г. суд приговорил Ю. М. Даниэля к пяти, а

А. Д. Синявского — к семи годам заключения. Между тем хотя их обвиняли в антисоветизме, убедительных доказательств приведено не было. Точно также, как в свое время И. А. Бродский, оба обвиняемых не признали себя виновными. И точно также, как в истории с И. А. Бродским, после суда началась кампания протеста против судебного приговора (10).

Под письмом в защиту Ю. М. Даниэля и А. Д. Синявского поставили свои подписи 62 писателя^[23] (11). Среди них мы не найдем фамилии А. И. Солженицына. Может быть про него забыли? Нет, через

Н. В. Тимофеева-Ресовского письмо было передано Александру Исаевичу, но он отказался его подписать, заявив, что «не подобает русскому писателю печататься за границей». «Меня, — отмечала позднее жена А. Д. Синявского Майя Васильевна Розанова (Кругликова), — обескуражил не отказ, а его мотивировка» (12). Причем, «...самое забавное, — подчеркивает она, — что к тому времени все рукописи Солженицына уже были за границей» (13).

Весной 1966 г. Н. И. Столярова познакомила А. И. Солженицына с Александром Александровичем Угримовым (1906–1981), отец

которого Александр Иванович (1874–1974) был до революции известным агрономом и некоторое время возглавлял Московское общество сельского хозяйства, а мать Надежда Владимировна (1874–1961) являлась дочерью адвоката, одного из руководителей московской еврейской общины — Владимира Иосифовича Гаркави (1846–1911).

Сам Александр Александрович был женат на Ирине Николаевне Муравьевой, дочери московского адвоката и общественного деятеля Николая Константиновича Муравьева (1870–1936), возглавлявшего в 1917 г. Чрезвычайную следственную комиссию по расследованию

преступлений царских министров и других должностных лиц старого режима. Сестра Н. К. Муравьева Софья Константиновна находилась замужем за Пантелеймоном Алексеевичем Вихляевым (1869–1928), занимавшим во Временном правительстве пост товарища министра земледелия.

В 1922 г. А. И. Угримов с семьей был выслан за границу, жил сначала в Германии, потом во Франции. Александр Александрович в первой половине 30-х годов принадлежал к младороссам. В годы войны принимал участие в Сопротивлении, затем входил в Союз советских патриотов, в 1947 г. был выслан в

Советский Союз. Здесь несколько лет провел в заключении.

А. А. Угримов согласился оказывать А. И. Солженицыну помощь и в частности взял на хранение материалы «Архипелага» (14).

7 апреля А. И. Солженицын и Н. А. Решетовская посетили П. Л. Капицу, 8-го Александр Исаевич отправился в Переделкино, куда на следующий день приехала и Наталья Алексеевна. Здесь они отметил Пасху и здесь же 10-го апреля по свежим впечатлениям Александр Исаевич написал очерк «Пасхальный крестный ход» (15). 13-го он уединился в Борзовке (16), но

не вернулся к «Архипелагу». «Определив весной 1966 г., — пишет он, — что мне дана долгая отсрочка, я еще понял, что нужна открытая, всем доступная вещь, которая пока объявит, что я жив... Очень подходил к этой роли „Раковый корпус“, начатый тремя годами раньше. Взялся я его теперь продолжить» (17). Когда 23 апреля в Борзовку приехала Наталья Алексеевна, она застала мужа работающим над повестью (18). Из «Хронографа» явствует, что ее первая часть была закончена 10 мая (19).

«...весной 1966 г., — вспоминает А. И. Солженицын, — окончив в Рождестве первую часть

„Ракового корпуса“ и готовясь, как всегда, сам перепечатывать, что, правда, и полезно, как очередная 3-я — 4-я редакция, — я соблазнился неоднократным настойчивым предложением Люши — печатать вместо меня. Как будто и невозможно было печатать не самому — и вместе с тем в моей стесненной жизни мне предлагали подарить полные две недели!.. Поежившись, я согласился. А вернулся в майское Рождество — подарочное настроение, две недели взялись ниоткуда» (20), а «пока Люша выстукивала первую часть — я быстро писал вторую, она *подхватисто, с огоньком* у меня

пошла... я по силе и по времени
будто удвоился и *за лето*
исключительно быстро кончил
вторую часть „Корпуса“...» (21).

Однако, отправившись в Москву
не позднее 12 мая (22) и пробыв там
до 15-го (23), А. И. Солженицын
вернулся не в «майское Рождество», а
в Рязань и пробыл дома около недели
(24). Дни, проведенные здесь он
назвал «автомобильными вихрями»,
так как был занят ремонтом
автомобиля (25). За эту неделю он
сумел выкроить для литературной
работы только один день — 22 мая,
когда написал предпоследнюю главу
первой части «Ракового корпуса»
«Воспоминание о прекрасном» (26).

Факт, который дает основание думать, что к 10 мая работа над первой частью «Ракового корпуса» полностью завершена не была.

23 мая Александр Исаевич снова появился в Москве (27). «Из Рязани, — читаем мы в воспоминаниях

Н. А. Решетовской, — муж привез новость: пришло приглашение из Чехословакии, нам двоим, на три недели! За подписью председателя Союза чешских писателей! Весь вопрос в том, разрешат ли?» (28).

В Москве Александр Исаевич провел несколько дней, вычитывая и корректируя отпечатанные Е. К. Чуковской главы «Ракового

корпуса» (29), после чего Наталья Алексеевна передала их в «Новый мир» (30). «С той ссоры, — пишет А. И. Солженицын, имея в виду декабрьскую ссору с А. Т. Твардовским, — мы так и не виделись. Учтивым письмом (и как ни в чем ни бывало) я предварил А.Т., что скоро предложу полповести и очень прошу не сильно задерживать меня с редакционным решением» (31).

28 мая в Москве, когда на одной из московских квартир Александр Исаевич читал своим поклонникам главы из «Ракового корпуса», ему был задан вопрос об «Архипелаге» (32). Несмотря на конспирацию, удержать

в тайне работу над ним не удалось.

30 мая А. И. Солженицын вернулся в Борзовку и пробыл здесь неделю (33), но, по свидетельству Н. А. Решетовской, занимался не «Раковым корпусом», а ремонтом дома (34), после чего 6 июня отправился в поездку по маршруту: Москва — Ленинград — Вологда — Феропонтов — Кириллов — Белозерск — Вытегра — Петрозаводск — Беломорканал — Повенец — Ленинград — Москва (35). Домой вернулся 16 июня (36).

Проведя в Рязани буквально один день, 18-го Александр Исаевич поехал в Москву на обсуждение «Ракового корпуса» (37), а на

следующий день — в Борзовку (38), где, по свидетельству Натальи Алексеевны, пытался настроиться на роман о революции «Р-17», однако из этого ничего не вышло (39). От дела его отвлекала первая часть «Ракового корпуса», судьба которой в это время решалась редакцией «Нового мира» (40). В связи с этим мы видим его в редакции 27 июня (41) и 4 июля (42). Резюмируя результат этих поездок, Н. А. Решетовская писала: «Редакция должна была просмотреть исправления и окончательно решить, будут ли печатать в таком виде. Две недели надо постараться об этом не думать и работать над второй частью

„Ракового корпуса“» (43).

Из этого явствует, что «подхватисто» и «с огоньком» Александр Исаевич мог взяться за вторую часть своей повести не в середине мая, как он утверждает, а лишь после 4 июля.

Как было условлено, через две недели 19 числа редакция «Нового мира» вынесла окончательное решение: первую часть не печатать (44). Но, пишет А. И. Солженицын, «в противоречие... со всем сказанным А.Т. объявил: редакция считает рукопись „в основном одобренной“, тотчас же подписывает договор на 25 %, а если я буду нуждаться, то потом переписывает

на 60 %. „Пишите 2-ю часть! Подождем, посмотрим“» (45). Александр Исаевич отказался подписывать договор и забрал рукопись повести из редакции (46).

«...Не прошло и месяца, — вспоминает он, — как Твардовский через родственницу моей жены Веронику Туркину срочно вызвал меня. Меня, как всегда, „не нашли“, но 3 августа я оказался в Москве и узнал: донеслось до А.Т., что ходит мой „Раковый корпус“, и разгневан он выше всякой меры; только хочет убедиться, что не я, конечно, пустил его (разве я б смел?!), — и тогда он знает, кого выгонит из редакции. Подозревалась трудолюбивая Берзер,

вернейшая лошадка „Нового мира“, которая тянула без зазора» (47).

«Я не поехал на вызов Твардовского, — читаем мы далее в воспоминаниях

А. И. Солженицына, — а написал ему так: «...Если вы взволнованы, что повесть эта стала известна не только редакции „Нового мира“, то... я должен был бы выразить удивление... Это право всякого автора и было бы странно, если бы вы намеревались лишить меня его...»

...Я писал — и не думал, что это жестоко. А для А.Т. это очень вышло жестоко. Говорят он плакал над этим письмом. О потерянной детской вере? о потерянной дружбе?.. С тех

пор я в „Новый мир“ ни ногой, ни телефонным звонком, свободный в действиях, я бился и вился в поисках: что еще? что еще мне предпринять против наглого когтя врагов?.. Судебный протест был бы безнадежен. Напрашивался протест общественный» (48).

Так, по утверждению А. И. Солженицына у него возникла идея обращения к намечавшемуся в декабре 1966 г. съезду Союза писателей СССР (49). «Но, — пишет Александр Исаевич далее, — не скоро будет съездовский декабрь, а подбивало меня как-то протестовать против того, что делают с моими вещами. И я решил пока обратиться

— еще раз и последний раз — в ЦК» (50).

Однако, если «Новый мир» признал нежелательной публикацию первой части «Ракового корпуса» 19 июля, то идеей обращения с письмом к своим собратьям по перу А. И. Солженицын поделился с Н. А. Решетовской за два дня до этого — *17 июля* (51). В «Хронографе» под этим число значится: «У С. родилась идея — 100 писем писателям» (52). Следовательно, решение редакции «Нового мира» не имело никакого отношения к возникновению у А. И. Солженицына мысли о выступлении с подобным письмом.

Во время пребывания в Москве

Александр Исаевич посетил К. И. Чуковского, С. М. Ивашева-Мусатова, побывал Жуковке, видимо, у Л.З. Копелева (53). Не исключено, что одним из вопросов, который он обсуждал, была вопрос его открытого общественного выступления. Видимо тогда же ему было предложено обратиться с письмом на имя Л. И. Брежнева. Первые наброски обоих писем А. И. Солженицын сделал в Борзовке 21–23 июля (54).

Повествуя о своем обращении в ЦК КПСС, он пишет: «Мне передавали, что там даже ждут моего письма, конечно, искреннего, т. е. раскаянного, умоляющего дать мне случай *охаять всего себя прежнего*

и доказать, что я — „вполне советский человек“» (55). Александр Исаевич не сообщает, кто именно поставил его в известность о подобных ожиданиях, но из его воспоминаний явствует, что самое непосредственное отношение к составлению этого письма имел Эрнст Генри.

«Сперва, — пишет Александр Исаевич, — я хотел писать письмо в довольно дерзком тоне: что они сами уже не повторяют того, что говорили до XX съезда, устыдятся и отрекутся. *Э. Генри* убедил меня этого не делать... Я переделал, и упрек отнесся к литераторам, а не к руководителям партии» (56). Если

учесть, что А. И. Солженицын не слишком считался даже с мнением своего литературного отца А. Т. Твардовского, то его покладистость в данном случае заслуживает особого внимания.

Письмо на имя Л. И. Брежнева датировано 25 июля (57). Александр Исаевич не включил его в свои литературные воспоминания. И не случайно. Чтобы понять это, обратимся к тексту письма, опубликованного в воспоминаниях Натальи Алексеевны.

«Глубокоуважаемый Леонид Ильич! — писал А. И. Солженицын, — Скоро уже будет год, как органами

госбезопасности изъяты мой роман „В круге первом“ и еще некоторые рукописи из моего архива. По этому поводу я обращался в ЦК в сентябре и в октябре прошлого года, однако тщетно ждал ответа или возврата рукописей. Тогда же я писал в ЦК, что среди этих рукописей есть такие, которые написаны 18–15 лет назад, еще в лагере, носят на себе невольную печать тамошней среды и тогдашних настроений, и что сегодня я также мало отвечаю за них, как и многие литераторы не захотели бы сейчас повторить иных речей, статей, стихов и пьес, напечатанных до XX съезда... В первую очередь это относится к пьесе „Пир

победителей“, написанной в 1948–49 гг. в заключении, вынужденно без бумаги и карандаша, на память — и поэтому в стихах (как после освобождения из лагеря я никогда больше не писал)».

И далее: «С тех пор были XX и XXII съезды. С тех пор партия отмежеввалась от сталинских преступлений. *Настроения пьесы „Пир победителей“ мне самому давно уже кажутся несправедливыми*, а так как и сама пьеса — ранняя и художественно слабая, да еще и в стихах, которыми я не владею, то я никогда не предназначал ее ни для печати, ни для обсуждения».

Письмо заканчивалось
просьбой: «Я прошу Вас принять
меры, чтобы прекратить незаконное
тайное издание и распространение
моих давних лагерных произведений,
изданное же — уничтожить. [\[24\]](#) Я
прошу Вас снять преграды с
печатания моей повести „Раковый
корпус“, книги моих рассказов, с
постановки моих пьес. Я прошу,
чтобы роман „В круге первом“ был
мне возвращен и я мог бы отдать его
открытой профессиональной
критике» (58).

Из этого явствует: как бы ни
негодовал А. И. Солженицын по
поводу самой мысли о возможности
«охаивания» им «себя прежнего»,

«Письмо Л. И. Брежневу» — пример подобного «охаивания» и самоотречения.

После самоотречения

Почти весь август Александр Исаевич провел в Борзовке.

И хотя он имел возможность полностью отдаться литературному творчеству, ему не работалось. 1 и 2 августа он ездил в Рязань (1). 8-го побывал в Москве, 17-го снова съездил на один день в Рязань, 20 и 21 крыл рубероидом крышу, 24-го готовился к велопоходу (правда, он не состоялся) (2). И тогда, вспоминала

Н. А. Решетовская, «почти не надеясь поехать в Чехословакию, мы в конце августа пускаемся в автомобильное путешествие» (3).

Таким образом, с середины мая до конца лета 1966 г. А. И. Солженицын мог заниматься второй частью «Ракового корпуса» менее двух месяцев. Однако в течение этого времени его неоднократно отвлекали другие дела, поэтому над повестью он работал урывками и его уверения, что «пока Люша выстукивала» первую часть, он «быстро писал вторую», что работа над нею пошла «подхватисто, с огоньком» и что он *«за лето исключительно быстро кончил*

вторую часть» (4), не соответствуют действительности.

Собираясь в путешествие, А. И. Солженицын отправил рукопись первой части «Ракового корпуса» в ленинградский журнал «Звезда» (5) и в воронежский журнал «Простор» (6).

Выехав из Рязани 29 августа (7), Александр Исаевич и Наталья Алексеевна посетили Чернигов, Винницу, Одессу, Крым и 28 сентября через Харьков вернулись в Борзовку (8). «Съездив в Рязань и Москву, — вспоминала Н. А. Решетовская, — муж собирается тут **кончать вторую часть** „Ракового корпуса“ (ту самую,

которую, по свидетельству А. И. Солженицына, он закончил к концу лета — А.О.) да и поработать в саду», но «второго октября мы помчались домой» (9).

Характеризуя последствия своего обращения наверх, Александр Исаевич отмечает: «Письмо на имя Брежнева было отослано в конце июля 1966 г. Никакого ответа или отзыва не последовало никогда. Не прекратилась и закрытая читка моих вещей, не ослабела и травля по партийно-инструкторской линии, может призамялись на время» (10).

Ответ на его обращение все-таки был дан. Когда «позанимавшись дома корреспонденцией», Александр

Исаевич «уехал в Москву», там его «ждала важная новость: секцией прозы Московского отделения Союза писателей на 25 октября в Центральном доме литераторов назначено обсуждение первой части „Ракового корпуса“. Одновременно его пригласили на встречу в НИИ Курчатова» (11).

«Почти весь октябрь 1966 г., — писала Н. А. Решетовская, — Александр Исаевич прожил в Борзовке. Каждое утро начинал с обливания из речки. Потом работал на грядках и писал последнюю часть „Ракового корпуса“» (12). В действительности на даче Александр Исаевич обосновался не ранее 6–7

октября (13), а 23-го снова отправился в Москву (14). 24 октября он выступил в Институте Курчатова, 25-го в ЦДЛ планировалось обсуждение первой части «Ракового корпуса», но было перенесено на ноябрь, 26-го А. И. Солженицын вернулся в Рязань и с 28 октября продолжил работу над повестью (15).

Отмечая факт выступления А. И. Солженицына в Институте Курчатова, необходимо обратить внимание на то, что осенью 1966 г. он почти одновременно получил приглашения более чем из десяти учреждений, которые вдруг воспылали желанием видеть его в своих стенах: «Посыпались

приглашения в Институт молекулярной биологии АН СССР, в Институт народов Азии АН, в Фундаментальную библиотеку общественных наук АН СССР, в ЦАГИ и ОКБ Туполева, МВТУ, Большую советскую энциклопедию, НИИ имени Карпова, НИИ в Черноголовке, в Институт элементарно-органических соединений АН СССР, в МГУ» (16).

А «учреждения-устроители, — пишет Александр Исаевич, — были не такие уж захолустные» (17).

Если первая встреча состоялась 24 октября, то последняя была назначена на 2 декабря. За полтора месяца планировалось провести 11

встреч. В те времена подобные мероприятия были невозможны без санкции парткомов названных учреждений. Поэтому перед нами не спонтанный взрыв интереса к писателю, который начинал превращаться в опального, а спланированная акция.

Пока А. И. Солженицын трудился над второй частью «Ракового корпуса» и готовился к намеченным выступлениям, в столице развернулась кампания против включения в Уголовный кодекс новой статьи 190–1, по сути дела восстанавливавшей отмененную к тому времени статью 58–10 (антисоветская агитация).

«В октябре или сентябре, — вспоминал А. Д. Сахаров, имея в виду 1966 г., — ко мне зашли два человека, один из них, кажется, был опять Гейликман, фамилию другого я сейчас забыл. Они принесли мне напечатанный на машинке на тонкой бумаге листок — Обращение» по поводу готовящихся статей 190-1 УК РСФСР (18). После того, как А. Д. Сахаров поставил свою подпись под этим обращением, произошло его знакомство с Р. А. Медведевым (19).

«Рой Медведев, — читаем мы далее в воспоминаниях Андрея Дмитриевича, — оставил у меня несколько глав своей рукописи.

Потом он приходил еще много раз и приносил новые главы, взамен старых. При каждом визите он также сообщал много слухов общественного характера, в том числе о диссидентах и их преследованиях... для меня все это было очень важным и интересным, открывало многое, от чего я был полностью изолирован» (20). По признанию Андрея Дмитриевича, именно из книги Р. А. Медведева он впервые узнал о масштабах сталинских репрессий (21). Так постепенно происходило приобщение А. Д. Сахарова к диссидентскому движению.

Между тем А. И. Солженицын был в стороне от кампании,

направленной против новой статьи УК РСФСР. Он был занят «Раковым корпусом».

Обсуждение первой части повести состоялось в ЦДЛ 16 ноября (22). Описывая его,

Н. А. Решетовская отмечала: «... очень многие сравнивали мужа с Пушкиным, Достоевским, Толстым, Лесковым, Буниным». Подавляющее большинство высказалось за необходимость публикации этого произведения (23).

Еще в Рязани Александр Исаевич получил предложение японского журналиста Седзе Комото дать ему интервью. По существовавшим тогда правилам, для

этого требовалось разрешение
Иностранной комиссии Союза
писателей. Однако
А. И. Солженицын не поставил ее в
известность о полученном
предложении (24). 15 ноября он
подготовил письменные ответы на
вопросы С. Комото и в тот же день
из Рязани отправился в Москву (25),
а 16-го, пишет он, «в день
обсуждения там „Ракового корпуса“,
достаточно оглядя помещения, я из
автомата позвонил японцу и
предложил ему интервью завтра в
полдень в ЦДЛ» (26). На следующий
день А. И. Солженицын дал свое
первое интервью зарубежному
журналисту (27). Он надеялся на то,

что оно произведет впечатление за рубежом. Однако его никто не заметил.

Накануне Александр Исаевич должен был выступать в Фундаментальной библиотеке общественных наук, выступление не состоялось. 17-го было отменено выступление в несмеяновском НИИ. 18-го — в Редакции Большой советской энциклопедии, 19 ноября — в Институте Карпова (28).

Видимо, в тот же день А. И. Солженицын вернулся в Рязань и 20 ноября «сел опять за „Раковый корпус“» (29). Однако и на этот раз другие дела отвлекли его. В среду 30 ноября мы снова видим его в Москве,

где он выступал в Институте востоковедения (30). 1 и 2 декабря планировались выступления в МВТУ, ЦАГИ, МГУ, они были отменены (31). Из одиннадцати назначенных встреч состоялись только две.

Как будто бы кто-то стремился придать А. И. Солженицыну ореол неудобного, опального писателя.

Вторая зима под Тарту

2 декабря вечерним поездом А. И. Солженицын уехал из Москвы, опять в Эстонию (1). 3-го он мог быть в Тарту, четвертого — снова на хуторе Хаава. Если учесть, что

завершение работы над «Архипелагом» датируется 22 февраля 1967 г. (2), получается, что на этот раз Александр Исаевич провел в своем «укровище» 81 день. Именно эту цифру мы видим во втором издании «Теленка», однако в первом издании фигурирует другая цифра — 73 дня. Сравните:

Первое издание

«За декабрь-февраль я сделал последнюю редакцию „Архипелага“ — с переделкой и перепечаткой 70 авторских листов за **73 дня** — еще и

болея, и печи топя, и готовя сам. Это — не я сделал, это — ведено было моею рукою» (Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Paris, 1975. С.164).

Журнальное издание

«За декабрь-февраль я сделал последнюю редакцию „Архипелага“ — с *допиской*, переделкой и перепечаткой 70 авторских листов за **81 день** — еще и боля, и печи топя, и готовя сам. Это не я сделал, это — ведено было моею рукою!»

(Солженицын

А. И. Бодался теленок с
дубом // Новый мир. 1991.
№ 6. С.104).

Это дает основание думать, что по крайней мере 8 дней, проведенных на хуторе под Тарту, были нерабочими. Видимо, именно в эту зиму Александр Исаевич встречал католическое Рождество в семье Сузи (3). Кроме того, необходимо учесть его поездки к Лембиту. «Во вторую зиму, — пишет А. И. Солженицын, — он стал учиться заочно в Тартусском университете; когда приехал на

зимнюю сессию — мы встретились в городе в условленном месте, у него в сумке были *недостающие части „Архипелага“*, я повел его знакомиться с Сузи-старшим» (4).

«Обе зимы, — читаем мы в «Теленке», — так сходны были по быту, что иные подробности смешиваются в моей памяти... И за эти два периода стопка заготовок и первых глав „Архипелага“ обратилась в готовую машинопись, 70 авторских листов (без 6-й части). Так... я не работал никогда в моей жизни... Я ничего не читал, изредка листик из далевого блокнота на ночь... Западное радио слушал я только одновременно с едою,

хозяйством, топкой печи... Во вторую зиму я сильно простудился, меня ломило и трясло, а снаружи был тридцатиградусный мороз. Я все же колол дрова, истапливал печь, часть работы делал стоя, прижимаясь спиной к накалившему зеркалу печи вместо горчичников, часть — лежа под одеялами, и так написал, при температуре 38 градусов, единственную юмористическую главу („Зэки как нация“). Вторую зиму я в основном уже только печатал, да *со многими мелкими переделками*, — и успевал по авторскому листу в день!» (5).

Описывая свое пребывание на хуторе Хаава зимой 1966–1967 гг.,

А. И. Солженицын отмечает, что в перерывах между работой над «Архипелагом» он возвращался мыслями к замыслу «Р-17» (6) и именно в ту зиму 1966–1967 гг. не только начал осознать его грандиозность, но и пришел к выводу о невозможности его осуществления, если придерживаться обычного последовательного освещения событий. В связи с этим у него родилась идея ограничиться только наиболее важными моментами, имеющими узловой характер. Поэтому, пишет он, если «в 1965-м определилось название „Красное колесо“», то «с 1967 года — принцип Узлов, то есть сплошного густого

изложения событий в сжатые отрезки времени, но с полными перерывами между ними» (7).

Правда, и в таком случае реализация замысла требовала много времени. Поэтому Александр Исаевич, если верить ему, видел перед собою два пути: «Один путь был — поверить во внешнее нейтральное благополучие,.. продолжать сидеть как можно тише и писать... *А лет мне нужно на эту работу семь или десять.* Путь второй: понять, что можно так год протянуть, два, но не семь. Это внешнее обманчивое благополучие самому взрывать и дальше... Ведь „железный Шурик“ тоже не дремлет,

он крадется там, по закоулкам, к власти, и из первых его будет движений — оторвать мне голову эту» (8). Так, по утверждению А. И. Солженицына у него возникла готовность к открытому общественному выступлению: «Во вторую зиму мысли мои были все более наступательные. Выгревая больную спину у печки, под Крещение (т. е. 18 января 1967 г. — А.О.), *придумал* я письмо съезду писателей — тогда это казался смелый, даже громовой шаг» (9).

Когда в 1974–1975 гг. Александр Исаевич писал эти слова, он забыл перечитать то, что было написано им ранее. Из его же собственных

воспоминаний и мемуаров Н. А. Решетовской мы уже знаем, что идея письма к съезду появилась у него еще летом 1966 г.

25 января 1967, когда у студентов начались каникулы, Н. А. Решетовская отправилась в Москву, 26-го она была на приеме у онколога (у нее появилась опухоль в груди), 27-го выехала в Тарту и на следующий день была там (10). Александр Исаевич встречал ее на вокзале (11).

«Дальше, — вспоминала Наталья Алексеевна, — начался полусон-полусказка... Жили мы недалеко от Тарту в совершенном уединении и тишине... Встаем, когда

еще не рассвело. Работать утром можно лишь при электрическом свете. А он слабый. Если включить электрическую плитку — совсем никуда не годится. Но все предусмотрено. Еще с вечера термос наполнен кипятком. Теперь им заливается растворимый кофе. Выпиваем по чашечке и садимся работать. Александр Исаевич за рукопись, я — за машинку. Зима была злая, морозы достигали 30 градусов и ниже. Печатала я... возле печки, часто даже завернувшись в одеяло... Таких было 10 дней» (12).

Как явствует из дневника Н. А. Решетовской, она пробыла на хуторе до 6 февраля, когда Александр

Исаевич проводил ее до Тарту и там посадил на московский поезд (13). В разговоре со мной Наталья Алексеевна сообщила, что ко дню ее отъезда работа над «Архипелагом» была завершена и это событие они отметили с мужем в одном из тартусских ресторанов (14). Последний факт нашел отражение и в ее воспоминаниях: «В нашей жизни это бывало нечасто. Разве что однажды, невдалеке от „укривища“, по случаю окончания „Архипелага“» (15).

7 февраля 1967 г. Наталья Алексеевна была в столице (16). «В Москве, — читаем мы в ее воспоминаниях, — я сначала

развезла *все* *экземпляры*
отпечатанного „Архипелага“ в
надежные места и лишь тогда
появилась у Вероники. Теперь пусть
за мной следят! Опасаться больше
ничего! Сказала Веронике, чтоб
отдала Александру Трифоновичу
вторую часть „Ракового корпуса“»
(17). С собою с хутора Наталья
Алексеевна забрала также письма
А. И. Солженицына в журналы
«Звезда» и «Простор» (18).

«А 13 февраля спустя два месяца
после того, как Саня закончил
„Раковый корпус“, — вспоминала
Н. А. Решетовская, — я оказалась в
таком же. Только в Кашире» (19). У
Натальи Алексеевны был обнаружен

рак груди. 18-го ей сделали операцию, которая оказалась удачной (20).

Где же в это время находился Александр Исаевич? Если обратиться к опубликованному тексту «Архипелага», получается, что он продолжал работу над ним до 22 февраля 1967 г. (21).

К сожалению, текст первой редакции «Архипелага» нам неизвестен. Поэтому мы можем судить о нем главным образом со слов самого автора. Между тем его свидетельства на этот счет не только скупы, но и противоречивы. Так, в одном из послесловий к «Архипелагу» мы читаем: «Таким

образом, к марту 1967 г. *шесть первых частей* „Архипелага“ были в основном закончены» (22). В «Теленке» об этом же говорится: «И за эти два периода стопка заготовок и первых глав „Архипелага“ обратилась в готовую машинопись 70 авторских листов (*без шестой части*)» (23).

Шестая часть «Архипелага» — это «Ссылка», о которой точно известно, что она была написана позднее (24). Поэтому есть основания думать, что первоначальная редакция этой книги состояла не из семи, как сейчас, а из пяти частей. Это подтверждает и Е. Ц. Чуковская, занимавшаяся

перепечаткой «Архипелага» (25). Завершалась первая редакция, по всей видимости, обзором откликов на публикацию «Одного дня Ивана Денисовича» — «Читают Ивана Денисовича».

По утверждению А. И. Солженицына, первая редакция книги составляла 70 авторских листов (26). Если это было действительно так, получается, что зимой 1966–1967 гг. он написал не менее 20 листов. При средней скорости работы для этого нужно было примерно 60 дней. Чтобы вычитать и отредактировать рукописный текст по существовавшим издательским

нормам требовалось не менее 70 дней (27). Даже если допустить, что автор работал не по 8, а по 16 часов — это еще 35 дней. Кроме того, текст следовало перепечатать. Принимая дневную производительность Александра Исаевича и Натальи Алексеевны в пределах авторского листа (официальная норма профессиональной машинистки) (28), получим 70 дней. Следовательно, для завершения работы над первой редакцией «Архипелага» зимой 1966–1967 гг. А. И. Солженицыну требовалось 165 рабочих дней.

Очевидно, что ни за 73 дня, ни
81 день даже с помощью

Н. А. Решетовской эту работу он выполнить не мог. Поэтому или у него были другие помощники, или же он писал «Архипелаг» не один.

Ту редакцию «Архипелага», которую мы сейчас называем первой, Александр Исаевич рассматривал в 1967 г. как окончательный вариант. «Сейчас, — писал он в одной из глав, — у меня нет материалов, чтобы эту главу закончить так, как хотелось бы... Обрывая эту *книгу в начале 1967 года*, не рассчитываю я больше, что достанется мне возвратиться к теме „Архипелага“» (29).

«Кончив работу, — пишет А. И. Солженицын, — я поехал в

Таллин, в семью Сузи, —
переснимать теперь весь
„Архипелаг“ на пленку» (30). Если
работа над «Архипелагом»
действительно была закончена 22
февраля и в этот день Александр
Исаевич покинул хутор, то в Таллине
он был не ранее 23-го.
Фотографирование рукописи
требовало около двух дней, поэтому
уехать из Таллина он мог не ранее
25-го. По пути домой
А. И. Солженицын заехал в
Ленинград к Е. Д. Воронянской,
которая фигурирует в его
воспоминаниях под кличкой Кью. «В
феврале 1967 проездом из
Эстонии, — читаем мы в

«Теленке», — я отдал Кью свой густо
отпечатанный экземпляр
„Архипелага“, *один из двух* для более
просторной перепечатки» (31).

В Ленинград Александр Исаевич
мог приехать не ранее 26-го, а 2
марта он уже был в Москве (32), в
пятницу 3-го разговаривал с
Наташей Алексеевной по телефону и
4-го вернулся домой (33).
«Приехал, — вспоминала
Н. А. Решетовская, — очень
измученный» (34).

Весна 67-го

«Весной 1967, — вспоминает

Александр Исаевич, — получил в Рязань телеграмму от двух словацких корреспондентов, просят интервью. Конечно, беспрепятственный приход телеграммы подозрителен, но бывают же и осечки, вдруг ГБ прохлопало?.. Принял. Один из них, назвавшийся Рудольфом Алчинским,.. все время молчал и приятно улыбался... Старший же был — топтыжистый Павел Личко, корреспондент словацкой „Правды“, уже тогда смелой газеты еще неизвестного миру Дубчека. В прошлом командир партизанского отряда против немцев... в конце интервью... попросил меня Личко: «А не можете ли вы дать нам

„Раковый корпус“ для Чехословакии? Это будет нашей интеллигенции такая поддержка, мы будем пытаться напечатать его по-словацки». «И уж тогда и по-чешски!» — предложил я встречно. А для начала, в журнале, напечатать главу „Право жить“ (уж самую безъершистую). И легко дал ему 1-ю часть „Корпуса“ и в придачу „Оленя и шалашовку“. Ведь в восточноевропейскую страну, как будто совсем не за границу, не Запад же!» (1).

Не все в этой версии вызывает доверие. Прежде всего, как мы знаем, ко времени приезда словацких журналистов у А. И. Солженицына уже существовали контакты с

Чехословакией и в мае 1966 г. он получил приглашение Союза писателей ЧССР посетить их страну. Поездка, правда, не состоялась. Между тем в том же 1966 г. издававшийся в Братиславе журнал «Словенка» решил дать на своих страницах серию публикаций советских писателей, в их список был включен и А. И. Солженицын (2).

«В конце 1966 года, — вспоминала жена Павла Личко Марта, которая в это время работала в редакции „Словенки“ — наш журнал обратился к ряду русских писателей, в том числе и к Солженицыну, с просьбой

предоставить небольшие отрывки из их произведений. Мы собирались издавать антологию. К нашему удивлению он прислал главу из „Ракового корпуса“ — романа, который как раз в то время заканчивал (речь идет о главе „Право лечить“ — А.О.). Мы сразу поняли, какое это замечательное произведение, хотя в женском журнале оно вряд ли было уместно» (3).

Приведенное свидетельство подтверждается воспоминаниями Н. А. Решетовской. Она пишет, что уезжая 30 ноября 1966 г. из Рязани в Москву, Александр Исаевич специально проинструктировал ее в

связи «с возможным изданием»... главы «Право лечить» (4). Это значит, к концу ноября она уже была отослана в Братиславу. Получив ее и «поразмыслив, — вспоминала Марта Личко, — мы с Павлом решили отдать эту главу в литературное приложение братиславской газеты „Правда“, где она и была напечатана в моем переводе 7 января 1967 года» (5).

Из этого явствует, что упоминаемая А. И. Солженицыным глава из «Ракового корпуса» была отправлена в Братиславу не в марте 1967 г., а еще 1966 г. Зачем ему понадобилось скрывать данный факт, а следовательно, и свое заочное

знакомство с П. Личко до встречи с ним, станет понятно далее.

П. Личко был не обычным словацким жуналистом. Во время Второй мировой войны он работал в советской военной разведке, в 1948 г. возглавил редакцию братиславской «Экономической газеты», в 1949–1951 гг. занимал пост директора Департамента печати ЦК КП Словакии, с 1953 г. руководил издательским домом «Мир социализма», с 1962 по 1967 г. — редактировал газету «Культурная жизнь» (6). Позднее, в 1968 г. встал во главе агентства Татра-пресс (7).

«...И вот, — читаем мы в воспоминаниях английского

журналиста Н. Бетелла, — Личко с номером газеты поехал в Рязань, где его тепло приняли» (8). В Рязани Павел Личко и Рудольф Алчинский появились в среду 15 марта (9).

На следующий день после этой встречи А. И. Солженицын отправился в столицу (10). «С середины марта, — вспоминала Н. А. Решетовская, — Александр Исаевич неделю провел в Москве» (11). 16-го он был у А. Т. Твардовского. «Я, — пишет А. И. Солженицын, — вошел веселый, очень жизнерадостный, он встретил меня подавленный, неуверенный... на XXIII съезде его не выбрали больше в ЦК; сейчас не

выбирали и в Верховный Совет РСФСР... а недавно ЦК актом внезапным и непостижимым по замыслу, минуя Твардовского, не предупредив его, снял двух вернейших заместителей — Дементьева и Закса» (12).

Однако, несмотря на личные неприятности, в течение полутора часов Александр Трифонович говорил не столько о себе, сколько о А. И. Солженицыне. Дело в том, что накануне, 15 марта, писатель Г. Марков на заседании Секретариата Правления Союза писателей СССР бросил фразу о том, что «Раковый корпус» уже печатают за границей (13). Поэтому когда Александр

Исаевич появился в редакции журнала, Александр Трифонович обратился к нему за разъяснениями. «А откуда мог пойти слух? — читаем мы в «Теленке», — Пытался ему объяснить. Одна глава из „Корпуса“, отвергнутая многими советскими журналами, действительно напечатана за границей — именно, центральным органом словацкой компартии „Правда“. Да, кстати! я же дал *на днях* интервью словацким корреспондентам, вам рассказать?» (14). И хотя А. И. Солженицын заверил своего «литературного отца», что не собирается «*посылать за границу ничего*», расстались они очень сдержанно, едва не

поссорившись (15).

В тот же день, 16 марта, Александр Исаевич встречался с Д. Д. Шостаковичем, побывал в «Современнике» (16), 17-го подписал договор с «Мосфильмом» на киносценарий «От четверга до среды» (17), 18-го съездил в Обнинск, 19-го познакомился с родственником В. Г. Короленко А. В. Храбровицким (18) и получил от него в подарок сборник своих произведений, опубликованный во Франкфурте-на-Майне издательством «Посев» (19), 20-го снова посетил Д. Д. Шостаковича, 22-го — В. А. Каверина (20).

«Была еще одна важная цель

этой поездки: — пишет Н. А. Решетовская, — обсудить с Чуковским, Каверинным и *еще кое с кем* содержание письма к съезду писателей» (21). Эта вкользь брошенная фраза дает основание думать, что свое выступление с письмом к съезду А. И. Солженицын пытался согласовать с другими литераторами.

Среди тех лиц, с кем в эти дни он повидался в Москве, был и Павел Личко. Как пишет Н. Бетелл, «примерно 20 марта они встретились... в Москве в кафе „Лира“, на углу Тверского бульвара и улицы Горького, чтобы обсудить еще одно, гораздо более важное дело». В

письменных показаниях от 1 августа 1968 года, которые Личко дал в Лондоне, говорится следующее: «Солженицын лично дал мне текст первой части „Ракового корпуса“ и копию пьесы „Олень и шалашовка“. На этой встрече мы в общем плане обсуждали возможность публикации литературных произведений Солженицына за границей. Я прямо спросил Солженицына, не будет ли он возражать против этого, и он ответил, что хотел бы опубликовать свои вещи прежде всего в Англии и Японии, поскольку считает, что культура англичан и японцев имеет наиболее глубокие корни. В конце нашего разговора я спросил

Солженицина, могу ли я быть его литературным представителем на Западе. Он ответил утвердительно и выразил желание, чтобы я как можно скорее организовал публикацию „Ракового корпуса“ и упомянутой выше пьесы...» (22).

Таким образом, если верить Н. Бетеллу, в марте 1967 г. А. И. Солженицын через П. Личко, с которым он только-только познакомился, сделал первый конкретный шаг, направленный на то, чтобы начать публикацию своих произведений на Западе.

Вернувшись 24 марта домой, Александр Исаевич сел за «Письмо к съезду писателей» (23). «Письмо

съезду определилось. — отмечала Н. А. Решетовская, — Можно приниматься за окончательный вариант. Мужа тянет к музыке Бетховена. Ставится пластинка с Девятой симфонией. Под ее могучие звуки 27 марта Александр Исаевич завершает работу» (24). Первоначально он намеревался обратиться к съезду писателей с изложением своих личных претензий к руководству писательской организации. В окончательном варианте он поставил собственную литературную судьбу в зависимость от существования цензуры и поднял вопрос о необходимости ее отмены (25).

«Написав письмо, — читаем мы далее в воспоминаниях Н. А. Решетовской, — муж успокоился: на миру и смерть красна. Теперь он думал: что еще нужно сделать до того, как станет известным письмо? Это пока не совсем ясно, потому можно заняться корреспонденцией. Александр Исаевич ответил Шаламову, поздравил и поблагодарил Владимира Солоухина за книгу „Письма из Русского музея“: „*Как это по-русски*, до чего же наше: весь подбор имен и предметов, *как все назрело давно!*“» (26).

1 апреля Александр Исаевич направил Павлу Личко письмо, он

поблагодарил его за «точность и аккуратность» перевода опубликованной на страницах братиславской «Правды» главы из «Ракового корпуса» и коснулся вопроса об издании в Чехословакии своей повести. В частности, речь шла о ее названии. «...Мне, — писал А. И. Солженицын, — не хотелось бы, чтобы „Раковый корпус“ переводился на словацкий „Онкологическое отделение“ (это уж слишком специально по-медицински), наверно есть и словацкое слово для „рака“» (27).

Переделав «Письмо к съезду», перепечатав давно написанную статью о пьесе А. С. Грибоедова

«Горе от ума» и позанимавшись перепиской (28), А. И. Солженицын 7 апреля начал писать литературные воспоминания, которые получили название «Бодался теленок с дубом» (29).

Между тем 31 марта 1967 г. на страницах словацкой газеты «Литературная жизнь» появилось его интервью (30). Оно стало ему известно 12 апреля (31), 21-го Александр Исаевич поблагодарил П. Личко за эту публикацию, отметив, что с удовольствием вспоминает о их встрече, и пожелал успеха в работе над переводом его повести (32).

Не ранее 21 — не позднее 26

апреля А. И. Солженицын оторвался от «Теленка» и отправился в Москву (33). В это время в столице находилась дочь В. Л. Андреева Ольга Вадимовна, жившая в США, занимавшаяся литературоведением и имевшая связи с московских литературных кругах (34). Она была замужем за американцем Генри Карлайлом (35), который являлся сыном Томаса Карлайла (36).

Ольга Вадимовна уже собиралась в обратный путь, когда ей (не позднее 23 апреля) позвонил Л. З. Копелев и пригласил к себе в гости, загадочно сказав: «Будет еще некто» (37). На следующий день утром в 10.00, когда Ольга

Вадимовна пришла к Л. З. Копелеву, у него, кроме Р. Д. Орловой и Ю. Ф. Карякина, она впервые увидела Александра Исаевича (38). Описывая эту встречу, О. Карлайл отмечает, что отправившийся ее провожать Л. З. Копелев по дороге заговорил с нею о А. И. Солженицыне, «он твердил: „Александр Исаевичу нужна Нобелевская премия. Это крайне важно, Ольга Вадимовна, прошу Вас примите это к сведению. Надо во чтобы то ни стало постараться организовать“» (39).

Просьба повергла О. Карлайл в изумление. И потому, что к этому времени имя А. И. Солженицына за

границей было еще мало известно, и потому, что все его литературные сочинения помещались в одном небольшом томике. Если это свидетельство соответствует действительности — а Л. З. Копелев после публикации воспоминаний О. Карлайл не поставил его под сомнение — получается, что идея выдвижения кандидатуры А. И. Солженицына на Нобелевскую премию возникла уже в 1967 г., что она появилась в нашей стране и что с самого начала не имела никакого отношения к литературным заслугам писателя.

В тот же день у Н. И. Столяровой О. Карлайл еще раз

встретилась с Александром Исаевичем. На этот раз он пошел ее провожать сам. По дороге жаловался на преследования КГБ и невозможность публикации своих произведений. Одновременно рассказал своей спутнице о том, что некоторое время назад «в Рязань... проникла группа *югославских* (вероятно, это ошибка, и нужно читать — словацких — А.О.) журналистов» и он передал одному из них *«рукопись „Ракового корпуса“*». Открыв эту тайну, Александр Исаевич обратился к Ольге Вадимовне с просьбой помочь ему с изданием за границей романа «В круге первом». Тогда же он

сообщил ей о готовящемся «Письме съезду» писателей (40).

Согласившись помочь, О. Карлайл по дороге домой заехала к отцу в Женеву и забрала у него хранившиеся с осени 1964 г. «три коробочки» микрофильма романа «В круге первом». «К концу мая, — пишет она, — с помощью фотоувеличителя я прочла значительную часть романа». (41). Тогда же она посвятила в это дело двух своих друзей: бывшего дипломата Томаса Уитни^[25] и журналиста Гаррисона Солсбери (42). Когда-то «Том, — отмечала О. Карлайл в своих воспоминаниях, — возглавлял отдел

экономики в посольстве США в Москве», был женат на русской, которой до 1953 г. не разрешали покинуть СССР, на начальной стадии он мог поддерживать проект материально (43). Гаррисон Солсбери в рассматриваемый период занимал должность помощника главного редактора одной из крупнейших американских газет «Нью-Йорк таймс» (44).

Оба проявили интерес к полученной информации. «В июне 1967 г., — пишет О. Карлайл, — текст с пленки был распечатан на 504 глянцевого страниц крупного формата в двух экземплярах. Вскоре Том Уитни вплотную сел за перевод»,

а «в июле пришло известие от Солженицына: он хотел, чтобы роман „В круге первом“ вышел зимой 1968 г.» (45). Если учесть связи Т. Уитни и Г. Солсбери, а также самой О. Карлайл, которая, по некоторым данным была знакома с братьями Робертом и Эдвардом Кеннеди (46), получается, что весной-летом 1967 г. за границей начал раскручиваться влиятельный маховик поддержки А. И. Солженицына.

Из Москвы Александр Исаевич вернулся в Рязань, а затем 26 апреля вместе с Натальей Алексеевной отправился в Борзовку (47) и продолжил работу над «Теленком»

(48). По свидетельству Н. А. Решетовской, «писал целыми днями, *по восемь-двенадцать страниц*, закончив рукопись точно седьмого мая снова в Рязани» (49), куда он приехал накануне, 6 мая (50).

А пока А. И. Солженицын работал над «Теленком», Наталья Алексеевна печатала «Письмо к съезду». «...восьмого утром, — пишет она о муже, — он едет в Москву и Ленинград подготовить друзей к акции, которую собирается предпринять. С собой, — вспоминала Н. А. Решетовская, — берет сто пятьдесят отпечатанных мною писем. Остальные сто будут напечатаны в Москве» (51).

В

Ленинграде

А. И. Солженицын пробыл два дня (9 и 10 мая). С кем он здесь встречался и какие вел переговоры, неизвестно. Можно лишь предположить, что во время этого приезда он забрал у Е. Д. Воронянской перепечатанный текст «Архипелага» (52). Не исключено, что тогда же журнал «Звезда» вернул ему его повесть «Раковый корпус» (53). Не решился печатать ее и журнал «Простор» (54).

«Поездка, — пишет Наталья Алексеевна, — уложились в четверо суток. Двенадцатого мая Александр Исаевич уже блаженствует в Борзовке. Пишет оттуда, что очень устал» (55).

Но блаженствовал он здесь недолго и буквально через несколько дней снова отправился в Москву, где остановился на квартире Чуковских (56). Шли последние приготовления к рассылке «Письма». Несмотря на то, что оно было отвезено в Москву утром 8-го, под ним стоит дата — 16 мая 1967 г. (57). «Я, — пишет А. И. Солженицын, — рассылал письма лишь в последние пять дней», т. е. начиная с 17-го числа (58). «Список, кому рассылать, я долго отрабатывал, каждую фамилию перетирая. Надо было разослать во все национальные республики и по возможности не самым крупным негодям (ставка на помощь

национальных окраин у меня, впрочем, сорвалась — не нашлось там рук и голосов); всем подлинным писателям; всем общественно-значительным членам союза. И, наконец, чтобы список этот не выглядел как донос, — припудрить самими же боссами и стукачами» (59). И хотя полный список адресатов нам неизвестен, имеются сведения, что он включал в себя не менее 250 человек (60).

Непонятно, почему, имея на руках 150 экземпляров письма уже 7 мая, А. И. Солженицын начал рассылать его только через полторы недели. Очень странно и то, что оно расылалось по домашним и

официальным адресам, в связи с чем многие адресаты разминулись с ним по дороге на съезд (61). Это не позволило сторонникам А. И. Солженицына согласовать свои действия и организованно выступить на съезде.

Вечером 18 мая в Москву приехала Наталья Алексеевна, остановилась она у Штейнов (62). На следующий день утром сюда пришел Александр Исаевич. Он принес весть об отставке В. Е. Семичастного с поста председателя КГБ и назначении на его место Ю. В. Андропова (63). Обращает на себя внимание, что незадолго перед тем был освобожден от обязанностей

секретаря ЦК КПСС А. Н. Шелепин (64). Обе отставки ничем не мотивировались (65). Это придает правдоподобность версии, будто бы названные лица подозревались в намерении отстранить Л. И. Брежнева от власти (66).

19 мая, в пятницу, А. И. Солженицын и Н. А. Решетовская посетили Л. З. Копелева (67), потом П. Л. Капицу (68). Следующие два дня Александр Исаевич провел в Переделкино (69). «...советуется с Чуковским, Кавериным и другими писателями», комментировала этот факт Наталья Алексеевна (70).

21 мая в Переделкино

Александр Исаевич направил Павлу Личко новое письмо, в котором опять касался опубликованного интервью с ним и заканчивал его словами: «...Желаю Вам с Мартой успеха в начатой Вами работе». «Под „работой“, — пишет Н. Бетелл, — он подразумевал перевод оставшейся части „Ракового корпуса“, который в то время готовила невестка Павла Магда Такачова» (71).

IV Всесоюзный съезд писателей СССР открылся 22 мая (72), завершился 27-го (73). Письмо А. И. Солженицына на нем не обсуждалось, но первом заседании нового Секретариата Правления Союза писателей СССР, которое

состоялось 29-го (74) было решено встретиться с А. И. Солженицыным и обсудить его «Письмо к съезду» (75).

Глава 3

На пути к Нобелевской премии

Незаметный поворот

А. И. Солженицын ожидал, что «Письмо» сразу же привлечет к себе внимание мировой печати. Но прошел после его рассылки день, второй, третий, закончился съезд писателей, а мировая печать безмолвствовала. Александр Исаевич «отсиживался в Переделкино», когда здесь появилась Н. И. Столярова. 28 мая она совершенно «случайно»

позвонила ему с соседней дачи, предложила свою помощь, и «не без этой мысли» «привезла... французского искусствоведа Мориса Жардо», «через три дня письмо появилось в „Монд“» (1). 5 июня его опубликовала «Нью-Йорк Таймс», 2 и 16 июня — «Посев», 18 июля — «Новое русское слово», 22 июля — «Русская мысль» (2). По сведениям КГБ, «письмо СОЛЖЕНИЦЫНА было напечатано большинством буржуазных и эмигрантских изданий и передано всеми крупнейшими радиостанциями Запада, специализирующимися на проведении антисоветской пропаганды, кроме того, текст

письма был размножен
антисоветской эмигрантской
организацией НТС в виде листовки»
(3).

В первых числах июня
А. И. Солженицын перебрался в
Борзовку и, желая отвлечься от
общественных и литературных
проблем, занялся хозяйственными
делами (4). «Начиная со второго
июня, — вспоминала
Н. А. Решетовская, — западные
радиостанции ежедневно говорят о
письме Солженицына, а он в это
время... красит дом!» (5).

5 июня 1967 г. началась
знаменитая шестидневная война, в
ходе которой израильские войска

нанесли поражение Египту, вышли на Синайский полуостров и прорвались к Суэцкому каналу (6). Ловя по радио новости из-за рубежа, Александр Исаевич слышал и о своем письме. «...Чередуя с накаленными передачами о шестидневной арабо-израильской войне — вспоминал он, — несколько мировых радиостанций цитировали, излагали, читали слово в слово и комментировали... мое письмо... И так у меня сложилось ощущение неожиданной и даже разгромной победы!» (7).

Летом 1967 г. солженицынское письмо было обнародовано в Чехословакии. Его огласили на IV

съезде писателей ЧССР, когда был поднят вопрос об отмене цензуры (8). Публикация письма готовилось на Кубе, однако Отделу ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран и Отделу культуры ЦК КПСС удалось не допустить этого (9).

«Только много лет спустя, — признавался позднее А. И. Солженицын, — я понял, что это, правда, был за шаг: ведь Запад не с искаженного „Ивана Денисовича“, а только с этого шумного письма выделил меня и стал напряженно следить» (10).

Между тем в связи с

ближневосточным кризисом
произошло обострение противоречий
в правящих верхах Советского Союза
и стран Восточной Европы. В этом
отношении особого внимания
заслуживает открывшийся 20 июня
Пленум ЦК КПСС (11). По
свидетельству бывшего тогда
помощником заведующего Отделом
пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлева
на Пленуме ожидалось выступление
партийной оппозиции (12). «Если
свести все разговоры и намеки
воедино», — пишет А. Н. Яковлев, —
«планировалось... следующее:
Шелепин — генсек, Косыгин —
предсовмина, Егорычев — его
первый заместитель, Степаков —

секретарь ЦК по идеологии, Месяцев — председатель КГБ» (13). Однако все ограничилось только выступлением первого секретаря Московского горкома КПСС Н. Г. Егорычева. «Егорычев, — читаем мы в воспоминаниях А. Н. Яковлева, — произнес хорошую речь, острую, без оглядок. Он критиковал министра обороны Гречко за бездарное участие в арабо-израильской войне, за дорогостоящую и неэффективную противовоздушную оборону... Я сидел и переживал за Егорычева, ждал речей в его поддержку, но их не последовало. Его предали...» (14).

Тогда же произошло обострение

борьбы внутри Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ). Там уже с 1964 г. существовала «довольно широкая программа преобразований, направленных на развитие рыночных и товарно-денежных отношений, преодоление бюрократизма, повышение роли предприятий» (15). Среди сторонников подобной программы был уже упоминавшийся главный редактор словацкой «Правды» Александр Дубчек, который, по некоторым данным, с 1965 г. начинает готовиться к борьбе за изменения в руководстве партии (16). В 1967 г. борьба между сторонниками и противниками реформ вступила в свою

завершающую стадию. Одним из ее проявлений стал IV съезд писателей ЧССР, который потом некоторые называли первой ласточкой «пражской весны» 1968 г.

«В начале лета 1967 г., — вспоминает М. С. Горбачев, который тогда занимал пост первого секретаря Ставропольского горкома КПСС, — я встретился со Зденеком Млынаржем, давним моим другом и сокурсником по МГУ... Он работал тогда в Институте государства и права Чехословацкой Академии наук и приезжал в Москву в связи с подготовкой предложений о проведении *политической реформы*» (17). Тогда же Москву

посетил первый секретарь ЦК КПЧ А. Новотный (18).

Летом 1967 г. заговорили о необходимости перемен в Польше. 24 июня Кондратович, имея в виду Александра Трифоновича Твардовского записал: «А.Т. сказал, что Гомулка распускает у себя комсомол» (19).

Именно в это время новый председатель КГБ Ю. В. Андропов, избранный, кстати, 21 июня 1967 г. кандидатом в члены Политбюро (20), направил в ЦК КПСС записку, в которой обращая внимание на активизацию действий антисоветских сил, предложил «создать в центре и на местах

подразделения, которые сосредоточились бы на борьбе с идеологическими диверсиями» (21). В связи с этим «работа с интеллигенцией» была выведена в КГБ «из контрразведки», а для руководства ею создано специальное, Пятое управление (22). Возглавил его бывший секретарь Ставропольского крайкома КПСС А. Ф. Кадашев, заместителем которого стал Филипп Денисович Бобков. Через два года Ф. Д. Бобков заменил А. В. Кадашева (23).

Позднее один из работников этого управления так охарактеризовал его структуру: «Был отдел, который занимался

творческой интеллигенцией. Отдел
межнациональных отношений...
Отдел студенческой и
неорганизованной молодежи...
Отдел религии... Отдел по розыску
анонимов и лиц, вынашивающих
террористические планы... отдел по
борьбе с сионизмом, который
начальник управления курировал
лично... *отдел, который занимался
наиболее известными
диссидентами, такими, как
Солженицын, Сахаров...* отдел,
который вел борьбу с радиостанцией
„Свобода“, с Народно-трудовым
союзом... небольшой отдельчик
ведал контактами с коллегами из
социалистических стран». Кроме

того, существовало «подразделение, занимавшееся спортом и спортсменами» (24). Вначале штат Пятого управления насчитывал около 200 сотрудников, к 1980 г. их было в три раза больше (25).

13 июля 1967 г. Отдел культуры ЦК КПСС предложил направить в партийные комитеты информацию «О поведении и взглядах А. Солженицына» с осуждением его «Письма» (26). 18 июля данный вопрос был рассмотрен на заседании Секретариата ЦК КПСС, но решения принято не было (27). 14 августа 1967 г. КГБ (Ю. В. Андропов) и Генеральная прокуратура (Р. А. Руденко) поставили перед ЦК

КПСС вопрос о необходимости публикации официального опровержения слухов о судьбе «литературного архива Солженицына» (28). В проекте сообщения предполагалось указать, что речь идет об обыске у В. Л. Теуша, который хранил у себя роман и несколько рассказов Солженицына без указания автора (29). Однако 23 августа 1967 г. на заседании Секретариата ЦК КПСС данный вопрос почему-то был снят с рассмотрения (30).

В это время Александр Исаевич продолжал жить в Борзовке, периодически наезжая в Москву (31). 12 июня, в понедельник, он

встречался с А. Т. Твардовским (32), а затем с секретарями Союза писателей СССР (33). Из дневника А. И. Кондратовича: «А.Т. должен приехать к часу, но раньше я увидел Солженицына. Весел, доволен, только борода стала погуще и уж совсем похож на разночинца. Потом приехал А. Т. Они о чем-то говорили. Я увидел А.Т., когда они с Солженицыным уже уходили. Оба возбужденные. Веселые, но в возбуждении и веселье этом была и нервозность. „Еду, — сказал А.Т., — Сопровождаю государственного преступника“» (34). И далее: «... Вернулись в середине пятого. А.Т. доволен: все вроде обходится хорошо.

С[офья] Х[анаановна]. перепечатывает написанное А.Т. от руки». «Ниже мы публикуем отрывок из романа А. Солженицына „Раковый корпус“. Полностью роман будет опубликован в журнале „Новый мир“ (отдали в „Л.Г.“ предпоследнюю главу — выход Костоглотова из больницы)» (35). Это значит, что новый Секретариат Союза писателей СССР решил дать зеленый свет «Раковому корпусу». Факт сам по себе знаменательный.

Не позднее 14-го А. И. Солженицын вернулся в Борзовку (36). В этот день сюда приехала Наталья Алексеевна и застала мужа косящим траву и

занимающимся корреспонденцией (37). 20-го вместе с женой Александр Исаевич опять отправился в Москву. Как явствует из дневника А. И. Кондратовича, здесь он посетил редакцию «Нового мира», обсуждался вопрос о публикации «Ракового корпуса» (38).

Вернувшись 22 июня на дачу, Александр Исаевич продолжил знакомиться с корреспонденцией (39), а 24 июня 1967 г. сделал попытку сесть за роман о революции (40). «Однако, — пишет Н. А. Решетовская, — на следующий день из Москвы приехали две знакомые женщины, привезя письма. Саня ответил на них. Повез женщин

на станцию» и попал в аварию (41). В связи с этим он вынужден был отправиться «на подбитой машине» в Рязань, чтобы там отдавать ее в ремонт (42), который завершился лишь 1 июля (43). А пока шел ремонт, Александр Исаевич продолжал писать письма (44). 2 июля он взялся за киносценарий, который к этому времени приобрел новое название — «Тунеядец» (45), но тут неожиданно нагрянул гость. Из Воркуты приехал «познакомиться» бывший власовец Леонид Александрович Самутин. Во время этой встречи А. И. Солженицын предложил ему написать для него воспоминания о

власовском движении (46).

3 июля 1967 г. «на починенной машине» Александр Исаевич отправился в Москву (47). 4-го он посетил редакцию «Нового мира» (48). «...через несколько дней, — писала Н. А. Решетовская, — мы уехали путешествовать» (49). Путешествие началось 9 июля и продолжалось до 5 августа (50). Александр Исаевич и Наталья Алексеевна посетили Смоленск, Белоруссию, Вильнюс, Каунас, Кенигсберг, Куршскую косу, Палангу, Юрмалу, Ригу, Ленинград (51). «...мы с женой, — вспоминает Александр Исаевич, — побывали на автомобиле в моем Укрывище,

забрали пишущую машинку мою, простились в последний раз, того еще не зная, с Мартой Мартыновной и с Арнгольдом Юхановичем. А Хели ездила с нами посмотреть Ленинград» (52). В поездке участвовали Е. Г. Эткинд и его жена (53).

6-го К. И. Чуковский записал: «Вчера в Переделкино приехал А. И. Солженицын... Он сияет. Помолодел. Пополнел» (54).

Чем занимался Александр Исаевич после возвращения из путешествия?[\[26\]](#) В схеме «Исторические даты» значится, что июль-август 1967 г. были посвящены работе над «Раковым корпусом» (55).

Но, как мы знаем, в июле А. И. Солженицын не писал, а странствовал. Не занимался он повестью и после возвращения. «Набравшись впечатлений, — вспоминала Н. А. Решетовская, — Саня в Борзовке сосредотачивается на романе. Предстоит самое трудное — формирование сюжета» (56). В данном случае имеется в виду «Р-17».

«Всю оставшуюся часть лета, — вспоминала Наталья Алексеевна, — Александр Исаевич почти безвыездно провел на даче» (57). «Почти безвыездно» означает, что он все-таки покидал Борзовку: 15 августа ездил в Москву, затем был

там с 24-го по 27-го (58). Обе поездки были связаны с подписанием договора на издание «Ракового корпуса» (59).

Последняя поездка нашла отражение в дневнике А. И. Кондратовича. 25 августа он записал: «Заходил Солженицын. Борода стала гуще, и живот (он зашел без пиджака) выпирает побольше. Человек он нетолстый, на редкость подвижный, — и вот этот живот только и напоминает о болезни. Договор за „Круг“ пока не списан, и я, хоть и делаю вид, что не понимаю, почему так, — знаю причину. 2700 р. списать нелегко... И дать сразу новый аванс после списания еще

труднее» (60). 29 августа А. Т. Твардовский, все-таки подписал акт на списание 2250 рублей аванса за так и ненапечатанный роман, после чего открылась возможность для предоставления ему нового аванса, уже второго — под «Раковый корпус» (61).

Из жизни отважного «копьеборца»

12 сентября 1967 Александр Исаевич и Наталья Алексеевна отправились из Борзовки в Москву (1). Этим же числом датировано письмо А. И. Солженицына в Секретариат Правления Союза

писателей СССР, в котором он, отмечая факт изъятия его архива и распространения клеветы о его военном прошлом, напоминал Секретариату о данном ему обещании решить вопрос о публикации «Ракового корпуса», предостерегал относительно его «неконтролируемого появления на Западе» и заканчивал письмо словами: «Я настаиваю на опубликовании моей повести безотлагательно» (2).

Обсуждение его письма было вынесено на заседание Секретариата Правления Союза писателей СССР (3). В связи с этим 18-го и 19-го А. И. Солженицын снова был в

Москве, встречался с А. Т. Твардовским (4). А в пятницу 22-го отправился на заседание Секретариата (5). Формулируя свою цель, Александр Исаевич пишет: «... прийти *к врагам лицом к лицу*, проявить непреклонность и составить протокол». Позднее он назовет это заседание «копьеборством» (6). И вот, как он отважно «копьеборствовал», когда ему было предоставлено слово: «...я *торжественно встал*, раскрыл папку, достал отпечатанный лист и с *лицом непроницаемым*, а *голосом декламирующим в историю*, грянул им свое первое заявление, отводящее „Пир победителей“, — но *не*

покаянно, а обвинительно — их всех обвиняя в многолетнем предательстве народа... я дал в них *зали из ста сорока четырех орудий*, и в клубах дыма *скромно* сел (копию декларации отдав *через плечо* стенографисткам)» (7).

Что же «грянул» «в историю» «из ста сорока четырех орудий» «скромный» писатель, «грянул» «не покаянно», а обвинительно? Послушаем его самого:

«Мне стало известно, что для суждения о повести „Раковый корпус“ секретарям Правления предложено было читать пьесу „Пир победителей“, от которой *я давно отказался сам*, лет десять даже не

перечитывал, уничтожил все экземпляры кроме захваченного, а теперь размноженного. Я уже не раз объяснял, что пьеса эта написана не членом Союза писателей Солженицыным, а бесфамильным арестантом Щ-232 в те далекие годы, когда арестованным по политической статье не было возврата на свободу, и никто из общественности, в том числе и писательской, ни словом, ни делом не выступил против репрессий даже целых народов. Я так же мало отвечаю сейчас за эту пьесу, как и многие литераторы не захотели бы повторить сейчас иных речей и книг, написанных в 1949 г. На этой пьесе

отпечаталась безысходность лагеря тех лет, когда сознание определялось бытием и отнюдь не возносилось молитв за гонителей. Пьеса эта не имеет никакого отношения к моему сегодняшнему творчеству...» (8).

Где же здесь обвинение? Это самое обыкновенное самоотречение и «охаивание» «себя прежнего». После такого отважного «копьеборства» Секретариат Правления Союза писателей СССР мог с чистой совестью дать согласие на подписание нового договора с А. И. Солженицыным.

Своими воспоминаниями о том, как это происходило, поделилась заведующая редакцией «Нового

мира» Наталья Бианки. По ее словам, однажды ее вызвал к себе А. Т. Твардовский. «Не говоря ни слова протягивает мне какую-то бумагу. Читаю. Постановление редколлегии (есть все подписи) на списание 6000, которые получены Солженицыным за роман „В круге первом“. Смотрю на Твардовского с удивлением. Он-то ведь знает, что только с согласия Верховного Совета и то в конце года можно списать такую сумму,.. „но это, как говорится, только полдела, — продолжает тем временем Александр Трифонович, — с ним тут же надо заключить договор на роман „В раковом корпусе“ и снова выжать

6000. У него за душой ведь нет ни гроша“» (9).

Далее Н. Бианки рассказывает, как она вела на эту тему переговоры в бухгалтерии и ей было заявлено, что по существовавшим правилам, автор за которым в бухгалтерской карточке значился неотработанный аванс, не имеет права на получение нового гонорара. Однако, когда через некоторое время бухгалтер обратилась к своей картотеке, у А. И. Солженицына оказалась новая, на этот раз «чистая карточка» (10). Если бы редакция «Нового мира» имела собственную бухгалтерию, исчезновение старой карточки можно было бы объяснить

вмешательством А. Т. Твардовского. Но журнал обслуживала бухгалтерия газеты «Известия», которая подчинялась Президиуму Верховного Совета СССР. Поэтому распоряжение об уничтожении старой карточки А. И. Солженицына было дано на более высоком уровне. Как бы там ни было, 27 сентября договор был подписан, и наш «копьеборец» победителем вернулся в Рязань (11).

В один из сентябрьских приездов в Москву на квартире «Царевны» (Натальи Владимировны Кинд) А. И. Солженицын снова встретился с О. Карлайл (12), которая прилетела из США, чтобы обговорить некоторые практические

вопросы, связанные с изданием романа «В круге первом» (13). Она почему-то запомнила, что во время этой встречи Александр Исаевич был уже с рыжей бородой (14), а его, видимо, как очень большого знатока в этом деле, поразили «*ником* в Союзе невиданные ее какие-то особенные белые чулки с плетеными стрелками» (15). И так поразили, что даже через семь лет он не мог их забыть.

Тогда же «осенью 1967 г., — пишет А. И. Солженицын, — под потолками городской квартиры Чуковских, где мы тогда еще не привыкли опасаться подслушивания, меня познакомили Копелевы с Лизой

Маркштейн, о которой слышал я давно: родом из Австрии; дочь ни много ни мало вождя австрийской компартии Копленига^[27], она всю юность и молодость провела в СССР, потом уехала в Австрию, но часто наезжала» (16).

Есть основания думать, что ее интерес к А. И. Солженицыну отражал определенные настроения, существовавшие в руководстве Коммунистической партии Австрии. Так именно в это время заведующий отделом ЦК КПА Эрнст Фишер писал: «Тот, кто делает рентгеновский снимок проникающих в организм осколков, тот, кто осуществляет хирургическое

вмешательство, — не копается в язвах, а помогает угрожаемому организму. Солженицын не только имеет право быть услышанным, но прислушаться к нему — это неотвратимый долг всех, кто ответственен за будущее социалистического лагеря» (17).

«Дальше, — вспоминала Н. А. Решетовская, — у Солженицына планы такие: сейчас он съездит на юг (Ростов и Новочеркасск), а может быть, и к своей тете Ире (Щербак) в Георгиевск, чтобы подсобрать материал для вождленного исторического романа, потом какое-то время — дома, а зиму проведет

под Рязанью, в деревне Давыдово, у Агафьи Ивановны, где будет работать скорее всего над историческим романом» (18).

8 октября Мария Константиновна, которая вела переписку с Л. А. Самутиным, направила ему письмо, в котором были такие слова: «На несколько дней в Рязань приезжал А.И. и просил Вам передать, что то, что Вы обещали ему — желательно иметь *к марту месяцу*» (19). Это значит, что в марте 1968 г. А. И. Солженицыну для его работы должны были понадобиться самутинские воспоминания о власовском движении.

«Уехал он на юг 2 октября, — вспоминала Наталья Алексеевна, — а спустя неделю получила письмо... из Москвы: „Представляешь, я уже устал и приехал“». Александр Исаевич сообщил также, что *«деньги по договору получил»*. Значит, дело с публикацией „Ракового корпуса“ как будто утвердилось». Некоторое время Александр Исаевич пробыл в Москве, а затем приехал домой (20). «С месяц, — читаем мы в воспоминаниях Н. А. Решетовской далее, — Саня прожил в Рязани. Сначала занимался разбором привезенных материалов, потом решил продолжать „Теленка“». Речь идет о так называемом «Первом

дополнении» (21).

Во время этой работы в Рязань на гастроли приехал уже широко известный к тому времени виолончелист Ростислав Леопольдович Ростропович. Его концерт состоялся 3 ноября, 4-го ноября он посетил квартиру А. И. Солженицына и здесь состоялось их знакомство (22).

«В середине ноября, — вспоминал Наталья Алексеевна, — „Первое дополнение“ закончено. Александр Исаевич едет в Москву» (23). Здесь Александр Исаевич планировал встретиться с А. Т. Твардовским, чтобы окончательно решить вопрос с

публикацией «Ракового корпуса» (24). Однако Александр Трифонович находился на даче (25), 24 ноября А. И. Солженицын отправился к нему в Пахру (26), но поездка оказалась безрезультатной (27).

25-го Александр Исаевич вернулся в Рязань (28), через день, 27-го, получил письмо первого секретаря Союза писателей РСФСР К. В. Воронкова: «зонтидирующая нота, — комментирует его А. И. Солженицын, — когда же, наконец, я отмежуюсь от западной пропаганды? Зашевелились» (29). По свидетельству Н. А. Решетовской, «Александр Исаевич тут же делает наброски для ответа» (30).

Подобным же образом характеризует свою реакцию на это письмо и он сам: «Недолго думая, я тут же ответил... десятком контрвопросов» (31).

В действительности А. И. Солженицын размышлял над ответом три дня и только 1 декабря отослал его в Секретариат Союза писателей СССР (32). В нем он снова затрагивал вопрос о защите его чести от клеветы и продолжающейся издательской блокаде (33). Отправив письмо, Александр Исаевич в тот же день уехал вместе с Натальей Алексеевной в свою «берлогу» (34).

«...Облегченный — пишет он — поехал дальше, вглубь, в Солотчу

(точнее, в Давыдово — А.О.), в холодную темную избу Агафьи... По своему многомесячному плану я должен был теперь прожить здесь зиму. Обложился портретами самсоновских генералов и дерзал начать главную книгу своей жизни, но робость перед ним сковывала меня; сомневался я — допрыгну ли. Вялые строки повисали, рука опадала. А тут обнаружил, что и в „Архипелаге“ упущено много, надо еще *изучить и написать* историю гласных судебных процессов, и это первее всего: неоконченная работа как бы и не начата, она поразима при всяком ударе» (35).

Это свидетельствует о том, что в

начале декабря 1967 г. замысел уже написанного «Архипелага» начал меняться. Вряд ли А. И. Солженицын ни с того, ни с сего, сидя в деревне, не имея под руками текста «Архипелага», мог додуматься до этого. Вероятнее всего, необходимость изменения замысла была ему кем-то подсказана.

Едва А. И. Солженицын уединился в Давыдово, как в Рязани появился посланец Б. А. Можая. Оказывается, после того, как «интервью Личко» было перепечатано в русском эмигрантском журнале «Грани» оно привлекло внимание писателя Александра Дольберга, бежавшего в

1956 г. из Советского Союза, проживавшего в Лондоне и публиковавшегося под псевдонимом Давид Бург. А. Дольберг рассказал о нем своему другу англичанину Н. Бетеллу (36).

Узнав об этом, утверждает Н. Бетелл, он захотел познакомиться с П. Личко и отправился в Братиславу (37). Здесь он не только получил отрывок из «Ракового корпуса», опубликованный на страницах братиславской «Правды», но и познакомился с солженицынскими рукописями, которые были у П. Личко. Н. Бетелл не пишет об этом, но, по всей видимости, именно тогда возник вопрос о возможности

издания «Ракового корпуса» в Англии. Во всяком случае после знакомства с П. Личко Н. Бетелл отправился в Лондон, [\[28\]](#) а П. Личко — в Москву (38).

«Я, — вспоминает Н. Бетелл, — привез в Лондон отрывок из „Ракового корпуса“, переведенный Мартой Личковой для братиславской „Правды“, и договорился о его публикации в „ТЛС“ („Литературные страницы“ газеты „Таймс“ — А.О.), где прежде работал... затем Сесл Парротт, работавший в начале 60-х британским послом в Праге, перевел его со словацкого на английский» (39).

Точная дата приезда П. Личко в

Москву неизвестна. Известно лишь, что здесь он появился в начале декабря (40). «*Тогда же*, в декабре 1967, — читаем мы в «Зернышке», — Личко кинулся опять в Москву. Он хотел получить мое согласие на английское издание и уверен был в том. Но разве найти меня в Москве?.. Личко бросился к Борису Можаяеву, с которым знаком был, потому что и его переводили на словацкий супруги Личко. И возбужденно теперь рассказывал Борису и в возбужденном письме открыто написал мне: что встречался с представителем „Бодли хэда“ и уже обещал им продать „Корпус“. И лишь последнего согласия моего

спрашивал — то есть как еще довесок к уже несомненному решению (*И — не просил 2-й части „Корпуса“, что странно*). От письма Личко, переданного Борей в мое убежище этой зимы, я взвился в солотчинской берлоге. Но, конечно, не поехал с партизаном встречаться, да никогда я не допускал лишних движений прочь от работы, однако написал ему ответ, полный проклятий и запрета — он разрушил мой план не прикасаться к движению „Корпуса“, через какую-то неведомую цепочку взваливал всю ответственность на меня. Борис рассказывал потом — Личко изумился: „Но ведь какие деньги

пропадают, какие деньги!“ (Тогда я подумал: душа коммунистическая партизана уже обзолочена. А что? такие превращения происходят запросто. Сейчас думаю: да нет! провокация ГБ от начала до конца. Не на интервью и пропускали его в Рязань — а за рукописью, чтобы я сам дал на Запад? И что уж так часто свободно ездил Личко в Москву? И что же они 2-й части „Корпуса“ от меня не добивались для полноты? сами имели? Им только и надо было, чтоб начальный коготок увяз: сам дал). На том Личко тогда и уехал из Москвы» (41).

Что здесь правда, что нет, сказать трудно. Однако если принять

во внимание, что Александр Исаевич сам передал на Запад свой роман «В круге первом», то подчеркиваемая в этом письме его осторожность представляется сомнительной. В тоже время, как утверждала Н. А. Решетовская, «письмо Личко, переданное Борей» до ее мужа не дошло, так как прибывший в Рязань курьер Б. А. Можаяева не пожелал передать его Наталье Алексеевне, а та отказалась называть ему местопребывания мужа. Поэтому, если исходить из ее воспоминаний, получается, что в декабре 1967 г. П. Личко вернулся в Чехословакию ни с чем и содержание его письма стало известно А. И. Солженицыну

«с опозданием» (42).

К 11 декабря Александр Исаевич, по всей видимости, вернулся в Рязань, чтобы здесь у домашнего очага отметить свой день рождения (43). В этот же день, «к вечеру», в редакцию «Нового мира» позвонил К. В. Воронков, его интересовал вопрос: заключен ли редакцией журнала договор с А. И. Солженицыным на публикацию «Ракового корпуса». Вечером того же дня около 8 часов он позвонил снова, на этот раз, на квартиру А. И. Кондратовича, и, уточнив некоторые детали, связанные с подписанием договора («когда заключили договор и получил ли он

деньги»), одобрил этот шаг (44).

Вскоре А. И. Солженицына снова вызвали в Москву. 18-го рано утром он вернулся домой из Давыдово и в 11.00 дня уехал в столицу, где пробыл пять дней (45). В первый же день он обратился к «Мосфильму» с просьбой продлить ему срок на представление киносценария, а также посетил «Новый мир», встретился с А. Т. Твардовским и побывал у К. В. Воронкова (46). Визит в Секретариат Союза писателей был удачным, на следующий день Александр Исаевич передал А. Т. Твардовскому восемь глав «Ракового корпуса» (47), которые

сразу же были сданы в набор, 21-го уже пришла верстка (48).

Вернувшись из Москвы, Александр Исаевич так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Есть во всем, что произошло, какая-то странная призрачная условность. А так, в общем, *там сейчас такой переполох идет такой, как когда Ивана Денисовича печатали*. Если будет все так, как они задумали, то это будет фантастично. Но может и ничего совсем не быть» (49).

«Прежде чем уехать в Давыдово и снова погрузиться в работу над „Архипелагом“, — вспоминала Н. А. Решетовская, — нужно

закончить правку „Ракового корпуса“» (50). Этой правкой А. И. Солженицын занимался два дня: 23 и 24 декабря (51), 25-го он снова уединился в деревне (52), а 26-го по телеграмме А. Т. Твардовского отправился в Москву (53), но уехать не смог (54), после чего решил вообще отказаться от этой встречи: «как, — передает он в «Теленке» свои настроения, имея в виду А. Т. Твардовского, — объяснить *забывчивому селянину*, что под Новый год десять окружных голодных губерний едут в Москву покупать продукты, за билетами очереди, поездка трудна, не поеду я мучиться. Я телеграфировал отказ.

Тогда иначе: приехать сразу после Нового года! Да не поеду я и после, когда же работать» (55).

И действительно, А. И. Солженицын не поехал в Москву, отправив, правда, в редакцию «Нового мира» на разведку сначала мужа Вероники Штейн Юрия (56), а сразу после праздника — Наталью Алексеевну (57), которая привезла письмо мужа. «Письмо, — отметил в своем дневнике А. И. Кондратович, — содержит отказ Солженицына приехать, потому что он ясно представляет, что от него будут требовать дополнительных обязательств, на которые он не может пойти», к тому

же «он занят другой работой» (58).

Что же случилось? Почему в верхах возник переполох, напомнивший А. И. Солженицыну осень 1962 г.? И почему он отказался от забрезжившей возможности напечатать «Раковый корпус»?

Вторая редакция «Архипелага»

Что именно происходило в это время в тиши кремлевских кабинетов, мы пока не знаем. Но эта тишина была обманчивой.

К тому времени экономическая реформа уже стала давать сбои и на горизонте появились первые

симптомы кризиса советской экономики. Нужно было или более последовательно идти по намеченному пути дальше, или укреплять административно-командную систему. Возникшая альтернатива приобретала особое значение не только в связи с произошедшим после арабо-израильской войны обострением международной обстановки, но и в связи с теми процессами, которые происходили в так называемой «мировой системе социализма».

Прежде всего следует отметить, что отчуждение, начавшееся после XX съезда КПСС между СССР, с одной стороны, Албанией и Китаем,

с другой, привело к тому, что весь 1967 г. прошел в обострении конфронтации между ними. Стало обнаруживаться, что и другие «страны социализма» не намерены слепо следовать за своим «старшим братом». Давно уже дрейфовала в сторону Запада Югославия. На путь расширения частного сектора встала Венгрия. Начала набирать силу оппозиция в Польше. Назревал бунт Фиделя Кастро, который удалось предотвратить только экономическими средствами. После прихода к власти в декабре 1967 г. Н. Чаушеску особую позицию заняла Румыния. (1).

Но самая тревожная ситуация

сложилась в Чехословакии. Здесь 4 декабря 1967 г. должен был состояться Пленум ЦК КПЧ, на котором оппозиция готовилась дать А. Новотному бой. В связи с этим 2 декабря в Праге появился Л. И. Брежнев, пробыл здесь он недолго (2). Имеются сведения, что А. Новотный обращался к нему за поддержкой, но Л. И. Брежнев отказал ему в ней и предложил чехословацким коммунистам самим разбираться в своих проблемах (3). Пленум ЦК КПЧ был перенесен на две недели и состоялся 19–20 декабря 1967 г. На нем прежняя политика партии подверглась резкой критике, (4), 5 января 1968 г.

А. Новотный был освобожден от обязанностей первого секретаря КПЧ, его место занял Александр Дубчек (5).

И отказ Л. И. Брежнева поддержать А. Новотного, и хоровод вокруг А. И. Солженицына дают основания думать, что в декабре 1967 г. борьба в верхах КПСС достигла такого предела, когда на некоторое время открылась перспектива либерализации правительственного курса.

Почему же А. И. Солженицын не попытался воспользоваться забрезжившими перед ними возможностями? Объяснение этого, по всей видимости, нужно искать в

том, что в середине декабря 1967 г. он вел переговоры не только с Секретариатом Правления Союза писателей.

«...В декабре 1967 г., — пишет Александр Исаевич, — рвалась в Москву на переговоры со мной Ольга Карляйль, ей визы не дали — и тогда она попросила съездить в Москву туристом (а между тем — встретиться со мной) Степана Николаевича Татищева, молодого парижского славяноведа» (6). «...Татищева пустили беспрепятственно, в Москве он сразу позвонил Еве», Н. И. Столяровой (7), а «...Ева привела его на встречу со мной *к Царевне*» (8).

Характеризуя в «Теленке» эту встречу, А. И. Солженицын ограничился общими фразами: «Сам предмет переговоров (вопросы наизусть, ответы на память) тогда казался важен, ничего важного из них не последовало» (9). В «Зернышке» он отмечает, что главная цель приезда С. Н. Татищева заключалась в получении доверенности для О. Карлайл на издание романа «В круге первом». Дать такой письменный документ А. И. Солженицын не решился. Одновременно С. Н. Татищев якобы передал, что Карлайли интересуются «Архипелагом» и готовы тоже взять на себя его издание за границей.

Если верить Александру Исаевичу, он согласился передать Карлайлам «Архипелаг», когда он будет окончательно завершен (10).

По свидетельству О. В. Карлайл, ей было отказано в визе не в 1967, а в январе 1970 г. Что же касается 1967 г., то в декабре этого года для переговоров с А. И. Солженицыным она действительно использовала посредника, но им был не С. Н. Татищев, а ее брат Александр (11).

Встреча А. И. Солженицына с Александром Вадимовичем Андреевым состоялась не ранее 18 — не позднее 22 декабря (12). «Он, — пишет О. В. Карлайл о

брате, — два с половиной часа
беседовал в Москве с
Солженицыным... Как сообщил наш
посланец, выход книги придется
сдвинуть на более ранний срок, а не
переносить на январь 69 г., как мы
предварительно предполагали
(чтобы не печатать в конце года).
Если потребуется, издавать хоть в
июне... Затем последовало
ошеломляющее известие. Мы
передали Солженицыну просьбу:
если это возможно, через какое-либо
исключительно надежное лицо
переслать нам письменное
подтверждение нашей с ним
договоренности. Солженицын
ответил, что он в принципе не

возражает, но в настоящий момент пускать в ход документ с его подписью исключается — это крайне опасно... А пока... он предлагает иной вариант. Он отправит нам рукопись еще одной своей книги, гораздо более серьезной по охвату материала и по политической значимости... Это подробное описание советской лагерной системы. *В июне* мы рукопись получим». Поэтому уже сейчас можно начать переговоры о ее издании с «Харпер энд Роу» (13).

После этой встречи А. И. Солженицын отодвинул в сторону «Раковый корпус» и вернулся к «Архипелагу». Правда,

вместо того, чтобы «изучать историю гласных судебных процессов», он 26 декабря начал работу над второй редакцией «Архипелага» с чтения неопубликованных воспоминаний А. Адамовой-Слиозберг. Об этом свидетельствует письмо, которое он адресовал ей на следующий день [\[29\]](#) (14). Затем Александр Исаевич начал писать новую, шестую часть «Архипелага», посвященную ссылке. Работа шла интенсивно, и 9 января 1968 г. Наталья Алексеевна записала в дневнике: «С. кончил VI часть (у Агафьи Ивановны)». Пересмотрев написанное, А. И. Солженицын вернулся к тексту. Поэтому 11 января в дневнике Н. А. Решетовской

появилась новая запись: «С. кончил VI часть. Хороший вечер» (15). Таким образом, шестая часть «Архипелага» была написана не ранее 27 декабря 1967 — не позднее 11 января 1968 г. Это 72 страницы типографского текста или 5,4 а.л. При средней скорости работы (0,3 а.л.), их можно было написать за 16 дней. Это значит, что за главы об открытых судебных процессах А. И. Солженицын мог взяться только после 11 января.

Сразу же по окончании шестой части, Александр Исаевич передал ее для перепечатки Наталье Алексеевне, в дневнике которой мы читаем: «17 января. С. был огорчен, что я не

кончила для него печатание». И далее: «Я встала 18-го в 6 утра и успела допечатать до ухода на экзамен» (16). Почему Александр Исаевич так торопил свою жену с перепечаткой «Ссылки»? Оказывается, 18-го он собирался в Москву (17), где у него уже были назначены встречи и куда он, вероятно, должен был явиться с готовым вариантом шестой части «Архипелага».

«В середине января, — вспоминала Н. А. Решетовская, — Александр Исаевич съездил в Москву» (18). С кем он там встречался и чем занимался, мы пока не знаем. Известно лишь, что в этот

приезд он получил возможность
ознакомиться с письмом
А. Т. Твардовского к К. А. Федину,
которое было посвящено
литературной судьбе
А. И. Солженицына (19), и, вероятно,
тогда же впервые встретился с
математиком Игорем
Ростиславовичем Шафаревичем^[30],
который станет затем одним из его
ближайших друзей и
единомышленников (20).

В Москве А. И. Солженицын
пробыл три дня (21), вернувшись
домой, он сделал передышку: читал и
писал письма, познакомился с
присланными ему на отзыв
рассказами трех студентов

Литературного института, на два из них написал рецензии (22) и только после этого, 25-го, отправился в Давыдово, где вернулся к работе над «Архипелагом» (23). Правда, и там он продолжал заниматься корреспонденцией. 30 января 1968 г. датировано его новое письмо А. Адамовой-Слиозберг (24).

На этот раз в Давыдово Александр Исаевич пробыл менее месяца, 12-го числа он приехал в Рязань на два дня (25). 24-го к мужу отправилась Наталья Алексеевна, предполагая там отметить день своего рождения (26). Но, вспоминала она, «Саня приготовил подарок — предложил отпраздновать

его дома — в тепле» (27). К тому же, пишет сам А. И. Солженицын, «к марту у меня начались сильные головные боли, багровые приливы» (28). Необходимо было отдохнуть. Проведя дома около недели, 2 марта Александр Исаевич уехал в Москву (29). Тогда же покинула Рязань и Наталья Алексеевна. «Теперь мы остались втроем,.. — писала 3 марта Л. А. Самутину Мария Константиновна, — Дочура моя уехала в санаторий, до 6 апреля ее не будет» (30).

Проведя в Москве около недели, 8 марта Александр Исаевич направился в Ленинград. (31). Здесь он посетил квартиру Томашевских

(32), а также имел встречу с Л. А. Самутиным,^[31] который передал ему свои записки о власовцах и воркутинском восстании заключенных. Этот материал был использован в «Архипелаге» (33). По свидетельству Н. А. Решетовской, домой ее муж вернулся 14 марта (34).

Из этой поездки, по свидетельству Натальи Алексеевны, Александр Исаевич привез «фотографии и рисунки из книг, которые нужно скопировать» (35). «Всю вторую половину марта и начало апреля, — вспоминала Наталья Алексеевна, — муж напряженно работает. Кислорода, к которому всегда так тянется, ему

явно не хватает: изводят головные боли. Как-то носом шла кровь. А в тот день, когда кончил писать о Соловках, было сильное головокружение» (36). Как явствует из дневника Н. А. Решетовской по возвращении из Москвы и Ленинграда А. И. Солженицын занимался третьей частью «Архипелага»: 1 апреля 1968 г.: «С. работает над Соловками» (37), 3 апреля 1968 г.: «С кончил писать о Соловках» (38). Есть основание думать, что это была последняя написанная им страница книги.

Исходя из этого, мы можем предполагать, что доработка первой части книги, в которую вошли

материалы о судебных процессах, была произведена не ранее 25 января — не позднее 24 февраля. Насколько же велик был книжный материал, на основании которого «зимой 1967–1968 гг. в Солотче» происходила доработка Архипелага? (39).

Полностью или же почти полностью на книжном и архивном материале написаны: три главы первой части — восьмая «Закон ребенок», девятая «Закон мужает», десятая «Закон созрел»; пять глав третьей части: «Персты Авроры», «Архипелаг возникает из моря», «Архипелаг дает метастазы», «Архипелаг каменеет», «На чем стоит Архипелаг», глава четвертая

«Почему терпели» из пятой части, глава первая «Ссылка первых лет свободы» из шестой части и глава первая из седьмой части. Фрагментарно книжный и архивный материал использован в первой части: главы вторая, третья, четвертая, одиннадцатая; в третьей части: главы десятая, одиннадцатая, двадцатая и двадцать вторая; в четвертой части: главах первая и третья; в седьмой части: главы вторая и третья.

Если суммировать все это вместе взятое, мы получим около 18 авторских листов. Кроме того, с конца декабря до начала апреля был написан основной текст части

шестой «Ссылка» и седьмой части «Сталина нет». Это значит, что за 82 дня с 26 декабря 1967 по 3 апреля 1968 г. из под пера А. И. Солженицына вышло не менее 20 а.л.

Из этих 82 дней, как минимум 11 дней (22–24 января, 12–13 и 25–28 февраля, 1 марта) Александр Исаевич занимался другими делами, 16 (18–20 января, 2–14 марта) он провел в поездках. И за эти 16 дней (а сюда входит и дорога) сумел собрать архивный и книжный материал, на основании которого было написано около 18 авторских листов. Для любого исследователя, очевидно, что выполнить такую работу за столь

короткое время невозможно, даже если бы А. И. Солженицыну не требовалось тратить время на поиски, а необходимо было только читать и делать выписки. Но самое главное в другом. Из 16 дней, проведенных в поездках, для сбора материала об открытых судебных процессах в распоряжении Александра Исаевича было всего три дня: 18, 19 и 20 января. Из этого явствует, что его поездки были связаны не с поиском и сбором материалов, а с их получением из чьих-то рук.

Сомнительно и то, чтобы за остальные 55 дней он, чья средняя производительность составляла

около 0,3 а.л. мог написать и отредактировать текст объемом 25 а.л. Это дает основание думать, что на заключительном этапе Александр Исаевич использовал не только чужой фактический материал, но и чьи-то черновые заготовки, которые ему требовалось лишь подогнать к основному тексту.

Таким образом, у А. И. Солженицына были помощники и тогда, когда он работал над первой редакцией «Архипелага», и тогда, когда он занимался второй редакций. А значит, «Архипелаг» — это плод коллективного творчества.

Один из «помощников» или соавторов А. И. Солженицына

известен. Это —

А. В. Храбровицкий. Позднее, знакомясь с вышедшим «Архипелагом», он специально отмечал те фрагменты, к которым имел отношение. «Обрадовала меня сноска на с.576 о том, как журнал „Социалистическая законность“, 1962, № 1, опубликовал отчет о суде в Тарту и приговор до того, как это произошло. Эту справку по просьбе Солженицына передал ему **в письме от 3 февраля 1968 г.** На с.368 абзац о письмах Короленко Горькому в 1921 г., копии этих писем передал Солженицыну **с письмом от 27 февраля 1968 г.**» (40). Причастность А. В. Храбровицкого к работе над

«Архипелагом» подтверждается и А. И. Солженицыным. 16 марта 1968 г. он обратился к нему с письмом, в котором писал: «Я сердечно Вас благодарю за все справки и думаю, что *к осени Вы поймете, зачем они были мне нужны*» (41).

После выхода первого издания этой книги было опубликовано интервью с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, из которого стало известно, что он тоже принимал участие в написании «Архипелага». По утверждению В. В. Иванова, «много кусков» этого произведения «написано разными людьми» (Саяд-Шах А. Солженицын

// Новая газета. 2005. № 63. 28–31 августа (интервью В. В. Иванова).

Кто же еще помогал
А. И. Солженицыну писать
«Архипелаг»?

В лучах «пражской весны»

В феврале 1968 г. к нам на исторический факультет Псковского педагогического института приехал известный американист Николай Николаевич Яковлев. Выступая перед студентами, он сделал заявление, значение которого я стал понимать только позднее. Н. Н. Яковлев сообщил, что в ближайшее время

предстоит пересмотр многих сложившихся представлений о характере и пружинах развития исторических событий, что сейчас разрабатывается, скоро получит освещение в печати и будет внедряться в общественное сознание идея о действии тайных, закулисных сил — масонства, причем не только в прошлом, но и в настоящем. Позднее Н. Н. Яковлев поведал, что особый интерес к данной проблеме проявлял один из руководителей Пятого управления КГБ Д. Ф. Бобков (1).

Это заявление было сделано на пороге так называемой «Пражской весны».

5 марта в Чехословакии была

отменена цензура (2). 22 марта А. Новотный подал в отставку с поста президента ЧССР, 30 марта его приемником стал Людвиг Свобода (3). 8 апреля премьер-министром был назначен Олдржих Черник. Начались кадровые перемены по всей стране (4). Поднимается вопрос о переориентации Чехословакии на Запад.

Именно в это время работа А. И. Солженицына над «Архипелагом» вступила в завершающую стадию. Тогда же был Р. А. Медведев завершил переработку своей книги «К суду истории» (5), В том же 1968 г. на Западе закончил

работу над книгой «Большой террор» Роберт Конквест (6). В 1968 г. на новый уровень поднимается диссидентское движение в СССР. Одним из показателей этого стало появление самиздатовского бюллетеня «Хроника текущих событий», первый номер которого вышел в свет 30 апреля (7). Первым редактором «Хроники», была поэтесса Наталья Горбаневская^[32] (8). Не исключено, что к этому изданию имели отношение В. В. и Ю. Г. Штейны (9).

Именно весной 1968 г. в рядах советского диссидентства появился А. Д. Сахаров. По его словам этому во многом способствовал сотрудник

ФИАН Ю. Живлюк.

«Живлюк, — вспоминал Андрей Дмитриевич, — был еще одним моим новым знакомым *в тот год*. Я не помню, кто меня с ним познакомил — Медведев или кто-либо из ФИАНовцев, где он в то время работал. Живлюк был не вполне понятным для меня человеком тогда, а пожалуй, и сейчас» (10). И далее: «Во время одного из своих визитов (вероятно, в конце января или в начале февраля 1968 г.) Живлюк заметил, что очень полезной — он не конкретизировал, почему и для чего — была бы статья о роли интеллигенции в современном мире. Мысль показалась мне

заслуживающей внимания, важной. Я взял бумагу и ручку и принялся (в начале февраля) за статью» (11).

«Свою статью, — отмечал А. Д. Сахаров, — я назвал „Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе“... Основная мысль статьи — человечество подошло к критическому моменту своей истории, когда над ним нависли опасности термоядерного уничтожения, экологического самоотравления, голода и неуправляемого демографического взрыва, дегуманизации и догматической мифологизации. Эти

опасности многократно усиливаются разделением мира, противостоянием социалистического и капиталистического лагеря. В статье защищается идея конвергенции (сближения) социалистической и капиталистической систем. Конвергенция должна, по моему убеждению, способствовать преодолению разделения мира и тем самым — устранить или уменьшить главные опасности угрожающие человечеству. В результате экономической, социальной и идеологической конвергенции должно возникнуть научно управляемое демократическое плюралистическое общество,

свободное от нетерпимости и догматизма, проникнутое заботой о людях и будущем Земли и человечества, соединяющее в себе положительные черты обеих систем...» (12).

«„Размышления“... — писал далее А. Д. Сахаров, — были закончены в основном к середине апреля. В последнюю пятницу апреля (26 апреля — А.О.) я прилетел в Москву на майские праздники, уже имея в портфеле перепечатанную рукопись. В тот же день вечером (*неожиданно, вероятно, случайно*) пришел Р. Медведев с папкой под мышкой, которую он мне оставил, а я ему дал

на прочтение свою рукопись. В его папке были последние главы книги о Сталине — в новой редакции» (13).

«Через несколько дней, по словам А. Д. Сахарова, Рой Медведев пришел еще раз. Он сказал, что показывал рукопись своим друзьям» и «что все считают ее историческим событием». Более того, он передал ему их неподписанные письменные отзывы. И хотя сам Р. А. Медведев не назвал ни одной фамилии, А. Д. Сахаров склонен был считать, что это были Э. Генри, Е. Гинзбург, Е. Гнедин и Ю. Живлюк (14).

Из записки КГБ от 22 мая 1968 г. в ЦК КПСС, «16 мая с.г., находясь в институте, Сахаров предложил одной

из машинисток отпечатать пять экземпляров имевшихся у него материалов» (15). По тем же сведениям, «...в *июне сего года* Медведев получил от Сахарова исправленный экземпляр его статьи „Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе“, ознакомил с ней некоторых своих знакомых и размножил ее вместе с Петровским Л. П., членом КПСС, научным сотрудником музея В. И. Ленина» (16).

Обращает на себя внимание то, что инициатива Ю. Живлюка по времени совпала с появлением на рубеже 1967–1968 гг. записки

австрийского ученого Эриха Яча «Попытки создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем». Она была составлена по инициативе итальянского менеджера и общественного деятеля Аурелио Печчеи и генерального директора по вопросам науки в Организации экономического сотрудничества и развития в Париже Александра Кинга (17). Выражая главную идею этой записки А. Печчеи писал: «В настоящее время мы начинаем осознавать человеческое общество и окружающую его среду как единую систему, неконтролируемый рост которой служит причиной ее

нестабильности» (18). На основе этого делался вывод о необходимости глобального управления обществом в масштабах всей планеты (19). Для обсуждения этих проблем весной 1968 г. в Риме была организована специальная встреча ученых и специалистов в области планирования, в результате которой возник так называемый Римский клуб (20).

Таким образом, получается, что Ю. Живлюк подтолкнул А. Д. Сахарова на разработку и осмысление тех же самых проблем, для решения которых в это же время создается Римский клуб.

Если статье А. Д. Сахарова было

суждено уйти в Самиздат и затем увидеть свет за рубежом (21), то совершенно иначе обстояло дело с другой публикацией, появление которой на страницах советской печати еще совсем недавно даже трудно было представить. Речь идет о статье М. П. Лобанова «Просвещенное мещанство», опубликованной в апрельском номере журнала «Молодая гвардия» (22).

«Сказать, что появление статьи Лобанова в легальной прессе, да еще во влиятельной и популярной „Молодой гвардии“ было явлением удивительным, — пишет А. Л. Янов, — значит, сказать очень

мало. Оно было явлением потрясающим. Злость, яд и гнев, которые советская пресса обычно изливает на „империализм“,.. на этот раз были направлены, так сказать, внутрь. Лобанов неожиданно обнаружил червоточину в самом сердце первого в мире социалистического государства, причем в разгар его триумфального перехода к коммунизму. Обнаружил в нем язву, ничуть не менее страшную, чем империализм. В действительности — куда более страшную. Язва эта состоит, оказывается, в «духовном вырождении „образованного“ человека, в гниении в нем всего

человеческого». И речь идет вовсе не о явлении психологическом, частном, но о явлении массовом, социальном, о „зараженной мещанством... сплошь дипломированной массе“. О „разливе так называемой образованности“, которая, „как короед... подтачивает здоровый ствол нации“, которая „визгливо-активна в отрицании“ и представляет собою поэтому „разлагающую угрозу“ самим основам национальной культуры. Короче говоря, не предусмотренный классиками марксизма, не замеченный идеологами режима, в социалистической стране уже

сложился социальный слой „образованного мещанства“, представляющий собой врага № 1. Таково фундаментальное социологическое открытие Лобанова» (23). Далее в статье отмечалось, что ориентацией на «материальное благополучие», советское государство содействует «завоеванию России буржуазным духом», разлагающее действие которого «страшнее американских ракет» (24). Из этого делался вывод: «американизации духа в силах противостоять только руссификация духа» (25).

Эти идеи получили развитие в сентябрьском номере «Молодой

гвардии», на страницах которого была опубликована статья Виктора Чалмаева «Неизбежность» (26). Характеризуя содержание этой статьи, А. Л. Янов пишет: «... Чалмаев создавал историческое обоснование для лобановской концепции русификации духа... Русская история была для него по сути историей развития и созревания „национального духа“, подготовкой его для последнего решительного боя с „американизмом“, для нового, только более грандиозного Сталинграда, где „русскому духу“ предстоит окончательная победа над дьяволом буржуазности. Поэтому для Чалмаева не существует пропасти

между Россией советской и царской... и что еще важнее — это громадная роль церкви и православия как организующей и воспитательной силы в триумфальном шествии русского духа» (27).

Поскольку советская печать находилась под жестким контролем цензуры, подобные публикации не могли не быть инспирированы ЦК КПСС. По свидетельству А. Н. Яковлева, «обе статьи (Лобанова и Чалмаева) перед публикацией просматривались в КГБ и были одобрены» (28).

И появление этих статей, и переделка «Архипелага», и

завершение работы Р. А. Медведева над книгой «К суду истории», и составление А. Д. Сахаровым его «Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», и появление «Хроники событий», и прогноз Н. Н. Яковлева о масонстве представляются звеньями одной, пока трудно уловимой цепи событий.

Завершение «Архипелага»

6 апреля А. И. Солженицын отправился в Москву (1). Здесь он посетил Чуковских и передал Елене Цезаревне для перепечатки первый

том «Архипелага» (2).

Поскольку при доработке из книги были почти полностью исключены читательские письма-отклики на «Один день Ивана Денисовича», возникла мысль пустить их в Самиздат под названием «Читают „Ивана Денисовича“» (3).

Из Москвы 10 апреля Александр Исаевич отправился в Борзовку (4). «Шла Вербная неделя как раз, но холодная. — вспоминает он, — В субботу 13-го пошел даже снег, и обильный, и не таял. А в вечерней передаче Би-Би-Си я услышал: в литературном приложении к „Таймсу“ напечатаны „пространные отрывки“ из „Ракового корпуса“

(речь идет о публикации, подготовленной Н. Бетеллом и П. Личко — А.О.). Удар! — громовой и радостный! Началось! Хожу и хожу по прогулочной тропке. Под весенним снегопадом, — началось! И ждал — и не ждал. Как ни жди, а такие события разражаются раньшежданного. Именно Корпуса я никогда на Запад не передавал (Словакия *ведь не Запад* — А.О.). Предлагали мне, и пути были — я почему-то отказывался, без всякого расчета. А уж сам попал — ну, значит, так надо, *пришли Божьи сроки...* За этой прогулкой под апрельским снегом застала меня жена, только что из Москвы. Взволнована... Твардовский

уже четвертый день меня ищет, рвет и мечет» (5).

В Москву А. И. Солженицын отправился только на третий день, 16-го, в понедельник (6). В этот приезд он запустил в обращение материалы о его взаимоотношениях с Секретариатом Союза писателей СССР (7), а затем с литературоведом с А. В. Белинковым отправил их за границу (8). Через некоторое время они были опубликованы в Нью-Йорке на страницах «Нового журнала» (9).

Беспокойство А. Т. Твардовского было вызвано тем, что редакция «Нового мира» получила телеграмму, посланную на ее адрес 9 апреля из Франкфурта-на-Майне: «Ставим вас

в известность, что Комитет госбезопасности через Виктора Луи переслал на Запад *еще один* экземпляр „Ракового корпуса“, чтобы этим заблокировать его публикацию в „Новом мире“. Поэтому мы решили это произведение публиковать сразу. Редакция журнала „Грани“» (10).

Как утверждала Н. И. Столярова: «...Никакой он не Луи, а Виталий Левин, сел недоучившимся студентом, подторговывал валютой с иностранными туристами; в лагере был известным стукачем; после лагеря не только не лишен Москвы, но стал корреспондентом довольно „правых“ английских газет, женат на дочери английского богача, [\[33\]](#)

свободно ездит за границу, имеет избыток валюты и сказочную дачу в генеральском поселке Бакове, по соседству с Фурцевой» (11).

А вот сведения из «Российской еврейской энциклопедии»: «Луи Виктор Евгеньевич (1928–1992) — журналист. В 1946–47 работал рассыльным в посольстве Бразилии в Москве. В 1947 г. репрессирован. Отбывал наказание около 10 лет, после чего вернулся в Москву. Работал московским корреспондентом английской газеты „Санди экспресс“... первым сообщил на Запад о снятии Н. С. Хрущева с должности первого секретаря ЦК КПСС,.. организовал издание на

Западе книги С. И. Аллилуевой „Двадцать писем к другу“ и мемуаров „Хрущев вспоминает“, передал в „Бильд“ снятый скрытой камерой фильм о пребывании А. Д. Сахарова в ссылке в Горьком»^[34] (12).

17 и 18 апреля А. И. Солженицын был в «Новом мире», где ему предложили выступить с заявлением, что он ничего не передавал за границу и считает недопустимым публикацию там своих произведений без его разрешения (13). Однако Александр Исаевич на такой шаг не пошел, предложив первоначально выяснить, кто такой Виктор Луи и

действительно ли телеграмма пришла из «Граней». После этого он вернулся на дачу встречать Пасху, которая в 1968 г. приходилась на воскресенье 21 апреля (14). А накануне, пишет А. И. Солженицын, 20 апреля в Страстную Субботу, в Борзовку, приехал Борис Можжев: «... прикатил новую беду: словак Павел Личко самовольно продает из Чехословакии „Раковый корпус“ англичанам... Час назад, день назад победительна была скачка моего коня — и вот сломана нога, и мы валимся в бездну... Что же мне делать?» (15).

Так весьма туманно писал Александр Исаевич в «Теленке». А

вот как этот же эпизод нашел свое отражение в «Зернышке»: «И — опять погнал Личко в Москву, к Можаяеву. И всучивал ему — через границу перевезенный — договор, чтоб я подписал. И Борис — того договора благоразумно в руки не взявши — вынужден был гнать ко мне в Рождество. И в мое ранневесеннее одиночество на Истье свалился с такой новостью: оказывается, Личко договор уже подписал от моего имени!.. Безотказный мой друг возвратился в Москву, встретился с Личко — и велел ему тут же в ресторанной уборной близ Новодевичьего изорвать договор в клочки» (16).

Такова

версия

А. И. Солженицына. Совершенно иначе эта история отразилась в воспоминания Н. Бетелла: «К тому времени лондонское издательство „Бодли хед“ созрело для того, чтобы предложить мне и Дольбергу взяться за перевод романа и пьесы „Олень и шалашовка“ на английский язык... Издательство подготовило контракт, который я привез в Братиславу, и 22 марта в ресторане „Захова хата“, что в 20 милях от города, Личко подписал его при мне и в присутствии моего друга романиста Алана Уильямса, уверяя нас в том, что он действует с согласия автора и в соответствии с его указаниями.

Позднее Личко подписал еще один документ, разрешавший издательству „Бодли хед“ продавать права на издание книги на других иностранных языках. Затем я перевез рукопись „Ракового корпуса“ и контракт через границу и из Вены улетел домой...» (17).

И далее: «В апреле 1968 года Личко поехал в Москву прояснить ситуацию и получить от автора подтверждение контракта от 22 марта. Они не встретились. Солженицын находился в Рязани и не мог приехать в Москву. Однако они обменялись посланиями через их общего друга писателя Бориса Можаяева и обсудили дела, в том

числе и публикацию в литературном приложении к „Таймс“, о которой Солженицыну уже было известно. В отправленном из Вены письме от 12 мая Личко писал мне: „Я пытался связаться с Александром (Солженицыным — прим. Авт.)... Я сообщил ему в точности, как обстоят дела. Кроме того, я просил его дать письменную доверенность, которая была нужна Максу Райнхардту из издательства „Бодли хед“... Александр не хочет открыто обнаруживать свои связи со мной и „Бодли хед“, однако он полностью одобряет все сделанное мной. Он доволен тем, что его книга вот-вот будет напечатана в Англии...“. Это

подстегнуло меня и Дольберга к нашей работе, а издательство „Бодли хед“ начало с определенным успехом продавать права на издание романа в другие страны...» (18).

Как развивались события дальше?

«...Прошло недели три — пишет А. И. Солженицын, — и вдруг приносят мне вырезку из „Монд“: между „Мондадори“ и „Бодли хэдом“ происходит публичный спор о копирайте на „Раковый корпус“» (19). После этого Александр Исаевич взялся за перо, в результате чего появилось его письмо, опубликованное затем в «Литературной газете» (20). «...И

вот, — читаем мы в Теленке, — уже (25.4) с напечатанным письмом... я шагаю в редакцию „Литературной газеты“... Кинулись, наперебой читают: „А в „Монд“ уже послали?“ „Вот сейчас иду посылать“... „Еще в ЛитРоссию“» (21). Письмо было послано также в газету «Унита» (22).

В нем говорилось: «Из сообщения газеты „Монд“ от 13 апреля мне стало известно, что на Западе в разных местах происходит печатание отрывков и частей из моей повести „Раковый корпус“, а между издателями Мондадори (Италия) и Бодли Хэд (Англия) уже начат спор о праве „копирайт“ на эту повесть. Заявляю, что никто из зарубежных

издателей не получал от меня рукописи этой повести или доверенности печатать ее. Поэтому ничью состоявшуюся или будущую (без моего разрешения) публикацию я не признаю законной, ни за кем не признаю издательских прав: всякое искажение текста (неизбежное при бесконтрольном размножении и распространении рукописи) наносит мне ущерб; всякую самовольную экранизацию и инсценировку решительно порицаю и запрещаю» (23).

Действительно, никому из зарубежных издателей Александр Исаевич рукопись «Ракового корпуса» не передавал. Ведь Павел

Личко — не был издателем. Не передавал он никому и доверенности на ее печатание, даже через Павла Личко. Что же касается запрета на издание повести, то он был обставлен одним условием: «без моего разрешения». Но, если верить Н. Бетеллу, то, отказавшись подписать письменную доверенность П. Личко, устное разрешение на издание повести Александр Исаевич ему все-таки дал (24).

«Весной 1968 г.,.. — пишет А. И. Солженицын, характеризуя завершение работы над «Архипелагом», — мы для ускорения решили собраться в Рождестве с тремя машинистками (Люша, Кью и

жена Наташа) на двух машинках и кончить штурмом. Так и сделали: за 35 дней, до первых чисел июня... мы сделали окончательную отпечатку „Архипелага“» (25).

Е. Д. Вороньянская,
Н. А. Решетовская,
А. И. Солженицын и Е. Ц. Чуковская
собрались вместе 29 апреля (26).
Елена Цезаревна за май перепечатала
второй том (27), затем помогла
Е. Д. Вороньянской и
Н. А. Решетовской с третьим (28).

«А в Рождестве — читаем мы в Теленке, — нежная зелень, первые соловьи, перед утрами туманец от Истыи. От рассвета до темени правится и печатается „Архипелаг“, я

еле управляюсь подавать листы
помощникам на две машинки, а тут
еще одна машинка каждый день
портится, то сам ее паяю, то вожу на
починку. Самый страшный момент
— с нами единственный подлинник,
с нами — все отпечатки
„Архипелага“. Нагрянь сейчас ГБ —
и слитный стон, предсмертный
шепот миллионов, все
невысказанные завещания погибших
— все в их руках, этого мне уже не
восстановить, голова не сработает
больше. Сколько десятилетий им
везло, каждый раз перед ними
уходила вода из Сиваша — неужели
попустит Бог и теперь? Неужели
совсем невозможна справедливость

на русской земле?» (29).

Когда текст «Архипелага» был отпечатан (получилось 1500 страниц, по всей видимости, в полтора интервала), Н. А. Решетовская произвела его фотографирование (30), в воскресенье 2 июня работа была завершена. И в этот день в Борзовке, опять «случайно», появилась Н. И. Столярова. «...2 июня, — пишет А. И. Солженицын, — приехали в Рождество Столярова и Угримов... с такой новостью: «Вышел на Западе „Круг первый“ — пока малый русский тираж, заявочный на копирайт, английское издание может появиться через месяц — два». И

такое предлагают они мне: будет на днях возможность отправить „Архипелаг“! Только потянулись сладко, что работу об-угол, — как уже в колокол! в колокол! — и в тот же день и почти в тот же час! *Никакой человеческой планировкой так не подгонишь.* Бьет колокол! бьет колокол судьбы и событий — оглушительно! — и никому еще неслышно, в июньском нежном зеленом лесу» (31).

Такому совпадению действительно можно было бы удивиться, если бы мы не знали, что оно было «спланировано» еще в декабре 1967 г. во время встречи А. И. Солженицына и

А. В. Андреева. Потому и потребовалась такая спешка.

Характеризуя свою работу над «Архипелагом», Александр Исаевич любит отмечать, что начал её в 1958 г., а закончил в 1968-м. «Так что 10 лет я над ним работал» (32) Между тем, как мы знаем, в 1958 г. работа захлебнулась в самом начале, столь же кратковременным было обращение к ней и в 1960 г. А далее работа была выполнена в четыре приема: февраль-сентябрь 1965 г.(не более 110 дней), декабрь 1965 — февраль 1966 гг (максимум 55 дней), декабрь 1966 — февраль 1967 гг. (73 дня) и декабрь 1967 — апрель 1968 гг. (71 день). Итого немногим

более 300 дней, т. е. около 10 месяцев. Согласитесь есть разница: 10 лет или 10 месяцев. И за эти десять месяцев А. И. Солженицын написал, отредактировал и отпечатал на машинке 90 авторских листов.

Одним своим знакомым А. И. Солженицын заявлял, что эта книга будет опубликована через тридцать лет (33), другим — только после его смерти (34). Однако отправляя «Архипелаг» летом 1968 г. за границу, он изъявил желание увидеть его опубликованным в самое ближайшее время. В журнальном варианте «Теленка» мы читаем: «Сперва я намечал его печатание на Рождество 1971 г.» (35). В первом

издании эта же мысль была выражена несколько иначе: «В конце 69-го года я отодвинул его печатание до Рождества 71-го» (36). И далее: «Так откладывался „Архипелаг“ — *от января 70-го, своего первого срока*, и все дальше» (37). Таким образом, летом 1968 г. Александр Исаевич планировал опубликовать «Архипелаг» не после своей смерти и не через 30 лет, а через полтора года.

«Пятого июня — вспоминала Наталья Алексеевна, — первый теплый, безветренный день. Александр Исаевич садится за „Круг“. Перед ним два варианта: созданный летом шестьдесят

четвертого года на прибалтийском хуторе и новомировский, выходящий на Западе. Из них должен родиться окончательный вариант... Однако начатая работа была прервана: приехали сказать, что пленка улетит в ближайшие дни, но есть какие-то опасения. Муж на всякий случай покидает дачу, пережидая несколько дней в московской квартире. А в случае провала постарается исчезнуть в „укрывище“ и хоть что-то еще успеть сделать» (38).

Этой «московской квартирой» была квартира уже упоминавшейся Анны Ивановны Яковлевой. «И снова, — пишет Александр Исаевич, — пригодился остро ее

приют на Троицу 1968... мой укрыв в ту ночь» (39). 11 июня стало известно, что капсула с фотопленкой «Архипелага» покинула Москву и вскоре без всяких осложнений пересекла советскую границу (40).

Вернувшись в Борзовку, Александр Исаевич снова сел за письменной стол. Передавая свои мысли того времени, он пишет: «Сейчас за три месяца сделать „Круг“-96, потом исполнить несколько небольших долгов — и сброшено все, что годами меня огрузняло, нарастая на движущемся клубке, и распахивается простор в главную вещь моей жизни — „Р-17“» (41).

Итак, летом 1968 г. А. И. Солженицын в очередной, уже 7-й раз взялся за переделку своего романа «В круге первом» (1). Поскольку его черновики нам неизвестны, в чем именно она заключалась, мы не знаем. Некоторое представление о работе над ним летом 1968 г. дают воспоминания Н. А. Решетовской.

Из них явствует, что 23 июня Александр Исаевич закончил «первую сталинскую главу», 24 июня начал писать «Этюд о великой жизни» («на этот раз без иронии, совсем иначе»), 26 июля работал над

новой главой об Иннокентии и Кларе, 19 августа был занят новой 61-й главой, которую закончил 24 августа (Иннокентий у дяди в Калининe). Тогда же он обдумывал переделку прокурских глав, 27 и 30 августа переписывал полемику Сологдина с Рубиным (2).

А пока А. И. Солженицын трудился над перелицовкой своего романа, в ночь с 20 на 21 августа 1968 г. советские танки вошли в Прагу. Так завершилась «Пражская весна» (3). «Пражская весна» показала, что начавшаяся демократизация общества идет по линии неизбежного отстранения КПЧ от власти, что создавало угрозу

не только утраты Советским Союзом одного из военно-политических плацдармов в Восточной Европе, но и его вытеснения с чехословацкого рынка. Это в значительной степени предопределило силовое решение проблемы.

Можно было ожидать, что произошедшие события заставят А. И. Солженицына на время отложить перо и броситься в столицу хотя бы за новостями. Однако он продолжал оставаться в Борзовке. Только 25-го по его приглашению к нему приехали Л. З. Копелев и Р. Д. Орлова (4). Но что они обсуждали, мы не знаем. А на следующий день Александр Исаевич

встретился с А. Д. Сахаровым. Встреча произошла в московской квартире академика Файнберга на Зоологической улице, причем поскольку Андрей Дмитриевич был «засекреченным», а значит, передвигался под негласным наблюдением, то А. И. Солженицын пришел на квартиру до него, и ушел после него (5).

В этот день произошло еще одно важное знакомство. «Летом 1968, — пишет Александр Исаевич, — настаивала Ева: „Вы тратите силы, где могли бы не тратить. У вас не хватает молодых энергичных помощников. Давайте я вас познакомлю?“. Я согласился». Около

28 августа Н. И. Столярова пригласила его в Москву в дом на Васильевской улице, где познакомила с Натальей Дмитриевной Светловой (6).

По матери Наталья Дмитриевна была внучкой Фердинанда Юрьевича Светлова, от которого и унаследовала его партийную фамилию. Настоящая фамилия Ф. Ю. Светлова — Шенфельдт. Он родился в 1884 г. и до революции состоял в партии эсеров, в 1918 г. стал большевиком, причем революционный стаж был зачтен ему с 1904 г. Работал в редакциях «Экономической газеты» и «Известий», занимал пост заместителя директора ТАСС. В

1938 г. его арестовали и приговорили к 8 годам заключения, где он и умер. После смерти И. В. Сталина был реабилитирован.

Наталья Дмитриевна родилась в 1939 г. (7), с 1956 по 1961 г. училась на механико-математическом факультете МГУ, среди ее друзей были Алексей Сосинский, Андрей Тюрин, его сестра Галина, Дмитрий Фукс, Максим Хомяков. Кроме всего прочего, их объединяла любовь к туристическим походам. Вместе с ними с этих походах бывал и преподававший тогда в университете Игорь Ростиславович Шафаревич. После университета Наталья Дмитриевна некоторое время

работала, а с 1967 г. училась в аспирантуре МГУ (8). К моменту знакомства с А. И. Солженицыным она уже успела побывать замужем за А. Н. Тюриным, но находилась в разводе и имела шестилетнего сына Диму (9).

Называя «Наташу Светлову» своей близкой знакомой тех лет, жена А. Д. Синявского М. В. Розанова пишет: «Это была такая московская секс-бомба, матерщинница страшная» (10). По свидетельству однокурсника Натальи Дмитриевны А. Б. Сосинского, приведенная характеристика лишена всяких оснований (11).

Наталья Дмитриевна произвела

на Александра Исаевича впечатление, и он согласился взять ее к себе в помощницы. «В этот ли раз или в следующий, — пишет А. И. Солженицын, — я... предложил ей для начала печатать мой „Круг-96“» (12).

Если верить Александру Исаевичу проблем с помощницами у него не было.

Тогда же он передал текст этого же романа Люше. «И уже осенью, — пишет он, — Люша подхватила у меня „96-й“ — и закончила перепечатку залпом. И в одну из зимних проходов по переделкинскому лесу предложила план: чтобы „нашим друзьям в

Америке“ (мы считали тогда Карляйлей друзьями...) не переводить заново весь роман и не выискивать разночтений — перепечатать для них еще раз всю книгу таким особым способом, чтоб они видели все изменения и переводили только их (это мы называли „косметический“ экземпляр). И эту изнурительную многотерпную работу Люша выполнила за несколько зимних месяцев... летом 1975, все оставшееся сжигая, — сожгла и это. *Так уходили в прорву целые годы работы»* (13).

Вернувшись из Москвы на дачу, А. И. Солженицын 1 сентября

отправился в Обнинск. Здесь он встречался с Ж. А. Медведевым и Н. В. Тимофеевым-Ресовским. Во время этой встречи обнаружились серьезные разногласия между ними и Н. В. Тимофеевым-Ресовским, который считал введение советских войск в Чехословакию оправданной мерой (14).

В 1968 г. у Александра Исаевича появился новый знакомый, который фигурирует в его воспоминаниях как «обаятельный отец Александр Мень» (15). Александр Владимирович (Вольфович) Мень (1935–1990) в 1953–1955 гг. учился в Московском пушно-меховом институте, в 1955–1958 гг. — в Иркутском

сельскохозяйственном институте, в 1958 г. был рукоположен в дьяконы, в 1960 г. закончил Ленинградскую духовную семинарию, в 1965 г. — заочно Московскую духовную академию (16).

Летом 1968 г. у А. И. Солженицына возникла идея возведения храма Троицы. Кроме А. Меня, он привлек к ее обсуждению известного в диссидентских кругах художника Ю. В. Титова, того самого, который участвовал в подготовке транспарантов для манифестации 5 декабря 1965 г. на Пушкинской площади. Теперь он взял на себя изготовление эскизов будущего храма

и его внутреннего убранства (17). Александр Исаевич уже подыскивал для церкви место и с этой целью 2 сентября ездил в Звенигород. Но дальше разговоров дело не пошло (18).

В 1968 г. сразу же после того, как «Архипелаг» ушел за границу Александр Исаевич был назван за рубежом в числе кандидатов на Нобелевскую премию (19). К этому времени его имя уже было известно за границей. Однако все его собрание сочинений, изданное к этому времени во Франкфурте-на-Майне пока умещалось в одном небольшом томике. И хотя это были неординарные произведения с

разной степенью талантности, однако назвать их выдающимися было бы большим преувеличением.

В связи с этим борьба за Нобелевскую премию во многом зависела от того залпа, который должны были произвести американское издательство Харпер энд Роу и английское Бодли хэд, обеспечив почти одновременное издание на всех основных языках мира романа «В круге первом» и повести «Раковой корпус». Поэтому летние месяцы 1968 г. в жизни А. И. Солженицына были заполнены не только работой над «Кругом-96», но и ожиданием (20). Именно в этот момент Союз писателей СССР счел

своевременным опубликовать его апрельское письмо, в котором он заявлял, что никому не передавал своих прав на издание «Ракового корпуса» (21).

Издательство «Бодли хэд» забило тревогу и срочно вызвало П. Личко для обсуждения сложившегося положения. «В июле 1968 г., — пишет Н. Бетелл, — Личко приехал в Лондон и 1 августа в присутствии нашего адвоката Питера Картера-Рука дал письменные показания под присягой о том, что он действовал по поручению и от имени Солженицына». После этого подготовка повести к изданию была продолжена (22).

«Счастливей того лета, — вспоминает Александр Исаевич, — придумать было нельзя — с такой легкой душой, так быстро доделывал я роман... в сентябре я закончил, и значит спас, „Круг“- 96. И в тех же неделях, подмененный, куцый „Круг“-87 стал выходить на европейских языках» (23). На английском языке в издательстве «Харпер энд Роу» он появился 11 сентября. (24).

Роман был посвящен той самой марфинской шарашке, в которой с 1947 по 1950 г находился А. И. Солженицын. Но замысел автора не ограничивался только показом жизни заключенных. В

центре романа — история с ученым, который изобрел лекарство, необходимое всему человечеству. Однако у него нет уверенности, что оно будет использовано за пределами его страны. Поэтому он передает его за границу (25).

Роман ставил перед читателем важную этическую проблему. Можно ли рассматривать данный шаг как преступление? И что выше: интересы страны или интересы человечества. Автор романа подводил читателей к мысли, что интересы человечества выше и важнее интересов любой страны. С этим нельзя не согласиться. Единственно, что при этом нужно

иметь в виду: до сих пор человечество — это лишь абстракция, обозначающая сложный конгломерат отдельных стран и народов, находящихся друг с другом не только в состоянии сотрудничества, но и ожесточенной борьбы.

В 1968 г. роман «В круге первом» появился за границей на русском языке (Белград, Лондон, Нью-Йорк, Франкфурт-на-Майне). В том же году в Лондоне, Милане, Париже и во Франкфурте-на-Майне на русском языке был издан «Раковый корпус». Одновременно с этим последовали публикации обоих произведений на иностранных

языках: в Милане — на итальянском языке, в Нью-Йорке — на английском, в Париже — на французском, в 1968–1969 гг. во Франкфурте на Майне — на немецком, в 1969 г. — в Нидерландах на голландском, в Токио — на японском. В Лондоне на английском языке в 1968 г. смогли издать только роман «В круге первом», «Раковый корпус» увидел здесь свет в 1968–1969 гг. Именно в это время он был издан на шведском языке в Стокгольме, в 1969 г. на датском в Копенгагене и на норвежском в Осло, в 1969 г. роман «В круге первом» появился на испанском языке и на шведском. В 1968–1969 гг.

оба романа увидели свет в Югославии. Тогда же во Франкфуртена-Майне «Посев» переиздал однотомник «Сочинений» А. И. Солженицына (26).

Все эти публикации были осуществлены примерно в течение одного года, что свидетельствует о хорошо спланированной и организованной издательской акции, которая требовала значительного первоначального капитала. По замыслу ее организаторов, она должна была оказать определенное влияние на решение комитета по присуждению Нобелевских премий. Позднее Ольга Карлайл прямо писала, что рассматривала издание

романа «В круге первом» как средство помочь А. И. Солженицыну получить Нобелевскую премию (27) Однако в 1968 г. этот издательский залп оказался холостым.

К середине сентября работа над «Кругом-96» была завершена, и Александр Исаевич отправился с его рукописью в Москву. 13 сентября А. И. Кондратович записал в дневнике: «В середине дня пришел Солженицын. Вид бодрый. Но жалуется на усталость, головные боли, давление. Я спросил: „Сколько?“ „180–190 верхнее“. Да, это уже прилично. Солженицын сам сказал, что переработался и надо отдохнуть». С А.Т. они беседовали

полтора часа. «Как сказал А.Т., — читаем мы далее в дневнике Кондратовича, — Солженицын в тревоге и панике. Оказывается, в его сторожку неожиданно нагрянул Виктор Луи. Солженицын не ожидал его приезда и вместо того, чтобы сразу же выгнать этого типа, повел с ним какой-то разговор. Но больше всего его беспокоит, что сторожку знают (наивный человек). Он боится ареста, провокации и убийства и решил жить у К. Чуковского» (28).

Однако если А. И. Солженицын и уединился в Переделкино, то ненадолго. 20 сентября «веселый» и «оживленный» он снова появился в редакции «Нового мира» (29). 21-го

мы видим его в Борзовке (30), 23-го — в Обнинске (31), 24-го вместе с приехавшей к нему Натальей Алексеевной он отправился домой (32).

О том, чем он занимался в эти осенние дни после завершения «Круга-96», мы имеем очень скудные сведения. Тем ценнее для нас запись в «Хронографе», из которой явствует, что с 25 сентября по 7 октября Александр Исаевич работал с отзывами на «Один день Ивана Денисовича» — «Читают Ивана Денисовича» (33). Эта запись приобретает особое значение, если учесть, что в «Пятом дополнении» к «Теленку» А. И. Солженицын пишет:

«За эту работу взялись Аничкова и Левитская (Энэны). «Читают „Ивана Денисовича“» *от начала и до конца* все Энэны сделали весной 1968 г. — и напечатали, и распустили по рукам» (34).

Неискренность приведенных слов становится очевидной, если вспомнить, что первый вариант этой работы был сделан Александром Исаевичем еще весной 1965 г. и учесть, что во «Втором дополнении», к «Теленку», он не только прямо называет себя «составителем» этого обзора, но утверждает, что именно он «пустил» его в самиздат (35). Для чего же ему понадобилось отречься от своего детища и скрывать свою

причастность к его появлению на свет? К этому вопросу мы еще вернемся.

8 октября А. И. Солженицын снова отправился в Москву и провел здесь почти две недели (36), а 21-го вместе с приехавшей к нему Натальей Алексеевной уехал в Борзовку (37), которую 24-го они покинули теперь уже до следующей весны (38). Сделав небольшую остановку в столице, 28 октября Александр Исаевич вернулся в Рязань (39) и 30-го сел за «Тунеядца» (40).

В первых числах ноября его неожиданно вызвали в Москву: из США прилетел Генри Карлайл. «Генри, — пишет О. В. Карлайл, —

вылетел в Москву в самом начале ноября 1968 г.», сначала он посетил К. И. Чуковского, затем Н. И. Столярову, потом — на четвертый день своего пребывания имел встречу с А. И. Солженицыным. Речь шла о некоторых практических вопросах, связанных с изданием «Архипелага» (41).

Закончив киносценарий, Александр Исаевич отправился в столицу. «22 ноября, — вспоминала Н. А. Решетовская, — муж повез „Тунеядца“ в Москву. Режиссер Алов от сценария в восторге» (42). Однако его мнение не получило поддержки, и 9 декабря Мосфильм отклонил сценарий, правда, «с оставлением

аванса» (43).

29 ноября Александр Исаевич посетил в редакции «Нового мира» А. Т. Твардовского. Во время этой встречи, тревожась по поводу его материальной необеспеченности, Александр Тифонович уже не в первый раз предложил ему помощь: «...Денег опять мне предлагал, — пишет А. И. Солженицын, — „Тысячу? Две тысячи? Три тысячи?“ ... Я снова отклонил. Мне бы вот — за „Раковый“ 60 % получить, а не 25 %. Мне нужны официальные поступления по годам, на какие средства живу». И хотя было очевидно, что «Раковый корпус» не будет напечатан в «Новом

мире», хотя его уже публиковали за рубежом, А. Т. Твардовский устроил ему «и эту последнюю выплату»: «семь бед — один ответ» (44). Тогда же он попросил сценарий «Тунеядца», а ознакомившись с ним, вернул его, сказав с добродушной улыбкой: «Нет, сажать вас надо, и как можно быстрее!» (45).

В преддверии эпопеи

1968 г. был знаменательным для А. И. Солженицына не только потому, что он завершил и отослал за границу «Архипелаг», не только потому, что к зарубежному читателю

пошли два его главных произведения, не только потому, что его фамилия оказалась в списках кандидатов на Нобелевскую премию, но и потому что у него появилась новая помощница — Н. Д. Светлова.

Как мы знаем для начала он предложил ей взять на себя перепечатку романа «Круг-96». «Наташа, — пишет он, — взялась охотно (хотя — кончала математическую аспирантуру, вела практикум со студентами, времени льготного было у нее — два вечерних часа, когда 6-летний сын уже спать ляжет. Но напечатала за 4 месяца», т. е. за сентябрь-декабрь 1968 г. «И встречу *на 4-5-ю* я, в благодарности и

доверии, положил ей руки на плечи... И... стала она, Алей, моей второй женой» (1).

Наталью Дмитриевну отличало от Натальи Алексеевны и то, что она вращалась среди столичной интеллигенции, и то, что у нее было много знакомых в диссидентских кругах, и то, что она имела связи с иностранцами.

Случайно или нет, но именно в 1968 г. происходит расширение связей с зарубежьем и у самого Александра Исаевича. До этого, если верить ему, единственным человеком, через которого он имел выход за границу, являлась Н. И. Столярова. Не ранее лета — не

позднее осени 1968 г. у него появился новый канал связи, который он условно обозначает «Барабанов-Дурова» и связывает его появление с именем А. В. Меня (2).

«Отец Александр, — вспоминает А. И. Солженицын, — был духовным руководителем тогда еще небольшого ищущего направления в подсоветском православии, вел неофициальные семинары и направлял группу молодежи» (3). «Главным организатором» этой группы был Евгений Викторович Барабанов, о котором нам известно, что он родился в Ленинграде в 1943 г., являлся сыном директора военного

завода в Москве, закончил МГУ по специальности искусствоведение и работал в Музее А. С. Пушкина (4).

«...Мы, — пишет Александр Исаевич, — познакомились („закоротились“) непосредственно с ним у о. Александра Меня, уговорились о передачах канала — и дальше, для большей безопасности канала и всей их группы, не только я сам почти никогда не встречался с ним, всего *три раза в четыре года*, но мало встречалась и Аля: надо было опять найти множитель, затрудняющий поиск, — еще одно промежуточное звено, чьи встречи и с Алей, и с Барабановым были бы естественны. На эту роль она

избрала одного из своих друзей и крестного отца своего старшего сына, Диму Борисова» (5). Вадим Михайлович Борисов родился в 1945 г. и происходил из семьи «крупного советского чиновника». Закончив исторический факультет МГУ, он в рассматриваемое время учился в аспирантуре Института истории АН СССР (6).

Так, констатирует А. И. Солженицын, возникла «цепочка: Дима Борисов — Женя Барабанов — и дальше кто-то во французском посольстве, кого мы не знали и условно называли „Вася“ (с опозданием открыл мне Барабанов, что „Вася“ — это она и притом

монахиня)». Имеется в виду Анастасия Борисовна Дурова, или Ася (7).

Тогда же Александр Исаевич заочно познакомился с преподавателем Сорбонского университета Никитой Алексеевичем Струве. В рассматриваемое время он был одним из редакторов небольшого журнала «Вестник Русского студенческого христианского движения», который печатался парижским издательством ИМКА-пресс (8). Характеризуя Н. А. Струве, А. И. Солженицын отмечает особую его роль в установлении связей между редакцией «Вестника РСХД» и пробуждавшимся религиозно-

православным движением в СССР (9).

В 1968 г. свои услуги в качестве связной предложила Элизабетта Маркштейн, которую Александр Исаевич на русский манер стал называть Лизой. «Той осенью Лиза, — читаем мы в «Теленке», — дерзко приехала на мою дачу в Рождество, а я — жег осенние листья. Сели у костра — невероятно — вот тут мы недавно кончали „Архипелаг“, и вот человек из-за границы, искренний и умный доброжелатель, который *готов все двигать*» (10).

Так А. И. Солженицын подошел к своему 50-летию.

8 декабря А. И. Кондратович записал в дневнике: «11-го — 50-летие Солженицына. Уже начинается кампания, которая вряд ли принесет пользу Александру Исаевичу... К Лакшину пришли два каких-то студента. Принесли два перепечатанных на машинке тома „Солженицын в советской критике“. Отлично переплетено, с виньетками и заставками. Везут Солженицыну» (11).

«Вечером 10 декабря», вспоминала А. Н. Решетовская, «наш скромный праздник» (12). В день рождения «утром, — писала Л. А. Самутину ее мать Мария Константиновна, имея в виду своего

зятя, — поехали к его комнате со столиком, на котором были установлены все подарки» (13). Упомянутый столик на колесиках тоже был подарком. Впервые на такое чудо Александр Исаевич обратил внимание весной 1968 г. на ленинградской квартире Л. А. Самутина. Тогда же Александру Исаевичу приглянулся у Л. А. Самутина и старый дубовый письменный стол размером полтора на три метра. Понравился настолько, что Леонид Александрович тоже решил подарить его писателю вместе со столиком на колесиках (14).

10 декабря на имя А. И. Солженицына пришло 107

поздравлений (15). 11-го — еще 207 (16). «...отказали чумные кордоны, прорвало запретную зону! — пишет Александр Исаевич. — И — к опальному, к проклятому, за неделю вперед, понеслись в Рязань телеграммы, потом и письма, и меньше „левых“, больше по почте, и мало анонимных, а все подписанное. Последние сутки телеграфные разносчики приносили разом по 50, по 70 штук — на дню-то несколько раз! Всего телеграмм было больше пятисот, писем до двухсот, и полторы тысячи отдельных личных бесстрашных подписей» (17). Об этом сообщала Л. А. Самутину и Мария Константиновна: «...вот уже

второй день после 11-го, а телеграммы текут и текут — уже подбирается к числу 500... А ведь во многих телеграммах не одна подпись — в одной, например, 50 подписей» (18).

Можно было бы ожидать паломничества и на квартиру опального писателя. Однако, как констатировала Мария Константиновна, этот «день провели в основном в кругу близких» (19). Не было даже самых ближайших друзей. На это обстоятельство обратила внимание А. М. Гарусева: «Очень показательно, что когда ему исполнилось пятьдесят лет, когда шли бесконечные поздравительные

телеграммы или когда ему присудили Нобелевскую премию и опять шел поток телеграмм, за праздничным столом собралось всего пять-шесть человек и, что характерно, это были *одни женщины*, мужчин в его доме мы почти никогда не встречали» (20).

А. М. Гарасева не указала персонально присутствовавших 11 декабря 1968 г. за праздничным столом в квартире Солженицына (21), но определить их нетрудно. Эти «пять-шесть человек» были: Александр Исаевич, Наталья Алексеевна, Мария Константиновна, сестры Мария Николаевна и Нина Николаевна, и Вероника Штейн, которая специально приехала из

Москвы (22).

12 декабря А. И. Кондратович записал в дневнике: «Ужасно огорчило письмо Солженицына (в „Литературную газету“ — А.О.), которое показал А. Т. Выясняется, что он до юбилея (иначе А.Т. не получил бы письмо сегодня, на второй день после 50-летия) разослал под копирку это письмо. У А.Т. тоже письмо из-под копирки, без подписи. Мог бы и подписать! А смысл письма в „ЛГ“ сводится к тому, что, конечно, вы, „ЛГ“, не опубликуете мое нижеследующее послание, однако я его вам предлагаю. А послание такое: он благодарит всех, почтивших его

юбилей и готов отдать себя „служению читающей России“. А.Т. и все мы удивлены и обескуражены... Солженицын, умный человек, выглядит во всем этом смешным. Разослать до юбилея? Значит быть уверенным, что последует поток поздравлений? А если его не будет?» (23).

Значит, знал, что будет. Потому, что весь этот поток телеграмм был хорошо организован. В частности, подготовкой к юбилею писателя за границей, откуда тоже пришли телеграммы, занималась О. Карлайл (24).

Одновременно с этим она продолжала готовить почву для

издания «Архипелага». Однако, как ей стало известно потом, именно в это время в книге были обнаружены серьезные недоделки. В результате потребовалась ее дальнейшая доработка (25). В чем именно она заключалась, мы можем узнать из «Теленка». «Аля — пишет А. И. Солженицын, — настояла сделать и успела провести в уже оконченном „Архипелаге“ большую работу по проверке и правке цитат, особенно ленинских, которые я впопыхах работы брал из разных изданий, а вернее — вторично перехватывал из коммунистических книг, сам не имея времени на библиотечную проверку, получался

ералаш (подпольный писатель, считал я себя несколько свободным от обычных библиотечных требований — зря и ошибочно)» (26).

Отношения между Александром Исаевичем и Натальей Дмитриевной развивались настолько стремительно, что уже через три месяца она стала для него самым близким ему человеком. «*K 1969*, — пишет он в «Теленке», — я решил передавать ей все свое наследие, все написанное и окончательные редакции и промежуточные, заготовки, заметки, сбросы, подсобные материалы, — все, что жечь было жаль, а хранить, переносить, помнить, вести

конспирацию не было больше головы, сил, времени, объемов. Я как раз *перешел тогда через пятьдесят лет*... И весь 1969 мы занимались передачей дел» (27).

Если исходить из буквального смысла приведенного свидетельства, получается, что решение о передаче архива Н. Д. Светловой созрело у А. И. Солженицына не ранее 11– не позднее 31 декабря 1968 г. К этому времени Наталья Дмитриевна выполнила первую крупную работу для Александра Исаевича — завершила перепечатку последней редакции романа «В круге первом».

Получив перепечатанную рукопись, А. И. Солженицын

отправился в Обнинск и здесь микрофильмировал ее на квартире Ж. А. Медведева (28). Известно также, что в конце года он совершил еще одну поездку — побывал в Таллине, посетив здесь могилы умерших к тому времени Арнгольда Сузи и Георгия Тэнно (29). Таким образом, уехав в Москву после своего дня рождения, Александр Исаевич вернулся в Рязань только под Новый год, а встретив его, 1 января отвез свое «добро» в Давыдово и там решил взяться за исторический роман (30).

«Зимой 1968-69, — пишет он, — снова в солотчинской темной избе, я несколько месяцев мялся, робел

приступать к „Р-17“, очень уж высок казался прыжок, да и холодно было, не раскутаешься, не разложишься — так часами по лесу гулял и на проходке читал „Новый мир“, прочел досконально целую сплотку, более двадцати номеров подряд, пропущенных из-за моей густой работы, — и сложилось у меня цельное впечатление о журнале» (31).

О том, что уединившись в январе 1969 г. в Давыдове, Александр Исаевич настраивался на роман, писала и Н. А. Решетовская: «Приезжая в сильные морозы домой, Александр Исаевич продолжал разборку и раскладку материалов для

романа, одновременно обдумывая, как лучше осуществить давний замысел» (32).

Что представлял он тогда, мы не знаем. Можно лишь отметить две детали. А. И. Солженицын предполагал, что роман будет охватывать целую историческую эпоху от 1917 до 1956 г. Причем, автор видел его состоящим из четырех частей, в связи с чем «родилось решение дать четыре эпилога: 22 г., 37 г., 41 г. и 56 г.» (33).

Показательно и то, что прежде чем сесть за роман-эпопею, Александр Исаевич вернулся к своей статье «Евреи в СССР и будущей России», которая в сентябре-декабре

1968 г. была переработана и приобрела современный вид (34). Не была ли она тем камертоном, на который Александр Исаевич собирался тогда настраивать свою историческую эпопею?

В январе-феврале 1969 г. А. И. Солженицын несколько раз отвлекался от своей работы, которая продолжала еще сохранять подготовительный характер. В частности, в эти зимние дни произошло его знакомство с известным диссидентом бывшим генералом Петром Григорьевичем Григоренко. К этому времени П. Г. Григоренко имел широкие связи с диссидентском движении. Среди

его друзей и знакомых были Людмила Алексеева, Лариса Богораз, Александр Гинзбург, Наталья Горбаневская, Сергей Ковалев, Лев Копелев, Александр Лавут, Павел и Татьяна Литвиновы, Анатолий Марченко, Раиса Орлова, Анатолий Якобсоном и другие (35).

По приглашению Александра Исаевича, переданному Ю. Г. Штейном, [\[35\]](#) бывший генерал навестил писателя в деревне Давыдово и провел там около суток. Насколько можно судить по воспоминаниям П. Г. Григоренко, А. И. Солженицын пытался отговорить его от диссидентской деятельности: «Преступно, —

заявлял он, — допускать, чтобы такой человек бегал по судам и писал воззвания в защиту арестованных, воззвания, на которые власти не обращают внимания». Александр Исаевич предлагал П. Г. Григоренко взяться за перо и внести свой вклад в создание правдивой истории Великой Отечественной войны (36). Но переубедить бывшего генерала ему не удалось.

В феврале Александр Исаевич несколько раз покидал Давыдово. Известно, что он ездил в Москву и занимался в Ленинке (37). Но работа не шла и в середине февраля он вернулся домой. На 21-е его пригласили в военкомат, где вручили

медаль «50-летие Советской армии» (38). К концу февраля А. И. Солженицын решил сменить обстановку. «Александр Исаевич — читаем мы в воспоминаниях Н. А. Решетовской, — намерен пожить в Крыму в надежде, что там-то начнет писать роман» (39). 1 марта Наталья Алексеевна уехала отдыхать в Цхалтубо, а 4-го Александр Исаевич — работать в Гурзуф (40).

В эти самые дни произошло событие, которые еще совсем недавно многим казалось немыслимым. Конфронтация между Китаем и Советским Союзом достигла такой остроты, что 2 марта

1969 г. китайские войска сделали попытку перейти советскую границу на Амуре в районе острова Даманский (41). Произошедший конфликт привел к распространению в обществе опасений насчет возможной в ближайшем будущем войны между двумя странами. В этих условиях в верхах партии явно активизировались консервативные элементы.

Начало эпопеи

«...В марте 1969 г., я поехал к И.Н. начинать „Красное колесо“, — вспоминает А. И. Солженицын имея

в виду Ирину Николаевну Томашевскую, — ... Привыкнуть я там не мог, ничего не сделал, в три дня и уехал» (1). Действительно, выехав из Рязани 4 марта, он уже 7-го был дома (2). Получается, что в Крыму Александр Исаевич пробыл не более суток. Поэтому о привыкании не может быть и речи. В Гурзуфе что-то произошло. Но что, мы не знаем.

Только после возвращения из Крыма работа над романом, наконец, пошла. Относя рождение его замысла к 1936 г., а первые его строки к 1937 г., А. И. Солженицын констатирует: «Итак, я начал писать в 1937», но только «в 1969 г.

пробился к своему главному замыслу» (3). И далее: «с марта 1969 г. начинается непрерывная работа над „Красным колесом“» (4). Воспоминания Н. А. Решетовской позволяют назвать и этот исторический день. «В воскресенье 9 марта, — пишет она о своем муже, имея в виду 1969 г., — он приступает к „Р-17“» (5). «Муж встает рано, делает во дворе гимнастику, потом душ, завтрак и работа за столом часов шесть подряд. Перед обедом гуляет в сквере. После обеда стал отдыхать. А вечером занимается подготовительной работой к завтрашнему дню. Снова гуляет, обдумывая» (6).

К этому времени замысел романа претерпел существенные изменения. Прежде всего они коснулись его хронологических рамок. «Муж,... — вспоминала Наталья Алексеевна, — собирается закончить „Р-17“ 22-м годом. Всего будет 4 тома: Февральская и Октябрьская революции, гражданская война и выбор путей. Архитектурно все готово» (7). Однако есть основания думать, что и к весне 1969 г. архитектура будущего романа не определилась, так как со временем замысел четырехтомной эпопеи уступил месту замыслу эпопеи, состоящей из 20-ти томов или «узлов» (8). С чего же Александр

Исаевич начал писать? Оказывается, весной 1969 г. он взялся за «главы поздних узлов (1919–1920 годы), особенно тамбовские и ленинские главы» (9).

Весна в 1969 г. была ранняя. Поэтому когда потеплело, А. И. Солженицын поехал на разведку в Борзовку, к 27 апреля — день бракосочетания, он снова появился в Рязани (10), а 29-го вместе с женой на все лето отправился на дачу (11). Это был последний рабочий день Натальи Алексеевны, которая оставила свой институт и с 30 апреля стала «безработной» (12). По ее словам, это был сказочный день. «Погода,

казалось, ликовала вместе со мной. На голубом небе ни одного облачка, легкий ветерок и теплынь... Среди дня Александр Исаевич даже окунулся в нашу речушку. Он сейчас отвлекся от основной работы. Повозившись на участке с утра, с восхищением читает за столком у Истыи сборник „Вехи“» (13).

Характеризуя работу мужа над эпопеей, Н. А. Решетовская писала: «Александр Исаевич то принимается за роман, написав главу о своем дяде Ромаше — брате матери, то разбирает материалы, *которыми в изобилии снабжают его читатели*». А «еще необходимо поработать в Историческом музее».

«В Москве он обычно проводил день-два. Возвращался неизменно уставшим, обычно к обеду» (14). Тот, кто работал в архивах, знает, что «день — два» там делать нечего, за это время можно сделать лишь небольшие уточнения, конечно, если в архиве тебя не ждут специально подобранные материалы.

Вернувшись после одной из таких поездок, А. И. Солженицын привез новость: «Арестовали П. Григоренко» (15). П. Г. Григоренко арестовали в Ташкенте 7 мая 1969 г. (16). Следовательно, Александр Исаевич мог привезти эту новость не ранее 8 мая. В этот приезд в Москву он побывал в редакции «Нового

мира» (17) и узнал, что над ним начали сгущаться тучи. Наступление на журнал велось давно, но именно в 1969 г. борьба вокруг него достигала особой остроты. Масла в огонь подлила статья А. Г. Дементьева «О традициях и народности», которая была помещена в апрельском номере журнала и направлена против публикаций М. П. Лобанова и В. А. Чалмаева (18). 7 мая А. И. Кондратович записал: «Не наступают ли последние наши дни?» (19).

В начале лета работа над романом приостановилась. 16–17 июня Александр Исаевич и Наталья Алексеевна «совершили двухдневную

поездку по Подмосковию, назвав ее поездкой по гениям» (20), посетили К. И. Чуковского, М. Л. Ростроповича, академика П. Л. Капицу (21). «Вернувшись в Борзовку из феерической поездки, — вспоминала Н. А. Решетовская, — читаем привезенные от Чуковского отзывы на „Круг“ и „Корпус“ на русском, английском и немецком языках... Прозанимавшись *три дня* рецензиями он (т. е. Александр Исаевич — А.О.) под конец почувствовал пустоту, даже — скуку. Ведь все это время он не писал „Р-17“. И уж не скоро возьмется за него: вместе с Борисом Мажаевым должен поехать по местам,

примыкающим к Тамбовской области» (22).

Путешествие по Тамбовской губернии продолжалось с 27 июня по 3 июля (23). «Из путешествия по скверным дорогам, — читаем мы в воспоминаниях

Н. А. Решетовской, — Александр Исаевич вернулся разбитым. Пришлось ставить ему то банки, то горчичники... Но это не мешало мужу тотчас идти к своему столу над Истьей. Наконец-то, вернулся к писанию романа. Похоже у него впервые начались „муки творчества“. Работая над главой о *Ленине*, все *продолжает* находить у себя *общее с ним*» (24).

«Наряду с писанием романа, работой в архивах и библиотеках, — вспоминала Наталья Алексеевна, — Александр Исаевич постоянно стремится отыскать очевидцев тех событий». И «гости не забывали про нас». «Время от времени нас наведывает на „Волге“ Е. Ф. Светлова. Александр Исаевич настолько проникся доверием к Екатерине Фердинандовне, что хочет переписать на нее наш дачный домик» (25). Екатерина Фердинандовна, бывшая ровестницей Натальи Алексеевны — это мать Н. Д. Светловой, о существовании которой тогда Н. А. Решетовская, если верить ей,

даже не догадывалась.

15 июля 1969 г.,

А. И. Солженицын побывал в Москве, посетил «Новый мир» и подарил А. Т. Твардовскому изданный за границей «Круг» (26), после чего совершил еще одну поездку, на этот раз на север. «Собираясь в северное путешествие на Пинегу, — писала Наталья Алексеевна, — муж с горечью признался, что на сей раз начинает сборы с лекарств» (27). Если по Тамбовской области его сопровождал Б. А. Можаяев, на этот раз — Н. Д. Светлова (28).

«Как в насмешку, — пишет А. И. Солженицын в «Теленке», —

именно в эти дни бежал на Запад Анатолий Кузнецов, мы на Пинеге слушали по транзистору» (29).

Анатолий Васильевич Кузнецов (р.1929) был секретарем Тульского отделения Союза писателей РСФСР, заместителем секретаря партийной организации Отделения, с 1969 г. — членом редколлегии журнала «Юность». 24 июля 1969 г. он выехал в Лондон с целью сбора материалов для книги о В. И. Ленине и там обратился к правительству Англии «с ходатайством разрешить ему остаться в стране» (30).

Имеются сведения, что сообщение о побеге А. В. Кузнецова Александр Исаевич услышал 30 июля

(31), а домой вернулся 1 августа (32).

Александр Исаевич, читаем мы в воспоминаниях Н. А. Решетовской, «отбыл всего полсрока» — «прижал радикулит», поэтому дома он «отлеживаясь, читает свежие письма» (33).

Возвратившись из северной поездки и уединившись в Борзовке, А. И. Солженицын снова сосредоточился на романе. Как мы знаем, первоначально он пытался писать его не с начала, а с конца. Затем его внимание сместилось к предреволюционным событиям и стало концентрироваться на знаменитой самсоновской катастрофе августа 1914 г. «Тем

временем, — отмечала
Н. А. Решетовская, —
„катастрофа“ *неожиданно*
катастрофически разрастается»
(34). Небольшое введение стало
превращаться в самостоятельное
произведение, роман о Февральской
революции — в роман о начале
Первой мировой войны, получивший
название «Август Четырнадцатого».
А поскольку над самсоновскими
главами Александр Исеви́ч стал
работать после возвращения из
северной поездки, из этого явствует,
что замысел первого романа из цикла
«Р-17» радикально изменился только
летом 1969 г. Из воспоминаний
Н. А. Решетовской явствует, что это

произошло между 7 и 28 августа (35).

Именно в этот очень важный для него момент он должен был снова оторваться от работы. Его отвлекла начавшаяся в печати полемика вокруг журнала «Новый мир». В субботу 26 июля очередной номер журнала «Огонек» вышел со статьей «Против чего выступает „Новый мир“» (36). Ее авторы обвинили журнал в искаженном отображении социалистической действительности. По сути дела это был ответ на упоминавшуюся статью А. Г. Дементьева. «Я — пишет Александр Исаевич, — у себя на истьенской даче прочел с большим опозданием статью Дементьева — и

ахнул, и завыл, и рассердился на „Новый мир“». Более того, А. И. Солженицын, стоявший до этого в стороне от публицистических баталий, загорелся желанием принять в них участие и составил даже «анализ» этой статьи «на бумажке», с которой и появился 2-го сентября в редакции (37).

К сожалению, в дневнике А. И. Кондратовича этот визит Александра Исаевича в «Новый мир» не зафиксирован, поэтому мы можем судить о характере его возражений только на основании того, что он пишет сам в своих воспоминаниях. А они свидетельствуют, что с главными идеями М. П. Лобанова и

В. А. Чалмаева А. И. Солженицын был согласен (38).

Вскоре после этого в его жизни произошла важная перемена. Еще ранее он получил предложение М. Л. Ростроповича переселиться к нему на дачу в подмосковный поселок Жуковка (39).

В начале сентября Мстислав Леопольдович приехал в Борзовку и забрал к себе некоторые вещи Александра Исаевича и Натальи Алексеевны, 19-го они поехали туда сами (40), и поселились там. Причем, Г. П. Вишневская подчеркивает: Н. А. Решетовская, «жила у нас только первую зиму» (41).

В сентябре 1969 г. в Москву приехала Эльза Маркштейн. «... встретились, — пишет А. И. Солженицын, — ... у Али на Васильевской улице. Лиза привезла немецкий юридический типографский текст доверенности и советовала мне взять адвоката на Западе, а именно: она может порекомендовать хорошего адвоката в Швейцарии — доктора Фрица Хееба, на которого и выписать бы мне основную доверенность на ведение моих дел... Мы с Алей согласились сразу, постеснялись даже спрашивать что-либо о том Хеебе» (42).

«К концу сентября новая

помощница, — читаем мы в воспоминаниях

Н. А. Решетовской, — (та, что оставалась не известной мне) закончила печатать для Александра Исаевича отрывок в 12 глав из „Августа 14-го“, посвященный „Самсоновской катастрофе“. Раздав читать тем, кого считал авторитетами по затронутой теме, он сделал небольшой перерыв в работе» и решил уединиться в Борзовке, но вскоре из-за испортившейся погоды вернулся домой (43).

А затем работа остановилась. Как позднее признавался сам А. И. Солженицын, у него начался творческий кризис, который

продолжался до конца года (44). Понять этот кризис не трудно. Поскольку изменился замысел романа, его воплощение столкнулось с отсутствием или же недостатком необходимого фактического материала, поскольку до этого главное внимание автора было сосредоточено на советском периоде.

Можно было бы ожидать, что осенью 1969 г. Александр Исаевич снова отправится в библиотеки и продолжит сбор материала. Однако никаких сведений на этот счет обнаружить не удалось. Зато известно, что именно в 1969 г. он перечитал «Размышления» А. Д. Сахарова и решил написать

ответ. Так появилась его статья «На
возврате дыхания и сознания (по
поводу трактата А. Д. Сахарова
„Размышления о прогрессе, мирном
сосуществовании и
интеллектуальной свободе“»)» (45).

Поддерживая содержавшуюся в
«Размышлениях» критику советского
строя, А. И. Солженицын прежде
всего поставил под сомнение тезис
А. Д. Сахарова о том, что сталинизм
— это искажение первоначального
духа революции. По мнению
Александра Исаевича, И. В. Сталин
был лишь верным продолжателем
дела В. И. Ленина. Исходя из этого,
А. И. Солженицын делал
заключение, что все беды не в

искажении социализма, а в самой его сути и речь должна идти не об отказе от сталинизма, а об отказе от социализма. Критиковал он А. Д. Сахарова за идеализацию прогресса, за нежелание видеть губительность стирания национальных границ, за призыв к конвергенции (46). Упрекая Андрея Дмитриевича в фетишизации демократии, Александр Исаевич ставил под сомнение общепринятые представления об интеллектуальной свободе: «Уж Запад-то захлебнулся от всех видов свобод, в том числе и от интеллектуальной. И что же, спасло его это? Вот мы видим его сегодня: на оползнях, в немощной

воле, в темноте о будущем, с раздерганой и сниженной душой» (47). Подчеркивая, что свобода — это не цель, а средство, А. И. Солженицын высказывался в пользу разумного авторитаризма (48). И хотя все затрагиваемые им вопросы имели злободневный характер, он ограничился только тем, что познакомил со своими возражениями самого А. Д. Сахарова, ни публиковать, ни распространять в Самиздате свою статью он не решился.

В конце сентября 1969 г. О. Карлайл получила анонимное письмо на французском языке, отпечатанное на машинке. Письмо

касалось «Архипелага» и представляло собою инструкцию из 8 пунктов: «Надо было — пишет О. Карлайл, — в Москве получить поправки к тексту „ГУЛага“, до весны не входить в контакт ни с одним издательством (кроме американского), авторские права передавались издательству ИМКА-пресс» (49). Как мы знаем, именно это парижское издательство выпускало под редакцией Н. А. Струве журнал «Вестник русского студенческого христианского движения». Не менее важно было и то, что А. И. Солженицын решил отодвинуть срок издания «Архипелага» «до

Рождества 71-го года» (50).

В середине октября 1969 г. Александр Исаевич сделал попытку вернуться к роману. «19 октября, — отмечала в своих воспоминаниях Н. А. Решетовская, — Александр Исаевич впервые начал писать на новом месте» (51). Однако буквально через несколько дней было получено известие, которое выбило его из рабочего ритма. «...В четвертый четверг октября (23 октября — А.О.), — пишет Александр Исаевич в «Теленке», — объявили Нобелевскую премию по литературе — и не мне» (52). Из этого явствует, что он ждал премии и был расстроен тем, что и в этом году его опять постигла неудача.

Через некоторое время после этого Александр Исаевич и Наталья Алексеевна покинули Жуковку и вернулись в Рязань, а дома узнали о смерти К. И. Чуковского, которого не стало 28 октября 1969 г. (53).

А. И. Солженицын был своим человеком в семье Чуковских. Об этом свидетельствует и то, что осенью 1965 г. именно у них в Переделкино он скрывался от негрозившего ему ареста, и то, что внучка Корнея Ивановича Елена Цезаревна принимала самое непосредственное участие в подготовке «Архипелага», и то, что у Александра Исаевича был ключ от московской квартиры Чуковских, где

он мог появляться в любое время, даже в отсутствие хозяев, и то, что, умирая, Корней Иванович завещал ему часть своих денег (54).

Похороны К. И. Чуковского состоялись 31 октября. На них было много народа. Проститься с известным писателем пришли даже те, кто никогда с ним не встречался и знал его только по литературным произведениям.

А. И. Солженицын на похороны не поехал. Объясняя этот шаг, Н. А. Решетовская писала, что Александр Исаевич готов был принять участие в панихиде, если бы она состоялась в Переделкино и в узком кругу, но не желал

присутствовать на казенной церемонии в Москве в Доме литераторов (55). Подобным же образом мотивировал свой шаг и сам Александр Исаевич в письме Л.К. и Е. Ц. Чуковским, подчеркивая *«страшно умирать неопальным»* (56).

«Свободный художник»

«...В ночь на 4 ноября проснулся, — пишет А. И. Солженицын, — а мысли сами текут, скорее записывай, утром их не поймаешь. С утра навалился работать — с наслаждением, и чувствую:

получается!! Наконец-то! — ведь 33 года замыслу, треть столетия — и вот лишь когда...» (1).

Но не успел Александр Исаевич войти в работу. «В 11 часов — читаем мы в «Теленке», — звонок, прибежала секретарша из СП (Союза писателей — А.О.), очень поспешная, глаза как-то прячет и суетливо сует мне отпечатанную бумажку, что сегодня в 3 часа дня совещание об идейном воспитании писателей» (2).

И надо же так случиться, что Александр Исаевич, который до этого полностью игнорировал свою местную писательскую братию и все ее мероприятия, на этот раз,

несмотря на то, что на него впервые за долгое время нахлынуло писательское вдохновение, вдруг отложил перо и отправился на совещание. И на какое? «Об идейном воспитании писателей». А совещание оказалось заседанием Рязанского отделения Союза писателей РСФСР, на которое был вынесен один единственный вопрос — о писателе Солженицыне (3).

Заседание продолжалось около трех часов и завершилось исключением А. И. Солженицына из Союза писателей (4). Первой, кому он сразу же позвонил, была Наталья Дмитриевна, но ее «не оказалось дома» (5). А в 18.00 из Москвы

позвонила Наталья Алексеевна и, узнав об исключении мужа, сразу решила вернуться в Рязань (6).

По сведениям КГБ, «по окончании собрания Рязанского отделения Союза писателей 4 ноября 1969 года СОЛЖЕНИЦЫН связался по телефону с редактором отдела прозы журнала „Новый мир“ БОРИСОВОЙ И.П. и, сообщив о произошедшем, просил позвонить ТВАРДОВСКОМУ, но не для того, чтобы он сейчас что-нибудь предпринимал. На приглашение приехать в Москву 5 ноября в Союз писателей РСФСР СОЛЖЕНИЦЫН заявил, что торопиться с выездом не намерен» (7).

В этот же день, 4 ноября 1969 г., А. И. Кондратович записал в дневнике: «А.Т. зашел ко мне, встревоженный, весь напрягшийся. „Вы знаете, что Солженицына исключили из Союза?“ „То есть как?“ — спросил я. Еще ничего не знал. „А вот так. Исключили в Рязани. Он мне только что сам звонил об этом... Говорил спокойно. В детали не вдавался“» (8).

Ночь с 4 на 5-е ноября Александр Исаевич почти не спал. Может быть он переживал случившееся? Нет, он делал запись заседания Рязанской организации СП (9). Лег запоздно, а «в 6 утра, — читаем мы в «Теленке», —

проснулся, включил по обычаю „Голос Америки“, безо всякой задней мысли, и как укололо: „По частным сведениям из Москвы, вчера в Рязани, в своем родном городе, исключен из писательской организации Александр Солженицын“... Четыре раза в кратких известиях передали. Четыре раза в подробных. *Хор-рошо!*» (10). По свидетельству А. М. Гарасевой, она услышала об этом по радио еще раньше, в два часа ночи (11).

5 ноября решение рязанской писательской организации было утверждено Секретариатом Союза писателей Правления РСФСР (12). Желая предпринять ответные

действия, сторонники
А. И. Солженицына ждали его
приезда в Москву, но он целую
неделю оставался в Рязани. За это
время им было подготовлено
«Открытое письмо Секретариату
Союза писателей СССР». С ним 11
ноября он и появился в столице (13).
В этот день А. И. Кондратович
записал: «Приехал Солженицын. На
лице огорчения особого не видно.
Напротив» (14).

К этому времени в Москве уже
кипели страсти. Был поднят вопрос о
необходимости срочного созыва
Пленума Правления Союза
писателей, раздавались голоса, что
инициативу в данном деле должен

взять на себя «Новый мир». Однако когда с таким предложением обратились в А. Т. Твардовскому, он на такой шаг не решился, заявив, что кое-кто желает выманить медведя из берлоги, чтобы разделаться ним. Александр Трифонович имел в виду то, что подобная акция, могла быть использована как повод для разгона редакции журнала (15).

Понять А. Т. Твардовского можно, но, как показало развитие событий, его осторожность не спасла «Новый мир» от разгрома (16).

Повидавшись с Александром Трифоновичем, Александр Исаевич отправился к Н. Д. Светловой, а уезжая в Жуковку, оставил у нее

«ленинские главы разных узлов — в расчете, что это дальше нормально переправится на хранение» (17).

На следующий день, 12 ноября Секретариат Союза писателей обнародовал свое решение об исключении А. И. Солженицына из Союза писателей, после чего Александр Исаевич сразу же пустил в обращение «Открытое письмо» (18), которое было адресовано не столько Секретариату Союза писателей, сколько руководству государства и партии. В нем в частности говорилось: «Протрите циферблаты — ваши часы отстают от века. Откиньте дорогие тяжелые занавеси — вы даже не подозреваете, что на

дворе уже рассветает» (19). И далее: «Слепые поводыри слепых! Вы даже не замечаете, что бредете в сторону, противоположную той, которую объявили» (20).

«А через день утром ко мне, — пишет А. И. Солженицын, — в Жуковку приехал люшин двоюродный брат с просьбой от Люши абсолютно срочно приехать. Что же еще могло случиться? Укололо меня: провал! после моего ухода пришли к Але с обыском! Да как же мог я опять, так неосмотрительно сам все провалить?.. Криминальнее ленинских глав, да еще XIV Узла уже советского времени, глава с

Дзержинским, — вряд ли что могло и быть, только „Архипелаг“... А оказалось: какая-то статья в „Литгазете“, на которую, по мнению Люши и новомировского круга, надо немедленно отвечать... Мелочь какая!» (21).

Исключение А. И. Солженицына из Союза писателей и его «Открытое письмо» вызывали широкий общественный резонанс как в нашей стране (22), так и за рубежом (23). Его имя, и так получившее особую известность после «Письма к съезду», теперь стало символом бескомпромиссной борьбы с советским режимом.

«Двадцать четвертое ноября, —

вспоминала Н. А. Решетовская, — Александр Исаевич провел в Москве. Был у врача, виделся с друзьями... Вечером мы — в Большом зале консерватории, на концерте Ростроповича». После концерта к А. И. Солженицыну подошла троюродная сестра Ростроповича и познакомила его с мужем. «Он, — отмечает Наталья Алексеевна, — был министром» (24). Кто была троюродная сестра М. Л. Ростроповича и какое министерство возглавлял ее муж, Н. А. Решетовская не уточняла. Но вот, что на эту же тему пишет Р. А. Медведев: «В начале 70-х годов Н. Щелоков (министр внутренних

дел — А.О.) дружил с Мстиславом Ростроповичем, жена которого Галина Вишневская была родственницей жены Щелокова. Их дачи находились в поселке Жуковка рядом» (25).

На следующий день, 25 ноября, А. И. Солженицын вернулся в Жуковку. «После довольно большого перерыва, — констатировала Наталья Алексеевна, — Александр Исаевич начал работать, хотя по-прежнему нездоровится» (26).

Не успел А. И. Солженицын взяться за перо, как снова был выбит из рабочего состояния. «...Вечером 25 ноября 1969 г., — вспоминает он, — включаю „Голос Америки“ и

слышу: „Писатель Солженицын
высылается из Советского Союза“...
Это было на даче Ростроповича,
первые месяцы там, только
устроился. Я встал. Чуть прошли
мурашки под волосами. Может быть,
через какой час за мной уже и
приедут. О рукописях, о заготовках, о
книгах — сразу много надо было
сообразить, через чур много! Хоть
всю жизнь готовься, а застает всегда
не во время. Вышел погулять по
лесным аллеям. Стоял не по
времени теплый грозно-ветренный,
сырой, темный вечер. Я гулял,
захватывал воздух грудью. И не
находил в себе ни борения, ни
сомнения: все шло по

предначертанному» (27).

26 ноября 1969 г. на страницах «Литературной газеты» было опубликовано заявление Секретариата Союза писателей РСФСР, в котором осуждалось «Открытое письмо» А. И. Солженицына (28) и говорилось, что никто не будет его задерживать, если он «пожелает отправиться туда, где всякий раз с таким восторгом встречаются его антисоветские произведения» (29). Вряд ли руководящий орган Союза писателей РСФСР мог сделать, а центральный орган Союза писателей СССР обнародовать такой заявление, не согласовав его с компетентными

органами.

Продолжая жить в Жуковке, Александр Исаевич изредка наведывался в Москву: 10 декабря он отметил свой день рождения у Туркиных (30), 23-го мы опять видим его в консерватории (31). Как утверждает А. И. Солженицын, к этому времени «осенний кризис» миновал, и он снова стал сосредоточиваться на эпопее (32). «В канун Нового года, — писала Н. А. Решетовская, — Александру Исаевичу хорошо работалось: закончив одну главу „Августа“, сразу начал другую» (33).

Подводя итоги прошедшего года, А. И. Солженицын отмечал:

«Получил французскую премию „за лучшую книгу года“ (дубль и за „Раковый“, и за „Круг“) — наши ни звука. Избран в американскую академию, „Arts and Letters“ — наши ни ухом. В другую американскую академию, „Arts and Sciences“ (Бостон), и ответил им согласием, — наши и хвостом не ударили,.. с весны скорость набирал на „Р-17“ и даже в Историческом музее, в двух шагах от Кремля, работал, — дали официальное разрешение, и только приходили чекисты своими глазами меня обсмотреть, как я тут. И по стране поездил — никаких помех. *Так долго тихо, что даже задышаешься*» (34).

2 января 1970 г.

Н. А. Решетовская поехала в Рязань (35) и здесь получила письмо мужа, который предложил ей пожить «январек в Рязани» — не мешать ему работать (36). «Весь январек, — пишет Наталья Алексеевна, — я все-таки не продержалась», а когда приехала в Жуковку, застала «мужа запойно работающим» (37). «И в феврале, и в марте мужу хорошо работалось. *Иногда* писал *даже после обеда*. Но чаще всего по вечерам мы слушали передачи западного радио» (38).

А в это время над «Новым миром» собрались грозовые тучи и, наконец, грянул гром. 3 февраля

1970 г. состоялось заседание Бюро Секретариата Правления Союза писателей СССР, которое постановило ввести в редколлегию журнала и назначить его первым заместителем главного редактора литературного чиновника Д. Г. Большова, а также «укрепить редколлегию и аппарат редакции „Нового мира“» (39). 9 февраля Бюро Секретариата Правления Союза писателей СССР, утвердило кадровые перемены в составе редакции «Нового мира» (40). Все это было сделано за спиной А. Т. Твардовского.

И сам А. Т. Твардовский, и вся редакция были возмущены. «10

февраля, — пишет Александр Исаевич, — когда уже решено было снятие Лакшина—Кондратовича—Виноградова, пришел и я в это столпотворение» (41). Из дневника А. И. Кондратовича явствует, что был он в редакции «Нового мира» и на следующий день (42). Если верить А. И. Солженицыну, он пытался убедить А. Т. Твардовского не поддаваться эмоциям (43). Однако сам А. Т. Твардовский в этот же день на вопрос А. И. Кондратовича о цели визита А. И. Солженицына ответил совершенно иначе: «Занят своими делами. Мы его не интересуем» (44). 12-го Александр Трифонович подал в оставку (45). 13-го Бюро

Секретариата Правления СП СССР приняло ее и назначило новым главным редактором журнала другого литературного чиновника Валерия Алексеевича Косолапова (46). В редакции «Нового мира» об этом стало известно 19 февраля (47), А. Т. Твардовскому официально объявили о его отставке еще позже, 25-го (48).

Можно по-разному оценивать «Новый мир», однако по истечении времени даже А. И. Солженицын вынужден был признать, что редактируемый А. Т. Твардовским журнал являлся лучшим советским литературным журналом того времени (49). К этому необходимо

добавить, что тогда он представлял собою один из духовных центров либеральной оппозиции в СССР.

Разгромив его, руководство партии не решилось открыто встать под знамена консерватизма. Более того, началась кампания против «Молодой гвардии» (50). Правда, борьба с ним велась иначе с «Новым миром». Хотя в ноябре 1970 г. состоялось специальное заседание Секретариата ЦК, посвященное «Молодой гвардии» (51) и ее главный редактор А. В. Никонов тоже был отправлен в отставку (52), однако новым редактором стал его заместитель А. Иванов (53). Был отправлен в отставку и выведен из

ЦК КПСС директор издательства «Молодая гвардия» Ю. Мелентьев (54). Прошло немного времени, и его назначили сначала заместителем министра культуры Российской Федерации, а затем и министром (55).

15 ноября 1972 г. в «Литературной газете» появилась статья исполнявшего обязанности заведующего Отдела пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлева «Против антиисторизма» (56). Характеризуя ее, А. Л. Янов пишет: «Яковлев развернул огромную, поистине устрашающую панораму проникновения русофильства во все области литературы и общественных

наук, начиная от „исторических писаний Шевцова“ до Советской энциклопедии. Он обнаружил русофильство в историографии, в беллетристике, в поэзии, в литературоведении — всюду. Очень осторожно, но тем не менее настойчиво старался он создать впечатление невиданной — со времен разгрома всех партийных оппозиций — диверсии враждебной идеологии, особенно опасной тем, что она практически помогает буржуазной пропаганде разжигать национальные противоречия в СССР» (57).

На публикацию «Литературной газеты» самиздатовский журнал

«Вече» ответил статьей «Борьба с так называемым русофильством, или путь государственного самоубийства» (58). Прошло еще некоторое время, и А. Н. Яковлев был отправлен послом в Канаду (59). Это свидетельствует, что сторонники консервативно-патриотического направления продолжали пользоваться влиятельной поддержкой в партийных верхах.

На финишной прямой

Несмотря на то, что зимой 1969–1970 гг. вдохновение снова вернулось к Александру Исаевичу,

время от времени ему приходилось отвлекаться от работы.

«В начале 1970» года, пишет А. И. Солженицын, приехала Э. Маркштейн, «привезла окончательную и всеохватывающую форму доверенности на Хееба, которую я опять-таки подписал, да второпях... Лиза (от Элизабетт, названная нами Беттой), Фриц Хееб („Юра“ — от юриста) и Никита Струве (Никита — Николай — Коля) составили... желаемый заграничный треугольник. В эти три точки и направлялись теперь все мои нелегальные письма и от них троих получались» (1).

5 марта 1970 г. Фриц Хееб

опубликовал за границей заявление о том, что запрещает без разрешения А. И. Солженицына публикацию его произведений (2). Чтобы оценить значение этого заявления нужно вспомнить дело Ю. М. Даниэля и А. Д. Синявского. Характеризуя этот шаг, О. Карлайл пишет: «Тот беспрецедентный факт, что Солженицын позволил открыто огласить свое решение доверить дело западному юристу, произвел огромный переполох. То был первый случай, когда советский писатель переходил все границы дозволенного в своих взаимоотношениях с Западом. Официальное сообщение Хееба вызвало шок за пределами

СССР и одновременно чувство страха за дальнейшую судьбу Солженицына. В Советском Союзе тоже наблюдалось смятение. Но тем не менее что-то удержало советскую власть от расправы над писателем» (3).

В конце 1969 г. О. Карлайл собралась в Москву, но в январе 1970 г. совершенно неожиданно ей было отказано в визе. Тогда она и обратилась за помощью к своему другу Степану Николаевичу Татищеву («Марсель»). Он дал согласие и весной 1970 г. под видом туриста отправился в Москву (4). По возвращении, вспоминала О. Карлайл, первым делом он

сообщил, «что публикацию „Архипелага ГУЛАГ“ придется отложить и надолго» (5). «Своим представителем на Западе Солженицын назначил... швейцарского адвоката доктора Фрица Хееба, наделив его полномочиями официально и открыто охранять его интересы, подписывать контракты... и надзирать за качеством переводов... Вместе с тем доставшийся нам „Архипелаг ГУЛАГ“ по-прежнему сохраняется за нами и полномочия доктора Хееба на эту книгу не распространяются». Новая распределение ролей выглядело следующим образом: Хееб —

Карлайл, Хееб — ИМКА. Связующее звено между Карлайл и ИМКА — С. Н. Татищев (6).

Одновременно Ф. Хееб начал переговоры и с английским издательством Бодли хед. «И, — пишет А. И. Солженицын, — не состязаясь в достоинстве, сам же... поехал в Лондон» (7). Этот эпизод нашел отражение и в воспоминаниях Н. Бетелла: «Хееб, — говорится в них, — появился в издательстве „Бодли хед“ и, после предъявления письменной доверенности, получил копии всех наших контрактов и счетов, а также *обещание* чеков на значительную сумму. Мы сотрудничали с ним всеми

возможными способами» (8).

А «в июне 1970 г., — читаем мы в воспоминаниях Н. Бетелла далее, — я посетил его офис в Цюрихе и там впервые добросовестность Личко была подвергнута сомнению. Хееб показал мне собственноручное письмо Солженицына, в котором говорилось о том, что Личко бессовестным образом злоупотребил доверием писателя. Это был удар. Я не мог в это поверить. Мысль о том, что Личко кого-то обманул, казалось дикой... Наше хорошее отношение к Личко только укрепилось после того, как... я узнал, что 1 сентября он был арестован и обвинен в

распространении
антисоциалистической и
антисоветской пропаганды.
Казалось, ничто из перечисленного
выше не омрачило желание Хееба
сотрудничать с нами. 9 сентября он
писал мне: „Я очень благодарен Вам
за быструю и четко выполненную
публикацию этих произведений. Вот
почему я не хочу отменять
существующие на сей день
договоренности...“» (9).

В конце 1970 г., вспоминает
А. И. Солженицын, Ф. Хееб
подписал с издательством «Бодли
хэд» договор, в котором «признал
действия Бетелла и „Бодли хэда“
абсолютно законными... и утверждал

за ними вечные права на два моих произведения», «при таких дружеских отношениях передал он „Бодли хэду“ и „Август“. По понятиям западных издательств появление у „Бодли хэда“ теперь еще и „Августа“ — косвенно подтверждало, что и отдача им „Ракового корпуса“ была авторизована...» (10).

Так в 1970 г. Ф. Хееб взял в свои руки все издательские дела А. И. Солженицына за границей и стал его доверенным лицом по всем другим вопросам.

Тем временем А. И. Солженицын продолжал трудиться над «Августом».

То ли для того, чтобы съэкономить время, то ли для того, чтобы быть свободнее, весной (не позднее 7 апреля) Александр Исаевич отправил жену в Ростов для сбора необходимых ему материалов (11), 18 апреля, когда Наталья Алексеевна еще была в отъезде, перебрался из Жуковки в Борзовку, а в «20-х числах» поехал в Рязань, Здесь ему нужно было пройти медицинскую комиссию и провести технический осмотр машины (12). 24-го из Ростова в Рязань отправилась и Наталья Алексеевна. Там они вместе собирались 26-го встретить Пасху, а 27-го отметить 30 лет своего брака. Однако

А. И. Солженицын, никогда, по словам его жены, не отличавшийся теплотой, на этот раз встретил ее вообще «прохладно» (13). Причина этого станет ей понятна только осенью. Несколько забегая вперед, можно лишь отметить, что около 30 марта произошла встреча Александра Исаевича с Натальей Дмитриевной, сыгравшая в их жизни поворотную роль (14).

На майские праздники бывший ученик А. И. Солженицына С. Я. Гродзенский встретил в Рязани своего бывшего учителя и что его поразило? «...на прощание, — пишет он, — Александр Исаевич обнял меня и я увидел, что *по его щекам*

катятся слезы» (15). Александр Исаевич не принадлежит к сентиментальным людям, поэтому накануне описанной встречи должно было произойти какое-то неординарное событие, так взволновавшее его. О том, что в эти дни он находился в необычном состоянии свидетельствует и дневник Н. А. Решетовской. 3 мая уже в Борзовке (16) Наталья Алексеевна записала: «У С. состояние близкое к прединсультному» (17).

В этот же день их посетил Жорес Медведев (18). Не исключено, что он привез Александру Исаевичу предложение А. Д. Сахарова о

встрече. Такая встреча состоялась «в начале мая». Как пишет Р. А. Медведев, «они обсуждали новый большой меморандум Сахарова — письмо руководителям Советского Союза Л. И. Брежневу, А. Н. Косыгину и Н. В. Подгорному по проблемам демократизации советского общества» (19). По всей видимости, речь идет о письме, с которым 18 марта 1970 г. Р. А. Медведев, А. Д. Сахаров и В. Ф. Турчин обратились в ЦК КПСС (20). Во время этой же встречи А. Д. Сахаров предложил А. И. Солженицыну принять участие в кампании, которая была организована в защиту Петра

Григоренко и Анатолия Марченко. Однако Александр Исаевич отказался, заявив: «...они избрали свою судьбу сами» (21).

По возвращении в Борзовку А. И. Солженицын возобновил работу над романом (22) и, по свидетельству Н. А. Решетовской, еще не закончив первую редакцию, приступил к работе над второй (23).

Но плохое самочувствие заставило его снова отложить перо. 15 мая в «Хронографе» отмечено: «С. у доктора... в Боткинской больнице. Серьезная гипертония с повышенным нижним давлением. Меньше есть, обходиться без соли». И далее 24 мая: «С. сказал... Бог дал

мне сигнал. Буду работать не спеша, сколько сделаю — столько сделаю» (24).

Вскоре после этого произошло событие, которое получило широкий отклик как среди столичной интеллигенции, так и за рубежом. 29 мая опубликовавший к тому времени за рубежом свою книгу о Т. Д. Лысенко и уволенный за это с работы Ж. А. Медведев был отправлен в психиатрическую больницу (25). Об этом его брат Рой сразу же поставил в известность А. Д. Сахарова (26), А. И. Солженицына (27) и некоторых других лиц, на чью поддержку рассчитывал.

2 июня, прервав работу над романом, Александр Исаевич сел за письмо в защиту Ж. Медведева (28), но завершил работу над ним только 11-го и, как признается сам, пустил его в обращение только «на Духов день, в середине июня» (29). Может быть, Александр Исаевич был настолько погружен в работу, что на протяжении почти двух недель не мог оторваться от нее? Нет, 12 июня мы видим его вместе с Натальей Алексеевной в Большом театре на премьере оперы «Война и мир», а 13 июня — в Донском монастыре (30). Следовательно, придерживав свое письмо, он чего-то выжидал. В результате этого на решение судьбы

Ж. А. Медведева, который был освобожден уже 17-го, оно никак не повлияло (31).

21 июня, А. Т. Твардовскому исполнилось 60 лет. В связи с этим Александр Исаевич направил ему поздравление, получил ответ и в своем новом письме сообщил ему о работе над «Августом»: «Я кончил первую редакцию „Августа Четырнадцатого“, теперь уже начал вторую. Очень велика получилась вещь — больше „Ракового корпуса“, — *и это меня смущает*. Таких только военных глав, как Вы читали, получилось 46, да еще „мирных“ 18» (32).

Если учесть, что первый вариант

романа состоял из 64 глав, из которых к началу нового 1970 г. были готовы только 14, получается, что с января по середину июня Александр Исаевич написал 50 глав. Это 8 глав в месяц или же две главы в неделю. Если бы речь шла о обычном художественном произведении, за полгода такой объем работы выполнить было можно. Однако А. И. Солженицын писал исторический роман, работа над которой требовала сбора и обработки фактического материала. А поскольку роман о революции совершенно неожиданно для автора стал превращаться в роман о начале Первой мировой войны только **в**

августе 1969 г., то до этого времени сбором и изучением материалов о начале Первой мировой войны он не занимался. Нет никаких сведений о том, что он занимался этим и во второй половине 1969 г. Следовательно за первую половину 1970 г. ему необходимо было завершить сбор нового материала, обработать его и на основании этого написать 50 глав. *Без посторонней помощи в данном случае обойтись было невозможно.*

В 1970 г. кандидатура А. И. Солженицына в третий раз была выдвинута на соискание Нобелевской премии (33). «Для меня, — утверждает

А. И. Солженицын, — 1970 был *последний год*, когда Нобелевская премия еще нужна мне была, еще могла мне помочь. Дальше уже — я начал бы битву без нее. *Приходила пора взрывать на Западе „Архипелаг“*. Уже я начал исподволь готовить публичное к тому заявление» (34). Если в 1968 г. фамилия А. И. Солженицына была мало кому известна, то в 1968–1969 гг. благодаря тому залпу, который был произведен издательствами Харпер энд Роу и Бодли Хэд его произведения разошлись по всему миру. Его популярность за границей еще более увеличилась после того, как он был

исключен из Союза писателей.

Наталья Алексеевна уже строила планы, что она будет делать, если мужу дадут Нобелевскую премию, как вдруг Александр Исаевич без всяких объяснений предложил разойтись (35). Можно представить шок, который испытала Н. А. Решетовская.

26 августа между супругами произошло бурное объяснение, после которого Наталья Алексеевна записала в своем дневнике: «... расстались в слезах... весь день почти беспрестанно плакала и просто выла... Утром проснулась с готовым решением — уходить» (36). Прошло полторы недели, и 5

сентября Наталья Алексеевна получила от мужа письмо, из которого ей стало известно, что скрываемая им помощница, оказавшаяся дочерью Екатерины Фердинандовны, ждет от него ребенка (37).

7 октября Александр Исаевич собрался ехать в Рязань, чтобы там официально подать заявление на развод, но не сделал этого (38). А на следующий день произошло событие, которое коренным образом изменило всю его последующую судьбу.

Глава 4

Непризнанный гений

Нобелевский лауреат

8 октября он стал лауреатом Нобелевской премии в области литературы, как говорилось в решении Шведской академии, «за ту **этическую силу**, с какой он развивает бесценные традиции русской литературы» (1). Обратите внимание: не за художественные достоинства своих произведений, а за их содержание.

Весть о присуждении премии

застала Александра Исаевич в Жуковке. «Пришла — прорвалась телефонными звонками на дачу Ростроповича. — вспоминает А. И. Солженицын, — Век мне туда не звонили — вдруг несколько звонков в несколько минут». Одним из первых, кто принес радостную весть был «норвежец Пер Эгил Хегге, отлично говорящий по-русски, редкость среди западных корреспондентов в Москве» (2).

«...Через несколько дней после объявления премии, — пишет Александр Исаевич, — мелькнула у меня идея: вот когда я могу первый раз как бы на равных поговорить с правительством... А — кому

послать, колебаний не было: Суслову!» (3).

И действительно, 14 октября 1970 г. новый нобелевский лауреат направил М. А. Суслову письмо. В нем он предложил: до вручения Нобелевской премии напечатать «отдельной книгой значительным тиражем и выпустить в свободную продажу» повесть «Раковый корпус», «снять все виды наказаний (исключение студентов из институтов и др.) с лиц, обвиненных в чтении и обсуждении» его книг, «снять запрет с библиотечного пользования еще уцелевшими экземплярами» его «прежде напечатанных рассказов». «Если это

будет принято и осуществлено, — писал А. И. Солженицын далее, — я могу передать Вам для опубликования мой новый, *на этих днях кончаемый* роман „АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО“» (4).

Александр Исаевич чувствовал себя триумфатором. Однако его праздник был испорчен появлением в Жуковке Н. А. Решетовской. Что произошло между ними, мы не знаем, но в ночь с 14 на 15 октября сделала попытку уйти из жизни (5). «15 октября 1970 года, — информировал КГБ руководство партии, — жена СОЛЖЕНИЦЫНА — РЕШЕТОВСКАЯ приняла большую дозу снотворного и была

доставлена в больницу с диагнозом „отравление“. Сейчас она находится на излечении в психоневрологическом отделении Московской городской клинической больницы № 1» (6).

Как реагировал на это нобелевский лауреат, чем он занимался в эти октябрьские дни и с кем контактировал, остается пока тайной. Можно назвать лишь одну его встречу, упоминаемую в воспоминаниях А. Д. Сахарова, который постепенно под влиянием сначала Э. Генри, Ю. Живлюка, братьев Медведевых, потом В. Чалидзе и Е. Г. Боннэр (которая вскоре стала его женой)[\[36\]](#) все более

и более втягивался в диссидентское движение (7). Осенью 1970 г. Андрей Дмитриевич получил предложение принять участие в создании Комитета прав человека, среди инициаторов создания которой были В. М. Борисов, Т. Великанова, А. С. Вольпин Н. Горбаневская, В. Красин, Т. Ходорович, П. Якир, А. Якобсон (8). Андрей Дмитриевич не только согласился участвовать в деятельности комитета, но и попытался привлечь к его деятельности А. И. Солженицына. «В октябре 1970, — пишет Александр Исаевич, — Сахаров пришел ко мне посоветоваться о проекте комитета, но принес лишь

декларацию... Я не нашел возражений» (9).

Одним из тех вопросов, которые занимали Александра Исаевича в эти осенние дни, был вопрос о поездке в Стокгольм для получения диплома лауреата Нобелевской премии. Для этого необходимо было срочно подготовить текст нобелевской лекции, с которой обычно выступают лауреаты. «Но, — пишет А. И. Солженицын, — в напряженные эти полтора месяца (тут наложилось тяжелого семейного много) я уже не в состоянии был составить лекцию» (10). В действительности текст лекции им был составлен, но подвергся

серьезной критике со стороны А. А. Угримова, игнорировать которую было невозможно, а времени для его переработки с учетом полученных замечаний фактически не было (10а). К тому же, как утверждает, Александр Исаевич, он не исключал, что в случае поездки возвращение домой ему будет запрещено.

Его опасения на этот счет не были лишены оснований. 20 ноября 1970 г. Ю. В. Андропов как председатель КГБ при СМ СССР и Р. А. Руденко как генеральный прокурор СССР подписали «Записку КГБ при СМ СССР и Прокуратуры СССР», в которой говорилось:

«Взвесив все обстоятельства, считали бы целесообразным решить вопрос о выдворении Солженицына из пределов Советского государства». Были названы три способа решения этого вопроса: а) воспрепятствовать возвращению А. И. Солженицыну домой в случае его поездки в Швецию для получения Нобелевской премии, б) предоставить ему возможности самостоятельного выезда за границу и в) лишить его советского гражданства. К записке был приложен проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «О лишении советского гражданства и выдворении из пределов СССР Солженицына А. И.»

(11).

В тот день, когда Ю. В. Андропов подписал указанную записку, А. И. Солженицын встретился с уже упоминавшимся норвежским корреспондентом Пером Хегге. «20 ноября, вечером, — пишет Ж. А. Медведев, — я представил А. И. Солженицына и Пер Эгил Хегге друг другу» (12). Если эта встреча не была зафиксирована КГБ, то последующие его контакты оказались в поле его зрения. Из записки КГБ: «Комитетом госбезопасности получены данные, что в последнее время Солженицын активизировал контакты с находящимися в Москве

иностранными представителями. 24 и 26 ноября он имел встречи с аккредитованным в Москве корреспондентом норвежской газеты „Афтенпостен“ Хегге, на одной из которых присутствовал известный своей антиобщественной деятельностью Ж. Медведев, а 27 ноября посетил посольство Швеции» (13).

После некоторых колебаний А. И. Солженицын решил от поездки в Стокгольм отказаться (14).

Пролетели два месяца, незаметно подошло 10 декабря, на которое было назначено вручение дипломов Нобелевской премии. В этот «самый день», пишет

А. И. Солженицын, «из-за города на такси» приехал А. Д. Сахаров, «очень спешно, на пять минут, узнать, не согласился ли бы и я войти в комитет (речь идет Комитете прав человека — А.О.) членом-корреспондентом?.. Я согласился „в принципе“, т. е. вообще *когда-нибудь*». Однако, пишет Александр Исаевич далее, «тут же по возвращении состоялось пятиминутное заседание, комитет срочно „принял“ меня (и Галича), немедленно же В. Н. Чалидзе сообщил об этом западным корреспондентам» (15). Так, если верить А. И. Солженицыну, он совершенно случайно оказался в составе Комитета прав человека

вместе с А. Д. Сахаровым, А. Твердохлебовым и В. Н. Чалидзе. Весной 1971 г. к ним присоединился И. Р. Шафаревич (16).

Вспоминая вечер 10 декабря, Александр Исаевич пишет: «Этот мой необычный — нобелевский — вечер мы *с несколькими близкими друзьями* отметили так: в чердачной „таверне“ Ростроповича сидели за некрашенным древним столом с диковинными же бокалами, при нескольких канделябрах свечей и время от времени слушали сообщения о нобелевском торжестве по разным станциям» (17).

Поскольку Г. П. Вишневская и М. Л. Ростропович часто бывали на

гастролях, а в распоряжении А. И. Солженицына находился садовый домик, то, не без ехидства и удовольствия Г. П. Вишневская вспоминает: после 10 декабря 1970 г. «остряки шутили, что у нас на даче сторож живет, нобелевский лауреат» (18).

Присуждение Нобелевской премии выбило А. И. Солженицына из рабочей колеи. В одном случае он пишет, что «к октябрю 1970-го» работа над романом была завершена (19), в другом, что весть о премии «от романа отвлекла, как раз две недельки мне и не хватало для окончания „Августа“!.. *Еле-еле потом дотягивал*» (20). Вероятнее

всего, к осени 1970 г. была завершена только первая редакция романа. Когда работа над «Августом» подошла к концу, то ближайшая помощница автора оказалась неспособна заниматься его перепечаткой. К этому времени у Натальи Дмитриевны появились более важные заботы. 30 декабря 1970 г. родился второй сын, которого, по желанию отца — Александра Исаевича, назвали Ермолаем (21).

Поэтому А. И. Солженицын снова обратился к содействию Е. Ц. Чуковской. «Еще с надеждой, — пишет он, — приняла Люша стопочку рукописных тетрадок „Августа“. Она любила этот момент

и эту роль свою — первой переводить на машинку мою работу» (22). Получив на руки машинописный вариант романа, Александр Исаевич предложил его вниманию своих наиболее близких друзей и знакомых. «Зимой 1970–1971 — говорится в «Теленке», — человек 30 читали» (23).

В результате, если верить ему, рукопись стала известна КГБ. «Я не знал, — заявил он на пресс-конференции в Париже 10 апреля 1975 г., — что КГБ сумело выкрасть у меня рукопись „Августа“ на несколько месяцев раньше, чем я послал ее за границу. Они сумели сфотографировать у кого-то из

близких мне эту рукопись еще **в ноябре 70-го года**, когда я еще не вполне даже кончил ее, **я кончил ее только к марту 71-го**. Прочтя рукопись, очевидно, в КГБ приняли такой план действий: в этой книге нет ничего особенно опасного для Советского Союза и для советского правительства, вместе с тем, если ее напечатать на Западе, **Солженицына можно обвинять в том, что он самовольно печатается на Западе**. Итак, они выбирали страну, естественно для этой книги, как им показалось, Германию. Не знаю, по каким соображениям они избрали издательство „Ланген Мюллер“ и его руководителя господина Фляйснера.

Но, во всяком случае, я до марта продолжал работать на книгой, а теперь из письма самого господина Фляйснера полученного недавно, мы узнаем, что рукопись была предложена Фляйснеру еще в неоконченном виде от моего имени *в январе 1971 г»* (24).

Трудно сказать, на кого рассчитано приведенное объяснение. Для обвинения А. И. Солженицына «в том, что он самовольно печатается на Западе», не нужно было издавать там «Август Четырнадцатого», не имеющий «ничего особенно опасного для Советского союза», ведь к 1971 г. за границей уже были опубликованы и «В круге первом», и

«Раковый корпус». Поэтому вопрос о том, кто и с какой целью пытался опубликовать «Август» в Германии правильнее считать открытым. Если же со временем будет доказано, что к этой акции КГБ действительно имел отношение, то нужно будет искать другое объяснение этого факта.

Касаясь появления «пиратского» издания «Августа», А. И. Солженицын задается вполне закономерным вопросом: «Откуда же они взяли текст?». И отвечает на него: «...быть может, произошла утечка у кого-то из моих „первочитателей“... не совсем исключено, что *перифотогографировали* тот

экземпляр, который *с февраля по май* был у Твардовского» (25).

Как же переданный А. Т. Твардовскому экземпляр мог оказаться за границей, если, по свидетельству самого А. И. Солженицына, организаторы «пиратского издания» «умели сфотографировать... эту рукопись еще в *ноябре* 70-го года», если «переговоры с этим издательством были начаты в *январе*», а А. Т. Твардовский получил возможность познакомиться с рукописью только в *феврале* 1971 г.?

Перед нами очень грубая попытка бросить тень подозрения на ближайшее окружение писателя, ко

времени написания приведенных строк уже ушедшего из жизни.

Публикация «Августа»

Закончив работу над «Августом», А. И. Солженицын вернулся к своим литературным воспоминаниям и в феврале 1970 г. написал к ним «Второе дополнение», охватывающее период с осени 1967 по 1970 г. (1). При обычном темпе работы, на это требовалось две недели. Следовательно, к середине февраля «Август» был завершен, после чего оставалось внести в него некоторые исправления с учетом

первых читательских откликов и микрофильмировать.

«С осени 1970 г.» уже существовала договоренность о публикации «Августа» на русском языке в издательстве ИМКА-пресс (2). С просьбой вывезти его за границу посредники писателя обратились к уже упоминавшейся сотруднице французского посольства А. Б. Дуровой (Асей). «**В феврале 1971**, — читаем мы в воспоминаниях А. И. Солженицына, — она согласилась взять „Август“ в виде рукописи» (3). В марте роман был отправлен (4) и через некоторое время Н. А. Струве сообщил, что «набор уже идет, негласный, а

корректуру держат они сами с женой» (5). В мае последняя корректура была прислана в Москву и тогда же Александр Исаевич написал к роману небольшое послесловие (6).

Вскоре после того, как «Август» оказался за границей, Ольге Карлайл стало известно, что он был передан в издательство ИМКА пресс не только в тайне от нее, но и от Ф. Хееба (7). Это свидетельствовало, что Александр Исаевич начинал новую игру, в которой О. Карлайл отводилась второстепенная роль. С этим же было связано его решение переслать Ф. Хеебу вторую копию «Архипелага», единственный

экземпляр которого за границей до этого находился у Каралайлей (8). Весной на квартире Н. Д. Светловой ее хороший знакомый Валерий Николаевич Курдюмов заново микрофильмировал «Архипелаг». Одновременно были микрофильмированы и другие произведения А. И. Солженицына, остававшиеся неопубликованными (9). В мае через А. Б. Дурову «набор пленок» («Сейф») был отправлен за границу (10) и передан на хранение Ф. Хеебу (11). «Только с этого момента — с июня 1971 года, — пишет Александр Исаевич, — я действительно был готов и *к боям, и к гибели*» (12).

Одним из тех плацдармов, который в это время пытался создать А. И. Солженицын и с которого он собирался идти на «*гибель*», должен был стать самиздатовский «журнал литературы и общественных запросов». Проект подобного журнала существовала у него давно, но только весной 1971 г. для его осуществления были сделаны конкретные шаги. Проект, по словам Александра Исаевича, «обсуждался уже со многими», «уже и редакционный портфель кое-что содержал» (13), но дальше этого дело не пошло, после чего, по всей видимости, было решено издать имевшийся материал в виде сборника

статей, получившего название «Из-под глыб».

А пока готовился новый плацдарм, в Париже на русском языке вышел в свет «Август Четырнадцатого», изданный тиражем 20000 экземпляров (14). 25 июня КГБ поставил ЦК КПСС в известность об этом и препроводил туда аннотацию романа (15). «...в том же году, — пишет А. И. Солженицын, — вышло два соперничающих издания в Германии, затем в Голландии, в 1972-м во Франции, Англии, Соединенных Штатах, Испании, Дании, Норвегии, Швеции, Италии, в последующие годы — и в других странах Европы,

Азии и Америки» (16).

Прежде всего на роман обрушились советские средства массовой информации (17). Вызвал он неудовлетворение и среди многих поклонников А. И. Солженицына, что вынужден был отметить он сам: «...уже с „Августа“ начинается процесс раскола моих читателей, потери сторонников, и со мной остается меньше, чем уходит. На ура принимали меня, пока я был по видимости только против сталинских злоупотреблений, тут все общество было со мной. В первых вещах я маскировался перед полицейской цензурой — но тем самым и перед публикой.

Следующими шагами мне неизбежно себя открывать: пора говорить все точнее и идти все глубже. И неизбежно терять на этом читающую публику, терять современников, в надежде на потомков» (18).

Вместе с тем, на страницах нью-йоркской газеты «Новое русское слово» появилась статья известного в эмигрантских кругах профессора-филолога Н. Ульянова «Загадка Солженицына», в которой он писал: «Произведения Солженицына не написаны одним пером. Они носят на себе следы трудов многих лиц разного писательского склада, разных интеллектуальных уровней и разных специальностей». Отсюда делался

вывод, что произведения А. И. Солженицына — это результат творчества литературной мастерской КГБ (19).

Иронизируя по этому поводу, А. И. Солженицын пишет: «С выходом „Августа“ на Западе... появилась статья проф. Н. Ульянова, эмигранта, в „Новом Русском Слове“ — „Загадка Солженицына“: открыл он, что никакого „Солженицына“ в природе нет, это — работа коллектива КГБ, не может один человек так дотошно знать и описывать и тюремные процедуры, и виды онкологического лечения, и исторические военные действия, да еще в каждой книге свой новый

язык» (20).

Работа над «Августом» породила у Александра Исаевича сомнения относительно возможности реализации замысла его эпопеи даже в виде отдельных Узлов. Подчеркивая, как долго он шел к этому роману, А. И. Солженицын писал в 1971 г.: *«...и собственной жизни, и творческого воображения уже может не достать на эту 20-летнюю работу»* (21). Как мы теперь знаем, автору хватило «жизни» на «эту 20-летнюю работу», даже с избытком, а вот завершить ее все-таки не удалось. Значит дело не в «собственной жизни», а «творческом

воображении».

Но Александра Исаевича тревожила не только грандиозность начатой им эпопеи, но и возможность дальнейшей ее публикации, если он будет оставаться в СССР. «Постепенно, — пишет он, — сложилось такое решение. Критерий — открытое появление Ленина. Пока он входит по одной главе в Узел и не связан прямо с действием — этим главам можно оставлять пустые места, утаивать их, Узлы выпускаются без них. Так возможно с первыми тремя, в Четвертом Узле Ленин уже в Петрограде и ярко действует, открыть же авторское отношение к нему —

это все равно что „Архипелаг“. Итак — написать и выпустить три Узла — а потом уже двигать все оставшееся, в последнюю атаку. По расчетам казалось, что это будет весна 1975 года» (22).

Закончив «Август» и отправив на Запад новый набор фотокопий, А. И. Солженицын получил возможность полностью сосредоточиться над следующим Узлом «Красного колеса». Первоначально он планировал посвятить его военной катастрофе 1915 г., однако затем решил от 1914 г. сразу же перейти к преддверию революции, в связи с чем новый роман получил название «Октябрь

Шестнадцатого».

Позднее Александр Исаевич так описывал работу над этим романом: «С марта 1971 началась непрерывная работа над „Октябрем“, конструкция уяснилась быстро, но *долго шло накопление материалов*, а само писание в 1971 — медленно из-за тяжелой обстановки, травли советскими властями. Но *за 1972–1973 уже весь Узел был написан* (в Ильинском, Рождестве-на-Истье, Фирсановке) в 1-й редакции, а многие главы во 2-й и 3-й. Лишь ленинских глав *было две (окончательно семь)* — в то время замысел дальше не шел...» (23).

Если исходить из приведенных

строк, получается, что в 1971 г. усилия А. И. Солженицына в основном были сконцентрированы на *«накоплении материалов»*, а работа над текстом нового романа развернулась главным образом в 1972–1973 гг., что представляется вполне логичным. Однако никаких сведений о том, что в 1971 г. он трудился в архивах и библиотеках, обнаружить не удалось. Каким же образом на протяжении этого года *«шло накопление материалов»*, если Александр Исаевич делил время между Жуковкой и Борзовкой?

Ответ на этот вопрос мы находим в «Теленке»: «А разворот „Октября Шестнадцатого“ приносил

столько новых запросов, каких предвидеть было нельзя, пища и выпуская „Август“. Лишь здесь впервые обнаружилось, что *надо исследовать* не только Первую мировую войну, но — общественные течения России с начала века, и обширную персоналию от монархистов до меньшевиков, и государственную систему, и рабочее движение, и даже полный перечень петербургских заводов с нанесением их на карту города. И многие связанные с этим вопросы, работы и передачи *хлынули опять через Люшу*. Иногда я ее связывал с теми, кто справки даст, как профессор П. А. Зайончковский, но в

большинстве она сама теперь искала пути, выбирала консультантов в зависимости от разнообразных моих вопросов — и *даже имен тех консультантов я не знал и не спрашивал* (и не знаю, кого благодарить)» (24).

Получается, что А. И. Солженицыну не нужно было рыться в архивах и сидеть в библиотеках. Необходимые ему материалы «хлынули» к нему сами: успевай только их читать и отбирать нужное. В результате Александр Исаевич не только никогда не встречался с теми, кто заваливал его необходимым материалом, но не знал *«даже имена» своих*

«консультантов» (так из скромности он называет тех, кто собирал для него материал).

Как тут не вспомнить версию профессора Н. Ульянова.

Когда не пишется

После неудачной попытки покончить с собой Н. А. Решетовская на некоторое время уехала к своим друзьям в Великие Луки и вернулась домой только в начале 1971 г. 17 февраля 1971 г. она снова появилась в Москве. На следующий день в ресторане «Минск» состоялась ее встреча с мужем. Произошло

объяснение, которое очень трогательно описано Натальей Алексеевной. Во время этой встречи, если верить ей, Александр Исаевич не смог удержать нахлынувших на него чувств и заплакал, при расставании он «продолжал плакать навзрыд» (1). Этим самым Н. А. Решетовская дает понять, что их разрыв имел для ее мужа вынужденный характер.

25 февраля они встретились снова, на этот раз у касс МХАТА. Александр Исаевич повел Наталью Алексеевну на квартиру Чуковских. Но вскоре появилась Лидия Корнеевна и А. И. Солженицын поспешил увести жену. Цитируя

«Март Семнадцатого»,
Н. А. Решетовская писала: «Вот
повернулось: скрывать жену как
любовницу» (2).

Не позднее 11 апреля
Н. А. Решетовская побывала в
Ленинграде (3). В то время как
Александр Исаевич готовил
фотокопии своих рукописей для
новой отправки за границу, Наталья
Алексеевна на квартире
Л. А. Самутина фотокопировала
часть своего архива (4). Когда она
возвращалась домой, муж встречал ее
в Москве на Ленинградском вокзале,
впервые с цветами — «с тремя
тюльпанчиками» (5).

Из Рязани Н. А. Решетовская

отправилась в Крым и вернулась оттуда 23 мая, 24-го она опять встретила с мужем, на этот раз в Наре, куда приехала «условленной электричкой». Отсюда они вдвоем отправились в Борзовку. В тот же день Александр Исаевич уехал. «Прощаясь, — пишет Наталья Алексеевна, — Саня оглядел участок. На глазах выступили слезы» (6).

По всей видимости, в следующий раз, в воскресенье 20 июня, когда они снова встретились в Борзовке, Наталья Алексеевна сообщила мужу, что обнаружился еще один экземпляр «Пира победителей» (7). Он хранился в Крыму у Зубовых и был доверен

гостившим у них ленинградцам, супругам Куклиным: Ирине Валерьяновне и Анатолию Яковлевичу для передачи автору. «Я, вспоминает А. И. Солженицын этот эпизод, — постарался принять адрес без большого значения... а сам через два дня уже был в Ленинграде в Саперном переулке», где и получил сохранившийся экземпляр своей пьесы (8).

Из числа тех, к кем еще встречался здесь Александр Исаевич, нам известен только Е. Г. Эткинд, которому он привез «два экземпляра рукописи „Архипелага ГУЛАГ“» (9).

Из Ленинграда Александр Исаевич вернулся в Жуковку, пытался

писать «Октябрь», но работа шла очень плохо, поэтому периодически он бросал ее и уезжал в Борзовку. «На даче, — пишет Н. А. Решетовская, — мы живем попеременно, но больше я» (10).

Решив, что главная причина неработоспособности — отсутствие на даче М. Л. Ростроповича привычного самутинского дубового письменного стола, за которым он трудился в Борзовке, Александр Исаевич задумал перевести его в Жуковку. Помочь ему согласился его новый знакомый публицист Владимир Николаевич Осипов (11).

В. Н. Осипов был не простым публицистом. К этому времени он

уже провел несколько лет в заключении, а с января 1971 г. выпускал упоминавшийся самиздатовский журнал «Вече», который одним из первых в диссидентском движении поднял знамя борьбы с советской системой под знаменем русского национализма (12). По имеющимся сведениям, В. Н. Осипов и А. И. Солженицын познакомились через С. А. Мельникову, о которой известно, что она была учителем физики и входила в окружение художника Ильи Глазунова (13).

Между тем, и самутинский дубовый стол не принес вдохновения. «Я, — пишет Александр Исаевич, —

тем летом был лишен своего Рождества, впервые за много лет мне плохо писалось, я нервничал — и среди лета, *как мне нельзя*, решился ехать на юг, по местам детства, собирать материалы» (14) О своем решении он сообщил Н. А. Решетовской 31 июля: «При следующей встрече, в конце июля, — вспоминала Наталья Алексеевна, — Саня сказал мне, что решил не ждать осени, а теперь же, в августе, ехать на юг. Сказал, что без „Борзовки“ творчество не идет, а потому и уезжает раньше, чем думал» (15).

По свидетельству Натальи Алексеевны, уехал Александр Исаевич 7 августа. Снова встретиться

они договорились через две недели. 13-го Н. А. Решетовская приехала в Борзовку и узнала, что в ее отсутствие на их даче был задержан вор. Сменив замок, она отправилась в милицию, где ей сообщили, что в их доме была устроена засада и в нее попал грабитель. Из этого же разговора стало известно, что Александр Исаевич заболел и уже вернулся из поездки (16). Можно было бы ожидать, что в тот же день Наталья Алексеевна позвонит в Жуковку, но она сделала это только в понедельник 16-го и только на следующий день отправилась туда. «Мой муж, — вспоминала Н. А. Решетовская, — вошел на

кухню, двумя руками опираясь на палку — от боли, наверное, но скорее для того, чтобы не поцеловать мне руки, как это было заведено в то лето. На нем был накинут плащ (был полуодет из-за ожогов). Показался мне постаревшим. Лицо его было очень хмурым» (17).

От мужа Наталья Алексеевна узнала, что в дороге он перенес «тепловой удар», в результате чего у него на теле появились «волдыри» и даже «самые настоящие ожоги», и что сейчас его лечат «врачи из онкодиспансера, сравнительно недалеко от Жуковки» (18).

Касаясь этого эпизода в «Теленке», А. И. Солженицын

буквально скороговоркой отмечает: «...*меня опалило в дороге*, и я с *ожогом* вернулся от Тихорецкой, не доехав едва-едва» (19). Где, когда, как и при каких обстоятельствах его «опалило»? Что получил он в результате этого: «ожог», как пишет он сам, или «ожоги», как утверждает Н. А. Решетовская? Какая часть тела и насколько сильно была «обожжена»? Эти вопросы остаются без ответа.

Известно лишь, что 8 августа на автомашине вместе с А. А. Угримовым он был в Новочеркасске, 11-го из Тихорецкой поездом отправился в обратный путь (20) и в 5.00 следующего дня был в

Москве на Курском вокзале, где его встречали Е. Ф. Светлова и его новый знакомый Александр Моисеевич Горлов (21). С Курского вокзала А. М. Горлов отвез А. И. Солженицына в Жуковку, а затем по его просьбе поехал в Борзовку за автомобильной деталью, необходимой для ремонта автомашины, которая то ли испортилась, то ли была повреждена в дороге (22).

На даче А. М. Горлов обнаружил незнакомых ему людей, которые сначала избили его, а затем доставили в милицию. Позднее ему объяснили, что это была засада, которая якобы ожидала грабителей

(23). Узнав о случившемся, Александр Исаевич, сразу же отправил письмо на имя Ю. В. Андропова, обвинив в произошедшем КГБ (24). КГБ пришлось давать объяснения, из которых выяснилось, что в Борзовке А. М. Горлов действительно столкнулся не с работниками милиции, а с сотрудниками КГБ (25). Что они там делали, можно только предполагать.

Касаясь этого эпизода, А. И. Солженицын напишет позднее: «...три месяца пролежал я пластом» (26). В действительности, болезнь продолжалась не три месяца, а полтора и Александр Исаевич

вставал уже в первые дни болезни. Как явствует из дневника врача Николая Алексеевича Жукова, 24 сентября 1971 г. он нанес А. И. Солженицыну последний визит и констатировал, что тот окончательно поправился (27).

Страсти вокруг Нобелевской премии

«После долгой болезни, — пишет А. И. Солженицын, — я только вошел в работу над „Октябрем 16-го“, оказалось — море, двойной узел, если не тройной: за то, что я „сэкономил“, пропустил 1915 год,

несомненно нужный, и за то, что в Первом Узле обошел всю политическую и духовную историю России с начала века, — теперь все это сгрудилось, распирает, давит. Только бы работать, так нет, опять зашумела нобелиана, как будто мне с медалью и дипломом на руках будет легче выстаивать против ГБ. Раз так — надо Узел бросать, оживлять и переделывать лекцию, а напишешь — с нею выступать» (1).

Точную дату возвращения А. И. Солженицына к проблеме Нобелевской премии установить пока не удалось. Можно лишь отметить, что тем катализатором, который заставил Шведскую

академию снова вспомнить о нем, стали воспоминания Пера Хегге, опубликованные в сентябре 1971 г. В них он обвинил шведское посольство в Москве в том, что в 1970 г. оно вместе с советским правительством сорвало вручение А. И. Солженицыну диплома лауреата Нобелевской премии, так как это, оказывается, можно было сделать в Москве (2).

Разразился скандал. 7 октября Шведская академия и Нобелевский фонд вынуждены были выступить с сообщением для прессы, в котором попытались возложить ответственность за все на самого лауреата (3). 22 октября, когда это

сообщение стало известно ему (4), А. И. Солженицын обратился к обеим организациям с письмом, в котором заявил: «И в нынешнем году, как и в прошлом, я готов получить нобелевские знаки в Москве, но разумеется, не конфиденциально» (5).

22 ноября секретарь Шведской академии Карл Рагнар Гиров направил А. И. Солженицыну ответ, в котором говорилось, что диплом лауреата может быть ему вручен как в посольстве, так и в другом удобном для него месте (6). Ухватившись за последнюю фразу, Александр Исаевич предложил провести церемонию вручения ему диплома

лауреата Нобелевской премии, если нельзя в посольстве, то на частной квартире (7). «Прецедента, кажется не было, — пишет он, — но Гиров согласился» (8).

А пока шла эта переписка, в ночь с 17 на 18 декабря умер А. Т. Твардовский. Узнав об этом, А. И. Солженицын отложил свои дела и отправился в Москву, похороны состоялись 21 декабря. (9). Простившись со своим литературным отцом, Александр Исаевич вернулся к нобелиане. Теперь, когда вопрос в принципе был решен, необходимо было прежде всего подготовить Нобелевскую лекцию. Она была написана «в конце

1971 — начале 1972» (10).

«Тем временем, — пишет А. И. Солженицын, — шла переписка с... Гировым... Стали уточнять срок. Он не смог в феврале и марте. Такая отложка устроила и меня: чтение лекции казалось мне **взрывом**, до взрыва надо было привести в порядок дела...: **хоть часть глав Второго Узла довести до чтимости**; рассортировать перед **разгромом** свои обильные материалы, накопленные для „Р-17“, съездить еще раз в Питер и посмотреть нужные места» (11). Из этих слов явствует, что к концу 1971 г. работа над вторым Узлом находилась еще на самой начальной

стадии и не было написано еще ни одной главы.

На рождество, т. е. 6 января 1972 г., Александр Исаевич услышал по зарубежному радио обращение патриарха Пимена к русской эмиграции с призывом воспитывать своих детей с верой в бога (12). Под влиянием этого у него возникло Великопостное письмо к Всероссийскому Патриарху (13). Выразив свое удивление по поводу того, что патриарх не обращается с таким же призывом к своим согражданам, А. И. Солженицын бросил в его адрес ряд обвинений, из числа которых самым серьезным было обвинение в зависимости

церкви от государства и нежелании поддерживать тех священников, которые не желают мириться с таким положением (14).

Письмо было перепечатано Люшей. «...когда в феврале 1972 я *предложил* (заметьте: *предложил*, а не *попросил* — А.О.) ей печатать Письмо Патриарху — пишет А. И. Солженицын, — она впервые за все наше сотрудничество открыто взбунтовалась, отказалась и в этот момент была сама собой, стряхнула замороженность: на седьмом году нашей работы обнаружилось, что думаем мы — по-разному» (15).

20 февраля на квартире Н. Д. Светловой Александр Исаевич

встретился с Генрихом Беллем и Л. Копелевым (16). В этот день Л. З. Копелев записал в дневнике: «Мы с Аннемари и Генрихом у Солженицына. Блины. „Прощенное воскресенье“. За столом И. Шафаревич — математик, член-корреспондент АН. Молчалив, очень благовоспитан, очень правильно говорит по-немецки» (17).

Цель этой встречи была связана с желанием А. И. Солженицына переправить за границу свое завещание. Поскольку заверить его в советской нотариальной конторе представлялось рискованным, в качестве нотариуса было решено использовать Генриха Белля. Он же

должен был вывезти завещание за границу (18). Из дневника Л. З. Копелева: «Несколько дней спустя. Вторая их встреча — на нейтральной почве; все очень конспирируем. С. передал тексты своего завещания и еще кое-что. Ни в первый, ни во второй раз я не заметил филеров, впрочем теперь у них есть электроника, издаleка видят» (19).

Действительно, ускользнуть от наблюдения не удалось. Обе встречи оказались в поле зрения КГБ, что позволяет датировать вторую из них — 9 марта 1972 г. (20).

Кроме обсуждавшейся церемонии вручения диплома

лаурета Нобелевской премии, написания текста нобелевской лекции, составления завещания и письма к патриарху, А. И. Солженицына отвлекали от романа и другие дела, из которых прежде всего следует назвать подготовку к изданию Архипелага. С февраля 1972 г. на переводе первого тома на немецкий язык сосредоточилась Э. Маркштейн (21). Тогда же, в **1972** г., А. И. Солженицын сделал к «Архипелагу» некоторые примечания (22).

Уже после того, как окончательный вариант «Архипелага» был отправлен за

границу, возник вопрос, что делать с его старой и промежуточной редакциями? И «тут — пишет А. И. Солженицын — родилась у Люши и Кью затея спасти *промежуточную перепечатку* „Архипелага“, для того внести многочисленные исправления из последней редакции и даже целые главы впечатать. Затея избыточная, уже не хватало и мест хранения, а и жалко было уничтожать: *лишних три экземпляра*, еще когда-то пригодятся. Эту работу Кью сделала частично, затем понятно стало, что не удастся и мы решили, чтобы не оставлять разночтений, экземпляр за экземпляром уничтожить» (23). И

далее: «А все хранители оттягивали и сопротивлялись: один экземпляр был спрятан через О. А. Л[иверовскую], один зарыт близ дачи Е. Г. Эткинда, а личный экземпляр Кью — на даче Л. А. Самутина под Лугой и тоже мол зарыт. *В марте 1972 г.* я был в Ленинграде *последний раз* и только о первом экземпляре меня уверили, что уничтожен. А второй и третий были целы, хотя я давно настаивал сжечь — и в тот момент я своими руками достал бы и сжег оба, да земля была мерзлая, надо было ждать тепла» (24).

27 марта после возвращения из Ленинграда А. И. Солженицын

познакомился со шведским журналистом Стигом Фредриксоном (25), а 30 марта 1972 г. на квартире Н. Д. Светловой принял в ее присутствии двух американских журналистов: Роберта Кейзера и Хедрика Смита («сговорились через Ж. Медведева») (26). Часть беседы была проведена под магнитофонную запись, часть беседы велась «письменно» (27). Несмотря на это, уже 3 апреля КГБ информировал Политбюро о ее содержании, причем отмечалось, что текст переданного А. И. Солженицыным интервью составлял 25 листов (28).

Интервью американским корреспондентам появилось в печати

4 апреля (29). В нем Александр Исаевич сделал попытку опровергнуть некоторые сведения о его родословной, появившиеся к этому времени в печати (30). Интервью было приурочено к намеченной на 9 апреля церемонии вручения А. И. Солженицыну диплома лауреата Нобелевской премии (31).

Поскольку Шведское посольство не согласилось на вручении премии в его помещении, было решено сделать это на квартире Н. Д. Светловой. «Подготовка этой церемонии, — пишет А. И. Солженицын, — кроме бытовых трудностей — прилично принять в рядовой квартире 60

гостей и все именитых... была сложна, непривычна» и в других отношениях (32).

Но продумано было все: «Сперва: определить список гостей — так, чтобы не пригласить никого сомнительного (по своему общественному поведению) и не пропустить никого достойного (по своему художественному или научному весу), — вместе с тем, чтобы гости были реальные, кто не струсит, а придет» (33). Кто попал в этот список достойных, пока неизвестно. Известно лишь, что в нем фигурировала министр культуры СССР Е. Фурцева (34).

«Затем надо было таить

пригласительные билеты — до дня, когда Гиров объявил дату церемонии, и теперь этих гостей объехать или обослать приглашениями — кроме формальных еще и мотивировочными письмами, которые побудили бы человека предпочесть общественный акт неизбежному будущему угнетению от начальства» (35).

Но и это не все. Церемония специально была назначена на воскресенье, «чтобы никого не задержали на работе», и не на вечер, а на дневное время, «чтобы госбезопасность, милиция, дружинники не могли бы в темноте скрытно преградить путь: днем такие

действия были доступны фотографированию» (36).

Кроме того, «надо было найти и таких бесстрашных людей, кто, открывая двери, охранял бы их от врыва бесчинствующих гебистов. Предусмотреть и такие вмешательства, как отключение электричества, непрерывный телефонный звонок или камни в окно» (37).

Сразу видно, что церемонию готовили профессионалы.

Об этом же свидетельствует и то, что день ее проведения до самого последнего момента был известен только очень узкому кругу лиц. «Дату нобелевской церемонии — 9 апреля,

на первый день православной Пасхи, — пишет А. И. Солженицын, — Гиров объявил, подавая заявление на визу, кажется, 24 марта», а «где-то в 20-х числах марта было принято давно откладываемое правительственное решение: ошельмовать меня публично и выслать из страны» (38).

Действительно, как только снова возник вопрос о вручения А. И. Солженицыну диплома лауреата Нобелевской премии, он опять привлек к себе внимание КГБ. Уже 16 ноября 1971 г. Ю. В. Андропов и А. А. Громыко информировали ЦК КПСС: «...по сообщениям шведской печати, МИД Швеции недавно заявил

Нобелевскому фонду о согласии передать Нобелевскую премию Солженицыну через шведское посольство в Москве... советская сторона ожидает, что шведское посольство в Москве воздержится от какого-либо участия в мероприятиях, связанных с вручением премии Солженицыну» (39). 7 января 1972 г. Политбюро ЦК КПСС специально рассмотрело данный вопрос и признало, что «пока» вручение Нобелевской премии А. И. Солженицыну «нецелесообразно» (40).

16 февраля 1972 г. Секретариат ЦК КПСС вернулся к вопросу о А. И. Солженицыне и высказался за

необходимость принятия мер по пресечению его враждебной деятельности (41). В соответствии с этим 27 марта 1972 г. КГБ (Ю. В. Андропов) и Прокуратура СССР (Р. А. Руденко) представили в ЦК КПСС специальную записку о А. И. Солженицыне, в которой снова ставился вопрос о необходимости его выдворения из СССР. (42). К записке были приложены проекты соответствующих постановлений (43). 30 марта данный вопрос рассматривался на заседании Политбюро ЦК КПСС, однако все ограничилось поручением Н. В. Подгорному и Ю. В. Андропову подготовить предложения и внести

их в ЦК КПСС (44). 14 апреля 1972 г. Политбюро вернулось к данному вопросу, но предложение Ю. В. Андропова о высылке А. И. Солженицына из СССР принято не было, вопрос остался открытым (45).

В этой истории много неясного. Самое удивительное: откуда А. И. Солженицын мог тогда знать об обсуждении данного вопроса на столь высоком партийно-правительственном уровне?

Все было готово к церемонии. Шли последние дни. И вдруг 5 апреля, за четыре дня до назначенной церемонии, К. Гирову было отказано в визе (46). В

результате 9 апреля за праздничным столом на квартире Светловых собрались только свои, приглашены были лишь два самых близких человека: Н. И. Столярова и И. Р. Шафаревич (47).

Развод

Поскольку с осени 1971 г. до весны 1972 г. А. И. Солженицын был занят подготовкой к церемонии вручения ему диплома Нобелевской премии, а кроме того, неоднократно отвлекался на другие дела, то работать над романом «Октябрь Шестнадцатого» он мог в лучшем

случае урывками. И, как он признается сам, главную свою цель в это время он видел в том, чтобы «рассортировать перед *разгромом* свои обильные материалы, накопленные для „Р-17“» и «*хоть часть глав Второго Узла довести до чтимости*». Это значит, что вплоть до апреля 1972 г. работа над «Октябрем» продолжала находиться на самой начальной стадии.

Как только потеплело, Александр Исаевич отправился в Борзовку. «Не знаю, сколько дней провел он там в апреле, — пишет Н. А. Решетовская, — но сделал немало. Вскопав и унавозив несколько грядок, он засадил их. Об

этом свидетельствовал набросанный им план посевной, на котором приводилось расположение грядок и записано было, чем именно они были засажены. Слева внизу муж открыл столбик с датами. Первый срок — 25 апреля» (1).

После 25-го А. И. Солженицын уехал то ли в Москву, то ли в Жуковку. Во всяком случае, когда 5 мая в Борзовке появилась Наталья Алексеевна, мужа она не застала. Не ранее 6 — не позднее 8 мая он снова побывал здесь, а затем исчез почти на три недели (2). Вероятно, ему не писалось, и в промежуток между 8 и 29 мая он совершил две поездки: в Ленинград и в Тамбовскую область.

«Прошло полтора месяца, — писал Е. Г. Эткинд, имея в виду мартовский приезд А. И. Солженицына, — Великий писатель земли русской был опять в Ленинграде» (3). По всей видимости, именно в этот раз Е. Г. Эткинд организовал ему «экскурсию» по Таврическому дворцу, обратившись с этой целью за помощью к преподавателю размещавшейся во дворце Высшей партийной школы Давиду Петровичу Прицкеру (4). «Прицкер, — вспоминает А. И. Солженицын. — встретил меня на пороге дворца, провел мимо военного контроля, и побрели мы наслаждаться Купольным залом» (5).

Позднее в одном из интервью Александр Исаевич отмечал: «...Два месяца я пешком исхаживал весь город (Ленинград — А.О.), изучал все места» (6). А вот другое его свидетельство на этот же счет: «...что касается Петербурга — Петрограда, то я посвятил, к счастью, один полный месяц жизни на то, что пешком, ежедневно, ходил по городу, имея на руках объяснительные карточки на все улицы...» (7). Эти слова, видимо, нужно понимать так, что он был в Ленинграде в течение двух месяцев (в марте и в мае), а общая продолжительность двух этих поездок составляла около месяца.

Вернувшись из Ленинграда, Александр Исаевич сразу же отправился в Тамбовскую область. Отмечая ожидавшуюся публикацию своей Нобелевской речи, он пишет: «К началу июня она должна была появиться. Я все еще ждал взрыва, в оставшееся время поехал в Тамбовскую область — глотнуть и ее, может быть, в последний раз» (8). Точное время этой поездки неизвестно, известно лишь, что 24 и 26 мая 1972 г. он находился в Тамбове (9).

Из Тамбова Александр Исаевич вернулся не ранее 26 — не позднее 29 мая 1972 г. Во всяком случае 29-го он уже был в Борзовке (10) и 2 июня

встретился здесь с Натальей Алексеевной (11).

Эта встреча была связана с начавшимся бракоразводным процессом. Как мы знаем, вопрос о разводе возник еще летом 1970 г. Затем А. И. Солженицын решил оставить все, как есть. Осенью 1971 г. он снова вернулся к этому вопросу. Для его обсуждения Александр Исаевич и Наталья Алексеевна встретились 19 октября в Москве у «общих знакомых». При чтении воспоминаний Н. А. Решетовской складывается впечатление, что первоначально она была готова к разводу. Во всяком случае, во время этой встречи она

заявила, что имеет право на 1/4 Нобелевской премии (12), которая, по утверждению А. И. Солженицына, составляла тогда около 70 тыс. рублей (13). Это значит, что Наталья Алексеевна претендовала на 17,5 тыс. руб. Чтобы оценить значение этой цифры, необходимо учесть, что та пенсия, которую она должна была получать с 1974 г., могла составлять не более 132 руб. в месяц.

Однако когда 25 октября 1971 г. Александр Исаевич подал заявление о разводе в суд, Н. А. Решетовская согласие на него не дала. С чем это было связано, можно только предполагать. 29 ноября в Рязани

состоялось первое судебное заседание, которое постановило дать супругам полгода на примирение. 28 мая 1972 г. установленный срок истек, и на следующий же день Александр Исаевич уведомил суд, что его позиция не изменилась (14). Новое судебное заседание было назначено на 20 июня. Несмотря на возражения Н. А. Решетовской, на этот раз суд удовлетворил просьбу ее мужа о разводе (15).

На следующий день КГБ направил в ЦК КПСС информацию: «20 июня сего года народный суд Октябрьского района гор. Рязани вынес решение о расторжении брака между СОЛЖЕНИЦЫНЫМ и его

бывшей женой РЕШЕТОВСКОЙ. В судебном заседании СОЛЖЕНИЦЫН, объясняя причины развода, заявил, что на РЕШЕТОВСКОЙ он женился „по ошибке“, в последнее время фактически живет с другой женщиной (СВЕТЛОВОЙ), от которой ожидает рождения второго ребенка. Одновременно он сказал, что в связи с разводом передает РЕШЕТОВСКОЙ автомашину „Москвич“, гараж, пианино и четвертую часть Нобелевской премии, „хотя она на нее — подчеркнул СОЛЖЕНИЦЫН. — не имеет права“» (16).

Этот бракоразводный процесс

привлек к себе внимание не только КГБ. Оказывается самый живой интерес к нему проявили те лица, которые стояли за изданием журнала «Вече» и группировались вокруг него. В связи с этим В. Н. Осипов посетил А. И. Солженицына, попытался предостеречь его от развода и внушить мысль, что за спиной всей этой истории стоят еврейско-масонские круги, которые специально свели его со Н. Д. Светловой, чтобы, используя ее поставить его под свой контроль (17).

После суда Александр Исаевич вернулся в Борзовку и, по всей видимости, провел там около

месяца, а Наталья Алексеевна уехала к своим друзьям в Великие Луки (18). Через некоторое она написала мужу письмо с просьбой «выполнить свои обещания» и перевести на нее «Борзовку и валюту». Одновременно она телеграммой опротестовала решение суда и потребовала нового разбирательства (19).

Александр Исаевич ответил ей 7 июля. Он обошел стороной вопрос о Борзовке, но отметил, что свою долю Нобелевской премии она может получить в любое время, согласился признать за нею право на купленный для нее «Москвич», обещал со временем передать ей часть своих гонораров за те произведения,

которые были написаны им до развода. В то же время он поставил перед нею вопрос о возвращении ему остающейся у нее части его архива, а также ее писем к нему и выразил уверенность, что она сделает это добровольно. Письмо заканчивалось готовностью, начиная с 25 июля, в любой день передать Наталье Алексеевне Борзовку для отдыха (20).

25-го Наталья Алексеевна действительно приехала на дачу, а Александр Исаевич вернулся в Жуковку, но пробыл там недолго, так как 27 июля ему снова пришлось быть в Рязани: решение районного суда о разводе было отменено областным судом. Разумеется,

Александр Исаевич не
удовлетворился этим и подал
апелляцию в Верховный суд РСФСР
(21). Предстояло новое
разбирательство.

Страсти вокруг развода достигли
своего высшего накала. Не ранее 4 —
не позднее 9 августа Наталья
Алексеевна решила обратиться к
своей сопернице и с этой целью
отправилась на дачу
М. Л. Ростроповича, однако
Александр Исаевич и
Г. П. Вишневская не допустили
Н. А. Решетовскую к ней (22). Тогда
20 августа она написала Наталье
Дмитриевне письмо, которое
заканчивалось словами: «Если

развод так уж необходим, так уж неизбежен, то ему должно предшествовать наше взаимное примирение, установление добрых человеческих отношений, признание Вашей и Саниной вины передо мной, а не очернительство меня» (23).

Письмо было вручено Наталье Дмитриевне только после того, как 23 сентября она разрешилась от бремени и на свет появился ее третий сын, которого называли Игнат^[37] (24).

18 октября 1972 г. Наталья Алексеевна впервые встретила с Натальей Дмитриевной, которая не только извинилась перед ней, но и попросила ее о разводе. После этого

Н. А. Решетовская, по ее словам, решила больше не удерживать мужа насильно и отозвала свое заявление из Верховного суда РСФСР. Поскольку теперь на развод были согласны обе стороны, дело могло быть решено не в суде, а в ЗАГСе. 14 декабря 1972 г. Александр Исаевич и Наталья Алексеевна подали общее заявление и для расторжения брака им был назначен день — 15 марта 1973 г. (25).

Таким образом, бракоразводный процесс вступил в завершающую стадию. Однако два с половиной года нервного напряжения не прошли бесследно. Жертвой произошедшей семейной драмы стала Мария

Константиновна. Под влиянием пережитого у нее начался рак. 23 января 1973 г. она умерла. 26-го Александр Исаевич приехал в Рязань проститься со своей тещей, после похорон ушел с поминок «по-английски», ни с кем не попрощавшись (26).

Между тем семейные дела лауреата Нобелевской премии привлекли внимание печати и 26 февраля 1973 г. в на страницах «Нью-Йорк таймс» появилась специальная статья на эту тему (27). Если учесть, что около года назад именно эта газета опубликовала интервью с А. И. Солженицыным с целью защиты его имени, если принять во

внимание, что заместителем главного редактора этой газеты был Гаррисон Солсбери, то публикация названной статьи представляется симптоматичной.

И действительно именно в эти февральские 1973 г., Ольга Карлайл направила А. И. Солженицыну письмо с отказом от участия в издании «Архипелага» (28). Это было связано с тем, что осенью 1972 г. А. И. Солженицын ограничил право Карлайлей на «Архипелаг» только США, причем поставил условием, чтобы договор с издательством Харпер энд Роу был заключен Ф. Хеебом (29), а затем отодвинул издание «Архипелага» «на

май 1975 г.» (30). Становилось ясно, что без письменно оформленного договора иметь дело с лауреатом Нобелевской премии невозможно.

На публикацию «Нью-Йорк таймс» откликнулись сотрудник АПН Семен Владимиров и Жорес Медведев^[38]. Статья первого называлась «Солженицын в рубище» (31), второго — «В защиту Солженицына» (32). Названия статей говорят сами за себя.

По свидетельству Н. А. Решетовской, в статье Ж. Медведева было затронуто ее имя, причем в оскорбительной для нее форме, поэтому она обратилась в Агенство печати Новости (АПН) и

выразила желание опровергнуть некоторые факты, содержащиеся в этой статье (33). 9 марта на страницах Нью-Йорк Таймс появилось ее интервью, которое она дала сотрудникам АПН Рогачеву и Старшинову (34).

Вслед за этим АПН предложило Н. А. Решетовской опубликовать ее воспоминания о А. И. Солженицыне, на которые она писала уже четвертый год. 18 июня ею был подписан договор, в соответствии с которым к 18 декабря она должна была представить рукопись воспоминаний в издательство (35). А поскольку АПН работало под непосредственным контролем КГБ,

получается, что уже весной-летом 1973 г. он начал готовить литературный залп по А. И. Солженицыну.

15 марта 1973 г. Н. А. Решетовская и А. И. Солженицын официально оформили развод (36), после чего 20 апреля Александр Исаевич вступил в законный брак со Н. Д. Светловой. А 24 апреля Екатерина Фердинандовна обратилась в милицию с заявлением о прописке своего нового зятя (37).

На следующий же день министр внутренних дел Н. А. Щелоков поставил об этом в известность ЦК КПСС (38). Ответ за подписью заведующих Отделом культуры

В. Шауро и Отделом
административных органов
Н. Савинкина последовал 10 мая
1973 г. В нем говорилось: «КГБ
СССР считает прописку
Солженицына в Москве
нежелательной и просит решить
вопрос об отказе ему в прописке. В
соответствии с поручением данный
вопрос рассмотрен в Отделах ЦК
КПСС с участием Генерального
прокурора СССР т. Руденко,
министра внутренних дел СССР т.
Щелокова и заместителя
председателя Комитета
государственной безопасности при
Совете министров СССР т.
Чебрикова... Учитывая просьбу

Комитета госбезопасности, условились, что органы милиции, не отказывая Солженицыну в прописке, вместе с тем пока не будут принимать окончательного решения. Имеется в виду, что по истечении некоторого времени МВД СССР и Комитет госбезопасности возвратятся к рассмотрению этого вопроса» (39).

В результате, как позднее утверждал Александр Исаевич, он стал бездомным (40): в Рязани в одной квартире со своей бывшей женой он жить не мог, а жить в Москве на квартире своей новой жены без прописки не имел права.

9 апреля 1973 г.

А. И. Солженицын направил И. Н. Томашевской в Крым письмо: «Мы — писал он, — увидимся с Вами теперь только в декабре, но уже *обязательно*. А вслед за тем я, очевидно, приеду в Ленинград» (1). Однако увидеться с И. Н. Томашевской ему не довелось, так как осенью 1973 г. она умерла, а он появился в Ленинграде только через четверть века. Жизнь внесла в его планы свои коррективы.

Весной 1973 г. Александр Исаевич покинул Жуковку и снял дачу в подмосковном поселке

Фирсановка (2), переезд на которую был завершён 25 мая (3). Оттуда изредка он наезжал в Борзовку (4).

Бракоразводная история, тянувшаяся полтора года и несомненно отвлекавшая от дел, была позади. Казалось бы, теперь можно было полностью сосредоточиться на романе. Однако Александр Исаевич не был настроен на творческий лад. В начале августа он посетил Переделкино и здесь поведал Люше о своем, как он пишет, «*плане атаки*», которая должна была начаться крупным интервью зарубежным журналистам, с критикой существующей власти (5).

Не позднее 9 августа из

Переделкино А. И. Солженицын отправился в Борзовку. «В августе,.. — вспоминала Н. А. Решетовская, — Александр Исаевич жил в „Борзовке“ больше недели. Покидая „Борзовку“, он оставил мне письмо... Писал, что целую неделю шли небывалые дожди... в лесу было много грибов, так что он ел их ежедневно» (6). Первоначально здесь А. И. Солженицын собирался провести «половину» лета, «лишь половину, ибо теперь делил его по времени со своей бывшей женой» (7). Но приехав сюда уже с готовым решением о переходе в открытое наступление, он здесь не задержался.

И хотя Александр Исаевич пишет, что в эти летние дни 1973 г. он жадно «впивался» в работу, конкретного представления о том, чем именно он занимался мы не имеем. Можно было бы предполагать, что одним из его занятий была работа над «Октябрем 16-го». Но на этот счет в нашем распоряжении имеются противоречивые свидетельства.

«На Второй узел, — читаем мы в «Теленке», — мне не хватило совсем немного — месяца четыре, до конца 1973 г. Но их — не давали мне. Только срочно продублировать на фотопленку что есть, чтоб это-то не погибло в катастрофе. Тем более

мерк Третий узел, так манивший к себе, в революционное полыханье. Сламывались все мои искусственные сроки, ничто не оставалось ясным, кроме: надо выступать» (8). Получается, что летом 1973 г. работа над «Октябрем» была приостановлена.

А вот что А. И. Солженицын пишет в «Зернышке»: «У „Октября“ была особая, сложная судьба. Я усиленно писал его в 1971-72, еще под Москвой у Ростроповича. Потом накальная советская жизнь — оторвала, покинула надолго» (9). Если исходить из этих слов, следует признать, что в 1973 г. Александра Исаевич вообще не занимался

романом.

Не совсем ясно и то, на какой стадии остановилась работа над эти Узлом. В одном случае А. И. Солженицын утверждал, что *«за 1972–1973 уже весь Узел был написан»* (см. выше). В другом случае он пишет, что для завершения работы над ним ему «не хватило совсем немного — месяца четыре, до конца 1973 г.» (см. выше). А вот его же слова из письма Г. П. Вишневской и М. Л. Ростроповичу: «...у Вас, — отмечал он, имея в виду свое пребывание в Жуковке, — я написал больше половины „Августа“ да и значительную часть „Октября“» (10). Следовательно, к маю 1973 г... когда

писатель покинул дачу
М. Л. Ростроповича «Октябрь» был
написан менее чем наполовину.

Свернув работу над эпопеей,
Александр Исаевич решил
обратиться к руководителям
советского государства с
предложением радикально изменить
как внешнюю, так и внутреннюю
политику. Так, по его словам, за *«два
дня в начале августа»* на свет
появился первый вариант его
«Письма вождям Советского Союза»
(11).

В «Теленке» А. И. Солженицын
трогательно описывает, как он
прощался со своей дачей. *«В
середине августа, уезжая в бой, я*

обходил все места вокруг и каждую
пять участка, прощался с Рождеством
навсегда. Не скрою: плакал...» (12).

Именно в это время, Наталья
Алексеевна в Рязани была
приглашена на встречу с приехавшим
из Москвы сотрудником КГБ,
которого, по свидетельству
Н. А. Решетовской, интересовал
только один вопрос — имеется ли у
нее дома текст «Архипелага». Дав,
по ее словам, отрицательный ответ
на этот вопрос, она отправилась в
Борзовку, где на 18 августа у нее была
назначена встреча с бывшим мужем
(13), но когда она приехала туда, то
обнаружила только его письмо от 16
августа («Натуся, обстоятельства

требуют моего отъезда сегодня») и заявление в кооператив с просьбой переписать дачу на Наталью Алексеевну («проводи его не откладывая») (14).

Если бы решение о необходимости выступить «на бой» Александр Исаевич принимал сам, ему ничего не стоило дожждаться своей бывшей жены. Если же он не сделал этого, значит, боевой сигнал был дан кем-то другим. Из Борзовки Александр Исаевич направился в Фирсановку, где проводила лето его новая семья. По пути он сделал остановку в Москве.

«Это было — августа 19-го или 20-го, — вспоминает

А. И. Солженицын, — я пришел к Стигу на свидание *с планом целой серии ударов* задуманной контратаки. Я так понимал, что это — *последнее и высшее, что мне дадут сделать* и я предлагал теперь Стигу выйти из его тайной роли,.. самому открыто брать у меня интервью... он в полутьме, под вечерним деревом чуть подумал — и отказался... на интервью... прислал Фрэнка Крепо... и по моему настоянию корреспондента из „Монд“... (Я еще очень не разбирался тогда в оглядчивости и двуликости этих газет)... Ожидая плотного боя, мы со Стигом договорились на сентябрь 1973 г.

встречаться каждые десять дней. Даты были намечены заранее, но плотность понадобилась еще больше» (15).

И далее: «Последняя неделя, последние ночи перед наступлением были совсем бессонные. Все ревели самолеты над самыми крышами Фирсановки... Первый удар я намечал — письмо министру внутренних дел, — ударить их о крепостном праве (имеется в виду отказ ему в московской прописке — А.О.)... Я пометил письмо 21 августа (пятилетие оккупации Чехословакии), но из-за серьезности его текста задержал отправку до 23-го, чтобы беспрепятственно нанести

второй удар — дать интервью...» (16).

А пока А. И. Солженицын только готовился к бою, 21 августа в годовщину чехословацких событий академик А. Д. Сахаров провел в Москве свою первую пресс-конференцию с иностранными журналистами, на которой открыто выступил с критикой советского режима (17). Через день, 23 августа А. И. Солженицын дал интервью агенству «Ассошиэйтед Пресс» и газете «Монд» (18). В отличие от А. Д. Сахарова он протестовал только по поводу тех «стеснений и преследований», которым он подвергался он сам и близкие ему

люди. «Сразу после интервью, — пишет Александр Исаевич, — я вышел в солнечный день на улицу Горького,.. быстро шел к телеграфу с дать заказное письмо министру» (19).

Прошло еще несколько дней и Александр Исаевич дал команду начать подготовку «Архипелага» к печати. Что же заставило его форсировать события? По словам А. И. Солженицына, причиной этого стала та драма, которая разыгралась в конце августа в Ленинграде (20).

Еще 17 июля КГБ направил в ЦК КПСС фрагменты из воспоминаний Е. Д. Воронянской, которые хранились у ее подруги

Н. Ф. Пахтусовой (21). В них содержалась характеристика «Архипелага» и давалась весьма негативная оценка существовавшего режима: «...советское правительство за валюту готово продать не только отца родного, но весь марксизм-ленинизм с его тремя источниками (ну, конечно, не на свету, а тайно, секретно)» (22).

4 августа Н. Ф. Пахтусова и Е. Д. Воронянская, отдохавшие до этого в Крыму, вернулись в Ленинград и здесь были арестованы прямо на перроне Московского вокзала. Н. Ф. Пахтусову повезли домой, где у нее был произведен обыск, а Е. Д. Воронянскую, видимо,

доставил на Литейный проспект (23). Во время обыска были обнаружены не только уже цитированные воспоминания Е. Д. Воронянской, но и дневник Н. Ф. Пахтусовой, из который явствовало, что они обе были причастны к работе над «Архипелагом» (24). А потом, пишет А. И. Солженицын, пять дней «непрерывных допросов (с 4 по 9 августа, а у Елизаветы Денисовны может быть и дальше» (25).

Сразу же по освобождении Е. Д. Воронянская легла в больницу. С 9 по 22 августа 1973 г. она находилась в кардиоревматическом диспансере, а когда вернулась домой,

23 числа к ней пожаловали нежданные гости и произвели обыск, причем, как утверждает А. И. Солженицын, не только «сдирали обои», но и «вскрывали полы». Обыск был днем, а в 18.00 Е. Д. Воронянская скончалась. Запись в морге гласила: «Воронянская Е. Д. 24 августа. Механическая асфиксия». Это означает, что она повесилась^[39] (26).

Из воспоминаний Леонида Александровича Самутина явствует, что вечером 28 августа к нему на квартиру явилась незнакомая женщина и, назвав себя женой двоюродного брата Е. Д. Воронянской, сообщила о ее

смерти и похоронах, которые должны были состояться 30 августа в два часа дня на Южном кладбище. При этом, сославшись на следствие, она отказалась назвать причину смерти (27). Это не могло не насторожить, и, если верить Л. А. Самутину, в тот же вечер он решил связаться со знакомыми Е. Д. Воронянской, но из «трех телефонов ответили только по одному, и там незнакомый голос сказал, что проф. Л. в Польше и приедет только к 10 сентября» (28).

На следующий день Леонид Александрович сообщил полученную им новость Е. Г. Эткинду (29), который сразу же передал ее находившемуся в Ленинграде

Л. З. Копелеву, а тот по телефону — Наталье Дмитриевне (30). В результате, уже 29-го А. И. Солженицын получил весть о странной смерти одной из его верных поклонниц и помощниц. Однако полученное известие оставило его равнодушным и он не предпринял никаких действий, чтобы выяснить хотя бы причину смерти.

По воспоминаниям Л. А. Самутина, в тот же день, 29 августа, его задержали на улице, доставили на Литейный проспект и предложили отдать все имевшиеся у него рукописи А. И. Солженицына, прежде всего «Архипелаг». После этого в сопровождении двух

полковников госбезопасности он отправился на свою дачу в Чашу и там передал им чемодан с рукописями, названный им «архивом Воронянской». В этом чемодане находился и экземпляр «Архипелага» (31).

Когда и как он оказался у него? Этот вопрос заслуживает специального исследования. В данном случае можно лишь отметить, что, по свидетельству А. И. Солженицына, в Ленинграде хранилось три экземпляра «Архипелага»: один в семье Ливеровских, второй — у Е. Г. Эткинда, третий Е. Д. Воронянская передала на

хранение Л. А. Самутину. Как утверждает Александр Исаевич, будучи в Ленинграде весной 1972 г., он дал распоряжение уничтожить все экземпляры, после чего якобы все хранители заверили, что его распоряжение выполнено. Однако Е. Д. Вороньянская обманула его, в результате чего ее экземпляр в августе 1973 г. и оказался в руках КГБ (32).

Между тем имеются сведения, что Е. Д. Эткинд хранил свой экземпляр «Архипелага» до 1974 г., когда попытался вернуть его автору через С. Н. Татищеву (33). А Ливеровские выкопали из земли свой экземпляр в 1989 г. (34). Из этого

вытекает: или все ленинградские хранители «Архипелага» обманывали Александра Исаевича, или же никакого распоряжение об уничтожении своей книги он не давал.

Вернувшись домой из Чащи под утро 30 августа, Л. А. Самутин, по его словам, уничтожил все криминальное, что хранилось у него дома, а днем получил приглашение в КГБ, где ему предложили подписать заявление о том, что он добровольно передал в КГБ «„архив Е. Д. Воронянской“», состоявший из рукописи А. И. Солженицына Архипелаг ГУЛаг и других его произведений, а также из различных

материалов самиздата» (35).

30 августа в 14.00 Леонид Александрович и супруги Эткинды встретились на Южном кладбище, но оказалось, что Е. Д. Вороньянская была уже похоронена. Касаясь в своих воспоминаниях этого эпизода, Л. А. Самутин пишет, что он не стал посвящать Е. Г. Эткинда «в подробности вчерашнего дня и прошедшей ночи» и только в самой общей форме дал ему понять, с чем была связан смерть Е. Д. Вороньянской (36). По другой версии, тоже исходящей от него (его заявление в КГБ от 2 апреля 1974 г.), «...оказавшись на короткое время с Эткиндром один на один, я сообщил

об изъятии бумаг Воронянской органами» (37).

Если верить А. И. Солженицыну, дальше события развивались следующим образом: 31-го жена Л. А. Самутина сообщила о провале «Архипелага» своей сослуживице по Горному институту Аршанской, та — мужу, муж — Л. З. Копелеву, который в это время находился в Ленинграде, Л. З. Копелев в 12-м часу ночи — Е. Г. Эткинду, и ночным поездом с 31 августа на 1 сентября в Москву с известием «Взят Архип» (так в окружении А. И. Солженицына называли «Архипелаг») был направлен курьер (Сергей Маслов). Утром он передал это сообщение

писателю КOME (Вячеславу) Иванову и тот «к концу дня» вместе с Люшей приносит эту вестЬ в Фирсановку (38), где в это время Александр Исаевич доделывал «Письмо вождям» и писал статью «Мир и насилие», в которой рекомендовал кандидатуру А. Д. Сахарова на Нобелевскую премию (39). Однако при передаче сообщение о провале «Архипа» трансформировалось в известие о провале архива. Не поняв, о каком архиве идет речь и никак не связав эту новость со смертью Е. Д. Воронянской, Александр Исаевич попросил уточнить пришедшее из Ленинграда сообщение. И только 3 сентября

вечером, ему стало точно известно, что именно произошло (40).

В «Третьем дополнении» к «Теленку» он пишет, что через день, т. е. 5 сентября, дал за границу команду печатать «Архипелаг» и одновременно передал туда же «Письмо вождям» (41). В «Пятом дополнении» говорится, что он отреагировал на полученное из Ленинграда известие на следующий день, используя для этого Стига Фредриксона: «В этот вечер 4 сентября, — читаем мы здесь, — я что-то много передал: и известие об „Архипелаге“, и „Письмо вождям“, и много распоряжений на Запад, и пленку свою какую-то» (42).

Объясняя сделанный им шаг, Александр Исаевич писал: «Во всем этом август-сентябрьском бою, при всем нашем громком выигрыше — разве бы я сам решился? разве понял бы, что пришло время пускать „Архипелаг“? Наверняка — нет, все так же бы — откладывал на весну 75-го, мнимо-покойно сидя на бочках пороховых. Но перст промелькнул: что спишь ленивый раб? Время давно пришло, и прошло — открывай» (43).

Такова версия

А. И. Солженицына.

Но, оказывается задолго до гибели Е. Д. Воронянской он направил Л. Маркштейн письмо, в котором писал: «...Думаю, что в

ближайшее время... западной демократической и социалистической общественности предстоит узнать сотрясательные истины, когда *из России* ложными идолами будут объявлены святые, многовековые божества». Комментируя это письмо, А. Солженицын вопрошал: «И откуда во мне было такое ясное предчувствие?» (44). А действительно, откуда?

В этом отношении поражает письмо, которое Александр Исаевич адресовал Э. Маркштейн 22 августа 1973 г., т. е. за день до смерти Е. Д. Воронянской. Он писал: «*Это будет особенно трудная осень.*

Может быть, уже и некогда говорить. Вы, может быть, заметили ускорение и сгущение событий у нас со многим. Это какой-то ход звезд или, по нашему, Божья воля. *Я вступаю в бой гораздо раньше, чем думал*, многое к этому вынуждает, сомнений нет. Ничего нельзя предсказать, но ясно что, *готовность „Архипелага“ понадобится раньше, чем предполагалось»* (45).

Еще более поразительны в этом отношении записи Н. А. Пахтусовой, относящимися к лету 1973 г.: «Приезжала взволнованная и растроенная Е. [Вороньянская]. Она узнала, что А.И. [Солженицын] решил опубликовать [„Архипелаг“]...

Я тоже потрясена этим известием. Что привело А[лександра] И[саевича] к такому отчаянному решению? Ведь он всегда говорил, что эта книга увидит свет только после его смерти... *Книга будет издана в 73 году*, но, возможно, А[лександр] И[саевич] замыслил другой ход: уехать из С[оветской] Р[оссии] со своей семьей, т. е. довести правительство до того, чтобы его выгнали из страны... Об этом говорят такие факты, как ликвидация [„Архипелага“]... в прежних редакциях, и то, что он *затребовал назад свою переписку*. И *вот весной приезжал прощаться с ленигр[адскими] друзьями»* (46).

К этому можно добавить, что еще в июле А. И. Солженицын заявил Наталье Алексеевне: «Существование „Архипелага“ уже не является тайной» (47), что 16 августа он *навсегда* прощался с Борзовкой и тогда же дал согласие переписать ее на Н. А. Решетовскую. Между тем, по существовавшей между ними договоренности, передача ей Борзовки должна была произойти в 1975 году (48), на который, как мы знаем, была перенесена публикация «Архипелага».

Все это вместе взятое дает основание утверждать, что решение о публикации «Архипелага» в 1973 г. было принято до гибели

Е. Д. Воронянской.

В ожидании «Архипелага»

30 августа 1973 г. «после заседания Политбюро» Ю. В. Андропов проинформировал его членов о конфискации книги А. И. Солженицына «Остров Гулаг» и заявил: «Мы будем вызывать Солженицына и предъявлять ему обвинение в преступлении против Советской власти» (1).

4 сентября КГБ поставил ЦК КПСС в известность об этом факте уже официально. Причем на этот раз книга А. И. Солженицына была

названа «Архипелаг ГУЛАГ» (2). 10 сентября КГБ направил в ЦК КПСС развернутую аннотацию этой книги (3). И 17-го вопрос о А. И. Солженицыне был вынесен на заседание Политбюро. Он рассматривался в связке с вопросом о А. Д. Сахарове (4).

Ю. В. Андропов на этом заседании не присутствовал, но направил в ЦК КПСС специальную записку, в которой говорилось: «Поскольку есть документальные основания рассматривать действия Солженицына *в последнее время* уже не как заблуждения литератора, а как сознательную легальную и нелегальную деятельность человека,

глубоко враждебного Советскому строю, целесообразно в подходящее время возбудить против него уголовное преследование с целью привлечения к судебной ответственности». Одновременно он предложил рассмотреть вопрос о возможности высылки его за границу, считая подобное решение более предпочтительным (5).

По итогам обсуждения данного вопроса на заседании Политбюро было принято решение: «Поручить Комиссии в составе тт. Косыгина, Сулова, Шелепина, Келдыша, Кузнецова, Чебрикова, Руденко подготовить и внести в ЦК КПСС соответствующие предложения по

этому вопросу с учетом обмена мнениями на заседании Политбюро» (6).

Никаких сведений о работе данной Комиссии пока не известно. Но из воспоминаний А. И. Солженицына явствует, будто бы КГБ сделал попытку вступить с ним в переговоры, избрав для этого в качестве посредника его бывшую жену (7). 25 сентября они встретились на Казанском вокзале, и Наталья Алексеевны заявила, что КГБ хочет предотвратить издание «Архипелага» и готов пойти на определенные уступки со своей стороны, в частности разрешить издание «Ракового корпуса» (8).

Смехотворность этих «переговоров» поразительна. КГБ знал о существовании «Архипелага» уже восемь лет и ничего не делал, чтобы помешать его написанию. А теперь предлагал такой несерьезный компромисс.

Если исходить из опубликованных материалов, получается, что после заседания Политбюро ЦК КПСС 17 сентября 1973 г. о А. И. Солженицыне вспомнили только 12 декабря, когда Ю. В. Андропов направил в ЦК КПСС новую записку, посвященную А. И. Солженицыну, в которой снова поднимал вопрос о возможности его привлечения «к уголовной

ответственности» и опять более разумным считал «заменить такую меру лишением СОЛЖЕНИЦЫНА советского гражданства и выдворением за пределы СССР» Заканчивалось письмо словами: «С товарищами А. Н. Косыгиным и М. А. Сусловым согласовано» (9). На письме сохранилась резолюция: «Доложить (вкруговую) по ПБ и Секр-ту ЦК Затем обсудить. Л. Брежнев». И далее — подписи членов Политбюро, ознакомившихся с этой запиской (10).

Снова данный вопрос был вынесен на заседание Политбюро только после того, как первый том «Архипелага» появился в печати.

Таким образом, мы видим, что изъясв «Архипелаг», КГБ не предпринимал никаких мер ни для того, чтобы не допустить публикации этой книги за границей, ни для того, чтобы привлечь ее автора к ответственности, ни для того, чтобы выслать его за границу.

Чем же занимался в это время А. И. Солженицын?

9 сентября он был в Борзовке и надеялся встретиться здесь со своей бывшей женой, но не застал ее, так как именно в этот день она узнала о смерти «тети Нины» и, дав телеграмму Александру Исаевичу на его московский адрес, уехала в Рязань. А. И. Солженицын на

похороны не приехал и позвонил Наталье Алексеевне только 15-го, сообщив, что узнал о случившемся лишь накануне, 14-го, так как до этого в Москве не был (11).

«21 сентября, — вспоминает А. И. Солженцын, — точно через месяц после начала, я счел кампанию выигранной и для себя ее пока законченной... Для себя, — увы, по рассогласовке действий *я не способен был передать это Сахарову*. А его выход из боя растянулся еще на месяц и с досадными чувствительными потерями» (12).

События развивались, однако, не совсем так.

Еще «10-го [сентября], — пишет А. И. Солженицын, — раздался голос больного, со своей фермы, Вильбора Милза, председателя бюджетной комиссии Палаты представителей США: он — против расширения торговых связей с СССР, пока не прекратятся преследования таких людей, как Солженицын и Сахаров» (13). Тогда же в американском Сенате был поднят вопрос об использовании подобных санкций, чтобы содействовать эмиграции из СССР (поправка Джексона), которая фактически была поддержана А. Д. Сахаровым (13).

16 сентября из загорода Александр Исаевич направил

А. Д. Сахарову письмо, в котором обратил внимание на ошибочность поддержки поправки Джексона и необходимость поддержки поправки Милза.

«После моего заявления о поправке Джексона, — вспоминал А. Д. Сахаров, — Солженицын прислал, как он пишет, записку. В ней он писал о поправке Милза (примерно то же, что в «Теленке») и просил зайти к его жене Наталье Светловой (к Але, как он ее называет). Мы с Люсей выполнили его просьбу. Разговор происходил без Александра Исаевича. Аля сказала — как я могу поддерживать поправку Джексона и вообще придавать

большое значение проблеме эмиграции, когда эмиграция — это бегство из страны, уход от ответственности, а в стране так много гораздо более массовых проблем. Она говорила в частности о том, что миллионы колхозников по существу являются крепостными, лишены права выйти из колхоза и уехать жить и работать в другое место. По поводу нашей озабоченности Аля сказала, что миллионы родителей в русском народе лишены возможности дать своим детям вообще какое-либо образование» (15).

Этой встрече посвящено специально письмо заместителя

председателя КГБ С. К. Цвигуна на имя К. У. Черненко:

«17 сентября 1973 г. жена Солженицына пригласила к себе на квартиру академика Сахарова с женой и имела с ними двухчасовую беседу. В процессе беседы Сахарову было вручено письмо Солженицына с замечаниями по поводу его обращения с провокационным „Открытым письмом к конгрессу США“, в котором Сахаров ставит вопрос о праве беспрепятственного выезда из Советского союза — всех граждан, желающих изменить страну проживания. Выражая мнение Солженицына, его жена в беседе настойчиво проводила мысль о

необходимости дополнительного обращения Сахарова к мировой общественности по более широкому кругу проблем, имеющегося якобы отсутствия свобод в Советском Союзе. Отвечая на возражения Сахарова о боязни американцев „расширить вопрос дальше еврейской проблемы“, Солженицына подчеркнула, что „...этот вопрос сейчас меньше, чем то, что может сказать Сахаров на том пьедестале, на котором он сейчас стоит. Ведь в Конгрессе тоже есть силы, которые ставят вопрос шире, отражают новое понимание, которое стучится в мозги благодаря Вам и Сане (Солженицыну)“. В ходе беседы

Сахаров, в целом разделяя позицию Солженицына, в то же время дал понять, что такая постановка вопроса в данный момент нецелесообразна и практически остался на своей точке зрения» (16).

Таким образом, мы видим, что выход А. Д. Сахарова из боя затянулся не из-за рассогласовки действий, а под самым непосредственным влиянием А. И. Солженицына.

Между тем 6 октября 1973 г. произошло событие, эхо которого продолжало звучать на протяжении многих последующих лет. Египет и Сирия атаковали израильские войска. Началась очередная арабо-

израильская война. А поскольку США с самого же начала встали на сторону Израиля, 17 октября 11 стран ОПЕК приняли решение о прекращении экспорта нефти в США. Начался так называемый «энергетический кризис», который с некоторыми перерывами бушевал до 1983 г. В результате цены на нефть увеличились в 15 раз, что привело к самой настоящей экономической войне, одним из проявлений которой явился рост цен буквально на все товары.

«Энергетический кризис» сыграл медвежью услугу Советскому Союзу. Он позволил ему подключиться к эксплуатации

нефтепотребляющих стран и за их счет не только временно парализовать развитие зародившегося на рубеже 60-70-х гг. кризиса экономики, но и создать видимость благополучия. Именно в эти годы в нашей стране получила развитие теневая экономика, произошло накопление крупных состояний представителями бюрократии и партократии. Это вело к складыванию и обострению противоречия между интересами формировавшейся в подпольной буржуазии и интересами существовавшей в стране государственно-капиталистической системы.

«Осенью, — читаем мы в воспоминаниях

А. И. Солженицына, — из Фирсановки я уже уехал, у Ростроповичей не жил уже с весны, в Москве с семьей — не допускала жить милиция, — и *с ноября* Лидия Корнеевна пригласила меня на зиму опять в Переделкино» (17).

О том, когда именно это произошло, мы можем судить на основании дневниковых записей врача Николая Алексеевича Жукова, из которых явствует, что 8 ноября А. И. Солженицын посетил его в институте и сообщил ему, что «завтра он решил поехать к Ростроповичу, забрать *письменный стол* и прочие

предметы мебели и будет ограничивать себя кратковременными наездами в Переделкино». Далее Александр Исаевич рассказал Н. А. Жукову, что в октябре видел А. Д. Сахарова, имел с ним конфиденциальную беседу, а когда они стали расставаться, Андрей Дмитриевич заявил, что должен будет поставить в известность об этом разговоре свою жену. Это вызвало возмущение со стороны А. И. Солженицына, которое позднее нашло отражение в «Теленке». Расставаясь с Николаем Алексеевичем, Александр Исаевич не удержался, чтобы не сообщить ему, что в декабре 1973 или в январе 1974

должен выйти «Архипелаг» (18).

Тем временем в Переделкине А. И. Солженицын «...спешил окончить», по его словам, самое главное — статьи для «Из-под глыб» (19). Здесь же не позднее середины декабря 1973 г. он начал писать «Третье дополнение» к «Теленку» (20). Объем авторского текста (без документальных приложений) около 5,0 а.л. Это значит, что дополнение могло быть написано за две недели. «...Третье дополнение, — пишет А. И. Солженицын, — уже окончено было,.. оставалось его перепечатать, перефотографировать, отправить на Запад, остаток спрятать, когда 28 декабря в Переделкине, на даче

Чуковских, где с осени был мой новый пустынный зимний приют, во время обычного дневного пережёва под слушание дневного Би-би-си, я неожиданно услышал, что в Париже вышел на русском языке первый том „Архипелага“» (21).

Первые сведения о новой книге А. И. Солженицына, изданной за границей, появились на страницах советских газет уже 6 января 1974 г. Однако ее название не упоминалось, а содержанию не раскрывалось (22).

7 января 1974 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором присутствовали 15 человек: Л. И. Брежнев, В. Ю. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко,

А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов и К. Ф. Катушев. На этом заседании был специально рассмотрен вопрос «О Солженицыне». Мнения разделились: одни члены Политбюро считали необходимым привлечение писателя к судебной ответственности, другие — возможным ограничиться его высылкой за границу. Ю. В. Андропов принадлежал к числу последних^[40] (23).

Если судить по «Рабочей записи заседаний Политбюро ЦК КПСС»,

было принято первое предложение (24), однако в окончательном тексте протокола этого заседания зафиксировано совершенно иное решение: «Ограничиться обменом мнениями» (25).

Только после этого 8 января на страницах «Правды» «Архипелаг» был назван своим именем (26). 13-го в «Правде» появилась статья «Гневное осуждение» (27), 14-го — статья И. Соловьева «Путь предательства» (28). 30-го по инициативе АПН Н. А. Решетовская дала интервью корреспонденту «Фигаро» Роберту Ляконтеру и назвала «Архипелаг» «лагерным фольклором» (интервью появилось в

печати 5 февраля) (29). К начавшейся антисолженицынской кампании был привлечен и Н. Д. Виткевич, опубликовавший статью «Меня предал Солженицын» (30).

В связи с начавшейся против него кампаний А. И. Солженицын обратился к средствам массовой информации: 18 января он сделал «Заявление для печати» (31), 19 января — дал интервью корреспонденту журнала «Тайм» (32).

Трудно сказать, кто вмешался, но принятое 7 января решение Политбюро ЦК КПСС осталось на бумаге. А затем появилось новое решение о высылке

А. И. Солженицына за границу. Все необходимые материалы для такого шага были подготовлены к 7 февраля 1974 г. (33). В этот день Ю. В. Андропов направил Л. И. Брежневу письмо, в котором, рассматривая возможность высылки Солженицына за границу, писал: «Если же по каким-либо причинам мероприятие по выдворению Солженицына сорвется, мне думается, что следовало бы не позднее 15 февраля возбудить против него уголовное дело (с арестом). Прокуратура к этому готова» (34).

На следующий день, в пятницу 8 февраля в Переделкино, где находился А. И. Солженицын,

позвонила Наталья Дмитриевна и сообщила: «приносили повестку из генеральной прокуратуры» с приглашением туда «к концу рабочего дня». Но обратив внимание на то, что в повестке отсутствовал исходящий номер, т. е. она не была зарегистрирована, и не указана причина вызова (в качестве свидетеля или обвиняемого), Наталья Дмитриевна принять повестку отказалась (35). Утром в понедельник 11-го Александр Исаевич отправился в Москву, хорошо понимая, что в этот день вызов повторится (36). И действительно. Едва только он переступил порог квартиры на улице

Горького, как здесь же появился новый посыльный из генеральной прокуратуры. Вместо того, чтобы расписаться в новой повестке, А. И. Солженицын приложил к ней свой ответ с отказом от явки (37).

На следующий день 12 февраля 1974 г. Александр Исаевич пустил в обращение свой манифест «Жить не по лжи», который содержал призыв к отказу от всякой лжи и пассивному сопротивлению (38).

В этот же день к вечеру А. И. Солженицын был арестован. Ему предъявили обвинение в измене Родине (39). В детальном описании своего второго ареста он особое место отводит пребыванию в

знаменитой Лефортовской тюрьме (40).

В глаза бросаются два факта. Рассказывая о том, как он снова оказался за решеткой, А. И. Солженицын так передает свои стремления: «Не упустить номер на камере. Не заметил, как будто нету» (41). И действительно, он называет номера камер, в которых сидел в 1945 и 1946 гг., и не успел разглядеть номер своей лефортовской камеры. Между тем, как явствует из воспоминаний Александра Исаевича, менее чем за сутки он входил и выходил из камеры несколько раз (42). Да и у сокамерников можно было спросить ее номер, тоже забыл.

Удивляет и другое. Александр Исаевич полностью перечисляет тех, с кем сидел на Лубянке в 1945 г., называет около 70 заключенных Экибастузского лагеря и оказывается неспособным назвать двух своих сокамерников по Лефортово ни по фамилии, ни по имени («один — чернявый», «второй — белокурый») (43).

Уже вечером 12-го об аресте А. И. Солженицына сообщили западные радиостанции. Это событие вызвало глухой ропот среди интеллигенции в СССР и взрыв возмущения за рубежом. Никто не мог предсказать, что последует за этим. Невольно рождались самые

худшие подозрения, у некоторых даже возникал вопрос: не есть ли это возвращение к 1937 г.? (44).

Вспоминая те дни, В. Н. Войнович пишет: «В Европе готовились массовые демонстрации и митинги у советских посольств. Советских представителей забрасывали гнилыми помидорами и тухлыми яйцами. Раздавались призывы жителей западных стран порвать все отношения с Советским Союзом. И вдруг...» (45).

«И вдруг — неожиданный потрясающий поворот сюжета... Продержав в Лефортофе одну ночь, арестанта, живого, здорового, в казенной пыжиковой шапке,

доставили на Запад прямо под ослепительный свет юпитеров» (46).

Все ограничилось лишением А. И. Солженицына советского гражданства и выдворением его за границу. «Некоторые, — ехидно замечает В. Н. Войнович, — потом завистливо иронизировали, что высылка Солженицына была гениально разработанной пиаровской акцией» (47).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ВЕРМОНТСКИЙ ЗАТВОРНИК

Глава 1

Как Ленин в Цюрихе

Письмо вождям

13 февраля 1974 г.

Из Москвы А. И. Солженицына доставили не куда-нибудь, а во Франкфурт-на-Майне, в тот город, где было опубликовано его первое «Собрание сочинений».

У трапа самолета изгнанника ожидал представитель Министерства иностранных дел ФРГ Петер Дингес. За ним, вспоминает А. И. Солженицын, «подходит

женщина, подносит мне цветок» (1).

Из аэропорта — в деревню, к Генриху Беллю.

По дороге их обгоняет полицейская машина, «велит сворачивать в сторону. Выскакивает рыжий молодой человек, — отмечает Александр Исаевич, — подносит мне огромный букет, с объяснением: „От министра внутренних дел земли Рейн-Пфальц. Министр выражает мнение, что это — первый букет, который вы получаете от министра внутренних дел!“» (2).

А. И. Солженицын уверяет, что еще утром 13 февраля, находясь в Москве под арестом, он ожидал любого исхода и приготовился даже к

расстрелу (3), а затем события развивались так неожиданно и с такой головокружительной быстротой, что буквально *«за несколько часов»* «вихрем» он перенесся из Лефортовской тюрьмы «к сельскому домику Генриха Белля под Кельном» (4).

Между тем, оказывается, еще до того, как его привезли под Кельн, Г. Беллю позвонили из Вены Э. Маркштейн, а из Цюриха Ф. Хееб и сообщили, что они «вылетают сюда» (5). Не успел Александр Исаевич переступить порог дома Г. Белля, как из Парижа «позвонил и Никита Струве», но, пишет А. И. Солженицын, «я просил Струве

лететь сутками позже прямо в Цюрих» (6).

Что это? опять случайность?

Журналисты ожидали, что вырвавшись из описанного им «советского концлагеря» на Запад, А. И. Солженицын немедленно воспользуется свободой и выскажет все, что не позволяла ему говорить советская цензура. Однако их ждало первое крупное разочарование. Александр Исаевич отказался от пресс-конференции и ограничился лишь несколькими словами для Би-Би-Си (7). Оценивая сейчас этот шаг, следует сказать, что он тоже представлял собою великолепную акцию. После этого ажиотаж вокруг

имени А. И. Солженицына, начавшийся после объявления об издании первого тома «Архипелага», стал приобретать умопомрачительный характер. Этому во многом способствовало то, что издательство ИМКА-пресс, публично объявив о выходе «Архипелага», дав ему самую широкую рекламу в средствах массовой информации, придержало выход книги в свет, в результате чего был создан невиданный спрос на нее. На удивление, что на Западе бывает невероятно редко, когда книга появилась в магазинах, в первые дни за нею стояли очереди (8).

Пробыв в ФРГ несколько дней и

встретившись здесь с Д. М. Паниным, который примчался из Парижа вместе с новой женой, [\[41\]](#) А. И. Солженицын 15 февраля поездом отправился в Цюрих (9).

Не успел Александр Исаевич разместиться в Цюрихе, как раздался телефонный звонок: американский сенатор Джесси Хелмс приглашает писателя в Соединенные Штаты (10).

18 февраля Д. Хелмс внес в Сенат предложение о предоставлении А. И. Солженицыну звания почетного гражданина Соединенных Штатов Америки (11). До этого такого звания были удостоены только два человека: французский маркиз де Лафайет,

оказавший помощь американским колониям в их борьбе с Англией за независимость, и бывший английский премьер-министр Уинстон Черчилль как союзник США во Второй мировой войне (12). Это свидетельствует о том, что некоторые американские политики весьма высоко оценивали антисоветскую деятельность А. И. Солженицына и намеревались использовать его в дальнейшей борьбе против Советского Союза.

В Цюрихе Александр Исаевич вел себя настолько скрытно, что караулившие его журналисты не уследили, как он покинул город и исчез из их поля зрения. Только «22

февраля стало известно, — пишет А. И. Солженицын, — что я из Швейцарии поехал в Норвегию» (13). Чем именно была вызвана эта поездка, где он побывал, с кем встречался и когда снова вернулся в Цюрих, мы пока не знаем (14).

Шла третья неделя пребывания А. И. Солженицына за рубежом. Мировая общественность продолжала смотреть на него через призму первых его произведений, опубликованных за границей, когда на страницах лондонской газеты «Sunday Times» появилось его «Письмо вождям». Это произошло 3 марта 1974 г. (15). Почти одновременно с этим ИМКА-пресс

растиражировало «Письмо» на русском языке в виде брошюры (16).

Объясняя причины, заставившие его взяться за перо, А. И. Солженицын называл две реальные опасности, которые, по его мнению, уже в «ближайшие 10–30 лет» могут иметь для Советского Союза трагические последствия — войну с Китаем и экологическую катастрофу (17).

Первый раздел «Письма» «Запад на коленях» был посвящен характеристике международного положения СССР (18). Это по сути дела гимн советской внешней политике.

«Никакой самый оголтелый

патриотический предсказатель, — писал А. И. Солженицын, — не осмелился бы ни после Крымской войны, ни ближе того, после японской, ни в 1916-м, ни в 21-м, ни в 31-м, ни в 41-м годах даже заикнуться выстроить такую заносчивую перспективу: что уже близится и совсем недалеко время, когда все вместе великие европейские державы перестанут существовать как серьезная физическая сила; что их руководители будут идти на любые уступки за одну лишь благосклонность руководителей будущей России и даже соревноваться за эту

благосклонность, лишь бы только русская пресса перестала их бранить...; что вечная греза о проливах, не осуществляясь, станет, однако, и не нужна — так далеко шагнет Россия в Средиземное море и в океаны...; и даже величайшая заокеанская держава, вышедшая из двух мировых войн могучим победителем, лидером человечества и кормильцем его, вдруг проиграет войну с отдаленной маленькой азиатской страной» (намек на войну во Вьетнаме) (19).

Подобное положение дел, резюмировал автор «Письма», «это главным образом результат исторического, психологического и

нравственного кризиса... той культуры и системы мировоззрения, которая зачалась в эпоху Возрождения и получила высшие формулировки у просветителей XVIII века» и для которой, по его мнению, характерен страшный порок — отказ от бога (20).

Признавая успех советской дипломатии, А. И. Солженицын отмечал два ее «удивительных провала»: «...мы, — констатировал он, — сами вырастили себе двух лютых врагов, прошлой войны и будущей войны, — германский вермахт и теперь маодзедуновский Китай» (21).

Далее в «Письме»

рассматривалась возможность войны с Китаем (22). Считая, что в центре конфликта между Китаем и СССР находился вопрос об идеологии, Александр Исаевич рекомендовал «вождям»: «отдайте им эту идеологию», и пусть они поддерживают террористов, т. е. революционное движение на разных материках — «...и военный конфликт отодвинется намного, а может быть — и не состоится вовсе никогда» (23).

В третьем разделе «Тупик цивилизации» (24)

А. И. Солженицын со ссылкой на Римский клуб предсказывал, что дальнейшее развитие прогресса

создает угрозу гибели цивилизации «между 2020 и 2070 годами». «...во всех случаях в первых десятилетиях XXI века, — писал он, — должна наступить массовая гибель населения: если не от остановки производства (конец ресурсов), то от избытка производства (гибель среды)» (25). На основании этого в «Письме» делался вывод: «„Прогресс“ должен перестать считаться желанной характеристикой общества», так как «„бесконечность прогресса“ есть бредовая мифология» (26). С учетом этого автор предлагал, отказавшись «от „необъятных интернациональных задач“» (т. е. от расширения сфер

влияния за рубежом), сосредоточить усилия советской страны на освоении и разумном использовании собственной территории (27).

Этому была посвящена четвертая часть «Письма» «Русский Северо-Восток» (28). «...наш выход один, — констатировал А. И. Солженицын, — чем быстрее, тем спасительнее — перенести центр государственного внимания и центр национальной деятельности (центр расселения, центр поисков молодежи) с далеких континентов, и даже из Европы, и даже с юга нашей страны — на ее Северо-Восток» (29).

Пятый раздел «Развитие внутреннее, а не внешнее» содержал

конкретные предложения
относительно необходимой
внутренней политики советского
государства: ликвидацию колхозов,
увеличение зарплаты, борьбу с
алкоголизмом, повышение
нравственности, отказ от всеобщей
воинской обязанности, прекращение
освоения Космоса и т. д. Последние
две меры рассматривались как
главный способ высвободить
средства, необходимые для освоения
необжитых просторов Северо-
Востока (30).

В шестом разделе «Идеология»
(31) А. И. Солженицын предлагал:
чтобы сделать этот поворот и в
грозный час сплотить страну перед

лицом китайской опасности, необходимо отказаться от марксизма. Для этого, по его мнению, было достаточно одной меры: «лишить марксизм мощной государственной поддержки, и пусть он существует сам по себе» (32). «Какой будет замечательный случай — иронизировал Александр Исаевич, — не говорю проверить, но — доказать искренность... тех, кто десятилетиями агитировал всех нас» (33).

Последний седьмой раздел называется «А как это могло бы уложиться?» (34).

Критикуя демократию, видя в этом еще одну причину упадка

западной цивилизации, считая ее позором кадетов и социал-демократов в 1917 г., Александр Исаевич писал: «Пожалуй, внезапное введение ее сейчас было бы лишь *новым горевым повторением 1917 года...* Так может быть, следует признать, что *для России этот путь был неверен или преждевременен?* Может быть, на обозримое будущее, хотим мы этого или не хотим, назначим так или не назначим, России все равно сужден *авторитарный строй?*» (35).

Давая на эти вопросы положительный ответ, А. И. Солженицын вместе с тем предлагал вождям восстановить

«реальную власть советов» (36), призывал их открыть простор для свободного развития человеческой личности: «...допустите к честному соревнованию — не за власть, — за истину — все идеологические и нравственные течения, в частности все религии», «допустите свободное искусство, литературу, свободное книгопечатание — не политических книг, Боже упаси, не воззваний, не предвыборных листовок — но философских, нравственных, экономических и социальных исследований» (37).

Вот и все, что по мнению Александра Исаевича требовалось сделать вождям, чтобы избежать

возможного столкновения с Китаем, установить дружественные отношения с другими странами, придать развитию советского общества второе дыхание.

Читая это письмо, невольно задаешься вопросом: чего в нем больше: невежества или лукавства?

Неужели А. И. Солженицын не понимал и не понимает, что идущая в мире борьба за сферы влияния — это борьба не за идеологию, а прежде всего за сырьевые ресурсы и внешние рынки, в конечном счете — за распределение и перераспределение национального дохода. Поэтому отказ Советского Союза от сфер влияния за рубежом должен был

иметь своим следствием сокращение его внешнего рынка, а значит, сокращение собственного производства и доли нашей страны в мировом национальном доходе со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Неужели А. И. Солженицын не понимал и не понимает, что в современном мире самоизоляция невозможна, а концентрация усилий на освоении Северо-Востока может дать экономический эффект только в сфере добывающей промышленности. В обрабатывающей же промышленности это означало бы возрастание производственных

издержек, а значит, сокращение рентабельности этой отрасли и усиление ее неконкурентноспособности на мировом рынке.

Неужели человек с отличием закончивший физико-математический факультет не понимал и не понимает, что сейчас без космоса невозможно использование современных средств коммуникации, а без этого, в частности, нужно выбросить на свалку все ракетно-ядерное оружие. Одно дело, если бы такой призыв был обращен ко всем ядерным державам, однако автор письма в одностороннем порядке обращался

ТОЛЬКО К СОВЕТСКИМ ВОЖДЯМ.

Не нужно было большого ума, чтобы понять, как только будет допущена свобода «идеологических и нравственных течений», сразу же развернется консолидация общественных сил, борьба между которыми неизбежно получит материальную поддержку извне. В таких условиях лишенная материальной поддержки официальная идеология неизбежно должна была бы уступить свои позиции в умах людей другой идеологии, имеющей финансовую поддержку из-за рубежа, что в конечном счете делало неизбежной сначала идеологическую, а затем

политическую победу прозападных сил.

Если бы эти силы действительно стремились освободить советский народ от притеснения и открыть возможности для свободного и более быстрого его развития, если бы это повлекло за собою повышение жизненного уровня населения, его культуры и нравственности, против предлагаемых А. И. Солженицын перемен трудно было бы возражать. Но цели у этих сил были совершенно иные. И это нетрудно было предвидеть.

Когда «Письмо вождям» появилось в печати, разразился скандал: оказалось, что вождям был

послан один текст, а опубликован другой (38). Как писал А. Флегон, некоторые работники издательства ИМКА-пресс утверждали, что им пришлось печатать «Письмо» три раза, причем сигнальный экземпляр двух первых изданий пересылался А. И. Солженицыну в Москву, и оттуда был получен приказ уничтожить весь тираж, так как автор решил изменить его текст. «У меня, — отмечал А. Флегон, — нет доказательств, что письмо было напечатано Солженицыным в трех вариантах, Но нет никакого сомнения, что оно было представлено его узкому кругу в трех разных вариантах» (39).

Признавая факт переработки «Письма», Александр Исаевич утверждает, что первоначально его планировалось опубликовать сразу же после выхода в свет первого тома «Архипелага», но 10 января 1974 г. «со случайной оказией» он «поспешил остановить печатание „Письма“» (40). Объясняя это, Александр Исаевич пишет: «...надо было снять прежний *угovorительный* тон, он сейчас звучал бы как слабость». Необходимая переделка «Письма», по его утверждению, была проведена в ночь с 11 на 12 февраля, «в обычную бессонницу» (41).

Не ставя перед собою задачу

специального текстологического анализа «Письма вождям» (не сомневаюсь, что со временем он будет проделан), ограничусь только некоторыми примерами, иллюстрирующими характер предпринятой автором правки. Для сопоставления возьмем тот текст «Письма», который был послан в сентябре 1973 г. Л. И. Брежневу (первоначальный вариант) (42) и тот, который был опубликован А. И. Солженицыным (окончательный вариант). Сравните:

Первоначальный вариант

«...и даже величайшая

заокеанская держава,
вышедшая из двух мировых
войн могучим
победителем, лидером
человечества и кормильцем
его, вдруг проиграет войну
с отдаленной маленькой
азиатской страной, *начнет
незримо рассыпаться от
внутреннего несогласия,
деятельность когда-то
грозного ее Сената
снизится почти до
балагана, и
соответственно обезьяньи
мелодии потекут в эфир
из этой страны, передавая
ее растерянность в канун*

великих сотрясений»
(Кремлевский самосуд.
С.258).

Окончательный вариант

«...и даже величайшая
заокеанская держава,
вышедшая из двух мировых
войн могучим
победителем, лидером
человечества и кормильцем
его, вдруг проиграет войну
с отдаленной маленькой
азиатской страной,
проявит внутреннее
несогласие и духовную

слабость» (Публицистика.
Т.1. Ярославль. 1995.
С. 150–151).

Понять позицию автора нетрудно. Сидя на подмосковной даче, можно было называть «когда-то грозный» американский Сенат «балаганом», а зарубежную музыку характеризовать как «обезьяньи мелодии», но уместо ли было это за рубежом? Подобный характер имели и другие исправления. Так из первоначального текста «Письма» полностью был исключен раздел «Демократия или авторитарность?», в котором содержалась развернутая

критика буржуазной демократии и излагались аргументы о предпочтительности авторитарной формы власти для России (43). Исчез также раздел «И менять — мало что» (44), зато появился новый раздел «А как это могло бы уложиться?» (45).

Таким образом, мы видим, что Александр Исаевич редактировал «Письмо» не для того, чтобы придать ему боевой характер, а для того, чтобы сделать его более близким западному читателю. Это настолько очевидно, что работая над «Зернышком», Александр Исаевич внес коррективы в свои первоначальные воспоминания на этот счет и поведал нам, что правка

была произведена им после того, как с письмом ознакомился А. А. Угримов: «Под влиянием критики А. А. Угримова... я впервые увидел „Письмо“ глазами Запада и еще до высылки подправил в выражениях, особенно для Запада разительных» (46).

Публикация этого «Письма» вызвала многочисленные отклики и привела к возникновению первых открытых разногласий между А. И. Солженицыным и некоторыми его вчерашними союзниками, сторонниками и поклонниками. В качестве примера можно привести А. Д. Сахарова, который уже 3 апреля 1974 г. публично выступил с

возражениями по поводу «Письма вождам» (47).

Так пробежала первая серьезная трещина между А. И. Солженицыным и диссидентским движением. Более того, «Письмо» способствовало обострению разногласий внутри этого движения. Такую же роль оно сыграло и в эмигрантских кругах.

В связи этим за границей появился памфлет Бориса Солоневича, который характеризовал А. И. Солженицына как «агента КГБ» и утверждал, что он «нарочно выпущен за границу для разложения эмиграции» (48).

Несмотря на то, что семье А. И. Солженицына сразу же было предоставлено право выезда за границу, она отправилась туда только через полтора месяца. Прежде всего это было связано с необходимостью оформления документов. Но главное, чем была занята в эти дни Наталья Дмитриевна, — организацией вывоза солженицынского архива за границу (1).

Одним из первых, к кому уже 13 февраля, т. е. в день высылки мужа, она обратилась за помощью, стал журналист Нильс Мортен Удгорд, с которым она познакомилась в январе

1974 г. (2). «По счастливому совпадению, — пишет Александр Исаевич, имея в виду Н. М. Утгорда — воротясь... домой, он застал там своего приятеля Вильяма Одома». Его он и решил привлечь к этому делу (3).

Что же представлял собою Вильям Одом? Александр Исаевич характеризует его как «40-летнего помощника американского военного атташе, перед тем — преподавателя русской истории в Вест-Пойнте,.. доктора исторических наук» (4). Этой репликой А. И. Солженицын пытается создать видимость, будто бы Вильям Одом был сугубо гражданским человеком и на

должности помощника военного атташе оказался случайно.

«Он, по свидетельству Александра Исаевича, согласился по сути сразу: только бы не знал никто, в том числе и сам Солженицын. Ему предстояло паковать, отсылать свой личный багаж (как дипломатический) в Соединенные Штаты — вот туда он и вложит архив» (5).

К вывозу архива были привлечены и другие лица (6).

Только после того, как все необходимое для этого с молчаливого позволения властей было сделано, Наталья Дмитриевна с матерью Екатериной Фердинандовной и

детьми (Дмитрием, Ермолаем, Игнатом и шестимесячным Степаном) тоже отправилась в путь.

Из Москвы в Цюрих они вылетели 29 марта 1974 г. По сведениям КГБ, «семью Солженицына в аэропорту провожали: Шафаревич, Чуковская, Гинзбург, Жолковская, Горбаневская, Копелев, Столярова, Агурский, Бухарина, Пастернак, Горлов, Борисов, Тюрин и другие» (7).

Вскоре в семье Солженицыных в Цюрихе появился еще один человек — Е. П. Бахарева, о которой нам известно пока лишь то, что она принадлежала к первому поколению эмигрантов и находилась в родстве с

Натальей Дмитриевной. Екатерина Павловна взяла на себя уход за детьми (8). К этому следует добавить, что еще до приезда Натальи Дмитриевны Александру Исаевичу предложили свои услуги чешские эмигранты Франтишек Голуб и его жена Валентина, которые продолжали его опекать и в последующем (9).

Информируя ЦК КПСС о первых месяцах пребывания А. И. Солженицына за границей, КГБ доносил: «После выдворения из СССР Солженицын и члены его семьи проживают в Цюрихе, где арендуют часть трехэтажного дома. По имеющимся данным,

Солженицын не проявляет интереса к устройству быта, что нередко является причиной ссор между ним и женой. Замкнутый образ жизни Солженицына, абсурдность его политических взглядов, отрицательные черты характера (эгоизм, высокомерие, жадность и др.) оттолкнули от него многих почитателей и послужили причиной изоляции его семьи» (10).

Через полмесяца, 16 апреля 1974 г. в Цюрих прибыл «сотрудник германского Министерства иностранных дел *Петер Шёнфельд*» «и, — пишет А. И. Солженицын в «Зернышке», — скромно передал нам два чемодана и сумку» —

«главная часть моего архива „Красного колеса“ — рукопись *неоконченная* (и нигде еще не сдублированная) „Октября Шестнадцатого“. Главных конвертов заготовок штук сорок и тетрадь „Дневника Р-17“ — моего уже многолетнего дневника вокруг написания „Колеса“» (11). 27 июня 1974 г. в Цюрих приехал Нильс Удгорд, повествует Александр Исаевич далее, и «привез нам вторую часть архива (осенью пришла третья, последняя, и самая объемная партия — от Вильяма Одома, через Соединенные Штаты. А мою „революционную“ библиотеку перевез Марко Корти. Так к октябрю

я был собран весь)» (12).

Несмотря на то, что уже весной 1976 г. А. И. Солженицын получил возможность полностью отдаться литературной деятельности, первые четыре месяца ему так и не пришлось сесть за самутинский дубовый письменный стол, который тоже был доставлен из Москвы в Цюрих. Кроме обустройства на новом месте и решения некоторых финансовых вопросов, Александр Исаевич был занят другими делами.

Прежде всего это касается Российского общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям (РОФ). Идея его создания возникла, по одним сведениям в

1972 г. (13), по другим — в 1973 г. (14), когда Александр Исаевич познакомился с известным к тому времени диссидентом Александром Ильичем Гинзбургом (15).

Александр Ильич (в просторечии Алик, по отцу — Чижев), родился в Москве в 1936 (16). Сын архитектора, ставшего жертвой сталинского террора, он закончил элитную московскую школу № 12, которая располагалась «между Домом правительства и писательским домом Лаврушинским — в Старомонетном переулке» и в которой он не только познакомился, но и подружился с сыном Б. Л. Пастернака Леонидом (17).

После окончания школы А. И. Гинзбург учился в университете на факультете журналистики, но был исключен с первого курса (18).

Во второй половине 50-х годов его квартира стала своеобразным общественно-политическим салоном (19). А. И. Гинзбург был близок к лианозовскому кружку художников и литераторов авангардистского направления (20), в 1959 г. он организовал издание машинописного журнала «Синтаксис», на страницах которого печатались, например, Белла Ахмадулина, Булат Окуджава, Борис Слуцкий (21). Среди лиц, причастных к этому изданию были Наталья Горбаневская и Юрий

Галансков (22) «С тоненьких тетрадочек машинописного журнала „Синтаксис“ (1959), — пишет А. Латынина, — по мнению многих, начинается такое явление как Самиздат» (23).

В 1960 г. А. И. Гинзбург был арестован и приговорен к двум годам заключения (24), распространено мнение, — за издание журнала (25). Между тем, хорошо знавший его Г. Померанц, отмечает, что Алик был арестован «из-за глупой шалости, из-за попытки сдать за товарища экзамен на аттестат зрелости. Алика поймали на подлоге (своя карточка была временно подклеена в чужой паспорт)» (26). В середине 1960-х

г. — новый арест, но после того, как А. И. Гинзбург согласился публично продемонстрировать свою лояльность к советской власти, его освободили (27). В январе 1967 г. он был опять арестован, затем — суд и приговор: 5 лет (28). Считается, что «главным обвинением против Александра Гинзбурга была составленная им „Белая книга“ о деле Синявского и Даниэля, которую он послал в ЦК, в КГБ и передал в самиздат» (29). Однако в судебном приговоре фигурируют другое обвинение — связь с эмигрантской организацией Народно-трудовой союз (НТС) (30). 22 января 1972 г. А. И. Гинзбург был освобожден, и

после неудавшейся попытки восстановить московскую прописку поселился в Тарусе (31).

Вероятно, его знакомству с А. И. Солженицыным способствовала Наталья Дмитриевна, которая знала Алика с 1964 г., была дружна с его женой Ириной Жолковской (32) и являлась крестной матерью их ребенка (крестным отцом был А. Д. Синявский) (33).

Знакомство Александра Исаевича с Александром Ильичем произошло в Тарусе. «Встретились, — вспоминает Н. Д. Солженицына, — познакомились. В этой встрече двух эзков — сталинского и брежневского

призыва — и родился план выстроить так сказать этическую самооборону, организовать постоянную, систематическую помощь сидельцам ГУЛага и их семьям». «На помощь семьям Александр Исаевич предложил гонорары западные и часть Нобелевской премии... это и было началом будущего фонда» (34). Тогда же А. И. Гинзбург «дал согласие» его возглавить (35).

Первые практические шаги на пути создания Русского общественного фонда (РОФ) были сделаны сразу же после приезда Натальи Дмитриевны за границу, которая согласилась взять на себя

роль его главного распорядителя (36). Тогда же к этому делу был привлечен некто Виктор Сергеевич Банкул (37). «Его первого, — пишет А. И. Солженицын, — мы посвятили в наш план, он принял большое участие, много верного советовал, затем стал и членом Правления фонда. А уж всю конспирацию взяла на себя Аля» (38). Распорядителем РОФ в СССР стал А. И. Гинзбург (39).

«В Фонде, — говорится в одном из интервью Н. Д. Солженицыной, — работало много, до 40, добровольцев (кстати, уместно сказать, что никто из фондовцев в те годы никогда не

получал никакого вознаграждения, все работали бесплатно...), но объявленный руководитель был один, иногда двое. Работа распределялась по секторам, так что кто-то из фондовцев занимался, скажем, зэками в Мордовских лагерях, другой — в Пермских, во Владимирской тюрьме, кто-то ведал ссылкой, кто-то спецпсихбольницами, зэческими детьми, „фондом освобождения“... Всего за те годы было у Фонда семь главных распорядителей» (40).

«На каждого ребенка, — читаем мы далее в интервью Н. Д. Солженицыной, — семья получала 30, потом 40 руб, но не больше 120 руб. в месяц. Столько же

получали старые родители. На поездку в лагерь выдавали цену билетов... На посылку выдавалось всем одинаково, а при освобождении — сумма колебалась, обычно это было рублей 200–250... За первые два с половиной года работы фонда, когда им руководил Александр Гинзбург, вплоть до ареста своего в 1977 г., таких выдач было сделано около 4000. Начал он регулярную помощь с 80 семей, а к моменту его ареста их стало около 200. Позже, в начале 80-х, после андроповских посадок, число политических возросло, фонд тогда уже возглавлял Сергей Ходорович, и при нем число семей, которым помогали регулярно,

достигла 500 в год, а общее число семей, получавших помощь, включая разовую, превышало 1000 в год» (41). Имеются сведения, что за два с половиной года с лета 1974 до начала 1977 г. через РОФ прошло более 350 тыс. долларов. (42).

Другим важным общественным делом, к которому оказался причастен А. И. Солженицын, стала организация нового эмигрантского журнала «Континент», редакцию которого возглавил писатель Владимир Емельянович Максимов, автор опубликованного на страницах журнала «Грани» и получившего к тому времени известность романа «Семь дней творения». Он прибыл из

Советского Союза в Париж 26 февраля (43) и вскоре получил приглашение к крупнейшему западногерманскому издателю Акселю Шпрингеру. В. Е. Максимов склонен был объяснять это тем, что привлек внимание А. Шпрингера «своими довольно резкими заявлениями по поводу того, что происходит в России» (44). Однако один из лидеров НТС Евгений Романович Романов (настоящая фамилия Островский) утверждал, что эта встреча была организована ими.

«Вскоре после приезда [В. Е. Максимова] на Запад, — вспоминал Е. Р. Романов — мы организовали ему поездку с

выступлениями... в Австрии, Германии и Швейцарии. Потом он ездил в Италию и снова в Германию. Здесь мы устроили ему встречу с Акселем Шпрингером, известным немецким издателем правого толка, антикоммунистом... Встреча закончилась тем, что Шпрингер решил субсидировать русский журнал... Так возник „Континент“, который *набирался и печатался в нашей типографии*» (45).

Однако прежде чем взять этот журнал на свое содержание А. Шпрингер предложил В. Е. Максимову представить более солидную рекомендацию, чем рекомендация НТС. За таким

поручительством он отправился к А. И. Солженицыну. В «Зернышке» Александр Исаевич отмечает, что он «написал Максимову требуемую бумагу» и тем самым «заложил помощь от Шпрингера» (46). Во время этой встречи Александр Исаевич предложил название будущего журнала — «Континет», которое было принято его учредителями (47). Принял он участие и в обсуждении состава редакции журнала (48).

«Я, — признавался позднее Александр Исаевич, — ... приветствовал создание „Континента“, выражая большие надежды на его развитие, и *посильно*

помог „Континенту“ создаться, и название ему предложил, которое вот принято, — но именно потому поддержал, что я понимаю его не как орган русской эмиграции, а как соединенный голос всей Восточной Европы» (49).

Когда первый номер журнала увидел свет и известный немецкий писатель Гюнтер Грасс обвинил его в связях с издательской империей А. Шпрингера, А. И. Солженицын счел необходимым на проходившей 16 ноября 1974 г. в Цюрихе пресс-конференции взять журнал и Акселя Шпрингер под защиту (50).

Для первого номера «Континента» Александр Исаевич по

просьбе В. Е. Максимова написал специальное предисловие — «Слово к журналу», в котором выразил надежду, что журнал сможет объединить эмиграцию из Советского Союза и Восточной Европы и его голос будет услышан и поддержан Западной Европой (51).

«„Континент“, — отмечал Е. Р. Романов, — издавался на широкую ногу, большим тиражем, с большим количеством страниц, платили хорошие гонорары, в розницу он продавался дешево и вообще в *значительной мере распространялся бесплатно*: была создана большая редакция на солидных зарплатах — в

материальном плане все было совершенно несравнимо с возможностями наших „Граней“... „Континет“ требовал все больших денег, и я предполагаю,.. что с какого-то момента журнал стали субсидировать и американцы. С одной стороны, Шпрингер, а с другой — американцы. А потом, вероятно, американцы вообще переняли финансовую сторону журнала на себя» (52).

Получив возможность полностью отдаться литературной деятельности, Александр Исаевич первые четыре месяца пребывания за границей, так и не сел за письменный стол. Получив

возможность свободно говорить, он на протяжении четырех месяцев продолжал скрываться от журналистов. И только 17 июня 1974 г., наконец, дал первое крупное интервью за границей. Такой чести был удостоен корреспондент американской компании CBS Уотер Кронкайт (53).

В этом интервью А. И. Солженицын выразил тревогу по поводу растущей советской военной мощи (54), критически высказался относительно добровольной эмиграции из СССР, сделав исключение лишь для евреев, (55) и объявил о создании Русского общественного фонда помощи

заклученным и их семьям (56).

Называющий себя русским патриотом, он продемонстрировал в этом интервью редкое холопство перед Соединенными Штатами Америки:

«Америка, — заявил он, — выиграла две мировых войны. Америка два раза подняла Европу из разрухи. И она же отстояла Европу от Сталина после Второй мировой войны, несколько раз. 25 лет непрерывно останавливала коммунистический натиск в Азии, отстояла многие страны, какие сегодня уже были бы в рабстве. Вот что сделали Соединенные Штаты. При этом никогда не просили

отдавать долгов, никогда не ставили условий. То есть проявляли исключительную щедрость, великодушные, бескорыстные. И как же отнесся мир? что получила взамен Америка? Американское везде поносится. Американские культурные центры очень модно во всех местах громить и сжигать. Когда Америка терпит поражение в важном голосовании в Организации Объединенных наций — деятели Третьего мира вскакивают на скамьи и торжественно кричат... по крайней мере 30 послевоенных лет — это история, с одной стороны, бескорыстной щедрости Америки, с другой стороны — неблагодарности

всего мира» (57).

Сказать, что «Америка выиграла две мировых войны», это значит *сознательно* проигнорировать то, что знает каждый школьник и чего не мог не знать автор «Августа Четырнадцатого» — в Первую мировую войну США вступили только весной 1917 г., когда исход войны уже был предрешен (58).

Сказать, что «Америка выиграла две мировых войны», это значит *сознательно* проигнорировать тот факт, что исход Второй мировой войны был решен на советском фронте, что в этой войне антигитлеровская коалиция потеряла около 45 миллионов человек, из

которых две трети приходилось не на американцев, а на советских людей (59).

Сказать, что Америка отстояла Европу от Сталина, это значит, предать забвению тот факт, что американский президент Трумэн отдал команду начать подготовку ядерной войны против Советского Союза буквально на следующий день после завершения Второй мировой войны (60), это значит предать забвению, что не Сталин, а Черчилль в 1946 г. объявил начало холодной войны (61). Не потому, что Сталин был миролюбивее, а потому, что разоренный и разрушенный войной Советский Союз не был тогда

способен к экспансии.

Столь же поразительны были утверждения А. И. Солженицына об американской щедрости. История XX века — это история превращения США в крупнейшего ростовщика, который опутал своей финансовой паутиной весь мир (62). Поэтому нет ничего удивительного в том, что оказавшиеся в этой паутине народы и страны не испытывают к США чувства благодарности. Этому посвящена большая литература. Полистайте, Александр Исаевич, хотя бы книгу З. Сардара и М. Дэвиз «Почему люди ненавидят Америку?» (М., 2003).

«Только две державы —

Советский Союз и Китай, — заявил А. И. Солженицын далее, — желают распространить свою систему на весь мир. Соединенные Штаты такой не имеют цели, и это показал весь послевоенный период...» (63). Утверждать подобное, значит снова демонстрировать полное невежество или лакейство. В порядке ликбеза, Александр Исаевич, откройте книгу З. Бжезинского «Великая шахматная доска», там очень откровенно написано, к чему стремились и стремятся «американские шахматисты». Один из ее разделов, посвященных внешней политике США, незатейливо называется «Короткий путь к мировому

господству» (64).

Понять столь беззастенчивые «невежество» А. И. Солженицына нетрудно. Он ведь давал интервью американской телекомпании и в ожидании почетного американского гражданства.

Касаясь в этом же интервью своей литературной деятельности, А. И. Солженицын заявил: «Я сейчас работаю над своими Узлами, очередным Узлом Третьим, **кончаю Второй Узел...**» (65). В действительности, по его же собственному признанию, тогда ему не удалось вернуться к своим «Узлам». Позднее он констатировал: «Не так я много в это лето написал...

— Четвертое дополнение к „Теленку“ да начал „Невидимки“... *А снова за „Красное колесо“ не мог приняться*» (66). «Четвертое дополнение» к «Теленку», посвященное его высылке из СССР, составляет 3,5 а.л. Это 10–12 дней работы (67). Что касается «Красного колеса», то после некоторых колебаний в августе 1974 г. А. И. Солженицын решил взяться за ленинские главы и, видимо, начал собирать для них материал (68).

Не успел Александр Исаевич дописать «Пятое дополнение (Невидимки)» к «Теленку», как появился второй том «Архипелага». В печать он был сдан 30 мая 1974 г.

(69), вышел в свет в конце августа — начале сентября (70).

Открыв новый том «Архипелага», читатели неожиданно для себя узнали историю о том, как в 1945 г. в лагере на Калужской заставе вербовали будущего лауреата Ноблевской премии в осведомители, как он — нестигаемый «копьеборец», не устоял перед натиском «кума», согласился на сотрудничество и получил кличку «Ветров» (71).

И хотя автор «Архипелага» пытался уверить читателей, что дав подписку о сотрудничестве, от самого сотрудничества он уклонился (72), не всем эти заверения

показались правдоподобными. А среди тех, кто готов был принять их на веру, такое признание было ударом по образу А. И. Солженицына как самоотверженного и бескомпромиссного борца за правду и справедливость.

Вспоминая о своем знакомстве со вторым томом «Архипелага», В. Н. Войнович пишет, что именно после этого у него началось прозрение в отношении своего кумира (73). Подобное же влияние «откровения» А. И. Солженицына оказали в свое время и на меня.

***В ожидании почетного
гражданства***

Осенью 1974 г. Александр Исаевич и Наталья Дмитриевна совершили небольшое путешествие по Швейцарии, побывали в Берне, Лозанне, заехали в Женеву, где жили «старики Андреевы» (1).

Тогда же А. И. Солженицын, если верить ему, решил вникнуть в свои финансовые дела и вдруг обнаружил, что Ф. Хееб заключал договоры с издательствами на колониальных условиях. В частности, по договору с издательством Бодли хэд, переводчики произведений А. И. Солженицына получили право на половину авторского гонорара (2). Если это действительно было так, а

лорд Н. Бетелл, не опроверг подобных утверждений (3), условия действительно являлись грабительскими.

«...В начале ноября 1974 года Макса Райнхардта из „Бодли хед“ пригласили в Цюрих на встречу с Хеебом и его клиентом. Он, — пишет Н. Бетелл, — пустился в путь, запасшись чеками за прошлые издания и контрактами на будущие, и ожидал, что будет согрет лучами благодарности великого человека за все, что мы для него сделали. Эта поездка обернулась для Райнхардта суровейшим испытанием. Солженицын обрушил на него всю мощь своего обличительного

таланта... Он сказал Райнхардту, что все договоры не имеют силы: не только тот, что был подписан Личко, но и подписанный Хеебом, хотя тот действовал на основании неоспоримых полномочий, данных ему самим Солженицыным, пусть и по собственной воле... Поэтому я послал Солженицыну длинное письмо на русском языке с объяснением всего эпизода» (4).

«Всего четыре дня дома не были, — пишет А. И. Солженицын, — а уже новости, по радио: американский Сенат единогласно избрал меня почетным гражданином Соединенных Штатов Америки. Позже пришла

официальная бумага — и я ответил письмом» (5).

Когда именно пришла официальная бумага, мы не знаем, но обращение Александра Исаевича со словами благодарности к американскому Сенату, который еще совсем недавно он называл «балаганом», датировано 30 октября (6). Все было бы хорошо, но для того, чтобы решение Сената могло вступить в силу, требовалась его поддержка Палатой представителей (7), получить которую не удалось (8). Однако Д. Хелмс и его сторонники не сложили оружие. Борьба в Конгрессе вокруг вопроса о присуждении А. И. Солженицыну

звания почетного гражданина
Соединенных Штатов Америки
продолжалась.

Между тем в ноябре 1974 г. в
Москве вышел в свет самиздтовский
сборник статей «Из-под глыб» (9).
«Коллективного сборника такого
объема, серьезности основных
поставленных проблем и
решительности их трактовки, в
полный разрез с официальной
установкой, — констатировал
А. И. Солженицын, — не было в
Советском союзе за 50 лет» (10).
Кроме Александра Исаевича,
авторами сборника были
М. С. Агурский, Е. В. Барабанов,
В. М. Борисов, А. Ф. Корсаков и

И. Р. Шафаревич. Сборник открывался статьей А. И. Солженицына «На возврате дыхания и сознания», посвященной полемике с А. Д. Сахаровым. Ему же принадлежали еще две статьи «Расскаяние и самоограничение как категория национальной жизни» и «Образованщина» (11).

По выходе сборника Александр Исаевич провел пресс-конференцию, «проанализировал статьи сборника и изложил свою идею *нравственной революции*» (12). Прежде чем характеризовать основные идеи, с которыми выступил А. И. Солженицын на страницах этого сборника, хотелось бы

отметить, что несмотря на то, что в «Теленке» он пренебрежительно и даже оскорбительно отозвался о упоминавшихся ранее публикациях М. П. Лобанова и В. А. Чалмаева, в своих статьях по сути повторял и развивал основные их идеи. Причем предложенное им понятие «образованщина» — это более оригинальное, но менее удачное обозначение того явления, которое М. П. Лобанов назвал «просвещенным мещанством» (13).

Главное содержание опубликованных А. И. Солженицыным статей можно свести к следующему: 1) будущее общества зависит от трех факторов:

кризиса Запада, угрозы Востока и пробуждения православной России;

2) кризис западного общества зародился еще в эпоху Возрождения и связан с распространением атеизма;

3) в результате этого демократизация общества привела к замене культа Бога культом вещей, к утрате обществом нравственных ценностей;

4) сама по себе демократизация предоставляет человеку только внешнюю свободу, между тем существует и свобода внутренняя, в результате чего внутренне человек может быть свободен даже в условиях внешней несвободы;

5) подобная внутренняя свобода возможна в условиях просвещенного

авторитаризма; 6) современная просвещенная часть общества — интеллигенция представляет собою образованщину, сознание которой изуродовано атеизмом и культом вещей; 7) возрождение нравственных ценностей невозможно без возвращения к Богу; 8) в результате перед обществом открывается альтернатива: или гибель всего человечества, погрязшего в вещизме, или создание «новой религиозной цивилизации»; 9) эта новая цивилизация должна представлять собою совокупность обособленных друг от друга наций; 10) взаимодействие и взаимообогащение разных

национальных культур должно быть источником их развития (14).

Игнорируя, что наряду со свободным и сытым Западом есть угнетенный и голодный Восток, что в мире идет ожесточенная экономическая борьба, которую невозможно остановить религиозными проповедями, что существующие религиозные представления давно уже вошли в непримиримое противоречие с развитием науки и техники, что идея внутренней свободы по существу означает примирение с насилием, А. И. Солженицын обрушивался на своих оппонентов.

«...Солженицын в своей статье

„Образованщина“, — пишет А. Л. Янов, — не скорбел, не плакал и не пророчествовал. Солженицын бил. Вложив в этот удар весь свой авторитет и мировую славу, Солженицын бил теперь по не вождям (с ними он согласен был на диалог), бил по своим. По бывшим диссидентским союзникам, по самиздатовским мыслителям, по интеллигентам, мучительно ищущим выхода из российского тупика (в том числе и по тем, кто самоотверженно выступал в его защиту). Он был беспощаден. Он не считался с тем, что, когда писалась эта статья, он, как точно заметила Юлия Вишневецкая, „слишком хорошо знал,

что его авторитет в „образованщической“ среде — огромен, что любая критика его взглядов может быть расценена чуть ли не как сотрудничество с КГБ“» (15).

Выступая 16 ноября в Цюрихе на пресс-конференции, посвященной выходу в свет сборника «Из-под глыб», Александр Исаевич обратил внимание собравшихся на появившуюся в самиздате статью Житникова «Закат Демократического движения» и, заявив, что полностью с нею согласен, объяснил свою позицию тем, что в диссидентском движении началось размежевание: если раньше все объединялись на

неприятии существующего режима, теперь на первый план стал выдвигаться вопрос о целях борьбы с этим режимом и в этом вопросе сразу же обнаружилось отсутствие единства. А. И. Солженицын назвал четыре наметившихся в нем течения: допотопные коммунисты^[42], либеральные демократы, национал-большевики и религиозные националисты (16). К последнему течению принадлежали и авторы сборника «Из-под глыб»

Вскоре после этой пресс-конференции, не позднее 6 декабря, Александр Исаевич вместе женой отправился в Стокгольм, куда прибыл на следующий день. Здесь 7

декабря из рук короля Карла Густава Шведского он, наконец, получил Нобелевскую премию (17). А 12 декабря провел новую пресс-конференцию (18). В те самые дни, когда к читателям пошел сборник «Из-под глыб», в Италии появились воспоминания Н. А. Решетовской «Моя жизнь с Солженицыным» (19). Поэтому один из вопросов, который был задан ему на этой пресс-конференции касался книги Натальи Алексеевны. Отвечая на него, Александр Исаевич заявил: «Я сейчас имел возможность прочесть ее по-русски и могу сказать, что *эта книга просто не обо мне*. Она о некотором персонаже, которого на

моем месте желает видеть КГБ. Для этого *факты большей частью извращены*. А мотивировки — просто вообще *ни одной подлинной мотивировки нет*. Все мотивировки придуманы со стороны» (20).

Возвращаясь из Стокгольма супруги Солженицыны заехали во Франкфурт-на-Майне и сделали двухдневную остановку для встречи с руководителями НТС и издательства «Посев» (21).

Под Новый год Александр Исаевич отправился в Париж. «27 декабря... — пишет он в «Зернышке», — вышли мы с Восточного вокзала (ошеломленными глазами боясь

допустить, что вот эти серые дома и узкая улица, по которой мы поехали, и есть тот самый Париж» (22).

В столицу Франции А. И. Солженицын прибыл инкогнито (23). Здесь он прежде всего встретился со Н. А. Струве, повидал С. Н. Татищева, А. Б. Дурову, А. П. Столыпина, супругов Эткиндов (24), познакомился с представителями издательства «Сёй» Полем Фламаном и Клодом Дюраном, которым передал на будущее ведение всех своих издательских дел (25).

«Наконец, — пишет Александр Исаевич, — посетил я со Струве русскую типографию Леонида

Михайловича Лифаря, где печатался „Август“, „Архипелаг“, да и все другое — ту страшно тайную типографию, как я воображал ее из Москвы, когда предупреждал Никиту Алексеевича: с рукописью в руках даже не перемещаться по Парижу в одиночку — но разорвалось бы тогда сердце мое, хорошо, что не знал: типография Лифаря — это открытый двор, открытый амбар, куда может в любое время всякий свободно зайти и ходить между незагражденными стопами набора, того же и „Архипелага“. Связь Лифаря с издательством „Имка“ не могла не быть известна ГБ — и как же они проморгали подготовку

„Архипелага“? и почему не досмотрел сюда их глаз, не дотянулась рука?..» (26). А, действительно, почему?

Тогда же состоялось знакомство А. И. Солженицына с директором ИМКА-пресс Иваном Васильевичем Морозовым. Характеризуя возглавляемое последним издательство, А. И. Солженицын пишет, что до установления контактов с ним ИМКА-пресс, по ехидному замечанию некоторых эмигрантов, в основном занималось «изданием псалмов», т. е. богослужебной литературы (реплика, радующая слух атеиста, но не уместная в устах правоверного

христиана). Причем в год издавалось не более двух-трех новых книг, тираж которых редко превышал тысячу экземпляров. И только с появлением солженицынских книг деятельность издательства стала приобретать солидный характер (27).

Оценив, однако, работу И. В. Морозова неудовлетворительно, Александр Исаевич, по его словам, в разговоре с Н. А. Струве заявил о своем желании видеть на посту директора ИМКА-пресс другого человека, но не встретил поддержки (28).

Иначе описывал этот эпизод В. Е. Алой. По его утверждению, появившись в издательстве ИМКА-

пресс, А. И. Солженицын не просто поднял вопрос о необходимости отставки И. В. Морозова, а «потребовал» немедленного его удаления с поста директора, «поставив это условием дальнейшего сотрудничества с ИМКой» (29). Это требование было вынесено на заседание Совета РСХД, однако, писал В. Аллой, «Совет РСХД отверг ультиматум, в результате чего Солженицын на короткое время перешел в „Посев“, который немедленно объявил Собрание сочинений писателя и сильно на том погорел, ибо непредсказуемый автор вскоре вернулся в ИМКу, уполовинив свои требования» (30).

Последний факт признает и сам А. И. Солженицын. «После всего такого — пишет он — предполагаемое мое собрание сочинений я решил было отдать „Посеву“, гораздо крепче организованному», однако, если верить ему, столкнувшись с возражениями жены, решил отказаться от своего намерения (31).

Это значит, что дело не ограничилось простым разговором с Н. А. Струве, конфликт действительно имел место и достиг такой остроты, что Александр Исаевич был готов даже порвать отношения с ИМКА-пресс, но что-то удержало его от этого шага.

«Высылка на Запад, — констатировал А. И. Солженицын, — *прервала работу* над „Красным колесом“ *почти на весь 1974 год*». (32). Только в начале 1975 г. по возвращении из Парижа он уединился в горах («один раз на две недели, другой — еще на три») и вернулся к эпопее, сосредоточившись на ленинских главах (33). По всей видимости, первая поездка была до, вторая после 20 февраля, так как в этот день он находился в Цюрихе и выступал перед студентами университета (34). Ленинские главы, которых оказалось десять, «были окончены в марте 1975» (35) и «той же осенью изданы отдельной книгой

под названием „Ленин в Цюрихе“» (36).

А пока Александр Исаевич трудился над ленинскими главами, в феврале 1975 г. увидели свет его литературные воспоминания «Бодался теленок с дубом» (36). Если прочитать их внимательно, нетрудно заметить, что — это редкий по саморазоблачению документ. Человек, выступающий против официальной лжи, даже не скрывал, что обманывал и лицемерил перед теми, кто ему доверял и готов был искренне помогать. Отталкивающее впечатление на многих произвело бестактное описание им А. Т. Твардовского, которого когда-то

он сам называл своим литературным отцом, и уничтожающие оценки как отдельных сотрудников «Нового мира», так и всей возглавляемой А. Т. Твардовским редакции журнала. Александр Исаевич с некоторым самодовольством приводит слова одного из его друзей, что в «Теленке» он оставил «своим будущим биографам выжженную землю» (37).

Воспоминания вызвали скандальный резонанс и имели своим следствием дальнейшее сокращение круга поклонников и единомышленников

А. И. Солженицына. Этому во многом способствовали критические выступления в печати дочери

А. И. Твардовского Валентины Александровны (38) и одного из членов редакции «Нового мира» Владимира Яковлевича Лакшина (39).

20 марта 1975 г. в первый четверг Поста Александр Исаевич молился богу. Но он не просил у него прощения перед теми, кого обидел и даже оскорбил в своих воспоминаниях. Он молил бога о другом: «Господи! Просвяти меня, как помочь Западу укрепиться, он так явно и быстро рушится. Дай мне средство для этого» (40).

Видимо, не желая, чтобы Запад продолжал «рушиться» и в благодарность за готовность

гонимого и преследуемого писателя помочь Западу, бог приподнес ему подарок. Едва Александр Исаевич вернулся домой, как жена сообщила долгожданную весть: «Сенат единогласно проголосовал за избрание тебя почетным гражданином США» (41).

Решение американского Сената вдохновило А. И. Солженицына на новые подвиги. «И, — пишет он, — я понял так: что надо действовать через Соединенные Штаты, и даже в этом году. Ну, да я ж в ту сторону ехал. По нашей задумке было — что я уже в Европу не вернусь; найду в Америке землю — дом, куплю, там сразу и останусь работать» (42).

А пока оформлялись документы, Александр Исаевич совершил небольшое путешествие. 5 и 6 апреля (суббота и воскресенье) он посетил Мурмелон и здесь вместе с женой, Н. А. Струве и редактором эмигрантского журнала «Часовой» В. В. Ореховым побывал на Русском военном кладбище (43). 10 апреля в Париже провел прес-конференцию, посвященную презентации своих воспоминаний (44). 11 апреля с этой же темой выступил по французскому радио (45). Из Франции Виктор Банкул повез Солженицыных на четыре дня в Италию (46). Затем Александр Исаевич совершил небольшую поездку по Швейцарии и

уже оттуда отправился за океан (47).

В день отъезда 28 апреля 1975 г. он направил лорду Н. Бетеллу гневное письмо: «Прошу Вас мне дать объяснение: какое право имели Вы торговать моей рукописью „Раковый корпус“, продавать ее от моего имени? Вы не имели на это никогда никаких полномочий ни от кого, и Вы знаете сами, как будет квалифицировано в суде подобное присвоение чужой литературной собственности... как допустили Вы неряшливый неточный перевод повести, нанеся мне непоправимый ущерб в глазах английского читателя? Если я не получаю от Вас удовлетворительных объяснений

немедленно, я придам всей этой истории публичный или судебный ход. А. Солженицын» (48).

Странно, что подобным гневом он разразился не в 1968 г., когда впервые возник вопрос о публикации «Ракового корпуса», не в 1969 г., когда повесть уже появилась в печати, не в 1970 г., когда он стал лауреатом Нобелевской премии, не в 1974 г., когда оказался за границей, а только весной 1975 г.

«Я, — читаем мы в воспоминаниях Н. Бетелла, — тоже впервые написал сердитый ответ и напомнил, что именно Солженицын впервые вывел Личко на авансцену, когда передал ему свои рукописи и

дал ему, первому из всех иностранных журналистов, серьезное интервью, что именно благодаря подписи Солженицына я стал доверять Личко. Я перечислил выгоды, которые писателю принес контракт на издание „Ракового корпуса“, заключенный Павлом Личко — не только деньги, но и славу, которая помогла завоевать Нобелевскую премию и защитила от КГБ. Я подверг сомнению утверждение о том, что наш „неряшливый, неточный“ перевод нанес писателю „непоправимый ущерб в глазах агнлийского читателя“... Я предложил ему, если он и впрямь считает наш перевод

неряшливым и неточным, доказать это фактами. Наступила гробовая тишина. Солженицын не ответил на мой вызов» (49).

Еще бы, ведь издательство «Бодли хед» выплатило А. И. Солженицыну часть денег, которых он добивался (50).

США: туда и обратно

За океан Александр Исаевич отправился 28 апреля 1975 г.: по дороге из Швейцарии в Канаду им была написана статья «Третья мировая?». В ней он характеризовал весь последвоенный период как

необъявленную мировую войну, которую начал Советский Союз, стремящийся распространить свое влияние на весь мир. Автор бил в колокола, чтобы разбудить не видящий нависшей над ним советской угрозы Запад и поднять его на борьбу с советской экспансией (1).

В Канаде Александр Исаевич встретился с руководителем Русского христианского движения отцом Силивестром и с помощью своего нового знакомого Алексея Виноградова начал поиски места, куда можно было переехать на жительство (2). Поиски оказались безрезультатными (3). 26 мая прилетала Наталья Дмитриевна (4).

С нею Александр Исаевич побывал на Аляске, а затем отправился в Стэндфорд, куда прибыл не позднее 6 июня (5). Здесь он намеревался поработать в известном гуверовском институте, однако «времени на Гувер, — пишет он, — у нас было не больше недели» (6).

Точный маршрут американского путешествия А. И. Солженицына пока неизвестен. Можно лишь отметить, что 30 июня 1975 г. он был в Вашингтоне, где выступил перед представителями профсоюзов АФТ-ИПП (7). Нарисовав мрачную устрашающую картину террора в советской стране (8), А. И. Солженицын в частности

заявил: «И с этой страной... в 1941 году вся объединенная демократия мира: Англия. Франция, Соединенные Штаты, Канада, Австралия и другие мелкие страны, — вступили в военный союз. Как это объяснить? Как можно это понять?» (9). Подобное высказывание некоторые западные средства массовой информации охарактеризовали как прогитлеровское (10).

Александр Исаевич попытался откреститься от подобного обвинения, заявив, что его неправильно поняли. Он, оказывается, осуждая Рузвельта за союз со Сталиным, имел в виду

только то, что США могли разгромить фашистскую Германию без СССР (11). Интересно: как? Ведь Германия напала не на США, а на СССР. В таких условиях отказ Америки от поддержки Советского Союза означал или предоставление СССР самому возможности разгромить Германию или предоставление Германии возможности разгромить СССР. В первом случае участие США в разгроме Германии было исключено. Но тогда получается, что писатель допускал неизбежность разгрома СССР и желал, чтобы США вступили в войну с фашистской Германией только после этого.

В своем вашингтонском выступлении А. И. Солженицын заявил, что он тоже за разрядку, но «разрядку истинную», которая должна привести к устранению насилия не только во взаимоотношениях между государствами, но и во взаимоотношениях между правительствами и народами («контроль общественности, контроль прессы, контроль свободного парламента»), иначе говоря к замене авторитарной или тоталитарной системы управления, там где она существовала, демократической (12).

Если оставить в стороне тот

факт, что здесь мы видим явное противоречие с «Письмом вождям», то из понимаемого А. И. Солженицыным содержания разрядки вытекало, что она может быть только результатом полной капитуляции существующих авторитарных и тоталитарных государств. А значит, если США действительно стремились к разрядке, то они, по логике А. И. Солженицына, должны направить свои усилия не на переговоры с Советским Союзом, не на расширение делового сотрудничества, а на то, чтобы заставить его капитулировать. Иначе говоря, признавая разрядку на словах,

на деле Александр Исаевич призывал к усилению холодной войны. Говорят, что после этого выступления А. И. Солженицына кто-то из американских политиков заявил: «Он же правее Барри Голдуотера!» (один из американских «ястребов», как звали тогда самых непримиримых противников разрядки — А.О.) (13).

Отметив в Вашингтоне вместе с М. Л. Ростроповичем День независимости США (14), Александр Исаевич не ранее 4 — не позднее 8 июля отправился в Нью-Йорк, здесь 9 июля он произнес новую речь перед представителями профсоюзов АФТ-КПП (15), а 13 июля дал телеинтервью компании NBS (16).

«Успел я в Нью-Йорке, — вспоминает А. И. Солженицын, — еще съездить в Колумбийский университет, два денька поработать в русском, „бахметьевском“ архиве» (17). Кто работал в архивах, знает: «два денька» — это не работа. Так. Знакомство.

Не ранее 13 — не позднее 15 июля Александр Исаевич из Нью-Йорка вернулся в Вашингтон (18). Здесь 15 июля ему была предоставлена возможность выступить в Сенате, в том самом, который он в первой редакции своего «Письма вождям» характеризовал как «балаган». Несмотря на проявленное им в этом письме

неуважение к высшему органу законодательной власти Соединенных штатов Америки, теперь он с готовностью принял приглашение и призвал сенаторов за разговорами о разрядке не забывать о том произволе, который царит в «коммунистических странах», и помнить, что народы этих стран с надеждой и отчаянием смотрят на них (19).

Во время пребывания А. И. Солженицына в США появилось сообщение, что «президент Форд приглашает писателя в Белый дом» (20). В связи с этим 21 июля 1975 г., находясь в штате Нью-Йорк на ферме дочери

Л. Н. Толстого Александры Львовны, Александр Исаевич сделал специальное заявление для «Нью-Йорк таймс» с осуждением его политики, направленной на разрядку отношений между США и СССР (21). На основании этого можно было бы подумать, что лауреат Нобелевской премии сам отказался от посещения Белого дома. Однако еще за полторы недели до его заявления на страницах «Русской мысли» в Париже появилось сообщение, в котором говорилось: «Ссылаясь на занятость президент Форд не принял Солженицына» (22).

Несмотря на то, что Александр Исаевич отправлялся за океан с

надеждой осесть в США (вспомним его слова: «я уже в Европу не вернусь»), тогда его планам не суждено было осуществиться. По всей видимости, это было связано с тем, что решение Сената о предоставлении А. И. Солженицыну почетного гражданства снова не получило одобрения Палаты представителей (23).

Закончив путешествие по США, Александр Исаевич вернулся в Канаду (24) и 1 августа из Монреаля отправился в обратный путь (25).

Итак, за *три* *месяца* пребывания за океаном он смог уделить работе в архивах не более *девяти* *дней*. Следовательно, цель

его поездки была совершенно в другом, а посещение архивов являлось лишь ознакомительным.

После возвращения из путешествия Александр Исаевич уединился в Хольцнахте (Базельское нагорье) и снова сел за эпопею, собираясь *начать* «Март Семнадцатого». Однако работа не пошла. «Думал, думал над этим, — пишет он, — топтался — решил пока взяться за личные сюжеты — дав протянуть эти линии до Шестого-Седьмого-Восьмого Узлов? Так и сделал. Постепенно стал *из кризиса* выходить» (26).

Едва только Александр Исаевич начал выходить из творческого

кризиса, как к нему пожаловала полиция. 28 августа, пишет А. И. Солженицын, приехали два полицейских и сообщили, «как пропитана провокаторами чешская эмиграция в Цюрихе» (27).

Сообщение швейцарской полиции было неслучайным, если вспомнить о той роли, которую играли в семье Солженицыных супруги Голубы. Между тем, пишет Александр Исаевич «...стали к нам приходить предупреждения прямо из Чехословакии: что Голубы — агенты, он был прежде заметный чешский дипломат, [\[43\]](#) она — чуть не 20 лет работала в чешской госбезопасности... Наконец, и

терпеливая швейцарская полиция прямо нас предупредила, не доверять им» (28).

Но этим «странные связи» консерватора А. И. Солженицына за рубежом не ограничивались. Так, считая наиболее удачными переводами своих произведений переводы, появившиеся во Франции, он отмечал, что в них принимали участие «человек семь-восемь», «все — ученики одного и того же профессора Пьера Паскаля и близких выпусков» (29). Было ли известно Александру Исаевичу, когда он писал эти слова, что Пьер Паскаль знал русский язык не по наслышке? В годы Первой мировой войны он был

командирован в Россию в составе французской военной миссии (среди офицеров которой, кстати, находился Зиновий Пешков — брат Я. М. Свердлова и приемный сын А. М. Горького), в 1918 г. вступил в РКП(б), затем перешел в аппарат Коминтерна и играл в нем активную роль до середины 20-х гг. Только после того, как в СССР начался термидоринский переворот, П. Паскаль вернулся во Францию и посвятил себя изучению русской истории (30). Таким образом, по иронии судьбы лучшими переводчиками антикоммуниста А. И. Солженицына стали ученики бывшего коммуниста, к числу

которых, кстати, принадлежал и Н. А. Струве (31).

А кто переводил «Архипелаг» на немецкий язык? Дочь лидера австрийских коммунистов Элизабет Маркшейн. А кому А. И. Солженицын обязан изданием «Ракового корпуса»? Павлу Личко, который был не только коммунистом, но и сотрудничал когда-то с советской разведкой. А кто содействовал изданию романа в «Круге первом» и получению Нобелевской премии? Ольга Карлайл — внучка лидера партии эсеров В. М. Чернова. Не следует также забывать, что сыгравшая в жизни А. И. Солженицына особую роль

Н. И. Столярова была дочерью эсерки Н. Климовой и, по свидетельству некоторых знавших ее лиц, связывала судьбу диссидентского движения в СССР с еврокоммунизмом (32).

Но самый тяжелый удар был нанесен А. И. Солженицыну с другой стороны. До него, пишет он, дошли слухи, «что Хееб коммунист». Было проведено негласное дознание и «постепенно узналось: да, до 1956 был коммунистом, но после венгерского подавления в виде протеста перешел в социалисты. Вот те на! Знал бы я это раньше — пишет пораженный этим открытием Александр Исаевич, — сильно бы

задумался... А знакомые Бетты были — скорее и больше по коммунистической линии, по ее происхождению, оттуда и рекомендации. Но мелочь такую о Хеебе она нам не сказала или важной не сочла» (33).

Она-то могла и не счесть важной, но как же прошедший лагерную выучку Александр Исаевич оказался таким наивным и беззаботным? Ведь ему ничего не стоило поинтересоваться анкетными данными своего адвоката. И тогда бы не вышло подобного срама, что правоверный христианин доверил защищать свои интересы даже не либералу, а социалисту да еще с

коммунистическим прошлым. Но самое интересное в другом: оказывается, о коммунистическом прошлом его адвоката он был предупрежден «стариками Андреевыми» еще тогда, когда находился в Советском Союзе (34). Но тогда почему-то над этим предупреждением не «задумался» и стал рвать на себе волосы только в эмиграции.

«В конце ноября», Александр Исаевич спустился с гор и «вернулся домой», в Цюрих, после чего опять поехал в Париж (35), а затем, в те самые дни, когда последний третий том «Архипелага» пошел к читателям, из Франции отправился в

Англию, куда прибыл не ранее 16 — не позднее 21 февраля 1976 г. (36). На Британских островах он пробыл около полутора недель, однако ничего, кроме его интервью телекомпания Би-Би-Си 22, 25 и 26 февраля (37), нам пока об этом путешествии не известно.

29 февраля А. И. Солженицын вернулся во Францию (38). О его пребывании здесь мы тоже можем пока судить главным образом по его интервью (39). Не ранее 10 — не позднее 20 марта из Франции Александр Исаевич направился в Испанию и провел там восемь дней (40). 20 марта он выступил по испанскому телевидению (41) и дал

пресс-конференцию в Мадриде (42). Если его появления в эфире и телеэкране в Лондоне и Париже не вызвали особого общественного резонанса, то выступления в Мадриде получили широкий отголосок: и не только потому, что здесь он рисовал совершенно неправдоподобную картину ужасов советской жизни (об этом пойдет речь далее), но и потому, что выразил восхищение прелестями испанской жизни, «забыв» о франкистском режиме.

Касаясь в одном из испанских выступлений вопроса о своем литературном творчестве, он заявил: «Август Четырнадцатого» я не только

собираюсь дописывать, но *закончено*
и продолжение, «Октябрь
Шестнадцатого». Сейчас работаю
над «Мартом Семнадцатого» (43).
Когда же Александр Исаевич успел
закончить «Октябрь
Шестнадцатого», если вывез его из
России незавершенным (см. выше —
С.), а до весны 1976 г. ничем кроме
ленинских глав не занимался?

Не позднее 28-го числа
А. И. Солженицын из Испании
вернулся в Швейцарию. Если верить
ему, к этому времени уже был решен
вопрос о переезде в США, шли
приготовления к нему. «В Цюрихе, —
пишет Александр Исаевич, —
последнее оформление

американских документов на переезд всей семьи (наших всех поразило, что *надо пальцы отпечатывать!*). Мне ехать вперед — наконец, посмотреть купленный участок и дать Алеше Виноградову добро на стройку» (44).

Из Европы в Америку А. И. Солженицын вылетел 2 апреля 1976 г. (45).

Первое издание «Архипелага»

Самым крупным событием в жизни А. И. Солженицына до отъезда за океан было завершение издания «Архипелага», третий том

которого вышел в конце 1975 — начале 1976 г.

Ни одну из своих книг А. И. Солженицын не выносил на читательский суд с такими извинениями, которыми он сопровождал «Архипелаг»: «Не потому я прекратил работу — писал он в „Послесловии“ к „Архипелагу“, — что счел книгу оконченной, а потому, что не осталось больше на нее жизни» (1). Правда, с того времени, когда были написаны эти строки до выхода в свет первого тома «Архипелага» прошло почти семь, а до издания третьего тома — десять лет. Но не в этом дело. За что же извинялся автор

перед читателями? «А вот, что выражался я неудачно, где-то повторился или рыхло сказал, — за это прошу простить» (2).

На первый взгляд перед нами редкий факт требовательности к себе. Но почему же автор не проявил такой же требовательности, вынося на читательский суд свою пьесу «Свеча на ветру»? А разве можно назвать удачными в литературном отношении «Пир победителей» и «Пленников»? киносценарии «Знают истину танки» и «Тунеядец»? А уж поэму «Дороженька» и неоконченную повесть о войне вообще никому не стоило показывать. Но ведь опубликовал же

их. И без всяких извинений.

Поэтому извиняясь за несовершенство «Архипелага», Александр Исаевич, по всей видимости, имел в виду не только указанные им недостатки. Но начнем с них. Знакомство с «Архипелагом» прежде всего показывает, что перед нами если так можно выразиться очень «сырое» литературное произведение. [\[44\]](#)

Об этом свидетельствует даже знакомство с его оглавлением: Ч.1 — 342 с., Ч.2. — 78 с., Ч.3 — 364 с., Ч.4 — 46 с., Ч.5 — 218 с., Ч.6 — 88 с., Ч.7 — 54 с. Причем часть 4-я (46 с.) по объему меньше главы второй части 1-й (48 с.) (3). Разумеется, от

автора нельзя требовать, чтобы все части, на которые разделяется книга, были равновеликими. Но вычленяя их, автор не только стремится отразить основные структурные элементы своего замысла, но и оказать определенное влияние на читателя, которое во многом зависит от наполняемости отдельных частей книги фактическим материалом. Поэтому или автор «Архипелага» неверно определил структуру своей книги, или у него не хватило времени для сбора необходимого материала.

Даже беглое знакомство с Архипелагом обнаруживает такую его особенность как повторы или дублирование. 4-я глава из первой

части «Голубые канты» (4) посвящена той же самой теме, что и глава 20-я «Псовая служба» из третьей части (5) и глава 9 «Сынки с автоматами» из пятой части (6): лагерной охране и администрации. Проблема побегов, упонимаемая в 14-й главе «Менять судьбу» из третьей части (7), рассматривается в главах 6-й «Убежденный беглец» (8), 7-й «Белый котенок» (9) и 8-й «Побеги с моралью и побеги с инженерией» (10) из пятой части. Глава 18-я «Музы в ГУЛАГЕ» из третьей части (11) дублирует главу 5-ю «Поэзия под плитой, правда под камнем» из пятой части (12). Глава 3-я «Цепи, цепи...» из пятой части

(13) перекликается с содержанием главы 15-й «Шизо, Буры, Зуры» из третьей части (14), а глава 2-я из пятой части «Почему терпели» (15) — с главой 12-й «Тюрзак» из первой части (16). Подобное дублирование касается глав 2-й «Ветерок революции» (этапы), (17), 10-й «Когда в зоне пылает земля» (18), 11-й «Цепи рвем на ощупь» (19), 12-й «Сорок дней Кенгира» (20). Во второй части дублируют друг друга главы 1-я «Корабли Архипелага» — (21), 3-я «Караваны невольников» (22) и 4-я «О острова на остров» (23). Одной и той же теме посвящены глава 3-я «Замордованная воля» из четвертой части (24) и глава

7-я «Зеки на воле» из шестой части (25).

Все это вместе взятое составляет *треть* книги. Если принять во внимание более мелкие повторы, этот показатель приблизится к 40 % всего текста. А если исключить из «Архипелага» тот материал, который был написан после 1967 г., т. е. если рассматривать только текст первой редакции книги, этот коэффициент составит *почти 50%*. Особенно велико дублирование в пятой части. Из двенадцати ее глав девять полностью и две частично дублируются в других частях «Архиплага». Это более 80 % ее

содержания. Как будто бы под одной обложкой искусственно соединены два «Архипелага», которые писались по схожей схеме, но разными авторами.

При знакомстве с книгой в глаза бросятся не только «неуданные выражения», «частые повторы» и «рыхлость» текста. В печати уже отмечено, что для «Архипелага» характерно **«противоречивое единство *взаимоисключающих* точек зрения»** (26). Особо следует подчеркнуть, это касается не только отдельных более или менее частных проблем, но и проблем, имеющих принципиальное значение. Прежде всего единства замысла.

По словам самого А. Соложеницына, в основу его произведения был положен «принцип последовательных глав о тюремной системе, следствии, судах, этапах, лагерях ИТЛ, каторжных, ссылке и душевных изменениях за арестантские годы» (27). Иначе говоря, «Архипелаг» мыслился автором как своеобразная энциклопедия «ГУЛАГа», которая должна была дать представление об этой системе через призму тех этапов, который проходил любой заключенный, начиная от ареста и кончая освобождением. Такой замысел действительно нашел свое воплощение в «Архипелаге».

Наряду с этим присутствует и другой замысел, цель которого показать историю возникновения и развития советского террора, а значит историю возникновения и развития ГУЛАГа. Причем добиться гармонического сплава этих двух замыслов автору не удалось.

Как мы знаем, подобная трансформация первоначального замысла произошла после того, как первая редакция «Архипелага» была завершена, и в декабре 1967 г. А. И. Солженицын под до сих пор непонятно чьим влиянием начал перестраивать уже готовую конструкцию книги.

Но дело не только в том, что в

«Архипелаге» механически соединены два разных замысла. Оказывается в книге достаточно четко прослеживаются три совершенно разные концепции истории ГУЛАГа.

Согласно одной из них, ГУЛАГ возник в начале 1920-х годов и просуществовал до середины 50-х.

«Я — откровенничал А. И. Солженицын в 1965 г., — там (т. е. в «Архипелаге» — А.О.) себя ограничиваю. С 21 года. У меня абсолютно нет гражданской войны» (28). И действительно, одна из глав книги называется «Архипелаг возникает из моря», т. е. из Словецкого лагеря особого

назначения, созданного в 1923 г., опыт которого стал распространяться на всю страну только в конце 1920 — начале 1930-х гг. (29).

Что касается второй даты, то в первых шести частях книги нет ни одного факта, касающегося данной темы и выходящего за рамки 1956 г. Объяснение этого мы находим в следующих словах автора: «Когда Хрущев вытирая слезу, давал разрешение на „Ивана Денисовича“, он ведь твердо уверен был, что — это сталинские лагеря. Что у него — таких нет. И Твардовский, хлопоча о верховной визе, тоже искренне верил, что это о прошлом, что это — кануло. Да Твардовскому

простительно... Но я-то, я! — ведь и я поддался... *Я тоже искренне думал, что принес рассказ — о прошлом»* (30).

Это мнение нашло отражение не только в отборе фактического материала, но и в содержании «Архипелага»: «Оценивая 1937 г... — читаем мы здесь, — можно признать, что именно этот год сломал душу нашей воли и залил ее массовым растлением. Но даже это не было концом *нашего* общества (заметьте — «нашего» — А.О.). Как мы видим теперь, конец, вообще никогда не наступил — живая ниточка России дожила, дотянулась *до лучших времен, 1956 г., а теперь*

уже тем более не умрет» (31).

Вторая концепция нашла отражение в названии книги: «Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования. 1918–1956 г.» (32). В соответствии с ней, история ГУЛАГа началась летом 1918 г.

Третья концепция может быть выражена словами автора: «Архипелаг родился под выстрелы „Авроры“» (33), «Архипелаг был, Архипелаг остается, Архипелаг будет» (34), иными словами, вся история Советской страны — это история террора, история ГУЛАГА.

В чем причина этих концептуальных расхождений?

Возможны три объяснения: а) за время работы над «Архипелагом» замыслы и взгляды автора претерпели эволюцию и произошедшая ломка взглядов нашла свое отражение в отменных выше противоречиях; б) в процессе работы над книгой автор был поставлен перед необходимостью оперативно менять как свой первоначальный замысел, так и концепцию истории «ГУЛАГа», не имея при этом времени для того, чтобы соответствующим образом переработать и унифицировать весь текст книги; в) отдельные части книги писались разными людьми, а А. И. Солженицын осуществил

механическую сводку этого материала, не сумев или не пожелав его вычитать и устранить бьющие в глаза противоречия и настыковки.

Что касается, первого объяснения, то здесь необходимо учитывать, что хотя автор и работал над «Архипелагом» с 1958 по 1968 г., но история ГУЛАГа привлекала его внимание автора только на завершающей стадии работы (декабрь 1967 — апрель 1968 гг.). Поэтому об эволюции взглядов в течение этих трех месяцев не может быть и речи. Маловероятно, чтобы в течение столь короткого времени автор был вынужден перекраивать историю ГУЛАГА под чьим-то

влиянием. Но тогда напрашивается вывод, что он пользовался материалом или же заготовками других лиц, которые по-разному смотрели на данный вопрос.

В связи с этим нельзя не обратить внимание на то, что в книге нашли отражение не только разные концепции истории ГУЛАГА, но и разные датировки советского террора. Так, характеризуя действие знаменитой 58 статьи (пункт 10 — антисоветская агитация), он пишет: «Поток Десятого Пункта — пожалуй, самый устойчивый из всех — не пресекался вообще никогда, а во время других великих потоков *как 37-го, 45-го или 49-го* годов набухал

особенно полноводно» (35). Эта же периодизация нашла отражение и при характеристике процесса над правыми эсерами: «вся панорама 37-го, 45-го, 49-го» (36).

Но вот, полемизируя с самим собой, А. И. Солженицын пишет буквально несколькими страницами раньше: «Когда теперь бранят произвол культа, то упираются все снова и снова в настрывшие 37–38-й годы. И так это начинает запоминаться, как будто бы ни до не сажали, ни после, а только вот в 37–38-м. Не боюсь однако ошибиться, сказав, что поток 37–38-го ни единственным не был, ни даже главным, а только может быть, одним

из трех самых больших потоков... До него был *поток 29–30-го годов*... после был поток 44–46-го годов» (37).

Есть в Архипелаге и другая точка зрения: «Как уже видел читатель — читаем мы здесь — ни 35-м, ни 37-м, ни 49-м годами не исчерпаешь перечня наборов на „Архипелаг“. *Наборы шли всегда*» (38).

Итак, если в одном случае первый «великий поток» датирован 1937 г., а во втором 1929–1930 гг., то в третьем подчеркивается, что «наборы шли всегда», т. е. начиная с 1917 г. Перед нами три совершенно разные концепции развития террора.

В первых двух случаях его можно характеризовать как сталинский и рассматривать как аномальное для советской системы явление, в последнем случае получается, что террор рождается вместе с советской системой и представляет собою одну из ее характерных черт.

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство — отсутствие единообразия в оформлении текста. Прежде всего это касается членения глав на разделы. В одних случаях для этого используется простой разрыв текста — просвет (А), в других просвет дополняется звездочками (Б), в третьих одна часть текста от другой отделяется «фонариками».

Причем использовано по крайней мере четыре разновидности «фонариков»: а) выносные над текстом (В), б) открывающие текст и набранные жирным шрифтом (Г), в) открывающие текст, набранные жирным шрифтом и имеющие индекс (Д), г) открывающие текст и набранные в разрядку (Е). Итак, шесть разных способов оформления текста: три (А, Б, Г) — в первом томе, шесть (А, Б, В, Г, Д, Е) — во втором и три (А, Б, Г) — в третьем (39).

Как известно, у каждого автора свой «почерк». Что касается машинисток, то они делятся на две категории: одни механически

воспроизводят чужой текст, другие, по крайней мере, с точки зрения оформления используют принятый ими стандарт.

Как известно, первоначально «Архипелаг» был написан А. И. Солженицыным от руки и зимой 1966–1967 гг. почти весь первый его вариант отпечатан им лично (лишь на протяжении десяти дней ему помогала Н. А. Решетовская). Поэтому первый машинописный вариант «Архипелага» мог иметь не более двух особенностей оформления текста, причем один из них вряд ли распространялся более чем на 10 а.л.

Затем в 1967 г. первый вариант

«Архипелага» от начала до конца был перепечатан Е. Д. Воронянской, которая или унифицировала оформление текста, или же сохранила его в прежнем виде (40).

В 1968 г. первые два тома были перепечатаны Е. Ц. Чуковской, третий том, кроме нее, перепечатывали Е. Д. Воронянская и Н. А. Решетовская (41). Если бы каждая из них механически воспроизводила текст, то в его оформлении могло быть не более двух стилей, а если бы каждая печатала по своему — не более трех, причем эти три разных стиля могли иметь место только в третьем томе.

В 1968–1969 гг. все три тома

были перепечатаны, по всей видимости, Н. Д. Светловой (42). Но поскольку она не унифицировала их оформление, то после нее должно было сохраниться не более трех стилей. Мы же имеем дело с шестью.

Данный факт можно объяснить тем, что при перепечатке текста машинистки полностью сохраняли особенности оформления его текста, а значит, единообразие его оформления отсутствовало в самой рукописи. Но тогда получается, что в рукопись книги имела шесть авторских особенностей оформления текста.

Все это вместе взятое дает основание утверждать, что

Архипелаг ГУЛАГ — это результат не индивидуального, а коллективного творчества. Только этим можно объяснить и дублирование материала, и отсутствие единства взглядов по целому ряду вопросов, и различия в оформлении, и, кстати, бросающееся в глаза разностилье. К тому же не следует забывать, что и зимой 1966–1967 гг, и с конца 1967 по весну 1968 г. А. И. Солженицын никак не мог выполнить свою работу в одиночку.

О том, что у него были помощники, он пишет и сам:

«Из этого списка я хотел бы выделить тех, кто много труда положил в помощь мне, чтоб эта

вещь была снабжена библиографическими опорными точками из книг сегодняшних библиотечных фондов или давно изъятых и уничтоженных, так что найти сохраненный экземпляр требовало большого упорства» (43). Но как подчеркивается во втором послесловии 1968 г.: «Полный список тех, без кого б эта книга не *написалась*, не переделалась, не сохранилась — еще время не пришло доверять бумаге. Знают сами они» (44).

Сейчас можно назвать, по крайней мере, девять человек, которые помогали А. И. Солженицыну в работе над

«Архипелагом»: Н. М. Аничкова, Е. Д. Воронянская, А.М. и Т. М. Гарасевы, В. Гершуни, Н. Кинд, Н. Ф. Пахтусова, Г. Тэнно, А. В. Храбровицкий, Е. Ц. Чуковская (45).

Говоря о помощниках, Александр Исаевич имел в виду лишь техническую помощь. Между тем есть основания говорить и о соавторах. Трое из них могут быть названы уже сейчас. Это В. В. Иванов (Саед-Шах А. Солженицын // Новая газета. 2005. № 63. 28–31 августа (интервью В. В. Иванова) Г. Тэнно (46) и А. В. Храбровицкий (47).

По свидетельству Вячеслава

Всеволодовича Иванова, были и другие соавторы: «много кусков написано разными людьми», причем на них приходится «большая часть его главной книги» (Там же).

Кто еще был причастен к написанию «Архипелага»?

Глава 2

Опять за колючей проволокой

На американской земле

«2 апреля, — пишет А. И. Солженицын, имея в виду 1976 г., — снова скрытый отлет... В Нью-Йорке меня встречает Алеша, сразу везет в Вермонт» (1). В штате Вермонт в предместье небольшого городка Кавендиш Александр Исаевич осмотрел приобретенный на его имя земельный участок, получивший название Пять ручьев, и

дал добро на строительство (2).

Затем Александр Исаевич отправился в Стэнфорд, где планировал поработать в архиве гугеровского Института войны, мира и революции (3). Здесь 24 мая 1976 г. он выступил на приеме в институте (4), а 1 июня 1976 г. при получении премии «Фонда свободы» (5).

В Стэндфорте Александр Исаевич пробыл около двух месяцев (6), после чего в середине июня отправился с женой в Кавендиш (7). Познакомившись с тем, как идет строительство (8), Наталья Дмитриевна улетела в Швейцарию за детьми и вещами, а Александр Исаевич поехал оформлять «зеленую

карточку», как он пишет, — «удостоверение допущенного к жительству в Штатах, а после пяти лет можно менять его на гражданство» (9).

«В Пять Ручьев, — вспоминает А. И. Солженицын, — я окончательно приехал в грозный вечер, в канун 200-летия Соединенных штатов», т. е. 3 июля (10). 30 июля сюда вместе с детьми и багажем, в состав которого входил и дубовый самутинский письменный стол, приехала Наталья Дмитриевна. «...въезд семьи в Америку 30 июля, — пишет Александр Исаевич, — прошел совсем незаметно» (11).

Что же заставило его, не дожидаясь завершения строительства, тайно, ни с кем не попрощавшись, никого не поблагодарив за помощь, покинуть Цюрих и также таинственно уединиться в Кавендише? Об этом Александр Исаевич умалчивает.

«...прошли еще сорок важных дней стройки. — читаем мы в «Зернышке», — И как раз 7 сентября Алеша замкнул кольцо забора, поставил ворота, тоже сетчатые — а 8 сентября во всей мировой прессе взорвалось как очень важное для них и всех читателей событие — Солженицын переехал в Америку» (12).

В «крошечный Кавендиш» хлынули журналисты. Здесь к своему удивлению они обнаружили не только усадьбу, обнесенную забором, что, оказывается, по словам самого же Александра Исаевича, «было здесь необычно и вызывающе», но и, что уж совсем казалось невероятным, «нитку колючей проволоки», протянутую над забором «вдоль проезжей дороги» (13). В результате в средствах массовой информации появились сенсационные известия, что высланный из Советского Союза лауреат Нобелевской премии сам заточил себя в «новый ГУЛАг» (14).

Как явствует из воспоминаний

А. И. Солженицына, строительство продолжалось до конца 1976 г. (15). Призывающий своих современников к самоограничению, сам Александр Исаевич не ограничился ремонтом старого здания, бывшего на купленном им земельном участке. «В Кавендише утверждают, — писал Оливье Руйан, — что Солженицын потратил около 650 тысяч долларов на то, чтобы воспроизвести на территории своего лесистого владения русские пейзажи. У него есть собственный теннисный корт (мечта детства...). Построен трехэтажный деревянный дом, православная часовня. Сохранился старый склад: он превращен теперь в

библиотеку. На полках этой библиотеки — тысячи томов» (16).

Характеризуя рабочий быт А. И. Солженицына, Клод Дюран писал: «Порой он спит всего лишь три часа и все время проводит в своем рабочем домике, где оборудовал себе небольшую спальную комнату и кухню. Иногда он пишет 14 часов в день,.. а вечер проводит с семьей. Всякий раз, когда Александр Исаевич Солженицын заканчивает написание определенного количества страниц, он передает их одному из сыновей, который несет их Наталии и Екатерине. Те в свою очередь печатают их на компьютере.

Первый этаж рабочего дома служит подсобной библиотекой, второй — кабинетом. Там находится несколько столов, каждый из них предназначен для работы над одной книгой или частью книги. Третий этаж, он меньше первых двух, находится на уровне крон деревьев. Это этаж возвышенных мыслей. Здесь писатель находится среди листьев и света, когда его посещает вдохновение или когда он должен обдумать самые глубокие философские сюжеты» (17).

Только уединившись в штате Вермонт, Александр Исаевич снова сосредоточился на «Красном колесе». Здесь, пишет он, «за это

лето в прудовом домике я написал весь столыпинско-богровский цикл» к уже изданному роману «Август Четырнадцатого» (18). Речь идет о главах 8-я и 60–73-й, посвященных П. А. Столыпину (19). В начале 1977 г. была написана глава «Этюд о монархе», после чего принято решение сделать роман двухтомным (20).

Стремясь не привлекать к себе внимания, осенью 1976 г. А. И. Солженицын снова побывал в Нью-Йорке, посетил Колумбийский университет, «поработал еще в архиве Магеровского» (21). В Нью-Йорке в последний раз встретился с Е. Г. Эткингом (22). Затем в

студенческие каникулы «неделю» провел в Йельском университете (23).

По утверждению А. И. Солженицына, в результате знакомства с американскими архивами, особенно с архивом Гуверовского института, в его представлениях о русской революции произошел радикальный переворот.

«...хотя уже сорок лет я готовился писать о революции в России, — отмечает он, — вот в 1976 наступило 40 лет от первого замысла книги — я только теперь в Гувере — в большом объеме, в неожиданной шире — получил, перешуptyвал, заглатывал материал. Только теперь

обильно его узнавал — и, по мере как узнавал, происходил умственный поворот, какого я не ожидал... Я был потрясен. Не то, чтобы до сих пор я был ревностный приверженец Февральской революции или поклонник идей ее, секулярный гуманист, — но все же 40 лет я тащил на себе всеобщее принятое представление, что в Феврале Россия достигла свободы, желанной поколениями, и вся справедливо ликовали, и нежно колыхали эту свободу, однако, увы, увы — всего 8 месяцев, из-за одних лишь злодеев — большевиков, которые всю свободу потопили в крови и повернули страну к гибели» (24).

И далее: «А теперь я с ошеломлением и уже *омерзением* открывал, какой низостью, подлостью, лицемерием, рабским всеединством, подавлением инодумающих были отмечены и составлены первые же, самые „великие“ дни этой будто бы светоносной революции и какими мутными газетными помоями все это умывалось ежедневно. Неотвратимая потерянности России — зазияла уже в *первые дни марта*. Временное правительство оказалось еще ничтожнее, чем его изображали большевики...» (25).

«И как же, как же я этого не видел 40 лет?.. — удивляется

Александр Исаевич, — Если бы в жизни я занят был только писанием своих книг, то это *открытие*, хоть *теперь-то сделанное*, за эти два месяца в Гувере, меня бы не обескуражило... А я все эти годы, в самое резкой схватке с большевицким режимом, и кроме этого ненавистного врага не замечал никого, ничего — *чьим же единомышленником был широко поддержан и чьей же волной вознесен, если не этой же, такой же „февральской“ публики — и у нас в Союзе, и на Западе?.. И что ж — я с такими заодно?»* (26).

Если мы вспомним слова А. И. Солженицына из его «Письма

ВОЖДЯМ» О ВОСЬМИ МЕСЯЦАХ
«ДЕМОКРАТИИ» В 1917 Г. КАК ПОЗОРЕ
КАДЕТОВ И СОЦИАЛИСТОВ, ТО ПРИДЕТСЯ
КОНСТАТИРОВАТЬ, ЧТО ПЕРЕВОРОТ В ЕГО
ВЗГЛЯДАХ НА ФЕВРАЛЬСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ
ПРОИЗОШЕЛ ЕЩЕ ДОМА. И ПРИВЕДЕННАЯ
ЗДЕСЬ ТИРАДА ИМЕЛА СВОЕЙ ЦЕЛЮЮ
ЛИШЬ ОДНО — ПОКАЗАТЬ, ЧТО ГЛАЗА НА
ФЕВРАЛЬСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ У НЕГО
ОТКРЫЛИСЬ ЯКОБЫ ТОЛЬКО НА
СВОБОДНОМ ЗАПАДЕ. ПРИВЕДЕННЫЕ
ВЫШЕ СЛОВА ВАЖНЫ И В ДРУГОМ
ОТНОШЕНИИ. ПРОИЗНОСЯ ИХ,
А. И. СОЛЖЕНИЦЫН ТЕМ САМЫМ
ОКОНЧАТЕЛЬНО ОТМЕЖЕВЫВАЛСЯ ОТ ТЕХ
СВОИХ ЛИБЕРАЛЬНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
СТОРОНИКОВ И ПОКРОВИТЕЛЕЙ,
БЛАГОДАРЯ КОТОРЫМ ЕМУ УДАЛОСЬ

получить Нобелевскую премию и вознестись на вершину мировой славы.

«А 1 января 1977, — пишет он, — начал работу... И положил себе: ну, теперь только работа... На самом деле год оказался растереблен отвлечениями и расстройствами. Но и несмотря на то, он удался успешным — и *рекордным по числу написанных страниц*, и в нем же я выработал новую для меня методику „Марта Семнадцатого“» (27).

Что отвлекало его от работы? Оказывается, в июле 1977 г. он был обвинен в уклонении от уплаты налогов, ему был предъявлен довольно крупный счет — 4 млн.

швейцарских франков. Эта история сразу же попала в газеты и привлекла к себе широкое общественное внимание (28). Объясняя ее, А. И. Солженицын пишет, что еще в январе 1974 г. он публично заявил о передаче всех гонораров от издания «Архипелага» на дело помощи политическим заключенным в СССР. С этой целью был создан Русский общественный фонд и Ф. Хеебу было дано поручение, чтобы гонорары от «Архипелага» зачислялись на счет фонда. Однако, оказывается, переводя деньги на этот счет, некоторые издательства указывали фамилию А. И. Солженицына как их получателя. В связи с этим налоговые

службы обратили внимание на маленькую мелочь, которую «упустил» опытный адвокат Ф. Хееб: оказывается, А. И. Солженицын **забыл юридически оформить передачу своих гонораров Фонду.** Он-то полагал, что на свободном Западе, где не было бездушного советского бюрократизма, вполне достаточно его публичного заявления. А чиновники, склонные, оказывается, к бюрократизму и на Западе, усмотрели в этом стремление нобелевского лауреата скрыть часть своих доходов и тем самым уклониться от уплаты налогов (29).

«По совету Видмеров, — пишет А. И. Солженицын, — пригласил я

нового адвоката — ...Эриха Гайлера... Теперь, чтобы не случились подобные неприятности в будущем, *пришлось* составить акт дарения *от нынешнего числа*,^[45] но уже не только гонораров, а самого „Архипелага“, т. е. авторского копирайта. То есть не оставалось выхода как мне, писателю, лишиться права распоряжаться судьбой, изданиями своего собственного произведения: уже *никогда я сам не имею права решить вопрос о печатании „Архипелага“*: это может решить только Русский общественный фонд» (30).

Писателю можно было бы посочувствовать, если бы мы не

знали, что он сам был учредителем Фонда. Поэтому как автор распоряжаться гонорарами от «Архипелага» он больше не мог, а как учредитель фонда имел к этому самое непосредственное отношение. Да и президентом фонда был не чужой человек — как ни как — собственная жена.

«Жестокая эта суматоха, — сетует Александр Исавич на западный бюрократизм, — растянулась в бурной стадии — на полгода, в кропотливой — дотянет еще на полтора, наверно» (31).

«...в феврале 1978 — пишет А. И. Солженицын, — цюрихские финансовые власти признали и дали

газетное коммюнике, что со стороны Солженицына не было никакого злого умысла, а лишь могла быть ошибка, размеры которой продолжают выясняться... Через 19 месяцев дело кончилось признанием полной моей невинности и было закрыто» (32).

Отвлекали Александра Исаевича от литературного творчества и другие дела. Прежде всего это касается истории с директором ИМКА-пресс И. В. Морозовым, который весной 1978 г. все-таки был устранен с директорского поста (33).

В освещении А. И. Солженицына события развивались следующим образом:

«...в конце 1977 г. отставку Морозова предложил его близкий друг Б. Ю. Физ». Весной 1978 г., пишет Александр Исаевич, Наталья Дмитриевна «подтвердила от моего имени, что я тоже поддерживаю отставку». «Морозов согласился уйти на условиях, что тощее издательство еще более 6 лет будет платить ему полное жалование до пенсии» (34).

Однако вся эта история развивалась совершенно иначе. В сентябре 1977 г. А. И. Солженицын обратился к Н. А. Струве как редактору «Вестника РСХД» с «Письмом», в котором выразил возмущение той русофобией, которая, по его мнению, нередко

прорывалась со страниц публикуемых «Вестником» статей (35). В самом этом письме не было ничего особенного, если бы за ним не стояло недовольство одной из ключевых фигур РСХД и ИМКА-пресс И. В. Морозовым.

Объясняя одну из причин этого недовольства, В. Е. Аллой отмечал: «...Солженицын оказался вовсе не такой уж высокоудойной коровой. Ну, первый том „ГУЛага“ действительно стал бестселлером: за ним — едва ли не впервые в послевоенной эмигрантской истории — стояли очереди в магазин. Но второй уже пошел хуже, а на третий и вообще пришлось думать о сокращении

тиража, не говоря уже о „Теленке“, тридцать тысяч экземпляров которого почти полностью гнили на складе...» (36).

Подобным же образом рисовал эту картину и А. Флегон. «Первый том на русском языке, — писал он в 1981 г., — выдержал три издания, и разошлось 60000 экземпляров. Второй и третий тома печатались только раз и то далеко не распроданы. Из второго тома разошлось всего 4000, а из третьего 2000 экземпляров» (37). Кроме того было отпечатано 10000 экземпляров поэмы «Прусские ночи» и записи чтения ее автором на пластинке таким же тиражем, но до лета 1980 г.

удалось продать лишь около 200 экземпляров. Убыток составил 100000 франков (38). Первый тираж «Письма вождям» весь пошел под нож, из 10000 экземпляров второго тиража за 1974–1980 гг. было продано и роздано около 2000 экземпляров (39). Подобным же образом складывалась и судьба «Теленка», издано было 10000 экземпляров, продано за пять лет «не более 4000» (40).

Если И. В. Морозов склонен был видеть причину затоваривания солженицынских произведений в них самих, то их автор во всем обвинял директора ИМКА-пресс. В такой ситуации Б. Ю. Физ вынужден был

поставить вопрос об оставке И. В. Морозова и начал переговоры с его преемником Владимиром Ефимовичем Аллоем (41).

Вспоминая эти события, В. Е. Аллой называл еще одну причину активности А. И. Солженицына. «По-видимому, — писал он, — самое время сказать несколько слов о... наступлении Вермонта на сложившуюся систему эмигрантских институций. Отношения с „третьей эмиграцией“ у Александра Исаевича были достаточно сложными. Обвинив практически всех уехавших в дезертирстве и предав анафеме „демдвиж“, Солженицын всячески

подчеркивал свою неприязненность к самим принципам и идеям правозащитников, а тем более к идее свободы выезда из страны — что естественно не могло вызвать сочувствия в среде эмигрантов. Соответственно воззрениям Александра Исаевича следовало менять всю систему контрпропаганды, построенной на совершенно чуждых ему началах. А для этого надо было прежде всего подчинить структуру, за нее ответственную, а уж затем решать „кадровые вопросы“» (42).

Между тем, отмечал В. Е. Аллой, «финансовое положение ИМКИ к середине 70-х было

катастрофическим». Только А. И. Солженицыну издательство задолжало 400 тыс. франков. Совет РСХД раскололся (43). «В середине весны [1978] Никита передал вердикт: если Совет не решит судьбы Морозова, Солженицын не только покидает ИМКУ, но и забирает все свои деньги и, главное, требует немедленной выплаты долга» (44). Вместе с тем, по свидетельству В. Е. Максимова, Александр Исаевич заявил о своем намерении «лишить публикаторов издательских прав на его сочинения. Потеря таких прав для ИМКА-пресс означала не только потерю лица, но и значительные материальные убытки» (45).

«С этим „убойным“ доводом в кармане, — вспоминал В. Е. Аллой, — и прислал Александр Исаевич на главную баталию своего полномочного министра иностранных дел — жену» (46). Это значит, что Наталья Дмитриевна не подтвердила мнение мужа о его готовности поддержать отставку И. В. Морозова, а привезла его ультиматум о необходимости такой отставки. Факт подобного ультиматума признает и Александр Исаевич: «...сам я очень раскаиваюсь, что вмешался в эту внутреннюю перетасовку в Имке — угрозой больше не печататься в ней при Морозове» (47).

Лукавит Александр Исаевич и в другом отношении. «Иван Васильевич, — писал В. Е. Максимов, — чтобы спасти издательство, повиновался, пошел на жертву, хотя ему было только без трех месяцев 59 лет, а во Франции пенсия выдается в 65 лет. Издательство не приняло на себя обязательство *полностью* обеспечить ему шесть лет, остающиеся до права на пенсию» (48).

В разгар этого конфликта 15 апреля 1978 г. скоропостижно от разрыва сердца скончался Борис Юльевич Физ (49). 5 ноября, лишившись прежнего источника доходов и оказавшись не у дел,

повесился И. В. Морозов (50).

Директором издательства стал В. Е. Аллой, директором книжного магазина — Алик Хананий, директором антикварного магазина — Юрий Николаев. Как ехидно отмечал А. Флегон, все трое выехали из СССР в Израиль, но вместо земли обетованной оказались во Франции (51).

Под «огнем» КГБ

Еще в мае 1975 г., сообщает А. И. Солженицын, «какой-то швейцарский журналист Петер Холенштейн, уже не знаю,

подставной или нет, пишет мне в Цюрих, что ему доставлены документы большого интереса и вот он посылает мне копию одного: прежде чем его опубликовать, он, дескать, по добросовестности журналиста, хотел бы знать о нем мое мнение. В позднейшей переписке он сообщил мне, будто подбрасывалось целое собрание таких подделок — часть — через видного функционера ГДР» (1).

«Видный функционер ГДР» — это, по всей видимости, член ЦК СЕПГ Генри Тюрк, который в это время проявил «интерес» к А. И. Солженицыну и в связи с этим не только побывал в СССР, но и

интервьюировал здесь
Н. Д. Виткевича. Не исключено, что
во время этой поездки в его
распоряжении оказались те самые
документы, о которых мы узнаем из
воспоминаний А. И. Солженицына, и
которые через него ушли на Запад
(2).

Получив копию упомянутого
документа, представлявшего, по
свидетельству А. И. Солженицына,
сфабрикованный от его имени
лагерный донос 1952 г., он сразу же,
18 мая 1976 г. передал его
телеграфным агентствам,
охарактеризовав как фальшивку (3).
«И, — пишет он, — ждал. Ждал, что
начнут доказывать, настаивать,

другие подделки совать. Нет! Трусливо подобрали растянувшиеся хвосты. Вместо бомбы вышла хлопушка» (4).

В то же 1976 г. в Лондоне появились воспоминания Ильи Зильберберга «Необходимый разговор с Солженицыным», в центре которых была история с изъятием «архива»

А. И. Солженицына осенью 1965 г. Особое внимание автор воспоминаний обращал на то, что Александр Исаевич, а затем «Литературная газета», почему-то утверждали, что архив был обнаружен на квартире Теушей, между тем, как Александру Исаевичу

с самого же начала было известно, что КГБ изъясил его на квартире И. И. Зильберберга (5). У читателей этих воспоминаний невольно возникал вопрос: откуда «Литературной газете» был известен факт подобного обыска. И невольно напрашивался ответ: только от КГБ. Неужели Александр Исаевич озвучивал версию, которая исходила из этого учреждения?

Тогда же в 1976 г. в Дании вышла брошюра К. С. Симоняна «Кто такой Солженицын?», в которой ее автор, характеризуя свои взаимоотношения со знаменитым писателем и, объясняя причину прекращения дружбы с ним,

связывал это с тем, что А. И. Солженицын оклеветал его как на следствии в 1945 г., так и позднее в 1952 г., дав неверные показания (6). Правда, у читателей брошюры невольно возникал вопрос: если все это являлось правдой, почему ни в 1945 г., ни в 1952 г. К. С. Симонян не был арестован?

Прошло еще полтора года, и 15 февраля 1978 г. во втором номере гамбургского журнала «Neue Politik» появилась статья «Советская служба безопасности. Сообщение провокатора Ветрова — он же Александр Солженицын. Из посмертных документов Франка Арнау». Здесь был опубликован тот

самый донос, якобы написанный А. И. Солженицыным 20 января 1952 г. и подписанный кличкой «Ветров», который начал циркулировать еще весной 1976 г. (7).

Вот его текст:

«В свое время мне удалось по вашему заданию сблизиться с Иваном Мегелем. Сегодня утром Мегель встретил меня у пошивочной мастерской и полузагадочно сказал: „Ну, все, скоро сбудутся пророчества гимна, кто был ничем, тот станет всем“. Из дальнейшего разговора с Мегелем выяснилось, что 22 января з/к Малкуш, Коверченко и Романович собираются поднять восстание. Для этого они уже сколотили надежную

группу, в основном, из своих — бандеровцев, припрятали ножи, металлические трубки и доски. Мегель рассказал, что сподвижники Романовича и Малкуша из 2, 8 и 10 барачных должны разбиться на 4 группы и начать одновременно. Первая группа будет освобождать „своих“. Далее разговор дословно: „Она же займется и стукачами. Всех знаем. Их кум для отвода глаз тоже в штрафник затолкал. Одна группа берет штрафник и карцер, а вторая в это время давит службы и краснопогонников. Вот так-то“. Затем Мегель рассказал, что 3 и 4 группы должны блокировать проходную и ворота и отключить

запасной электродвижок в зоне.

Ранее я уже сообщал, что бывший полковник польской армии Кензирский и военлет Тищенко сумели достать географическую карту Казахстана, расписание движения пассажирских самолетов и собирают деньги. Теперь я окончательно убежден в том, что они раньше знали о готовящемся восстании и, по-видимому, хотят использовать его для побега. Это предположение подтверждается и словами Мегеля „а полячишка-то, вроде, умнее всех хочет быть, ну, посмотрим“.

Еще раз напоминаю в отношении моей просьбы

обезопасить меня от расправы уголовников, которые в последнее время донимают подозрительными распросами.

20.1.52. Ветров».

На донесении сверху написано: «Сов. секретно. Донесение с/о Ветров от 20/І -52 г.» Чуть ниже под углом: «Доложено в Гулаг МВД СССР. Усилить наряды охраны автоматчиками. Стожаров». Еще ниже: «Е.А.» и под донесением: «Верно: Нач. отдела режима и оперработы Стожаров» (8).

Знакомство с этим доносом и рукописями Солженицына показывает почти полную идентичность почерка (можно

отметить лишь разное написание строчной буквы «д»).

«Почерк, — комментирует этот документ А. И. Солженицын, — был неплохо подделан — применительно именно к лагерным моим годам (у моей первой жены сохранились мои фронтовые и лагерные письма...)... Почерк-то подделан, хотя на самом видном месте, в подписи, графический ляпсус (что полагается по правилам чистописания, а у меня исчезло еще со школьных времен). Были заметные передержки и в языке, но главное — в сюжете: „донос“ на украинцев,.. а нас-то с украинцами за две недели перед проставленной датой разъединили в

разные зоны, — где же чекистам через 20 лет все уследить? (хотя об этом и в „Архипелаге“ написано, ч. V, гл.2, но они по лени не доглядели) ... И какая же резолюция начальства на подготовку побега и восстания? — вместо молниеносного упреждающего удара, арестов — „доложено ГУЛаг СССР“, — в сам ГУЛаг, в Москву! Далекошенько! Ну, можно ли нагородить столько профессиональных промахов?» (9).

Это дает основание рассматривать данный документ как фальшивку. Нетрудно догадаться, кто мог быть ее изготовителем.

Не успели разойтись круги после публикации Ф. Арнау, как в

июне 1978 г. в США появилась книга Ольги Карлайл «Солженицын: В круге тайном» (10), в которой она поделилась некоторыми воспоминаниями о своих контактах с писателем и попыталась раскрыть некоторые из тех пружин, которые привели к издательскому взрыву 1968–1969 гг., а затем присуждению А. И. Солженицыну Нобелевской премии (11).

Еще летом 1977 г. миланское издательство «Тети и К°» опубликовало Книгу чешского журналиста Т. Ржезача «Спираль измены Солженицына» (12). Вслед за тем был подготовлен ее русский вариант. 22 марта 1978 г. он был

здана в набор в издательство «Прогресс» и уже 1 апреля подписан к печати (13). Книга Т. Ржезача представляла собою публицистическую попытку дать биографию писателя, начиная с его детских лет и кончая высылкой за границу.

Характеризуя использованные им источники, автор перечислял около двух десятков лиц, с которыми он встречался и чьи сведения использовал при написании книги. Среди них мы видим Н. Д. Виткевича, И. И. Езепова, Л. З. Копелева, Н. А. Решетовскую и др. (14).

Казалось бы, это давало основание для серьезной

публикации. Однако знакомство с книгой оставляет очень неприятное впечатление. И дело не только в том, что с самого же начала в книге чувствуется очень тенденциозный отбор фактического материала, цель которого нарисовать неприглядный образ героя (трус, карьерист, развратник, антисемит, лагерный осведомитель), но и в том, что почти с самого же начала возникает ощущение недоверия к автору, к приводимым им фактам и даваемым объяснениям.

Прежде всего книга пестрит многочисленными ошибками и даже нелепостями. Так, например, Т. Ржезач отправляет Н. Д. Виткевича

вместе с А. И. Солженицыным в Экибастуз, хотя первый там никогда не был (15). Там же в Экибастузе Т. Ржезач знакомит А. И. Солженицына с Н. И. Зубовым, между тем они познакомились только в Кок-Тереке (16). Крамольную переписку между А. И. Солженицыным и Н. Д. Виткевичем он объясняет их стремлением попасть за решетку и таким образом спасти свою жизнь, хотя, как мы уже знаем А. И. Солженицын с Н. Д. Виткевичем находились далеко от передовой и за все время войны ни разу не были даже ранены (17).

Когда книга появилась в печати,

Л. З. Копелев направил в редакцию эмигрантского журнала «Посева» возмущенное письмо, в котором обвинил Т. Ржезача в грубом искажении сообщенных ему сведений (18).

В том же 1978 г. в ГДР вышел в свет двухтомный роман «Der Gaukler», что означает «Фокусник», «Площадный шут». Автором романа был уже упоминавшийся Генри Тюрк, а главным героем — А. И. Солженицын (19).

Характеризуя этот роман, Александр Исаевич пишет: «КГБ вовсе убрано... зато вся моя жизнь с 1964 г. и литературная судьба пронизаны направляющей рукой

ЦРУ: именно оно решило сделать из новомировского автора международную звезду, внушило мне писать „Архипелаг“ и дало план его... А когда я послушно стал писать — то агентша ЦРУ в Москве еще редактирует и меняет мои рукописи перед тем, как отсылать их на Запад. Она же диктует мне, какие надо делать заявления для печати — и я их охотно делаю. ЦРУ же советует мне произнести речь перед съездом писателей, а если не удастся — то написать письмо к съезду вот по таким тезисам...» и т. д. (20).

Кто инициировал написание романа, мы не знаем. Вероятнее всего, за Генри Тюрком, как и за

Томашем Ржезачем, тоже стоял КГБ. Вскоре после этого в 1979 г. в СССР увидела свет рассчитанная на массового читателя книга Н. Н. Яковлева «ЦРУ против СССР», в которой известный американист тоже характеризовал А. И. Солженицына как агента западных, прежде всего американских спецслужб. Показательно, что при этом он демонстрировал незнание ни с воспоминаниями Н. А. Решетовской, ни с книгой Т. Ржезача, ни с публикацией Ф. Арнау (21).

В литературе можно встретить мнение, что «после 1978 г.» произошел «отказ Солженицына и

его сторонников от сотрудничества с правозащитным движением» в СССР (22). С этим мнение трудно согласиться полностью, так как продолжавший действовать в Советском Союзе РОФ поддерживал самые разнообразные течения внутри диссидентского движения, в том числе и правозащитное.

Но нельзя не обратить внимание на то, что с середины 70-х годов Александр Исаевич отказывается сотрудничать с «Континентом», а затем вступает в конфронтацию с некоторыми эмигрантскими кружками, в частности с тем из них, который сложился вокруг редакции начавшего выходить в 1978 г. в

Париже под редакцией А. Д. Синявского и его жены М. В. Розановой нового журнала «Синтаксис». Среди непримиримых оппонетов А. И. Солженицына оказался Е. Г. Эткинд, который был близок к «Синтаксису» и являлся заместителем главного редактора нью-йоркского журнала «Время и мы».

Таким образом, если появление «фальшивых документов» в 1976 г. совпадает по времени с бегством А. И. Солженицын из Цюриха и его уединением в Вермонте, то с последовавшими после этого публикациями Ф. Арнау, Т. Ржезача и Г. Тюрка совпадает постепенное

нарастание конфронтации писателя с эмигрантскими кругами.

По второму кругу

Свое 60-летие
А. И. Солженицын встретил в
вермонтском уединении.

К этому дню он сам сделал себе подарок — начал публикацию в издательстве «ИМКА-Пресс» нового Собрания своих сочинений, два первых тома которого составил второй вариант романа «В круге первом» («Круг-96») (1), третий — рассказы (2).

«Круг-96» существенно

отличался от «Круга-87». Если в первом варианте в центре романа находилась история с передачей за границу секрета нового лекарства, позволявшего спасти жизни людей не одной страны, а всей планеты, то в основе новой редакции романа лежала история с разоблачением советского дипломата Иннокентия Володина, который пытался предотвратить получение советскими разведчиками секрета производства американской атомной бомбы. В свое время А. И. Солженицын не только осуждал данный поступок, но и, как мы знаем, принимал участие в разоблачении предателя. В данном

случае позиция автора была совершенно иной: дипломат изображался как герой, не желающий укрепления советской тоталитарной системы.

Этим самым автор поднимал очень важную проблему. Можно ли ставить знак равенства между Родиной и политическим режимом? И означает ли борьба с существующим в твоей стране политическим режимом борьбу с Родиной. Иначе говоря, что мы в имеем в лице Иннокентия Володина предателя или гражданина?

Борьба с существующим политическим режимом может быть высшим проявлением

гражданственности и патриотизма. Но не всегда. Она оправдана только в том случае, если способна привести к утверждению более разумного и справедливого режима. Если же борьба с одним антинародным режимом расчищает дорогу для другого, подобного же режима, участие в ней — это по меньшей мере глупость. Если смена режима несет народу лишь новые беды и страдания, такая борьба заслуживает осуждения.

Как же с этой точки зрения следует подходить к данному роману? Прежде всего нельзя забывать, что получив в свои руки ядерное оружие, США с самого же

начала использовали его варварским образом. Вспомним Нагасаки и Хиросиму. Уже осенью 1945 г. они начали разрабатывать планы третьей мировой войны с использованием этого оружия, направленного против советского народа (3). Таким образом, независимо от того, как оценивать советскую тоталитарную систему, приходится констатировать, что если бы американской разведке удалось не допустить утечки информации и задержать создание советской ядерной бомбы, то сейчас не было бы ни нашей страны, ни самого нобелевского лауреата.

О том, что цель противостояния между США и СССР не имела

никакого отношения к
облагодетельствованию совестного
народа свидетельствуют события
последних лет. Тоталитарная система
в нашей стране рухнула. И что же мы
видим? Спад производства,
разрушающуюся культуру, разгул
преступности, полное крушение
нравов, криминальное обогащение
одних (очень немногих) и обнищание
других (подавляющего большинства).

С учетом этого приходится
констатировать, что изображая
Иннокентия Володина героем и
призывая читателей своего романа
следовать его примеру,
А. И. Солженицын тем самым
пытался героизировать образ

предателя. Страна действительно нуждалась в борцах с тоталитарной системой, но в борцах за другие цели и другие идеалы.

Оказавшись в эмиграции, А. И. Солженицын не только издал новый вариант «Круга», но и перелицевал «Архипелаг». Именно 1979 г. датировано дополнение к послесловию «И еще через десять лет»: «Ныне в изгнании все же выпала мне *спокойная доработка этой книги*, хоть и после того, как прочел ее мир. Еще новых два десятка свидетелей из бывших зэков исправили или дополнили меня. Тут, на Западе, я имел несравненные с прежним возможности использовать

печатную литературу, новые иллюстрации» (4).

«За границей, — пишет А. И. Солженицын, — продолжался поток писем и личных свидетельств, и это, вместе с некоторыми печатными материалами, известными на Западе, побудило автора местами к добавлениям и доработке. Окончательная редакция книги была предложена читателю в 5–7 томах Собрания сочинений А. Солженицына» (5), которые вышли к 14 января 1980 г. (6).

Знакомство со вторым изданием «Архипелага» показывает, что за время, прошедшее после выхода в свет первого издания, книга

действительно подверглась правке. Как явствует из датируемых примечаний, они были внесены на протяжении 1975–1980 гг. (7). Но произошло не только некоторое увеличение объема книги (8), самое главное — изменилась авторская философия.

Вот несколько примеров:

Делая историческое отступление, А. И. Солженицын писал в первом издании: «Уже семь столетий, зная азиатское рабство, Россия по большей части не знала голода» (9). Семь столетий — это с XIII в., т. е. с татаро-монгольского нашествия.

Во втором издании эти слова

стали звучать несколько иначе: «Большую часть своей истории Россия не знала голода» (10). Выпало не только указание на «семь столетий», но и упоминание «азиатского рабства», существовавшего на протяжении этих «семи столетий».

Подобная правка не была случайной. Касаясь в своей книги жизненной философии, которую можно выразить словами «победителей не судят», А. И. Солженицын вопрошал в первом издании: «Откуда это к нам пришло?» и давал на него следующий ответ: «Сперва от славы наших знамен и так называемой „чести

нашей родины“. Мы *душили, секли и резали* всех наших соседей, расширялись — и в отечестве утверждалось — важен результат» (11).

А вот эта же мысль, сформулированная во втором издании: «Откуда это к нам пришло? Отступя на 300 лет назад — разве в Руси старообрядческой могло такое быть? Это пришло к нам с Петра, от славы наших знамен и так называемой „чести нашей родины“. Мы *придавливали* наших соседей, расширялись и в отечестве утвердилось — важен результат» (12).

Вот оказывается в чем дело. Вот

почему исчезли «семь столетий» «азиатского рабства». Его не могло быть в допетровской «старообрядческой» Руси. Не могла «старообрядческая Русь» голодать, не могла она «душить», «сечь» и «резать» своих соседей. Но оказывается и послепетровская Россия не делала со своими соседями ничего подобного. Она только «придавливала» их.

Здесь мы видим не только принципиальную переоценку характера внешней и национальной политики дореволюционной России, но и изменение самой философии истории. В первом издании «Архипелага» нетрудно заметить

влияние либеральных, западнических настроений, во втором нашла отражение уже славянофильская философия. В результате в новом издании А. И. Солженицын вступил в открытую полемику с теми, кто продолжал думать так, как до этого думал он сам.

«По принятой кадетской (уже не говорю — социалистической) интерпретации, вся русская история есть череда тираний. Тирания татар. Тирания московских князей. Пять столетий отечественной деспотии восточного образца и укоренившегося искреннего рабства (ни Земских соборов, ни — сельского

мира, ни вольного казачества или северного крестьянства). Иван ли Грозный, Алексей Тишайший, Петр Крутой или Екатерина Бархатная или даже Александр Второй — вплоть до Великой Февральской революции все цари знали дескать одно: давить. Давить своих подданных как жуков, как гусениц» (13). А они, как мы теперь знаем, оказывается, не давили, а только «придавливали» и не подданных, а лишь соседей, да и то не всех.

В соответствии со своей первоначальной концепцией в первом издании «Архипелага» А. И. Солженицын проводил мысль о том, что положительное значение

для России имели не успехи, а неудачи ее внешней политики. «Поражения, — писал он в первом издании, — нужны народам, как страдания и беды нужны отдельным людям: они заставляют углубить внутреннюю жизнь, возвыситься духовно». Поэтому «Полтавская победа (способствовавшая укреплению петровской тирании — А.О.) была несчастьем для России», а неудачные войны — благом (14), благом, так как (и «крымская», и «японская», и «германская») «все приносили нам **свободы и революции**» (15).

Получается, что в момент написания «Архипелага» свобода и

революция еще рассматривались А. И. Солженицыным как благо. Во втором издании последние слова были отредактированы таким образом, что осталось только следующее предложение: «А Крымская война принесла нам свободы» (16).

Говоря о социалистах в ГУЛАГе, А. И. Солженицын в первом издании писал: «Их одинокий тюремный бунт был, по сути, за всех нас будущих арестантов (хотя сами они могли и не думать так, не понимать этого), за то, как будем мы потом сидеть и содержаться. И если б они победили, что, пожалуй, не было бы ничего того, что потом с нами будет, о чем

эта книга, все семь ее частей. Но были разбиты, не отстояв ни себя, ни нас» (17). Во втором издании приведенные выше слова были исключены (18).

Рассматривая в первом издании революцию как благо, А. И. Солженицын в то же время в полном соответствии с либеральной философией негативно относился к террору, от кого бы он ни исходил. При этом он не касался вопроса о том, что первично: революционный террор или же правительственный. Во втором издании эти акценты уже были расставлены:

1 издание

«...В ситуации 1906–1907 гг. видно нам, что вину за полосу „стольпинского террора“ **должны разделить** с министерством и революционеры-террористы» (Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1 изд. Т.3. Paris, 1976. С.99).

«Признаем, что террористы были **достойными партнерами** стольпинских полевых судов» (Там же. С.98).

«В событиях 1905–1906 гг. видно нам, что вину за полосу „стольпинского террора“ **должны** **принять** революционеры-террористы» (Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т.7. Paris, 1980. С. 96–67).

«Признаем, что террористы **были опережающими партнерами** стольпинских полевых судов» (Там же. С.97).

В первом издании еще

употреблялось понятие «стольпинский вагон» (19), из второго издания оно исчезло, его заменило слово «вагон-зак» (20). Одновременно появилась высокая оценка П. А. Столыпина, который был назван «мозгом и славой России» (21). Одновременно с этим во втором издании исключаются некоторые негативные факты и оценки, характеризовавшие дореволюционный политический режим. Так, описывая советские тюрьмы, в первом издании А. И. Солженицын проводил мысль о том, что их режим был еще хуже, чем в царских тюрьмах. Во втором издании подобное

противопоставление исчезло (22).

В первом издании автор так характеризовал Николая II: «Правда, по засасывающей инерции династии он не понимал требований века и не имел мужества для действий. В век аэропланов и электричества он все еще не имел общественного сознания, он все еще понимал Россию как свою богатую и разнообразную вотчину — для взымания поборов, выращивания жеребцов, для мобилизации солдат, чтобы иногда повоевывать с державным братом Гогенцолерном» (23). Во втором издании этим словам не нашлось места (24).

Одинаково осуждая в первом

издании и правительственный и революционный террор в 1905–1907 гг., А. И. Солженицын подобным же образом оценивал в первом издании «Архипелага» террор как красный, так и белый. Во втором издании этот вопрос освещался совершенно иначе:

1 издание

«Во всех веках от первого Рюрика была ли полоса таких жестокостей и стольких убийств, **как в послеоктябрьской Гражданской войне?**»
(Солженицын

А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1
изд. Т.1. 436).

2 издание

«Во всех веках от
первого Рюрика была ли
полоса таких жестокостей
и стольких убийств,
*какими большевики
сопровождали и закончили
Гражданскую войну»*
(Солженицын
А. И. Собрание сочинений.
Т.5. С.422).

Касаясь далее вопроса о

депортации в Советский Союз
бывших эмигрантов и предании
здесь их суду, Александр Исаевич
писал:

1 издание

«Я не знаю, какими
именно белогвардейцами
были они... в гражданскую
войну: теми,
исключительными,
которые без суда вешали
каждого десятого рабочего
и пороли крестьян, или не
теми, солдатским
большинством»
(Солженицын

А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1
изд. Т.1 С.272).

2 издание

«Что их сегодня
обвинили и судили —
никак не доказывает их
реальной виновности даже
в прошлом, а лишь месть
советского государства»
(Солженицын
А. И. Собрание сочинений.
Т.5. С.262).

В первом издании
А. И. Солженицын специально
подчеркивал, что Советский Союз

признал Гаагскую конвенцию (о помощи военнопленным) только в 1955 г., давая тем самым понять, что в этом вопросе он продолжал политику царского правительства (25). Во втором издании подобная двусмысленность была устранена (26). Рассуждая в связи с этим о судьбе тех военнопленных, которые пошли служить оккупантам, Александр Исаевич пишет: «И как правильно быть, если мать продала нас цыганам, нет, хуже — бросила собакам? Разве она остается нам матерью? Если жена пошла по притонам — разве мы связаны с ней верностью? Родина, изменившая своим солдатам — разве это

Родина?» (27).

Да, отказавшись подписать Гаагскую декларацию, СССР обрек своих военнопленных на более тяжелое положение чем то, в котором оказались военнопленные других стран. Да, огромное их большинство было невиновато в том, что оказалось в немецких концлагерях. Но если мать не смогла уберечь своих детей от собак, разве можно ее обвинять в том, что она бросила их на растерзание? И разве можно говорить о жене, которая сама отбивалась от этих собак, что она пошла по притонам? Для чего нужны были А. И. Солженицыну подобные кощунственные обвинения? Чтобы

снять вину с тех военнопленных, которые, оказавшись в плену, пошли на сотрудничество с фашистами и подняли руку на свой народ, т. е. для оправдания предательства.

Таким образом, мы видим, что во втором издании «Архипелага» нашла отражение совсем иная философия истории, чем в первом, совсем иные политические взгляды. Если первое издание было пронизано западничеством, то второе — славянофильством, если в первом издании критика советской власти велась с позиции либеральных ценностей, то во втором издании — с позиций консерватизма, если в первом издании сталинизм

фактически отождествлялся с гитлеризмом, то во втором издании сквозила критика фашизма за упущенные возможности — нежелание пойти на союз с власовцами.

Рисуя ужасы ГАЛАГа автор не только пытается оправдать власовцев (не понять, а именно оправдать), но и не может скрыть сожаления, что Германия проиграла войну. «...если бы, — с возмущением пишет он, — пришельцы не были так безнадежно тупы и чванны, не сохраняли бы для Великогермании удобную казенную колхозную администрацию, не замыслили бы такую гнусь, как обратить Россию в колонию, — не

воротилась бы национальная идея туда, где вечно душили ее, и вряд ли пришлось бы нам праздновать двадцатипятилетие российского коммунизма» (28).

Не поверю, чтобы А. И. Солженицын не понимал, что «пришельцы», а правильнее сказать, оккупанты ведут войны не ради идей, не для того, чтобы принести на штыках счастье завоевываемым странам, а для подчинения и эксплуатации покоренных народов. Поэтому было бы странно, если бы Германия не ставила перед собою превращения России в свою колонию. А ведь кроме этого, существовал еще и план «Ост»,

который предусматривал осуществление массового геноцида советского народа (29).

Неужели, вздыхая об упущенных фашистской Германией возможностях, «великий праведник» и «гуманист» сожалеет и по этому поводу?

В дебрях эпопеи

Как мы уже видели, оказавшись за границей А. И. Солженицын, на протяжении 1974 г. почти не занимался литературным творчеством. В начале 1975 г. он вернулся к эпопее и сосредоточил

свои усилия на ленинских главах, но писал их, по его же словам, всего лишь пять недель, после чего работа над «Красным колесом» вновь приостановилась, по крайней мере, до его возвращения из Соединенных Штатов Америки. Никаких сведений о том, чем именно он занимался с конца лета 1975 до весны 1976 г. пока обнаружить не удалось.

Работа над эпопеей возобновилась только в мае 1976 г., когда Александр Исаевич специально посетил Гуверовский институт в Стэндфорде. Причем до начала 1977 г. он занимался почти исключительно переработкой «Августа», в результате чего была

создана вторая двухтомная его редакция.

После этого открылась возможность завершить первую редакцию «Октября». Однако, если верить А. И. Солженицыну, на протяжении 1977–1978 гг. он был занят новым Узлом — «Март Семнадцатого» и работал над ним до лета-осени 1978 г., когда вынужден был оторваться сначала для речи в Гарварде, потом для полемики с О. Карлайл и, наконец, для спора с Т. Ржезачем. Кроме того, именно в это время началась подготовка первых трех томов его нового, на этот раз 20-томного собрания сочинений. А когда все это уже было

позади и можно было полностью сосредоточиться на «Красном колесе», работа над огромным четырехтомным «Мартом» снова остановилась: «весной 1979», пишет А. И. Солженицын, «я испытал *внутренний кризис*» (1).

Чем он был вызван, мы не знаем. Не исключено, что одна из его причин заключалась в том, что Александра Исаевича все более и более одолевали сомнения относительно осуществимости его замысла. В 1978 г., касаясь возможности завершения своей эпопеи, он в очередной раз констатировал: «Неоправданно надеялся я. Нельзя и за двадцать лет.

И даже вообще целиком — нельзя» (2). Но если нельзя целиком, следует ли продолжать то, чтобы было начато?

В июле 1979 г. был издан очередной, четвертый том Собрания сочинений, который составила повесть «Раковый корпус» (3). В том же 1979 г. Александр Исаевич принял участие в подготовке к печати книги В. В. Леонтовича «Истории либерализма в России». Она открыла собою серию «Исследования новейшей русской истории». К ней А. И. Солженицыным было написано предисловие (4).

К осени творческий кризис прошел, и Александр Исаевич сел за

«Октябрь Шестнадцатого». Характеризуя позднее работу над этим Узлом, он писал: «В 1975–1979 по материалам эмигрантских печатных изданий, зарубежных русских хранений и мемуаров участников событий, присланных автору, найдено немало *дополнений и исправлений* к „Октябрю“ — и в конце 1979, в 1980 многие главы еще *переработаны*. Добавочно написаны главы о царской семье (64, 69, 72, они не предполагались прежде)» (5).

Одновременно

А. И. Солженицын неоднократно отрывался на публицистику (6). В частности, в октябре 1979 г. он написал небольшую заметку

«Персидский трюк», посвященную полемике с Е. Г. Эткиндо́м и с некоторыми другими эмигрантами, которые полемизи́руя с идеями А. И. Солженицына о предпочтительности для России авторитарной формы и необходимости религиозного возрождения, сравнивали его с аятоллой Хомейни (6).

В ноябре, когда в печати наконец появилась его брошюра «Сквозь чад», посвященная полемике с Т. Ржезачем (7), Александр Исаевич начал писать статью «Чем грозит Америке плохое понимание России» (8). В ней он прежде всего выступил против смешения понятий Россия и

Советский союз, чем, кстати, до этого грешил сам (см., например, «Письмо вождям»). Смешения не с точки зрения географии, а с точки зрения сущности этих понятий. Подчеркивая, что Россия является только частью советской империи и сама подвергается угнетению, А. И. Солженицын обращал внимание на то, что в существующем мире нет русской угрозы, но есть угроза советская. В связи с этим он протестовал против тех зарубежных ученых, которые пытались рассматривать СССР как наследника и продолжателя русских традиций. Между тем, по мнению А. И. Солженицына, революция

уничтожила прежние традиции и создала общество, не имеющее ничего общего с прошлым. Из этого делался вывод, что Западу нужно думать не о русской угрозе, а о советской и бороться нужно не с Россией, а с СССР. Подчеркивая, что коммунистическая экспансия приостановилась только из-за разногласий между СССР и Китаем, автор статьи указывал, что если эти разногласия удастся преодолеть, западный мир весь будет под пятой коммунизма. Исходя из этого он призывал Запад к бдительности, к отказу от делового сотрудничества как с Китаем, так и с СССР (9).

В январе 1980 г. для журнала

«Тайм» А. И. Солженицын написал новую статью «Комммунизм: у всех на виду — и не понят». В ней он продолжал разоблачать политику разрядки и бить в колокола по поводу советской угрозы. Единственной правильной политикой западных стран он считал отказ от сотрудничества с советским правительством и объединение своих усилий с «порабощенными народами» для борьбы за уничтожение советской системы. Статья заканчивалась словами: «Пять лет назад всеми моими предупреждениями правительственная Америка пренебрегла. Вольно вашим деятелям

пренебречь и сегодняшними. Но сбудутся и они» (10).

Летом 1980 г. первая редакция «Октября», наконец, была завершена, и Александр Исаевич вернулся к «Марту». Но через несколько месяцев работа над ним снова была приостановлена. «Летом 1980, пишет А. И. Солженицын, — пришлось опять бросать „Март“ и напряженно включаться в *навязываемую полемику*» (11). По всей видимости, в данном случае речь идет о той полемике, которая развернулась летом и осенью 1980 г. на страницах журнала «Foreign Affairs» вокруг его статьи «Чем грозит Америке плохое понимание России». Следствием

этого стала новая статья А. И. Солженицына «Иметь мужество видеть». В ней он попытался ответить некоторым из оппонентов (12).

Отмечая в своих воспоминаниях, что после его высылки за границу к нему хлынул поток воспоминаний представителей первого поколения эмигрантов, А. И. Солженицын пишет: «Сперва этот наплыв — принимала Аля... Мне же первой предстояло отбирать свидетельства о „Гулаге“, для последней редакции „Архипелага“ — и таких свидетелей, к прежним, советским, добавилось еще *три десятка*. Наконец, к *осени 1980* мог я сесть за воспоминания

только революционные» (13). Обратите внимание: работая на протяжении трех с лишним лет над «Мартом» и имея на руках неопубликованные воспоминания о революции, Александр Исаевич, оказывается, вплоть до осени 1980 г. не удосужился их даже перелистать. Между тем, по его же собственным словам, к этому времени работа над первой редакцией «Марта» уже близилась к завершению.

А когда, наконец, у А. И. Солженицына появилось время, чтобы обратиться к неопубликованным воспоминаниям о революции, от них его оторвали другие дела. Поскольку отвечая

публично на книгу О. Карлайл «Солженицын: В круге тайном», Александр Исаевич довольно бесцеремонно отзывался об ее авторе, в октябре 1980 г. супруги Карлайл подали на него в суд за вмешательство в их личную жизнь и потребовали два миллиона долларов компенсации. (14). «Несколько месяцев перед тем — счастливая безмятежная работа над „Мартом“. — читаем мы в воспоминаниях

А. И. Солженицына. — Как раз подошел к самым трудным главам *завершения 1-й редакции* — прощание Михаила с Зимним дворцом, отречение Михаила — всё

обрубляй». Разбирательство продолжалось девять месяцев. 23 июля 1981 г. суд отказал Карлайлам в их иске (15).

«Когда в первой редакции уже составил, обеспечил огромный объем 4-х томного „Марта“ — собственно Февральская революция — пишет А. И. Солженицын, — отвалился назад, к „Августу“ и „Октябрю“, доводить их до окончательности, тоже немалая работа» (16).

Первая редакция четырехтомного «Марта» была завершена не позднее декабря 1980 г. Следовательно, его написание потребовало максимум трех лет (1977 г., большая часть 1978 г.,

полгода в 1979 г и не более полугода в 1980). И это одновременно со сбором материала, его обработкой и переплавкой в художественный текст. Кроме того, за эти годы автор неоднократно отвлекался: и на подготовку собрания сочинений, и публицистику, и на участие в общественной жизни, и т. д.

Завершив в 1980 г. первую редакцию «Марта», Александр Исаевич вернулся к «Августу». Под его вторым изданием стоит дата переработки: «1976; 1980, Вермонт» (17). Однако переработка продолжалась еще дольше — до весны 1981 г., когда Наталья Дмитриевна начала типографский

набор романа (18).

А пока набирался «Август» из печати вышли еще два тома «Собрания сочинений»

А. И. Солженицына: восьмой (пьесы и сценарии) и девятый (публицистика) (19). В том же году произошло обострение полемики с эмиграцией (20) и появилась в печати двухтомная книга А. Флегона «Вокруг Солженицына», около тысячи страниц. Автор не пожалел красок для того, чтобы представить своего героя в как можно более непривлекательном виде. И по содержанию, и по форме подачи материала эта книга относится к числу тех изданий, которые принято

называть бульварными. В то же время в ней нашло отражение много реальных фактов из жизни ее героя, игнорировать которые невозможно (21). Не пожелал этого делать и А. И. Солженицын. Он, который не заметил публикации Ф. Арнау и счел для себя унижительным судиться с Т. Ржезачем, на А. Флегона подал в суд и несмотря на то, что тяжба тянулась несколько лет, сумел ее выиграть (22).

После того, как Наталья Дмитриевна завершила набор «Августа» и принялась за подготовку к печати 10-го тома «Собрания сочинений» (публицистика), А. И. Солженицын вернулся к

«Октябрю». Произошло это, по всей видимости, в конце 1981 — начале 1982 гг.

«...У „Октября“, — пишет он, — была особая, сложная судьба. Я усиленно писал его в 1971–72, еще под Москвой у Ростроповича. Потом накальная советская жизнь — оторвала, *покинула надолго*. И вот *теперь, 10 лет спустя, сел за окончание*. За это время в корпус „Октябрь“ вступали все новые и новые главы — и не всегда находили они себе лучшее правильное место в прежней конструкции. Тут Аля дала мне много хороших советов, не только по деталям, как всегда, но и в строении, — я принял. Аля

управи́лась с „Августом“ (тома 11–12), докончила публицистику (том 10) — приняла у меня „Октябрь“ (тома 13–14). А я повел — вторую сквозную редакцию четырехтомного „Марта“» (23).

По свидетельству А. И. Солженицына, к набору романа «Октябрь Шестнадцатого» Наталья Дмитриевна приступила весной 1982 г. (24). Это значит, что примерно за год-полтора Александр Исаевич не только сделал последнюю правку «Августа», но и завершил «Октябрь».

Передав его жене для набора, Александр Исаевич вскоре вынужден был отвлечься от второй редакции

«Марта». Весной 1982 г. его вдруг потянуло ознакомиться с многочисленными критическими публикациями о нем (25). «Шесть лет не читал я ни сборников их, ни памфлетов, ни журналов, хотя редкая там статья не заострялась также и даже особенно против меня» (26). «А весной прошлого года, — заявил он в интервью 31 октября 1983 г... — я впервые взял и прочел их сразу всех, просто всех читал подряд, месяц читал. И ужаснулся. И пришел в ужас, что они обманывают Запад, дают неверную перспективу, неверные советы...» (27). Так в мае 1982 г. родилась статья, которая первоначально называлась

«Тараканья рать», но была опубликована под названием «Наши плюралисты» (28).

Тогда же для журнала «Экспресс» А. И. Солженицын написал статью «Скоро все увидим без телевизора» (23 апреля 1982) (29), в которой продолжал бить в колокола, призывая западный мир проснуться и положить конец победному шествию коммунизма по планете.

Именно в это время Рональд Рейган решил встретиться с ведущими советскими диссидентами, находящимися в эмиграции. Встреча была назначена на 11 мая (30). В список приглашаемых был включен и

А. И. Солженицын (31). Однако когда советник президента Ричард Пайпс по телефону связался с Александром Исаевичем, тот отказался от участия в этом коллективном мероприятии, изъявив готовность встретиться с президентом лично (32). Встреча Р. Рейгана с одним А. И. Солженицыным как «символом крайнего русского национализма» была признана нежелательной (33).

8 июня 1982 г. Александр Исаевич дал радиостанции «Би-Би-Си» интервью, посвященное предстоявшему 20-летию выхода в свет его повести «Один день Ивана Денисовича» (34). В этом интервью он так охарактеризовал состояние

работы на «Красным колесом»: «...
один Узел — „Август
Четырнадцатого“ — у меня выйдет
полностью весной 1983 года...
Второй Узел — „Октябрь
Шестнадцатого“ — тоже у меня
закончен, мы его сейчас набираем,
он тоже... мог бы появиться в свет
хоть в том же 83-м году, но, может
быть, будет несколько дожидаться
иностранных переводов. Следующий
Узел — „Март Семнадцатого“ — в
четырех томах... Все вместе, вот эти
восемь томов, составляют „Действие
Первое. Революция“... Следующее
действие — Второе — будет
посвящено Семнадцатому году... И
там у меня идут: Узел 4-й — „Апрель

Семнадцатого“, Узел 5-й — „Июнь-июль Семнадцатого“, Узел 6-й — „Август Семнадцатого“, Узел 7-й — „Сентябрь Семнадцатого“. Эти вот четыре Узла составляют Действие Второе... Я не знаю, как у меня будет с годами, со здоровьем, как Бог даст, вообще-то замысел мой продолжается дальше, замысел у меня на 20 Узлов, я должен бы описать Гражданскую войну и первые годы становления советской власти, до 1922 года, до конца подавления крестьянских восстаний. Но думаю, что мне уже жизни на это не хватит» (35).

Между тем пришло приглашение посетить Японию. И снова работу

над эпопеей пришлось отодвинуть в сторону. Летом 1982 г. Александр Исаевич продолжил свои литературные воспоминаниями, которые затем получили новое название «Угодило зернышко промеж двух жерновов», взялся за литературу о Японии (36).

В страну восходящего солнца А. И. Солженицын отправился около 20 сентября 1982 г. и провел там более месяца (37). К этому визиту он подготовил статью «Коммунизм к брежневскому концу», которая 23-го была опубликована на страницах газеты «Йомиури» (38). О его пребывании в Японии мы пока можем судить лишь по его интервью

и некоторым другим публичным выступлениям (391). Все они были проникнуты одним — тревогой на счет успехов коммунизма и призывом к борьбе с ним. После «месячного пребывания» в Японии (40) Александр Исаевич направился в Тайвань и здесь 23 октября выступил с обращением в «Свободному Китаю» (41), а через день отправился в обратный путь (42).

Едва А. И. Солженицын вернулся из Японии, как в Советском Союзе произошло событие, явившееся важной вехой в его истории. 10 ноября скончался Л. И. Брежнев, преемником которого стал Ю. В. Андропов (43). Эти

перемены вызвали противоречивую оценку среди современников. Многие рассматривали избрание Генеральным секретарем ЦК КПСС бывшего председателя КГБ как симптом усиления тоталитарности советского государства.

Через две недели после возвращения А. И. Солженицына в Кавендиш на его имя пришло предложение Темплтоновской премии из Англии. Эта премия присуждается за активную религиозную деятельность. Отмечая в своих воспоминаниях этот факт, Александр Исаевич пишет: «Согласился... а пока открыта была полугодовая протяжка для работы.

Почти вся она пошла *на третью редакцию* „Марта“... Собственно, *это было мое первое прочтение „Марта“ сплошное*... и после третьей редакции только тот и вывод, что понадобится еще четвертая — да и не сразу, а еще с перерывом же: В эту зиму много надо было докончить — отпечатку конца „Октября“, второго тома, а значит, еще редакция» (44).

Если исходить из приведенных слов, получается, что вторую редакцию «Марта» А. И. Солженицын сумел сделать с весны до начала осени 1982 г., т. е. до отъезда в Японию, а по возвращении занимался одновременно третьей

редакцией «Марта» и последней редакцией «Октября».

В Англию Александр Исаевич прибыл 7 мая 1983 г. и провел здесь 11 дней (45). Вручение Темплтоновской премии состоялось 10-го в Бэкингемском дворце (46). В этот же день лауреат прочитал Темплтоновскую лекцию (47), на следующий день провел в Лондоне пресс-конференцию (48). 16 мая он дал два интервью Бернарду Левину для газеты «Таймс» (49) и Мальколму Магэриджу для Би-Би-Си (50), 17-го посетил Виндзор, где выступил в Итонском колледже 1963 (51), 18-го из Лондона вылетел в Нью-Йорк (52).

Вернувшись в Вермонт, не ранее 19 мая, Александр Исаевич снова сел за «Красное колесо». «„Март“, — пишет он, — был — местами в третьей редакции, местами еще во второй, а нужно-то — сплошь четвертая и потом редактура при наборе. А мысли забегают: что дальше?» (53).

В 1983 г. один за одним вышли сразу же три тома «Собрания сочинений» А. И. Солженицына: десятый — публицистика (54), одиннадцатый и двенадцатый — «Август Четырнадцатого» (55). Второе двухтомное издание «Августа» увидело свет в июне месяце (56).

Знакомство с новой редакцией романа обнаруживает следующую очень важную особенность. Если первая редакция представляла собою художественное или беллитристическое произведение, действительно роман, то вторая редакция — механическое сочетание романистики и публицистики.

Разрушение жанра произошло за границей и превращение «Августа» в двухтомное произведение было связано главным образом с дополнением беллитристики публицистикой. Это значит, что примерно с лета-осени 1976 г. начинается трансформация жанра. Романиста А. И. Солженицына

начинает оттеснять на второй план А. И. Солженицын-публицист.

Но дело заключалась не только в изменении жанра. «„Август 14“ — пишет А. Л. Янов, — в своей первой редакции был беспощадным, не оставляющим никаких лазеек обличением православной монархии» (57). И разгром армии Самсонова, символизируя поражение царизма, представлял собою прелюдию к февралю 1917 г.

Во второй редакции романа особое место заняли два сюжета, которые полностью отсутствовали первоначально: развитие общественного, прежде всего революционного движения,

создающего угрозу существованию монархии, и деятельность возглавляемого П. А. Столыпиным правительства, которое оказалось способным не только разгромить революцию, но и начать плодотворные преобразования. Однако вся его деятельность была перечеркнута роковым выстрелом 1 сентября 1911 г., который имел для России трагические последствия.

Характеризуя вторую редакцию Августа, А. Л. Янов пишет: «В центре ее оказывается *не имеющая никакого отношения к августовской катастрофе* история Петра Столыпина, прозрачно символизирующего Россию, и еврея

Мордки Богрова, убивающего
Россию, повинуюсь
„трехтысячелетнему, тонкому,
уверенному зову“ своей расы...
Богров, стреляя в Столыпина,
стрелял тем самым в „сердце
государства“... Он убил „не только
премьер-министра, но целую
государственную программу“,
повернув таким образом „ход
истории 170-миллионного народа“»
(58).

Это подчеркивает и сам
А. И. Солженицын: «...К 1905 году,
практически так уже было много
потеряно, что Россия была накануне
гибели. И Столыпин сумел вытянуть
Россию из этой бездны и поставить

ее на прочный путь развития. Если бы Столыпин не был убит, еще несколько лет этого развития, решительно меняющего всю структуру, социальную структуру государства, не только ее экономику, — и Россию нельзя было бы свалить так легко. *Я глубоко убежден, что убийство Столыпина, выстрел этот, решил судьбу развития России*, потому что сразу руководство попало в слабые неумелые руки, которые не могли Россию вести правильно» (59).

Таким образом, столыпинское отступление в романе понадобилось для того, чтобы соединить сентябрь 1911 г. и февраль 1917 г. Если

согласно первоначальному замыслу прелюдией к февралю 1917 г. была августовская катастрофа 1914 г. и судьба монархии в значительной степени решалась на полях Первой мировой войны в борьбе с внешним врагом, то во втором варианте она была предрешена еще до войны внутри страны в борьбе с врагом внутренним. Не сасмоновская трагедия, а выстрел 1 августа 1911 г. стал прелюдией февральской драмы 1917 г.

Уже первый вариант романа привел к сокращению числа сторонников писателя. Но он еще оставался почти всеобщим кумиром. Велик был его авторитет и в 1974 г.,

когда его выслали за границу. Истекшие с тех пор годы характеризовались тем, что круг его поклонников неуклонно сокращался. Этому способствовали и солженицынское «Письмо вождям», и его ястребиные речи, и второй том «Архипелага», и сборник статей «Из-под глыб», и «Теленок», и история с Ф. Арнау и Т. Ржезачем. Но особую роль в этом отношении суждено было сыграть новому изданию «Августа».

Поверженный кумир

По всей видимости, летом

1983 г. у А. И. Солженицына возникла пауза в его работе и он решил, наконец, разобрать ту часть своего архива, которая была вывезена из Москвы В. Одомом. «Да, господа, — пишет он, — только летом 1983 дошли руки распечатать ящики, привезенные из Калифорнии в 1976» (1).

Тогда же с «осени 1983 г.» Александр Исаевич стал погружаться в работу над следующим Узлом «Апрель Семнадцатого» (2), рассматривая его как начало нового, Второго действия «Народоправство», охватывающего «весь Семнадцатый год до осени» (3). «Переход от „Марта Семнадцатого“ к „Апрелю“,

— констатировал
А. И. Солженицын, — поставил
передо мной еще новые задачи, так
как едва не зашатался метод Узлов.
Кажется, от 18 марта (конец III Узла)
до 12 апреля (начало IV Узла) —
рукой подать? А сколько событий и
оттенков проваливается. Куда?
Возникает понятие „Междуузелья“»
(4).

В своем интервью парижской
газете «Либерасьон» 1 ноября 1983 г.
А. И. Солженицын так
охарактеризовал итоги и
перспективы своей работы над
эпопеей: «То, что я сейчас реально
уже кончил, это так называемое
„Действие первое, Революция“. В

него входят три узла: „Август
Четырнадцатого“, „Октябрь
Шестнадцатого“ и „Март
Семнадцатого“. Это я почти кончил»
(5). И там же: «Должна бы она дойти
до 1922 года, когда все последствия
революции уже закованы в железные
коллеи, когда социальная динамика
кончилась и начинается уже качение
по этим жестким рельсам. Но боюсь,
что мне жизни не хватит...» (6).

А между тем, пока писатель
погружался в работу над «Апрелем»,
завершалась подготовка к печати
второго Узла «Октябрь
Шестнадцатого», оба тома которого
увидели свет в следующем 1984 г. (7).

Основная идея этого нового Узла

сводится к следующему.

Если в первом издании «Августа» главная вина за неудачу в войне, а значит и за революцию возлагалась на царизм, то во втором издании, как уже отмечалось, она была переложена на революционное движение и либеральную оппозицию. Именно они оказались в центре нового романа. Писатель показывает, как в условиях, когда Россия продолжала терпеть поражения в войне с Германией, либеральная оппозиция вместо того, чтобы объединиться с правительством против внешнего врага осенью 1916 г. предпринимает штурм власти. И хотя этот штурм

оказался неудачным, он показал, что судьба государства в сложившейся ситуации во многом зависит от поведения оппозиции. Однако оппозиция была занята не столько поисками выхода страны из сложившегося положения, сколько стремлением, используя слабость правительства, захватить власть в свои руки, не думая о последствиях этого.

Знакомство с Вторым Узлом «Красного колеса» — «Октябрь 16-го» показывает, что еще только-только наметившийся во второй редакции «Августа» переход от романистики к публицистике был продолжен и привел к тому, что

здесь публицистический материал уже полностью оттеснил художественный материал на второе место. «Если „Август“ построен на всей „классической“ атрибутике художественной прозы, — говорится к предисловию к одной из публикаций „Октября“, — углублениях в психологию героев, психологической мотивированности их поступков, обусловленности поступков характерами (именно в „Августе“ раскрываются характеры героев, проходящих затем через все повествование, выковываются их взгляды), то в „Октябре“ уже *преобладает публицистичность*; „Март“ же — это как бы и проза, и

стилистически отточенные
дневниковые записи, и стенограммы,
и научное исследование, и
публицистика, слившиеся в единой
ипостаси» (8). В эту характеристику
следует внести только одну
поправку: так и не слившиеся в
единой ипостаси.

«...с 1984 г., — пишет
А. И. Солженицын, — я впервые стал
работать над „Колесом“ не по
круглому году, а — два летних месяца
что-нибудь другое. Маховик лет
замедляется» (9). Чем же именно
был занят Александр Исаевич летом
1984 г., мы не знаем, но можно
отметить, что именно в эти месяцы
на Западе постепенно начинает

раскручиваться маховик
направленной против него
идеологической кампании.

Один из ударов по писателю был нанесен Майклом Скэммелом, который издал первую серьезную биографию писателя, написанную не с позиции его апологии (10). Свою работу автор начал еще в 1974 г. с благословения самого героя, который не только ответил на интересовавшие его вопросы, но и позволил ему познакомиться с некоторыми материалами своего архива (11). По всей видимости, А. И. Солженицын надеялся, что М. Скэммел напишет его портрет светлыми красками. Однако то ли

знакомство с материалом, то ли изменившаяся конъюнктура привели к тому, что начав работу над книгой в качестве поклонника А. И. Солженицына, М. Скэммел закончил ее его критиком.

Не успела новая биография писателя разойтись по свету, как разразился скандал вокруг «Августа», начало которому было положено летом 1984 г. 16 августа по «Голосу Америки» стали читать стольпинские главы из «Августа», а 19-го Лев Лосев озвучил по радио «Свобода» основные положения своей статьи «Великолепное будущее России. Заметки при чтении „Августа“ Четырнадцатого“

А. Солженицына» (12). Полностью она была опубликована в № 42 журнала «Континет» (13). В этой статье автор едва ли не впервые обратил внимание на то, что в романе А. И. Солженицын образ убийцы П. А. Столыпина Д. Богрова невольно ассоциируется с образом змеи, и на основании этого сделал следующий вывод: «...в самом образе змеи, смертельно ужалившей сотворящего крестное знамение славянского рыцаря, антисемит без труда усмотрит параллель со своей любимой книгой „Протоколы сионских мудрецов“» (14).

Сделанное Л. Лосевым наблюдение, что в солженицынском

описании Д. Богрова его образ — «образ еврея слился с образом змия», было поддержано и другими авторами (15). О том, что такое восприятие Д. Богрова читателями было неслучайным, свидетельствует «Архипелаг». Комментируя в нем появление названия «столыпинский вагон», А. И. Солженицын, имея в виду «революционеров», пишет: «Когда-то *змеиным* *укусом* убив великого деятеля России, еще и посмертным *гадким* *укусом* осквернили его память» (16).

Стремясь понять смысл это аллегории, исследователи обнаружили, что подобный образ — образ змея как символ еврейского

народа был широко распространен в антисемитской литературе (17). С учетом этого убийство П. А. Столыпина приобретало под пером А. И. Солженицына символический характер.

23 мая 1989 г. в своем интервью Дэвиду Эйкману для журнала «Тайм» А. И. Солженицын попытался откреститься от такого понимания данного эпизода: «Нет, — заявил он, — я никакого символа не искал. Я описывал Богрова исключительно реалистично», иными словами, если в результате подобных реалистичных характеристик образ Д. Богрова стал сливаться с образом змея, то это не авторских произвол, а реальная

действительность. Далее Александр Исаевич попытался убедить журналиста, что в его изображении Д. Богров — это не символ, а всего лишь террорист-одиночка, за которым никто не стоял и который поэтому никого, кроме себя, не представлял (18).

Но разве даже случайное изображение Д. Богрова в виде змеи не приобретает символического характера? И разве сравнение убийства Столыпина со «змеиным укусом» — тоже не символ? И разве в «Архипелаге» не сказано прямо, что Столыпина «змеиным укусом» убил не одиночка Богров, а «революционеры»? И разве в

«Августе» не подчеркивается, что, делая такой такой шаг, убийца прислушивался к «трехтысячелетнему, тонкому, уверенному зову» своей истории? И это простое покушение, покушение одиночки?

Вслед за выступлением Л. Лосева в радиозэфире «на имя президента соединенных американских радиостанций „Свобода“ и „Свободная Европа“ Джеймса Бакли» поступили две докладные записки из Русской службы «Свободы» от Льва Ройтмана и Вадима Белоцерковского, которые охарактеризовали чтение романа «Августа» по радио как

популяризацию антисемитизма (19). Позднее в издававшемся в Лос-Анжелесе журнале «Панорама» Вадим Белоцерковский назвал А. И. Солженицына «„пятой колонной“ советской пропаганды» (20).

Первая антисолженицынская статья появилась 22 января 1985 г. в газете «Нью рипаблик». 23 января «Нью-Йорк дейли ньюс» атаковал «Свободу». Д. Бейли и несколько его сотрудников были отправлены в отставку. Чтение «Августа» было прекращено. 4 февраля «Вашингтон пост» обрушился на «Голос Америки» (21). «4 февраля, — пишет А. И. Солженицын, — имея в виду

февраль 1985 г., — началась в Штатах долгая атака о моем антисемитизме, а 19 февраля в СССР, где уже годами, кажется, не упоминали моего имени — показали по телевидению (а до этого на многих киноэкранах) фильм-агитку „Заговор против Советского Союза“, с гнусной атакой на меня и на „Русский общественный фонд“, и мы „агенты ЦРУ“» (22).

Начавшаяся кампания ничего хорошего не предвещала. Поэтому в сложившихся условиях, не зная, чем все это может завершиться, Александр Исаевич и Наталья Дмитриевна решили принять американское гражданство. Срочно были заполнены все необходимые

документы, продемонстрировано знание английского языка, который Александр Исаевич так и не сумел выучить за девять лет, выдержано собеседование и получено разрешение. Осталась последняя формальность — принесение присяги. Однако если Наталья Дмитриевна явилась на этот акт и таким образом получила американский паспорт, Александр Исаевич на присягу не явился. Как говорится, сбежал из-под венца (23). Объясняет он это тем, что в последнюю минуту воспринял принятие американского гражданства как отказ от Родины. На такой шаг как настоящий патриот

России он, конечно, пойти не мог (24). А подавая документы, он об этом не думал?

Между тем анτισолженицынская кампания продолжалась. 29 марта 1985 г. по данному вопросу состоялось даже слушание в Сенате, причем не где-нибудь, а в Комиссии по иностранным делам (25).

В середине июля корреспондент «Нью-Йорк таймс» Ричард Гренье сообщил А. И. Солженицыну, что ему поручено подготовить публикацию по данному вопросу, в связи с чем он просит дать ему интервью. Александр Исаевич отказался делать этого, хотя перед ним открывалась

хорошая возможность внести ясность в обсуждавшийся вопрос и устранить кривотолки. Р. Гренье повторил свою просьбу, но А. И. Солженицын снова отказался от встречи. На третье обращение Р. Гренье он не стал отвечать вообще (26). Несмотря на это в ноябре 1985 г. «Нью-Йорк таймс» опубликовал статью, которая реабилитировала А. И. Солженицына (27).

То ли под влиянием книги М. Скэммела, то ли под влиянием развернувшейся против него идеологической кампании, в 1985 г. Александр Исаевич решил оставить потомкам собственное жизнеописание и сел за мемуары.

«Летом 1985 г., — пишет он, — я окунулся в давние годы — детство, юность,.. фронт, да и тюрьма с лагерями, и ссылка и тревожно радостный и *в гранях ошибок* возврат изсылки» (28). В следующем году работа над ними была продолжена. «Летом 1986 г. — отмечает А. И. Солженицын, — еще один такой месяцок, да вот — и кончил, жизнь до высылки — охвачена» (29). В то же лето он вернулся к «Теленку»: «Летом 1986 схватился я перечитывать и в мелочах *доделивать* „Теленка“... Потом накинута кончать „Апрель“. Пока в возможных пределах довел» (30).

Если исходить из приведенных

слов, получается, что в 1986 г. первая редакция «Апреля» близилась к окончанию. А поскольку к этому времени Александр Исаевич уже решил на этом оборвать свою эпопею, работа над «Красным колесом» вступила в свою завершающую стадию. Последний Узел нужно было отредактировать, после чего можно было отдавать на суд читателей.

Еще в 1982 г. В. Н. Войнович начал писать фантастический роман под названием «Москва, 2042 год». Летом 1986 г. он был завершен и осенью стал публиковаться на страницах газеты «Новое русское слово» (31). Роман представлял

собою попытку в сатирической форме представить будущее Советского Союза. Среди персонажей этого произведения сейчас, по словам автора, особого внимания заслуживает «правитель будущей России, участник Августовской революции, герой Бурят-Монгольской войны, Генералиссимус, бывший генерал КГБ, свободно говорящий по-немецки — Лешка Букашев» (32). Но тогда, в 1986 г., внимание читателей прежде всего привлек другой герой — писатель Сим Симович Карнавалов, в котором они без труда узнали Александра Исаевича (33).

Вряд ли здесь была какая-то

связь, но именно в это время отличавшийся отменным здоровьем, А. И. Солженицын почувствовал недомогание. «Осенью 1986, — читаем мы в «Зернышке», — налетело на меня сразу несколько болезней. Повторилась стенокардия. Обнаружились камни в желчном пузыре, как будто нужна операция. А самое удивительное вдруг — множественный (*как вообще почти не бывает*, знаю) рак кожи... Но попал, не сразу, к опытному доктору, он объяснил: тех, кто когда-то подвергался сильному рентгеновскому облучению или химическому воздействию — примерно через 25–30 лет может

настичь, именно на местах облучения, рак кожи» (34). Против рака было применено «единократное вымораживание пятен и через три недели их как не было. А метастазов они не дают» (35).

«И, — констатировал А. И. Солженицын, — от болезни сразу — изменилось во мне многое. Утерялся тот безграничный разгон немеренной силы, который владел мною все годы. С этими болезнями (а есть и высокое давление, и артрит, и еще) можно и двадцать лет прожить, а можно — и ни года» (36). А тут захворала Наталья Дмитриевна и «два года кряду болела» (37).

Да и издательские дела

перестали радовать: если французы сразу же перевели «Август» и «Октябрь», если на немецком языке появился «Октябрь» (38), то англичане не спешили ни с первым романом, ни со вторым. «Все же ждали мы, ждали виллетского „Августа“». — пишет А. И. Солженицын, — Не дождались и *в конце 1986* выпустили два тома „Марта“ по-русски» (39).

В июне-июле 1987 г. он снова оторвался от своей эпопеи и продолжил работу над литературными воспоминаниями, написав за два месяца третью часть «Зернышка» (40). Касаясь в нем своей работы над «Вторым

действием» «Красного колеса», он записал: «Вот кончу „Апрель“ — и хватит с меня, пока — предел. А в будущем, останется время — можно попробовать построить... скелетный Конспективный том на все ненаписанные узлы» (41).

Тогда же 29 июня 1987 г. он дал интервью, в котором его решение было сформулировано более определенно: «...Надо сказать, что я когда-то задумал двадцать Узлов, от 1914 года до 1922. И долгое годы я с этим носился... Но в ходе работы я увидел, что... каждый Узел разрастается... Стало ясно, что надо мне сократить... Сперва, с большой жертвой, я решил остановиться на

лете 1918 года... А сейчас я склоняюсь к тому, что придется четвертым Узлом и закончить — апрелем 1917 и первыми днями мая...» (42).

В 1987 г. вышел третий том «Марта» (43), в 1988 г. — последний, четвертый (44). В третьем Узле эпопеи на богатом фактическом материале было показано как штурм власти, предпринятый либеральной оппозицией, привел к падению монархии, которое стало началом не возрождения страны, а катастрофы.

«Первоначально, — рассказывает писатель, — я исходил из концепции, которую сегодня разделяют большинство людей на

Западе и на Востоке, а именно: главным решающим событием была так называемая Октябрьская революция и ее последствия. Но постепенно мне становилось ясно, что главным и решающим событием была вовсе не Октябрьская революция и что это вообще не было революцией... Подлинной революцией была Февральская, Октябрьская же даже не заслуживает названия революции. Это был государственный переворот, и до 1920-х годов включительно сами большевики называли ее „октябрьским переворотом“» (45). И далее: «...собственно говоря, революция в России была одна, не

пятого года и не Октябрьская, а Февральская, она и есть решающая революция, которая и повернула ход нашей истории, да и всей земли» (46).

Сопоставляя «Август», «Октябрь» и «Март» нельзя не обратить внимание на следующую важную вещь. Если в первой редакции «Августа» главными действующими героями были вымышленные лица и через их судьбу автор пытался показать драматизм исторических событий, то уже во второй редакции их начинают оттеснять на второй план исторические персонажи, еще более заметно это в «Октябре», в «Марте»

вымышленные герои оказываются затерянными среди исторических лиц. Касаясь этой проблемы А. И. Солженицын в своем интервью 1983 г. парижской газете «Либерасьон» сказал так: «...в „Марте Семнадцатого“, в Февральской революции, я бы грубо определил, что сочиненные персонажи сведены до минимума, до 10 %, по числу страниц...» (47).

Характеризуя новый Узел, его автор пишет: «Это, собственно говоря, запись Февральской революции, как она произошла, день за днем и час за часом, участвуют *сотни исторических лиц* и десятки вымышленных для того, чтобы

подхватить этот материал» (48). Отмечая эту особенность своего произведения, Александр Исаевич преподносит ее как достоинство, между тем, это его недостаток.

В своем интервью парижской газете «Либерасьон» А. И. Солженицын сам обратил внимание на следующий факт: «От темпа исторических событий зависит, например, длина глав. В „Августе“ у меня довольно длинные главы, и даже есть очень длинные, как о царе Николае Втором. В „Октябре“ они еще тоже длинные, потому что медленные события. В „Марте“ начинается такая динамика, я стараюсь успеть за событиями» и

«мне приходится главы стягивать до крошечного объема, но делать их много. Главы следуют с бешеной быстротой друг за другом» (49). Следует добавить, с такой быстротой, что трудно уследить за мельканием событий и лиц. В результате этого вместо того, чтобы фокусировать внимание читателя на главном, происходит его рассеивание. Следствие этого предсказать нетрудно — возникает желание закрыть книгу.

Неудивительно, что «Март» не бросились переводить на иностранные языки. А русский его вариант был встречен, мягко говоря, сдержанно.

Так А. И. Солженицын подошел к своему 70-летию.

Когда ему исполнилось пятьдесят, в Рязань не только из советских городов, но и из-за границы на его имя пришли сотни поздравительных писем и телеграммы. Когда ему исполнилось шестьдесят, на его юбилей откликнулись многие зарубежные газеты и журналы.

11 декабря 1988 г. все было по-иному.

«Эта дата, — писал тогда же один из корреспондентов, — прошла очень незаметно на Западе. Не было громогласных приветствий, поздравлений в адрес юбиляра,

пышных торжеств, ярких речей. Лишь в скромном зале Хантерколледжа в Нью-Йорке состоялось собрание, на котором присутствовало около 100 человек. Выступило шестеро. Пять запланированных ораторов демонстративно не явились. А когда было предложено подписать („кто этого захочет“) приветственное в семь строк письмо Солженицыну, только 38 выразили желание»^[46] (50).

Если бы события развивались таким же образом и далее, можно не сомневаться, что А. И. Солженицын доживал бы свои дни в эмиграции почти в полном забвении. Однако

начавшиеся в Советском Союзе перемены снова оживили интерес нему, и солнце его славы еще раз на миг поднялось над горизонтом.

Глава 3

Триумф или трагедия?

Наследник Катона

На протяжении нескольких десятилетий Рим вел изнурительную войну с Карфагеном. В римском сенате то брали верх сторонники войны, то противники. Лишь один сенатор по имени Катон не уставал повторять: «Карфаген должен быть разрушен». В такой роли на протяжении всего своего пребывания за границей выступал А. И. Солженицын, неустававший

повторять: коммунизм должен быть уничтожен, советская империя как империя зла должна быть разрушена.

Весной 1985 г. в Советском Союзе подули ветры «перестройка» и Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, призвал к себе на помощь ту самую «тараканью рать», войну которой еще совсем недавно объявил Александр Исаевич. На удивление, ведомые «прорабами» из ЦК КПСС и КГБ «плюралисты» не только забыли нанесенные ими обиды, но и изъявили желание видеть беспощадного критика в своих рядах.

Однако он, так долго добивавшийся перемен на родине,

теперь вдруг замолчал (1). Он молчал в 1985 г., когда начались первые разговоры о переменах. Он молчал в 1986 г., когда был реабилитирован А. Д. Сахаров. Он молчал на протяжении первой половины 1987 г., когда началась чистка партийно-государственного аппарата, была объявлена политическая амнистия и взят курс на создание многоукладной экономики.

Только летом 87-го года Александр Исаевич, наконец, прервал заговорил и 29 июня дал радиоинтервью Би-Би-Си (2), а 9 октября журналу «Шпигель» (3). Чем же он решил поделиться с

современниками? Может быть, оценкой начавшихся у него на Родине реформ? Или же своими прогнозами на счет их будущего? Ничего подобного. Оказывается, только размышлениями о своей эпопее. Эти же вопросы он предпочел обсуждать и 23 мая 1989 г. в интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» (4). А когда Давид Эйкман, не выдержав, задал вопрос, почему до сих пор писатель не желает высказываться по поводу происходивших в Советском Союзе перемен, Александр Исаевич заявил:

«Удивительно знаете почему? Потому, что не заметили, когда я замолчал. Если бы я замолчал с

начала перемен, то это, может быть, было бы удивительно. Но я замолчал в *1983 году* (а как же два интервью 1987 г.? — А.О.), когда переменами никакими не пахло. А позже начались перемены. И мне предстояло — что же? Прервать свою работу и начать выступать как политический комментатор, притом издалека? Но события на родине теперь сменяются часто. Скажешь один раз — нужно сказать и другой, и третий и четвертый, то есть комментировать по ходу того, что происходит. А я должен кончить свою работу, меня подгоняет возраст, мне же больше семидесяти» (5).

Между тем события на родине

продолжали развиваться. Весной 1989 г. прошли первые альтернативные выборы в Верховный Совет СССР. С 1 сентября 1989 г. в высших учебных заведениях перестали преподавать марксизм-ленинизм. 11 декабря 1989 г. последовал отказ государства от принципа монополии внешней торговли. 6 марта 1990 г. был принят закон «О собственности в СССР». Тогда же весной 1990 г. была отмена шестая статья Конституции СССР о КПСС как руководящей силе (6).

Подобные же перемены, получившие название «бархатных революций», начались в странах Восточной Европы. В июне 1989 г.

прошли выборы в Польше, на которых коммунисты потерпели сокрушительное поражение (7). Осенью 1989 г. вспыхнули волнения в ГДР. 18 марта 1990 г. германские социалисты тоже потерпели на выборах поражение. 23 августа было принято решение о воссоединении ГДР и ФРГ (8). В ЧССР демонстрации начались в ноябре 1989 г., а в декабре к власти пришли новые силы (9). В том же месяце возникла напряженность в Румынии. Пытавшийся сохранить свое положение, лидер румынских коммунистов Н. Чаушеску был схвачен и расстрелян, причем без следствия и суда (10). Планомерный

и целенаправленный характер этих событий не вызывает сомнения (11).

Несмотря на то, что в СССР происходили огромные перемены, о которых еще совсем недавно даже трудно было мечтать, А. И. Солженицын продолжал хранить молчание. Это — одна из загадок в его биографии.

Между тем еще в начале 1988 г. с подачи корреспондента мюнхенской радиостанции Байрише рундфунк Невеля по зарубежным средствам массовой информации промелькнула весть: писатель дал согласие на приглашение советского правительства вернуться на родину (12). Весной 1988 года главный

редактор «Нового мира» Сергей Павлович Залыгин, будучи в Париже, заявил на пресс-конференции: «В ближайшее время „Новый мир“ начнет печатать некоторые произведения Солженицына» (13). Правда, по его возвращении в Москву ТАСС дезавуировало это заявление (14). Появилась версия, будто бы С. П. Залыгин сделал его, не спросив «разрешения руководства» (15), во что очень трудно поверить.

По возвращении в Москву С. П. Залыгин поручил В. М. Борисову связаться с писателем и узнать его мнение на счет возможности публикации его произведений в Советском Союзе.

В. М. Борисов позвонил в Кавендиш и вскоре сообщил, что Александр Исаевич не возражает против этого, но считает необходимым начать с «Архипелага» (16). Только тогда С. П. Залыгин сделал официальное обращение к А. И. Солженицыну (17).

Вскоре после этого, 15 июля 1988 г. «Ассошиэтед Пресс» распространило информацию из Бонна, будто бы М. С. Горбачев пригласил А. И. Солженицына посетить Россию и в самое ближайшее время там начнется публикация его произведений, в том числе «Архипелага ГУЛАГ» (18). 5 августа 1988 г. на страницах

«Книжного обзора»

Е. Ц. Чуковская опубликовала письмо «Вернуть Солженицыну гражданство СССР» (19). Тема возвращения изгнанного пророка стала быстро распространяться в обществе, получая все большую и большую поддержку даже со стороны тех, кто никогда не читал его произведений.

Все это можно рассматривать как первые шаги на пути к политической реабилитации писателя. В августе «Новый мир» принял решение включить издание произведений писателя-изгнанника в план журнала: в 12-м номере к 70-летию автора опубликовать его «Нобелевскую лекцию», в 1989 г.

«Архипелаг». В самом конце августа из Кавендиша, наконец, пришел официальный ответ, после этого августовское решение было утверждено на заседании редколлегии журнала, и С. П. Залыгин поставил о нем в известность А. И. Солженицына. Александр Исаевич прислал список 30 глав «Архипелага», которые он считал необходимым напечатать и официально назначил В. М. Борисова своим литературным представителем в Советском Союзе. (20).

В связи с этим редакция «Нового мира» решила поместить на обложке одного из очередных номеров сообщение о готовящейся

публикации солженицынских произведений. По некоторым данным, было отпечатано 600 тысяч обложек (21), но ЦК КПСС приказал пустить их под нож. Эта история получила огласку и вызвала широкий общественный резонанс (22).

Кто поверит, что в 1988 г. редакция «Нового мира» могла на свой страх и риск принять решение о публикации произведений А. И. Солженицына? Поэтому перед нами или отражение борьбы в верхах, или же спланированная акция по нагнетанию страстей вокруг имени изгнанника.

В конце года были разрешены литературные вечера, посвященные

70-летию писателя. Особую известность получило собрание, которое состоялось 12 декабря в Москве в Доме кино, игравшем в то время роль одного из клубов демократической интеллигенции. Собрание высказалось за возвращение А. И. Солженицыну советского гражданства и восстановление его в Союзе писателей (23).

Опубликовать в декабре 1988 г. «Нобелевскую лекцию» не разрешили, она была перенесена на следующий год в пятый номер, затем, когда он уже был готов к печати, ее опять сняли (24). И только 10 апреля С. П. Залыгин уверенно заявил, что

она будет напечатана в седьмом номере, а «Архипелаг» начнет печататься в восьмом (25). 2 июня Главлит, наконец, подписал седьмой номер с «Нобелевской лекцией» (26).

Можно встретить мнение, что именно с этой лекции произведения А. И. Солженицына стали возвращаться на родину. Между тем это не совсем так. Еще 18 октября 1988 г. его статью «Жить не по лжи» опубликовала многотиражная газета Юго-Западной железной дороги «Рабочее слово» (27). А в июне 1989 г. «Огонек» перепечатал «Матренин двор» (28). Это вызвало вмешательство В. М. Борисова, который 21 июня на страницах

«Литературной газеты» от имени А. И. Солженицына заявил, что право публикации его произведений принадлежит «Новому миру», первым должен быть напечатан «Архипелаг» и без него, В. М. Борисова, публикация солженицынских произведений другими издательствами недопустима (29).

Не ранее 28-не позднее 30 июня состоялось заседание Политбюро, на котором было принято решение о реабилитации А. И. Солженицына (30). После этого С. П. Залыгин и В. М. Борисов получили приглашение на заседание Секретариата Правления Союза

писателей РСФСР (31). Оно состоялось 30 июня и постановило: а) отменить решение о исключении А. И. Солженицына из Союза писателей, б) обратиться в Верховный совет СССР с просьбой о возвращении ему гражданства, в) разрешить публикацию его произведений (32).

Видимо, именно тогда А. И. Солженицын направил в Москву на разведку свою тещу и пасынка. «В течение двух последних лет, — читаем мы в одной из газетных статей того времени, — Екатерина Фердинандовна совершила несколько „разведывательных“ поездок в

Москву вместе с Дмитрием, сыном Наталии от первого брака, чтобы почувствовать климат, в котором живет Россия» (33).

В седьмом, июльском номере «Новый мира», наконец, появилась «Нобелевская лекция» А. И. Солженицына (34), в восьмом — одиннадцатом номерах увидели свет главы из «Архипелага ГУЛАГ» (35). «В декабре, — вспоминала Н. А. Решетовская, — в издательстве Советский писатель вышла первая книга Архипелага ГУЛАГ — репринтное воспроизведение зарубежного собрания сочинений с последними поправками автора, сделанными для данного издания»

(36). «Полное и отредактированное самим писателем трехтомное издание Архипелага, — пишет Р. А. Медведев, — появилось в книжных магазинах в марте 1990 года и было быстро распродано, хотя его тираж составлял 100 тысяч экземпляров» (37).

А затем в 1990 г. произошел самый настоящий обвал публикаций. В 1990 г. в журнале «Новый мир» печатаются роман «В Круге первом» (38) и повесть «Раковый корпус» (39), в журнале «Звезда» — «Август Четырнадцатого» (40), в «Нашем современнике» — «Октябрь Шестнадцатого» (41), в «Неве» — первый том романа «Март

Семнадцатого» (42). В 1991 г. в журнале «Новый мир» публикуются воспоминания «Бодался теленок с дубом» (43). Причем, это необходимо отметить, расширенный вариант по сравнению с изданием 1975 г. (44). С. Залыгин назвал 1990 г. — годом Солженицына (45).

Все эти и другие публикации шли через В. М. Борисова, на которого была возложена обязанность не только заключать договоры с журналами и издательствами, но накапливать на банковском счету гонорары за эти публикации. В связи с этим В. М. Борисов начал сотрудничать с предпринимателем Сергеем

Дубовым. А поскольку публикации вызвали поток откликов, для переписки с читателями был привлечен специальный человек — Мунира Мухаммедовна Уразова, о которой пока известно лишь, что она была инженером-строителем и до того жила в Подмосковье (46).

17 августа «Известия» опубликовали сообщение о возвращении гражданства 23 эмигрантам (47), а через день — их список. В него значились: В. Аксенов, Г. Винс, Г. Владимов, В. Н. Войнович, М. Восленский, И. Геращенко, И. Глаголев, А. Карягин, Л. З. Копелев, В. Корчной, Ю. Новиков, Ю. Орлов,

Р. Д. Орлова, О. Рабин,
И. Ратушинская, И. Реэметс,
Н. Руденко, А. И. Солженицын,
Н. Д. Солженицына, В. Тарсис,
В. Чалидзе, И. Шахназаров,
И. Шелковский (48).

В связи с этим
Н. Д. Солженицына дала интервью, в
котором заявила: «...за 16 с
половиной лет нашего изгнания ни
один представитель власти не
вступал в контакт с Солженицыным
ни в какой форме: ни письменно, ни
устно, ни прямо, ни через
посредников... Позиция Александра
Исаевича такова: до тех пор, пока
прокуратура СССР не снимет с него
обвинение в измене Родине (ст.64 УК

РСФСР) и Президиум Верховного Совета не выразит ясного отношения к своему Указу от 13 февраля 1974 г. о насильственном выдворении Солженицына за пределы СССР — нечего разговаривать о возвращении гражданства» (49).

Не будем пока вникать в юридические тонкости этого дела (об этом речь пойдет далее), но нельзя не выразить удивления: человек, который будучи в 1974 г. обвинен в измене родине, не желал покидать ее и, если верить ему, вынужден был сделать это только под давлением силы, теперь, когда открылась возможность вернуться домой, начал искать повод, чтобы не

делать этого.

Между тем в августе 1990 г. премьер-министр Российской Федерации И. С. Силаев обратился к А. И. Солженицыну с письмом и пригласил его в Россию (50). Из ответа Александра Исаевича 23 августа: «...Для меня немыслимо быть гостем или туристом на родной земле — приехал и уехал. Когда я вернусь на родину — то, чтобы жить и умереть там... я *не могу обгонять свои книги*. Десятилетиями оклеветанный, я должен прежде стать понятен моим соотечественникам, и... не в одной столице, но — в провинции, но в любом глухом углу» (51).

Спрашивается, почему писатель после возвращения ему гражданства должен был приезжать на родину в качестве туриста? И почему нельзя было вернуться на родину раньше своих книг? Ведь он мог отправиться туда, чтобы там добиваться и снятия с него обвинения в измене родине, и продвижения к читателям своих книг?

«Как нам обустроить Россию?»

В своем ответе И. Силаеву А. И. Солженицын упоминал только что законченную им статью «Как нам обустроить Россию»^{[\[47\]](#)} и

ненавязчиво выразил желание опубликовать ее в Советском Союзе. На следующий же день «Комсомольская правда» предложила ему свои страницы (52). Через некоторое время Н. А. Струве отправил текст статьи В. М. Борисову, а он — в редакцию газеты. Причем Александр Исаевич поставил условие, чтобы 18 сентября статья была опубликована в «Комсомольской правде», а затем в «Литературной газете» (53), что и было сделано. Ее суммарный тираж составил 27 млн. экземпляров (54).

Статья А. И. Солженицына появилась очень кстати.

К этому времени все попытки

поставить перед М. С. Гобачевым вопрос о выработке программы действий советского правительства в национальном вопросе были им торпедированы (1). В то же время проводилась целенаправленная политика перераспределения доходов в пользу союзных республик и сокращения доходов, поступавших в союзный бюджет, в результате чего происходило возрастание его дефицита (2). Этим самым осуществлялось сознательное ослабление позиций союзного правительства и вводились в действие центробежные силы, которые уже в 1990 г. стали создавать угрозу целостности Советского

Союза.

Когда необходимые предпосылки были созданы, на повестку дня был поставлен вопрос о суверенитете союзных республик. «Самый первой такой шаг, — пишет В. Г. Сироткин, — сделала Грузия — 9 марта 1990 г. Затем о своем суверенитете заявили все три прибалтийские республики — Литва (11 марта), Эстония (30 марта), Латвия (4 мая)». 12 июня за ними последовала РСФСР, после чего «этот процесс пошел как обвал: Узбекистан (20 июня), Молдавия (23 июня), Украина (16 июля), Белоруссия (27 июля)» (3).

В этих условиях и появилась

статья А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию». Начиналась она словами: «Часы коммунизма — свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами» (4). Тому, как избежать этого, и были посвящены «посильные соображения» автора.

Нарисовав страшную картину 70-летнего существования Советской власти, констатировав тяжелое, болезненное состояние советского общества, А. И. Солженицын писал: «...Берясь предположить, какие-то шаги по нашему выздоровлению и устройству, мы вынуждены начинать *не со сверлящих язв, не с изводящих*

страданий — но с ответа: а как будет с нациями? В каких географических границах мы будем *лечиться или умирать? А потом — уже о лечении*» (5).

Сравнивая в этом отношении СССР в большой коммунальной квартирой и подчеркивая, что «во многих окраинных республиках центробежные силы так разогнанны, что не остановить их без насилия и крови», Александр Исаевич предлагал начать с ликвидации СССР и создания на его руинах славянского государства, в состав которого вошли бы Белоруссия, большая часть Казахстана, Россия и Украина (6).

Оставляя в стороне неудачное

сравнение с коммунальной квартирой (правильнее сравнивать Советский Союз с общежитием), правомерно было бы задать автору статьи вопрос: если его «посильные соображения» действительно были направлены на то, чтобы благодетельствовать народ, то почему он не поставил вопрос о необходимости выслушать его мнение. Ведь даже самый квалифицированный врач прежде чем поставить диагноз и предложить лечение, обязательно выслушает больного. Единственный способ услышать голос нации — референдум. Поэтому если А. И. Солженицын действительно

желал избежать «насилия и крови» и если он был уверен в правильности своего диагноза, он должен был предложить вынесение своих идей на общенародный референдум. Между тем его предложения сводились к тому, чтобы решить судьбу народов за их спиной.

Сколько грязи и лжи было вылито на большевиков за признание ими права наций на самоопределение. Однако защищая это право, В. И. Ленин в свое время специально подчеркивал, что возглавляемая им партия не ставит перед собою цели разрушения российской государственности, точно также как признание права на

развод не означает отказа от семьи и направлено лишь на замену вынужденного брака свободным (7).

Однако, по сути дела перенимая большевистскую идею права наций на самоопределение, А. И. Солженицын даже не ставил вопроса о необходимости создания на основе СССР действительно свободного и добровольного союза государств. Более того, он прямо заявлял, если отдельные союзные республики не пожелают выходить из состава СССР, Россия должна сделать это одна. Поэтому его программа обустройства России по существу представляла собою программу расчленения нашей

страны. И это в условиях, когда на Западе интеграционные процессы привели к созданию единой Европы. Более того, А. И. Солженицын прямо писал, что мы должны признать утопией возможность «восстановить государственную мощь и внешнее величие прежней России» (8). И это слова патриота? Значит, не на возрождение России была направлена его программа.

С чего же он предлагал начать решение данного вопроса? С объявления независимости отдельных советских республик. А если они не пожелают этого, «объявить о нашем отделении» (9), после чего «должны засесть за

работу комиссии экспертов всех сторон» и решить не только вопрос о границах, но и «как наладится безболезненная разъемка народных хозяйств или установление торгового обмена и промышленного сотрудничества на независимой основе». «...Вся эта разборка может занять несколько лет» (10).

Итак, с одной стороны, Александр Исаевич осознавал, что «развод» не может быть моментальным, что он должен занять не один год, с другой стороны, предлагал начать с объявления независимости. Понимал ли он, к чему это должно было повести?

Провозглашение независимости

отдельных республик означало, что с этого момента должны были прекратить действие все общесоюзные структуры: единая армия, единое ведомство внешней торговли, единые Государственный банк и Внешторгбанк, единая таможенная служба и т. д. В таких условиях должны были измениться не только взаимоотношения между отдельными республиками, но — и это самое главное — их взаимоотношения с внешним миром.

Если в 1990 г. 15 республик в составе Советского Союза представляли силу, с которой продолжали считаться ведущие мировые державы, то каждая

отдельная республика и даже союз
четырех славянских республик сразу
же теряли прежнюю защищенность и
становились менее
конкурентноспособными на
мировом рынке. А это создавало
угрозу как товарной, так и валютной
интервенции, которые могли иметь
лишь одно следствие — банкротство
экономики новорожденных
независимых государств,
превращение их в добычу
инострannого капитала.

Нетрудно было предвидеть и то,
что уничтожение одним росчерком
пера общесоюзных структур делало
неизбежным разрушение прежней
экономической системы, элементами

которой являлись отдельные республики. А разрушение системы или же хотя бы ее паралич неизбежно должны были повести к банкротству отдельных предприятий и всей экономики бывших союзных республик.

Если бы А. И. Солженицын действительно стремился придать разводу безболезненный характер, то прежде всего он должен был предложить переходный период в течение которого следовало произвести поэтапное расширение прав отдельных республик, которые приобретали бы самостоятельность только тогда, когда решались бы все спорные вопросы и создавались

новые структуры, которые позволяли более или менее цивилизованно осуществить перестройку как межреспубликанских, так и внешних отношений.

Может быть А. И. Солженицын не понимал этого? Вот как рисовал он решение данного вопроса четверть века до этого среди тех, кому доверял:

«...Либеральные русские люди не понимают, что надо расставаться с республиками... Я им говорю, что Украина — все, должно отойти. — „Нет, нет“. „Ну, Украина — спорный вопрос. О правобережной, безусловно, разговаривать даже не о чем, пусть идет. А в левобережной по

областям надо делать плебисцит и разделить по количеству населения. Но какой разговор — Закавказье, Прибалтика! В первый же день хотите — кто куда хочет, ради бога! Только решите вопрос по финансовым расчетам. Что нам предстоит? *Это будет ужас*, если начнется развал у нас на Западе, да еще совместно с центральным! Я вообще не знаю, что будет. *Полный развал*“» (11).

Предлагаемая

А. И. Солженицыным программа обустройства России не исчерпывалась расчленением СССР. Она включала в себя такие меры как а) отказ от сфер влияния, прежде

всего в Восточной Европе, б) прекращение разработки новых видов наступательного оружия, в) свертывание дорогостоящих космических программ, г) сохранение сильной центральной власти при расширении прав местной власти (возрождение земства), д) упразднение всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, е) ликвидация КПСС, ж) запрещение партиям участвовать в выборах, з) сокращение на четверть управленческого аппарата, и) упразднение КГБ, к) переход к рыночной экономике, л) разгосударствление собственности, м) приватизация земли, н)

возрождение православной церкви,
о) самоограничение (12).

О значении отказа СССР от сфер влияния за рубежом уже говорилось.

Гонка вооружений к середине 80-х действительно стала для нашей страны непосильной, но отказ от участия в ней, а также свертывание космических программ, как предлагал А. И. Солженицын, *«в одночас»* должны были бы привести к параличу целых отраслей отечественной экономики, представлявших собою так называемый ВПК (военно-промышленный комплекс).

Существующая система выборов не является идеальной, но при всех

ее недостатках она, с одной стороны, позволяет уловить общественные настроения, с другой — измерить силу противоборствующих финансово-промышленных группировок.

Политические партии — неотъемлемый элемент буржуазного общества. Поэтому отстранение их от участия в выборах — невозможно.

Можно по-разному относиться к КГБ. Я, например, переименовал бы его в Отдельный корпус жандармов или же Департамент полиции, чтобы ни у кого не было иллюзий относительно функций этого учреждения. Однако спецслужбы есть во всех странах, и ни одна страна не может позволить себе

роскоши существовать без них. Поэтому упразднение КГБ (а в статье А. И. Солженицына речь идет не о реформировании, а именно об упразднении) означало бы одностороннее разоружение страны перед внешней опасностью.

Расширение элементов рыночного хозяйства было необходимо. Но почему его нельзя было совместить с государственной экономикой посредством перевода государственных предприятий на полный хозяйственный расчет, допускающий банкротство убыточных предприятий. Можно понять предложение о их приватизации. Но разве отвечала

интересам государства приватизация рентабельных предприятий? Почему нужно было приватизировать транспорт, флот, леса, воды, недра и так далее? Почему необходимо было разрушить колхозы и совхозы и нельзя было превратить их в действительно кооперативные объединения, паевые товарищества или же акционерные предприятия?

При чтении этой статьи складывается впечатление, что перед нами или человек, абсолютно непонимающий реального мира и прячущийся за рассуждениями о боге, или же человек, сознательно толкавший страну в пропасть. Поскольку в это время все

полиграфические мощности были в руках государства, то публикация статьи «Как нам обустроить Россию» представляла собою спланированную и профинансированную правительством идеологическую акцию, которая должна была подготовить общественное мнение к ликвидации СССР и будущим ельцинским реформам. Если сопоставить программу обустройства России, предложенную А. И. Солженицыным с программой межрегиональной группы, нетрудно заметить, что многие ее положения полностью совпадали. В частности, именно в это время идею создания Союза четырех республик

(Белоруссия, Казахстан, Россия, Украина) предлагал один из ее лидеров, ставший затем президентом Российской Федерации Б. Н. Ельцин (13). Получается, что А. И. Солженицын выступал в качестве рупора тех самых сил, которые стояли за спиной Б. Н. Ельцина. Таким образом «авторитарист» А. И. Солженицын встал в один строй с наиболее радикально настроенными «плюралистами» для достижения общей цели — не только уничтожения советского политического режима, именуемого им коммунистическим, но и ликвидации советской «империи».

Солженицынская статья положила начало открытой дискуссии вокруг вопроса о будущей судьбе Советского Союза. А 17 марта 1991 г. он был вынесен на общенародный референдум. Сколько усилий потратили наши «демократы» как на советские, так и американские деньги, чтобы народ высказался за ликвидацию СССР, однако добиться этого не удалось, большинство советских людей изъявило желание сохранить союзное государство (14).

Оглушительная неудача

На протяжении всей

«перестройки» советское
руководство, возглавляемое
М. С. Горбачевым и Н. И. Рыжковым,
пользовалось щедрыми
иностранными кредитами, которыми
оплачивалась их разрушительная
политика. В результате за шесть лет
(1985–1991) внешний долг
Советского Союза увеличился с 28 до
95 млрд дол. (1). Заманив таким
образом советское государство в
долговую ловушку, иностранные
кредиторы как опытные ростовщики
отказали в очередном займе, а речь
шла ни более ни менее как о 30 млрд
дол. (2). Страна оказалась на пороге
финансового банкротства.

8 июня были распущены Совет

экономической взаимопомощи и Организация варшавского договора. 1 июля появился закон Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий (3). 19–21 августа последовали события, которые принято называть путчем, но которые в действительности представляли собою государственный переворот. В результате этого переворота реальная власть в Москве, а затем и в стране перешла в руки президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина (4).

Как встретил это событие А. И. Солженицын?

Вскоре после 19 августа 1991 г.

он дал интервью Эн-Би-Си, в котором «выразил свою поддержку переходу к свободной рыночной экономике в Советском Союзе» (5). Более того, он назвал августовские события *«великой Преображенской революцией»* (6) и 30 августа направил Б. А. Ельцыну поздравительное письмо, в котором писал: «Горжусь, что русские люди нашли в себе силу отбросить самый вцепчивый и долголетний тоталитарный режим на Земле. Только теперь, а не шесть лет назад, начинается подлинное освобождение и нашего народа и, по быстрому раскату, — окраинных республик» (7).

Так Александр Исаевич приветствовал не только начавшийся переход власти к политической группировке, представляемой Б. Н. Ельцину, не только роспуск ЦК КПСС, не только запрещение некоторых центральных газет, но и первые симптомы грядущего распада СССР.

17 сентября 1991 г. «Российская газета» сообщила, что теперь А. И. Солженицын готов вернуться на родину — единственное препятствие — не снятое обвинение в измене родине (8). В тот же день генеральный прокурор СССР Н. Трубин направил А. И. Солженицыну телеграмму, в

которой сообщал, что начатое против него уголовное дело, возбужденное в 1974 г., закрыто (9).

Можно было ожидать, что после этого изгнанник немедленно вернется на Родину. Однако в ответ на телеграмму генерального прокурора он заявил: вернусь, когда закончу свои «ранее начатые литературные произведения» (10).

Это была новая отговорка.

Весной 1991 г. вышли два последние тома Собрания сочинений А. И. Солженицына: девятнадцатый и двадцатый, содержащие «четвертый узел» «Красного колеса» — «Апрель семнадцатого» и краткое под названием «На обрыве

повествования» изложение остальных ненаписанных узлов: от пятого до двадцатого. (11). Главный труд всей его жизни — работа над эпопеей «Красное колесо» была завершена.

В своей книге «Портрет на фоне мифа» В. Н. Войнович приводит известный «каверзный вопрос»: «Может ли Бог создать камень, который он не сможет поднять?». Если не может создать — не всемогущ и если создать может, но не может поднять — тоже не всемогущ. «Солженицыну, — ехидно замечает В. Н. Войнович, — такой камень создать удалось». Это знаменитое «Красное колесо» (12).

С тех пор, как в «Красном колесе» была поставлена последняя точка, прошло около пятнадцати лет. За это время можно было бы «навязать» еще много «узлов», но А. И. Солженицын бросил это занятие, оставив свою Вавилонскую башню недостроенной. Вспоминается судьба романа А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина», который тоже был оборван на полуслове. Однако работу А. М. Горького прервала смерть. Поэтому история с «Красным колесом», скорее, напоминает судьбу романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину».

Смысл работы над «Красным

колесом» — одна из самых таинственных загадок в биографии А. И. Солженицына. Можно понять Карла Маркса, который почти всю свою жизнь посвятил написанию «Капитала» и тоже, кстати, не успел его завершить. Им двигало желание понять законы, определяющие функционирование современного общества. А что двигало А. И. Солженицыным в его работе над эпопеей? Неужели он хотел описать год за годом, месяц за месяцем, день за днем, час за часом всю историю российской революции? Но для чего? Если бы речь шла о научной хронике, это было бы понятно. Но ведь он писал

художественное произведение.

Первая проблема, с которой сталкивается читатель эпопеи — это проблема времени. Как иронично отметил один из рецензентов «Октября»: «Когда я начинал читать этот роман, была весна и листья в моем саду только зазеленели. Но когда я закрывал его последние страницы, была поздняя осень и листья в моем саду уже опали» (13). За это время он одолел только два тома из десяти.

Как в свое время трудно было встретить марксиста, который бы прочитал все четыре тома «Капитала», так сейчас трудно найти поклонника А. И. Солженицына,

прочитавшего все десять томов «Красного колеса».

Приступая к этому произведению, А. И. Солженицын собирался показать революцию как трагедию страны, символом которой и должно было быть название «Красное колесо». Однако так получилось, что этот роман стал символом трагедии А. И. Солженицына как писателя.

Если относительно таланта автора «Августа» еще можно было спорить, то художественные достоинства «Октября» уже почти никто не пытался искать и защищать. «Март» даже среди самых последовательных сторонников и

поклонников А. И. Солженицына вызвал шок.

«Красное колесо», — пишет В. Н. Войнович, — «эпопея длинная, скучная, как езда на волах по бескрайней, однообразной северокавказской степи» (14).

В любом художественном произведении стержень, который объединяет фактический материал — это главный герой, а роль пружины, которая приводит этот материал в движение, играет сюжет. Возможно существование нескольких главных героев и несколько взаимосвязанных или же параллельных сюжетных линий, которые все равно должны

представлять собою единое и неразрывное целое. В «Красном колесе», начиная с «Октября» исчезли главные герои, превратившись во второстепенных, исчез и сюжет, на смену ему пришел общий поток исторических событий, которые стали мелькать перед читателями как в калейдоскопе.

Что же касается оригинальности А. И. Солженицына как историка, то здесь мне невольно вспоминается следующий случай. Однажды на вопрос, чем сейчас занимается один из моих коллег-историков, его знакомый сказал: «Катается с важным видом по Киевской Руси на трехколесном велосипеде». Эти

слова я не раз вспоминал, читая «Красное колесо».

Солженицынская эпопея еще будет предметом специального изучения. В данном случае ограничусь только недоумением: как автору удалось осуществить то, что было сделано? Даже если бы он писал подобный роман о современных ему событиях, для этого недостаточно было бы личного опыта. А ведь «Красное колесо» — это историческая эпопея. Поэтому написанию текста должна была предшествовать длительная и кропотливая работа по сбору и обработке необходимого фактического материала.

«Сбор материалов для исторической эпопеи — пишет он сам, — работа, которой есть ли границы? Есть ли конец? Десятилетия для него и нужны, не меньше. А сбор народного типажа — фотографии, рисунки, или словесные описания наружностей, одежд, манеры держаться, говорить — солдат, крестьян, фабричных рабочих, офицеров, штатских интеллигентов, священства. По долгим поискам, случайным крохам накапливается, накапливается — чтоб, например, единожды изобразить живое, шумное многосолдатское собрание. Объем *заготовленного*, изученного материала относится к

объему окончательного авторского текста иногда *стократно*, а уж *двадцатикратно* — запросто и сплошь» (15).

Как правильно сказано. С учетом этого попробуем представить, какая же титаническая работа требовалась для написания «Красного колеса»: «Август» — 1013 стр. (16), «Октябрь» — 1181 стр. (17), «Март» — 2898 стр. (18). «Апрель» — 1161 стр. (19), итого — 6253 типографских страниц. Возьмем соотношение художественного текста и «заготовленного, изученного материала» как 1 к 20. В таком случае для написания 6250 страниц

требовалось не менее 125000 страниц «заготовленного, изученного материала». Но это — тот материал, который требовалось собрать, как отмечает сам автор эпопеи, по «случайным крохам». Сколько же нужно было тогда перелопатить источников, чтобы по «случайным крохам» отобрать материал в 125 тыс. страниц? Точного ответа на этот вопрос у нас нет, но, как совершенно правильно утверждает сам автор: «Десятилетия для него и нужны, не меньше» (20). Десятилетия.

С учетом этого А. И. Солженицын пытается создать впечатление, будто бы он работал над

романом почти всю жизнь, с 1936 по 1991 г. — 55 лет. Однако за 1936–1941 гг. им были сделаны наброски, составившие лишь «две тетрадоочки» (21). В 1941–1945 гг. от романа его отвлекла война, в 1946–1956 — ГУЛАГ и ссылка. Но и после освобождения он вернулся к замыслу романа только в 1963 г., а начал его писать еще позже, лишь весной 1969 г. Между тем в 1989 г. работа над эпопеей в основном была завершена. Поэтому в действительности она продолжалась не 55, а около 20 лет. Это вынужден признать и сам Александр Исаевич. «Я очень долго работал над эпопеей „Красное колесо“, сам замысел я

носил 54 года, над ним работал *непрерывно 20 лет*» (22).

Так ли уж непрерывно? Ведь с 1969 по 1989 гг. был завершен «Теленок», написано «Зернышко», созданы нелитературные воспоминания, накопилось три тома публицистики, был доработан «Архипелаг», издано 10 томов собрания сочинений. Неужели все это делал за Александра Исаевича кто-то другой? А ведь были дни, недели и даже месяцы, когда просто не писалось или же отвлекали совершенно другие дела (Нобелевская премия, РОФ, судебные тяжбы, библиотека воспоминаний, поездки, переписка и так далее).

Вспомним, что за «Август» А. И. Солженицын взялся только летом 1969 г., а уже осенью оказался перед лицом творческого кризиса, что осенью 1970 г. от романа его отвлекала Нобелевская премия, что почти половина 1971 г. ушла на посторонние дела и болезнь, что в конце 1971, начале 1972 г. его опять отвлекала премия, что в 1973–1976 гг. работа над эпопеей вообще почти прекратилась и так далее. Поэтому на протяжении 1969–1989 гг. А. И. Солженицын непосредственно занимался эпопеей максимум 10 лет.

И за это время ему удалось не только написать 6250 страниц, но и

«по случайным крохам» собрать необходимый фактический материал. Объем которого превышал 125 тысяч страниц, что дает не менее тысячи страниц в месяц.

Это уже не крохи. Это лавина.

А ведь этот материал нужно было найти, тем или иным способом скопировать или сделать выписки, прочитать, осмыслить, найти ему место в эпосе и переплавить в художественный текст.

Как считали некоторые журналисты, для такой работы нужны были усилия целого института. Это признавал и сам А. И. Солженицын: «Мы рассчитывали с женой, что нам

нужно было бы 11 или 12 сотрудников. Но мы работаем вдвоем. Таким образом, я — писатель, она — институт» (23). Затем, когда этот ответ стал вызывать иронию, Александр Исаевич вынужден был признать, что имеет, кроме жены, и других «помощников» (24). Но кто именно помогал ему и насколько велика была их роль, об этом Александр Исаевич скромно умалчивает.

Как тут не вспомнить версию профессора Н. Ульянова?

Но некоторые фамилии нам все-таки известны. Вот признание самого А. И. Солженицына: «... Гувёр... слал мне ксерокопии

материалов чуть не пудами, а стараниями Е. А. Пашкиной еще добавились и микрофильмы всех петербургских газет революции» (25).

Вскользь Александр Исаевич упоминает еще одного помощника: «Есть еще у нас близкий, сочувственный автор — Александр Серебренников, в Нью-Джерси... оказался полезным мне в сотрудничестве для Красного колеса: добывал редкие издания и еще более редкие, недоступные сведения» (26). Саша Серебренников — писал В. Аллой, — друг Штейнов — это «мой приятель еще по римским временам, историк и архивист», —

«денно и ночью пахавший на Солженицына, накачивая фактами его колеса» (27).

А вот свидетельство В. Е. Максимова о заместителе главного редактора «Нового русского слова» Юрии Сергеевиче Сречинском, который умер в Нью-Йорке 23 февраля 1976 г. (28): «После появления Солженицына на Западе он оказался среди его самых преданных и последовательных поклонников. Откликнувшись на публичный призыв писателя, Сречинский собирал для него исторические документы, мемуары, письменные свидетельства, регулярно снабжал его информацией,

необходимой романисту в его работе над „Красным колесом“» (29).

Обозревая литературное творчество А. И. Солженицына, прежде всего приходится констатировать, что пока нам неизвестны ни его довоенные произведения, ни его рассказы военного времени. Однако сам он был невысокого мнения о них и считал, что серьезно стал писать только в 1948 г., т. е. когда ему было уже около тридцати лет.

В это время, как мы знаем, он писал оставшуюся неоконченной повесть о войне и автобиографическую поэму «Дороженька». Что касается повести

— это скорее очерки, чем художественное произведение, а поэма написана такими стихами, которые в лучшем случае можно назвать посредственными. Затем А. И. Солженицын обратился к пьесам, но ни одна из четырех написанных им пьес не может быть названа даже посредственной. Написать пьесу, в которой было бы около ста действующих лиц («Республика труда»), значит, ничего не понимать не только в сценическом искусстве, но и в литературе. Не зря А. Т. Твардовский, ознакомившись с ней и отметив чрезмерное обилие героев, ограничился только одной фразой:

«Вижу дело фуюво» (30). Поражает и опубликованный текст «Пленников». Пьеса состоит из десяти картин, из которых первые две и последняя написаны в стихах, если конечно это можно назвать таковыми, а остальные семь в прозе (31). Представьте. На сцену выходят герои, два действия подряд изъясняются высоким штилем, затем переходят на прозу, а завершают опять стихами.

Таким образом, приходится констатировать, что к лету 1955 г., когда А. И. Солженицыну шел уже 37-й год, он как писатель еще ничего собою не представлял. В связи с этим возникает вопрос: как автор посредственных стихов 1946–1953 гг.

и бездарных пьес 1948–1954 гг. мог стать автором неплохой прозы 1955–1971 гг.?

А далее мы видим, как в его литературном творчестве беллетриста вытесняет публицист. Получается, что беллетрист остался в СССР, а за границу был выслан публицист. Считая «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор» выдающимися литературными произведениями, М. Розанова писала: «В какую-то минуту я даже заподозрила, что лучшие вещи — „Один день“ и „Матренин двор“ — были хорошо отредактированы в „Новом мире“, где текстами занималась замечательный редактор

Ася Берзер. Может, это ее работа, я не знаю. Но не могу поверить, что „Матренин двор“ и „Красное колесо“ написала одна рука»^[48] (32).

В связи с этим, как утверждает М. В. Розанова, появилась шутка, что КГБ выслало за границу совсем другого А. И. Солженицына. «В нашем доме даже шутили — а не пора ли организовать Общество защиты Солженицына, не пора ли предъявить счет КГБ: „Братцы, вы прислали нам не того, отдайте нам настоящего“» (33).

Как бы там ни было, в 1991 г. дело всей жизни А. И. Солженицына было завершено. «Красное колесо» покатилося к читателям. Можно

было собирать вещи и возвращаться домой.

Однако домой Александр Исаевич не спешил.

«А он все не едет...»

8 декабря 1991 г. то, чего А. И. Солженицын ждал еще в середине 60-х гг., свершилось. Б. Н. Ельцын вместе с президентами Белоруссии С. Шушкевичем и Украины Л. Кравчуком вопреки воле советского народа, продемонстрированной на мартовском референдуме, подписал печально знаменитое «Беловежское

соглашение», после ратификации которого Советский Союз исчез с карты мира (1). Причем, как выясняется, проект этого соглашения был подготовлен еще в 1990 г., когда Б. Н. Ельцын выступал за союз четырех республик (2).

Итак, главное, с чего А. И. Солженицын предлагал начать обустройство России было сделано. 2 января 1992 г. началась так называемая шоковая терапия. Она включала в себя невиданную до этого по масштабам денежную эмиссию, неизбежно связанное с этим обесценивание рубля и взвинчивание цен, а также снижение ввозных таможенных пошлин, за которым

последовало наводнение внутреннего рынка иностранными товарами, ликвидацию прежних ограничений для хождения и обмена иностранной валюты и т. д. По существу началась экономическая интервенция, которая поставила отечественную промышленность и сельское хозяйство на грань банкротства и отбросила подавляющее большинство населения за черту бедности. Следствием этого стало сокращение численности населения и культурная деградация общества (3).

Ничто не мешало А. И. Солженицыну бросить все и поспешить на Родину, но он

предпочитал наблюдать за этим погружением в бездну со стороны. Может быть, он не знал о том, что происходило в его стране? Нет, он все отлично знал и понимал, что шоковая терапия, осуществлялась по зарубежным рецептам, под диктовку Международного валютного фонда (4).

Ельцынские реформы ударили и по Александру Исаевичу. Дело в том, что публикация его произведений в 1989–1991 гг. миллионными тиражами предполагала поток гонораров, которые В. М. Борисов должен был сконцентрировать на одном или нескольких банковских счетах. Уже в 1991 г. стало очевидно,

что в самое ближайшее время эти деньги превратятся в пыль. И действительно только за один 1992 г. официально рубль обесценился в 25 раз, в дальнейшем этот процесс продолжался.

В таких условиях судьба солженицынских гонораров во многом зависела от предприимчивости В. М. Борисова. По некоторым данным, сам он в коммерческом отношении был малоопытен, поэтому денежными делами Литературного представительства писателя занимался Сергей Дубов. Как именно он вышел из положения, мы не знаем, но судя по некоторым

данным, уже в начале 1992 г. след солженицынских денег стал теряться. Александр Исаевич забил тревогу (5). В. М. Борисов был отстранен от руководства Литературным представительством, его место занял некто Михаил Тимофеевич Работягин (6).

В мае 1992 г. в Москву отправилась Наталья Дмитриевна (7). Одна из важнейших целей ее поездки заключалась в том, чтобы подготовить условия переезда из Кавендиша в Москву. В то же время она должна была обеспечить легализацию РОФ, а также произвести ревизию Литературного представительства

А. И. Солженицына. К ее приезду руководителем РОФ, резиденция которого размещалась в Музее М. Цветаевой, стала Н. Г. Левитская, секретарем — Мунара Уразова (8). Наталья Дмитриевна изъявила желание ознакомиться с финансами фонда и получить представление о тех гонорарах, которые должны были накопиться от издания произведений А. И. Солженицына в 1989–1992 гг. Однако, по свидетельству очевидцев, В. М. Борисов был неуловим (9). Прошло некоторое время и при не до конца выясненных обстоятельствах он погиб, незадолго перед этим был убит С. Дубов (10).

Осенью 1992 г. началась

приватизация, которая проводилась с грубейшими нарушениями законов, причем государственная собственность продавалась без аукционов и по остаточной стоимости. Это было редкое по своей вероломности и циничности расхищение созданного не одним поколением советских людей национального богатства (11). Свою долю получил и наш праведник. Весной 1993 г. правительство Москвы выделило ему четыре гектара земли и не где-нибудь, а на окраине Москвы (Троице-Лыково) (12).

Страна погружалась в пучину кризиса, а он спокойно наблюдал за

ним из своего американского далека. Было бы интересно узнать, какие такие великие дела удерживали его вдали от родины на протяжении более двух с половиной лет после августовских событий 1991 г.?

Осенью 1993 г.

А. И. Солженицын отправился в Западную Европу с прощальным визитом. К сожалению, пока мы можем судить об этом путешествии только по его публичным выступлениям. 13 сентября он дал интервью швейцарскому еженедельнику «Вельвохе» (13). 14 сентября выступил в Лихтенштейне в Международной академии философии с речью «На пороге

нового тысячелетия» (14). 16 сентября состоялось его интервью со Стигом Фредриксоном для шведского телевидения (15). Не ранее 16 — не позднее 17 сентября Александр Исаевич из Швейцарии уехал во Францию (16) и здесь 17-го принял участие в телевизионной передаче Бернарда Пиво «Культурный бульон» (17), 19-го дал интервью газете «Фигаро» (18).

24-го из Парижа А. И. Солженицын вместе с женой отправился в Вандею, где присутствовал и выступал на торжествах, посвященных открытию памятника, посвященного знаменитому Вандейскому

восстанию времени Французской революции (19). Эта поездка шокировала некоторых его французских поклонников левой ориентации. Посетив Вандею, Александр Исаевич не только продемонстрировал свое отношение к контрреволюции, он и получил от этого некоторые материальные выгоды. Здесь были произведены сборы для РОФ, которые составили 350 тыс. франков (20).

А пока Александр Исаевич путешествовал по Европе (21), борьба среди реформаторов и приватизаторов в России достигла критического предела. 21 сентября Б. Н. Ельцын распустил Верховный

Совет Российской Федерации. Имел ли он на это конституционное право? Нет. Прекратить полномочия Верховного Совета мог только Съезд народных депутатов Российской Федерации.

Имел ли право Верховный Совет РФ не подчиниться этому решению? Да. Более того, согласно конституции, он обязан был поставить вопрос об отстранении Б. Н. Ельцина от власти и привлечении его к ответственности как государственного преступника. Но когда Верховный Совет отказался исполнять указ Б. Н. Ельцина о роспуске и сделал попытку отстранить его от власти, против

него были брошены танки, а здание Белого дома, где он размещался, подвергнуто обстрелу из орудий. Произошел государственный переворот.

На удивление демократический Запад не только не выразил возмущения по этому поводу, но и продемонстрировал полное одобрение таких действий. Вот вам и цена демократии.

Как же в этих условиях вел себя борец против насилия и тоталитаризма?

Не ранее 8 — не позднее 21 октября А. И. Солженицын снова приехал в Швейцарию и здесь 21 октября перед отлетом в Кавендиш

дал интервью для российских телезрителей (22).

Первый вопрос, который был задан ему: «...что вы думаете о событиях начала октября в Москве?». Вот его ответ, который тогда же был опубликован на страницах газеты «Русская мысль» и вот в каком виде он перепечатал его в третьем томе своей «Публицистики»:

Русская мысль

«События	3—4
октября —	совершенно
неизбежный	и
закономерный	этап
нашем	мучительном
	и

столкновение двух властей
— совершенно неизбежный
и закономерный этап в
мучительном и долгом
пути освобождения от
коммунизма» (Т.З.
Ярославль. 1997. С.463).

Тогда по горячим следам
А. И. Солженицын счел
необходимым одобрить не только
ропуск Верховного Совета
Российской Федерации, но и обстрел
Белого дома, назвав эти события
«неизбежными и закономерными» и
выразив надежду, что теперь жить
станет лучше. Через четыре года,

устыдившись этого, он предпочел заменить кровавые события 3—4 октября на столкновение двух властей (поди разберись, что это такое) и поставил крест на своих надеждах.

Едва отгремели залпы у Белого дома, подошло 75-летие А. И. Солженицына. К этому времени он вернулся в Кавендиш и здесь получил приветственное поздравление от Б. Н. Ельцына (23).

А на следующий день в России состоялись новые выборы в Государственную Думу и референдум по новой конституции.

Итак, Коммунистическая партия была распущена, Советский Союз

больше не существовал. Дружными усилиями партийных реформаторов, чиновников, КГБ, вышедшей из подполья криминальной буржуазии, диссидентов и заокеанских союзников советская система была уничтожена. Расхищена государственная собственность, обобраны и лишены будущего миллионы людей, преступность и коррупция приобрели такие размеры, которые до этого даже трудно было вообразить. Обустроенная подобным образом Россия, превратившаяся в полуколонию, переживала такой кризис, при котором прежние времена многим стали казаться потерянным раем.

Дело жизни было сделано.
Карфаген лежал в руинах.

Можно было возвращаться
домой.

На родное пепелище.

В разрушенном Карфагене

Изображая в романе «Москва, 2042 год» писателя Сим Симовича Карнавалова, в котором читатели сразу же узнали А. И. Солженицына, В. Н. Войнович нарисовал картину, как, оказавшись на чужбине, писатель-эмигрант обучался верховой езде. Домой он собирался вернуться на белом коне (1).

И вот наступил момент, когда Сим Симыч мог отправиться на конюшню, чтобы вывести оттуда своего белого рысака и как победитель вернуться в, наконец, освобожденную Россию, освобожденную от всего: от «коммунистов», от советской власти, от имперского величия, от независимости, от скромного благополучия ее населения и даже от уверенности в будущем.

О скором возвращении изгнанника, который уже давно «рвался» домой и никак не мог позволить себе этого — удерживали пока неведомые нам дела, заранее был оповещен весь мир. Газеты,

журналы, радио и телевидение дружно кинулись обсуждать предстоящее событие. Вот заголовки только некоторых статей: «В ожидании Солженицына» (2), «Солженицын возвращается» (3), «Кого везет к нам белый конь?» (4), «Я готов отдать ему свой голос» (5), «Господин президент, к Вам едет ревизор» (6), «Уполномоченный Бога по Российской Федерации» (7).

Желая собственными глазами увидеть, как удалось «обустроить Россию», «уполномоченный Бога» и одновременно его разящий «меч», действительно решил произвести «ревизионную проверку».

27 мая 1994 г. мы узнали, что

вылетевший с членами семьи из Анкориджа на самолете «Аляска Эрлайн» писатель приземлился не в Москве, а в Магадане. (8).

Конечно же, он, бывший зэка и автор «Архипелага», должен был начать со столицы ГУЛАГа, чтобы напомнить русским людям, от чего их избавила «демократия», чтобы они могли правильно оценить те блага, которые они, наконец, получили.

В Магадане А. И. Солженицын приземлился только для того, чтобы показаться перед телекамерами. В тот же день он уже был во Владивостоке (9).

«Из своих друзей, — сообщали

«Известия», — встречать его во Владивостоке Солженицын попросил только двоих — писателя Бориса Можая и кинооператора Юрия Прокофьева^[49] (соавтора нескольких фильмов Станислава Говорухина, в том числе фильма об Александре Солженицыне)» (10). Так началось его многодневное путешествие по сибирской магистрали к Москве (11).

Для этого Александру Исаевичу и Наталье Дмитриевне вполне могло хватить одного-двух купе. Однако, как пишет Р. А. Медведев, принявшая на себя «все финансовые издержки телекорпорация Би-Би-Си» взяла «в аренду у МПС два специальных

вагона-салона — один для семьи писателя, другой для нужд операторов и редакторов корпорации». Кроме того, был заказан «спец-вагон с отдельной кухней и рестораном» (12). В. Н. Войнович утверждает, что А. И. Солженицын и его свита заняли четыре вагона (13). Добавьте к этому свыше 150 журналистов (две трети иностранных), которые прибыли во Владивосток, желая сопровождать писателя в пути и фиксировать каждый его шаг, каждый его жест, каждое слово (14), получится целый поезд, который В. Н. Войнович сравнил со знаменитым поездом Троцкого времен гражданской войны

(15).

По пути следования на железнодорожных станциях толпы народа. Каждый шаг писателя снимают британские телевизионщики, обо всех его встречах сообщает радио, об этом пишут газеты и журналы. Люди ждали от него откровений. Люди ждали от него рецептов. Услышали то, что видели вокруг себя собственными глазами. В былые времена, когда говорить правду требовалось мужество, его слова были бы встречены на ура, теперь, когда писать и говорить дозволено все, что угодно, откровения писателя никого уже тронуть не могли.

«И — в четырех вагонах, — пишет В. Н. Войнович, — через нищую Россию с пустыми речами. С трибун, где рядом плечом к плечу стояли местные сатрапы и кагэбэшники... Один остроумец сказал, что Солженицын разочаровал публику тем, что вообще говорил слова. Ему бы на станциях молча, возникая из тамбура, поднимать руку на несколько секунд, обводить народ загадочным взором и тут же, скрывшись из глаз, двигаться дальше. Тогда был бы он похож не на Троцкого, а на корейского великого чучхе Ким Чен Ира, чей приезд тем же путем через шесть лет после Солженицына парализовал все

железнодорожное движение» (16).

Однако задуманное шоу развивалось по своему сценарию. 21 июля А. И. Солженицын и его поредевшая свита, наконец, прибыли в Москву (17).

«Кто придет его слушать? — вопрошал редактор газеты «Завтра» А. Проханов, — Он не будет встречаться с коммунистами... К нему не придет партия Гайдара... Он будет искать поддержки националистов... Но с чем он туда придет?... У этой оппозиции появились свои лидеры, свой горький опыт, своя трагедия — трагедия октября прошлого года. Трагедия, которую Солженицын принимает. Он

оправдал расстрел у „Белого дома“...» (18).

Ряды поклонников писателя еще были велики, и на Ярославском вокзале его встречало около 20 тыс. человек во главе с членом Клуба Ротари мэром города Ю. М. Лужковым (19).

К этому событию была приурочена публикация в июльском номере «Нового мира» солженицынской статьи «Русский вопрос к концу XX в.». В ней А. И. Солженицын сделал попытку ответить на вопрос: кто виноват в переживаемой трагедии? С надеждой услышать новое слово открывали многие этот номер журнала. И что

же они узнали? Оказывается, главные виновники переживаемых бед — *это Петр I, большевики и сам русский народ*. Петр I, потому что триста лет назад нарушил естественное развитие страны и пожелал, чтобы она, преодолев свою отсталость, поднялась на уровень европейских государств как в военном, так и культурном отношении. Большевики, потому что в 1917 г. подобрали шедшую им в руки власть, сохранили Россию от распада и варварскими методами вернули ей имперское величие. А народ, потому что позволял делать все это. И хотя в своей статье А. И. Солженицын отмечал, что Западу не нужна

сильная и здоровая Россия, но пытался уверить читателя, что к нашей трагедии он не имеет никакого отношения. Где же выход из создавшегося положения? Путь, по мнению писателя, только один — самоограничение и нравственное совершенствование (20).

Обвинять обманутых и обобранных людей в том, что во всем случившемся виноваты они сами да их прошлое — верх непорядочности. Еще более непорядочно призывать этих людей не к борьбе с нечеловеческими условиями, в которых они оказались, не к борьбе с теми, кто несет ответственность за их страдания, а к самоограничению.

Это очень напоминает прежние рассуждения нашего праведника о свободе внешней и внутренней, согласно которым человек может ощущать себя свободным даже в тюрьме, главное не замечать решеток на окнах и в надзирателях видеть братьев.

Можно было бы ожидать, что указав своим соотечественникам тот путь, по которому они должны двигаться дальше, сторонник морального совершенствования подаст пример самоограничения, однако он уединился на своей скромной трехэтажной вилле, снова за высоким забором и среди подобных вилл таких же, как он,

сторонников самоограничения и нравственного совершенствования.

Проведя некоторое время в Москве, А. И. Солженицын уже в августе отправился в новое путешествие: посетил Рязань, Георгиевск, Кисловодск, Ростов-на-Дону (21). 20 сентября выступил в ростовском университете (22). В конце месяца совершил еще одну небольшую поездку — в деревню Мильцево Владимирской области (23).

Вернувшись в середине октября в Москву, писатель начал готовиться к выступлению в Государственной думе (24), которое состоялось 28 октября. Здесь, вероятно, забыв, что

Государственная дума это не очередная железнодорожная станция, он в расширенном варианте повторил то, что уже говорил четвертый месяц подряд. Выступление прошло весьма скромно (25).

Депутат И. Дедков записал в своем дневнике: «Могли бы ведь и встать, подумал я, когда Солженицын поднимался на трибуну Государственной думы... Могли бы и встретить его приветственной речью председателя Думы. Встречали жидкими аплодисментами, слушали с кислыми лицами и проводили теми же жидкими хлопками» (26).

16 ноября 1994 г. Александр Исаевич встретился с президентом

страны Борисом Николаевичем Ельцыным. О содержании их беседы ничего не известно, известно лишь, что «они проговорили четыре часа и даже выпили вместе водки» (27).

Еще в сентябре Александр Исаевич был приглашен на телевидение и по возвращении из своих поездок получил возможность регулярно выходить в телеэфир (28). И несколько месяцев подряд раз в неделю начал вещать на всю Россию, а газеты кинулись комментировать его выступления. Получилось так, как если бы голодного человека вдруг стали кормить деликатесной селедкой, да каждый день, да на дню по три раза, да от случая к случаю

забывая подавать хотя бы хлеб и воду. И так накормили изголодавшихся, что уже к началу следующего года даже у некоторых поклонников Великого писателя земли русской при одном упоминании его фамилии рука невольно тянулась переключить телевизор.

«С весны 1995 года, — пишет Р. А. Медведев, — передачи Солженицына уже никто не комментировал и почти никто не смотрел» (29). Появились иронические и критические отклики в печати. «Подобные отклики позволили руководству ОРТ прекратить выступления Солженицына уже на два-три месяца

вперед», осенью 1995 г. (30).

Между тем началась предвыборная кампания. Стране предстояло выбрать нового президента. Многие поклонники А. И. Солженицына ждали его слова, однако он хранил молчание и только в начале 1996 г. дал небольшое интервью «Аргументам и фактам», в котором на вопрос о Б. Н. Ельцыне заявил: «Я знаю, что истинную оценку политическим деятелям можно дать только тогда, когда обнаружатся все скрытые от глаз обстоятельства. Лишь через полвека я добрался до истинной сути и психологии деятелей 1917 года — и написал эпопею „Красное колесо“. Я

думаю: пройдет время, и другой русский писатель, хорошо ознакомясь со всеми тайнами десятилетия 1985–1995 годов, напишет о нем другую эпопею — „Желтое колесо“» (31).

После этого Александр Исаевич снова замолчал. Между тем первая половина 1996 г. характеризовалась предвыборной ожесточенной борьбой, в которой столкнулись две главные силы: «демократы» во главе с Б. Н. Ельцыным и «коммунисты» во главе с Г. Н. Зюгановым. Как известно, в первом туре ни один из них не набрал необходимой половины голосов. «На протяжении всей избирательной кампании, —

пишет о А. И. Солженицыне Р. А. Медведев, — он не критиковал Ельцина, но и не высказывался в его пользу. Перед вторым туром Солженицын не слишком внятно, но призвал все же избирателей голосовать сразу против двух кандидатов» (32).

Как известно, во втором туре победил Б. Н. Ельцин. 9 августа 1996 г. состоялась его инаугурация. Несмотря на обилие приглашенных, журналисты обратили внимание, что среди них не было двух лауреатов Нобелевской премии: М. С. Горбачева и А. И. Солженицына (33).

Вероятно, в следующем 1997 г.

А. И. Солженицына стали бы уже забывать. Но в мае после очередных выборов в Российской Академии наук мы вдруг увидели его фамилию среди фамилий академиков по Отделению языка и литературы (34). Это избрание поразило многих прежде всего потому, что новый академик не был ни членом-корреспондентом Академии наук, ни доктором, ни кандидатом наук, вообще не имел научных трудов. А впрочем стоит ли удивляться. Римский император Калигула назначил в Сенат свою лошадь.

«С весны 1998 года, — пишет Р. А. Медведев, — А. И. Солженицын возобновил свои поездки по

российской провинции. Он провел больше двух недель в Калужской области, посетив здесь не только Обнинск, но и такие старинные русские города, как Малоярославец, Боровск, Балабаново, Медынь, Мосальск, Мещерск, Юхнов, Козельск» (35).

В июне 1898 года вышла в свет новая книга А. И. Солженицына «Россия в обвале», которая рисовала мрачную картину России под управлением «демократов» (36). Книга была издана довольно скромным тиражом и названа кем-то из ее критиков «Словом о гибели земли русской» (37). Много в этой книге справедливого. Однако негодую

по поводу бед, обрушившихся на Россию, автор почему-то винил в них только «бояр» и не бросал даже тени на «царя Бориса».

Едва только этот труд нового академика появилась на прилавках, как разразился скандал. Главный редактор журнала «Молодая гвардия» А. А. Кротов дал интервью газете «Русский вестник», которое было опубликовано под названием «Что позаимствовал А. И. Солженицын из „Русской смуты“». В этом интервью А. А. Кротов заявил, что книга Александра Исаевича «Россия в обвале» представляет собою ничто иное как пересказ его очерков, публиковавшихся на страницах

«Молодой гвардии» под названием «Русская смута» (38).

А. И. Солженицын никак не отреагировал на это интервью, тем самым признав справедливость высказанного обвинения. Но я готов взять академика под защиту. Скорее всего, в этом виноват не он сам, а его помощники. Главное же, на мой взгляд, в этой истории заключается в другом. С одной стороны, она лишний раз подтверждает эпигонство нашего мыслителя, с другой стороны, свидетельствует об определенном родстве душ между ним и попираемой им «Молодой гвардией». Не так ли было с «образованщиной», по сути дела

представляющей собой
перелицованное лобановское
«просвещенное мещанство»?

Однако несмотря на сходство между книгой А. И. Солженицына и очерками А. М. Кротова, нетрудно заметить тот водораздел, который разделяет их авторов. Если для А. А. Кротова одна из важнейших причин переживаемой нами трагедии — это вмешательство в наши дела внешних сил (по-маркистски, иностранного капитала), то А. И. Солженицын все сводит к нашему собственному несовершенству и дурному историческому наследству.

Но, может быть, в самом деле,

никто кроме нас, в наших бедах действительно не виноват? Послушаем на этот счет мнение совершенно постороннего человека.

Вот что сказал 25 октября 1995 г. на закрытом Совещании Объединенного комитета начальников штабов США тогдашний американский президент Билл Клинтон: «...Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами *курса на устранение* одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность

Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, *мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы.* Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство... Расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америки» (39).

Далее им были названы очередные задачи американской власти: «окончательный развал ВПК

России и армии» и «расчленение России на мелкие государства» (40).

Осенью 1998 г. Александр Исаевич начал печатать продолжение своих литературных воспоминаний «Угодило зернышко промеж двух жерновов» (41). Их появление в печати было явно приурочено к приближающемуся юбилею писателя.

11 декабря писателю исполнилось 80-лет. Этот день был отмечен в нашей стране более широко, чем его 75-летие. Не остался в стороне и президент, который пожаловал его орденом Андрея Первозванного. Однако Александр Исаевич принять эту награду

отказался (43).

После этого он уже никуда не ездил, редко появлялся на публике, говорили, что «он нездоров» (44). О своем существовании он напоминал продолжавшим печататься в 1998–2001 гг. «Зернышком», своими литературными заметками, «двухчасовыми рассказами» и даже «односуточной повестью» (45). Однако за этими шедеврами никто не стоял в очереди. Они не только не вызвали споров в печати, в аудиториях и на кухнях, но и не позволили увеличить тираж «Нового мира».

«...весной 2000 года, — пишет Р. А. Медведев, — Александр

Исаевич прервал долгое молчание. Только в первой половине мая он дал два больших телевизионных интервью на НТВ, а затем при большом стечении публики и корреспондентов встретился с читателями и работниками Российской государственной библиотеки» (46).

И раздалась резкая и непримиримая критика Б. Н. Ельцына: «В результате ельцинской эры разгромлены все основные направления нашей государственной, народохозяйственной, культурной и нравственной жизни». И далее: «Снятие с Ельцина ответственности

я считаю позорным. И Ельцин, и еще сотня-другая с ним должны отвечать перед судом» (47).

Вот она гражданская смелость. Наконец-то, проснулась.

Правда, к этому времени Борис Николаевич уже стал пенсионером, а в его кресле восседал другой президент.

То ли опасаясь, что Александр Исаевич потребует привлечь к суду и его, то ли не желая, чтобы он заклеил его своим молчанием, 20 сентября 2000 г. новый президент Владимир Владимирович Путин посетил в Троице-Лыково уединившегося там от мирской суеты писателя. Узнав от него, что в

истории дореволюционной России было только две заслуживающих внимания исторических личности: П. А. Столыпин и А. В. Колчак, президент получил заверения, что писатель еще порадует его своими литературными трудами (48).

Опять евреи

Ждать пришлось недолго.

В 2001–2002 гг. появился новый двухтомный труд писателя «Двести лет вместе», посвященный взаимоотношениям русского и еврейского народов (1).

Объясняя свое обращение к этой

теме, А. И. Солженицын пишет, что стремился дать «такой показ или освещение взаимной нашей истории, который встретил бы понимание с обеих сторон» (2). Провозглашая своей целью желание примирить два народа, А. И. Солженицын способствовал лишь обострению отношений между ними.

Как уже было отмечено в печати, «в общем получается так, что, осуждая русскую сторону, Солженицын ее, тем не менее, оправдывает. Вместе с тем, сочувствуя евреям, он их, тем не менее, осуждает. Декларированная идея обоюдной ответственности русских и евреев в конечном итоге

сводится к рассказу о еврейской истеричности и неблагодарности по отношению к стране, которая так много этим евреям дала» (3).

Хотя четко сформулированная авторская позиция в книге отсутствует, нетрудно заметить, что, обращая внимание на особую роль евреев в революционном движении (это хотя и не доказано, но очень похоже на правду), автор стремится показать, что антиеврейские ограничения, которые обычно рассматриваются как одна из пружин революционной активности евреев, во-первых, были не так уж значительны, как представляется, во-вторых, постепенно сокращались или

же вообще ликвидировались, а в третьих, чаще всего существовали только на бумаге.

Но если участие евреев в революции не было связано с антиеврейской политикой правительства, что же питало их революционную активность? Уж не стремление ли занять в стране господствующее положение? Ответ на эти вопросы автор не дает, но во второй книге показывается, что в результате революции евреи оказались на всех этажах власти, а в самых ответственных учреждениях играли даже решающую роль.

В связи с этим никак нельзя обойти стороной появившуюся в

2000 г. книгу в ярко-желтой обложке, на титульном листе которой значится: «Александр Солженицын. Евреи в СССР и в будущей России. Анатолий Сидорченко. Soli deo Gloria. Тиходонская трагедия писателя Федора Крюкова». (Славянск, 2000). Несмотря на совершенно разную тематику оказавшихся под одной обложкой произведений, их объединяет одно — антисемитизм: в первом случае стыдливый, во втором — откровенный.

Касаясь этой публикации, А. И. Солженицын в своем интервью газете «Московские новости» заявил: «Это хулиганская выходка

психически больного человека. В свою пакостную желтую книжицу он рядом с собственными окололитературными упражнениями вlepил опус под моим именем. Ситуация настолько вываливается за пределы цивилизационного поля, что исключается какой бы то ни было комментарий, а от судебной ответственности этого субъекта спасает только инвалидность» (4).

Реакция весьма двусмысленная. С одной стороны, Александр Исаевич осудил названную публикацию и даже отмежевался от нее, но с другой — не отказался от авторства опубликованной под его фамилией статьи.

Прошло совсем немного времени, и появилось интервью с Н. А. Решетовской, в котором она заявила: «...идея книги возникла у Александра Исаевича еще в 60-х годах. Тогда мы активно общались с семьей профессора Николая Кобозева, жена которого Эсфирь Ефимовна — еврейка. В огромной библиотеке профессора, где любил проводить время Солженицын, существенная часть книг была посвящена еврейским вопросам» (5).

А далее, как утверждала Н. А. Решетовская, «где-то в конце 80-начале 90-х годов» сын Н. И. Кобозева Алексей предложил ей купить сохранившуюся у него

рукопись статьи А. И. Солженицына о евреях. «Я, — читаем мы в интервью Натальи Алексеевны, — даже не знала о ее существовании, но, конечно, выкупила рукопись... за достаточно большую сумму и отдала на хранение в Пушкинский дом в отдел секретных рукописей» (6). «... это состоящее из нескольких десятков страниц научное исследование», по ее словам, и «разросло до двух томов „Двести лет вместе“» (7).

Тем самым Наталья Алексеевна признала, что специальная статья А. И. Солженицына по еврейскому вопросу все-таки существовала. Открытым оставался лишь вопрос: ее

ли опубликовал А. И. Сидорченко? Ответ на этот вопрос дал сам Александр Исаевич изданием второго тома своей книги «Двести лет вместе». Как уже отмечено в печати, между этим томом и статьей «Евреи в СССР и в будущей России» имеется целый ряд текстуальных совпадений, а глава о лагерях вошла в книгу почти полностью. Вот только одно сопоставление (текстуальные расхождения выделены жирным шрифтом):

Евреи в СССР и будущей России

Если б я там не
побывал — не написать бы

мне этой *главы (как и всех моих книг)*. До лагерей и я так думал: наций не надо замечать, никаких наций вообще нет, есть человечество. *До лагерей я был интернационалистом — энергично наивным, неистовым.* А в лагерях присылаешься и узнаешь: если у тебя удачная нация — ты счастливчик, ты обеспечен, ты выжил. Если общая нация — не обижайся. Ибо национальность — едва ли не главный признак, по которому зэки отбираются

в спасительный корпус
придурков (С.45).

Двести лет вместе

Если б я там не
побывал — не написать бы
мне этой главы. До лагерей
и я так думал: наций не
надо замечать, никаких
наций вообще нет, есть
человечество. А в лагерях
присылаешься и узнаешь:
если у тебя удачная нация
— ты счастливчик, ты
обеспечен, ты выжил. Если
общая нация — не
обижайся. Ибо

национальность — едва ли не главный признак, по которому зэки отбираются в спасительный корпус придурков (Т.2. С.330).

После этого все сомнения относительно авторства статьи «Евреи в СССР и в будущей России» рассеялись. В связи с этим в феврале 2003 г. главный редактор газеты «Еврейские новости» Н. Попирный обратился к А. И. Солженицыну с открытым письмом, предлагая ему дать разъяснения (8). С тех пор прошло уже много времени, но Александр Исаевич хранит

молчание. Да, и что тут скажешь. [\[50\]](#)

С изданием книги «Двести лет вместе» была поставлена последняя точка в затянувшемся споре об отношении великого гуманиста к евреям. На память невольно приходит знаменитый Альхен — голубой жулик, который воровал и стыдился, стыдился и все равно воровал.

А ведь все началось гораздо раньше, еще тогда, когда А. И. Солженицын написал «Республику труда» и наделил самого отрицательного героя еврейской фамилией. И хотя он уверял потом, что взял этот образ из жизни, такое объяснение никак

нельзя признать серьезным. Ведь он же писал не историю конкретного лагеря. Затем появился роман «В круге первом», в котором некоторые читатели тоже увидели элементы скрытого антисемитизма (9).

Видимо, желая, чтобы его правильно поняли, в 1966 г. Александр Исаевич открыто встал на защиту евреев и в очерке «Пасхальный крестный ход» написал: «Евреев мы все ругаем, евреи нам бесперечь мешают, а оглянуться б добро: каких мы русских тем временем вырастили? Оглянешься — остолбенеешь» (10). Вот, ведь, как: евреев ругаем, а сами не лучше. Одно утешает, евреи

евреями были всегда, а русских, от которых «столбенеешь», вырастили недавно, «тем временем». Значит, когда-то мы были не как евреи, все-таки лучше.

А вот возмущенные слова Александра Исаевича по поводу реконструкции Москвы из «Письма к вождям»:

Окончательный вариант

«Мы сделали все
наоборот:
измерзопакостили широкие
русские пространства и
обезобразили сердце
России, дорогую нашу

Москву: какая *ошалелая*
несыновья рука разорвала
бульвары, так что нельзя
уже ими пройти, не ныряя
в унижительные каменные
тонели? Какой *злой чужой*
вырубил Садовое кольцо,
заменил его бензино-
асфальтовой отравленной
зоной» (Публицистика. Т.1.
С.162).

Первоначальный вариант

«Мы сделали все
наоборот:
измерзопакостили широкие
русские пространства и

обезобразили сердце
России, дорогую нашу
Москву: какая *нерусская*
рука разорвала бульвары,
так что нельзя уже ими
пройти, не ныряя в
унизительные каменные
тонели? Какой *нерусский*
топор вырубил Садовое
кольцо, заменил его
бензино-асфальтовой
отравленной зоной»
(Кремлевский самосуд.
С.267).

Комментируя эти высказывания,
А. Флегон ехидно спрашивал их

автора: какие же нерусские архитекторы могли это сделать? чуваша? тунгусы? или, может быть, чукчи? (11).

Конечно, нет. Хорошо известно, что реконструкция Москвы осуществлялась под руководством Лазаря Моисеевича Кагановича, а главными его помощниками были архитекторы Н. Гинзбург и А. М. Заславский (12).

Это значит и «ошалелая несыновья рука» была еврейской, и еврейским был «злой чужой топор». Как тут не вспомнить известную частушку: «Если в кране нет воды, значит выпили жида» (13).

Но разве генеральная

реконструкция Москвы осуществлялась бы по другому, если бы ею руководил Н. С. Хрущев или какой-нибудь другой человек с русской фамилией? Тем более, что Генеральный план реконструкции Москвы был разработан под руководством русского архитектора В. Н. Семенова (14).

Полемизируя в свое время с А. Д. Сахаровым, А. И. Солженицын счел необходимым отметить, что его недавний союзник игнорирует такое важное явление как нации, которые, по его мнению, были, есть и будут, отвлекаться от них было бы ошибкой, а оправдывать их изживание — преступлением (15). Можно по-

разному оценивать подобные взгляды, но в них нет ничего предосудительного.

Предосудительный характер они начали приобретать тогда, когда Александр Исаевич счел возможным сравнить нации с людьми, что позволяет подразделить их на хорошие и плохие (16). И хотя сам А. И. Солженицын считает, что нет абсолютно плохих, и абсолютно хороших людей, и что в разные периоды жизни человек может вести себя по-разному (17), однако в жизни любого человека, что-то преобладает. А значит, у отдельных наций тоже могут преобладать положительные или отрицательные черты.

Кто же относится к хорошим нациям? Прежде всего, почему-то эстонцы (18). Но самое главное — щедрые американцы. А кто — к плохим? Ответ на этот вопрос А. И. Солженицын оставляет открытым, но мы, с его слов, уже знаем — евреи хуже русских. И не только русских, но и украинцев (19).

Не случайно, видимо, как пишет В. Н. Войнович, среди тех, кого он почитал, был В. Солоухин, а «среди особо ценимых им друзей, кому он посвятил самые высокие комплименты — Игорь Шафаревич. Не просто антисемит, а злобный. Таких называют зоологическими. Владимир Солоухин в книге,

написанной перед смертью, сожалел, что Гитлеру не удалось окончательно решить еврейский вопрос. Александр Исаевич уважал Солоухина и почтил приходом на его похороны» (20).

Что же заставило А. И. Солженицына взяться за свой труд?

Неужели евреи виноваты в тех бедах, которые мы сейчас переживаем?

Разве М. С. Горбачев — еврей? А Н. И. Рыжков? А. И. Лукьянов? А В. А. Крючков? А Б. Н. Ельцын? А Е. Т. Гайдар? А В. С. Черномырдин? И прочие, и прочие...

Я знаю, найдутся читатели, которые скажут: не евреи, но орудие

в руках евреев. И это — неправда. Неправда, хотя бы потому, что одно дело — еврейский народ, другое — еврейская буржуазия. Еврейский сам народ — заложник той борьбы, которую вела и ведет еврейская буржуазия со своими конкурентами. Когда эта борьба достигает особого накала, то жертвами ее прежде всего становятся простые евреи, не имеющие к ней никакого отношения.

Современным миром правят деньги, и хозяином общества является капитал. Он несет ответственность за все беды и преступления, которые творятся сейчас на планете. Роль евреев в сфере капитала как у нас, так и за

границей велика. Но почему на основании этого нужно осуждать весь народ. Разве все евреи — капиталисты? И какая разница для нас, являются ли нашим хозяином американский, еврейский, немецкий, русский, французский или другой капитал, если мы сами — не хозяева своей страны?

Величайшая ложь, которая распространялась в мире на протяжении многих десятилетий, будто бы главное зло на планете — это социализм или коммунизм. Почти всю свою жизнь распространению этой лжи посвятил А. И. Солженицын. Между тем идея коммунизма — это благородная, но

так и не осуществившаяся мечта, неосуществившаяся, как и мечта о демократии.

Можно ли осуждать идею демократии за то, что под ее знаменами на наших глазах собрались бесчестные, корыстные, циничные люди? Нет. Для чего же в таком случае на никогда не существовавший социализм возлагается ответственность за то, что от его имени, как сейчас от имени демократии, творились и еще творятся на земле безобразия?

Только для одного, чтобы скрыть реальные причины наших бед.

Именно такую роль — роль дымовой завесы играет и еврейский

вопрос.

Люди, называющие себя патриотами, должны понимать: патриотично только то, что в интересах Родины. А разжигание национальных страстей в многонациональной стране — не может соответствовать ее интересам.

В конце 1980-х годов в Югославии уже была разыграна национальная карта. Последствием этого стали расчленение страны и кровопролитная война, раны которой не залечены до сих пор.

В 1990–1991 гг. — политические шулеры разыграли национальную карту в нашей стране. Поднимая знамя русского патриотизма,

А. И. Солженицын принял в этой игре самое активное участие. Чем все это закончилось, хорошо известно — расчленением СССР.

Теперь кто-то пытается разыграть ту же карту внутри России. Неужели для того, чтобы добиться и ее «расчленения»? Ведь такие планы существуют: вспоминим доклад Б. Клинтона.

И снова на сцене появляется А. И. Солженицын.

А то, что его книга — это спланированная идеологическая акция, сомневаться не приходится. Сейчас, когда обычный тираж — несколько тысяч экземпляров, когда даже десяти тысячный тираж

представляется большим, «200 лет вместе» были изданы в количестве ста тысяч экземпляров (21).

Неужели и на этот раз нас сумеют провести?

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

БЕЗ МАСКИ И

ГРИМА

Глава 1

Гений и злодейство не совместны

Волшебник изумрудного города

Когда-то существовало правило, по которому подданные могли видеть своего правителя только в дни торжеств. А когда облаченный в дорогие одежды и окруженный свитой, он выходил к народу, его появление должно было лишь подчеркивать величие власти. При этом, каким бы правитель ни был, все делалось, чтобы карлик казался

великаном, урод — красавцем, глупец — мудрецом. И писать о нем могли лишь придворные поэты. А кто дерзал делать это сам, должен был слагать только гимны, в противном случае он рисковал головой.

Одним из наших недавних духовных властителей, чей авторитет казался недосягаем, а сам его носитель — безгрешен, был А. И. Солженицын. И чем больше его преследовали, чем больше запрещали его книги, чем меньше мы о нем знали, тем более легендарной фигурой он нам казался. Какими только комплиментами его ни награждали: великий гуманист,

гений, голос миллионов. Наследник великих традиций, первопроходец, праведник, пророк, рыцарь, самовидец, светоносец, совесть нации, титан, учитель свободы, и так далее, и так далее.

Известность рождает интерес, интерес — спрос, спрос — публикации. Так уже в 70-е годы появляются первые биографии писателя. Одной из них, едва ли не самой первой, стала книга Давида Бурга и Джорджа Фейфера (1). И сразу же А. И. Солженицын разразился гневом: «Считаю *беззастенчивым* и *безнравственным* — писал он, — составлять биографию писателя при

его жизни, но *без его согласия*. Такие действия ничем не отличаются от *сыска, полицейского или частного»* (2).

Согласиться с Александром Исаевичем в данном вопросе — значит признать, что при жизни писателя могут публиковаться только панегирики. Ведь даже отъявленный подлец и циник не позволит, чтобы о нем писали плохое.

Между тем, как только человек напечатал свое первое произведение, он вынес на общественный суд не только свое творчество, но и себя как личность со всеми ее достоинствами и недостатками. А суд может быть объективным только тогда, когда ни

от кого не зависит. Он должен руководствоваться лишь действующими законами, устанавливающими границы допустимого вторжения в личную жизнь человека, в его профессиональную и общественную деятельность, а также моральными нормами, зависящими от степени открытости общества.

Поэтому Д. Бурга и Д. Фейфера можно было бы упрекнуть не за то, что они взялись за перо без разрешения героя своей книги, а за то, что нарушили существующие юридические и моральные нормы, допустили сознательное искажение фактов из биографии писателя.

Ничего существенного на этот счет А. И. Солженицын не назвал. Если же какие-то факты из его биографии, нашедшие отражение в этой книге, ему не понравились, то ответственность за них лежит не на том, кто их описал.

Почему же А. И. Солженицына так встревожила эта публикация? Видимо потому, что возникла угроза существованию мифа о нем.

Тогда в 1970-е годы рассказывали анекдот: наш далекий потомок открывает энциклопедию и читает: «Брежнев — мелкий политик, живший в эпоху Сахарова и Солженицына». С тех пор прошло всего лишь четверть века. За это

время произведения писателя стали известны не только за границей, но и у нас, появились первые воспоминания о нем, а затем документальные публикации, и произошло то, что, на мой взгляд, удачно выразил В. Н. Войнович. «Я, — пишет он о А. И. Солженицыне, — смотрел на него задравши голову и прижмуриваясь, чтобы не ослепнуть. Но вот он стал снижаться кругами и вопреки законам оптики становился не больше, а меньше» (3).

Следует отметить, что некоторые современники А. И. Солженицына сразу достаточно скромно оценивали его

литературный талант. Так, в 1962 г.
Н. Грибачев написал
стихотворение «Метеорит», в
котором говорилось:

Отнюдь не многотонной
глыбой
Но на сто верст
Раскинув хвост,
Он из глубин вселенских
прибыл
Затмил на миг
Сиянье звезд.
Ударил светом в телескопы,
Явил
Стремительность и пыл.
И по газетам
Всей Европы

Почтительно отмечен был.
Когда ж
Без предисловий вычурных
Вкатилось утро на порог.
Он стал обычной
И привычной
Пыльцой в пыли земных
дорог.
Лишь астроном в таблицах
сводных,
Спеша к семье под
выходной,
Его среди других подобных
Отметил строчкою одной
(4)

Я не поклонник Н. Грибачева,

однако в данном случае он во многом оказался прав.

Но даже тем, кто с самого начала скромно оценивал литературные способности А. И. Солженицына, его личность казалась безупречной: «Личность С. выше и сильнее его литературного таланта, в целом подражательного, натужного, исчерпывающегося содержанием и сегодняшним», — писал, например, поэт Давид Самойлов (5).

Но дело не только в том, что А. И. Солженицын оказался не настолько велик, как представлялось до этого. Неожиданно стало открываться, что он совсем не тот,

каким его все считали и за кого долгое время он выдавал себя сам. И тогда из толпы его почитателей раздались первые «детские» голоса: «А король-то гол» (6). Одним из таких «мальчиков» был писатель В. Н. Войнович, опубликовавший в 1986 г. сатирический роман «Москва. 2042 год», в герое которого писателе Карнавалове современники без труда узнали Великого писателя земли русской (7). А затем в 2002 г. Н. В. Войнович издал книгу «Портрет на фоне мифа», в которой все вещи были названы своими именами (8).

Наше знакомство с жизнью «великого писателя» свидетельствует,

что расхождение между его образом и действительностью еще более поразительно, чем показал В. Н. Войнович.

«Подайте милостыню ей»

Читатели «Архипелага», наверное, знают фотографию А. И. Солженицына в одежде зэка с номерами на шапке, куртке и брюках: сутулая фигура, голова, вобранная в плечи, угрюмое лицо. Известна и другое его фотографическое изображение в подобной же одежде с разведенными в сторону руками: он в лагере, во

время обыска.

Когда я впервые увидел эти снимки, был поражен: неужели в каторжных лагерях не только фотографировали заключенных, но и выдавали им фотографии при освобождении?

Оказывается, снимки были сделаны позднее, уже в ссылке. А. И. Солженицын просто позировал перед объективом (1).

И тогда я стал перебирать другие его фотографии: вот, он с автоматом на груди рядом с командиром артиллерийского дивизиона Е. Ф. Пшеченко: и не понятно, кто командир, кто подчиненный и откуда у командира батареи звуковой

разведки автомат?.. Вот, он в погонах старшего лейтенанта с орденом Красной звезды задумался над рукописью. Другой снимок — он за столом в майке снова над рукописью и снова в глубоком раздумье. А вот он обнимает Наталью Алексеевну и весь его взгляд излучает любовь. Перед нами роман-газета с повестью «Один день Ивана Денисовича», на обложке изображение А. И. Солженицына. Комментируя его, он пишет: «...**то, что мне нужно было**, выражение замученное и печальное, мы изобразили» (2). Прошло три года и когда последовал провал части его литературного архива, несмотря на возникшую угрозу, Александр

Исаевич снова оказался перед объективом, чтобы запечатлеть для потомков охватившую его тогда тревогу.

Он играл и позировал не только перед фотообъективом и телекамерами. Открываем его воспоминания и читаем: «Моя жизнь в Рязани идет во всем... по-старому (в лагерной телогрейке иду с утра колоть дрова...)» (3). Можно было бы допустить, что Александр Исаевич привез из Казахстана «лагерную телогрейку» и сохранил её как реликвию. Но присмотритесь к его фотографии 1954 г. Неужели этот интеллигентный мужчина в выглаженной рубашке, с галстуком и

в шляпе летом 1956 г. через полстраны вез изношенную «лагерную телогрейку» потому, что не желал ее выбрасывать и собирался носить дальше?

Можно было бы допустить, что перед нами авторская фантазия, если бы не воспоминания Г. П. Вишневской. Описывая, как осенью 1969 г., А. И. Солженицын поселился у них на даче, она отмечает: «...в шесть часов утра приехал Александр Исаевич, оставил свои вещи, а сам уехал в Москву поездом... Заходим в дом, и я хозяйским глазом вижу, что ничего не изменилось, никакого нового имущества нет. Лишь на кровати в

спальне узел какой-то лежит... Что же за узел такой? Оказывается, это старый черный ватник, стеганный, как лагерный, до дыр заношенный. Им обернута тощая подушка в залатанной наволочке, причем видно, что заплаты поставлены мужской рукой, так же, как и на ватнике, такими же большими стежками... Все это аккуратно связано веревочкой, и на ней висит алюминиевый мятый чайник. Вот это да. Будто бы человек из концентрационного лагеря только что явился и опять туда же собирается. У меня внутри точно ножом полоснуло» (4).

Неужели Александр Исаевич

собирался ходить в «до дыр заношенном ватнике» в Жуковке, в элитном, закрытом для обычных людей поселке, в котором жили правительственные чиновники и представители высшего слоя столичной интеллигенции?

А в том, что Александр Исаевич был способен на это, мы можем убедиться, читая его воспоминания. В декабре 1962 г. он, простой рязанский учитель, начинающий автор, по вызову Цека на обкомовской машине едет в Москву на встречу руководителей партии и правительства с деятелями культуры: «...Я, — пишет Александр Исаевич, — *нарочно* поехал в своем

школьном костюме, купленном в „Рабочей одежде“. В чиненных-перечиненных ботинках с латками из красной кожи по черной, и сильно нестриженный... Таким зачуханным провинциалом я привезен был во мраморно-шёлковый Дворец Встреч... В раздевалке ливрейные молодцы приняли мое тертое унылое длинное провинциальное пальто» (5).

Видимо, «в чиненных-перечиненных ботинках с латками» он появлялся и в других местах, свидетельством чего может служить разговор Натальи Алексеевны с К. И. Чуковским 19 июля 1966 г. Передавая ее слова о своем муже

Корней Иванович записал: «Говорю ему: тебе нужны ботинки. А он: еще не прошло десяти лет, как я купил эти» (6).

Подобным же образом Александр Исаевич любил показаться и на рязанских улицах. «Когда Солженицын приезжал в Рязань из Давыдова, — вспоминала А. М. Гарасева, — у него был вид старого колхозника из глухой деревни: куртка-стеганка (видимо, обыкновенный ватник, который называли фуфайкой или телогрейкой — А.О.), шапка с ушами, и весь он выглядел каким-то усталым и измученным» (7).

В таком виде застал его бывший

генерал П. Г. Григоренко, побывавший у него зимой 1968–1969 гг. в Давыдове: на плечах «фуфайка», на ногах «огромные зэковские бахилы» (8). Весьма скромным был и ужин: «по кусочку свиного сала, черный хлеб, луковица, перловая каша-концентрат», «флакон из-под духов, в нем на 1/3 спирт», завтрак: «картофель», «снова по кусочку сала, луковица, соль, растительное масло», «снова накапали в рюмки спирта» (9).

Образ неприхотливого, бедствующего писателя А. И. Солженицын начал внедрять в сознание окружающих, как только стал выходить в люди. Рассказывая о

своём первом появлении в редакции «Нового мира», он пишет: «Распрашивали о моей жизни, прошлой и настоящей, и все смущенно смолкли, когда я *бодро ответил*, что зарабатываю преподаванием шестьдесят рублей в месяц, и мне этого хватает» (10). В те годы за 60 руб. в месяц один человек прожить мог, но очень скромно. Чтобы это было понятнее, приведу следующий факт. Тогда в высших учебных заведениях студент получал стипендию только в том случае, если доход семьи составлял менее 100 руб. в месяц на человека.

Можно представить как смотрели на Александра Исаевича

сотрудники редакции «Нового мира». «Все были в восторге от того, — вспоминает В. Н. Войнович, — как он пишет, как держится и что говорит. Говорит, например, что *писатель должен жить скромно, одеваться просто, ездить в общем вагоне и покупать яйца обыкновенные по девяносто копеек, а не диетические по рублю тридцать*» (11).

Эти обыкновенные яйца по девяносто копеек нашли отражение и в воспоминаниях самого А. И. Солженицына. Рассказывая, как однажды в 1967 г. он возвращался из Москвы в Борзовку, Александр Исаевич пишет: «Это было 8 июня,

на Киевском вокзале, за несколько минут до отхода электрички на Наро-Фоминск, с продуктовыми сумками в двух руках, шестью десятками дешевых яиц» (12). Видимо, этот эпизод нашел отражение в дневнике А. И. Кондратовича. 16 июня 1967 г. после одной из встреч с А. И. Солженицыным он записал: «...живет *стесненно*. Уезжал в прошлый раз в Рязань. „Шесть десятков яиц увез“ — сказал мне. „А разве в Рязани нет их?“ — „По девяносто копеек нет. Есть по рублю сорок. А на шесть десятков разница уже почти целый проездной билет“» (13). Подсчитать разницу нетрудно. Три рубля.

Мотив о бедственном положении, в котором долгое время находился писатель, звучит во многих воспоминаниях о нем. Так, в 1967 г. беседе с Н. Бианки А. Т. Твардовский заявил: «У него за душой ведь нет ни копейки» (14). «Денег у них не было, — вторила ему А. М. Гарасева, — они с женой копили их всю зиму на отпуск, а потом летом отправлялись по добытым адресам бывших лагерников» (15). «... денег у Солженицына нет. Это ясно», — читаем мы в дневнике А. И. Кондратовича (16).

Наслушавшись рассказов Александра Исаевич, даже

Г. П. Вишневская, которую очень трудно провести, с удивлением и восхищением пишет: «...жил Александр Исаевич *на один рубль в день* — так распределил он на много лет свой довольно большой гонорар за Ивана Денисовича» (17).

Но оказывается, если верить писателю, в его жизни бывали дни, когда он не мог наскрести на хлеб даже рубля. Выступая 20 марта 1976 г. в Мадриде, он с возмущением заявил: «Коммунистическая печать очень любит спекулировать на том, что вот Солженицын поехал на Запад и стал миллионером. Когда я в Советском Союзе *голодал*, они не писали об этом» (18).

Г. П. Вишневская уверена, что до получения Нобелевской премии, Александр Исаевич жил только за счет гонораров от «Ивана Денисовича», но 30 марта 1972 г. в интервью «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост», А. И. Солженицын назвал нам еще один источник своих доходов: «... После гонораров за „Ивана Денисовича“ у меня не было существенных заработков, только еще деньги, оставленные мне покойным К. И. Чуковским, теперь и они подходят к концу. *На первые я жил шесть лет, на вторые — три года*» (19).

Откровения

нобелевского

лауреата настолько потрясли его поклонников, что один из них, американский писатель Альберт Мальц, направил в редакцию «Нью-Йорк таймс» письмо, в котором заявил о своей готовности помочь деньгами бедствующему собрату по перу.

Узнав об этом, Александр Исаевич был растроган. Поблагодарив А. Мальца за предложенную помощь, он заявил, что «хотя и очень смущен» таким предложением, но «готов принять деньги», правда, как уважающий себя человек только с возвратом, т. е. «в долг» (20).

Однако если А. И. Солженицын

на протяжении многих лет еле-еле сводил концы с концами, если он носил ботинки по десять лет и вынужден был появляться на рязанских улицах в сапогах и фуфайке, если иногда он жил даже в проголодь, то как ему удалось приобрести дачу за 2600 рублей (21), одну автомашину не менее чем за 3000 (1963) (22), вторую за 7500 тыс. валютных рублей (1971) (23), третью за столько же (1972) (24)? А благоустройство новой квартиры? А ремонт дачи? А ежегодные комфортабельные поездки (и ведь останавливался не где-нибудь, а в таких, например, столичных гостиницах как «Будапешт» и

«Москва»)? Да если посмотреть на фотографии, обнаруживается, что Александр Исаевич и Наталья Алексевна не ходили годами в одной и той же одежде.

Более того, как мы знаем, с 1 мая 1969 г. Наталья Алексеевна, оклад которой составлял 320 руб., вообще оставила работу. Причем, что следует подчеркнуть, почти за полгода до смерти К. И. Чуковского. В результате к весне 1972 г. Н. А. Решетовская пожертвовала примерно 11520 руб. Такое можно было позволить лишь при условии компенсации не меньшей суммы из другого источника. А ведь не следует забывать, что с конца 1969 — начала

1970 г., т. е. до получения Нобелевской премии, «нищенствующий» писатель стал содержать за границей собственного адвоката.

К сожалению, у нас пока нет возможности получить полное и точное представление о бюджете семьи А. И. Солженицына до его отъезда за границу. Но некоторые расчеты сделать все-таки можно. Как доцент Наталья Алексеевна Решетовская получала 320 рублей в месяц, пенсия ее матери составляла 50 рублей, около 80 рублей приходилось на пенсию двух ее тетушек: Марии Николаевны и Нины Николаевны (25). Итого 450 рублей.

Делим на пять членов семьи, получаем 90 рублей. Таким образом, даже если бы Александр Исаевич вообще не работал, у него была возможность жить не на один рубль, как он сумел уверить знаменитую певицу, а на три рубля в день.

Между тем у него были и гонорары.

Рассказывая о публикации «Одного дня Ивана Денисовича», А. И. Солженицын пишет: «Властно и радостно распорядился Твардовский тут же заключить со мной договор по высшей принятой у них ставке» (26). К сожалению, он не назвал конкретных цифр, но мы можем найти их в воспоминаниях

Н. А. Решетовской. По ее свидетельству, гонорар за «Один день» был начислен из расчета 300 руб. за авторский лист (27). А поскольку объем повести примерно 6 авторских листов, полученный за ее публикацию на страницах Нового мира гонорар составлял не менее 1800 руб. Если допустить, что таким же образом был оплачен его труд и в дальнейшем, то вырисовывается следующая картина: издание «Одного дня» в роман-газете и отдельной книгой — 3600 рублей, четыре других рассказа (общий объем 7,5 а.л.) — 2250 руб. Итого — 7650 руб.

С 1962 по 1974 г. ничего больше

опубликовать в Советском Союзе А. И. Солженицыну не удалось. Однако мы знаем, что кроме гонораров за опубликованные произведения, ему выплачивались гонорары за произведения, которые напечатаны не были. Так, за роман «В круге первом» он получил аванс не менее 2700 (28), за повесть «Раковый корпус» — три аванса в сумме 6000 руб. (29), аванс за отвергнутый киносценарий «Тунеядец» — 1500 руб. (30). К этому нужно добавить авансы за непоставленные пьесы «Свеча на ветру» и «Олень и шалашовка» (не менее 2000) (31). Получается, еще 12200 руб.

Не следует также забывать, что Союз писателей СССР содействовал переводу «Одного дня Ивана Денисовича» и некоторых других его произведений на иностранные языки, в связи с чем, как мы знаем, у А. И. Солженицына уже в 1963 г. появился валютный счет во Внешторгбанке. Даже если взять по минимуму (1800 рублей за одно издание) и принять во внимание, что его повесть и рассказы официально, т. е. через «Международную книгу», только до 1970 г. выдержала не менее 23 изданий за рубежом, мы получим более 41 тыс. руб. (32).

Поэтому можно утверждать, что с ноября 1962 по март 1972 г.

бедствующий писатель совершенно официально получил гонораров на сумму, как минимум, 60 тыс. руб, что не менее 6000 руб. в год или же более 500 руб. в месяц. 500 и 450 рублей — это 950 рублей, 180 руб. в месяц или же 6 рублей в день на одного человека.

Но и это не все. Мы не учли ту часть наследства, которую Александр Исаевич получил после смерти К. И. Чуковского. Остаются неизвестными те гонорары, которые потекли с конца 1960-х годов на его заграничный счет за роман «В круге первом» и повесть «Раковый корпус». По свидетельству О. Карлайл, издательство Харпер энд

Роу готово было выплатить писателю за роман только в виде аванса более 60 тыс. долларов (33).

Наконец, осенью 1970 г. Александр Исаевич стал нобелевским лауреатом и уже 27 ноября 1970 г. предложил своему адвокату Ф. Хеебу перевести «часть денег от Нобелевской премии» на его счет «в шведский или швейцарский банк» и выразил надежду, что «в конце декабря или начале января» эти деньги будут в распоряжении Ф. Хееба. В связи с этим он писал: «...я прошу Вас мне лично перевести через Внешторгбанк 3000 долларов» (34). В декабре 1970 г. затребованная сумма находилась на личном счете

Александра Исаевича (35).

26 августа 1973 г.
Ю. В. Андропов докладывал в ЦК КПСС: *«За последние два года* (т. е. с лета 1971 г. — А.О.) *Солженицыным из иностранных банков* получен 23301 инвалютный рубль, на которые он купил легковые автомобили марки Москвич-412 для своей первой жены Решетовской и матери второй жены — Светловой. Различные промышленные и продовольственные товары он, как правило, приобретает в валютных магазинах „Березка“» (36).

Этого, конечно Альберт Мальц не знал. Но какую же нужно было иметь совесть, чтобы, обладая

такими суммами, изъять
готовность принять его помощь?
Таким образом, и лагерная
телогрейка, и помятый алюминиевый
чайник, и школьный костюм из
магазина рабочей одежды, и
чиненные-перечиненные ботинки, и
зэковские бахилы, и решетка с тремя
десятками яиц по 90 копеек, и
разговоры о рубле в день
использовались

А. И. Солженицыным лишь как
средство для создания образа не
только гонимого, но и бедствующего
писателя.

Любовь к «чернухе»

Независимо от того, как мы будем оценивать приведенные факты, очевидно одно: появляясь в самой скромной одежде, демонстрируя неприхотливость в отношении пищи, подчеркивая ограниченность финансовых средств, призывающий нас всех жить не по лжи А. И. Солженицын не просто в каждом конкретном случае расчетливо играл разные роли, но и мистифицировал окружающих, т. е. попросту говоря, обманывал их.

На эту черту его личности уже обращено внимание, и он давно уже назван мастером полуправды (1). В этом мы могли убедиться сами, наблюдая, как, не всегда, правда,

ЛОВКО, писатель манипулирует своими воспоминаниями, создавая разные версии одних и тех же событий в зависимости от того, какая из них нужнее и выгоднее в данный момент (2).

Чтобы получить более наглядное представление, насколько наш герой любит правду, обратимся к конкретным фактам.

Начнем с мелочи.

Выступая 12 декабря 1974 г. на пресс-конференции в Стокгольме и демонстрируя свое отрицательное отношение к той шумихе, которая была поднята вокруг его имени, Александр Исаевич заявил, что после выхода в свет «Одного дня» он

«девять лет вообще... не давал ни одного интервью» (3).

Как же так? А интервью, журналисту Виктору Буханову, опубликованное 25 января 1963 г. на страницах «Литературной России»? А описанное самим А. И. Солженицыным интервью японскому корреспонденту Седзе Комото 17 ноября 1966 г.? А интервью словацкому коммунисту-партизану Павлу Личко, опубликованное 31 марта 1967 г. на страницах братиславской газеты «Литературная жизнь» (4)?

Делая свое заявление Александр Исаевич был уверен, что европейцы ни советских, ни словацких, ни

японских газет не читают.

Подобным же образом изображает он и свое литературное творчество. «...*долгие годы* в России, — заявил он 10 марта 1976 г. в интервью газете «Франс суар», — я должен был *большую часть времени* где-то работать — и для денег, и для того, чтобы не возбуждать подозрения властей» (5). Это же он утверждал и в телеинтервью с Малколмом Магэриджем для Би-Би-Си 16 мая 1983 г.: «В Советском Союзе я никогда не мог... заниматься только литературой, я должен был *все время* зарабатывать себе на жизнь *чем-нибудь другим*» (6).

Можно представить, с каким

уважением после этих слов должны были смотреть на него европейцы. Однако, как мы знаем, подобные откровения были далеки от истины. Если взять период с марта 1953 г. до февраля 1974 г., получается 21 год. Об учебной нагрузке Александра Исаевича в ссылке (1953–1956) нам известно только с его собственных слов, учебная нагрузка в Мезиновской школе вообще неизвестна. Что же касается Рязани, то поселившись здесь в 1957 г., А. И. Солженицын взял в школе только 15 часов в неделю — это немногим более 80 % ставки, в следующем году оставил себе 12 часов, 67 % ставки, затем 9 часов —

50 % ставки, а с конца 1962 г. вообще ушел из школы и перешел, как говорится, на «вольные хлеба», пребывая в таком положении на протяжении одиннадцати лет, вплоть до высылки из Советского Союза в 1974 г.

Мог ли все это забыть Александр Исаевич к 1976 г.? Конечно, нет.

Значит, лгал и со страниц газеты «Франс суар», и перед телекамерой Би-Би-Си.

А вот еще одно его «откровение». Выступая 28 февраля 1977 г. перед жителями Кавендиша, он поведал им: «Мне скоро уже 60 лет, но *за всю жизнь* у меня *никогда*

не было не только своего дома, но даже и определенного постоянного места, где бы я жил... первый свой дом и свое первое постоянное жительство мне удалось избрать лишь у вас, в Кавендише» (7). Не часто увидишь человека, который почти всю свою жизнь провел бездомным бродягой. Поэтому слушая эти речи, жители маленького американского городка, наверное, представляли своего знаменитого земляка ночующим под заборами и рыдали. Рыдали и гордились: ведь не опустился, не стал вором или убийцей и сумел сохранить гуманные традиции великой русской литературы.

Можно понять почему «бездомный» лауреат дурачил своих американских соседей. Они ведь не знали ни его биографии, ни России, но зачем перепечатывать эту ложь сейчас у себя на родине?

Не жалел Александр Исаевич красок и для характеристики той страны, из которой был выслан. Обращая внимание Запада на существование в Советском Союзе так называемой паспортной системы и характеризуя ее как пережиток крепостного права, А. И. Солженицын так разъяснял это в своем первом крупном зарубежном интервью телекомпании CBS летом 1974 г.: «...паспортный режим.

Режим прикрепления к месту. **Вы не можете никуда уехать** из этого местечка, **из** этого маленького **поселка**, или **города**, или **деревни**, и вы находишь во власти не то, что там центральных властей или советского аппарата, вы находитесь во власти — вот, здешнего начальника. И если вы ему не нравитесь, вы пропали. **И уехать никуда нельзя»** (8).

Существовавшая до середины 70-х годов паспортная система действительно имела черты крепостничества. С 1932 по начало 1970-х годов паспорта выдавались только горожанам, сельские жители их, как правило, не имели. Между тем существовало требование, по

которому на работу в городах брали только при наличии паспорта. Этим самым правительство сдерживало переселение из деревни в город. Однако остановить его оно не могла. Если в 1940 г. в городах проживало 33 процента населения, то в 1961 г. — уже 50, а в 1981 г. 57 (9). Что же касается переселений из деревни в деревню и, тем более, из города в город, то на них паспортная система не имела никакого влияния и все сказанное А. И. Солженицыным на этот счет — чистая и заведомая ложь.

К числу подобных же «открытий», которыми писатель порожал своих западных читателей и

зрителей, относится и следующее его утверждение. Полемизируя на страницах журнала «Foreign Affairs» с бывшим меньшевиком Д. Ю. Далиным, Александр Исаевич в статье под названием «Иметь мужество видеть» напомнил ему «о советской провинции, где *не хватает картофеля до весны*, а *других продуктов вообще не знают* (и *это*, мистер Далин, *никак не гипербола*, вам только трудно это вообразить)» (10).

Вдумаемся в эти слова и попробуем «вообразить» то, к чему призывал А. И. Солженицын «мистера Далина». Из приведенных слов явствует, что к началу 80-х годов

советская провинция жила только за счет картофеля, которого, оказывается, не хватало даже до весны. Это означает, что провинция была обеспечена продуктом питания только восемь месяцев в году. Как же она жила весной и в начале лета? Неужели бедные провинциалы на протяжении четырех месяцев питались травой и корой деревьев?

Теперь «вообразим» самое лучшее время в году, когда на столе появлялась долгожданная картошка. Поскольку ничего другого не было, ее приходилось есть каждый день. Вероятнее всего, картофель варили, так как в сыром виде мы его почему-то не любим, а для жаренного нужны

жиры. Между тем других продуктов, по утверждению нашего правдолюбца, провинция не знала. Не знала ни соли, ни масла, ни мяса, ни молока, ни яиц, ни овощей, ни фруктов. Не знала даже хлеба. Это покруче, чем в ленинградскую блокаду. И ведь как умели дурачить: никто, кроме А. И. Солженицына, *полного* отсутствия «*других продуктов*» в нашей стране не замечал.

Да, в советские времена провинция испытывала острую нехватку многих видов продовольствия. Я сам, родившийся и выросший в деревне, больше тридцати лет стоял в очередях за хлебом, мясом, сахаром и так далее.

Но я не только голодал, но и не видел, чтобы в послевоенные годы кто-нибудь умирал от голода. Зачем же доводить эту проблему до абсурда?

А вот другой перл, с помощью которых лауреат Нобелевской премии создавал себе за рубежом славу отважного правдолюбца: «У нас инвалидов Отечественной войны убирают из общества, чтоб их никто не видел, *ссылают* на отдаленные северные острова, — инвалидов, тех, кто потерял здоровье в защите родины. Инвалидов *преследуют, притесняют...*» (11).

Я не был сторонником прежней политической системы, но как

современник А. И. Солженицына утверждаю: мне неизвестно ни одного случая, чтобы в советском обществе человека *преследовали* и тем более *ссылали* «на отдаленные северные острова» только *за то, что он инвалид*, а вот то, что система социальной помощи инвалидам в те времена хотя и являлась очень несовершенной, но существовала и была во много раз гуманнее и эффективнее чем сейчас — это можно доказать без труда.

Есть ли у А. И. Солженицына хоть какие-либо материалы о преследовании советских инвалидов? Нет. Ни одного. Иначе бы он их обязательно привел. Значит,

опять перед нами сознательная ложь.

И уж совсем об анекдотичных фактах поведал писатель в 1976 г. в Испании: «Я смотрю как у вас работают ксерокопии. Человек может подойти, заплатить 5 песет и получить копию любого документа. У нас это недоступно ни одному гражданину Советского Союза. Человек, который воспользуется ксерокопией не для служебных целей, не для начальства, а для самого себя, получает *тюремный срок, как за контрреволюционную деятельность*» (12). Этого Александру Исаевичу показалось недостаточным и в другом интервью он уточнил: «В Советском Союзе за

то, что в Испании стоит 5 печет — цена одной ксерокопии, — дают *десять лет тюрьмы* или запирают в сумасшедший дом» (13).

Вот, так. За то, что советский человек, скажем, ксерокопировал на работе свидетельство о браке или ордер на квартиру — десять лет или психушка. Это при Брежневe. А за попытку создания антисоветской организации автор этих откровений получил только восемь лет. И когда? При Сталине.

Для того, чтобы западный обыватель не питал иллюзий на счет разрядки, в одном из своих интервью Александр Исаевич поведал: «Приезжающие из советской

провинции рассказывают, что за дружелюбные разговоры с иностранцами (*при выставках*) советских граждан *открыто избивают тут же*, для поучения публики» (14).

Представляете? Чтобы скрыть свои агрессивные помыслы, советское правительство затеяло разрядку и чтобы обмануть доверчивых иностранцев, поверивших в нее, стало организовывать культурные мероприятия, приглашая на них гостей из-за рубежа, но своих сограждан инструктировало, чтобы они демонстрировали гостям ледяную официальность, видимо,

для того, чтобы иностранцы сразу поняли, что их обманывают. Ну, а тех сограждан, которые не понимали этого и вели себя с гостями дружелюбно, т. е. гостеприимно, тут же на этих мероприятиях прямо на глазах у всех для поучения публики избивали.

Мы знаем, что Александр Исаевич невысокого мнения о Западе, но чтобы настолько невысокого, даже трудно представить. И самое интересное, справедливо. Ведь все это не только слушали, но и транслировали, и не только транслировали, но и печатали. На века.

Подобным же образом

А. И. Солженицын освещает и советскую историю.

Касаясь численности заключенных в сталинских тюрьмах и лагерях, он в первом томе «Архипелага» (1973 г.) со ссылкой на Д. Ю. Далина и Б. И. Николаевского назвал цифру «15 до 20 млн» человек единовременно (15). Эти цифры, видимо, показались ему приувеличенными, и в во втором томе (1974 г.) они были сокращены: «до 15 млн. заключенных» (16). В 1976 г. в Мадриде Александр Исаевич скорректировал этот показатель до «*12–15 миллионов* человек» (17).

Между тем, не нужно никаких документов, чтобы понять

фантастический характер
приведенных данных. Достаточно
учесть, что в 1939 г. численность
населения страны составляла
немногим более 170 млн. чел., из
которых менее 98 млн. приходилось
на трудоспособное население,
соответственно около 47 млн. —
мужчин и около 51 млн. женщин
(18). А поскольку население
ГУЛАГА на четыре пятых состояло
из мужчин (19), получается, что за
колючей проволокой находилось от
четверти до сорока процентов
взрослого мужского населения. И
при таких масштабах террора, будучи
студентом (1936–1941),
А. И. Солженицын не заметил его

(20).

Что же касается официальных данных, то они свидетельствуют: максимальная численность населения ГУЛАГа вместе с находящимися в тюрьмах не превышала 3 млн. чел. (21). Цифра огромная. Невиданная до того в истории нашей страны. Но это — не 20, не 15 и даже не 12 миллионов человек.

Подобный же характер имеют и другие цифры, приводимые А. И. Солженицыным для характеристики советского террора. Так говоря о В. И. Ленине, писатель заявляет, что «он **уничтожил целиком** дворянство, духовенство,

купечество» (22). Обращаю ваше внимание: «*уничтожил*», причем «*целиком*». Если бы речь шла об ликвидации сословий, с этим нельзя было бы не согласиться. Однако Александр Исаевич имел в виду не деление общества на сословия, а уничтожение людей, принадлежавших к ним. Нелепость этого утверждения, явствует хотя бы из того, что В. И. Ленин сам был дворянином. Да, и Ф. Э. Дзержинский, и А. М. Колонтай, и А. В. Луначарский, и В. Р. Менжинский, и Г. В. Чичерин, и еще многие, многие видные большевики тоже принадлежали к благородному сословию. А разве не

было дворян в эмиграции? Да, и первая жена Александра Исаевича тоже была дворянкой.

Известно ли это Александру Исаевичу? Несомненно. Значит, перед нами опять ложь.

Продолжая эту же мысль, А. И. Солженицын утверждает: «Уничтожили *целиком* сословия — дворянство, офицерство, духовенство, купечество и отдельно по выбору — каждого, кто выделялся из толпы, кто проявлял независимое мышление. Первоначально самый сильный удар пришелся по самой крупной нации — русской — и ее религии — православию, — затем удары последовательно

переносились на другие нации. Эти уничтожения еще к концу спокойных 20-х годов составили уже несколько миллионов жертв. Тотчас вслед произошло *истребление* 12–15 миллионов самых трудолюбивых крестьян» (23). Чтобы на этот счет не было никаких разночтений, Н. Д. Солженицына уточняет: «При коллективизации (1930) вместе с главами семьи *уничтожаются все члены ее вплоть до младенцев* — вот тактика коммунистов. Так было уничтожено *15 миллионов душ*» (24).

Казалось бы, делая такие ответственные заявления муж и жена Солженицыны должны были бы указать нам те сенсационные

документы, в которых они обнаружили эти данные. Однако ни одной ссылки на них мы ни у Александра Исаевич, ни у Натальи Дмитриевны не найдем. И не случайно, потому что они хорошо знают, что приведенные данные почерпнуты не из документов, а из литературы и характеризуют не количество уничтоженных, а численность раскулаченных крестьян. Раскулаченных, значит, высланных из мест прежнего проживания, чаще всего на Север или же за Урал. Во время высылки в местах нового поселения не обходилось без жертв. Судя по воспоминаниям, их было много. Но

согласитесь выслать и уничтожить — это не одно и то же. К тому же следует иметь в виду, что приведенные данные о количестве раскулаченных крестьян имеют расчетный характер и находятся в противоречии с документами, согласно которым общая численность высланных в 1930–1931 гг. из мест своего проживания крестьян и получивших статус спецпереселенцев, составляла *не 15, а 1,8 млн. чел.* (25). 1,8 млн. чел. — тоже огромная цифра, но это почти на порядок меньше, чем у А. И. Солженицына.

Подобный же характер имеют и другие приводимые им цифры о

советском терроре. «Это был 1937-38 го. У нас в Советском Союзе бушевала тюремная система. У нас арестовывали миллионы. У нас *только расстреливали в год — по миллиону!*» (26). И снова уже который раз без всяких ссылок. Может быть, их вообще нет в «Архипелаге»? Нет, ссылки на литературу и источники в нем имеются: например, точно указано, откуда автор извлек сведения об участии заключенных в строительстве такой важной дорожной магистрали как Кемь-Ухтинский тракт (27). Пожалуйста, откройте журнал «Соловецкие острова» за 1930 г. (сдвоенный номер

два-три), найдите страницу 57 и можете убедиться в точности приведенных автором сведений, а также установить их происхождение. А утверждение, что когда-то в нашей стране *«расстреливали в год — по миллиону!»* сделано без всяких ссылок на источники.

Неужели этот факт менее значим, чем участие заключенных в строительстве Кемь-Ухтинского тракта? Конечно, нет. И Александр Исаевич это хорошо понимает. Просто названная им цифра взята, как говорится, с потолка. А имеющиеся в нашем распоряжении и пока никем не опровергнутые официальные данные

свидетельствуют, что в 30-50-е годы по политическим обвинениям было расстреляно около 800 тыс. человек (28). Цифра страшная. Но, согласитесь, есть разница: в год — по миллиону или менее миллиона за все годы сталинского террора.

Сколько же было жертв советского террора всего? На этот вопрос Александр Исаевич дает в «Архипелаге» следующий ответ: «... по подсчетам эмигрантского профессора статистики Курганова» общее число погибших с 1917 по 1959 г. составило 66 миллионов человек. Кроме того, опять-таки ссылаясь на профессора Курганова, он определяет военные потери в

44 млн. Итого 110 млн. — такую цену, по его мнению, заплатила наша страна за революцию (29). Цифры впечатляющие. Позднее Александр Исаевич сделал примечание к ним: «Свой или чужой — кто не онемееет?» (30). Полностью согласен.

Демонстрируя далее свою добросовестность, Александр Исаевич уточняет в «Архипелаге»: *«Мы, конечно, не ручаемся за цифры профессора Курганова, но не имеем официальных»* (31).

Уточнение потрясающее.

Как же можно использовать цифры, в достоверности которых нет уверенности? Если даже неизвестно, как они были получены и где

опубликованы? Речь ведь идет не о Кемь-Ухтинском тракте. Но и в этом случае никаких ссылок на источник сделано не было. Не появились они и позднее при переиздании «Архипелага». Правда, 26 февраля 1976 г. в своем интервью Би-Би-Си А. И. Солженицын мимоходом бросил фразу о том, что «беспристрастное статистическое исследование профессора Курганова» появилось на страницах газеты «Новое русское слово» «еще 12 лет назад», т. е. в 1964 гг. (32).

О том, что самые «беспристрастные исследования» ученые публикуют только в газетах, это всем известно. Но вот какая

получается неувязка. Если верить С. Максудову, то содержащая приведенные данные статья И. Курганова «Три цифры» появилась на страницах газеты «Новое русское слово» не в 1964, а в 1981 г. (33). К сожалению, отсутствие полных комплектов этой газеты за указанные годы в наших отечественных библиотеках не позволяет установить, кто же в данном случае прав.

В любом случае есть основания утверждать, что А. И. Солженицын заимствовал данные И. А. Курганова на слух. Прием для обоснования такого серьезного обвинения как стомиллионный геноцид, осторожно

говоря, рискованный. Во всяком случае он свидетельствует, что рисуя картину ужасов (а они, к сожалению, были), автор «Архипелага» не заботился о проверке используемых им сведений. Ведь он же писал не научное, а художественное исследование.

Поскольку цифра 66 миллионов вызвала противоречивые отклики, при переиздании «Архипелага» Александр Исаевич счел необходимым уточнить, что она характеризует количество погибших «с 1917 года по 1959 только от внутренней войны советского режима против своего народа, то есть от уничтожения его голодом,

коллективизацией, ссылкой крестьян на уничтожение, тюрьмами, лагерями, простыми расстрелами» (34) и была получена «профессором Кургановым» *«косвенным путем»* (35). Однако, что это за путь, Александр Исаевич до сих пор умалчивает.

Между тем, методика расчетов, использованных И. А. Кургановым, была невероятно проста. Используя коэффициент прироста населения накануне Первой мировой войны, он прежде всего определил ту численность населения, которую мог иметь Советский Союз при таком приросте к началу 1959 г., сопоставив затем полученный

показатель с данными 1959 г., он обнаружил разницу в 110 миллионов. Таким же способом были определены потери советского населения за 1941–1945 гг. — 44 млн. чел. Расхождение между этими цифрами и составило 66 млн. (36).

Используя подобную методику, А. И. Солженицын идет дальше: «По расчетам, сделанным до 1917 года, по тогдашнему состоянию рождаемости — наша страна должна была иметь к 1985 г. — 400 миллионов человек, а имеет только 266, таковы потери от коммунизма» (37) — 134 миллиона человек.

Чтобы вы могли оценить совершенство подобных расчетов,

достаточно привести только один пример. На январь 1990 г. численность населения Российской Федерации достигала 148 млн. чел. Если исходить из темпов его прироста в предшествовавшее десятилетие, то к январю 2000 г. она должна была бы составить не менее 158 млн. чел, между тем она не превысила 146 млн. чел., из которых, как минимум, 2 млн. приходилось на переселенцев из бывших советских республик (38). Следовательно за десять лет численность коренного населения России не увеличилась, а сократилась в лучшем случае до 144 млн. чел. Расхождение 14 млн. Неужели это убитые и замученные

ельцынским режимом?

Использовать для определения масштабов советского террора предложенную И. А. Кургановым методику расчетов, это значит ничего не понимать не только в демографии, но и в математике.

Что же мы видим? В изображении А. И. Солженицына Советский Союз выглядел страной, в которой все население было прикреплено к месту проживания, питалось оно одним картофелем, которого хватало лишь на восемь месяцев в году, за использование ксерокса давали десять лет, людей, получивших инвалидность, за это ссылали в отдаленные места. Он,

мастер пера, являлся бездомным и для того, чтобы не умереть с голода, чтобы иметь возможность писать, вынужден был заниматься совершенно другими делами. Но и это было хорошо, потому, что еще совсем недавно в стране расстреливали по одному миллиону в год, за колючей проволокой находилось до 20 миллионов человек, некоторые группы населения (дворяне, купцы, духовенство, зажиточные крестьяне, казаки) были уничтожены полностью. А всего от советского террора погибло 66 миллионов человек, более чем во Второй мировой войне.

Картина страшная. Но
совершенно далекая от
действительности.

Получается, что выступая
против одной лжи,
А. И. Солженицын под видом правды
предлагает нам другую ложь.

И это неслучайно. Вспомним,
как живописуя в «Теленке» свою
беседу с П. Н. Демичевым,
Александр Исаевич самодовольно
признается: «Это был — *исконный*
привычный стиль, лагерная
„раскидка чернухи“» (39).

Но может ли любитель
«чернухи» быть борцом за правду и
глашатаем нравственной революции?
Конечно, нет.

Получается, что и призыв «жить не по лжи» — это тоже «раскидка чернухи».

О «чистоте» его имени

Раскрывая секрет своего общественного влияния, А. И. Солженицын пишет, что сила его «положения была в чистоте имени от сделок» (1). Не каждый может похвастаться этим. Но имеет ли на это право автор приведенных слов? Разве не он, будучи сталинским стипендиатом, стремился уклониться от военной службы? Да, еще таким способом, на который отважится не

всякий. Или это не сделка с совестью? И разве не он, называющий себя патриотом, пытался пересидеть войну в обозе? Может быть, и это не сделка? А пребывание в лагере? Мы ведь помним, что свое хождение по мукам он начал с «придурков». Но ведь, по его же собственным словам, трудно, очень трудно «придурку» иметь неомраченную совесть? Простите, а разве не он в лагере на Калужской заставе согласился быть осведомителем?

Допустим, что впервые шевеления добра он испытал только на тюремной соломке, что только за колючей проволокой, пройдя все

круги ада, стал настоящим человеком, готовым к бекомпромиссной борьбе с ненавистным советским режимом.

Но вот он встречается в ссылке Георгия Степановича Митровича. «...отбывший на Колмые десятку по КРТД, уже пожилой больной серб, неуёмно боролся за местную справедливость в Кок-Тереке» (2). Как же смотрел на эту борьбу закалившийся в лагерях А. И. Солженицын? Послушает его самого: «Однако — я нисколько ему не помогал... Я таил свою задачу, я писал и писал, я берег себя для другой борьбы позднейшей» (3). И далее Александр Исаевич задается

вопросом: «Но... права ли? Нужна ли такая борьба Митровича. Ведь бой его был заведомо безнадежен». Правда, при этом А. И. Солженицын отмечает, что если бы все были такие, как Г. С. Митрович, мир был бы иным (4). Но это если бы все. А поскольку не все, то, получается, что и бороться не нужно.

Не изменился Александр Исаевич и на воле. Описывая свою рязанскую жизнь, он признается: «Безопасность приходилось усиливать всем образом жизни:... на каждом жизненном шагу сталкиваясь с чванством, грубостью, дуростью и корыстью начальства,.. *не выделяться ни на плечо в сторону*

бунта, борьбы, быть образцовым советским гражданином, то есть всегда быть послушным любому помыканию, всегда довольным любой глупостью» (5). А это разве не примирение с существующим строем? Разве это не сделка? Конечно, она оправдывается благородной целью. Ведь Александр Исаевич писатель. У него историческая миссия.

Может быть, он стал другим позднее? Открываем «Теленка» и читаем: «Стыдно быть историческим романистом, когда душат людей на твоих глазах. Хорош бы я был автор „Архипелага“, если б о продолжении его сегодняшнем — молчал

дипломатично» (6). А ведь молчал, когда в 1964 г. его призывали выступить в защиту И. А. Бродского. И в 1966 г. отказался поставить свою подпись под письмом в защиту Ю. М. Даниэля и А. Д. Синявского. И в августе 1968 г. он, осудивший редакцию «Нового мира» за беспринципность, сам не решился на публичный протест. И в 1970 г. не откликнулся на призыв А. Д. Сахарова поддержать арестованных П. Г. Григоренко и А. Марченко. И летом 1973 г. не возвысил свой голос лауреата Нобелевской премии в защиту исключенного из Союза писателей РСФСР В. Е. Максимова (7). Не

поддержал его даже морально, когда тот лично обратился к нему с письмом (8). Лишь позднее в «Теленке» выразил сожаление: «В начале лета исключили из Союза писателей Максимова, в июле он прислал справедливо-горькое письмо: где же „мировая писательская солидарность“, которую я так расхваливал в нобелевской лекции, почему же его, Максимова, не защищаю я?» (9). А действительно, почему? Объяснение — был занят романом о революции — не выдерживает критики (10).

Более того, Александр Исаевич продемонстрировал в отношении власти гораздо более уязвимый

конформизм. «После встречи руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией в Кремле и после Вашей речи, Никита Сергеевич — докладывал Н. С. Хрущеву его помощник В. С. Лебедев 22 марта 1963 г., — мне позвонил по телефону писатель А. И. Солженицын и сказал следующее: „Я глубоко взволнован речью Никиты Сергеевича Хрущева и приношу ему глубокую благодарность за исключительно доброе отношение к нам, писателям, и ко мне лично, за высокую оценку моего скромного труда. Мой звонок Вам объясняется следующим: Никита Сергеевич сказал, что если наша

литература и деятели искусства будут увлекаться лагерной тематикой, то это даст материал для наших недругов и на такие материалы, как на пададь, полетят огромные жирные мухи“» (11).

Далее А. И. Солженицын, как мы уже знаем, обратился к В. С. Лебедеву с просьбой взять на себя роль судьи в его споре с А. Т. Твардовским в отношении пьесы «Олень и шалашовка» и заявил, что ему будет **«больно»** если он поступит **«не так, как этого требуют»** от писателей **«партия и очень дорогой»** для него «Никита Сергеевич Хрущев» (12).

Заканчивал свое сообщение

В. Лебедев следующими словами:
«Писатель А. И. Солженицын просил
меня, если представится
возможность передать его самый
сердечный привет и наилучшие
пожелания Вам, Никита Сергеевич.
Он еще раз хочет заверить Вас, что
он хорошо понял вашу отеческую
заботу о развитии нашей советской
литературы и искусства и
*постарается быть достойным
высокого звания советского
писателя*» (13).

Комментируя этот эпизод,
В. Н. Войнович пишет, что если бы
тогда он узнал о нем, образ
рязанского праведника померк бы
для него сразу (14).

Изображая себя непримиримым противником Советской власти и подчеркивая это при каждом удобном случае, А. И. Солженицын забывает, что не только не возражал в 1963 г. против выдвижения его кандидатуры на Ленинскую премию, но и явно надеялся ее получить. Как же так! Из «кровавых рук»?

Описывая свое вступление в Союз писателей РСФСР на рубеже 1962–1963 гг. и рассказывая, как звала его в Москву и обещала свою помощь литературная «черная сотня» (Михаил Алексеев, Вадим Кожевников, Анатолий Сафронов и Леонид Соболев), А. И. Солженицын скромно отмечает в «Теленке»:

«Чтобы только не повидаться с „черной сотней“, чтоб *только этого пятна на себя не навлечь*, я гордо отказывался от московской квартиры» (15).

Вот что значит забота о чистоте имени.

Не прошло трех лет, и осенью 1965 г. Александр Исаевич совершил то, что Л. З. Копелев назвал «переходом Хаджи Мурата». Забыв о чистоте имени, не опасаясь на этот раз *«запятнать»* себя, А. И. Солженицын отправился в Москву на поклон к «черной сотне». Можно было бы допустить, что разуверившись с возможности пробиться на страницы печати с

помощью А. Т. Твардовского, он из чисто тактических соображений решил использовать для этого противников «Нового мира». Однако нельзя не отметить, что на весы были брошены четыре небольших рассказика.

Но главное в другом: оказывается, вступив в переговоры с «черной сотней», Александр Исаевич, забыл о своей *гордости* и прежде всего обратился с просьбой не о публикации рассказов, а о квартире и московской прописке (16).

Это, пожалуй, и было главным в той игре, которую он начал. И только тогда, когда в этом главном вопросе

не был найден общий язык, четыре рассказа сыграли роль дымовой завесы для отступления, чтобы придать разрыву принципиальный характер.

Характеризуя свое распрямление и имея в виду 1965 г., А. И. Солженицын пишет: «Я подхожу к невиданной грани: *не нуждаться больше лицемерить*, никогда и ни перед кем» (17). Так написано в «Теленке» на странице 96. А на странице 107 мы читаем следующие слова Александра Исаевича, сказанные им в беседе с А. Т. Твардовским: «Я по прежнему с полной сипатией слежу за позицией и деятельностью журнала... —

(Здесь натяжка конечно)» (18). Натяжка в данном случае — это и есть лицемерие.

Упрекая, а порою и открыто осуждая тех, кто отрекался и каялся под давлением власти, А. И. Солженицын забывает, что он тоже не избежал этого греха. Вспомним его обращение осенью 1965 г. к П. Н. Демичеву (19). А письмо к Л. И. Брежневу от 25 июля 1966 г.? (20). Каким былинным героем — копьеборцем изображает себя Александр Исаевич на заседании Секретариата Союза писателей 22 сентября 1967 г. при обсуждении «Ракового корпуса»: один против всех. Но ведь и там он

отрекался от самого себя, «*охаивал*» «*себя прежнего*» (21).

Широко распространено мнение, будто бы, оказавшись за границей, А. И. Солженицын, не считаясь с возможными последствиями, разразился критикой недостатков западного общества. Но так ли уж Александр Исаевич был безразличен к западному общественному мнению?

В записных книжках В. Т. Шаламова сохранился следующий диалог с одним из писателей:

«— Для Америки — быстро и наставительно говорил мне мой новый знакомый, — герой должен

быть религиозным. Там даже законы есть насчет этого, поэтому ни один книгоиздатель американский не возьмет ни одного переводного рассказа, где герой — атеист, или просто скептик, или сомневающийся.

— А Джефферсон, автор декларации?

— Ну, когда это было. А сейчас я просмотрел бегло несколько ваших рассказов. Нет нигде, чтобы герой был верующим. Поэтому, — мягко шелестел голос, — в Америку посылать этого не надо...

Небольшие пальчики моего нового знакомого быстро перебирали машинописные страницы.

— Я даже удивлен, как это вы...
И не верите в Бога!

— У меня нет потребности в такой гипотезе, как у Вольтера.

— Ну, после Вольтера была Вторая мировая война

— Тем более.

— Да, *дело даже не в Боге.*

Писатель должен говорить языком большой христианской культуры, все равно — эллин он или иудей. Только тогда он может добиться успеха на Западе» (22).

Собеседник В. Т. Шаламов в опубликованном тексте назван по имени не был, а сам диалог при публикации оставлен без комментариев. Несмотря на это,

нашелся человек, который принял его на свой счет: им оказался Александр Исаевич (23). Прошло немного времени и опубликовавшая эти записи И. Сиротинская заявила, что собеседником В. Т. Шаламова действительно был именно А. И. Солженицын (24). Напрасно Александр Исаевич пытался протестовать (25), цену его искренности мы знаем. Но если принять на веру утверждение И. Сиротинской, получается, что религиозность А. И. Солженицына — не убеждение, а товар, за который хорошо платят.

Не с этим ли связано его стремление к случаю или без случая

подчеркивать свою религиозность. Открываем «Теленка» и читаем: «Шла Вербная неделя», «под православную Троицу», «в Духов день», «на Успенье», «на Рождество», «тихая теплая Пасха» и так далее (26). Комментируя отмеченную особенность литературных воспоминаний А. И. Солженицына, В. Бушин пишет: «Ах, как это похоже на нынешних новых русских, надевающих нательный крест поверх дубленок» (27).

А вспомним «Письмо к вождям». Сидя на подмосковной даче, можно было сравнивать американский Сенат с «балаганом», а западную музыку характеризовать

как «обезьянью». Но разве можно было позволить такое даже в Цюрихе. Прошло немного времени, и он едва не ставший почетным гражданином Соединенных Штатов Америки, был приглашен выступить в том самом Сенате, который еще совсем недавно называл «балаганом». Может быть, он отказался от приглашения, не желая быть шутом на балаганной сцене? Ничего подобного. Принял его с радостью. Где же здесь принципиальность и последовательность?

И вовсе не критиковал он Запад. Он обвинял его в отсутствии воли. Он обвинял его в стремлении к

разрядке. Он пытался, растормошить западного зверя и натравить его на собственную страну.

Разве не в угоду Западу он переделывал «Август»? Разве не в угоду Западу он перелицевал «Круг»? Разве не в угоду Западу он переработал «Архипелаг»? Да что там «Архипелаг», переписал собственную биографию.

А как он вел себя, вернувшись в Россию? Сразу же, скажут его поклонники, возвысил свой голос против разрушительных ельцинских реформ? Возвысил, но поначалу обрушил свой гнев не на президента, а на Е. Т. Гайдара и его команду и назвал Ельцина своим именем

только тогда, когда тот сошел со сцены.

Зато, говорят его поклонники, он отказался от пожалованного ему Ельциным ордена.

Отказался. Но как?

Заявил, что не может принять его из рук нынешнего президента, однако готов принять его потом. А что, потом это будет не ельцинский орден?

И если наш праведник такой принципиальный, как же он мог получить из рук этого же «преступного режима» дачный участок в четыре гектара на окраине столицы, причем не где-нибудь, а «в номенклатурном лесу среди

нынешних вождей», т. е. среди вождей все того же «преступного режима» (28). Почему же получить из преступных рук орден нельзя, а ордер можно? Почему получить орден из рук преступников нельзя, а жить бок о бок с ними на заповедной земле можно?

Какую же нужно иметь совесть, чтобы после всего этого говорить о «чистоте имени»?

«Он никогда не любил людей»

Исследователям еще предстоит нарисовать полный психологический портрет А. И. Солженицына.

Добавим к тому, что уже было сказано, еще несколько штрихов.

Вспомним, как, будучи курсантом, он высматривал, *«где бы тяпнуть лишний кусок»*, *«ревниво»* следил за теми, *«кто словчил»*, *«больше всего»* боялся *«не доучиться до кубиков»* и попасть под Сталинград (1).

Вспомним, как вел он себя, отработав *«тигρινую офицерскую походку»*!

И дело не только в том, что он сидя выслушивал стоявших перед ним по стойке *«смирно»* подчиненных, что *«отцов и дедов»* называл на „ты“ (они его *«на вы»*, конечно), что у него был денщик, *«по*

благородному ординарец», что он требовал от него, чтобы он готовил ему «еду отдельно от солдатской», что ел свое «офицерское масло с печеньем», что заставлял солдат копать ему «землянки на каждом новом месте» (2). Все это предусматривалось уставом и существовавшими армейскими порядками.

А вот то, что он рисковал жизнями людей и посылал их на гибель, чтобы только «не попрекало начальство», т. е. чтобы выслужиться — это уже на его совести. И гауптвахта на батарее, насчитывавшей всего 60 человек, — его собственное творчество. И вроде

бы мелочь — снятый с «партизанского комиссара» ремешок, который преподнесли ему его подчиненные — но мелочь показательная. Ведь не отругал, не осудил праведник своих подчиненных за грабеж, а с радостью принял краденое. Значит не видел в этом ничего предосудительного (3).

А вспомним поэму «Прусские ночи». Одного взмаха руки ее главного героя было достаточно, чтобы тут же без суда и следствия расстреляли ни в чем неповинную женщину. К нему под дулом автомата приводил ординарец для удовлетворения его похоти перепуганную на смерть немку (4)?

Конечно, автор и лирический герой — не всегда одно и то же. Но в данном случае прототипом главного героя был сам автор.

А как А. И. Солженицын характеризует себя в «Архипелаге»: **«вполне подготовленный палач»**, **«может быть у Берии я вырос бы как раз на месте»**, **«да ведь это только сложилось так, что палачами были не мы, а они»** (5). Невероятно. Это значит, что по своим личным качествам автор «Архипелага» вполне мог быть не только арестантом, но и тюремщиком. И не простым тюремщиком, а «палачом». Да, что там мог быть. Разве, признавая свою

командирскую жестокость, это он сказал не о себе: «В переизбытке власти *я был убийца и насильник*» (6).

Не всякий может написать о себе такое. И не только из-за отсутствия смелости, но и из-за отсутствия оснований для подобной откровенности.

Что же толкнуло А. И. Солженицына на такой шаг? Этот вопрос давно занимает его современников. И на него уже дан ответ — опасения, что подобные разоблачения могут быть сделаны другими. Это, как кто-то очень удачно выразился, опережающая откровенность. Потому что после

подобных откровений любое подобное разоблачение может быть парировано утверждением: он ведь все осознал, сам себя осудил и давно исправился.

Осознал ли? Исправился ли?

Неужели «вполне подготовленный палач», пройдя лагеря, мог стать человеком? Ведь он сам пишет, что в ГУЛАГе существовали звериные законы («хоть ты рядом и околеешь — мне все равно» и «подохни ты сегодня, а завтра я») (7). Как же такие законы могли из палачей делать людей? И как можно говорить об исправлении, если Александр Исаевич так пишет о себе: *«Жизнь научила меня плохому,*

и плохому я верю сильнее» и с иронией характеризует себя как «безнадежно испорченного ГУЛагом зэка» (8).

Вспомним, как повествуя о конфискации своего «главного архива» осенью 1965 г., А. И. Солженицын изображал дело, будто бы, забирая свои бумаги у В. Л. Теуша (весь «главный архив» помещался в патефоне), он забыл проверить все ли рукописи на месте, между тем, по утверждению писателя, В. Л. Теуш, беря из этого патефона некоторые рукописи, забывал класть их обратно и обнаружил это только после ухода А. И. Солженицына, а поскольку

А. И. Солженицын в этот момент находился в отъезде и В. Л. Теуш сам собирался уезжать за город, он на время своего отсутствия передал «архив» И. И. Зильбербергу, у которого тот и был изъят вечером 11 сентября (9).

Такова солженицынская версия. Создавая ее, Александр Исаевич не знал, что через некоторое время И. И. Зильберберг опубликует протокол обыска на его квартире и нам станет известно содержание конфискованного «архива». Из этого протокола явствует, что у И. И. Зильберберга были обнаружены рукописи почти всех произведений А. И. Солженицына, которые к этому

времени были написаны (за исключением романа «В круге первом»). Это около 200–300 страниц машинописного текста.

Что же тогда забрал Александр Исаевич у В. Л. Теуша? Ответ может быть один: хранившиеся у него материалы будущего «Архипелага». Но тогда получается, что он сознательно оболгал своего недавнего приятеля, обвинив его одновременно и в том, что он по своей безалаберности не вернул ему его рукописи, и в том, что передал их на хранение И. И. Зильбербергу. А чтобы усилить вину В. Л. Теуша Александр Исаевич первоначально пытался отрицать факт знакомства с

И. И. Зильбербергом. И вынужден был признать его только после того, как публично был уличен последним во лжи.

Не может не вызвать удивление и его отношение к К. И. Чуковскому.

Человек, который оказал ему, еще только-только появившемуся в литературе, свое покровительство, человек, который, поверив его сказкам о возможном аресте, предоставил ему осенью 1965 г. свою дачу, человек, который завещал ему часть своего имущества, дочь и внука которого оказывали ему бескорыстную помощь. Но когда Корней Иванович умер, Александр Исаевич не пожелал с ним

проститься.

С каким уважением, чуть ли не со слезами на глазах А. И. Солженицын описывает Ирину Николаевну Томашевскую, которая в значительной степени под его влиянием и для него взялась за кропотливейшую работу — текстологический анализ «Тихого Дона». А как он повел себя, получив известие о ее смерти? Может быть, бросил все и помчался чтобы проводить ее в последний путь? Нет, он был очень занят. Он писал эпопею. А когда «в Москве у Ильи Обыденного служили панихиду по Ирине Николаевне. — пишет Александр Исаевич, — Мне — никак

нельзя было появиться» (10). Почему же нельзя?

В «Теленке» рассказывается, как Е. Д. Воронянская не исполнила требование А. И. Солженицына уничтожить имевшийся у нее экземпляр «Архипелага», как оказавшись летом 1973 г. в КГБ, дала откровенные показания и как вскоре после этого, видимо, терзаемая раскаянием покончила с собой. Как же реагировал на это Александр Исаевич? Вот свидетельство В. Е. Максимова: «Реакция нашего героя, большого человеколюбца, душеведа и христианина, на эту трагедию была библейски лапидарной: „*Она обманула меня —*

она наказана“» (11).

Жестокость приведенных слов поразительна, особенно если учесть, что человек сам наказал себя смертью за проявленную слабость и наказал не в последнюю очередь потому, что не мог после этого спокойно глядеть в глаза своему кумиру. «...Я, — отмечал по этому поводу В. Е. Максимов, — прожил жизнь, какую врагу не пожелаю, но нигде, даже на самом дне общества, ни от кого, даже от самого падшего, я в схожих ситуациях такого не слыхивал» (12).

При чтении «Теленка» нельзя не обратить внимание на противостояние автора с

А. Т. Твардовским. Объясняя его, А. И. Солженицын пишет: «Советский редактор и русский прозаик, мы не могли дальше прилегать локтями, потому что круто и необратимо разбежались наши литературы» (13). И далее: «Расхождение наше было расхождением литературы русской и литературы советской, а вовсе не личное» (14).

Можно по-разному относиться к А. Т. Твардовскому и как к поэту, и как к главному редактору «Нового мира», и как к человеку, но бесспорно одно: он не сделал А. И. Солженицыну ничего плохого и по-своему всячески старался ему

помогать, причем, порою рискуя не только своей карьерой, но и журналом.

Поэтому можно понять Александра Исаевича, когда он, несмотря на различия в их взглядах, называл А. Т. Твардовского своим «литературным отцом» (15) и подписал ему свою телеграмму по случаю 60-летия словами: «неизменно нежно любящий Вас, благодарный Вам Солженицын» (16).

Уже одно, казалось бы, это должно было удержать Александра Исаевича от тех оскорбительных выпадов, которые были допущены им в «Теленке» в отношении своего «литературного отца».

Не удержался. Вот только два примера.

Осенью 1965 г.

А. Т. Твардовский посетил Париж, где ему был задан вопрос о творческих планах

А. И. Солженицына, на который Александр Трифонович якобы ответил, что чрезвычайная скромность писателя и его монашеское поведение не позволяют ему говорить о его творческих планах, но он уверен, что из-под его пера еще выйдет много прекрасных страниц. Как расценил этот явно дипломатичный ответ Александр Исаевич: «Я от соленой воды во рту не мог крикнуть о помощи — и он

меня тем же багром помогал утолкнуть под воду» (17).

Мы уже знаем, что тогда, осенью 1965 г., никто багром его под воду не «уталкивал» и вся истерия по поводу возможного ареста была делом его собственных рук. Мы ведь помним, как именно в это время уталкиваемый под воду писатель, с минуты на минуту ожидавший ареста, спокойно ходил в ЦК и «нагло» требовал там не просто квартиру, а квартиру с московской пропиской.

Для чего же тогда ему понадобился этот багор? Неужели для того, чтобы продемонстрировать свою неизменную и нежную любовь

к своему литературному отцу? Неужели для того, чтобы показать, насколько он ему благодарен?

Весной 1967 г. А. Т. Твардовский побывал в Италии и там на вопрос: действительно ли у А. И. Солженицына есть произведения, которые он опасается вынуть из стола, ответил: «В стол я к нему не лазил», но «вообще с ним все в порядке», «он окончил 1-ю часть новой большой вещи», которую «хорошо приняли московские писатели» (18). Ответ тоже дипломатичный. Как же на него отреагировал А. И. Солженицын? Вот его слова: «Сам в эти месяцы душимый, — он помогал и меня

душить» (19).

Как же можно было испытывать благодарность и нежность к человеку, который помогал другим тебя душить? Значит, лгал, когда писал о неизменной нежности, значит лгал, когда уверял в благодарности.

Осенью 1974 г. в Женеве Александр Исаевич посетил В. Л. Андреева. Передавая в «Теленке» свои впечатления от этой встречи, он скороговоркой отмечает: «ему тут не доверяли» и как следствие — «печальная старость в полунищете», и далее: «Какими всеильными они (т. е. Андреевы — А.О.) казались мне десять лет назад в

комнате Евы, когда зависело от них взять или не взять пленку, вся моя судьба. Какими беспомощными и покинутыми — теперь» (20). Одним из покинувших их стал и сам А.И. солженицын. Андреевы сделали свое дело. Теперь они были ему не нужны.

В 1976 г. в США умирал человек, который помогал Александру Исаевичу собирать материал для «Красного колеса». Речь идет о заместителе главного редактора газеты «Новое русское слово» Юрии Сергеевиче Сречинском. Ему очень хотелось попрощаться с писателем, которого он боготворил. Главный редактор газеты «Новое русское слово» довел предсмертное

желание своего друга до А. И. Солженицына, однако последний никак не отреагировал на него (21). Можно допустить, что Александр Исаевич был настолько поглощен эпопеей, что не мог выкроить ни одного дня для поездки в Нью-Йорк, но неужели у него не нашлось получаса, чтобы черкнуть умирающему человеку хотя бы несколько слов благодарности (22) А зачем? Теперь он уже был ему не нужен.

Не нужен был ему и художник Ю. В. Титов, который в 1968 г. делал для него эскизы замышлявшегося тогда под Москвой храма Троицы. Ведь из этого замысла так ничего и

не вышло. Между тем, если верить А. Флегону, Александр Исаевич не только не расплатился с художником тогда, но и не пожелал помочь ему, когда тот оказался на чужбине и очень нуждался. Более того, отказался даже встречаться с ним. Между тем не выдержав испытаний покончила с собой жена Ю. В. Титова, сам он и его дочь оказались в психиатрической больнице (23).

А вспомним скоропостижную смерть Б. Ю. Физа. А самоубийство И. В. Морозова (24)?

Александр Исаевич неоднократно подчеркивал, что ради идеи он готов идти на любые

жертвы, даже на смерть.

Так, в 1967 г. в своем «Письме к съезду» он заявил: «Никому не перегородить путей правды, и за движение её **я готов принять и смерть**» (25). Через шесть лет летом 1973 г. в «Письме вождям» А. И. Солженицын повторял ту же самую мысль: «...я, кажется, доказал многими своими шагами, что не дорожу материальными благами и **готов пожертвовать жизнью**. Для вас такой тип жизнеощущения необычен — но вот вы наблюдаете его» (26).

В 1974 г., вспоминая события, предшествовавшие появлению «Архипелага», А. И. Солженицын

утверждал, что на той случай, если бы встал вопрос: жизнь детей или издание «Архипелага» им и его женой было принято «сверхчеловеческое» решение — *«наши дети не дороже памяти замученных миллионов*, той Книги мы не остановим ни за что» (27). Поразительная самоотверженность. Многие ли способны на это?

13 февраля 1974 г. было опубликовано обращение писателя «На случай ареста», которое заканчивалось словами: «Таким образом, я оставляю за ними простую возможность открытых насильников: вкратке *убить меня* за то, что я пишу правду о русской

истории» (28).

В 1983 г. Александр Исаевич дал интервью корреспонденту газеты «Таймс», которое закончил словами: «Пришло время ограничивать самих себя в потребностях, *учиться жертвовать собою для спасения родины и всего общества*» (29). Учиться? Но у кого? Конечно, у того, кто ради идеи, ради правды готов пожертвовать не только собою, но и своими детьми.

Но вот мы листаем воспоминания Александра Исаевича и читаем о том, как он проводил часть лета 1969 г. на берегу Пинеги вместе с одной из своих помощниц, ставшей позднее его женой, «Алей»,

Натальей Дмитриевной. Здесь они обсуждали идею издания свободного от цензуры журнала. Полагая, что журнал следует издавать в СССР, а он как редактор «может быть здесь, а может быть и там», т. е. за границей, А. И. Солженицын пишет: «Аля считала, что надо на родине жить и умереть при любом обороте событий, а я, по-лагерному: *нехай умирает, кто дурней*» (30).

Если бы эти слова Александра Исаевича передал кто-нибудь из его противников, их можно было бы поставить под сомнение как клевету. Если бы эти слова нашли отражение в воспоминаниях его нейтральных современников, можно было бы

усомниться в их точности. Но приведенные слова содержатся в воспоминаниях самого А. И. Солженицына, переизданных трижды.

«...нехай умирает, кто дурней» — это значит, по мнению нашего борца за правду, ради идеи на костер идут только дураки. И это говорит человек, призывающий к самопожертвованию? Достаточно одной этой фразы, чтобы понять истинную цену его призывов.

Вот его настоящее лицо: *«...нехай умирает, кто дурней»*.

В связи с этим особого внимания заслуживают слова Анны Михайловны Гарасевой, которая

некоторое время «исполняла обязанности» своеобразного секретаря А. И. Солженицына в Рязани: «...Как мне представляется, — с горечью констатировала она, — он никогда не любил людей» (31).

Вдумайтесь в эти слова. Праведник, который не любит людей. За что же тогда он боролся?

Приводя слова А. И. Солженицына из «Теленка» «мои навыки каторжанские, лагерные», В. Я. Лакшин писал: «Эти навыки, объясняет его книга, суть: если чувствуешь опасность — опережать удар, никого не жалеть, легко лгать и выворачиваться,

раскидывать „чернуху“» (32). И далее В. Я. Лакшин делал заключение о том, что прошедший лагерную школу автор предстает со страниц своих воспоминаний не в образе безобидного «телка», а в виде «лагерного волка» (33).

«Человек исключительной скромности»

«Солженицын — сказал как-то Д. М. Панин, — человек исключительной скромности» (1). Заметьте: не просто скромный человек, а человек редкой скромности.

Кто хочет убедиться в этом, рекомендую уже упоминавшуюся публикацию «Читают Ивана Денисовича». Ознакомившийся с нею в самиздате, Л. А. Самутин с нескрываемым удивлением писал: «Все эти тексты, автор которых не был нигде назван, составлены были очень гладким выхолощенным литературным языком, каким бывает, например, язык в сочинении десятиклассницы-отличницы... Во всех этих текстах неизвестного комментатора шло безудержное восхваление Солженицына, провозглашение его как писателя, и как бесстрашного человека, негибающегося и несдающегося,

несмотря на поднятую вокруг него травлю и свистопляску недругов» (2).

Теперь, я надеюсь, понятно, почему в «Теленке» Александр Исаевич продемонстрировал такую скромность и уступил авторство этой работы Энэнам. Потому, что написать о самом себе в такой форме может не всякий.

Появление на свет рукописи «Читают Ивана Денисовича» не было случайностью. Вот разговор Александр Исаевича с Натальей Алексеевной накануне развода:

«— Ты решил разводиться? Тогда разводишься с учетом того, кем ты стал.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты стал богатым человеком (намек на Нобелевскую премию — А.О.). Так разводись как богатый человек. Нас четверо (Александр Исаевич, Наталья Дмитриевна, их первый сын Ермолай и Наталья Алексеевна — А.О.). Выдели мне одну четверть от всего, что ты имеешь.

Александр Исаевич сделал отстраняющий жест рукой:

— *Эти деньги принадлежат России. На Россию ты не покушайся!*» (3).

Было бы интересно узнать, что же получила Россия из этих денег.

Другой эпизод из жизни А. И. Солженицына, приводимый

В. Н. Войновичем в его книге «Портрет на фоне мифа»: «Родственников где-то в Ставрополье проведаль (в сопровождении телевизионщиков), выпил с ними по рюмочке и — дальше. На просьбу родственницы: „Погостил бы еще“ — без юмора отвечает: „*Некогда, Россия ждет*“» (4).

И это неудивительно. Откройте «Зернышко» и прочитайте, как просто именует себя Александр Исаевич: «*человек-гора*» (5). Да, да, не низина, не холм, а именно гора. Так и слышатся ленинские слова, сказанные, правда, о Льве Толстом: какая глыба, какой «матерый человецище».

А вот еще свидетельство Н. А. Решетовской: «...читала книгу Бердяева „Достоевский“. Александр Исаевич не захотел ее даже раскрыть. Этому не следует удивляться. Ведь он как-то сказал мне, что *чувствует себя между Достоевским и Толстым*» (6).

Ни более — ни менее, «между Достоевским и Толстым».

Бедный Достоевский. Не дотянул до Солженицына.

Но только ли Ф. М. Достоевский?

В «Теленке» Александр Исаевич с самым серьезным видом (как подобает только человеку исключительной скромности)

приводит слова, будто бы сказанные ему осенью 1965 г. К. И. Чуковским: «О чем Вам беспокоиться, когда Вы уже поставили себя на второе место после Толстого» (7). Значит, не только Федор Михайлович не сумел подняться до уровня Великого писателя земли русской, но и А. П. Чехов, и Н. А. Некрасов, и Н. В. Гоголь, и М. Ю. Лермонтов, и А. С. Пушкин, и прочие, и прочие, и прочие. И с этим спорить? Ведь ни у кого из них нет такой эпопеи, которую написал Александр Исаевич. А все собрание сочинений М. В. Лермонтова уместается в двух томах. Разве можно поставить его рядом с двадцатитомным собранием

сочинений А. И. Солженицына?

Свою особую роль в этом мире Александр Исаевич осознал очень рано.

В одном из фронтовых писем Наталье Алексеевне, так же демонстрируя редкую скромность, он писал:

«Будучи у меня на фронте, ты сказала как-то: не представляю нашей будущей жизни, если у нас не будет ребенка. Рожать и воспитывать сумеет чуть ли не всякий. *Написать художественную историю послеоктябрьских лет могу, может быть, только я один*, да и то, — разделив свой труд пополам с Кокой (Н. Д. Виткевич — А.О.), а

может быть, и еще с кем-нибудь. Настолько непосилен этот труд для мозга, тела и жизни одного» (8).

Понять Александра Исаевича нетрудно. Действительно, кто же, кроме него, мог одолеть «художественную историю послеоктябрьских лет»? Ведь Льва Толстого к тому времени уже не было.

Однако, как мы знаем, и Александру Исаевичу не удалось справиться с этой задачей. То ли потому, что рассорился с Кокой. То ли потому, что не с теми, с кем нужно было, «разделил свой труд пополам». То ли потому, что, забыв о последствиях, тоже стал, как

«всякий» «рожать и воспитывать» детей.

Но вполне возможно, что причина этого в другом. Дело в том, что, оказывается, Александр Исаевич не волен в своих действиях и поступках. «То и веселит, то и утверждает, — констатирует он, — что не все я задумываю и провожу, что я — только меч, хорошо отточенный на нечистую силу, заговоренный рубить ее и разгонять. О, дай Господи, не переломиться при ударе. Не выпасть из Руки Твоей» (9).

Как тут не вспомнить героя романа Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» Фому Фомича Опискина, о котором другой

персонаж этого же романа Степан Алексеевич Бахчеев бросил удачную фразу: «Такого самолюбия человек, что уж сам в себе поместиться не может» (10).

«Толстой, — пишет В. Н. Войнович, — как-то сказал, что оценивать человека можно дробным числом, где в числителе стоят реальные достижения оцениваемого, а в знаменателе — то, что он сам думает о себе... Числитель у Солженицына был когда-то очень высок, но и тогда знаменатель был выше. Со временем разрыв между двумя показателями (первый снижался, второй рос) увеличивался и достиг катастрофического

несоответствия» (11).

Итак, оказывается, человек, призывающий других жить не по лжи, сам этим принципом никогда не руководствовался. Человек, называющий себя христианином, сам христианские заповеди никогда не соблюдал. Человек, призывающий других к самопожертвованию, сам ничем жертвовать не желал и не желает. Человек, утверждающий, что мир может спасти от гибели только нравственная революция, сам оказывается существом

безнравственным.

Обратив внимание на это и одним из первых прокричав, что король гол, В. Н. Войнович не мог не задаться вопросом: если А. И. Солженицын не тот за кого он себя выдает, как же тогда рассматривать его деятельность в качестве борца с советской системой?

Пытаясь охарактеризовать диссидентское движение, В. Н. Войнович выделил внутри него четыре типа его участников: а) «крупные личности» — убежденные противники системы, б) «наивные и бескорыстные романтики», в) «расчетливые дельцы», г)

«напыщенные и просто нездоровые» лица (12). Всей логикой своей книги В. Н. Войнович подводит читателя к мысли, что его герой относится к категории «расчетливых дельцов».

Еще раньше к подобному умозаключению пришел В. Т. Шаламов. В его «записных книжках», относящихся к 60-м годам, мы можем прочесть: «Деятельность Солженицына — это *деятельность дельца*, направленная на узко личные успехи со всеми *провокационными* аксессуарами подобной деятельности» (13).

Прочитав эти слова, Александр Исаевич был обижен. Понять его нетрудно, особенно если учесть, что

они исходили от человека, которого он когда-то называл своей совестью. «Да неужели же к моей борьбе с советским режимом, — *никогда ни малейшей сделки с ним, ни отречения от своего напечатанного* — возмутился он, — подходит слово „делец“» (14). Мы уже знаем, что в жизни бескомпромиссного копьеборца были и сделки и самотречения. Поэтому комментируя солженицынскую реплику и имея в виду слово «делец», В. Бушин заметил: «Это, Александр Исаевич, самое мягкое словцо, что к вам подходит» (15).

Действительно, человек,

призывающий других к
самоограничению, не может
раскошествовать, человек,
призывающий других жить не по
лжи, не может лгать, человек,
призывающий других к
бескомпромиссной борьбе, не может
идти на сделки.

В противном случае он — или
действительно делец (и это самое
лучшее), или (что гораздо хуже) —
провокатор.

Глава 2

Следы ведут на «Лубянку»

Делец или провокатор?

С В. Н. Войновичем трудно было бы спорить, если бы предложенная им классификация диссидентов являлась исчерпывающей. Между тем он забыл еще об одной их категории, вероятнее всего, самой малочисленной, но сбрасывать которую со счета никак нельзя. Речь идет об агентуре КГБ.

На основании опубликованных данных можно утверждать, что для

сбора информации КГБ использовал два источника: секретных агентов и доверенных лиц. Секретные агенты давали подписку о сотрудничестве и расписку о неразглашении, им присваивалась кличка, на каждого из них заводилось специальное дело. Жалования они не получили, но могли пользоваться содействием КГБ в продвижении по службе и т. д. В качестве доверенных лиц выступали люди, которые, контактируя с сотрудниками КГБ, делились с ними имевшейся у них информацией или же оказывали определенные услуги, но не выполняли специальных заданий, не ходили на конспиративные встречи и не имели

кличек, на них не заводилось личное дело, иначе говоря, они не оформляли свои отношения с КГБ документально (1).

Если доверенные лица играли роль информаторов от случая к случаю, то секретные агенты исполняли свои обязанности регулярно, более того, их могли внедрять в диссидентское движение, участвуя в котором, они, по сути дела выступали в роли провокаторов. Известен не один десяток таких лиц (2).

Поэтому если рассмотренный материал позволяет нам исключить А. И. Солженицына из числа убежденных диссидентов, то это

вовсе не значит, что он принадлежал к категории «рассчетливых дельцов». На самом деле мы стоим перед другим более сложным вопросом: делец или провокатор?

Обвинения А. И. Солженицына в связях с советскими спецслужбами возникли давно. Сам Александр Исаевич и его поклонники пытаются создать видимость, что в основе этих обвинений лежит его собственное признание о вербовке в осведомители на Калужской заставе (3), которое затем после высылки писателя за границу было использовано КГБ для его дискредитации и что именно КГБ стал раскручивать эту версию, не

останавливаясь даже перед использованием фальшивок (4).

Однако это не совсем так. А. И. Солженицын сам указывает, что впервые подобное обвинение в его адрес было высказано еще в 1971 г. на страницах издающейся в Америке газеты «Новое русское слово» эмигрантским профессором-филологом Н. А. Ульяновым (5). Когда Александр Исаевич оказался за границей, подобные подозрения усилились, и *11 мая 1974 г.* (обращаю ваше внимание на дату) издаваемая Общероссийским монархическим фронтом в Аргентине газета «Русское слово» писала: «И об Иване Солоневиче был

пущен слух, что он посланный советский агент. Теперь между прочим такие же слухи ходят и про Солженицына» (6). Тогда же появился упоминавшийся ранее памфлет Бориса Солоневича, утверждавшего, что А. И. Солженицын — агент КГБ и отправлен за границу с целью разложения российской эмиграции (7).

Только после этого в конце лета-начале осени 1974 г. вышел из печати второй том «Архипелага» и его читатели узнали о вербовке автора книги на Калужской заставе (8).

Таким образом, обвинение А. И. Солженицына в связях с КГБ

появилось до того, как он поделился откровениями на счет его вербовки.

В любом случае, коль скоро данная проблема поставлена, она должна быть решена. Если высказанные в адрес писателя обвинения лишены оснований, от них следует отказаться, и люди, распространяющие их без каких-либо новых аргументов должны заслуживать осуждения. Если эти обвинения возникли не случайно, то как в отношении А. И. Солженицына, так и в отношении всех тех (и людей, и организаций), кто помогал и помогает ему, следует сделать соответствующие выводы.

Если обозреть жизнь А. И. Солженицына, начиная с пребывания в ГУЛАГе и кончая высылкой за границу, мы прежде всего увидим, что на протяжении почти двадцати лет его литературная деятельность находилась в резком противоречии с канонами советской идеологии. Со временем это противоречие приобретало все более и более непримиримый характер. Одновременно писатель вступает в открытую схватку с советской системой, устанавливает связи с зарубежьем, становится кумиром диссидентского движения.

Где же на протяжении всех этих лет были органы госбезопасности? Что они делали, чтобы не допустить, пресечь или же парализовать подобную деятельность? Ничего.

Согласитесь — странно.

Признавая это «чудо», Александр Исаевич объясняет его, с одной стороны, своим конспиративным искусством, которое якобы позволило ему долгое время держать КГБ в неведении о характере его литературного творчества и скрывать от него свои связи с зарубежьем, с другой стороны — полной бездарностью КГБ, который лишь совершенно случайно летом 1973 г. обнаружил

«Архипелаг» и только тогда понял, с кем имеет дело (1).

Удивительно, учреждение, имевшее огромный и успешный опыт борьбы с иностранными разведками, оказалось бессильным перед непрофессиональным подпольщиком. Что же за приемы использовал он?

По свидетельству А. И. Солженицына, на путь конспирации он встал еще за колючей проволокой, когда начал тайно сочинять стихи. А чтобы скрыть это от глаз надзирателей не только сочинял все в уме, лишь изредка прибегая к бумаге, но и на протяжении семи лет хранил

сочиненное в памяти, в результате чего к началу ссылки набралось 12000 строк.

В ссылке, он не только приобрел домик на окраине поселка, не только не стал жениться, но и, освоив искусство «заначек», начал хранить все написанное в тайнике, которым для него служил посылочный ящик с двойным дном, а когда уезжал в Ташкент, то спрятал свои рукописи в бутылке из-под шампанского, закопав ее на огороде. Затем он приобрел фотоаппарат и начал свои рукописи микрофильмировать. Микрофильмы не только проще было укрывать в тайнике, их можно было заделывать в обложку книг. Так, если верить

Н. А. Решетовской, в 1956 г. ее муж вывез некоторые свои рукописи из ссылки (2).

Как конспирировал А. И. Солженицын свою литературную деятельность в Мильцево, мы не знаем, но, вероятно, ничего нового в технике его конспирации не было, иначе он поведал бы нам об этом.

«В Рязани, — пишет Александр Исаевич, — я придумал хранение в проигрывателе: внутри нашел полость, а сам он так тяжел, что на вес не обнаружишь добавки. И халтурную советскую недоделку верха шкафа использовал для двойной фанерной крыши» (3).

В связи с этим «важней всего» для него был «объем» рукописи, «не творческий объем в авторских листах, а объем в кубических сантиметрах. Тут, — пишет Александр Исаевич, — выручали меня еще не испорченные глаза и от природы мелкий, как луковые семена, почерк: бумага тонкая, если удавалось привезти ее из Москвы: полное уничтожение (всегда и только — сожжение) всех набросков, планов и промежуточных редакций: теснейшая строчка к строчке (не в один интервал, два щелчка, но после каждой строчки я выключал сцепление и еще сближал от руки), без всяких полей и двусторонняя

перепечатка: а по окончании перепечатки — сожжение и главного беловика рукописи тоже: один огонь я признавал надежным еще с первых литературных шагов в лагере» (4).

«Безопасность, — читаем мы далее, — приходилось усиливать всем образом жизни: в Рязани, куда я недавно переехал, не иметь вовсе никаких знакомств, приятелей, не принимать дома гостей и не ходить в гости — потому что нельзя же никому объяснить, что ни в месяц, ни в год, ни на праздник, ни в отпуск у человека не бывает свободного часа» (5).

А когда Александр Исаевич решил частично выйти из подполья и

опубликовать свою повесть «Один день Ивана Денисовича», он стал передавать свои рукописи на хранение другим. Так в 1959–1962 г. он сделал по крайней мере пять «захоронений»: два в Москве, два на Урале и одно в Крыму (6). Со временем круг хранителей увеличился.

Затем появились связи с заграницей. Первоначально, если верить Александру Исаевичу, они шли только через Н. И. Столярову (7). Потом появились другие опосредованные каналы (8). Наконец, он начал контактировать с иностранцами сам.

«Теперь, — пишет он, — имею

возможность открыть, во что поверить почти нельзя, отчего и КГБ не верило, не допускало: что *многие передачи на Запад* я совершал не через посредников, не через цепочку людей, а *сам, своими руками...* но по вельможности своего сознания, по себе меря, не могли представить ни генерал-майоры, ни даже майоры, что нобелевский лауреат — сам, как мальчишка, по неосвященным углам в неурочное время шныряет со сменной шапкой (обычная в рюкзаке), таится в бесфонарных углах — и передает. *Ни разу не уследили и ни разу не накрыли* — а какое бы торжество, что за урожай» (9).

И далее Александр Исаевич живописует, как ловко все было продумано:

«Из Рождества можно было гнать пять верст по чистому полю на полустанок, да одеться как на местную прогулку, да выйти лениво в лес, а потом крюку и гону. Из Жуковки можно было ехать не обычной электричкой (на станции то и дело дежурили топтуны) — а в другую сторону и кружным автобусом на Одинцово. Из Переделкина — не как обычно на улицу, а через задний проходной двор, где не ходили зимой, на другую улицу и пустынными снежными ночными тропами — на другой

полустанок, Мичуринец. И перед тем по телефону с Алей — успокоительные разговоры, что мол спать ложусь. И — ночной огонек оставить в окне. А если попадало ехать на встречу из самой Москвы, то либо выехать электричкой же за город, плутать в темноте и воротиться в Москву, либо, либо... Нет, городские рецепты пока придержим, другим пригодятся» (10).

Был по словам Солженицына продумана и связь. Условный звонок по телефону и ничего не значащий вопрос, например: это праченая? А день и место встречи уже назначены (11).

Какая конспирация без кличек?

Поэтому Е. Д. Вороньянская
именовалась **Кью**, А. Б. Дурова —
Вася, Н. В. Кинд — **Царевна**,
Э. Маркштейн — **Бетта**,
Н. Д. Светлова — **Аля**,
Н. А. Столярова — **Ева**, Н. А. Струве
— **Коля**, С. Н. Татищев — **Эмиль**,
Милька, Ф. Хееб — **Юра**,
Е. Ц. Чуковская — **Люша**,
А. И. Яковлева — **Гадалка** (12).

Таким образом, если верить
А. И. Солженицыну до высылки за
границу ему удалось не только
сохранить все написанное, но и
обеспечить как полную тайну своего
литературного творчества, так и
зарубежные связи.

«Всегда они меня не

дооценивали, — пишет он, имея в виду КГБ, — и до последних дней, пока не взяли „Архипелаг“, в самом мрачном залете воображения, я думаю, не могли представить: ну, что уж такого опасного и вредного мог он там сочинить?» (13).

Насколько же искусна была солженицынская конспирация?

Прежде всего, многое, о чем он пишет на этот счет, существовало только на бумаге и с самого начала было предназначено не для того, чтобы переиграть КГБ, а для того, чтобы обмануть доверчивого читателя.

Ранее уже были высказаны сомнения относительно

достоверности нарисованной им картины литературного творчества за колючей проволокой. Напомню только одну деталь. Долгое время он повторял, что невозможность для узника ГУЛАГа записывать сочиненное заставляла его заниматься *только* поэтическим творчеством и хранить все в памяти. Между тем совсем недавно нам стала известна его незаконченная повесть, над которой он работал в 1948 г., дошла до нашего времени и ее рукопись, которую сохранила не кто-нибудь, а сотрудница МГБ.

Запутался Александр Исаевич и в своей ссыльной конспирации. Первоначально он утверждал, что

вернулся к обычному литературному творчеству весной 1954 г., когда Н. И. Зубов научил его делать тайники, затем стал датировать этот факт весной 1953 г., наконец, перенес его на осень того же года. Чему же верить? Очень сомнительной представляется история с бутылкой из-под шампанского. А если бы А. И. Солженицын действительно отправил из заброшенного в степи казахского поселка свои крамольные рукописи в Соединенные Штаты Америки на имя А. Л. Толстой, на этом вся его подпольная литературная деятельность и закончилась бы.

Описывая свое возвращение из ссылки, Александр Исаевич сообщает, что вслед за ним по почте прибыли три посылочных ящика, которые выслал ему Н. И. Зубов из Кок-Терека. Что было в них в них, Александр Исаевич, как опытный конспиратор, умалчивает, но подготовленный им читатель уже догадывается, что это были ящики с двойным дном и в них, конечно же, находились крамольные рукописи (14). Но вот перед нами фрагменты из дневника Л. З. Копелева за 1956 г., из которых явствует, что свои рукописи А. И. Солженицын привез из ссылки в обычной сумке (15).

В «Теленке» рассказывается о

том, как осенью 1965 г. он, «угрожаемый автор», «скрывался» от КГБ на даче К. И. Чуковского, как именно в это время здесь появилась вернувшаяся из Парижа Н. И. Столярова. «Мы, — пишет Александр Исаевич, — сделали вид, что незнакомы, и Корней Иванович снова знакомил нас» (16). Вот, что значит конспирация. Н. И. Столярова не оставила описания этого эпизода, но он нашел отражение в дневнике К. И. Чуковского, который позволяет не только датировать эту встречу — 1 октября — но и проверить искренность Александра Исаевича. «Вчера, — гласит запись в дневнике Корня Ивановича, — была милая

Столярова, привезшая мне подарки от Вадима Андреева. Она оказалась секретарем Эренбурга. *С[олженицын] хорошо знаком с ней»* (17).

Для чего же Александру Исаевичу понадобилось освещать этот эпизод иначе? Чтобы читатель лишний раз убедился, каким опытным конспиратором он был: ведь он скрывал от К. И. Чуковского не знакомство с секретарем И. Г. Эренбурга, а тот единственный канал связи, который был у него тогда с зарубежьем.

Подобный характер имела его конспирация и зимой 1965–1966 и 1966–1967 гг. на хуторе под Тарту.

«Обе зимы, — пишет Александр Исаевич, — так сходны были по быту, что иные подробности смешиваются в моей памяти... В семь вечера я уже смашивался, сваливался спать. Во втором часу ночи просыпался, вполне обновленный, вскакивал *и при ярких лампах* начинал работу. К позднему утреннему рассвету в девятом часу у меня уже обычно бывал выполнен объем работы полного дня и я тут же начинал второй объем — управлялся с ним к 6-часовому обеду» (18).

Когда должен работать подпольный писатель? Конечно же, по ночам.

Но вот такая незадача. И

Х. Сузи, приехавшая на хутор по выходным дням, и Н. А. Решетовская, которая провела там полторы недели, свидетельствуют, что по ночам Александр Исаевич спал, как все, и работал тоже, как все, днем (19). К тому же, по свидетельству Натальи Алексеевны не то, что ночью, но даже в сумерках работа осложнялась, так как имевшаяся в доме лампочка испускала очень слабый свет (20). И это вполне объяснимо: ведь речь идет не о городской квартире, а о хуторе.

Если одни виды конспирации существовали только на бумаге, то другие, хотя действительно использовались, но были рассчитаны

не на КГБ, а на окружающих. Вспоминая свою переписку с А. И. Солженицыным врач Эммануил Владимирович Орел пишет: «У меня хранится несколько писем и открыток от Солженицына... Ни на одном из них нет ни обратного адреса, ни фамилии отправителя. Привычка старого зэка к конспирации» (21). Спрашивается, а что в данном случае нужно было конспирировать? Ведь переписка, судя по воспоминаниям, имела самый невинный характер.

Другой такой же эпизод. Александру Исаевичу нужно послать в редакцию «Нового мира» свою повесть «Раковый корпус», на

которую у него уже был заключен договор с журналом. Что сделал бы на его месте обычный неискушенный в конспирации писатель. Пошел бы на почту и отправил рукопись, указав свой домашний адрес. Не таков был Александр Исаевич. Послал, пишет он, «Раковый корпус» «якобы из рязанского леса» (22).

Еще более конспиративный характер имела его переписка с Н. И. Зубовым. Так получив восторженный отзыв А. Т. Твардовского по поводу его повести «Один день Ивана Денисовича», А. И. Солженицын сразу же написал в Крым Н. И. Зубову: «Вас очень удивит, если

я скажу, что (по стеснительности даже от Вас) я немного баловал литературой в свободное время, т. е. имел дерзость пытаться писать. Так я написал некую *повестушку* „Один день Ивана Денисовича“. И после XXXII съезда мне показалось, что как раз самое время ее напечатать бы — и отправил в „Новый мир“. Реакция превзошла самые радужные ожидания. Сочли, что я какой-то там самородок... Все это меня удивило» (23).

Можно допустить, что А. И. Солженицын, опасаясь непрошенных читателей, стремился отвести подозрения от семьи Зубовых на счет их осведомленности

о его литературном творчестве в Кок-Тереке, но для этого вполне достаточно было просто сообщить, что «написал некую повестушку». И все.

А вспомним, как Александр Исаевич описывает свою работу на пишущей машинке: «...теснейшая, строчка к строчке (не в один интервал, два щелчка, но после каждой строчки я выключал сцепление и еще сближал от руки), без всяких полей и двухсторонняя перепечатка» (24). Сразу же нужно отметить, что отключать после каждой строчки сцепление и рукой сближать строчки — бессмысленное занятие, которое могло дать

совершенно ничтожную экономию бумаги. Но дело даже не в этом. Можно допустить, что подобная техника печатания использовалась для хранения рукописей в тайнике, объем которого был ограничен. Но почему таким же образом Александр Исаевич печатал и те свои произведения, которые передавал в редакцию «Нового мира» для публикации? Разве их нельзя было напечатать обычным способом? Конечно, можно. Но кто догадался бы тогда, какой он искусный конспиратор?

Подобный же характер имела его конспирация и зимой 1968–1969 гг., когда в деревне Давыдово

под Рязанью он встречался с бывшим генералом П. Г. Григоренко. Разумеется, встреча была назначена на ночь, генерал приехал последним автобусом. Разыскав нужный ему дом, он постучал в окно и по ошибке — в хозяйское. «...Но, — вспоминал П. Г. Григоренко, — раньше нее подбежал к окну Александр Исаевич. Видимо упреждая меня, не давая возможности назваться, он проговорил сквозь стекло: **Федор Петрович? А я Петр Иванович.** Сейчас открою Вам. Иди к сеньям» (25).

Вот, что такое конспирация. Непонятно, правда, от кого и зачем. Ведь бывший генерал, которого звали

Петр Григорьевич и который до этого ни разу не встречался с писателем, не разобравшись в потемках, мог подумать, что его с кем-то путают, а услышав, что он имеет дело с неведомым ему Петром Ивановичем, решить, что ошибся адресом. Ну, а если бы проснулась хозяйка и услышала, что по ее дому разгуливает неизвестный ей Петр Иванович, могли быть и неприятности. Но все спали, и никого это не интересовало. Только бывший генерал мог понять, с каким великим конспиратором он имеет дело.

Если одни виды конспирации существовали только на бумаге, если другие использовались в расчете на

окружающих, то третьи, хотя и могли иметь практический характер, но были, что называется, шиты белыми нитками.

Вспомним, как конспирировал Александр Исаевич в Рязани. Но с самого же начала им были допущены по крайней мере два крупных просчета. Прежде всего — неполная загруженность в школе: сначала 15, потом 12, затем 9 часов неделю. Факт редкий и сразу же привлекавший к себе внимание. Еще более должен был привлечь к себе внимание стук пишущей машинки, который слышали не только соседи по коммунальной квартире, но и жители всего дома, имевшего лишь

два этажа, особенно весной, летом и осенью, когда были открыты окна, да и зимой при открытой форточке. И действительно, как Александр Исаевич ни конспирировал свою литературную деятельность, оказывается, его коллеги по школе знали о ней и гадали только о том, чем конкретно он занимается? (26).

Можно, конечно, было прятать рукописи в патефон, можно было сделать для их сокрытия в платяном шкафу двойной верх. Однако Александр Исаевич сам же отмечает, что «все эти предосторожности были, конечно, с запасом» (27), т. е. если бы сотрудники КГБ действительно пришли с обыском, то

был бы выпотрошен и патефон, и профессионально осмотрен платяной шкаф. Тогда для чего же все это делалось? Разве что для сокрытия рукописей от соседей или же непрошенных гостей.

Никак нельзя назвать удачным и то, как хранил Александр Исаевич свои рукописи за пределами дома. Сейчас нам известно несколько десятков человек, которые принимали в этом участие: Н. М. Аничкова, Лембит Аасало, И. Борисова, Е. Д. Вороньянская, сестры А. М. и Т. М. Гарусевы, И. И. Зильберберг, Н. И. Зубов, Л. А. Капанадзе, Ю. В. Карбе, Н. И. Кобозев, А. И. Крыжановский,

Л. Крысин, Н. Г. Левитская, Е. Бианки-Ливеровская, С. Осеннов, М. Г. Петрова, Б. А. Петрушевский, И. Д. Рожанский, Л. А. Самутин, Н. А. Семенов, Х. Сузи, три ее подруги (Руть, Элло, Эрико), В. Л. Теуш, Г. Тэнно, Г. Н. Тюрина, Е. Ц. Чуковская, М. Н. Шеффер, Г. Е. Эткинд, А. И. Яковлева (28). Через А. А. Угримова Александр Исаевич хранил рукописи у лиц, которых не знал сам (29). Есть подозрения, что некоторые его бумаги Н. И. Столярова держала в архиве И. Г. Эренбурга (30).

Рассредоточение рукописей безусловно открывало возможность сохранить одни при провале других,

но с увеличением мест хранения возрастала опасность утечки информации, а значит, и угроза провала. Более того, можно сказать, что опасность провала возрастала прямо пропорционально увеличению количества мест хранения. Неужели этого не понимал человек, который периодически с целью конспирации то отращивал, то сбрасывал бороду, человек, который не выходил на улицу, не взяв с собою сменную шапку?

Но Александр Исаевич использовал своих знакомых не только для хранения собственных рукописей. Начиная второе дополнение в «Теленку»,

А. И. Солженицын писал: «...Первое, что вижу: не продолжать бы надо, а дописать скрытое, основательней объяснить это чудо: что я свободно хожу по болоту, стою на трясине, пересекаю омуты и в воздухе держусь без подпорки. Издали кажется: государством проклятый, госбезопасностью окольцованный — как это я не переломлюсь? как это я выстаиваю в одиночку, да еще и махинную работу проворачиваю, когда-то ж успеваю *и в архивах рыться, и в библиотеках, и справки наводить, и цитаты проверять, и старых людей опрашивать, и писать, и перепечатывать, и считывать, и переплетать, — и*

выходят книга за книгой в Самиздат (а через одну и в запас копятся!) — какими силами? каким чудом? И миновать этих объяснений нельзя, а назвать еще нелзее. Когда-нибудь, даст Бог, безопасность наступит — допишу» (31). Это было сделано в Пятом дополнении — «Невидимки», в котором А. И. Солженицын назвал *«более ста»* фамилий (32).

Верхом наивности было бы думать, что все перечисленные лица являлись конспираторами. При таком разветвлении связей утечка информации была еще более неизбежной.

О бездарности КГБ

Сколько усилий потратил Александр Исаевич для того, чтобы показать, как ловко он дурачил КГБ зимой 1965–1966 и 1966–1967 гг., как ему удалось со сбритой бородой незамеченным скрыться из Москвы и с помощью Арнольда Сузи найти прибежище на хуторе под Тарту, чтобы там вдали от всех написать первый вариант «Архипелага».

Прошло время, и обнаружилось, что приезжавшая к нему на хутор по воскресеньям дочь А. Сузи Хели находилась в поле зрения КГБ (1). Но если КГБ проявлял интерес к ней, тем более его должен был интересовать ее отец: и потому, что во время войны он рассматривался

как кандидат на министерский пост в эстонском правительстве, и потому, что за его плечами была неснятая судимость, и потому, что один из его сыновей жил за рубежом. Но в таком случае через семью Сузи в поле зрения КГБ должен был оказаться и А. И. Солженицын.

Если с Хелли Александр Исаевич встречался только на протяжении двух зим, то со Н. И. Столяровой — около пятнадцати лет. Между тем, оказывается, она тоже находилась под наблюдением органов КГБ, которые держали под контролем всю ее переписку (2) и располагали «неопровержимыми данными» о ее

связях с «дипломатическими
сотрудниками Франции»: С. Н. Татищевым, Клодом Круай, Ивом Амманом, Ж. Филиппенко и другими (3). Очевидно, что КГБ не мог не отслеживать ее контакты и с А. И. Солженицыным.

Следили и за другими лицами, входившими в окружение писателя. В своем августовском интервью 1973 г., посвященном вопросу «о стеснениях и преследованиях», которым он подвергался, Александр Исаевич прямо заявил: «Слежка доходит до того, что даже в отношении соприкасающихся со мною людей 5-е управление КГБ... и его 1-й отдел... дают письменные указания

„выявлять посещаемые ими адреса“, т. е. спираль уже второго порядка» (4). Об этом же позднее он писал и в «Теленке»: «Следило ГБ за приходящими ко мне, за уходящими, и с кем они там встречались дальше» (5). Причем следили настолько бдительно, что некоторые встречи снимались на киноплёнку. Так, когда в сентябре 1974 г. В. Н. Курдюмова вызвали на Лубянку, обнаружилось, пишет А. И. Солженицын, что там «отлично знали о нашей встрече в молочном магазине, даже фильм предлагали показать» (6).

КГБ использовал также систему прослушивания тех квартир, за которыми велось наблюдение.

Причем если на счет квартир В. Л. Теуша и Ю. Г. Штейна мы можем лишь строить предположения (7), то относительно квартиры Н. Д. Светловой на углу улицы Горького и Козицкого переулка имеются не только мемуарные (8), но и документальные свидетельства (9).

Как уже отмечалось, А. И. Солженицын использовал для хранения своих рукописей несколько десятков человек, а к его подпольной литературной деятельности было привлечено более ста человек. Вряд ли все они были конспираторами, но существовала и другая проблема. Чтобы понять ее, необходимо вспомнить анекдот, который

рассказывали в советские времена. Если встречаются три американца, один из них обязательно — бизнесмен. Если встречаются три француза, один из них обязательно — ловелас. Если встречаются три русских, один из них обязательно — стукач. Этот анекдот возник неслучайно. До 1991 г. в нашей стране существовал тотальный контроль над обществом. Сам Александр Исаевич утверждает, что по его статистике в городах вербовали каждого четвертого [\[51\]](#) (10). Неужели в многочисленном окружении писателя не было лиц, связанных с КГБ?

Александр Исаевич не только не

исключает такой возможности, но и сам высказывает некоторые подозрения на этот счет. Резюмируя их, А. Флегон отмечал: «Через 10 лет, когда его последняя любовница превратилась в его жену, он написал в одном из своих пасквилей, — читаем мы у А. Флегона, — что его прежняя жена — агент КГБ. Зильберберг и Чалидзе, по словам Солженицына, — агенты КГБ. Братья Медведевы — агенты КГБ. Его бывший соавтор по ГУЛАГу Якубович — агент КГБ. Ростропович и его жена, которые спасали Солженицына в России и дали ему возможность писать книги, по заявлению Солженицына — агенты

КГБ» (11).

Действительно в публикациях Александра Исаевича имеются намеки и даже утверждения о возможности сотрудничества с КГБ целого ряда лиц: А. Дольберга (Д. Бурга) (12), И. И. Зильберберга (13), Л. З. Копелева (14), П. Личко (15), братьев Ж. А. и Р. А. Медведевых (16), Н. А. Решетовской^{[\[52\]](#)} (17), Л. А. Самутина (18). В. Чалидзе (19), М. П. Якубовича (20). В печати высказывались подозрения относительно и некоторых других лиц, с которыми прямо или опосредованно контактировали писатель: это В. Е. Максимов,

М. В. Розанова, А. Д. Синявский,
Е. Г. Эткинд (21).

О том насколько все эти
подозрения и обвинения
обоснованны, судить непросто.
Поэтому ограничимся только
некоторыми фактами, которые
позволяют делать на этот счет более
или менее определенные выводы.

Прежде всего это касается
Г. П. Вишневской. Обнаружить в
публикациях А. И. Солженицына
обвинения ее в связях с КГБ не
удалось. Между тем, из
воспоминаний знаменитой певицы
явствует, что на заре туманной
юности она, как и ее великий
квартирант, тоже согласилась быть

осведомителем (по ее словам, «через вербовку проходили все солисты Большого театра») и некоторое время даже писала доносы, разумеется, как утверждает она, самого невинного содержания. И только благодаря вмешательству тогдашнего главы правительства Н. А. Булганина ей удалось освободиться от этой обязанности (22).

Не избежал вербовки и А. Д. Синявский. Об этом он впервые поведал в 1984 г. со страниц автобиографического романа «Спокойной ночи» (23), а затем признал данный факт в той полемике, которая развернулась вокруг этой истории (24).

Разногласия вызывали и вызывают два вопроса: удалось ли органам госбезопасности завербовать Андрея Донатовича? и если удалось, то действительно ли он сотрудничал с ними?

В романе А. Д. Синявский писал, что его главный герой, прототипом которого являлся он сам, был завербован (25), но в упомянутой полемике заявил лишь то, что его «пытались» завербовать, не конкретизируя, как, где, кто и когда (26). По свидетельству М. В. Розановой (Кругликовой), в 1948 г. ее муж, будучи студентом филологического факультета МГУ, не только получил со стороны органов

госбезопасности предложение о сотрудничестве, но «согласился» на него. Оправдывая этот шаг, она отмечает: «В сталинские времена могущественной Лубянке не отказывали» (27). Данный факт подтвердил ближайший товарищ А. Д. Синявского того времени, тогда тоже студент МГУ, Сергей Хмельницкий, по свидетельству которого они были завербованы оба и имели одного куратора (28). Поэтому первый вопрос можно считать решенным.

Сложеннее обстоит дело со вторым вопросом. По свидетельству А. Д. Синявского, когда органы госбезопасности вербовали его, то

перед ним ставилась только одна задача — следить за однокурсницей Элен Пельтье, бывшей дочерью адмирала, французского военноморского атташе в Москве. Однако Андрей Донатович сообщил Элен о сделанном ему предложении, и они разыграли сцену размолвки, после которой отношения между ними прервались, возможность слежки за нею со стороны А. Д. Синявского исчезла и органы госбезопасности оставили его в покое. Снова вспомнили о нем только в 1952 г. В романе описывается, как главный герой на военном самолете был доставлен в Вену, куда именно в это время должна была приехать Элен.

Цель его необычного путешествия заключалась в том, чтобы свести Элен в ресторане с одним из сотрудников Л. П. Берия. Эту случайную встречу предполагалось зафотографировать, чтобы затем шантажировать или саму Элен, или ее отца. Но главный герой романа снова поставил свою бывшую подругу в известность о планах советских спецслужб, на чем его контакты с этими службами прекращаются (29). Вскоре по выходе романа в свет оба факта были подтверждены Элен Пельтье (в замужестве Замойска) (30).

На основании этого защитники А. Д. Синявского утверждают, что ни

о каком его сотрудничестве с органами госбезопасности не может быть и речи (31). Вывод явно поспешный. Прежде всего необходимо отвлечься от истории с Элен Пельтье и установить, в каком качестве Андрей Донатович был завербован: в качестве доверенного лица или тайного агента? Если органы госбезопасности пытались использовать его как доверенное лицо, то нарисованная им картина вполне вероятна. Если же он был завербован как тайный агент, то его деятельность в таком качестве не могла ограничиваться только одной Элен и разыгранный разрыв отношений между ними не мог быть

основанием для прекращения его отношений с органами госбезопасности.

Как мы уже знаем, тайного агента от доверенного лица в советское время отличало не только то, что сотрудничество первого с органами госбезопасности было регулярным (а не от случая к случаю), но и то, что оно закреплялось специальными документами, из которых нам известны по крайней мере два: подписка о сотрудничестве и расписка о неразглашении (32). Были ли отношения студента А. Д. Синявского с органами госбезопасности оформлены

документально? Да. По словам М. В. Розановой, согласившись на сотрудничество, ее муж «дал» необходимые «подписки» и «расписки» (33).

Из этого можно сделать вывод, что он был завербован как тайный агент и история с Элен Пельтье — лишь один из эпизодов в его взаимоотношениях с органами госбезопасности. Что же касается его ареста 1965 г. и семилетнего приговора 1966 г., то это вполне могло быть расправой за двойную игру.

А затем, как явствует из опубликованных документов, КГБ попытался вернуть А. Д. Синявского

в ряды своих агентов и с этой целью начал склонять его на подачу прошения о помиловании. Сам Андрей Донатович на такой шаг не решился, но его жена вступила в переговоры и достигла соглашения, на основании которого ее муж был освобожден досрочно (34).

«...Упоминание этих документов в русской печати, — пишет В. К. Буковский, — вызвало совершеннейшее бешенство госпожи Синявской. Нимало не смущаясь забавного противоречия, она тотчас — и, как всегда, безапелляционно — заявила (в „Московских новостях“), что документы: а) „украдены“, б) „подделаны“, в) что Андропов все

переврал... Затем, опять же не переводя дыхания, взяла и сама опубликовала те же самые документы — вот она, дескать, „вся правда“, не украденная и не подделанная. Наконец, в длиннющей статье в „Независимой газете“, на два номера с продолжением, по целой газетной странице в каждом поведала о своих необычайных подвигах: о том, как она, умная и бесстрашная женщина, объегорила глупый и трусливый КГБ...» (35).

В начале 1992 г. покидавший пост главного редактора журнала «Континент» В. Е. Максимов перепечатал воспоминания С. Хмельницкого (36), после чего

А. Д. Синявский и М. В. Розанова потребовали от редакции опровержения. Однако новый главный редактор журнала И. Виноградов предложил им на выбор: или опубликовать собственное письмо с опровержением воспоминаний С. Хмельницкого, или же подать на журнал в суд (37).

И тут как по мановению волшебной палочки вдруг появился документ, который, как считают некоторые, наконец, позволил поставить в этом вопросе точку. Он был опубликован под названием «Из журнала планирования 5-го управления КГБ СССР на 1976 г.». Вот его текст:

«С целью пресечения одного из возможных каналов проникновения противника в среду творческой интеллигенции, по ДОР (дело оперативной разработки) на выехавшего с семьей из СССР Доктора (Синявского А. Д.) продолжить мероприятия по компрометации объекта и его жены перед окружением и оставшимися в Советском Союзе связями, как лиц, поддерживающих негласные отношения в КГБ, *совместно с 9-м отделом 5-го Управления* осуществить мероприятия по внесению разлада между Доктором и Доном (Даниэлем Ю. М.), ранее привлекавшимся к уголовной

ответственности по одному делу. Срок исполнения — в течение года. Ответственный товарищ Иванов Е. Ф.» (38).

Когда В. Е. Максимов ознакомился с выпиской из «журнала планирования 5-го управления», он принес супругам Синявским свои извинения (39). Но, откуда же так своевременно появился этот документ, который даже сейчас в архиве ФСБ должен был бы храниться как совершенно секретный? Может быть, органы госбезопасности опубликовали его официально, чтобы, наконец, внести ясность в данный вопрос? Нет, оказывается, В. Е. Максимов получил

его от М. В. Розановой, а ей с мужем, «их ближайшим друзьям и нескольким московским журналистам» документ был передан «для ознакомления» «одним непоименованным сотрудником КГБ» (40).

Следовательно, ни происхождение, ни подлинность этого документа нам неизвестны. И единственная характеристика, которая применима к нему — это филькина грамота, появление которой можно рассматривать лишь как дополнительный аргумент в пользу выдвинутого и до сих пор не опровергнутого обвинения А. Д. Синявского в сотрудничестве с

КГБ.

Контактировал

А. И. Солженицын и с людьми, чьи связи с органами госбезопасности не вызывают сомнений. Как мы знаем, когда летом 1966 г. он решил обратиться с покаянным письмом на имя Л. И. Брежнева, его куратором оказался журналист Эрнст Генри.

Долгое время считалось, что под этим псевдонимом скрывался Семен Николаевич Ростовский. (41). И лишь совсем недавно стало известно, что Семен Николаевич Ростовский — это Леонид Аркадьевич Хентов, который родился в Витебске в 1904 г. и был сыном владельца спичечной фабрики. В начале Первой мировой

войны его отец оказался в Германии и здесь был интернирован (42).

Осенью 1917 г. Э. Генри жил в Москве (43). К этому времени он уже закончил четыре класса гимназии, проявив особые успехи в иностранных языках (44). В 1918 г. после подписания Брестского мирного договора уехал к отцу. «По заданию Коминтерна и Коммунистического интернационала молодежи (КИМа), — пишет его биограф Л. П. Петровский, — начиная с 1919 г. он вел нелегальную работу в Германии, Великобритании, Франции, Польше, Бельгии, Турции и других странах... Почти 15 лет провел в подполье Германии,

находясь там с 1919 по 1933 г.» (45). Именно в Германии в 1922 г. Л. А. Хентов сменил свою фамилию и получил в советском посольстве паспорт на имя С. Н. Ростовского (46). Вступив в КПГ, входил в состав ее ЦК, сидел в Моабите, а также в тюрьмах Полицейпрезидиума и Плетцензее. После прихода Гитлера к власти, бросив архив, бежал в Англию (47). С середины 1930-х по 1951 г. работал в Лондоне в советском посольстве (48).

Был ли Генри советским разведчиком? — задается вопросом Л. П. Петровский и дает на него положительный ответ (49). По собственному признанию Э. Генри,

он работал за границей под руководством Отдела внешних сношений, который представлял собою одну из самых секретных структур Коминтерна и взаимодействовал как с ОГПУ-НКВД, так и с Разведывательным Управлением Генерального штаба (50).

В печати уже давно появились сведения, что во время пребывания в Англии Э. Генри имел непосредственное отношение к знаменитой кэбриджской пятерке (А. Блант, Г. Берджес, Д. Маклин, К. Филби) (51). Долгое время он не признавал, но и не отрицал этот факт, а в 1986 г. сообщил, что в

тридцатые годы участвовал в вербововке выпускников Кембриджского университета и был связан как с профессором этого университета М. Доббом, так и с его учеником Г. Берджессом (52). В 1951 г. вместе с Д. Маклиным он вынужден был покинуть Британские острова (53).

В 1953 г. Э. Генри арестовали, и он пробыл в заключении до 1955 г. После освобождения и реабилитации посвятил себя журналисткой деятельности. Стал членом Союза писателей СССР. В 1965–1969 гг. принимал активное участие в организации общественных выступлений, направленных против

возможной реабилитации
И. В. Сталина (54).

Среди ближайших друзей
Э. Генри после его освобождения из
заключения можно назвать бывшего
дипломата Е. А. Гнедина (55) и
историка Я. С. Драбкина (56). А
поскольку Е. А. Гнедин принадлежал
к числу ближайших друзей
Л. З. Копелева, не исключено, что
именно через него Э. Генри
познакомился с
А. И. Солженицыным. К сожалению,
их контакты до сих пор остаются
покрыты покровом тайны. Однако
для понимания интереса Э. Генри к
писателю необходимо учитывать
известное изречение «Бывших

разведчиков не бывает».

Более серьезного внимания заслуживает и Н. И. Столярова.

Известно о ней пока немного. Жила она без семьи сначала в коммунальной, потом в однокомнатной квартире. По свидетельству лиц, знавших ее, была очень деловым и целеустремленным человеком, деньги и материальное благополучие ее не интересовали, отличалась хладнокровием и конспиративностью, не любила вести праздные разговоры, имела широкий круг знакомств, среди которых преобладали или люди уже с именем, или диссидентская молодежь, поддерживала отношения

со многими иностранцами, в своем кругу подчеркнуто демонстрировала антисоветские взгляды. Несмотря на то, что вращалась среди деятелей литературы и искусства, особого интереса к литературе и искусству не проявляла, была либерально настроенной патриоткой, что отделяло ее и от Сахарова, и от НТС (57).

Как мы уже знаем, Н. И. Столярова находилась в поле зрения КГБ и ее связи с иностранными гражданами были хорошо известны. «Возникает вопрос: — пишет Чехонин, — почему, зная обо всем, органы не пресекали подобную деятельность

Столяровой и французских дипломатов? Его как раз и задал я сотрудникам Пятого управления КГБ. Ответили весьма логично: хотели и дальше через Столярову прослеживать все связи с диссидентами за рубежом и в СССР» (58).

Между тем в окружении И. Г. Эренбурга ее подозревали в связях с КГБ и, как выразился один из ее знакомых, смотрели на нее как на «Мату Хари» (59). Чем же она вызывала подозрения? Оказывается главным образом тем, что свободно ездила за границу (60). К сожалению, хроника ее поездок пока неизвестна, но можно назвать несколько дат из

нее: осень 1965 г. (61), 1970 г. (62), осень 1976 – весна 1977 г. (63), 1981 г. (64), 1983 г. (65). В 1984 г. в возрасте 72 лет она умерла (66).

Когда в 1977 г. срок визы Н. И. Столяровй уже подходил к концу, у нее возникло желание остаться за границей, но после некоторых колебаний она вернулась в Советский Союз. Сообщая об этом А. И. Солженицыну Наталья Ивановна писала: «Из-за Вас мне выпало никому не достаемое счастье — спокойно, свободно, сильно, глубоко выбрать, с сознанием, *не обремененным ни принципами (Бог с ними, ни разу не понадобились), ни „чувством долга“*»

(противопоказанная мне категория), ни даже сознанием пользы, которую могу принести (даже к себе не отношусь утилитарно)» (67).

Как же человек, который не был «обременен принципами», человек, который никогда не испытывал «чувство долга», человек, который не думал о приносимой им «пользе», мог на протяжении нескольких десятилетий заниматься деятельностью, которая не только требовала времени, но и была связана с немалым риском?

Ответ на этот вопрос, по всей видимости, дают материалы полиции 30-х годов, которые недавно

были опубликованы во Франции. Из них явствует, что в годы молодости Наталья Ивановна находилась в поле зрения французских спецслужб. Чем же она заинтересовала их? Оказывается, она «была связана в Париже с левыми евразийцами, уже завербованными тогда советской разведкой». Более того, опубликованные материалы свидетельствуют, что Наталья Ивановна «играла роль связной между этими евразийцами и разведкой» (68).

Если в начале 30-х гг. Н. И. Столярова сотрудничала с советскими спецслужбами, [\[53\]](#) то уже только по этой причине, а так же в

силу своего происхождения, родственных и приятельских связей, а также близости к И. Г. Эренбургу, она не могла не представлять интереса для КГБ после того, как она вышла из заключения.

Но если допустить, что Н. И. Столярова была связана с КГБ, тогда следует признать, что КГБ не только был очень хорошо осведомлен о деятельности А. И. Солженицына, но и во многом способствовал ей. Именно с помощью Н. И. Столяровой были переправлены за границу его рукописи осенью 1964 г., именно она принимала участие в организации его встречи с О. Карлайл весной 1967 г., с ее легкой руки было

опубликовано за границей «Письмо к съезду писателей», при ее участии летом 1968 г. был переправлен за границу «Архипелаг», она свела А. И. Солженицына с Н. Д. Светловой, [\[54\]](#) благодаря ей он познакомился с Э. Маркштейн, а та вывела его на Ф. Хееба, именно она играла важную роль в осуществлении связей РОФ с заграницей. Через нее шли связи во французское посольство.

Таким образом, те немногие сведения, которыми мы сейчас располагаем, свидетельствует, что а) органы госбезопасности держали в поле зрения по крайней мере часть лиц, с которыми контактировал

А. И. Солженицын, по этой причине он тоже должен был оказаться под его наблюдением и б) КГБ мог иметь своих людей в окружении писателя и располагать о нем самой конфиденциальной информацией.

Показательно, что когда в 1967 г. возникло Пятое управление КГБ и внутри него был создан специальный отдел за наблюдением и разработкой наиболее видных диссидентов, одно из первых мест среди них сразу же занял А. И. Солженицын (69).

В результате, по воспоминаний последнего председателя КГБ В. Бакатина, отложившиеся в архиве этого учреждения материалы наблюдения за писателем составляли

к августу 1991 г. *105 дел* (70). Это значит, что органы госбезопасности следили буквально за каждым его шагом.

Что они знали о нем?

Поскольку А. И. Солженицын утверждает, что органы госбезопасности впервые получили представления о его подпольной литературной деятельности только в августе 1973 г., когда была арестована Е. Д. Вороньянская, а затем обнаружена рукопись «Архипелага», начнем с этого года.

Из записки КГБ в ЦК КПСС от

17 июля 1973 г.: «19 июня с.г. в беседе с СУПЕРФИНОМ... и его другом БОРИСОВЫМ СОЛЖЕНИЦЫН призывал их изменить тактику борьбы с существующим в Советском Союзе государственным и общественным строем и перейти к активным формам враждебной деятельности». Далее в записке говорилось: «Аналогичную беседу СОЛЖЕНИЦЫН провел 16 июня с.г. с литератором КОРЖАВИНЫМ, которого убеждал в необходимости организованного противодействия мероприятиям государственных органов в отношении лиц, занимающихся антиобщественной

деятельностью». В записке также передавались слова, сказанные А. И. Солженицыным 2 июля «неродному сыну Дмитрию», которые, по мнению автора записки, свидетельствовали об «озлобленности» писателя в отношении советской власти. Особую тревогу КГБ вызывало, то что «проводя работу по антисоветскому воздействию на лиц из своего окружения СОЛЖЕНИЦЫН установил и расширяет с этой целью контакты в различных городах страны. Его единомышленники выявлены в Крымской области, Рязани, Тамбове, Новочеркасске и в других городах».

Из числа его сторонников за пределами Москвы были названы ленинградцы «доктор филологических наук ЭТКИНД Е. Г.», бывший власовец «пенсионер САМУТИН Л. А.», «пенсионерка ВОРОНЯНСКАЯ Е. Д.» и «преподаватель музыки ИВАНОВА Е. В.». К записке были приложены «Фрагменты из воспоминаний Воронянской Е. Д.», в которых содержалась характеристика «Архипелага» (1).

Следовательно, уже к лету 1973 г. КГБ знал о существовании «Архипелага» и имел ясное представление о той позиции, которую занимал А. И. Солженицын.

Поэтому арест Е. Д. Воронянской позволили КГБ получить лишь дополнительные документальные данные на этот счет (2).

Но, оказывается, у органов госбезопасности не было иллюзий относительно характера деятельности «великого конспиратора» задолго до лета 1973 г. Как мы знаем, еще 27 марта 1972 г. КГБ и Прокуратура СССР представили в ЦК КПСС записку, в которой не только говорилось об антисоветских взглядах А. И. Солженицына, но и ставился вопрос о необходимости лишения его советского гражданства и выдворения из СССР (3). См. также

опубликованную выписку «Из рабочей записи заседания Политбюро ЦК КПСС 30 марта 1972 г.», на котором обсуждался вопрос о диссидентском движении в нашей стране (4).

Примерно за полгода до этого, 27 октября 1971 г., ЦК КПСС был поставлен в известность о том, что А. И. Солженицын собирает материалы по истории власовского движения, при этом некоторые из них (5), использованные затем в «Архипелаге», цитировались (6). Это значит, что к этому времени если не сам «Архипелаг», то по крайней мере названные материалы уже побывали в руках чекистов.

Но факт существования этой книги стал известен КГБ еще раньше. Она упоминается в «Записке Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР и Прокуратуры СССР» адресованной ЦК КПСС 20 ноября 1970 г. (7). И в этом нет ничего удивительного, так как уже в 1969 г. сведения об «Архипелаге» появились на страницах зарубежной печати (8).

25 июля 1968 г., т. е. почти сразу же, как только была завершена вторая редакция «Архипелага», КГБ направил в ЦК КПСС специальную записку, в которой говорилось: «В настоящее время, по полученным данным, СОЛЖЕНИЦЫН

заканчивает работу над новой рукописью объемом около **1500** машинописных листов о важнейших этапах развития нашего государства в 1917–1960 годах под названием „Архипелаг Гулаг“» (9). А поскольку вторая редакция этой книги действительно имела около 1500 страниц, можно утверждать, что госбезопасность имела свою агентуру в ближайшем окружении писателя.

Но, оказывается, о работе над «Архипелагом» и о тех взглядах, которые Александр Исаевич высказывал в своем окружении, КГБ знал уже в 1965 г. 20 августа этого года он так информировали ЦК

КПСС о А. И. Солженицыне:
«Последний, как выяснилось в ходе
проверки Теуша, является
*убежденным врагом нашего строя и
идейным противником марксизма-
ленинизма.*

Занимаясь
изготовлением антисоветских
рукописей, он вынашивает
намерение опубликовать их в
дальнейшем за границей или же
распространять на территории
Советского Союза нелегальным
путем» (10).

О том, насколько органы
госбезопасности были осведомлены о
взглядах и литературной
деятельности подпольного писателя,
свидетельствует «Меморандум по

оперативным материалам о настроениях писателя А. Солженицына» от 2 октября 1965 г. Документ основан на записи прослушивавшихся разговоров и заслуживает того, чтобы привести его почти полностью. Прежде всего КГБ обращал внимание на высказывания А. И. Солженицына о В. И. Ленине:

«...Я говорил вам о книге ФИШЕРА?.. „Жизнь ЛЕНИНА“... У меня уже давно было совсем невосторженное мнение о ЛЕНИНЕ в период революции. Я вынужден был два месяца читать ее, каждый день по 5 часов... я съэкономил на этом несколько лет, потому что я

собирался сталкивать ленинские цитаты одну с другой... Теперь ничего не надо, все сделано. По любому вопросу он дает: ЛЕНИН — вот, ЛЕНИН — вот. Это просто змея, это просто беспринципнейший человек. Если он буквально может вам сказать, что он за вас, а вы пойдете к двери — он вам выстрелит в спину... Слушайте, прямо волосы дыбом становятся, когда читаешь... А вообще ЛЕНИН с момента переворота просто переродился, стал другим человеком... Он оппортунист... То есть он хватается за возможность. Он как орел видит мышь в поле. Он гениальный человек. Он сразу видит

возможности. Он видит возможности победы или разгрома врага и все, дальше он уже не интересуется, соответствует ли это теории, стоит ли это на нравственном уровне... Там потрясающие вещи... О том, что Советская власть прекратила свое существование 6 июля 1918 г... Власть Советов кончилась... Стала диктатура этой партии...» Говоря о Советском правительстве, СОЛЖЕНИЦЫН заявил: „...Это правительство без возможностей. У них просто нет приводов ни к идеологии, ни к массе, ни к экономике, ни к внешней политике, ни к мировому коммунистическому движению, ни к чему. Рычаги всех

приводов обломались, не работают... Честное слово, у меня такое впечатление. Паралитики“» (11).

А вот высказывания А. И. Солженицына по национальному вопросу: «...Меня поражает, что либеральные русские люди не понимают, что надо расставаться с республиками, не понимают, что надо смотреть сознательно» — и далее: «Либеральные люди. Я им говорю, что Украина — все, должно отойти. — „Нет, нет“. „Ну, Украина — спорный вопрос. О правобережной, безусловно, разговаривать даже не чем, пусть идет. А в левобережной по областям

надо делать плебисцит и разделить по количеству населения. Но какой разговор — Закавказье, Прибалтика! В первый же день хотите — кто куда хочет, ради бога! Только решите вопрос по финансовым расчетам. Что нам предстоит? Это будет ужас, если начнется развал у нас на Западе, да еще совместно с центральным! Я вообще не знаю, что будет. Полный развал. Интересно, что армяне, как и грузины... Это республика, которая подвергается такому жестокому контролю, как и многие другие. Допустим, как Прибалтика или Украина. А вместе с тем она достаточно самобытна и может избрать полурумынский путь. У

армян есть течение, желание освободиться как у румын“» (12).

Далее в «Меморандуме» были приведены слова А. И. Солженицына о возможности публикации его произведений на Западе: «...Значит, „Энкаунтер“ — английский журнал напечатал мои „Эссе“ на почетном месте... могут меня спросить, мои ли „Эссе“? Я отвечаю незначащей фразой: „Я в „Новый мир“ печатать обычно отдаю“... Я решил не признавать полностью своего авторства „Эссе“... Я скажу: „Действительно я написал некоторые стихотворения в прозе. Сдал их в „Новый мир“... Там вы можете их найти. А остальные? Да мало ли что

ходит?“ А те, от которых я отказываюсь — рязанские... Ловка подделка; может быть провокация; может быть, искреннее подражание. Я не знаю. И все. И если меня все же потом прижмут,.. я скажу: „...Что я гимназист? Почему я должен отвечать?“» «...теперь я буду иметь косвенную информацию о том, какие планы созданы, где это будет храниться, кто будет этим заведовать, в каком случае это будет пускаться. Я дал им разработанное завещание. Я собираюсь всем, им, нанести первый удар, чтобы „Шарашка“ была напечатана в том виде, в каком она лежит. Но это не скоро... там вся поэма, там все стихи, пьесы... В

случае моей смерти печатайте мгновенно, все сразу. С начала моего ареста начинаете выдавать с периодом в три месяца по одной вещи... В случае сильной разнузданной газетной травли тоже, но реже — через полгода, через год» (13).

Объясняя, почему он придерживается выжидательной тактики и не желает идти на обострение отношений с властью, А. И. Солженицын заявлял: «...Я сейчас пока должен выиграть время, чтобы написать „Архипелаг“... Я сейчас бешенно пишу, запоем, решил сейчас пожертвовать всем остальным... Я обрушу целую

лавину... Я ведь назначил время, примерно от 72 до 75 года. Наступит время, я дам одновременный и страшный залп» (14).

Когда ему был задан вопрос: «А если ход событий пойдет гораздо быстрее?» — Солженицын ответил: «Слава Богу, раньше, так раньше... Я пушу здесь по рукам все и там опубликую (смеется). Что будет не знаю. Сам, наверное, буду сидеть в Бастилии. Но не унываю» (15).

«О своей новой работе Солженицын говорит: „...Я такую вещь дал сейчас, что мне „Шарашка“ кажется ерундой... Я чувствую, что скоро придет время, когда захотят услышать про Октябрьскую

революцию, когда нужно будет объяснить. И вот это объяснение, я чувствую, что смогу дать художественно. И я должны его дать. Это сейчас моя главная задача... Вещь убийственная будет... „Архипелаг“. Это такая убойная вещь“» (16).

«На вопрос: „Это что, художественная вещь?“ — Солженицын ответил: „Я определяю так: опыт художественного исследования... Думаю, что к будущему лету я закончу „Архипелаг“.“» (17).

Таким образом, по крайней мере с лета 1965 г. госбезопасность имела точное представление не только о тех

взглядах, которые А. И. Солженицын высказывал в своем ближайшем окружении, но и о том, над чем он трудился и как планировал свою будущую жизнь. Поэтому версия, будто бы КГБ проспал его подпольную деятельность, а когда хватился, было уже поздно, не выдерживает никакой критики.

Как они с ним боролись?

Самое первое, самое простое и, наверное, самое распространенное, что делали органы государственной безопасности, чтобы парализовать деятельность лиц, чьи взгляды

считались общественно-вредными и — проводили так называемые «профилактические беседы».

«В соответствии с указаниями ЦК КПСС, — читаем мы в одной из записок КГБ 1971 г., — органы Комитета государственной безопасности ведут большую профилактическую работу по предупреждению преступлений, пресечению попыток ведения организованной подрывной деятельности националистических, ревизионистских и других антисоветских элементов, а также локализации возникающих в ряде мест группирований политически вредного характера. За последние

пять лет выявлено 3096 таких таких группирований, профилактировано 13602 человека, входивших в их состав, в том числе 2196 участников 502 групп в 1967 г., 2870 участников 625 групп в 1968 г., 3130 участников 733 групп в 1969 г., 3102 участника 709 групп в 1970 г. и 2304 участника 527 групп в 1971 г.» (1). «За период 1971–1974 гг. было профилактировано 63108 человек. За этот же период только путем профилактики пресечена на стадии формирования деятельность 1839 антисоветских групп» (2).

Таким образом, как мы видим, что КГБ вел большую профилактическую работу. Однако с

1965 по 1974 г. он не предпринял в отношении Александра Исаевича никаких мер подобного характера, иначе бы последний обязательно поведал бы о них.

Более того, органы госбезопасности не мешали ему получать гонорары за не публиковавшиеся произведения, а также улучшать жилищные условия. Чтобы дискредитировать А. И. Солженицына, достаточно было бы опубликовать сведения о том, что все разговоры о его преследовании не соответствуют действительности, а далее не только указать выплаченные ему авансы и гонорары за неопубликованные

произведения, но и сообщить о предоставленной ему трехкомнатной квартире. Не сомневаюсь, многих его поклонников как у нас, так и за границей эти факты заставили бы задуматься. Между тем, не было опубликовано даже официального сообщения солженицынских рукописей осенью 1965 г...

КГБ бездействовал и в 1967 г., когда А. И. Солженицын выступил со своим «Письмом к съезду писателей» и стал превращаться в одного из кумиров диссидентского движения. Продолжал он бездействовать и 1968–1970 гг., когда фамилия писателя появилась в списках кандидатов на Нобелевскую премию,

хотя было очевидно, какое значение будет иметь присуждение этой премии человеку, открыто вступившему в противоборство с существовавшей политической системой. Единственно, что было сделано — летом 1968 г. на страницах «Литературной газеты» появилась уже упоминавшаяся статья «Идейная борьба. Ответственность писателя», которая могла дискредитировать А. И. Солженицына в глазах законопослушных советских граждан, но лишь способствовала укреплению его авторитета как среди оппозиционно настроенной советской интеллигенции, так и за

рубежом (3).

Еще в большей степени способствовало этому его исключение осенью 1969 из Союза писателей и публикация на страницах «Литературной газеты», новой статьи, предлагавшей ему убраться за границу (4). Подобные действия создавали Александру Исаевичу ореол гонимого писателя и тем самым способствовали присуждению ему Нобелевской премии.

После того, как он стал лауреатом этой премии, а за рубежом вышел его новый роман «Август четырнадцатого», на свет появился сборник статей «Печать о

Солженицыне», содержащих критические отклики на его роман, но изданный невероятно малым тиражом (5).

Получается, что на протяжении 1965–1971 гг. органы госбезопасности не предпринимали никаких мер, чтобы парализовать подпольную литературную деятельность писателя и прежде всего не допустить завершения им работы над «Архипелагом».

И только в 1971–1973 гг., если верить А. И. Солженицыну КГБ перешел к активным действиям против него: начал шантажировать его «бандитскими письмами», хулиганскими звонками,

передаваемыми через посредников угрозами, требованием денег и т. д. Таким образом, по мнению Александра Исаевича, его пытались заставить его отказаться от борьбы с советской системой или же уехать за границу (6). Оставляя в стороне вопрос о том, насколько эти сведения соответствуют действительности (хотя это тоже немаловажный вопрос), нельзя не отметить, что в распоряжении КГБ были гораздо более действенные средства для решения как одной, так и другой задачи. Если же он ограничился только названными мерами, то они или были направлены на то, чтобы

подтолкнуть А. И. Солженицына к более крайним действиям, или же представляли собою примитивную инсценировку борьбы с писателем.

Найдутся читатели, которые скажут: но ведь КГБ пытался устранить писателя. Действительно, в 1992 г. на страницах газеты «Совершенно секретно» журналист Д. Лиханов поведал сенсационную историю о покушении на А. И. Солженицына. Подобное открытие было сделано им на основании рассказа бывшего сотрудника Управления КГБ по Ростовской области полковника Бориса Алесандровича Иванова (7).

По словам Б. А. Иванова, днем 8

августа 1971 г. он был вызван к своему начальнику, который познакомил его с «гостем» из Москвы и поручил ему оказывать «гостю» содействие в наблюдении за приехавшим из Москвы А. И. Солженицыным. На Б. А. Иванова была возложена задача «оперативно проверять контакты и связи объекта», а затем все собранные «материалы отослать в Москву». Вечером Б. А. Иванов вместе с «московским гостем» поехали в город Каменск, где заночевал писатель, а утром вслед за ним — в Новочеркасск. Здесь Б. А. Иванов остановился в гостинице. Днем вместе с

«МОСКОВСКИМ ГОСТЕМ» и еще одним незнакомцем он отправился на машине в город, где на одной из улиц они встретили А. И. Солженицына.

Дальше, по словам, Б. А. Иванова, события развивались следующим образом. Когда Александр Исаевич вышел из машины и зашел в магазин, вслед за ним устремился один из московских спутников Б. А. Иванова, натянув при этом на руки, несмотря на жару, кожаные перчатки. Через некоторое время он вернулся и облегченно сказал: «Все, крышка, теперь он долго не протянет». И хотя прямо это не говорилось, из дальнейшего разговора в машине Б. А. Иванов

понял, что в магазине А. И. Солженицыну был сделан укол (8).

По свидетельству Александра Исаевича, в тот же день он почувствовал себя плохо, на его теле появились то ли волдыри, то ли ожоги, 11 августа на станции Тихорецкая он вынужден был сесть на поезд и вернуться домой (9).

«От Бориса Иванова посмертно, — пишет А. И. Солженицын, — дошла до меня собственноручная записка... где он перечисляет участников попытки убить меня в 1971 г. Приехавший из Москвы руководитель группы — Рогачев Вячеслав Сергеевич, имея

прикрытие АПН, т. е. удостоверение и визитную карточку корреспондента АПН. Убийца исполнитель — подполковник Гостев, имя кажется Виктор. После операции был направлен резидентом контрразведки в Болгарию... и еще помощник Рогачева — Гусев Владимир» (10).

В этой истории много абсурдного.

Во-первых, совершенно непонятно, для чего необходимо было присутствие Б. А. Иванова в Новочеркасске, если поставленная перед ним задача заключалась в том, чтобы «проверять контакты и связи „объекта“, выявленные наружным

наблюдением», а «*материалы отослать в Москву*». Во-вторых, очень странно, что в Новочеркасске «московский гость» взял его с собой на операцию, ведь даже самый неопытный убийца понимает: чем меньше свидетелей преступления, тем лучше. В-третьих, совершенно невероятно, чтобы профессиональный киллер в присутствии постороннего человека стал делиться своими впечатлениями о совершенном им покушении. В-четвертых, В. С. Рогачев, который фигурирует в рассказе Б. А. Иванова, как руководитель покушения, действительно был сотрудником АПН и поэтому никакого участия в

покушении принимать не мог. В-
пятых, совершенно невероятно,
чтобы сотрудники КГБ,
занимавшиеся подобной
деятельностью, не только
отправлялись на операцию с
подлинными документами, но и
называли свои настоящие фамилии
первому попавшемуся им человеку,
даже из органов КГБ.

Очевидно, что история
рассказанная Б. А. Ивановым — это
«газетная утка». Если бы Александр
Исаевич верил в нее, он не
ограничился бы ее пересказом в
своих мемуарах и потребовал от
прокуратуры расследования.

Очень странно КГБ боролся с

ним, когда появился первый том «Архипелага». Вскоре после его высылки за границу Агенство печати «Новости» издало сборник статей под названием «В круге последнем» (11). Статьи имели своей целью дискредитацию не только книги «Архипелаг ГУЛАГ», но и ее автора. Сборник был подписан к печати уже 13 марта 1974 г. (12), что свидетельствует о необыкновенной оперативности. Однако знакомство со сборником не может не вызывать удивления. Прежде всего это касается совершенно беззубой и непрофессиональной критики «Архипелага». Подобный же характер имели и статьи,

направленные против
А. И. Солженицына. Но самое
поразительное заключалось в другом.
Сборник статей был издан на
ротапринте тиражем всего в 600
экземпляров (13). Даже сейчас такой
тираж считается ничтожным. В те
времена обычным изданием считался
тираж не менее 15 тыс. экземпляров.
Издания массового характера, а
рассматриваемый сборник имел
смысл только в том случае, если был
доступен массовому читателю,
предполагали тираж не менее 50-
100 тыс. экземпляров (14). Это
означает, что сборник статей «В
круге последнем» представлял собою
холостой залп, который лишь

создавал видимость борьбы с А. И. Солженицыным.

Как мы знаем, в июне 1973 г. АПН заказал Н. А. Решетовской книгу воспоминаний о ее муже. Наталья Алексеевна подчеркивала, что в данном случае инициатива исходила от нее и книгу она писала совершенно самостоятельно. Однако есть одна деталь, которая позволяет усомниться в этом. Обычно после представления рукописи в издательство она передается редактору. Здесь же все было не так. Редактор — им стал Константин Игоревич Семенов — был назначен сразу же после заключения договора и к исполнению своих обязанностей

приступил уже летом 1973 г. (15) Это значит, что Наталья Алексеевна с самого начала готовила воспоминания под контролем АПН. К намеченному сроку книга, по всей видимости, была представлена в издательство и к весне следующего года подготовлена к печати. Об этом свидетельствует записка Правления АПН, которую оно направило 17 апреля 1974 г. в ЦК КПСС. В ней говорилось:

«Агенство печати Новости вносит предложение об издании через зарубежные издательства на коммерческой основе рукописи Н. Решетовской „В споре со временем“ (объем — до 15 печатных

листов). Написанная в форме воспоминаний, книга бывшей жены Солженицына содержит письма, дневники, заявления бывших друзей и другие документы, свидетельствующие о том, что в „Архипелаге ГУЛаг“ использованы лагерные легенды и домыслы. Кроме того, приводится ряд фактов неблагоприятного, аморального поведения Солженицына. В рукописи Н. Решетовской можно проследить эволюцию взглядов Солженицына от троцкизма до монархизма... Крупные буржуазные издательства „Нью-Йорк таймс“, „Пресс де ля Сиде“ (Франция), „Аллен Даво“ (Швейцария)

обратились в АПН с просьбой предоставить им права на издание воспоминаний Н. Решетовской. Рукопись воспоминаний Н. Решетовской подготовлена к печати издательством АПН совместно с КГБ при СМ СССР» (16).

В 1974 г. воспоминания Натальи Алексеевны были опубликованы за рубежом (18), а в 1975 г. — в СССР (19). Однако до сих пор их не удалось обнаружить ни в одной отечественной библиотеке, так как тираж был полностью предназначен для заграницы (17).

Воспоминания Натальи Алексеевны еще готовились к печати,

когда в Париже на русском языке увидел свет второй том «Архипелага», из которого читатели могли узнать, как в 1945 г. на Калужской заставе А. И. Солженицына вербовали в осведомители. Казалось бы, что еще надо — взять эти страницы да перепечатать, да приложить к ним воспоминания надзирателя «Сенина» (а «Сенин» мог вспомнить все что нужно), да сопроводить все это необходимыми комментариями, да пустить в обращение: за границей — в печать, в нашей стране — в самиздат. Не сомневаюсь, число сторонников А. И. Солженицына заметно бы поредело.

Однако на удивление КГБ ограничился только тем, что организовал киноинтервью у бывшего меньшевика М. П. Якубовича, жившего тогда в Караганде, под названием «Постскрипт к „Архипелагу“». По имеющимся сведениям, М. П. Якубович поставил под сомнение возможность для человека, согласившегося быть агентом органов госбезопасности, отказаться от сотрудничества. Однако, как признает сам Александр Исаевич, это интервью широко не демонстрировалось (20).

Едва только А. И. Солженицын обосновался в Цюрихе, как к нему

обратился с просьбой о встрече уже упоминавшийся эмигрант Василий Васильевич Орехов (1896–1990) (21). Уроженец Орловской губернии, он участвовал в белом движении, эмигрировал в чине капитана, жил в Болгарии. Франции, Бельгии. Был близок к генералам Врангелю и Кутепову. В 1929 г. основал журнал «Часовой». Создал и возглавил «Российское Национальное Объединение». В 1936 г. участвовал в гражданской войне в Испании на стороне Франко, затем сотрудничал с гитлеровцами, а в послевоенный период — с НТС (22).

А. И. Солженицын согласился на эту встречу не сразу. А когда

встреча состоялась, В. В. Орехов, по словам Александра Исаевича преподнес ему подарок: «...показал мне... *два-три* письма *моих!* моим безусловно почерком, замечательно подделанные, и с моими выражениями (из других реальных писем), да не ленились лишний раз Бога призвать и с большой буквы — а никогда мною неписанные! Подивился я работе кагебитского отдела». И далее: «А плели они эту переписку с 1972 года. Сперва я будто запрашивал у Орехова материалы по Первой мировой войне, и он мне *слал их — куда же? а в Москву, на указанный адрес* заказными письмами и с обратным

уведомлением — и уведомления возвращались в нему аккуратно с „моей“ подписью. Изумление? Да столько ли чекисты дурили! Затем, видимо, для правдоподобности „я“ предложил ему *сменить адрес — писать через Прагу, через какого-то профессора Несвадбу*. Тот подтверждал получение писем Орехова. А в конце 1973, когда уже завертели полную „конспирацию“, передали Орехову приглашение от „меня“ встретиться нам в Праге, уже не для исторических материалов, а *для выработки общего понимания и тактики...* да тут меня выслали». «Тут, — завершает своей рассказ А. И. Солженицын, — как раз брал

интервью „Тайм“, я дал им и эту публикацию, факсимиле „моего“ почерка, поймал КГБ на подделке... И урок: не надо такие случаи пропускать: эта публикация еще сослужит защитную службу в будущем» (23).

В своем обращении в журнал «Тайм» Александр Исаевич писал: «В 1972 г. Госбезопасность затеяла переписку с руководителем „Русского национального объединения“ Василием Ореховым, редактором журнала Часовой (Брюссель), — переписку от моего имени, т. е. сочиняла письма к нему, подделывая мой почерк. Сперва с невинными просьбами прислать материалы и

воспоминания о 1-й мировой войне, потом и с приглашением приехать самому *или прислать представителя „для связи“* в Прагу. *Поначалу эти фальшивые письма пересылались из Праги* с обратным адресом известного писателя и психиатра Йозефа Несвадбы, затем — на конвертах появилось подставное лицо Отакар Горский с „домашним“ адресом на учреждение (Прага, улица Революции, 1, где помещаются Чехословацкие аэролинии и туристические конторы), а телефон — из того района (улица Подкаштани и Маяковского), где расположены советское посольство и чешское ГБ.

Как далеко зашла бы эта провокация, если бы меня не выслали, — не знаю. Вероятно, хотели арестовать в Праге приехавшего русского эмигранта и затем вокруг него сплести для уголовного суда мои „связи“ с эмигрантскими организациями» (24).

Откликнулся на эту историю и В. В. Орехов, который прежде всего поделился своими сведениями об этой истории на страницах «Русской мысли»:

«Незадолго до высылки А. И. Солженицына, — писал он, — я, действительно, получил от него *два* письма. *Зная его почерк*, я не имел никаких оснований

сомневаться, что письма эти написаны им. В них не было ничего политического, вопрос шел о сообщении ему ряда данных по истории войны 1914—1917 гг. В письмах этих меня удивило предложение снестись с его друзьями в Праге, причем указывалось два адреса. От этих же лиц, чехов, я получил также *четыре письма* на эту же тему. Не скрою, что меня удивило это приглашение в Прагу, куда, я конечно, никогда бы не поехал, но все же мог так или иначе попасться на удочку. Как выяснилось после приезда А. И. Солженицына в свободный мир, письма эти он не писал, но сам признал, что подделан

его почерк мастерски. Совершенно ясно, что КГБ надеялось завлечь меня или в Прагу или в пограничную с Чеховловакией страну и создать новую историю „Треста“. В „Часовом“ я более подробно освещу эту гнусную провокацию, еще раз показывающую, что тактика и приемы чекистов не изменились» (25).

Такая публикация под названием «Неудавшаяся советская провокация» действительно появилась на страницах журнала «Часовой», но свое обещание подробно осветить «эту гнусную провокацию» В. В. Орехов не сдержал. Новая публикация была также лаконична,

как и письмо в редакцию «Русской мысли». То новое, что содержалось в ней, можно свести к трем пунктам: во-первых, оказывается, два письма А. И. Солженицына В. В. Орехов получил не из Советского Союза, а «из Чехо-Словакии», во вторых, «в этих письмах сообщалось, что переписку с ним следует вести по двум адресам его друзей в Праге и указывались эти адреса», а в-третьих, в одном из писем содержалось «предложение посетить этих друзей в Праге или прислать к ним доверенного человека» (26).

Что бросается в глаза в этих объяснениях? Прежде всего то, что ни В. В. Орехов, ни

А. И. Солженицын вообще не назвали московский адрес и не дали точных пражских адресов, по которым шла переписка. Не указали они ни название того учреждения, которое располагалось в Праге на улице Революция и которое использовался для переписки с Отакаром Горским, ни номера его телефона. Удивительно и то, что ни В. В. Орехов, ни А. И. Солженицын не опубликовали тексты писем, которыми они обменивались.

Но допустим (и это вполне вероятно), что вся переписка от начала до конца была мистифицирована КГБ. С какой же целью? Что касается «материалов по

Первой мировой войне», то их получение трудно было поставить в вину лауреату Нобелевской премии. Может быть, его хотели «уличить» в связях с зарубежными спецслужбами? Но тогда почему вплоть до его высылки за границу этот замысел так и не был реализован? Получается, что переписка должна была сыграть свою роль уже после «выдворения» А. И. Солженицына за границу. Но какую? Снова напрашивается мысль об имитации борьбы с писателем. Причем в том письме, с которым А. И. Солженицын обратился в редакцию журнала «Тайм» бросаются в глаза следующие слова:

«Именно потому, что этот случай строится на графологической подделке моих писем и такой прием может повториться в будущем, я и прошу „Тайм“ оповестить о нем читателей сопроводив фотоиллюстрациями» (27).

Действительно прошло немного времени и весной 1976 г. на свет появился так называемый донос «Ветрова» 1952 г. Как уже отмечалось в нем тоже был искусно подделан солженицынский почерк. Удалось обнаружить только расхождение в написании буквы «д». Зато в содержании доноса имелось две грубые ошибки, о чем уже шла речь ранее. Итак, с одной стороны,

знакомство с почерком свидетельствует, что донос готовили мастера, с другой стороны, мастера обязательно бы прочитали «Архипелаг» и по этой причине не допустили бы названные ошибки.

Более того, если бы в данном случае действительно преследовалась цель дискредитации А. И. Солженицына, то после его возмущенного письма начатая кампания не прекратилась бы. «Донос» обязательно был бы опубликован, для обоснования его достоверности могли «обнаружиться» другие подобные же «документы», появились бы необходимые «свидетели» и т. д.

Однако КГБ на удивление замолчал. И хотя в 1978 г. «донос» был напечатан гамбургским журналом «Нойе политик», но снова без должного информационного сопровождения (28).

Тогда же, как мы знаем, увидела свет книга Т. Ржезача «Спираль измены Солженицына». Если до недавних пор можно было лишь предполагать, кто его инспировал, то теперь об этом мы можем судить на основании документов. Вот один из них — письмо заместителя председателя КГБ при СМ СССР С. К. Цвигуна в ЦК КПСС от 17 января 1977 г.: «Комитетом государственной безопасности

проводятся мероприятия *по дальнейшей* дискредитации СОЛЖЕНИЦЫНА перед мировой и советской общественностью. В этих целях, в частности, *подготовлена* рукопись публицистического характера (прилагается), автором которой является чехословацкий журналист Т. Ржезач». Далее сообщались сведения о Томаше Ржезаче и прилагалась аннотация на его книгу, которая имела «условное название» «Это не биография писателя, а протокол вскрытия трупа предателя»^[55] (29).

Сначала книга Т. Ржезача появилась в Италии (30), затем — в Советском Союзе (31).

Рассматривалась возможность ее переиздания здесь массовым тиражом. Но затем от этой идеи отказались (32), а первое издание было реализовано таким образом, что книга оказалась совершенно недоступна обычному читателю.

Куда же она пошла? Оказывается семь из десяти тысяч экземпляров были переданы КГБ. Остальная часть тиража «направлена через книжную экспедицию Управления делами ЦК КПСС членам ЦК КПСС, кандидатам в члены КПСС, членам Центральной ревизионной комиссии КПСС, заведующим и заместителям заведующих отделами ЦК КПСС, заведующим секторами,

руководителям групп консультантов
и консультантам отделов
оргпартрabоты, пропаганды, науки и
учебных заведений, культуры,
международного, Отдела ЦК КПСС и
Отдела внешнеполитической
пропаганды, лекторам Отдела
пропаганды ЦК КПСС, секретарям
ЦК компартий союзных республик,
крайкомов, обкомов, Московского,
Ленинградского и Киевского
горкомов КПСС, заведующим
отделами пропаганды, науки и
учебных заведений, культуры,
руководителям лекторских групп,
республиканскими, краевыми и
областными домами политического
просвещения (включая Москву,

Ленинград и Киев), начальнику
Главного политического управления
Советской Армии и Военно-
Морского флота и его заместителям,
Комитету партийного контроля при
ЦК КПСС (председателю,
заместителям и членам Комитета),
редакторам и членам коллегий газет,
журналов и издательств ЦК КПСС, а
также руководителям и работникам
других центральных идеологических
учреждений и ведомств *по списку*,
согласованному с Отделом
пропаганды ЦК КПСС, Отделом
внешнеполитической пропаганды и
Общим отделом ЦК КПСС» (33).

Только один экземпляр этой
книги оказался в Государственной

публичной библиотеке им. В. И. Ленина, причем в Отделе для служебного пользования. В результате этого книга была почти недоступна не только массовому читателю, но и специалистам. Может быть это было связано с нагромождением ошибок и нелепостей в книге Т. Ржезача? Нет, оказывается, заказчик остался доволен выполненной работой и участвовавшие в ней чекисты были даже отмечены наградой (Солженицын А. И. Потёмщики не ищут света // Комсомольская правда. 2003. 23 сентября).

Это наводит на мысль, что донос и книга Т. Ржезача были

запущены в обращение или для шантажа А. И. Солженицына, или с целью имитации борьбы с ним, или же для того, чтобы дискредитировать появившиеся слухи о его связях с КГБ и тем самым бросить тень подозрения на любые попытки разобраться в данном вопросе.

Весьма своеобразный характер имела и другая акция КГБ, связанная с дискредитацией А. И. Солженицына — распространение версии о его связях с ЦРУ. За рубежом она была облечена в форму художественного произведения, вышедшего из-под пера члена ЦК СЕПГ Генри Тюрка и не получившего распространения ни

у на Западе, ни у нас (34). В нашей стране нашла отражение в книге Н. Н. Яковлева «ЦРУ против СССР» (35). Причем, несмотря на то, что она имела заказной характер, КГБ не предоставил автору никаких разоблачительных материалов. Поэтому почти все внимание автора было сосредоточено не столько на связях А. И. Солженицына с ЦРУ, сколько на характеристике его личности.

Готовилось еще несколько книг против А. И. Солженицына (36), но они почему-то так и не увидели свет (37).

Сказать, что КГБ ничего не делал в отношении

А. И. Солженицына было бы не совсем точно. Однако характеризуя эту деятельность советской власти, Александр Исаевич констатирует: «...сколько ни били по мне, только цепи мои разбивали» (38).

Действительно, пишет В. Н. Войнович, «чем круче с ним боролись, тем больше он укреплялся, и мы, жители того времени, с удивлением наблюдали, как государство, которое еще недавно потопило в крови Венгерскую революцию, раздавило танками Пражскую весну, в стычке у острова Даманский проучило китайцев, с ним, одним-единственным человеком, ничего не может сделать»

(39).

Что хотел выразить этими словами автор: восхищение, удивление или сомнение? После того, что мы имели возможность увидеть, о восхищении не может быть и речи. Не представляется убедительным и удивление. Остается одно — сомнение. Сомнение в том, что государство не могло ничего поделать с писателем-бунтарем.

Это сомнение представляется совершенно обоснованным. Но в таком случае бездействие государства следует рассматривать не как свидетельство его неосведомленности, не как не показатель растерянности и

слабости, не как проявление непрофессионализма, а как отражение особой политики. Если правительство ничего не делало в отношении А. И. Солженицына, чтобы парализовать его деятельность в СССР, значит, так было нужно. А так могло быть нужным только в двух случаях: а) если КГБ был заинтересован в развитии диссидентского движения и А. И. Солженицыну отводилась роль его катализатора или же б) если КГБ, преследуя подобные, а может быть и другие цели, вводил в это движение своего человека.

В первом случае Александр Исаевич мог быть слепым орудием

хитрой игры советских спецслужб, во втором — бойцом невидимого фронта.

Отпечатки пальцев

С учетом этого некоторые эпизоды в биографии А. И. Солженицына заслуживают особого внимания.

Вспомним, как осенью 1965 г. он вдруг забрал из редакции «Нового мира» свой роман «В круге первом». Объясняя свой шаг, Александр Исаевич связывает его с арестом Ю. М. Даниэля и А. Д. Синявского. Однако, как мы видели, сделано это

было до названных арестов, когда роману ничто не угрожало. Ничто не угрожало ему в сейфе «Нового мира» и после этих арестов. *Это значит, что в начале сентября 1965 г. роман понадобился где-то еще.* Куда же автор понес его «прятать»? Оказывается, в редакцию газеты «Правда» и на квартиру В. Л. Теуша

И надо же так случиться, что именно в эти дни вокруг кресла главного редактора «Правда» развернулась ожесточенная борьба. В таких условиях солженицынский роман приобрел в редакции газеты характер мины замедленного действия, а Ю. Ф. Карякин и А. И. Солженицын, сознательно или

бессознательно, оказывались в роли «минеров». Правда, эта мина не понадобилась. 21 сентября А. М. Румянцев и так был отправлен в отставку

Более своевременным оказалось появление романа на квартире В. Л. Теуша, куда именно в это время планировался визит КГБ, о чем свидетельствует специальная «Записка» КГБ при СМ СССР и Прокуратуры СССР, направленная ими 20 августа 1965 г. в ЦК КПСС. В ней отмечалось, что с осени 1964 г. «среди некоторых групп творческой интеллигенции и молодежи» стала распространяться анонимная рукопись антисоветского характера,

посвященная повести
А. И. Солженицына «Один день
Ивана Денисовича», автором которой
был В. Л. Теуш. Далее отмечалось,
что В. Л. Теуш проявляют «большую
активность *по перепечатке,*
хранению и распространению
идейно-порочных произведений
писателя СОЛЖЕНИЦЫНА» (1).

Считая «принятие мер по линии
КГБ непосредственно в отношении
СОЛЖЕНИЦЫНА» «политически
неоправданным», так как это
«вызовет нежелательную для нас
активность антикоммунистических
элементов на Западе», авторы
записки предлагали завести по факту
распространения упомянутой

рукописи уголовное дело и с этой целью «произвести допросы ТЕУША и его связей, обыски в *местах* хранения рукописей ТЕУША и *неопубликованных произведений* СОЛЖЕНИЦЫНА и другие следственные действия», что «позволит пресечь вредную деятельность ТЕУША и связанных с ним лиц, неизбежно приведет к общественной изоляции СОЛЖЕНИЦЫНА, после чего можно будет решить вопрос о мерах *по локализации его идейно-порочного влияния*» (2).

И вот в этот самый момент А. И. Солженицын забирает свой роман из редакции «Нового мира»,

где он мог спокойно лежать и дальше, и относит его на квартиру В. Л. Теуша. Как развивались последующие события, мы знаем. Известно и то, что произведенный у Л. В. Теуша обыск не повлек за «собой судебной или иной ответственности ТЕУША», а также способствовал не «локализации», а, наоборот, усилению «идейно-порочного влияния» А. И. Солженицына. Еще более странным в этой истории является другой факт.

Как уже отмечалось, в «Теленке» нашли отражение две совершенно разные версии изъятия солженицынского архива: по одной

из них, более ранней, «архив» был обнаружен на квартире В. Л. Теуша, что не соответствует действительности, по второй, более поздней, — на квартире И. И. Зильберберга, как было на самом деле.

Почему же вопреки фактам А. И. Солженицын первоначально утверждал, что архив был изъят у В. Л. Теуша? Ведь у него не было никакой личной заинтересованности в сокрытии правды от будущих читателей его воспоминаний. Но тогда получается, что первоначальная версия была нужна кому-то другому.

Впервые её обнародовала летом

1968 г. «Литературная газета» в редакционной статье «Идейная борьба. Ответственность писателя». В ней говорилось: «Машинописные копии некоторых рукописей Солженицына, как анонимные, были обнаружены при обыске и изъяты вместе с другими компрометирующими материалами в Москве у некоего гр. Теуша... Среди рукописей, изъятых у гр. Теуша, оказалась, например, пьеса „Пир победителей“» (3). Тогда опубликовать подобное можно было только с подачи КГБ СССР.

И действительно, 5 октября 1965 г. председатель КГБ при СМ СССР В. Семичастный подписал

секретный документ под названием «Информация Комитета Государственной безопасности при Совете министров СССР», адресованный в Отдел культуры ЦК КПСС. Вот его текст: «Комитет государственной безопасности направляет один экземпляр рукописи романа А. СОЛЖЕНИЦЫНА „В круге первом“, пьес „Республика труда“ (под псевдонимом Степана Хлынова) и *„Пир победителей“*, а также поэму „Невеселая повесть“, этюды и крохотные рассказы... *Все эти материалы были изъяты при обыске 11 сентября 1965 г. у близкого знакомого А. Солженицына Теуша В. Л.*» (4).

Следовательно версия об изъятии архива А. И. Солженицына на квартире В. Л. Теуша родилась осенью 1965 г. на Лубянке. Чем было вызвано ее происхождение? Ответ может быть только один. По каким-то причинам КГБ не желал, чтобы в связи с изъятием солженицынских рукописей в начатом уголовном деле фигурировала фамилия И. И. Зильберберга. [\[56\]](#)

Но в таком случае мы должны констатировать, что первоначально в воспоминаниях А. И. Солженицына фигурировала версия, исходящая от КГБ. Причем, как уже было показано, Александр Исаевич пытался пресечь имевшие хождения

слухи о причастности к провалу его архива И. И. Зильберберга и, по утверждению последнего, стал связывать его провал с именем В. Л. Теуша еще до публикации «Литературной газеты» (5). Что это случайное совпадение или же согласованные действия?[\[57\]](#)

Подобным же образом развивались действия и в 1973 г., когда А. И. Солженицын дал команду публиковать за границей первый том «Архипелага». Объясняя этот шаг, он связывает его с арестом Е. Д. Воронянской и последовавшей затем конфискацией рукописи книги у Л. А. Самутина. «...разве бы я сам решился», — вскрицает он в

«Теленке» (6).

Между тем, как было показано ранее, еще весной 1973 г. Александр Исаевич приезжал в Ленинград прощаться со своими знакомыми, одновременно он стал изымать у них свои письма и не позднее 17 июля заявил, что «Архипелаг» будет напечатан уже в 1973 г. (7). Летом того же года, еще до смерти Е. Д. Воронянской, в письме к Э. Маркштейн он уточнял, что «Архипелаг» потребует «раньше чем предполагалось» (8). Тогда же, он прекратил работу над романом «Октябрь шестнадцатого» и обратился к В. Н. Курдюмову с просьбой перефотокопировать его

рукопись (9). К тому же времени относится решение А. И. Солженицына переоформить на Н. А. Решетовскую оставшуюся за ним после развода Борзовку, что до этого он намеревался сделать только ко времени издания «Архипелага» (10), а покидая дачу 16 августа Александр Исаевич прощался с ней «навсегда» (11).

Получается, что в то самое время, когда КГБ выходил на след Е. Д. Воронянской, арестовывал и допрашивал ее, а затем делал вид, что ищет «Архипелаг», ничего не знавший об этом А. И. Солженицын уже сворачивал свои дела, готовился к отъезду за границу и уже ждал

момента, чтобы дать команду о публикации за границей своей книги.

Что это? опять совпадение? или же согласованные действия?

Более пристального внимания заслуживают и некоторые обстоятельства возвращения А. И. Солженицына из-за границы. Как утверждал Александр Исаевич, как писали советские газеты, такую возможность он получил только в сентябре 1991 г., когда было закрыто начатое против него в 1974 г. дело по обвинению в измене Родине (12).

Как же тогда оценивать тот факт, что в декабре 1988 г. в нашей стране впервые открыто был отмечен юбилей А. И. Солженицына.

Вдумайтесь в этот факт: открытое празднование юбилея человека, обвиненного в измене Родине и лишенного советского гражданства. Прошло полгода, и летом 1989 г. изменник родины, человек без гражданства был восстановлен в Союзе писателей РСФСР. В том же году началась публикация его произведений, был напечатан и «Архипелаг ГУЛАГ», на издании которого строилось обвинение писателя в измене Родине. А в августе 1990 г. А. И. Солженицыну, над которым продолжало висеть подобное обвинение, было возвращено советское гражданство.

Возможно ли такое?

Ответ на этот вопрос дал в 1991 г. бывший старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Ю. Зверев, которому в 1974 г. было доверено дело писателя. «Политическая власть... лишив Солженицына гражданства, — заявил он, — снимала все юридические проблемы, ибо не может изменить родине человек, не являющийся более ее гражданином. Стало быть, уголовное дело автоматически прекращается». (13).

Получается, что дело по обвинению А. И. Солженицына в измене Родине было автоматически закрыто сразу же после его высылки

из СССР. Что же за решение было принято Прокуратурой СССР осенью 1991 г.? Как явствует из заявления генерального прокурора СССР Н. Трубина, тогда прокуратура переквалифицировала, т. е. изменила лишь формулировку своего прежнего 17-летней давности постановления о прекращении дела А. И. Солженицына (14).

Значит, и А. И. Солженицын, и советские средства массовой информации, находившиеся до 1990 г. под контролем цензуры, дурачили доверчивую публику, поддерживая на протяжении нескольких лет версию о якобы незакрытом против писателя деле по

обвинению его в измене Родине и тем самым способствовали подъему его рейтинга.

Среди тех материалов, которые были использованы А. И. Солженицыным при написании «Архипелага», особого внимания заслуживают архивные источники. Их немного, и почти все они извлечены из фондов бывшего Центрального Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ныне Государственный архив Российской Федерации), о чем свидетельствуют фигурирующие в книге архивные шифры. До недавнего времени эти материалы

были засекречены. Факт, который отмечается и в «Архипелаге» (15).

Я не знаю, как обстоит дело с этим сейчас, но тогда для работы с подобными документами требовался специальный допуск (на архивном жаргоне — форма). В зависимости от степени секретности он имел разные номера. Так для работы с дореволюционными документами можно было обойтись формой № 4. Для работы с советскими документами требовалась, как минимум, форма № 3.

Использованные

А. И. Солженицыным материалы вряд ли можно было получить без формы № 2 или № 1. В тех

учреждениях, в которых велись засекреченные исследования, допуск давался первым отделом, в остальных — отделом кадров. В любом случае его можно было получить только с разрешения КГБ.

Чем выше была секретность, тем сложнее было получить допуск, тем более строго контролировалась работа исследователя. Все делавшиеся в спецхране выписки из документов просматривались работниками архива, которые имели право по своему смотрению полностью или же частично изымать сделанные исследователем записи, что делалось с помощью ножниц или черной туши. Причем категорически

запрещалось фиксировать в выписках из документов архивные шифры. К тому же сама рабочая тетрадь с выписками на руки исследователю не выдавалась и пересылалась по месту его работы соответственно в первый отдел или в отдел кадров.

Как же спецхрановские архивные материалы оказались в распоряжении А. И. Солженицына? Предположим, что он работал в ЦГАОРе. Но тогда нужно признать, что к этим материалам он был допущен с разрешения КГБ. Более того, тот факт, что ему удалось сделать выписки из документов с указанием архивных шифров, следует рассматривать, как свидетельство

того, что для него в архиве были созданы особые условия. В противном случае необходимо констатировать, что выписки из архивных материалов специального хранения он получил из чужих рук. Но если бы это было сделано кем-то из исследователей или архивных работников на свой страх и риск, то его личность была бы установлена сразу после выхода в свет «Архипелага», а за этим обязательно последовали бы санкции. Однако, насколько известно, никто из исследователей и сотрудников ЦГАОР в связи с этим не пострадал. Не нашел отражения данный факт и в «Пятом дополнении» к «Теленку»

— «Невидимки». Более того, этот «доброжелатель» там даже не упомянут.

И в том случае если А. И. Солженицын сам работал в спецхране, и в том случае, если спецхрановские материалы были получены им из чужих рук, оказывается, что КГБ не только был в курсе работы писателя над «Архипелагом», но и содействовал ей.

Отмечая факт слежки КГБ за ним и близкими к нему лицами, А. И. Солженицын в 1991 г. в журнальном издании «Теленка» привел следующий факт: «...в марте 1972 г. как-то раз доброхоты в одном

учреждении, где прохожий гебист положил портфель и отлучился в другую комнату, с отчаянной смелостью заглянули в портфель, успели перекопировать и передать мне: „I отдел 5 Управл. КГБ при СМ СССР — Широнину; Ленинград, УКГБ — Носыреву. **6 марта** вечерним поездом из Москвы в гор. Ленинград в сопровождении „**НН**“ выезжает жена „**Паука**“ — Решетовская Наталья Алексеевна. Просим Вас дать указание продолжить мероприятие „**НН**“ в отношении Решетовской, выявлять посещаемые адреса. В Ленинграде Решетовская ориентировочно пробует до 19 марта. Зам. начальника

Управления КГБ ген-майор
Никишкин“» (16).

Этот документ был известен А. И. Солженицыну уже в августе 1973 г. (17). Причем названными им «доброхотами» были, если верить ему, «двое парней в Радиокомитете на Новокузнецкой» (18).

Как же приведенный документ мог оказаться в портфеле «гебиста» в Москве на Новокузнецкой? Ведь он был направлен в УКГБ по Ленинграду и Ленинградской области. Конечно, в Москве в 5-м Управлении КГБ должен был отложиться отпуск этого документа (его копия). Но подобное письмо, имевшее оперативный характер и

относившееся к числу совершенно секретных, никто не имел права положить в портфель и вынести из здания ни на Лубянке, ни на Литейном.

Можно было бы допустить, что А. И. Солженицын стал жертвой мистификации. Однако обращает на себя внимание то, что в опубликованном документе совершенно точно названы фамилия начальника Управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области Д. П. Носырева, а также работника 5-го Управления КГБ В. С. Широина и допущена неточность лишь в передаче фамилии заместителя начальника

этого управления, которого звали не Никишкин, а В. С. Никашкин. Но самое главное в другом: в документе приведена оперативная кличка, под которой А. И. Солженицын, действительно, проходил по наружному наблюдению и которая в те времена принадлежала в стенах КГБ к числу совершенно секретных — «Паук» (19). Это значит, что даже если рассматриваемый документ представляет собою мистификацию, все равно к ней были причастны органы госбезопасности.

Был ли опубликован А. И. Солженицыным подлинный документ или его подделка, еще предстоит выяснить. Предстоит

выяснить и то, с какой целью он был ему передан. Однако в данном случае более важным является другое — отсутствие в опубликованном тексте фамилии упоминаемого в нем агента наружного наблюдения, вместо которой значится «НН», подобным же образом обозначено и название проводимого «в отношении Решетовской» «мероприятия» (26). Этого не могло быть ни в оригинале, ни в копии документа. Не могло этого быть и в том случае, если бы он была подделан. Но тогда следует признать, что фамилия агента наружного и название операции были исключены при публикации самим Александром Исаевичем.

Получается, что «Паук», предавая этот документ огласке, *соблюдал интересы ведомства!!!* Даже после того, как оно, казалось бы, прекратило свое существование.

Невероятно, но факт.

Оказывается, и ведомство блюло интересы своего непримиримого противника. 3 июля 1990 г., когда А. И. Солженицыну еще не было возвращено гражданство, КГБ уничтожил «путем сожжения» все 105 дел «оперативной подборки на „Паука“», а затем через С. П. Залыгина ему были переданы материалы, «относящиеся к его первому аресту в 1945 г. и его реабилитации в 50-е годы» (27).

Итак, мы рассмотрели несколько эпизодов из биографии А. И. Солженицына, которые наводят на мысль не о противоборстве, а о сотрудничестве между ним и КГБ.

По следам одного откровения

Когда в 1977 г. миланское издательство опубликовало книгу Т. Ржезача, содержащую обвинение А. И. Солженицына в осведомительстве, а в 1978 г. гамбургский журнал «Нойе политик» обнародовал написанный солженицынским почерком донос, писатель был поставлен перед

выбором: *или подать в суд за клевету, или же промолчать и тем самым признать справедливость выдвинутых обвинений.*

Первый путь Александр Исаевич категорически отверг. «В суд — заявил он, — не подам, могу их успокоить. *Правоту нет нужды взвешивать с нечистью на юридических весах.* Да и кто же судится с советским драконом? Да и он нас в лагеря посылал без суда» (1).

Да, с «советским драконом» судиться было невозможно. Но что мешало писателю возбудить обвинение в клевете против миланского издательства или же

гамбургского журнала? Если он не доверял обычному суду, почему нельзя было обратиться к мировой общественности и потребовать создания общественного суда. Не над собой. Над Т. Ржезачем, над Ф. Арнау, над издательством «Прогресс», над КГБ. Нерешительность писателя тем более удивительна, что опровергнуть аргументы Т. Ржезача не представляло никакого труда, а опубликованный донос — явная фальшивка.

Позиция, которую в 1978 г. занял А. И. Солженицына тем более вызывает недоумение, что, заявив о свое принципиальном нежелании

«взвешивать» правоту вместе с нечистью на **«на юридических весах»**, он буквально через несколько лет подал в суд на А. Флегона (2), который в своей книге «Вокруг Солженицына» тоже привел целый ряд нелицеприятных для лауреата Нобелевской премии неприятных, но гораздо более безобидных фактов (3).

Следовательно, отказываясь в 1978 г. судиться с Т. Ржезачем, Александр Исаевич руководствовался не отрицательным отношением к взвешиванию нечисти и правоты на юридических весах, а чем-то другим. Что же тогда могло удержать его от обращения в суд? Только одно — опасение, что во время

разбирательства могут появиться более серьезные аргументы в пользу выдвинутых обвинений, а также всплывут другие факты из его биографии, которые он скрывал и которые не делают ему чести. Но прежде всего он, видимо, опасался, что суд (обычный или общественный) обязан будет рассмотреть все обстоятельства, связанные с его первым арестом и историю с его вербовкой на Калужской заставе в 1945 г.

И здесь прежде всего возникает вопрос: можно ли рассматривать его рассказ о вербовке как исповедь, как откровение человека, который проявил минутную слабость и потом

всю жизнь мучился по этому поводу? Нет. Потому что в рассказанной им истории не хватает самого главного для откровения — искренности.

Поскольку А. И. Солженицын согласился быть осведомителем, у него обязательно должен был быть куратор. В такой роли, по его словам, выступал «надзиратель Сенин» (4). Сообщая об этом, Александр Исаевич сделал следующее весьма любопытное примечание: «...это очевидно была не настоящая его фамилия, он не русский был, а *псевдоним* для лагеря... Сенин был ни много ни мало — студент! — студент 4-го курса, вот только не помню какого факультета. Он, видно,

очень *стыдился эмведистской формы*, боялся, чтобы сокурсники не увидели его в голубых погонах в городе, и потому, приезжая на дежурство, надевал форму на вахте, а уезжая — снимал» (5).

В том факте, что «надзиратель Сенин» переодевался на работе нет ничего необычного. Но кто поверит, что он, «надзиратель лагеря», жил и учился под одной фамилией, настоящей, а нес службу в лагере под другой — вымышленной, и только потому, что стеснялся своей профессии. Если принять это свидетельство на веру, получается, что «стыдившийся эмведистской формы» «надзиратель» имел не

только две фамилии, но и два паспорта. На кого рассчитаны подобные небылицы?

Не только сомнительным, но и невероятным представляется также утверждение А. И. Солженицына, будто бы он согласился давать информацию только о подготовке побегов. Неужели у осведомителей существовала специализация: одни давали сведения по побегам, другие — по антисоветским разговорам, третьи — по вредительству и саботажу, четвертые — по террору, пятые — по шпионажу и так далее по всем статьям уголовного кодекса. Это, конечно, абсурд. Поэтому если бы Александр Исаевич изъяснил

готовность сотрудничать, то он должен был давать информацию по всем вопросам, которые интересовали лагерного кума.

Маловероятно и то, что, став осведомителем, А. И. Солженицын на протяжении более полугода не давал никаких сведений^[58] и, несмотря на это, оставался в комнате уродов и на должности придурка. И уж тем более в таком случае для него была бы закрыта дорога в шарашку, так как туда вряд ли направляли без положительной характеристики спецчасти того лагеря, в котором заключенный до этого находился.

Поэтому или история с вербовкой — это фантазия и тогда

требует выяснения вопрос — для чего она понадобилась? или же вынужденный по каким-то причинам пойти на откровение, Александр Исаевич попытался придать истории с вербовкой несерьезный характер и тем самым нейтрализовать возможные подозрения относительно его сотрудничества с лагерной администрацией.

Откровения А. И. Солженицына уязвимы и в другом отношении. Если принять его версию и допустить, что он был завербован в осведомители только «по побегам» и из-за отсутствия таковых за время пребывания в лагере никакой информации своему куратору не

давал, то невольно возникает вопрос: как в таком случае развивались события дальше? Ведь едва он переступил порог рыбинской шарашки и рыбинский кум навел о нем справки, ему сразу же должна была стать известна история с вербовкой. А поскольку Александр Исаевич не был исключен из числа осведомителей, то в Рыбинске *неизбежен* был разговор на тему о возобновлении или же продолжении сотрудничества. Почему же тогда Александр Исаевич ничего не пишет об этом?

Допустим, что ни в Рыбинске, ни в Загорске подобный разговор не состоялся, поскольку там

А. И. Солженицын был недолго. Тогда он должен был состояться в Марфинской шарашке, в которой Александр Исаевич пробыл три года. К тому же, по свидетельству Л. З. Копелева, сменивший здесь майора Шевченко «подполковник Мишин» «пытался вербовать каждого, кто входил в его кабинет за письмом или с заявлением „на свидание“» (6). А поскольку Александр Исаевич с заявлением «на свидание» появлялся в его кабинете не один раз, то подполковник Мишин должен был вербовать и его. Между тем несмотря на бедность материала на эту тему, ни о новой вербовке, ни о попытке возобновить его

сотрудничество в Марфинской шарашке Александр Исаевич даже не упоминает.

Предположим, что в шарашках был избыток осведомителей. Но тогда о нем обязательно вспомнили бы в Экибастузе. Но и здесь, оказывается, на него не обратили внимания. И только весной 1956 г., когда А. И. Солженицын уже был в ссылке, в Кок-Тереке попытку завербовать его сделало Управление КГБ по Джамбульской области(7).

В этой истории тоже много странного. Но главное, чего не принимает во внимание Александр Исаевич — прежде чем отправиться на встречу с ним в Кок-Терек

джамбульский сотрудник КГБ должен был навести справки о своем собеседнике. И тогда бы выяснилось, что тот еще одиннадцать лет назад изъявил готовность сотрудничать и до сих пор в этом отношении оставался неиспользованным. И вот тут Александр Исаевич допустил прокол: *его не могли вербовать* в Кок-Тереке. Речь могла идти *о возобновлении сотрудничества.*

Значит, и здесь мы имеем дело или с фантазией, или с неискренностью. Но что могло заставить А. И. Солженицына ввести в свою книгу этот эпизод? С одной стороны, возможно, объяснение нужно искать в том, что

освобождение заключенного или же ссыльного — очень удобный момент для его вербовки и, по всей видимости, накануне освобождения пытались вербовать многих. С другой стороны, этот эпизод должен подчеркнуть, что на протяжении всего пребывания за колючей проволокой и в ссылке Александр Исаевич не имел никакого отношения к осведомительству.

Поведав нам историю о его вербовке на Калужской заставе, Александр Исаевич явно недооценил значения своего рассказа. Данная им тогда расписка как каинова печать должна была сопровождать его до конца жизни.

И если чисто теоретически можно допустить, что во время его проживания в Мильцево и первоначально в Рязани КГБ не обращал на него внимания (мало ли учителей в стране), то после того, как «Один день Ивана Денисовича» принес ему славу и он стал вхож в самые элитарные круги московской интеллигенции, трудно представить, чтобы органы госбезопасности не сделал даже попытки вернуть своего бывшего секретного агента «Ветрова» к сотрудничеству. Однако ничего подобного на эту тему Александр Исаевич не сообщает.

И уж совершенно невероятно, чтобы, располагая таким козырем

как расписка о сотрудничестве, КГБ не использовал его, когда А. И. Солженицын стал переходить в открытую оппозицию к советской власти, когда появились сведения о его работе над «Архипелагом», когда он стал публиковаться за границей и превращаться в кумира диссидентского движения. Не дурацкими звонками, не глупыми письмами, не требованием денег, а всего навсего одной лишь его подпиской о сотрудничестве можно было и парализовать его деятельность, и лишить его большинства его поклонников, и нейтрализовать его зарубежных покровителей.

Между тем, если верить Александру Исаевичу, имея на руках подобный документ, органы госбезопасности не пытались использовать его ни в шарашке, ни в лагере, ни в ссылке, ни в период его учительства, ни в период его фавора, ни в период опалы, ни тогда, когда он вступил в борьбу с советской системой.

Напрашиваются два возможных объяснения: а) на протяжении всего послевоенного периода, по крайней мере до 1974–1978 гг. А. И. Солженицын исправно сотрудничал с органами госбезопасности, б) вся история с вербовкой — это дымовая завеса,

цель которой заключалась в том, чтобы скрыть более ранний и, видимо, более серьезный факт сотрудничества с органами госбезопасности, а если на этот счет появятся разоблачения, списать их на якобы имевшую место лагерную вербовку, которая не имела практических последствий.

В связи с этим прежде всего следует вернуться в 1938 г. и вспомнить, что когда А. И. Солженицына «вербовали» в училище НКВД, он был готов надеть на свои плечи мундир с краповыми петлицами, но по независящим от него причинам тогда ему не удалось пополнить ряды рыцарей щита и

меча.

Прошли годы, открылись архивы и вдруг обнаружилось, что сталинский стипендиат «с 1940 г. и до дня ареста среди своих знакомых проводил антисоветскую агитацию» (см.: Определение Военной коллегии Верховного суда СССР о реабилитации А. И. Солженицына) (8). «Антисоветские взгляды у СОЛЖЕНИЦЫНА, — читаем мы в записке КГБ при СМ СССР от 17 июля 1973 г., — стали проявляться еще в студенческие годы, когда он *изготовил и распространил среди друзей политически вредную рукопись*» (9). Об этом же свидетельствует и записка КГБ от 12

декабря 1973 г.: «Уже в студенческие годы СОЛЖЕНИЦЫН начал писать сочинения антисоветского характера и распространял их в узком кругу друзей» (10).

Нежели Александр Исаевич действительно уже в 1940 г. «проводил антисоветскую агитацию»? Факт, который представляется невероятным. Однако если допустить его реальность, нужно признать то, что подобную агитацию «сталинский стипендиат» мог вести только с ведома органов НКВД.

Вопрос о контактах А. И. Солженицына с органами госбезопасности до войны остается

пока в сфере предположений. Но его контакты с военной контрразведкой не вызывают сомнений. Очевидно, что без ее ведома Н. А. Решетовская никак не могла получить в 1944 г. фальшивые документы, беспрепятственно добраться до линии фронта и провести на батарее мужа целый месяц.

Если карьерист и сталинский стипендиат не мог сам без чьего-то ведома составить и распространять до войны «антисоветскую рукопись», то еще менее вероятно, чтобы подобный человек, пытавшийся уклониться от армии и переждать войну в обозе, а затем бывший одновременно не только образцовым

офицером, но также «насильником» и «палачом», мог в 1944–1945 гг. возмутиться верховным главнокомандующим, вступить в рискованную переписку со своим другом и обвинять верховного главнокомандующего в военных просчетах, теоретических ошибках и, тем более, в военно-феодальных методах руководства страной. Столь же невероятно, чтобы такой человек именовал в переписке И. В. Сталина «Паханом» и готов был к борьбе с существовавшим строем.

Своими сомнениями на этот счет я поделился с Н. Д. Виткевичем.

Приведу эту часть беседы полностью:

«— Нет ли на Ваш взгляд противоречия: с одной стороны, как признаете Вы сами, Александр Исаевич — карьерист, он вдалеке от передовой, на хорошем счету у начальства, все у него идет удачно, с другой стороны...

— Не продолжайте. Я знаю, что Вы хотите сказать. С другой стороны, наша переписка и резолюция. Здесь нет противоречия.

— Почему же?

— Потому, что Саня был прежде всего писателем и он полез во все это, чтобы изучить, а затем описать и прославиться.

— Тут можно было до славы и не дожить.

— Тогда он об этом не думал.

— В моем представлении он гораздо умнее и прогматичнее.

— Думайте, как хотите. Это Ваше дело. Но Вы заблуждаетесь.

— Скажите, Вы видели вокруг себя до войны ненормальные вещи?

— Конечно.

— А в армии?

— Конечно.

— А Вы хоть раз выступали с их критикой где-нибудь на комсомольском или партийном собрании?

— Нет.

— А вы помните, чтобы с такой критикой выступал кто-нибудь из ваших товарищей?

— Нет.

— А почему?

— Все знали, что это бесполезно.

— И небезопасно.

— Конечно.

— И понимая это, Вы не задумывались, чем может обернуться для Вас Ваша переписка и Резолюция?

— Это были только разговоры.

— Да, но на каком уровне! Ведь Вы замахивались не на декана факультета или командира части, а на всю государственную систему, на самого Сталина? И когда? В разгар войны...

— Мы просто лезли на рожон.

— А хотите я дам другое объяснение.

— Нет, нет. Нет. Фантазировать можно сколько угодно.

— Но, может быть, Вы меня все-таки выслушаете.

— Думайте, как хотите. Но если Вы со своими фантазиями выступите в печати, я буду возражать.

— Против чего?

Пауза.

— Позвольте предложить гипотезу. Ведь гипотеза — это поиск истины. Если Александр Исаевич, действительно, карьерист, как утверждаете Вы, а карьерист не способен рисковать жизнью, то сделать подобный шаг он мог только,

исполняя чье-то распоряжение.

— Чепуха...» (11).

Нежелание Н. Д. Виткевича даже выслушать мое понимание истории с арестом А. И. Солженицына свидетельствует, что Николай Дмитриевич признавал шаткость общепринятой версии этого события.

Ранее уже обращалось внимание и на фантастический характер ареста писателя, и на то, что при его задержании не был произведен обыск, и на необычное путешествие арестованного комбата с командного пункта бригады на Лубянку, и на странности следствия, и на удивительный приговор. Причем, как отмечалось, самое главное в этой

истории — это *непримиримое*
противоречие между
предъявленным А. И. Солженицыну
обвинением и характером
вынесенного приговора.

Или другим было обвинение,
или же другим был приговор.

Допустим, что обвинение
соответствует действительности.
Тогда следует поставить под
сомнение все известные нам
источники о характере приговора. А
это не только утверждения самого
А. И. Солженицына, но и
Определение военной коллегии
Верховного суда СССР,
опубликованные документы
следственного и реабилитационного

дел.

Если допустить, что документы, характеризующие приговор подлинны, тогда следует признать сфальсифицированными сведения о характере обвинения, которые опять-таки содержатся в воспоминаниях А. И. Солженицына, определении Военной коллегии Верховного суда СССР, опубликованных материалах следственного и реабилитационного дел.

Таким образом, и в одном, и в другом случае приходится не только поставить под сомнение утверждения А. И. Солженицына, но и констатировать, что *названные официальные документы были*

сфаальсифицированы. А поскольку доступ к ним до сих пор закрыт, подобная фальсификация могла быть осуществлена только на официальном уровне.

Отсюда вытекает два возможных заключения: или же арест, следствие и приговор имели совершенно иной характер, или же они были фиктивными и нужны были для создания Александру Исаевичу необходимой «легенды».

В связи с этим никак нельзя не вспомнить те загадочные слова, которыми Александр Исаевич сопровождал описание своего ареста:

«Арест был смягчен тем, что взяли меня с фронта, из боя; что

было мне 26 лет; что кроме меня никакие мои сделанные работы при этом не гибли (их не было просто); что *затевалось со мной что-то интересное, даже увлекательное; и совсем уже смутным (но прозорливым) предчувствием — что именно через этот арест я сумею как-то повлиять на судьбу моей страны»* (12).

Мог ли так размышлять человек, перед которым открывалась перспектива: или на кладбище, или в ГУЛАГ. В первом случае возможность «повлиять на судьбу страны» была полностью исключена. Казалось бы, не открывала надежд на это и перспектива оказаться за

колючей проволокой. И уж тем более трудно было представить себе пребывание здесь «интересным и даже увлекательным».

Так мог смотреть из тюремного окна в свое будущее лишь человек, для которого арест являлся не карой, не наказанием с неизвестными последствиями, а лишь формой прикрытия какой-то многообещающей деятельности.

«Все это вместе взятое дает право на существование версии о ВОЗМОЖНЫХ СВЯЗЯХ

А. И. Солженицына с советскими спецслужбами и ставит его перед необходимостью дать объяснения по тем фактам, которые бросают на него тень подозрения.

Более того, на мой взгляд, лица, в той или иной степени, оказавшиеся причастными к созданию существующего мифа о А. И. Солженицыне, активно сотрудничавшие с ним, способствовавшие получению им Нобелевской премии, связанные с Российским общественным фондом, ИМКА-пресс и т. д., тоже обязаны или отвести все подозрения от своего кумира (в противном случае они в разной степени ложатся и на них),

или же, признав их обоснованность, снять подобные же подозрения с себя.

Если А. И. Солженицын предпочтет сохранить молчание или отделаться общими словами, как он поступил в отношении публикаций Ф. Арнау и Т. Ржезача, высказанное предположение о его возможных связях с советскими спецслужбами можно будет считать доказанным. Если вместо гласного разбирательства по мне будет открыт огонь, то для любого думающего человека, такое развитие событий тоже будет означать только одно — предложенный в данной книге подход к разгадке мифа о

А. И. Солженицыне ведет к истине».

Взятые в кавычки слова, были приведены в первом издании этой книги.

С тех пор прошло более двух лет. Однако и герой книги, и его соратники никак не отреагировали на них, что дает право назвать А. И. Солженицына литературным Азефом.

На этом можно было бы поставить точку, если бы в биографии писателя не было бы еще одной загадки.

Глава 3

В паутине ЦРУ

Масонский след

Из недавно опубликованных воспоминания Владимира Брониславовича Сосинского^[59] явствует, что среди его знакомых, был и А. И. Солженицын (1). Однако в воспоминаниях самого А. И. Солженицына фамилия Сосинского не упоминается (2). Можно было бы допустить, что это знакомство являлось случайным и для лауреата Нобелевской премии не

представляло никакого интереса. Но так ли это?

Владимир Брониславович родился 21 августа 1900 г. в Луганске, умер в 1987 г. в Москве, был сыном инженера, работавшего на заводе Гартмана, и баронессы Шернберг. Участвовал в белом движении, оказавшись в эмиграции, с 1924 по 1926 г. работал в советском торгпредстве в Париже, находился в приятельских отношениях с Мариной Цветаевой и ее мужем Сергеем Эфроном, в 1925–1926 гг. жил с ними в одной квартире, с 1945 г. входил в Союз советских патриотов, с 1947 г. работал заведующим стенографического отдела ООН, в

1960 г. вернулся в СССР. Поддерживал отношения с А. А. Ахматовой, Б. Л. Пастернаком, К. И. Чуковским (3).

Уже одна биография В. Б. Сосинского свидетельствует, что он не мог не привлечь к себе внимания А. И. Солженицына. Еще более убеждает в этом тот факт, что Владимир Брониславович был женат на Ариадне Викторовне Черновой (1908–1974) — дочери лидера партии эсеров В. М. Чернова от его брака с Ольгой Елисеевной Колбасиной. Между тем, сестра Ариадны Викторовны Ольга находилась замужем за В. Л. Андреевым, с которым Александр Исаевич был

знаком с 1964 г. (4).

Когда появилось первое издание литературных воспоминаний А. И. Солженицына (1975 г.), в них специально было отмечено, что еще не пришло время назвать всех, кто оставил в жизни автора тот или иной след (5). В журнальный вариант «Теленка» (1991 г.) было включено так называемое «Пятое дополнение» — «Невидимки», из которого нам стало известно более ста человек, которые оказывали автору различную помощь, нередко рискуя своей карьерой. Однако тогда дополнение было напечатано *«еще не целиком»* (6). В 1996 г. увидело свет второе издание воспоминаний, в котором

«Пятое дополнение» было, наконец, опубликовано полностью (7). Но и в нем фамилия В. Б. Сосинского не фигурирует.

Не нашлось в них места еще одному человеку. Речь идет об Игоре Александровиче Кривошеине, с которым, как мы знаем, Александр Исаевич познакомился в Марфино. Может быть после освобождения они больше не общались? Нет, говоря о своих встречах с бывшими товарищами по «шарашке» И. А. Кривошеин удостоил чести назвать только две фамилии: Л. З. Копелева и А. И. Солженицына (8).

Здесь, вероятно, следует

отметить, что Игорь Александрович еще по эмиграции знал В. Б. Сосинского и поддерживал с ним самые близкие отношения в Москве. «Уже в 1958 г., — вспоминала Н. А. Кривошеина, — Сосинский приехал в Москву и, *странно*, мы с 1961 г. жили рядом с ним, на одной площадке в том же доме, в Измайлове» (9).

Это наводит на мысль, что и И. А. Кривошеина, и В. Б. Сосинского А. И. Солженицын оставил за пределами своих литературных воспоминаний, полагая что для них не пришло время даже сейчас.

Что же отличало их от десятков

«невидимок», которые фигурируют в «Теленке»? Прежде всего то, что они принадлежали к числу тех эмигрантов первого поколения, которые после Великой Отечественной войны вернулись на Родину. По разным оценкам, их было от двух до шести тысяч человек (10). Многие из них общались между собою в России (11) и почти все сохраняли связи с зарубежьем. Это значит, что знакомство А. И. Солженицына с И. А. Кривошеиным и В. Б. Сосинским открывало возможность для установления контактов с русскими эмигрантами, как вернувшимися в Советский

Союз, так и оставшимися за границей.

Но дело, по всей видимости, не только в этом. Описывая свое пребывание в шарашке, Л. З. Копелев отмечал: «...с нами подружился Игорь Александрович Кривошеин — сын министра в кабинете Столыпина, выпускник Пажеского корпуса... Он и не пытался скрывать, что вплоть до высылки из Франции был *масоном*,.. признался он и в том, что в 1940—1943 гг. был связан с *французской разведкой*» (12).

Если связи И. А. Кривошеина с французской разведкой до сих пор остаются для нас тайной за семью печатями, то некоторое

представление о его масонских связях дают имеющиеся публикации (13).

Из них явствует, что, находясь в эмиграции, с 1922 по 1947 г., И. А. Кривошеин входил в 12 масонских лож: 1) *Астрейя* (посвящен в декабре 1922) (14), 2) *Друзья Любомудрия* (принят в июне 1928 г.) (15), 3) *Северное сияние* (член ложи до 1930 г.) (16), 4) *Юпитер* (с 1930 по 1935) (17), 5) *Капитул Астрейя* (с 22 октября 1930 г.) (18), 6) *Северные братья* (1932–1933 гг.) (19), 7) *Лотос* (вышел в 1935 г, восстановлен в 1945 г.) (20), 8) *Ложя Горячие товарищи* (присутствовал на

открытии в 1933 г.) (21), 9) *Совет объединения русских лож Древнего и Принятого шотландского устава* (член Совета от Ложи Астрейя в 1934–1946 гг.) (22), 10) *Консистория 32 степени Россия* (1939 г.) (23), 11) *Ареопаг Ордо аб хао* (1945–1947 гг.) (24), 12) *Русский особый совет 33-й степени* (1945–1947 гг.) (25).

В разное время состав этих лож входило несколько сот человек, многие из них после Второй мировой войны еще были живы. Следует отметить, что В. Б. Сосинский тоже был масоном и состоял в двух ложах: «Северная звезда» (26) и «Северные братья» (27), причем в последней вместе с

И. А. Кривошеиным.

Показательно, что после возвращения И. А. Кривошеина из Советского союза (1974 г) он *почти сразу же* был восстановлен в масонстве и *почти сразу же* занял в нем видное место: 6 марта 1975 г. мы видим его в ложе «Астрея» (28). 8 апреля 1975 г. его возвели в 31-ю и 32-ю степени «в союзе Верховного Совета для Франции», в 1979 — в 33-ю (29). В том же году он вошел в состав Суверенного (державного) Капитула Астрея (30) и «Величественного ареопага Ордо аб хао» (31). В 1984 г. Игоря Александровича приняли в Ложу совершенствования (Друзья

Любомудрия) (32). Это дает основание предполагать, что, уехав в Советский Союз, И. А. Кривошеин вплоть до выезда за границу сохранял свои масонские связи. [\[60\]](#)

Может быть, А. И. Солженицын и И. А. Кривошеин разошлись позднее, уже в эмиграции? Нет, оказывается именно по предложению Александра Исаевича жена И. А. Кривошеина Нина Алексеевна написала воспоминания, которые в 1984 г. были опубликованы издательством ИМКА-пресс под редакцией Н. Д. Солженицыной в серии «Всероссийская мемуарная библиотека», а затем в 1999 г. переизданы в Москве

солженицынским издательством
«Русский путь» (33).

Что же могло сближать Игоря
Александровича и Александра
Исаевича?

Оказывается, то, что сейчас
принято называть русской идеей.
Имеются сведения, что
И. А. Кривошеин следил за той
борьбой которая шла в советских
правлящих верхах и возлагал особые
надежды на то течение, которое
представлял журнал «Молодая
гвардия» (34). А мы видели, что, как
бы А. И. Солженицын не
отмежевывался от этого журнала, его
взгляды во многом совпадают со
взглядами «молодогвардейцев».

Если верить Александру Исаевичу, первые его контакты с зарубежьем относятся к осени 1964 г, когда Н. И. Столярова познакомила его со «стариками Андреевыми». С их помощью Александр Исаевич переправил за границу набор микрофотокопий своих рукописей. В 1968 г. дочь «стариков Андреевых» Ольга Карлайл обеспечила издание за рубежом романа «В круге первом», а их сын Александр вывез за границу «Архипелаг». В силу своих возможностей Ольга Вадимовна содействовала присуждению А. И. Солженицыну Нобелевской премии.

Между тем, В. Л. Андреев тоже

был масоном. До 1949 г. он состоял в ложах «Северная звезда» и «Северные братья», среди членов которых мы видим и И. А. Кривошеина, и В. В. Сосинского (35).

С учетом этого несомненный интерес представляет выдвижение кандидатуры А. И. Солженицына на звание почетного гражданина Соединенных Штатов Америки. Инициатором этой идеи был сенатор Джесси Хелмс. Открываем справочник «Кто есть кто в Америке» на 1974–1975 гг. и читаем: сенатор Джесси Хелмс — родился в 1921, баптист, *масон*, член «Клуба Ротари» (36). Получается, что

инициатива предоставления
А. И. Солженицыну почетного
американского гражданства исходила
из масонских кругов.

Таким образом, благодаря
помощи бывшего масона
А. И. Солженицын «прорубил окно в
Европу» и в невероятно короткий
срок приобрел мировую известность
и мировое признание, а при участии
другого масона едва не стал
почетным гражданином Соединенных
Штатов Америки.

Проблема масонства до сих пор
во многом остается покрыта тайной.

Однако что не вызывает
сомнений, его деятельность самым
тесным образом связана со

спецслужбами.

Не в этом ли причина сокрытия А. И. Солженицыным факта своего знакомства как с И. А. Кривошеиным, так и с Б. Б. Сосинским?

«Окно в Европу»

Характеризуя свои контакты с границей, А. И. Солженицын пишет: «В главном тексте „Теленка“ я заявил, что всё на Запад передавал всегда самолично... На самом же деле: до 1968 г. никто, кроме Евы, с Западом меня не связывал» (1). Затем, как мы знаем, начал

действовать еще один канал, который фигурирует в воспоминаниях А. И. Солженицына как «канал Барабанов — Дурова» (2). С Е. В. Барабановым Александр Исаевич познакомился через священника Александра Меня (3), а Е. В. Барабанов проторил для себя дорогу на Запад через обучавшуюся тогда в СССР француженку Жаклин Грюнвальд (4).

Жаклин, по всей видимости, была внучкой Константина Константиновича Грюнвальда (1881–1976). Происходивший из семьи петербургских немцев евангелически-лютеранского вероисповедания, он закончил

юридический факультет столичного университета и с 1903 г. состоял на службе в Министерстве финансов, некоторое время находился в Берлине, в годы Первой мировой войны служил в Красном кресте и был в подчинении Э. П. Бенигсена^[61]. С 1921 г. жил в Париже, занимался журналистикой, переводами, *дружил с Э. Эренбургом*. После Второй мировой войны неоднократно бывал в Москве и, следовательно, встречаясь с И. Г. Эренбургом, не мог не знать Н. И. Столярову (5). Был знаком с Л. З. Копелевым (6).

Константин Константинович тоже был масоном, в разное время

входил в состав 13 лож: Великий Свет Севера (Берлин), Капитул Астрей, Суверенный (державный) капитул Астрей, старая ложа Астрей, новая ложа Астрей, Друзья Любомудря, Ареопаг Ордо аб хао, Величественный ареопаг Ордо аб хао, Консистория Россия, Совет Объединения русских лож Древнего и Принятого Шотландского Устава, Юпитер, Франция, Космос. Одним из его собратьев был И. А. Кривошеин (7).

В связи с этим никак нельзя обойти стороной следующее свидетельство Игоря Александровича. Характеризуя своих знакомых, он писал: «Особый круг

друзей составляли „московские французы“ — студенты, приезжавшие для совершенствования в русском языке» (8). Это дает основания думать, что в «особый круг друзей» дома Кривошеиных могла входить и Жаклин Грюнвальд.

Именно Жаклин в 1966 г. познакомила Е. В. Барабанова со служащей французского посольства Анастасией Борисовной Дуровой (9). Анастасия Борисовна родилась в 1908 г. в России и была дочерью офицера Бориса Андреевича Дурова (1879–1977), полковника лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. В 1919 г. он эмигрировал во Францию и поселился в Париже (10).

Здесь в 1920 г. принял участие в создании Русской средней школы, покровительницей которой была Лидия Павловна Детердинг (жена известного нефтепромышленника Генри Детердинга) (11). На протяжении многих лет вплоть до закрытия гимназии в начале 1960-х гг. был ее директором (12). Закончив гимназию, а затем католический колледж, его дочь Анастасия Борисовна стала преподавательницей русского языка. А в 1964 г. новый посол Франции в СССР Бодэ пригласил ее с собою в качестве «управительницы». Так она оказалась в Москве (13).

Когда и каким образом

Ж. Грюнвальд познакомилась с А. Б. Дуровой, неизвестно. Но известно, что через нее в 1966 г. Анастасия Борисовна познакомилась с Е. В. Барабановым, стала посещать его квартиру, присутствовала на его свадьбе, затем «крестила его детей» (14). Сблизившись с семьей Е. В. Барабанова, Анастасия Борисовна согласилась передавать его корреспонденцию за границу. С осени 1968 г., пишет А. И. Солженицын, «...были подключены к ней и мы» (15).

Характеризуя деятельность А. Б. Дуровой, Александр Исаевич отмечает: «Та же Грюнвальд и Аня Кишилова, другая студентка из

Парижа, связали ее с Никитой Струве» (16).

Никита Алексеевич (р.1931) был сыном Алексея Петровича Струве (1899–1976), внуком одного из лидеров партии кадетов Петра Бернагардовича Струве и племянником известного литературоведа Глеба Петровича Струве (17). В свою очередь отец Никиты Алексеевича имел двоюродного брата Михаила Александровича Струве, тоже масона, одним из собратьев которого был И. А. Кривошеин (18). Мать Никиты Алексеевича Екатерина Андреевна (1895–ок.1978) происходила из

предпринимательской семьи (19). Ее отец А. Л. Катуар, потомственный почетный гражданин, являлся совладельцем московского торгового дома «А. Л. Катуар и сыновья» (20). Женой Н. А. Струве стала Мария Александровна Ельчанинова (р.1925) — дочь видного духовного деятеля русской эмиграции Александра Викторовича Ельчанинова (1881–1934) (1897–1981) (21).

Никита Алексеевич преподавал русскую литературу. Через него А. И. Солженицын установил связь не только с редакцией журнала «Вестник Русского студенческого христианского движения», но и с

издательством ИМКА-пресс (22).

Как мы уже знаем, в 1970 г. по просьбе О. В. Карлайл на связь с А. И. Солженицыным приехал другой профессор Сорбонского университета С. Н. Татищев (23). «И еще второй раз он потом приезжал туристом, мы виделись снова у Евы... — пишет Александр Исаевич, — И вдруг весной 1971 г. та же Ева принесла поразительную новость: Степан Татищев назначается в Москву французским культурным атташе — на целые три года... На три года — достоверный надежный постоянно действующий дипломатический канал — не ждали мы. Но Ася Дурова не захотела быть

с ним откровенной, и каждый продолжал свое дело в одиночку, тайком ото всех в посольстве» (24).

Степан Николаевич приходился внуком графа Дмитрия Николаевича Татищева (1867–1919), который начинал свою службу в лейб-гвардии Преображенском полку, в 1907–1915 гг. был губернатором, в 1910 г. получил чин действительного статского советника, в 1912 г. — придворное звание шталмейстера, в 1915 г. — звание генерал-майора, в 1915–1916 гг. занимал должность товарища министра внутренних дел и командующего Отдельным корпусом жандармов (25). Карьере Д. Н. Татищева во многом

способствовало то, что он был женат на фрейлине ее императорского величества Вере Анатольевне Нарышкиной (1874–1951), брат которой Кирилл являлся другом детства Николая II и встретил революцию в должности начальника Военно-походной канцелярии императора (26).

Сын Дмитрия Николаевича Николай (1896–1985) закончил Александровский лицей и юридический факультет столичного университета, участвовал в Первой мировой войне, после революции некоторое время под чужой фамилией находился в Красной армии, затем перешел к белым,

входил в окружение генерала П. Н. Врангеля. В браке состоял трижды. От второго брака имел сына Дмитрия (1929), от третьего — Степана (1935).^[62] (27).

Обращение О. Карлайл к С. Н. Татищеву было неслучайным. Дело в том, что его отец Николай Дмитриевич, находясь в эмиграции, тоже состоял в масонстве. Среди его собратьев были К. К. Грюнвальд, И. А. Кривошеин, М. А. Струве и С. Я. Эфрон, находившийся в близких отношениях с В. Б. Сосинским (28). Кроме того, Николай Дмитриевич являлся ближайшим другом Б. Ю. Поплавского и по этой причине знал Н. И. Столярову (29).

После того, как С. Н. Татищева отозвали во Францию,^[63] новым атташе французского посольства по вопросам культуры в Москве был назначен Ив Аман, который еще будучи студентом поддерживал отношения с советскими диссидентами и оказывал им некоторые услуги. Заменив С. Н. Татищева он взял на себя те функции по связи советского диссидентства с заграницей, которые до этого выполнял его предшественник (30).

Как мы знаем, осенью 1967 г. Л. З. Копелев и Р. Д. Орлова познакомили А. И. Солженицна с дочерью лидера австрийских

коммунистов Копленига Элизабет Маркштейн. Весной 1968 г. она предложила Александру Исаевичу свои услуги (31), а осенью того же года нагрянула к нему в Борзовку и, видимо, там была достигнута договоренность об использовании ее как еще одного канала связи с заграницей. Именно она нашла адвоката Ф. Хееба. «Последний раз, — пишет Александр Исаевич, — я видел ее осенью 1970 г., Аля — еще через год... — на том лизины приезды кончились». Ей отказали в визе (32).

«Стал разгораться аппетит, что и книги хотим получать с Запада, — отмечает А. И. Солженицын, — и тут

выискала Ева Акселя и Жаклин *Краузе*; он был американский коммерсант, который мог получать неконтролируемую объемную почту — и они охотно помогали многим, в том числе и нам» (33).

Осенью 1970 г. Жорес Медведев предложил А. И. Солженицыну еще один канал через норвежского журналиста Пера Хегге (34), а затем через журналистов Р. Кайзера (Вашингтон пост) и Х. Смита (Нью-Йорк пост) (35). Первоначально Александр Исаевич, не откликнулся на это предложение, но 8 октября 1970 г. Пер Хегге сам вышел на него и именно его Александр Исаевич использовал для своей переписки с

Нобелевским комитетом. Однако весной 1971 г. Пера Хегге выслали из СССР (36).

«Наследником Хегге» уже в марте того же года стал шведский журналист Стиг Фредриксон (37). Именно его Александр Исаевич использовал для связи с Э. Маркштейн, Н. А. Струве, и Ф. Хеебом (38). Все, что необходимо было направить в названные три точки, он вручал С. Фредриксону. «А Стиг, — пишет А. И. Солженицын, — дальше передавал *через дипломатическую почту*, но не свою, шведскую, которая была, по-арестантски и по-советски выражаясь, сучья, — а через

иную. Там, сколько я помню, все годы, разные годы, служили *исключительно благородные люди*, помогали не нам одним, и никто никогда не провалился, никто никого не выдал. *Никого не знаю и сегодня*, чтобы назвать, — но кланяюсь тем людям! Мы назвали этот канал — ВСП — „Великий Северный Путь“» (39).

24 декабря 1993 г. в телепередаче «Секретные встречи в Москве» Стиг Фредрексон сообщил, что с 27 марта 1972 г. по 14 января 1974 г. он встречался с А. И. Солженицыным более 20 раз. Это означает, что встречи происходили примерно раз в месяц

(40).

Уезжая летом 1973 г. в отпуск, С. Фредриксон передал А. И. Солженицына Фрэнку Крепо из «Ассошиэтед Пресс» (41), а когда уехал домой на Рождество 1973 г., свои услуги писателю предложили журналисты Фрэнк Крепо и Джон Шоу (42). В январе 1974 г. к ним присоединился Нильс Мортен Удгорд (43).

Как только Александра Исаевича Солженицына выслали за границу, то не успев даже обосноваться в Цюрихе, он сразу же поспешил в Норвегию. «И, — пишет он, — естественно, и удержаться было нельзя Стигу не поехать туда же

встретиться со мной впервые после высылки, обмениваться планами, вопросами, ходом дел» (44). На таможене С. Фредриксона обыскали и нашли спрятанное письмо, но задерживать не стали (45). «Весть о провале Стига домчалась, — читаем мы в воспоминаниях А. И. Солженицына далее, — и ко мне в Норвегию в домик художника *Вейдемана* — с *Джоном Шоу* из „Тайма“, почему-то раньше самого Стига... часом позже приехал и сам Стиг» (46).

Итак, мы видим, что прорубленное в 1964 г. «окно в Европу» постепенно расширялось. Причем если первоначально связи

писателя с зарубежьем шли главным образом через французское посольство, то затем появились австрийский и скандинавский каналы. Иностранные посольства — американское (47), германское (48) и некоторые другие (49) — приняли участие в вывозе солженицынского архива за границу.

На протяжении десяти лет (1964—1974) в связях А. И. Солженицына с зарубежьем было задействовано не менее шестнадцати человек (А. В. Андреев, В. Л. Андреев, Г. Бёлль, А. Б. Дурова, Ольга Карлайл, Гарри Карлайл, Аксель Краузе, его жена Жаклин, Френк Крепо, Эльза Маркштейн,

Н. И. Столярова, С. Н. Татищев, Нильс Удгорд, Стиг Фредриксон, Ф. Хееб, Пер Эгил Хегге, Джон Шоу), некоторые из них выполняли по несколько передач. Если к этому добавить переписку, которая осуществлялась как обычным, легальным путем, так и нелегально, а также интервью с зарубежными корреспондентами, то следует признать, что постепенно у А. И. Солженицына складываются не просто регулярные, а интенсивные контакты с зарубежьем, причем с 1967 г. интенсивность этих контактов начинает возрастать.

Одна из особенностей американцев и европейцев —

прагматичность.

Поэтому представить, что все перечисленные лица помогали А. И. Солженицыну бекорыстно, тем более подвергая риску и себя, и свою карьеру, невозможно. Или оказываемые ими услуги тем или иным способом оплачивались (не обязательно деньгами), или же они выполнялись по долгу службы. Если бы речь шла об одной-двух услугах, их можно было бы рассматривать как случайные, а поскольку они имели неоднократно повторяющийся характер, это, скорее всего, свидетельствует об исполнении служебных обязанностей. А поскольку многие связи вели в

посольства, под дипломатическим прикрытием которых во всех странах действовали и действуют соответствующие спецслужбы, можно с полным основанием утверждать, что если не с 1964 г, то с 1968 г. зарубежные спецслужбы в той или иной степени были причастны к заграничным связям А. И. Солженицына.

В дружбе с НТС

Когда я впервые открыл «Пир победителей», меня поразило не столько то, что один из героев пьесы — власовец, сколько откровенно

звучащий в ней мотив оправдания предательства (1). Интерес к власовскому движению мы видим в творчестве А. И. Солженицына и позднее. Так, в 1967–1968 гг. он встречался с одним из участников этого движения Л. А. Самутиным и получил от него запись его воспоминаний (2). Подобные материалы он собирал и в последующие годы (3). Они нашли отражение в «Архипелаге» (4).

Если вспомнить, как «разумно» Александр Исаевич предлагал В. Т. Шаламову толкать свой литературный товар на Запад, возникает вопрос, на какую же читательскую аудиторию

ориентировался он в данном случае? Получается, на те силы за рубежом, которые когда-то сотрудничали с германскими спецслужбами. Одной из них в послевоенной Европе был Народно-трудовой союз (5).

Вот как характеризует его бывший диссидент В. К. Буковский: «Созданный в 1930 году в Югославии профашистски настроенной эмигрантской молодежью, (сначала он назывался Национально-трудовой союз нового поколения и находился под сильным влиянием идей Муссолини), в годы войны он сотрудничал с немцами (через Абвер), в частности издавая газеты на оккупированных немцами

территориях России. После войны в числе прочего имущества НТС достался американцам и англичанам и в разгар „холодной войны“ вплоть до смерти Сталина использовался для засылки разведгрупп в СССР, вербовки агентуры и сбора информации» (6).

В эту справку необходимо внести некоторые коррективы. НТС действительно возник в 1930 г. в Югославии, но первоначально назывался Национальный союз русской молодежи, в 1931 г. стал именоваться Национальный союз нового поколения, в 1936 г. — Национально-трудовой союз нового поколения и только в 1957 г.

приобрел свое современное наименование Народно-трудовой союз российских солидаристов (7). Сотрудничество НТС в германскими спецслужбами — факт общеизвестный. Однако руководители союза подчеркивают, что это сотрудничество имело тактический характер и что в годы Великой Отечественной войны НТС пытался вести борьбу на два фронта, в результате чего многие его активисты к концу войны оказались за решеткой (8).

В 1954–1955 гг. в руководстве НТС произошел раскол, одна из причин которого была связана с возникшими подозрениями

относительно проникновения в руководство Союза агентуры КГБ. Одним из подозреваемых был уже упоминавшийся Е. Р. Романов (9). В результате этого произошло отстранение от руководства НТС прежнего его лидера В. М. Байдалакова, место которого занял В. Д. Поремский. В. Д. Поремский в 1972 г. уступил свое место А. Н. Артемову, его преемником стал Е. Р. Романов, возглавлявший НТС с 1984 по 1995 г. (10).

Для характеристики НТС несомненный интерес представляет следующее свидетельство писателя Г. Владимирова, который некоторое

время возглавлял редакцию журнала «Грани». «НТС, — писал он, — конечно же, партия... ее становой хребет, ее ствол, разросшийся по всем континентам ветями и побегами, составляет семейный клан — Артемовы — Редлихи — Славинские — Бонафеде — Горачеки — объединенный перекрестными супружествами, крещениями, шаферствами и всех степеней родствами» (11).

Деятельность НТС во многом зависела от тех средств, которые поступали в его кассу. Поэтому Е. Р. Романов пишет: «Все сходилось в руках главного кассира». Кто же занимал этот ответственный пост?

На протяжении примерно сорока лет (с 1948 по 1996) на этой должности сменилось четыре человека. Первым казначеем НТС после войны был Михаил Николаевич Залевский (1895–1996), его сменил Михаил Иванович Парфенов (1919–1977), затем им был Владимир Яромирович Горачек (1916–1981) и до 1995 г. — Эдуард Валентинович Кесслер (р.1927) (12).

Важное место в деятельности Союза занимала пропаганда. С этой целью он издавал несколько журналов, из которых наибольшую известность получили два: «Грани» и «Посев».

Если первоначально НТС

призывал к насильственному свержению Советской власти, то с середины 1950-х годов его стратегия стала более гибкой. В 1957 г. по его инициативе в Гааге был проведен Конгресс за права и свободу России, который сформулировал 130 требований по реформированию советского общества (13), на основании чего была взята на вооружение новая стратегия, которая получила название «разбор системы по кирпичам» (14). Многие из этих требований затем получили распространение в диссидентских кругах Советского Союза. На рубеже 1970-80-х гг. Союз выдвинул новую идею — о «конструктивных силах»,

суть которой сводилась к тому, что среди советской элиты (директора заводов, ученые, военные и т. д.) постепенно набирают силу оппозиционные элементы, которые и могут со временем совершить радикальные перемены внутри советского общества (15).

Народно-трудовой союз регулярно направлял в СССР своих агентов, которые на конспиративном языке именовались «орлами». Они не только доставляли нелегальную литературу, но и стремились к контактам с лицами, чьи антисоветские взгляды были известны. Цель контактов заключалась в том, чтобы направить

ЭТИХ лиц на путь активной политической деятельности и, по возможности, привлечь в ряды НТС (16). По утверждению М. В. Назарова, уже к концу 60-х годов ежегодно в СССР направлялось более сорока «орлов», в результате чего «за 30 лет существования этой системы закрытыми контактами в России было охвачено более двух тысяч человек» (17). Внутри страны члены Союза объединялись в небольшие группы, которые назывались молекулами и между собою не имели связи (18).

Впервые о существовании этой организации А. И. Солженицын услышал в 1946 г. в Бутырской

тюрем, когда оказался в одной камере с Евгением Ивановичем Дивничем, который в 1934–1940 гг. входил в руководство организации (19).

НТС обратил внимание на А. И. Солженцына сразу после выхода в свет его повести «Один день Ивана Денисовича» (20). О том, насколько внимательно Союз следил за новым именем и всем, что было с ним связано, свидетельствует статья «Вхождение Солженицына в советскую литературу и дискуссия о нем», которая была напечатана в 1965 г. на страницах издававшегося в Штутгарте журнала «Osteuropa», а затем перепечатана в шестом томе

первого собрания сочинений писателя (21). Автором статьи значилась Барбара Боде. Под этим псевдонимом скрывалась Наталья Борисовна Тарасова (урожденная Жук). Н. Б. Тарасова родилась в Киеве в 1921 г. Оказавшись за границей, в 1946 г. вступила в НТС, с 1961 по 1981 г. редактировала журнал «Грани». Первым ее мужем был видный энтеэсовец Сергей Алексеевич Тарасов (1917–1982), вторым — многолетний казначей Союза М. И. Парфенов (22).

Характеризуя свой интерес к А. И. Солженицыну, Е. Р. Романов пишет: «Мы занимались им задолго до того, как он приехал за границу.

Доставали его произведения, ходившие в самиздате и нелегально вывозили для издания в „Посеве“» (23). Первая такая публикация появилась в 1966 г., когда редактируемые Н. Б. Тарасовой «Грани» опубликовали солженицынские «Крохотки» (24), затем ЭНТЭЭСОВСКОЕ издательство «Посев» во Франкфурте-на-Майне выпустило томик его сочинений (25), в 1968 г. редакция журнала «Грани» предупредила его о готовящейся пиратской публикации «Ракового корпуса» (26).

Это дает основание думать, что, посещая Советский Союз, ЭНТЭЭСОВСКИЕ «орлы» уже в 1960-е

годы должны были стремиться войти в прямой или же опосредованный контакт с писателем-диссидентом.

Если до 1968 г. отношения между НТС и А. И. Солженицыным можно характеризовать как «платоническую любовь», то в 1968–1970 гг. они приобретают характер «любви по расчету». Это были годы, когда разворачивается борьба за присуждение А. И. Солженицыну Нобелевской премии. Со временем будут опубликованы воспоминания, станут доступными архивные документы, и мы узнаем скрытые пружины этой борьбы. Но уже сейчас известно, что среди тех, кто самым активным образом поддерживал

кандидатуру А. И. Солженицына был и Народно-трудовой союз.

14 октября 1970 г.

«Литературная газета» выступила со статью «К вопросу о приоретите», в которой говорилось: «Издающийся в Брюсселе журнал „Часовой“ опубликовал громогласное заявление, в котором настаивает, что приоритет выдвижения Солженицына на Нобелевскую премию принадлежит именно ему, „Часовому“» (27). Действительно, в 1969 г. «Часовой» выступил с обращением ко «всем российским эмигрантским организациям», в котором предложил им использовать все свои связи и возможности, дабы

поддержать вопрос о выдвижении кандидатуры русского писателя А. И. Солженицына на очередную Нобелевскую премию (28). «Соответствующий меморандум, — констатировал в 1970 г. «Часовой», — был нами разослан известным писателям ряда европейских стран. В том числе и некоторым французским литераторам», среди них были и те, кто затем «обратился в Нобелевский комитет» (29).

Журнал «Часовой» самым тесным образом сотрудничал и с Народно-трудовым союзом. Поэтому возникает вопрос: а какую позицию в этой кампании занимал сам

Народно-трудовой союз? Здесь прежде всего следует вспомнить, что в 1970 г, когда борьба за премию вышла уже на третий круг, «Посев» опубликовал первое «Собрание сочинений» А. И. Солженицына на русском языке. Оно вышло во Франкфурте-на-Майне в шести томах (30).

Признавая этот факт, один из руководителей НТС Е. Р. Романов вспоминал: «Кроме того, мы всячески старались пропагандировать его творчество на Западе. У нас была такая организация „Ар е прогрe“, культурная французско-русская организация. С ее помощью мы

привлекли видных западных писателей и выдвинули кандидатуру Солженицына на Нобелевскую премию, а потом сделали все, что могли, чтобы он получил эту премию» (31).

Известно имя одной из деятельниц общества «Ар э Прогрэ», которая рассылала по всему миру письма с призывом к выдвижению и поддержке кандидатуры Александра Исаевича на Нобелевскую премию, это его секретарь Тереза Баскэн (32). Именно она от имени своего общества 15 июня 1970 г. официально уведомила Шведскую академию, что 58 деятелей культуры Франции (среди которых был и

лауреат Нобелевской премии Франсуа Мариак) выдвигают кандидатуру А. И. Солженицына на соискание премии 1970 г. (33).

Существовали ли у А. И. Солженицына прямые или же опосредованные контакты с НТС до его высылки за границу, мы не знаем. Однако нельзя не обратить внимания по крайней мере на два факта.

Прежде всего на знакомство писателя с вышедшим в 1972 г. из заключения А. И. Гинзбургом. Дело в том, что среди тех обвинений, которые были предъявлены А. И. Гинзбургу и его подельникам: Ю. Т. Галанскову, А. А. Добровольскому и

В. Лашковой, после их ареста 1967 г., фигурировало и обвинение в связях с НТС (34). Если Добровольский признал это обвинение полностью, а В. Лашкова частично, то А. И. Гинзбург, и Ю. Т. Галансков отвергли его (35). Однако после того, как в 1972 г., находясь в заключении Ю. Т. Галансков умер, факт его принадлежности к НТС был публично признан руководителями этой организации, причем из их откровений стало известно, что Ю. Т. Галансков не только являлся членом Союза, но и возглавлял ее подпольную группу^[64] (36).

Как утверждает Е. Романов, «контакты с группой Галанскова»

«вела» Елизавета Романовна Миркович (ур. баронесса фон Кноринг) (1918–1994), которая до 1984 г. работала в Закрытом секторе (по связям в России) (37). Известна и одна из связных Союза, которая специально ездила в Москву для встречи с Ю. Т. Галансковым. Это Ариадна Хальтер, бывшая женой видного деятеля НТС Александра Михайловича Югова (38).

Учитывая, что Е. Р. Романов говорит о существовании «группы Галанскова», что А. А. Добровольский признал свою принадлежность к Союзу, что с В. Лашковой велись переговоры о вступлении в эту организацию (39),

представляется возможным
поставить вопрос о принадлежности
к ней и А. И. Гинзбурга.

Как мы уже знаем, покидая
Россию, А. И. Солженицын выступил
со статьей-манифестом «Жить не по
лжи», в котором призвал своих
сограждан к идеологическом
неповиновению. Касаясь этого
эпизода в «Теленке», он отмечает,
что эта идея ждала своего времени
«уже четыре года» (40). «„Жить не по
лжи“ — пишет

А. И. Солженицын, — это воззвание
готовилось в ходе 1972 и 1973 годов и
первоначально было задумано как
призыв *к кампании идеологического
неповиновения* (вместо

гражданского неповиновения). Затем эта задача была снята как преждевременная» (41).

Нельзя не отметить, что идея подобной кампании возникла ко времени знакомства писателя с А. И. Гинзбургом, когда ими было принято решение о создании Русского общественного фонда. Поэтому возникает вопрос, не было ли связи между идеей организации «кампании идеологического неповиновения» и решением о создании названного фонда?

Бросается в глаза и другой факт. В начале 1970-х гг. НТС была создана специальная комиссия, которая подготовила брошюру

«Стратегические проблемы освободительной борьбы». Под этой брошюрой стоит дата: 31 января 1972 г. (42). В ней рассматривались различные способы борьбы с советским режимом и в частности говорилось: «НТС руководит труднейшей работой его участников по нравственному совершенствованию самих себя и своего народа. России нужна не только политическая, но и духовная *перестройка*. Только *революция духа* может гарантировать успех революции гражданской» (43).

Сформулированная НТС в 1971–1972 гг. идея «революции духа» по сути дела — это идея «нравственной

революции», которую в 70-е годы активно начал проповедовать Александр Исаевич и которая нашла отражение в его воззвании «Жить не по лжи». Что это совпадение? Ответ на этот вопрос дает сопоставление названной брошюры НТС и воззвания А. И. Солженицына:

НТС

«Стихийный саботаж».

«Не ходить на собрания».

«Не участвовать ни в каких выборах».

«Не принимать участия в официальных

шествиях

и

демонстрациях»

Источник:

*Стратегические
проблемы*

*освободительной
борьбы. Б.м.,
1972. С. 40–41.*

Солженицын

«Гражданское
неповиновение».

«Не даст загнать себя
на собрание»

«Не поднимет
голосующей руки»

«Не даст принудить

себя идти на демонстрацию
или митинг»

*Солженицын
А. И. Жизнь не по
лжи //*
Публицистика.
Т.1. Ярославль,
1995. С. 189–190

Первым на подобное совпадение
обратил внимание Н. Н. Яковлев:
Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР.
С.196.

И тот факт, что идея
«нравственной революции» была
выдвинута А. И. Солженицыным

почти одновременно с идеей «революции духа», предложенной НТС, и то, что предлагаемая лауреатом Нобелевской премии программа «гражданского неповиновения» во многом совпадала с идеей «стихийного саботажа», выдвинутой НТС, дает основание думать, что перед нами не простое совпадение, а согласованные действия. А поскольку названная брошюра НТС появилась раньше воззвания А. И. Солженицына, получается, что он пропагандировал энтээсовские идеи. «Наиболее точным выражением этого духа самоосвобождения как способа освобождения всей страны стало

солженицынское „Жить не по лжи“» — пишет по этому поводу видный деятель Союза М. Назаров (44).

Таким образом, мы видим, что в 1970–1974 гг. в действиях Народно-трудового союза и А. И. Солженицына обнаруживается определенная согласованность. Не означает ли это, что в начале 70-х гг между писателем и НТС устанавливаются если не прямые, то опосредованные контакты?

Вскоре после того, как А. И. Солженицын обосновался в Цюрихе, здесь повились энтээсовские эмиссары: «... приехали раз, — пишет Александр Исаевич, — и второй от НТС

(Народно-Трудовой союз, давние стойкие антибольшевики), этих нельзя не принять» (45). Еще бы, ведь именно эти «давние стойкие антибольшевики» издали первое Собрание его сочинений, именно они играли активную роль в кампании по присуждению ему Нобелевской премии.

К сожалению, Александр Исаевич не назвал фамилий посетивших его «антибольшевиков». Но есть основание предполагать, что одним из них мог быть представитель НТС в Швейцарии Мирослав Генрихович Гроссен (1916–1989), который тоже жил в Цюрихе (46).

Мирослав Генрихович, принадлежавший к числу кредиторов НТС, был сыном Генриха Ивановича Гроссена (1881–1974), который закончил юридический факультет Петербургского университета и до революции служил в Сенате. Эмигрировав, он с 1941 г. жил в Швейцарии, некоторое время работал в Женеве в библиотеке ООН, сотрудничал в «Русской мысли». Имел двух сыновей (Мирослава и Генриха, оба состояли в НТС) и дочь Ванду (р.1917), которая находилась замужем за сыном поэта Ивана Ивановича Тхоржевского^[65] — Георгием (47).

Как мы знаем, в декабре 1974 г.

на обратном пути из Стокгольма, где ему была, наконец, вручена Нобелевская премия, Александр Исаевич вместе с Натальей Дмитриевной заехал во Франкфурт-на-Майне и сделал здесь небольшую остановку. «На обратном пути, — вспоминает Александр Исаевич, — заехали мы во Франкфурт-на-Майне познакомиться с „Посевом“ и ведущими НТСовцами... повидали мы и старичка Г. С. Околовича» (48). Почему же А. И. Солженицын из всех руководителей Народно-трудового союза упомянул только самого неprimетного из них — Георгия Сергеевича Околовича (1901–1980)? Уж не потому ли, что он на

протяжении всего послевоенного периода вплоть до своей смерти возглавлял Закрытый сектор НТС (49), в руках которого сходились все связями с СССР. С кем еще встречался Александр Исаевич во Франкфурте-на-Майне, мы не знаем.

После возвращения писателя в Швейцарию его контакты с НТС продолжались. «Потом, — пишет Александр Исаевич — наезжали к нам в Цюрих то В. Поремский, то Р. Редлих, присылали свою программу-устав, читал я их» (50).

Владимир Дмитриевич Поремский (1909–1997) был сыном военного, эмигрировав с родителями, до 1928 г. жил в Югославии, затем во

Франции. До 1927 г. учился в Белградском университете, в 1932 г. закончил Институт химии в Лилле. Стоял у истоков Народно-трудового союза, с 1955 по 1972 г. был его председателем, являлся одним из его теоретиков (51).

Редлих Роман Николаевич родился в Москве в 1911 г. Его отцом, по все видимости, был Николай Федорович Редлих — потомственный дворянин, член-распорядитель торгового дома «Д. А. Редлих» (52). В 1933 г., после того, как он был арестован, его семье, в которой было шестеро детей, разрешили выехать Германию. Закончив Берлинский университет,

Роман Николаевич стал доктором философии, учился у С. Л. Франка и И. А. Ильина. В НТС состоял с начала войны (53). На протяжении многих лет входил в состав его Совета (54).

«В дальнейшем, — пишет Е. Р. Романов, — связь с Солженицыным поддерживала Анастасия Николаевна (речь идет об А. Н. Артемовой — А.О.); она ездила к нему в Швейцарию сверять его рукописи, которые у нас печатались... Затем у нас как-то жил его пасынок^[66]... Он жил у Анастасии Николаевны недели три. Потом Солженицын переехал в Вермонт... И Наталья Дмитриевна

редко, но регулярно писала Анастасии Николаевне о том, как идет их жизнь» (55). Это свидетельствует о том, что после высылки за границу отношения А. И. и Н. Д. Солженицыных с некоторыми руководителями НТС приобрели почти приятельский характер.

Анастасия Николаевна Артемова (р.1916) была сестрой Н. Р. Редлиха. Во время войны она вышла замуж за Александра Николаевича Артемова (настоящая фамилия Зайцев) и с тех пор «фактически всегда была на союзной работе»: работала в Отделе внешних сношений и в издательстве, принимала участие в подготовке

шеститомного Собрания сочинения
А. И. Солженицына (56).
А. Н. Артемов родился в 1910 г. в
Рязанской губернии, закончил
биофак МГУ, во время войны попал в
плен, воевал в составе власовской
армии, с 1946 по 1998 г. был членом
Совета НТС, в 1972 заменил
В. Д. Поремского на посту
председателя Союза, долгое время
возглавлял его Исполнительное Бюро
(57). Их сын Николай, тоже член
НТС, занимался идеологией и
иностранными связями, а дочь Елена
была женой Николая Борисовича
Жданова, который в 1970-е годы
представлял Союз в Норвегии, а
затем возглавлял издательство

«Посев» (58).

Когда в декабре 1974 г. А. И. Солженицын совершил свою первую поездку в Париж, одним из немногих, с кем он пожелал здесь встретиться, стал Аркадий Петрович Столыпин. Рассказывая об этой встрече, Александр Исаевич отмечает: Аркадий Петрович «пришел ко мне обсудить эскиз моей главы о Петре Столыпине» (59). Деталь сама по себе очень важная, свидетельствующая о том, что столыпинский сюжет возник у А. И. Солженицына еще до лета 1976 г., когда он получил возможность познакомиться с архивом Гугеровского института.

Поэтому правомерен вопрос: не оказала ли эта встреча влияние на последующую переработку романа «Август Четырнадцатого»? Но в данном случае более важным является то, что Аркадий Петрович был не только сыном премьер-министра, он входил в состав НТС и на протяжении многих лет являлся членом его Совета (60).

В имеющейся литературе, посвященной Народно-трудовому союзу, давно уже отмечено, что после окончания Второй мировой войны НТС был взят на содержание ЦРУ (61). Сейчас данный факт признается даже руководителями Союза (62). Это значит, что ЦРУ

имело отношение и к изданию первого Собрания сочинений А. И. Солженицына, и к выдвижению его кандидатуры на Нобелевскую премию, и к созданию за рубежом соответствующего общественного мнения о нем. А контакты писателя с НТС можно рассматривать как опосредованные контакты с американскими спецслужбами.

Тень ЦРУ

Если посмотреть на обложку изданных А. И. Солженицыным в эмиграции произведений на русском языке, нетрудно заметить, что всем

им дорогу в свет дало издательство ИМКА-пресс, а теми периодическими изданиями, с которыми он сотрудничал наиболее тесно, были журнал «Вестник русского христианского движения» и газета «Русская мысль». Знакомство с тремтомником «Публицистики» А. И. Солженицына показывает, что на страницах этих изданий было опубликовано примерно две трети всех его статей, интервью, писем и заявлений (1).

Истоки «Русского христианского движения» уходят в XIX в. и связаны с именем барона Павла Николаевича Николаи (ум. в 1919), который, с одной стороны, пытался создать

подобное движение среди студенчества, а с другой стороны, сделать его частью Всемирной христианской студенческой федерации, чего и удалось добиться в 1913 г. (2). Именно последователи П. Н. Николаи стали инициаторами возрождения этого движения в эмиграции. Их инициатива была поддержана швейцарцем Густавом Кульманом, который в начале 1920-х гг. являлся секретарем американской секции созданной в США протестантами Ассоциации христианской молодежи (Young Men Christian Association — YMCA. ИМКА) (3). Эта ассоциация обратила свои взоры на Россию еще в 1917 г.,

когда американские спецслужбы попытались использовать ее для идеологического проникновения в нашу страну (4).

При финансовой поддержке ИМКА в октябре 1923 г. в чешском городке Пшерове состоялся съезд, участниками которого были Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Л. Ф. Зандер, В. В. Зеньковский, А. В. Карташев, П. И. Новгородцев и который положил начало существования Русского студенческого христианского движения (в 1975 г. по предложению А. И. Солженицына оно было переименовано в Русское христианское движение) (5). В

1920 г. Ассоциация христианской молодежи создала собственное издательство, получившее название ИМКА-пресс (6). В 1925 г. стал выходить журнал «Вестник РСХД» (7).

В 1959 г. Ассоциация христианской молодежи передала РСХД свое издательство и книжное объединение в Париже, т. е. ИМКА-пресс и «Товарищество объединенных издателей» (8). В новое руководство ИМКА — пресс вошли И. В. Морозов, Н. А. Струве и Б. Ю. Физ. (9). С этого времени И. В. Морозов стал его директором, а также руководителем Товарищества объединенных издательств, а

Н. А. Струве фактически возглавил редакцию «Вестника РСХД» (10).

Руководство РСХД обратило внимание на А. И. Солженицына в 1967 г. после его «Письма к съезду писателей». Именно тогда на страницах «Вестника» появилась статья И. В. Морозова «Александр Исаевич Солженицын» (11). В 1968 г. ИМКА-пресс издает его роман «В круге первом», а с романа «Август Четырнадцатого» монополизирует издание всех остальных его произведений на русском языке. В связи с этим В. Вейдле охарактеризовал период с 1968 г. как «солженицынскую эру» в истории издательства ИМКА-пресс (12).

Тогда же РСХД через семинар, возглавляемый о. А. Менем устанавливает связи с некоторыми другими советскими авторами и, как отмечает А. И. Солженицын, с 1969 г. Н. А. Струве «сумел преобразовать прежний эмигрантский тоненький „Вестник РСХД“ (Русского Студенческого Христианского Движения) в толстеющий от номера к номеру мост между эмиграцией и метрополией» (13). На страницах «Вестника» появились авторы из Советского Союза, а его редакция и ИМКА-пресс начали доставлять свои издания в Советский Союз.

Одним из каналов такой пересылки были дипломатические

службы. В качестве такого посредника Александр Исаевич называет сотрудницу культурного отдела французского посольства в Москве «корсиканку Эльфриду Филиппи» (14). Есть, однако, основания утверждать, что в этом отношении она была не единственной. «На нас, — утверждал В. Аллой, имея в виду конец 70 — начало 80-х годов, — „работала“ *едва ли не половина французского представительства в Ленинграде, и даже генеральный консул Лёгрэн*» (15).

Кто поверит, что это делалось французскими дипломатами на свой страх и риск!

Здесь, однако, нужно учитывать, что хотя американская УМСА в конце 50-х годов свернула свою непосредственную деятельность во Франции, она не порвала связей с ИМКА-пресс. Более того, имеются сведения, что УМСА оставалась «юридическим» хозяином издательства и «помогала издательству деньгами», а примерно с 1979 г. стала вмешиваться и в его дела (16).

Нетрудно заметить, что это произошло после того, как Александр Исаевич добился отставки И. В. Морозова. С начала 80-х годов после ухода с директорского поста В. Е. Аллоя влияние Вермонта на

издательство, по его словам, еще более усилилось. Главным проводником этого влияния был Н. А. Струве (17).

Характеризуя свои отношения с ним, В. Алой писал: «Первый серьезный спор... произошел в начале 80-го, когда Никита сообщил, что нам, „кажется удалось“ получить постоянную субсидию для издательства — 70 тыс. дол. в год (на то время — 350 тыс. франков), причем она будет приходить в виде наличных денег. Постоянство и форма дотации совершенно однозначно указывали ее источник (крупные суммы наличными выдают лишь стратегические службы,

имеющие свои секретные фонды и предпочитающие не оставлять следов), понятно было и каким образом ее „удалось получить“. В ответ на выраженное мною сомнение, стоит ли связываться с такими организациями... — Никита неожиданно резко вспыхнул: „Что вы все морализуете? Думаете мне приятно встречаться с этими людьми? Если я стал делать это, то лишь для пользы издательства“» (18).

По свидетельству В. Е. Алая, с этого времени ИМКА-пресс полностью перешла под контроль А. И. Солженицына: «Никита явно начинал какую-то иную, или, скорее, *солженицынскую игру*... А сама игра

далеко выходила за пределы издательства и всего круга вещей, с ним связанных... В том же 80-м необычайно усилилось влияние Вермонта на направленность и даже на сам отбор журнальных и издательских рукописей. ИМКА все круче забирал вправо, уходя от идеалов вселенских к ценностям национальным, а „советы“ Александра Исаевича уже стали напоминать едва скрытую цензуру»^[67] (19).

Комментируя это свидетельство В. Е. Аллоя, И. Сиротинская пишет: таким образом «мы узнали, что А. И. Солженицын даже устраивал дотации „Ymca-press“ от некоего

секретного ведомства США» (20). К этой публикации И. Сиротинской А. И. Солженицын сделал примечания, однако приведенную выше реплику он оставил без опровержения и пояснения (21). Это дает основание утверждать, что предоставленные Н. А. Струве деньги действительно шли от А. И. Солженицына, писатель выступал в качестве передаточной инстанции, а деньги исходили от американских спецслужб. Мнение о том, что ИМКА-пресс финансировалось ЦРУ получило широкое распространение в эмигрантских кругах и нашло отражение в книге В. Н. Войновича

«Портрет на фоне мифа» (22).

Но американские спецслужбы были причастны к финансированию не только ИМКА-пресс. В своей книге «Вокруг Солженицына» А. Флегонт назвал ряд русскоязычных периодических издания за границей, которые, по его мнению, финансировались из этого же источника: «Вестник русского христианского движения», «Вольное слово», «Время и мы», «Глагол», «Гнозис», «Грани», «Двадцать два», «Ковчег», «Континет», «Логос», «Новый журнал», «Память», «Посев», «Русская мысль», «Синтакис», «Современник», «Тетрадь самиздата», «Третья

волна», «Хроника защиты прав в СССР», «Шалом», «Эхо» (23).

Называя «американскую разведку» «действительным хозяином русских эмигрантских изданий», А. Флегон ехидно писал: «Я лично не знаю ни одного русского издательства, которое не получало бы от них денег. Если таковое существует, то прошу его сообщить мне об этом чуде для соответствующей поправки в моей книге» (24).

Откликнулся ли кто-нибудь на этот призыв, неизвестно. Зато появились новые свидетельства того, что русскоязычная эмигрантская печать в значительной степени

содержалась на средства американских спецслужб. Так, например, В. Н. Войнович пишет о ЦРУ: «...эта организация поддерживала *все эмигрантские издательства, печатавшие книги, запрещенные в СССР*» (25).

Американские спецслужбы не только поддерживали эмигрантские издания, но и опекали самих эмигрантов. Касаясь этого вопроса, В. Е. Максимов писал: «Наиболее заметных политических эмигрантов они *опекают достаточно плотно и жестко*... это я... знаю по личному опыту. К примеру, достаточно информированным людям известно, что все личные секретари в

Вермонте, кроме разве лишь самого первого кратковременного — Татьяны Георгиевны Варшавской — оказались на этом месте далеко не случайно» (26).

Этими «неслучайными» секретарями являлись с 1976 по 1979 г. Ирина Алексеевна Альберти (урожденная Иловайская), а с 1979 г. — американец итальянского происхождения Ленард Ди Лисио (27). И. А. Альберти была вдовой итальянского дипломата и появилась в Кавендише осенью 1976 г. (28). До этого Александр Исаевич видел ее в Европе только один раз и, несмотря на это, сразу же предложил ей стать его секретарем. Предложение было

принято (29). Три года Ирина Алексеевна провела в усадьбе Солженицыных (30).

Это дает основание думать, что или ее рекомендовал А. И. Солженицыну кто-то очень авторитетный, или выбор секретаря вообще зависел не от него. Если исходить из слов В. Е. Максимова, получается, что И. А. Альбрети была предложена ему американскими спецслужбами. Но тогда нужно признать, что Ирина Алексеевна была для них своим человеком.

Более определенно писал об этом А. Флегон, который, имея в виду А. И. Солженицына, вопрошал: «Он, фактический хозяин

издательства ИМКА-пресс, не знает, откуда приходят издательству основные суммы? И не знает, *что его бывшая секретарша, перед тем, как работать для него, была на полной ставке в американской разведке? И не знает, что она работает сейчас снова на полной ставке в американской разведке?»* (31).

Если учесть, что И. А. Альберти никак не отреагировала на брошенное ей обвинение, а такие возможности у нее были (32), то можно с полным основанием утверждать, что она действительно была связана с американскими спецслужбами и что именно они

рекомендовали ее
А. И. Солженицыну в качестве
секретаря. Но в таком случае
заслуживает внимания мнение
В. Е. Максимова и относительно
Ленарда Ди Лисио

Получается, что с появлением
И. А. Альберти в вермонтском доме
А. И. Солженицына он был
поставлен под непосредственный
контроль ЦРУ. И если до издания
книги А. Флегона еще можно было
бы строить предположения о том,
догадывался ли писатель об этом или
нет, то после выхода в свет этой
книги, никаких сомнений о связях
И. А. Альберти с американскими
спецслужбами у него быть не могло.

Между тем, пробыв в Вермонте три года, И. А. Альберти затем возглавила редакцию известной эмигрантской газеты «Русская мысль» (33). «Весной 1979 г., — вспоминал В. Е. Аллой, — она приезжала из Вермонта в Париж знакомиться с редакцией, а осенью — уже приступила к работе» (34). Вслед за тем в составе редакции появились Н. Б. Горбаневская и Ирина Жолковская, а одним из политических обозревателей газеты стал муж последней А. И. Гинзбург (35). Таким образом, на рубеже 70-80-х годов «Руская мысль» тоже оказалась под контролем вермонтского затворника.

По сообщению В. Е. Аллоя, и в начале 80-х годов главными акционерами «Русской мысли» оставались Серафим Николаевич Милорадович и его жена. Отмечая данный факт, В. Е. Аллой писал: «Все это было юридической игрой: газета полностью существовала на американские субсидии» (36).

Употребляя термин «американцы», В. Е. Аллой уточнял, «я сразу хотел бы оговорить, что он означает отнюдь не только ЦРУ, но и Русский отдел Государственного департамента, и Совет по внешней безопасности, и вообще все службы, занимающиеся Россией и напрямую связанные с администрацией

Соединенных Штатов» (37).

Иначе говоря, В. Е. Аллой утверждал, что в рассматриваемое время «Русская мысль» финансировалась американскими спецслужбами. О том, что газета действительно существовала за счет «американской правительственной поддержки» — пишет и А. И. Солженицын (38). Это дает основания утверждать, что перемены, произошедшие в конце 70-начале 80-х гг. в редакции «Русской мысли», были произведен при участии не только А. И. Солженицына, но и американских спецслужб.

Характеризуя «Русскую мысль»,

необходимо сказать несколько слов о ее «главном акционере», которому был доверен ее контрольный пакет. Серафим Николаевич родился в 1929. Он был сыном Николая Леонидовича Милорадовича (1889–1954) и княжны Ольги Юрьевны Трубецкой^[68] (1890–1966). Являясь германским подданным, Серафим Николаевич закончил русскую гимназию в Париже, иезуитский колледж и Сорбонну. Сотрудничать в «Русской мысли» начал в 70-е годы, некоторое время занимал пост главного редактора, затем входил в состав Редакционного совета газеты (39). Как явствует из энциклопедического словаря

А. И. Серкова, Н. Л. Милорадович был масоном. С 1973 г. он входил в Ложу Астрей (40), с 1977 г. — в Суверенный (державный) капитул Астрей (41), с 1980 г. — в Ложу совершенствования (Друзья любомудрия) (42), посещал ложу Германия (43). Из числа его собратьев можно назвать М. В. Гардера, К. К. Грюнвальда, И. А. Кривошеина.

Михаил Васильевич Гардер (1916—1993) тоже был связан с редакцией «Русской мысли» и являлся одним из ее политических обозревателей. Уроженец Саратова, он эмигрировал в 1920 г., получил французское гражданство и,

поступив на военную службу, стал офицером разведки, в 1964 г. в чине полковника вышел в отставку и занял должность советника при французском Институте стратегических вопросов генерала А. Бофра (44).

Кроме М. В. Гардера и Н. Л. Милорадовича в «Русской мысли» сотрудничали и другие масоны: Георгий Викторович Адамович (1892–1972) (45), Владимир Леонидович Вяземский (1889–1960) (46), Валентин Платонович Зубов (1884–1969) (47), Михаил Германович Корнфельд (1984–1973) (48), Анатолий Михайлович Юлиус (1897–1977)

(49).

Таким образом, мы снова выходим на масонские связи и, что самое главное, опять ведущие к В. Л. Андрееву, К. К. Грюнвальду, И. А. Кривошеину, Б. Б. Сосинскому.

Рассматривая деятельность А. И. Солженицына за рубежом, никак нельзя обойти вниманием Российский общественный фонд помощи политзаключенным и их семьям.

Обычно при характеристике этого фонда отмечается, что он был создан для помощи политическим заключенным и членам их семей, при этом молчаливо подразумевается, что речь идет об

участниках диссидентского движения (50). Но вот что пишет А. И. Солженицын как учредитель фонда: по его словам, он с самого же начала «настоял, чтоб не следовать советско-образованской брезгливости» и, наряду с диссидентами, оказывать помощь «по старой статье 58-1, так называемым изменникам родины, куда лепили простых пленников» (51).

Действительно, статья 58-1а предусматривала наказание за такое преступление, как «переход на сторону врага» (52). По этой статье в свое время в лагерях оказались многие бывшие военнопленные.

Однако к 1974 г., когда появился РОФ, почти все они давно уже были освобождены. И если кто-то из бывших военнопленных еще продолжал томиться за колючей проволокой, то не за «переход на сторону врага», а за совершенные во время войны преступления. Поэтому созданный нобелевским лауреатом фонд собирался помогать не простым пленникам, а военным преступникам. Как тут не вспомнить об традициях гуманизма, за продолжение которых учредитель РОФ получил Нобелевскую премию.

По этой же статье проходили и те, кто обвинялся в выдаче военной или государственной тайны, в

шпионаже. Следовательно, «простые пленники» были упомянуты Александром Исаевичем только для того, чтобы их тенью можно было прикрыть «изменников Родины». Понять А. И. Солженицына нетрудно: одно дело помогать участникам дисидентского движения, т. е. тем, кто страдал за свои взгляды, или же бывшим военнопленным и совершенно другое дело помогать тем, кто торговал интересами своей страны. Здесь, правда, перед нами снова возникает тень Иннокентия Володина. Возникает не случайно, так как иностранные спецслужбы стремились использовать

диссидентское движение в своих целях, а некоторые диссиденты готовы были идти на любые виды сотрудничества с ними.

О том, что это был не абстрактный вопрос свидетельствует статья Э. Кузнецова и М. Хейфеца «Про шпионов», опубликованная на страницах журнала «Континент». Оправдывая в ней допустимость сотрудничества с зарубежными спецслужбами, авторы утверждали, что оно может включать в себя даже шпионаж: «Советская система, — писали они, — в состоянии войны с демократическим миром, а поэтому разведывательные операции против нее не только оправданы, но и

жизненно необходимы» (53).

Поскольку развитие диссидентского движения в СССР соответствовало интересам зарубежных спецслужб, они были заинтересованы в деятельности РОФ. Еще в большей степени они были заинтересованы в том, чтобы РОФ оказывал помощь не только диссидентам, но и тем, кто привлекался за измену Родине, шпионаж и т. д. Поэтому возникает вопрос: не существовало ли связи между РОФ и зарубежными спецслужбами?

Для ответа на этот вопрос необходимо знать: а) кто входил в руководство фонда за границей и в

Советском Союзе, б) за счет чего формировались денежные средства фонда и насколько они были велики, в) действительно ли пересылавшиеся в СССР деньги поступали с заграничных счетов фонда, г) как именно и кем они переводились в СССР, д) на какие цели и в каких размерах использовались и т. д. До сих пор все эти вопросы остаются покрытыми тайной. Если до 1991 г. эту таинственность можно было понять, то ее сохранение сейчас объясняется только тем, что далеко не все в деятельности фонда было таким, как это пытались и пытаются представить его руководители.

Вопрос о деньгах как будто бы

представляется ясным. Обычно утверждается, что фонд был создан за счет гонораров от издания книги А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Между тем, это не совсем так. В Уставе фонда этот пункт сформулирован несколько иначе: «Фонд состоит из гонораров за издание книги А. Солженицына „Архипелаг ГУЛАГ“ (фонду принадлежат мировые права на нее) и *добровольных пожертвований*, в том числе собираемых внутри страны» (54).

Из этого явствует, что при учреждении РОФ солженицынские гонорары рассматривались лишь как один из источников его

деятельности, другим источником должны были стать пожертвования, собираемые как внутри страны, так и за рубежом. Каким же было соотношение между гонорарами и пожертвованиями? Как выглядело соотношение между пожертвованиями отечественными и зарубежными? И каково было происхождение зарубежных пожертвований?

Перечисленные вопросы имеют не праздный характер. Достаточно обратиться к заявлению А. И. Солженицына, сделанному 18 января 1974 г. «...Продажная цена книги, — сказал он, — на всех языках будет предельна низка, чтоб

читали ее как можно шире. Цена такая, чтобы только оплатить работу переводчиков, типографии и расход материалов. А *если останутся гонорары* — они пойдут на увековечивание погибших и на помощь семьям политзаключенных в Советском Союзе» (55).

Следовательно

А. И. Солженицын не рассчитывал на сколько-нибудь значительные гонорары. Правда, делая приведенное заявление, наш великий моралист забыл такую прозаическую мелочь, как прибыль, без которой не может существовать ни одно издательство. И если цена книги только-только покрывает ее себестоимость, значит

ее издание кто-то дотирует. Следовательно, если приведенные выше слова соответствуют действительности, нужно признать, что издание «Архипелага» дотировалось из какого-то солидного финансового источника. Но тогда получается, что через «Архипелаг» из этого источника финансировался и РОФ.

Обращает на себя внимание еще один важный факт. Как явствует, из воспоминаний самого А. И. Солженицына, до лета 1977 г. передача РОФ гонораров от «Архипелага» юридически оформлена не была. Это было сделано только в 1977–1978 гг. Когда

же гонорары от «Архипелага» стали поступать на счет фонда: до 1977–1978 гг или только с этого времени? Вопрос немаловажный, так как издательский пик «Архипелага» приходился на 1974–1977 гг., а следовательно, на это время приходилась львиная доля гонораров за «Архипелаг». Если же признать, что гонорары потекли на счет фонда в основном после юридической передачи ему прав на эту книгу, тогда получается, что до 1977–1978 гг. Фонд действовал в основном за счет пожертвований, которые, вероятнее всего, имели главным образом заграничное происхождение.

Немаловажное значение имеет и

вопрос о том, как поступали деньги из-за рубежа в Советский Союз. «Пока они, — пишет А. И. Солженицын, имея в виду налоговые службы СССР, — грабили только 35 % денежных переводов — мы много слали официальными переводами (Алик Гинзбург для этого нашел с десятков „получающих“, не боящихся, и потом передающих другим). Другая успешная форма была: отъезжающие эмигранты оставляют Фонду в Союзе советские деньги, а на Западе Фонд им платит долларами по реальному курсу — доллар за три, потом четыре рубля» (56).

Интересно было бы узнать, кто

именно занимался пересылкой и на чьи адреса деньги поступали? Кто из эмигрантов участвовал в подобном обмене рублей на доллары?

«А когда большевики ввели грабеж переводов уже в 65 % — пишет А. И. Солженицын далее, — посылать деньги официально потеряло смысл. Но тут мы нашли изворотистую тайную форму. Хотя Советы объявляют дутый, официальный курс, значительно выше доллара, сами меняют иностранцам по-другому, — но наказывают подданных за всякий обмен рубля, иметь валюту может только государство. Советские же граждане, попадая на Запад, с

радостью меняют советские
ассигнации, сколько могут. И вот
доброхотный, неоценимый наш друг,
затем и член *Правления Фонда*
В. С. Банкул, швейцарский
гражданин, для начала прибегнув к
помощи своего друга, русского
армянина, живущего в Женеве,
Сергея Нерсесовича Крикоряна, а
затем сам наладив дело в Цюрихе,
стал производить обмен обратный —
за франки выкупал наши родные
советские рубли — но
исключительно отбирая трепанные,
затертые бумажки, а они среди
хрустящих потекли не слишком
быстро, и это одно задерживало
размах нашего обмена: нельзя же

посылать в СССР свеженькие, цельно-серийные (называлось это все у нас — „операция Ы“)» (57).

Приведенное свидетельство А. И. Солженицына вызывает много вопросов. Дело в том, что *до 1992 г. рубль не был конвертируемым и его не принимали к обмену ни в одном иностранном государстве*. А если в кошельках выезжавших за границу советских граждан и оказывались рубли, то в самом ограниченном количестве, необходимом для того, чтобы по возвращении на родину добраться от аэропорта или же вокзала до дома. К тому же, оказывается, солженицынские менялы принимали за доллары,

марки, франки, фунты и т. д. только «трепаннные» рубли.

«Следующий труд был — читаем мы в воспоминаниях А. И. Солженицына, — перевезти эти деньги через границу в чемодане в Париж, к Струве, это всегда делалала Мария Александровна Банкул. А Струве всегда знал наших тайных связных по каналам в СССР — он и сам иногда поставлял на французскую дипломатическую службу в Москве своих бывших французских студентов, учившихся на русском факультете. Эти героические помощники *все названы* в „Невидимках“. Итак, в Москву тайно привозились многозначные,

*многотысячные пачки советских
трепанных денег — и через
посредников передавались
распорядителю Фонда — им был
Алик Гинзбург, до его ареста в
1977 г.» (58).*

Из этого явствует, что одним из
каналов доставки денег в Советский
Союза были лица, состоящие на
дипломатической службе
иностраннх государств. В данном
случае имеется в виду французское
посольство в Москве. О том, что для
ввоза денег в Советский Союз
действительно использовались
дипломатические каналы
свидетельствует арест Вильгельмины
Германовны Славуцкой (Магидсон),

которая заменила в качестве курьера Н. И. Столярову. Как пишет А. И. Солженицын ее задержали в Москве в 1986 г. «в момент передачи ей от нас 30 тыс. советских рублей для Фонда» (59). Кто именно передавал эти деньги, Александр Исаевич не называет. В советской печати утверждалось, что деньги были переданы «неким западным дипломатом» (60).

Имя одного из таких западных дипломатов нам известно. Это уже упоминавшийся Ив Аман. «...Он, — пишет А. И. Солженицын, — был главным звеном в той цепи, что осуществляла всю помощь Российского общественного фонда от

нас в СССР. Следующая за ним была Ева, потом Алик Гинзбург (а после его ареста включился в вслед Евгений Борисович Михайлов). На них и держалась вся объемная остро опасная работа» (61). Следовательно, зарубежные (в данном случае французские) спецслужбы имели самое непосредственное отношение к деятельности РОФ.

В связи с этим особого внимания заслуживает тот факт, что когда в феврале 1977 г. распорядитель РОФ в СССР А. И. Гинзбург был арестован и осужден на 8 лет лагерей и 3 года ссылки (62), то через некоторое время США согласились обменять

его и еще четверых правозащитников^[69] на двух арестованных советских разведчиков (63).

Понять Советский Союз нетрудно. Он стремился спасти своих людей. А чем руководствовались США? Ведь ни один из пяти диссидентов не имел американского гражданства. Но если из нескольких сот советских диссидентов, находившихся в тюрьмах, американские спецслужбы остановили свой выбор на этих пятерых, то очевидно он был не случайным. Одно из двух: или таким образом они расплачивались с названными диссидентами за те

услуги, которые они до этого им оказывали, или же выводили из-под удара своих людей. И в одном, в другом случае обмен А. И. Гинзбурга можно рассматривать как косвенное свидетельство того, что возглавляемый им Российский общественный фонд имел по меньшей мере опосредованные контакты с американскими спецслужбами.

В связи с этим обращают на себя внимание показания, которые были даны в 1985–1986 гг. руководителем Ленинградского отделения РОФ Валерием Репиным. Будучи арестованным, он заявил, что ЦРУ имело самое непосредственное

отношение к деятельности РОФ (64). Подобное заявление вызвало возмущения со стороны диссидентских кругов. Категорический протест по этому поводу заявил Государственный департамент США (65). С этим возмущением можно было бы согласиться, если бы оппонентами В. Репина были бы приведены не декларативные утверждения, а убедительные контраргументы.

Итак, какие бы зарубежные связи А. И. Солженицына мы ни рассматривали, всякий раз они выводят нас на спецслужбы. Причем тот материал, который пока удалось выявить свидетельствует, что это

были главным образом французские и американские спецслужбы. Вопрос о том, когда именно писатель попал в поле их зрения и как именно строились его отношения с ними — это предмет специального исследования.

Когда в 1964 г. Александр Исаевич вернулся к замыслу «Архипелага» и предложил В. Т. Шаламову разделить груз написания этой книги пополам, тот, хорошо понимая, что она не может быть опубликована в СССР, потребовал гарантий, что это не провокация со стороны КГБ и не заказ ЦРУ.

Если бы В. Т. Шаламов

усматривал в нем провокацию КГБ, можно не сомневаться, что с этого момента все отношения между ним и А. И. Солженицыным были бы прерваны. А поскольку они испортились лишь позднее, В. Т. Шаламов, видимо, склонен был подозревать, что за предложением А. И. Солженицына стоит заказ зарубежных спецслужб, которые в обиходе принято обозначать одним словом — ЦРУ. В связи с этим, близко знавшая В. Шаламова, И. Сиротинская приводит следующие слова последнего: «Пешкой в игре двух разведок я быть не хочу» и от себя добавляет: «ЦРУ Шаламова столь же мало привлекало, как и

КГБ» (66).

Публикуя заметки В. Т. Шаламова и комментарии И. Сиротинской, редакция «Нового мира» предложила А. И. Солженицыну дать пояснения к ним, что он и сделал. Можно было ожидать, что Александр Исаевич отвергнет бросаемые на него подозрения. Однако приведенные выше слова он оставил без комментариев (67).

Более определенно вопрос о связях А. И. Солженицына с ЦРУ был поставлен в художественной форме в 1978 г. в романе одного из руководителей СЕПГ Генри Тюрка, который несомненно выполнял заказ

советских спецслужб. Причем показательно, что не знавший отмеченного выше разговора А. И. Солженицына с В. Т. Шаламовым, Г. Тюрк тоже датировал первые контакты А. И. Солженицына с ЦРУ 1964 г. (68).

В 1994 г. вопрос о связях А. И. Солженицына с ЦРУ снова был вынесен на страницы печати В. В. Жириновским (69). Комментируя эти публикации В. Е. Максимов писал: «Сейчас, в особенности после статьи В. Жириновского в „Московском комсомольце“ вдруг заговорили о роли ЦРУ в конструировании

личности Солженицына с самых первых его литературных и общественных шагов. Я не думаю, что дело обстояло так примитивно просто» (70). Показательно, что В. Е. Максимов не отверг версию В. В. Жириновского, а объявил ее лишь примитивной. Между тем на этот счет он был достаточно информирован.

Мы уже знаем, что к рождению «Континента» самое непосредственное отношение имела влиятельная издательская империя Акселя Шпрингера. Между тем, если верить М. В. Розановой, несмотря на это главный редактор журнала В. Е. Максимов смотрел на

А. И. Солженицына снизу вверх. Сравнивая в этой связи А. И. Солженицына и его окружение с Цека партии, а редакцию издаваемого В. Е. Максимовым журнала — с обкомом, главную причину подобной иерархии М. В. Розанова видит в том, что за спиной А. И. Солженицына стояла еще более влиятельная сила — ЦРУ. «Журнал „Континент“, — пишет она, — например, финансировала одна американская организация под названием ЦРУ. Максимов считал, что Александр Исаевич в этом ЦРУ пользовался большой популярностью, что к его мнению прислушивались» (71).

Какие конкретно отношения существовали между А. И. Солженицыным и американскими спецслужбами, это пока тайна. Однако есть основания думать, что там к его мнению действительно «прислушивались». В связи с этим прежде всего следует вспомнить уже упоминавшегося Вильяма Одома, при участии которого была вывезена за границу наиболее важная часть солженицынского архива.

Поскольку Вильям Одом был профессиональным разведчиком и, более того, входил в состав американской резидентуры в Москве, он мог взять на себя такую

ответственность только в том случае, если имел на это разрешение своего непосредственного начальника контр-адмирала Майо, а тот в свою очередь разрешение Вашингтона (72). Но Вашингтон мог дать согласие на операцию по спасению архива писателя-диссидента только при двух условиях: если к моменту высылки он уже был связан с американскими спецслужбами или же если эти службы планировали использование писателя в своих целях за границей.

Несмотря на то, что В. Одом согласился участвовать в вывозе солженицынского архива, он поставил условием, чтобы о его

причастности к этому никто не знал, даже А. И. Солженицын. Несмотря на это, Александру Исаевичу удалось установить личность своего благодетеля. Если бы в данном случае им двигало чувство благодарности, все могло ограничиться его благодарственным письмом на имя В. Одома. Однако, если верить Александру Исаевичу, он счел этого недостаточным и во время своего пребывания в США не только розыскал В. Одома, но и встретился с ним лично. Об этом в «Теленке» содержится лишь одна мимолетом брошенная фраза: «С Вильямом Одомом я познакомился уже в Америке, еще годом позже — в

большой тайне...» (73). Это дает основание думать, что кроме желания поблагодарить В. Одома, А. И. Солженицыным двигали и другие побуждения.

Но что ему могло дать знакомство с человеком, которого он характеризует как «доктора исторических наук», «профессора русской истории»? Чтобы понять это, необходимо учесть, что В. Одом никогда не был «доктором исторических наук», не являлся специалистом в области «русской истории» и в Москве на должности помощника военного атташе оказался совсем по другой причине.

Родился Вильям Одом 23 июня

1932 г. Еще в юности он сделал свой выбор и поступил в Военную академию США, которая находится в городе Вест-Пойнт, штат Нью-Йорк. Закончив ее в 1954 г. (74), он с самого же начала избрал для себя профессию не историка, а разведчика. По этой причине он не только «изучал русский язык», но и «прошел парашютную и диверсионно-разведывательную подготовку, а также посещал колледж Генерального штаба» (75).

Затем его след теряется, нам известно лишь то, что «в 1962 г.» он «получил степень магистра политологии в Колумбийском университете» (76). Чем занимался

В. Одом с 1962 по 1964 г. тоже неизвестно. В 1964 он был направлен офицером связи армии США в Европу и прикомандирован к Группе советских войск в Германии, после чего в 1966–1969 гг. мы видим его преподавателем Военной академии (77). В 1970 г. В. Одом защитил в Колумбийском университете новую диссертацию и получил степень доктора политологии. В 1970–1971 гг. он находился во Вьетнаме, в 1972–1974 гг. был заместителем военного атташе США в Москве (78), после чего снова вернулся на преподавательскую работу в Вест-Пойнт (79).

Интересно сложилась его

дальнейшая судьба: «С 1977 по начало 1981 г. — военный консультант советника президента США по национальной безопасности Збигнева Бжезинского. С ноября 1981 г. — заместитель по разведке начальника штаба сухопутных сил США. Генерал-майор (1982). Генерал-лейтенант (1984). В мае 1985 г. был назначен директором Агенства национальной безопасности и главой Центральной службы безопасности. 1 августа 1988 г. ушел в отставку и покинул действительную военную службу» (80). В 1994 г. мы видим его на посту члена Совета по международным отношениям и президента

корпорации «Форд моторз» (81).

Чем выше поднимался В. Одом по ступеням своей служебной лестницы, тем большее значение должно было приобретать для А. И. Солженицына это знакомство.

Подведем итог

То немногое, что сейчас нам известно о А. И. Солженицыне свидетельствует, что почти сразу же после первых публикаций он оказался в поле зрения учреждений, связанных с зарубежными, в том числе американскими спецслужбами, а затем установил с

ними по меньшей мере опосредованные связи (НТС, РСХД и ИМКА-пресс).

Эти связи осуществлялись как через советских граждан, выезжавших за границу, как через иностранных граждан, бывавших в СССР (прежде всего иностранных студентов и журналистов), так и через иностранные дипломатические службы. О существовании подобных связей мы можем говорить по крайней мере со второй половины 60-х годов.

Со временем эти контакты расширялись и укреплялись, особенно после высылки писателя за границу. Более того, со временем он

занимает в некоторых финансируемых
американскими спецслужбами
учреждениях
влиятельное
положение.

В одном из своих выступлений
М. Л. Ростропович предложил
поставить на Лубянской площади
вместо поверженного памятника
Феликса Дзержинского памятник
Александру Солженицыну (82).
Полностью поддержал бы это
предложение, если бы не
сомневался, что правильнее:
поставить памятник писателю в
Москве на Лубянке или же в Лэнгли
под окнами ЦРУ?

Послесловие

«Глупость или измена»?

Судьба А. И. Солженицына представляет интерес не только сама по себе, но и потому что в ней отразилась судьба диссидентского движения, к которому он принадлежал и одним из кумиров которого долгое время являлся.

Это движение было порождено внутренними противоречиями, которые существовали в советском обществе и питали как недовольство условиями жизни, так и недоверие к

власти. Из среды недовольных выделялись отдельные лица, способные открыто выражать свои взгляды и готовые бороться против существующего режима. Сначала это были десятки, затем сотни, к середине 80-х годов уже тысячи человек^[70] (1).

То, что в развитии этого движения были заинтересованы зарубежные спецслужбы, не удивительно. Не удивительно и то, что зарубежье оказывало как моральную, так и материальную поддержку проявлениям социального протеста в советском обществе. В результате независимо от их желания диссиденты играли роль

своеобразной «пятой колонны».

Если бы падение этого режима открывало возможность для более полного и рационального использования того экономического и культурного потенциала, которым располагала наша страна, если бы падение этого режима позволяло обеспечить более быстрое развитие страны, более высокий уровень жизни населения, более справедливое распределение благ, сотрудничество диссидентского движения с зарубежными спецслужбами могло иметь оправдание. Однако задававшие тон в холодной войне Соединенные Штаты Америки менее всего стремились к

тому, чтобы их политический противник — Советский Союз стал сильнее и динамичнее. Наоборот их усилия были направлены к тому, чтобы устранить своего конкурента.

В связи с этим диссидентское движение оказалось перед драматической дилеммой: не существовать оно не могло — его рождала сама жизнь, а его развитие объективно вело не только к гибели существующего режима, но и к утрате даже тех скромных социальных завоеваний, которые имела советская страна.

Какую же роль в этих условиях играли советские спецслужбы, прежде всего КГБ? Сейчас уже ни

для кого не секрет, что названное учреждение имело в диссидентском движении своих людей. Более того, агенты КГБ в буквальном смысле этого слова пронизывали некоторые диссидентские и эмигрантские группы и даже целые организации.

«В эмиграции, к примеру, — писал В. Е. Максимов, — они проникли всюду — в газеты, журналы, на радио, в университетские и политические круги Запада, разлагая окружающую среду ложью и клеветой и различными рода инспирациями. Думаю, куда разрушительнее их деятельность сказывается на родине» (2).

Примером такого проникновения может служить НТС. Характеризуя эту организацию, бывший работник 5-го Управления КГБ СССР подполковник Александр Николаевич Кичихин утверждает:

«Многие наши сотрудники в кулуарах управления говорили довольно откровенно: если бы КГБ не подкреплял НТС своей агентурой, союз давно бы развалился. А ведь прежде чем внедрить агента, его надо соответствующим образом подготовить, сделать ему диссидентское имя, позволить совершить какую-то акцию, чтобы за границей у него был авторитет. Кроме того, каждый из них должен

был вывезти с собой какую-то стоящую информацию, высказать интересные идеи — плод нашего творчества. Вот и получалось, что мы подпитывали НТС и кадрами, и, так сказать, интеллектуально. Точно так же обстояло дело и с Организацией украинских националистов. Если посмотреть списки руководителей ОУН, то окажется, что чуть ли не каждый второй был нашим агентом» (3).

Может быть это самореклама? Нет, оказывается подобного мнения на этот счет придерживаются и некоторые активные деятели диссидентского движения. Так, например, В. К. Буковский

характеризует НТС как «*организацию — двойного агента*», искусственно подерживаемую «*и КГБ, и ЦРУ*» (4).

Подобные настроения проникли и внутрь НТС, результатом чего стало дело Юрия Чикарлеева. Он, видный и давний деятель союза, в конце 70-х годов поставил перед руководством организации тот же самый вопрос и назвал в качестве подозреваемых им лиц сначала М. В. Назарова, а затем Е. Р. Романова. Руководство Союза пыталось замять возникшее дело, а когда это не удалось, исключило Ю. Чикарлеева из своих рядов. Была сделана также попытка привлечь его к суду за клевету как в ФРГ, так и во

Франции, но первый суд ограничился лишь предостережением обвиняемому, второй закончился ничем (5).

Прошло несколько лет, и один из инфильтрированных в НТС работников КГБ сам назвал себя. Им оказался полковник КГБ Ярослав Васильевич Карпович, который, по его словам, в 70-е годы был резидентом Народно-трудового союза в Москве и в таком качестве ездил за границу для встреч с руководителями Союза, в частности с Е. Р. Романовым (6). Тот факт, что ни журнал «Грани», ни журнал «Посев», ни информационный бюллетень НТС «Встречи» никак не отреагировали

на эту публикацию (7), дает основания думать, что сообщенные Я. М. Карповичем факты соответствуют действительности и полковник КГБ на самом деле был резидентом НТС в столице.

Что же двигало КГБ, когда оно внедряло в диссидентское движение своих людей? Первое, что сразу же приходит на ум — стремление иметь самую полную и достоверную информацию об этом движении и тех силах, которые поддерживали его за рубежом.

Однако есть основание думать, что дело не ограничивалось этим.

Как мы знаем, накануне XXIII съезда КПСС стали циркулировать

слухи, будто бы планируется политическая реабилитация И. В. Сталина. В связи с этим на свет появилось адресованное съезду и ушедшее в самиздат письмо протеста, под которым поставили свои подписи 25 видных деятелей науки, литературы и искусства. Организатором этой акции был журналист Эрнст Генри (8). Под этой фамилией, как мы знаем, скрывался известный советский разведчик С. Н. Ростовский, он же Л. А. Хентов. А поскольку бывших разведчиков не бывает, то мы имеем право констатировать, что данная акция была организована советскими спецслужбами. Подобная мысль

посещала и тех, кто ставил свои подписи под этим письмом. «Сейчас я предполагаю, — вспоминал А. Д. Сахаров, — что инициатива нашего письма принадлежала не только Э. Генри, но и его влиятельным друзьям (где — в партийном аппарате или *в КГБ*, или еще где-то — я не знаю)» (9).

Это была не первая и не последняя акция, в которой участвовал бывший разведчик. 30 мая 1965 г. он обратился к И. Г. Эренбургу с получившим хождение в самиздате открытым письмом по поводу оценки им роли И. В. Сталина. В 1967 г. получил резонанс его спор с академиком

А. Д. Сахаровым, нашедший отражение на страницах «Политического дневника». В 1968 г. Э. Генри предложил А. Д. Сахарову написать статью о роли и ответственности интеллигенции в современном мире. Осенью 1969 г. он организовывал протест против романа Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?». Имеются сведения, что Э. Генри общался не только с А. Д. Сахаровым, но и некоторыми другими диссидентами, например, с П. Г. Григоренко, Р. А. Медведевым, А. И. Солженицыным (10), а также входил в число лиц, причастных к издававшемуся Р. А. Медведевым «Политическому дневнику» (11).

Конечно, Эрнст Генри мог поставлять КГБ информацию о диссидентском движении, но мы видим, что он играл не только пассивную роль. Ведь сбор подписей под письмом к XXIII съезду КПСС имел своей целью оказать влияние на руководство партии и способствовал пробуждению политической активности и даже переходу в оппозицию к существующему режиму некоторых из тех, кто подписал это письмо.

А среди них, как мы знаем, находился академик А. Д. Сахаров, для которого это был первый открытый политический шаг. Причем Андрей Дмитриевич

специально отмечал, что после этого «Генри приходил еще много раз» и информировал его о происходивших политических событиях (12). Именно бывший разведчик способствовал тому, что имя засекреченного академика впервые появилось на страницах самиздата. Именно он попытался опубликовать его статью об интеллигенции на страницах «Литературной газеты». Характеризуя свою идейную эволюцию, Андрей Дмитриевич отмечал, что большое влияние на него оказал Р. А. Медведев, особенно знакомство с рукописью его книги о сталинизме. Между тем, как выясняется, впервые об этой книге

он узнал от Эрнста Генри и именно Эрнст Генри познакомил его с Р. А. Медведевым (13).

Важным шагом на пути превращения А. Д. Сахарова в активного деятеля диссидентского движения стало написание им «Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Их инициатором был его коллега Ю. Живлюк, о котором Андрей Дмитриевич сам же писал: *«Есть у меня впечатление, может, неверное, что какие-то отношения были у Живлюка и с КГБ (с его прогрессивными кругами, скажем)»* (14).

Исходя из этого, мы можем утверждать, что приобщение А. Д. Сахарова к диссидентскому движению произошло во многом благодаря усилиям КГБ. Между тем его переход на позиции диссидентства имел огромное значение для расширения рядов этого движения. Такую же роль играл и А. Д. Синявский, который после выезда за границу вначале участвовал в издании эмигрантского журнала «Континент», затем стал издавать собственный журнал «Синтаксис». Еще более велика была в этом отношении роль А. И. Солженицына: и моральная, и материальная, материальная, так как под его эгидой

действовал Российский общественный фонд, важнейшим деятелем которого, кстати, являлась Н. И. Столярова.

Следовательно, происходившему под влиянием объективных причин, расширению рядов диссидентского движения способствовали не только зарубежные спецслужбы, но и то учреждение, которое всеми силами должно было бороться с этим движением — КГБ.

Что же двигало КГБ, когда оно содействовало активизации диссидентства и расширению его рядов? Невольно возникает тот самый вопрос, который накануне падения монархии прозвучал из уст лидера партии кадетов

П. Н. Милюкова при характеристике преступной, по его мнению, политики царского правительства: что это глупость или измена?

Совсем недавно многие на этот вопрос ответили бы однозначно: конечно, глупость. Но теперь после того, как наши вожди, совсем недавно поклонявшиеся Марксу, Энгельсу и Ленину, за одну ночь поменяли свою веру и стали бить поклоны Иисусу Христу, молить о милостях Аллаха или же воздавать хвалу Иегове, не может быть никаких сомнений, что почти все они не имели никаких убеждений и всегда были способны на любую измену. Поэтому нельзя исключить того, что

в правящих верхах, в том числе и в КГБ, были люди, которые, поддерживая и активизируя диссидентское движение, тем самым готовили демонтаж советской системы.

В связи с этим особого внимания заслуживает вышедшая в США в 1984 г. книга бывшего советского полковника КГБ Анатолия Голицына «New Lies for Old», в которой он «предсказал события послебрежневской фазы: новый генсек начинает демонстративную либерализацию и вводит элементы экономики свободного рынка, в значительной степени исчезает цензура,

появляются свободные политические партии, наступает свержение в глобальном масштабе и подписание беспрецедентных соглашений о разоружении, советские войска выводятся из Афганистана, разрушается Берлинская стена, в Польше власть берет „Солидарность“, в Чехословакии на политическую сцену возвращается Дубчек, в СССР Андрей Сахаров играет официальную политическую роль — и это все в книге, которая была закончена в 1983 году» (15).

Прогноз бывшего советского разведчика первоначально был встречен скептически. Но прошло всего лишь около года и

возглавивший в 1985 г. ЦК КПСС М. С. Горбачев, до этого, кстати, руководивший одним из самых криминализированных секторов экономики — сельским хозяйством и опекаемый Ю. В. Андроповым, провозгласил начало перестройки.

Долгое время считалось, что М. С. Горбачев был сторонником социализма с человеческим лицом и по этой причине не собирался посягать на основы советского общества. Но вот прошло время, и главный прораб перестройки признался: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма. Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в

партии и стране. Когда я лично познакомился с Западом, я понял, что не могу отступить от поставленной цели. А для ее достижения я должен был заменить все руководство КПСС и СССР, а также руководство всех социалистических стран... Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают А. Яковлев и Э. Шеварнадзе»^[71] (16).

Понимали ли реформаторы, куда они ведут страну? Ответ на этот вопрос мы находим в воспоминаниях Ф. Д. Бобкова. Оказывается, говоря о перспективах перестройки, в одной из бесед с ним и В. А. Крючковым

М. С. Горбачев бросил фразу: «Внуков жалко» (17). Значит знал, что не приведет начатая им перестройка к социализму с человеческим лицом. Значит знал, что не принесет людям счастья возрождаемый им частный капитализм. Значит сознательно обманывал их, когда обещал с трибун молочные реки и кисельные берега, во всяком случае каждой семье отдельную квартиру к 2000 г.

Кто же осуществлял программу перестройки? Кто направлял огонь по штабам? Кто разрабатывал планы самоистребительной идеологической внутренней войны? Кто провоцировал национальные

конфликты? Кто выводил
диссидентское движение из
подполья? Кто готовил и
осуществлял бархатные революции?
КГБ.

Учреждение, которое должно
было стоять на страже интересов
советской империи, вольно или
невольно стало одним из ее
могильщиков.

И ведь никто не застрелился.
Как академик Легасов.
Как Зубатов.

Литература и источники

Давайте разберемся

1. Решетовская Н. А. В споре со временем. М., 1975. С.6; Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. М., 1991. С.307.

2. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т. 1–7. М... 1991.

3. Левитская Н. Г. Александр Солженицын: Библиографический указатель. Август 1988–1990. М., 1991; Спиваковский П. Краткая библиография сочинений А. И. Солженицына и работ о нем // Литературное обозрение. 1999. № 1.

С. 59–68.

4. Там же; Изучение литературы русской эмиграции за рубежом. 1920–1990 гг.: Аннотированная библиография. М., 2000; Biography and Genealogy master Index. Vol.7. S-t. Detroit. 1980. P.350; International Bibliography of Biography. 1970–1987. Vol.5.L-Munich-N.Y.-Paris. 1988. P. 134–135.

5. Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. N.Y — L. 1984. 1051 p. Оценку этой книги ее героем см.: Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2001. № 4. С. 86–96.

6. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Очерки

литературной жизни. 1 изд. Paris, 1975; 2 изд. М., 1996. Журнальный вариант: Новый мир. 1991. № 6. С. 6–116, № 7. С. 65–158, № 8. С. 5–124, № 11. С. 119–146, № 12. С. 5–76.

7. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания // Новый мир, 1998. № 9. С. 47–125; № 11. С. 93–153; 1999. № 2. С. 67–140; 2000. № 9. С. 112–183; № 12. С. 97–156; 2001. № 4. С. 80–141.

8. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т. 5–7. М., 1991.

9. Солженицын А. И. Дороженька // Протеревши глаза. М., 1999. С. 5–177.

10. Солженицын

А. И. Публицистика. Т. 1–3.
Ярославль, 1995–1997.

11. В 1993 г. они состояли из шести частей: «Война» — 400 стр., «Тюрьма» — 300 стр., «Из небытия» — 400 стр., «В споре с сильными» — 500 стр., «Путем неизведанным» — 600 стр., «В споре с самим собой и друг с другом» — 640 стр., итого 2840 машинописных страниц, т. е. около 130 а.л.

12. Решетовская Н. А.: 1) Признание // Вече. 1972. № 5. С. 1–11; 2) В преддверии // Там же. С. 11–37; 3) Таковы хорошие друзья Солженицына // В круге последнем. М., 1974. С. 123–128; 4) Произведение ненаучное,

неисторическое // Там же. С. 129–137; 5) В споре со временем. М., 1975; 6) Восхождение // Культурно-просветительная работа. 1989. № 9. С. 50–53, № 10. С. 46–49; 7) К истории двух документов // Родник. 1989. № 8. С. 28–31; 8) Касаткина Н. Он подарил мне прошлое (интервью с Н. А. Решетовской) // События и люди. 1989. № 15. С. 9–11; 9) Открытое письмо в редакцию альманаха «Кубань» // Кубань. 1989. № 7. С. 60–63; 10) В споре с собой // Московские новости // 1989. 20 августа; 11) Открытое письмо главному редактору журнала «Юность» Дементьеву А. Д. // Московский литератор. 1989. 29

сентября; 12) «Сеславино» в моей жизни // Советская Литва. 1989. 19 и 20 октября; Кубань. 1990. № 4. С. 44–58; 13) Не надо упрощать // Советская Россия. 1990. 2 февраля; 14) В споре с сильными // Собеседник. 1989. № 15. С. 12–13; 15) Помнит ли Ростов? // Комсомолец. Ростов. 1990. 14 февраля; 16) До и после «Архипелага» // Московская правда. 1990. 13 октября; 17) Афанасьева Е. Наталья Решетовская — память полувека // Комсомолец. Ростов. 1990. 9 октября; 18) Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 1. С. 52–109; № 2. С. 56–127; № 3. С. 83–138; № 4. С. 3–

68; 19) Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990; 20) Афанасьева Е. Неподсудность памяти (беседа с Н. А. Решетовской) // Московский комсомолец. 1991. 3 августа; 21) Обгоняя время. Омск, 1991; 22) Разрыв. Иркутск, 1992; 23) Отлучение: Из жизни Александра Солженицына. Воспоминания жены. М., 1994; 24) Фронтowej Солженицын // Независимая газета. 1994. 22 июня; 25) Я знала Матрену Васильевну // Независимая газета. 1998. 25 июля; 26) Вне опасности. То есть вне родины. Солженицын, КГБ, АПН и посмертная реабилитация // Независимая газета. Приложение Exlibris/ 2003. 5 июня; 27) АПН — я

— Солженицын. Рязань, 2003 28) В круге втором. Откровения первой жены Солженицына. М., 2006.

13. В 1993 г. у Н. А. Решетовской мне удалось частично познакомиться копией этого дневника.

14. В Российском государственном архиве литературы и искусства имеются личные фонды Н. А. Решетовской и А. И. Солженицына, но они пока закрыты для исследователей.

15. Дело Солженицына. Лондон, 1970; Виктор Б. А. Без грифа «секретно». М., 1990. С. 301–308; Петров А. Из секретных архивов. Как травили Солженицына // Труд. 1992. 2 июля; Документы из архива ЦК

КПСС по делу А. И. Солженицына.
Публикация А. Петрова // Континент.
М-Париж., 1993. № 75. С. 160–229;
«Действия Солженицына
контролируются...» // Источник.
1994. № 2(9). С. 97–100; Столяров
К. А. Палачи и жертвы. М., 1997.
С. 331–360; Могильницкий
В. Человек под номером // Труд.
1998. 13 января; и др.

Часть первая

В поисках роли (1918–1962).

Глава 1

«Первый ученик»

Корни

1. Солженицын

А. И. Автобиография // Левитская

Н. Г. Александр Солженицын:

Библиографический указатель.

Август 1988–1990. М., 1991. С.9;

Решетовская Н. А. Хронограф //

Архив Н. А. Решетовской.

2. Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.49.

3. Steiner Diter. Eine Familie von Flegeln // Stern. 1971. № 48. 21 Novemer. S. 105–110. Перевод: Хамская семья // Кремлевский самосуд. С. 178–184. См. так же: Журнал «Штерн» о семье Солженицыных // Литературная газета. 1972. 12 января.

4. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 103–109

5. Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. N.Y-L. 1984. P.996.

6. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.108.

7. Волков Б. Село Сабля и его окрестности: Отчина предков Нобелевского лауреата, откуда покатилося «Красное колесо» // Учительская газета. 1993. 16 ноября.

8. Памятная книжка Ставропольской губернии на 1914 г. Ставрополь, 1913. Ч.1. С.41, 47, 120.

9. Солженицын А. И. Сквозь чад. Paris, 1979. С.23; Scammel M. Solzhenitsyn. P. 26–27.

10. Журнал «Штерн» о семье Солженицыных // Литературная газета. 1972. 12 января.

11. Солженицын А. И. Бодался

теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.108.

12. Памятная книжка Ставропольской губернии на 1914 г. С.47.

13. Волков Б. Село Сабля и его окрестности. Отчина предков Нобелевского лауреата, откуда покатилося «Красное колесо» // Учительская газета. 1993. 16 ноября.

14. Scammel M. Solzhenitsyn. P. 27–28.

15. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.108.

16. Scammel M. Solzhenitsyn. P. 29–30.

17. Ibid. P.53.

18. Журнал «Штерн» о семье Солженицына // Литературная газета. 1972. 12 января.

19. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.108.

20. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С.113.

21. Scammel M. Solzhenitsyn. P. 30–32.

22. Ibid. P.32, 42.

23. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.109.

24. Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т.5. М., 1974. С.319.

25. Волков Б. Село Сабля и его окрестности: Отчина предков Нобелевского лауреата, откуда покатилося «Красное колесо» // Учительская газета. 1993. 16 ноября.

26. Scammel M. Solzhenitsyn. P.32.

27. Кремлевский самосуд. С.182.

28. Там же; Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С.115.

29. Там же.

30. Там же. С. 114; Панкратов В., Чертков В. Отчина. По местам, где родился писатель А. Солженицын // Советская Россия. 1989. 10 декабря.

31. Там же.

32. Солженицын А. И. Интервью

журналу «Ле Пуэн» (интервью ведет Жорж Сюфер). Цюрих, декабрь 1975 // Солженицын А. И. Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С.318. См. также: Солженицын А. И.: 1) Сквозь чад. С.22; 2) Пресс-конференция в Лондоне. 11 мая 1983 // Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С.107.

33. Там же.

*«Рос я запутанный, трудный,
двуправдый»*

1. Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. P.47.

2. Солженицын А. И. Бодался

теленек с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.108.

3. Scammel M. Solzhenitsyn. P.49.

4. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.183.

5. Scammel M. Solzhenitsyn. P. 42–43.

6. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.108,

7. Солженицын А. И. Интервью журналу «Ле Пуэн» (Интервью ведет Жорж Сюфер). Цюрих, декабрь 1975 // Солженицын А.И Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С. 318–319.

8. Запись беседы с

Н. А. Решетовской. Москва. 23
января 1993 г. // Архив автора.

9. Там же.

10. Кремлевский самосуд. С.183.

11. Солженицын

А. И. Автобиография // Левитская

Н. Г. Александр Солженицын:

Библиографический указатель.

Август 1988–1990. М., 1991. С.9.

12. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 8. С.108.

13. Кремлевский самосуд. С.183.

14. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 8. С.108.

15. Гегузин И. «Жизнь моя очень
сложная» // Вечерний Ростов. 1990.

20 марта.

16. Запись беседы с
Н. Д. Виткевичем. Брянск. 8 января
1993 г. // Архив автора.

17. Запись беседы с
Н. А. Решетовской. Москва. 23
января 1993 г. // Архив автора.

18. Там же.

19. Scammel M. Solzhenitsyn. P.
46, 56.

20. Ibid. P.62.

21. Запись беседы с
Н. Д. Виткевичем. Брянск. 8 января
1993 г. // Архив автора.

22. Там же.

23. Солженицын А. И. Интервью
с Даниэлем Рондо для парижской
газеты «Либерасьон». Кавендиш, 1

ноября 1983 г. // Солженицын А.И. Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С. 195–196.

24. Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 23 января 1993 г. // Архив автора.

25. Шпачков В. Уже в четвертом классе Солженицын начал писать полное собрание своих сочинений // Комсомольская правда. 1992. 31 октября.

26. Солженицын А. И. Протеревши глаза. М., 1999. С.291.

27. Scammel M. Solzhenitsyn. P.51.

28. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8.С.108.

29. Scammel M. Solzhenitsyn.
Р. 51–52.

30. Солженицын А. И. Сквозь
чад. Paris, 1979. С. 29–30.

31. Запись беседы с
Н. Д. Виткевичем. Брянск. 8 января
1993 г. // Архив автора.

32. Там же.

33. Запись беседы с
Н. А. Решетовской. Москва. 23
января 1993 г. // Архив автора;

34. Солженицын А. И. Сквозь
чад./ Paris, 1979. С.41.

35. Запись беседы с
Н. С. Симонянц. Петербург. 3 марта
1993 г... По телефону // Архив
автора; Солженицын А. И. Сквозь
чад. С. 27–29.

36. Запись беседы с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 8 января 1993 г. // Архив автора.

37. Решетовская Н. А. В споре со временем. М., 1975. С.6.

38. Там же.

39. Солженицын А. И. Сквозь чад. С.42.

40. Там же.

41. Запись беседы с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 8 января 1993 г. // Архив автора; Запись беседы с Иосифом Львовичем Резниковым. СПб., 3 марта 1993 г. (по телефону) // Архив автора.

42. Scammel M. Solzhenitsyn. P.64, 87.

43. Телеинтервью японской

компании Net-Tokuo (интервью ведет Госуке Утимура). Париж. 5 марта 1976 г. // Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С.375.

44. Солженицын А. И. Интервью с Рудольфом Аугштайном для журнала «Шпигель». Кавендиш, 9 октября 1987 // Там же. Т.3. С.289.

45. Там же.

46. Солженицын

А. И. Выступление 11 мая 1983 г. на пресс-конференции в Лондоне // Публицистика. Т.3. С.107.

47. Солженицын А. И. Сквозь чад. С. 22–23.

48. Там же. С.22.

49. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. М., 1991.

C.17.

50. Там же. Т.5. С. 286–287.

51. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С.115.
Панкратов В., Чертков В. Отчина: По местам, где родился писатель А. Солженицын // Советская Россия. 1989. 10 декабря.

52. Солженицын А. И. Письмо на Ставрополье // Ставрополь. 1991. № 6. С.3.

53. Scammel M. Solzhenitsyn. P.68.

54. Ibid.

55. Солженицын А. И.: 1) Телеинтервью японской компании Net-Tokyo (5 марта 1976) // Солженицын А.И Публицистика. Т.2.

С.375; 2) Пресс-конференция в Лондоне. 11 мая 1983 // Там же. Т.3. С. 107–108.

56. Солженицын А. И. Протеревши глаза. М., 1999. С. 34–35.

57. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.121.

58. Солженицын А. И. Телеинтервью японской компании Net-Tokuo. Париж. 5 марта 1976 г. // Солженицын А.И Публицистика. Т.2. С.375.

59. Солженицын А. И. Пресс-конференция а Лондоне. 11 мая 1983 // Там же. Т.3. С. 107–108.

60. Солженицын А. И. Интервью с Рудольфом Аугштайном для

журнала «Шпигель». Кавендиш, 9 октября 1987 г. // Там же. 319.

61. Солженицын А. И. Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм». Кавендиш, 23 мая 1989 г. // Там же. С.337.

62. Солженицын А. И. Протеревши глаза. С.30.

Сталинский стипендиат

1. Решетовская Н. А. В споре со временем. М., 1975. С.6.

2. Солженицын А. И. Автобиография // Левитская Н. Г. Александр Солженицын: Библиографический указатель.

Август 1988–1990. М., 1991. С.9.

3. Решетовская Н. А. В споре со временем. С. 7.

4. Там же.

5. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.6.

6. Решетовская Н. А. В споре со временем. С. 10–11.

7. Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 12 августа 1993 г. // Архив автора.

8. Список гражданским чинам четвертого класса. Пг., 1916. С.267.

9. Там же.

10. Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. N.Y-L. 1984. P.99; Запись беседы с Н. В. Ледовских. Москва. 6

июня 2003 г. // Архив автора.

11. Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.50.

12. Scammel M. Solzhenitsyn. P.99.

13. Ibid.

14. Шпачков В. Уже в четвертом классе Солженицын начал писать полное собрание своих сочинений // Комсомольская правда. 1992. 31 октября.

15. Запись беседы с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 8 января 1993 г. // Архив автора.

16. Конквест Р. Большой террор. Пер. с англ. Т.1. Рига, 1991. С. 157–185.

17. Там же. С. 242–271.

18. Там же. Т.2. С. 137–224.

19. Солженицын А. И. По минуте в день. М., 1995. С.127.

20. Там же.

21. Афанасьева Е. Личное дело студента Солженицына // Московский комсомолец. 1991. 5 марта.

22. Решетовская Н. А. В споре со временем. С.11.

23. Запись беседы с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 8 января 1993 г. // Архив автора.

24. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. М., 1991. С.119.

25. Там же. С.120.

26. Запись беседы с
Н. Д. Виткевичем. Брянск. 8 и 10
января 1993 г. // Архив автора.

27. Запись беседы с
Н. А. Решетовской. Москва. 23
января 1993 г. // Архив автора.

28. Запись беседы с
Н. Д. Виткевичем. Брянск. 8 января
1993 г. // Архив автора.

29. Там же. См. также:
Солженицын А. И. Протеревши
глаза. М., 1999. С. 8–18.

30. Запись беседы с
Н. Д. Виткевичем. Брянск. 9 января
1993 г. // Архив автора; Решетовская
Н. А. Александр Солженицын и
читающая Россия. С.9.

31. Решетовская Н. А. В споре со

временем. С.13.

32. Там же. С. 13–14.

33. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.9.

34. Там же.

35. Гегузин И. Студенческие годы Александра Солженицына // Студенческий меридиан. 1990. № 7. С.24.

36. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 9–10.

37. Солженицын А. И. Сквозь чад. Paris, 1975. С43.

38. Солженицын А. И. Август Четырнадцатого (10–21 августа ст. ст.). Узел I. Paris, 1971. С.572.

39. Решетовская Н. А. В споре со временем. С. 10–11.

40. Солженицын А. И. Интервью с Даниэлем Рондо для парижской газеты Либерасьон. Кавендиш, 1 ноября 1983 // Публицистика. Т.3. Ярославль. 1997. С.196.

41. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.7.

42. Солженицын А. И.: 1) Интервью журналу Ле Пуэн (Интервью ведет Жорж Сюфер). Цюрих, декабрь 1975 // Солженицын А.И Публицистика. Т.2. Ярославль. 1996. С.321; 2) Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения. Кавендиш, 31 октября

1983 // Там же. Т.3. Ярославль, 1997. С.175.

43. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.103.

44. Афанасьева Е. Личное дело студента Солженицына // Московский комсомолец. 1991. 5 марта.

45. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.8.

46. Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 23 января 1993 г. // Архив автора.

47. Решетовская Н. А. В споре со временем. С. 45.

48. Запись беседы с

Н. А. Решетовской. Москва. 23 января 1993 г. // Архив автора.

49. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.1817 (К. А. Федин). Оп.2. Д.305. Л.1-16.

50. Ерасов А. Неизвестный Солженицын // Труд. 1994. 4 июня.

Из обоза в разведку

1. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия, М., 1990. С.11.

2. Там же.

3. Запись беседы с военным историком Вячеславом

Михайловичем Лурье. С-Петербург.
10 октября 2002 г. По телефону //
Архив автора.

4. Соколов Б. В. Тайны второй мировой войны. М., 2001. С.224.

5. Запись беседы с военным историком В. М. Лурье. С- Петербург.
10 октября 2002 г. По телефону //
Архив автора.

6. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.11.

7. Солженицын А. С. Малое собрание сочинений. Т.5. М., 1991. С.65.

8. Столяров К. А. Палачи и жертвы. М., 1997. С. 256–257 (фото).

9. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия.
С.11.

10. Там же. С.11.

11. Столяров К. А. Палачи и жертвы. С. 256–257 (фото).

12. Солженицын
А. И. Автобиография // Левитская
Н. Г. Александр Солженицын:
Библиографический указатель.
Август 1988–1990. М., 1991. С.9.

13. Решетовская Н. А. В споре со
временем. М., 1975. С.4. См. также:
Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.11.

14. Афанасьева Е. Наталья
Решетовская — память полувека //
Комсомолец. Ростов-на-Дону. 1990. 9

октября.

15. Запись беседы с
Н. А. Решетовской. Москва. 23
января 1993 // Архив автора.

16. Решетовская Н. А. В споре со
временем. С.61.

17. Солженицын
А. И. Протеревши глаза. М., 1999.
С. 266–340.

18. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.12.

19. Решетовская
Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

20. Столяров К. А. Палачи и
жертвы. С. 256–257 (фото).

21. Решетовская Н. А. В споре со

временем. С.18.

22. Столяров К. А. Палачи и жертвы. С. 256–257 (фото).

23. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.13.

24. Решетовская Н. А. В споре со временем. С.21.

25. Там же. С. 22–24.

26. Афанасьева Е. Наталья Решетовская — память полувека // Комсомолец. Ростов. 1990. 9 октября.

27. Решетовская Н. А. В споре со временем. С.24.

28. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.12.

29. Солженицын А. И. Малое

собрание сочинений. Т.5. С.120.

30. Столяров К. А. Палачи и жертвы. С. 256–257 (фото).

31. Косолапов П. Имя, новое в нашей литературе // Советская Россия. 1962. 28 ноября. См. также: Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов о А. И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С.43.

32. Идейная борьба. Ответственность писателя // Литературная газета. 1968. 26 июня. См. также: Слово пробивает себе дорогу. С.348.

33. Кузнецов В. В., Слапогузов В. И., Шаповаленко В. Ф. Боевое применение

подразделений артиллерийской разведки. Ч.2. СПб., 1995. С.3.

34. Столяров К. А. Палачи и жертвы. С. 256–257 (фото).

35. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С. 120–121.

36. «Такая война не может быть вничью»: Из фронтовых писем А. Солженицына жене Наталье Решетовской // Сын отечества. 1992. № 25 19 июня. С. 8–9.

Образцовый офицер

1. Решетовская Н. А. В споре со временем. М., 1975. С.27.

2. Там же.

3. Столяров К. А. Палачи и жертвы. С. 256–257 (фото).

4. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

5. Столяров К. А. Палачи и жертвы. С. 256–257 (фото).

6. Солженицын А. И. Телеинтервью компании Останкино (Интервью ведет Станислав Говорухин). Кавендиш, 28 апреля 1992 // Солженицын А.И Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С.378.

7. Солженицын А. И. Сквозь чад. Paris, 1979. С.33.

8. Кузнецов В. В., Слапогузов В. И., Шаповаленко В. Ф. Боевое применение

подразделений артиллерийской разведки. Ч.2. СПб., 1995. С.31.

9. Там же. С.15.

10. Сластенов Н. П. Звуковая разведка наземной артиллерии. М.,1955; Таланов А. В. Артиллерийская звуковая разведка. М., 1957.

11. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.13.

12. Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 12 августа 1993 г. // Архив автора.

13. Запись беседы с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 9 января 1993 г. // Архив автора.

14. Там же.

15. Решетовская Н. А. В споре со временем. С.34.

16. «Такая война не может быть вничью»: Из фронтовых писем А. Солженицына жене Наталье Решетовской // Сын отечества. 1992. № 25. 19 июня. С. 8–9.

17. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.14.

18. Решетовская Н. А. В споре со временем. С.35.

19. Там же. С. 38–39.

20. Там же. С.35.

21. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.17.

22. Нехамкин Сергей. Сержант

Соломин и капитан Солженицын // Известия. 2003. 19 апреля.

23. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. М., 1991. С.121.

24. Викторов Б. А. Без грифа «секретно». С. 302–303.

25. Там же.

26. Там же. С.303.

27. Там же. С.302.

28. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 14–15.

29. История СССР. Т.Х. М., 1973. С. 323–347.

30. Решетовская Н. А. В споре со временем. С.36.

31. Там же. С. 36–39.

32. Там же. С.36.

33. Там же.

34. В этот день состоялась последняя фронтовая встреча А. И. Солженицына и Н. Д. Виткевича (Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 12 августа 1993 г. // Архив автора).

35. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

36. Солженицын А. И. Сквозь чад. Paris. 1979. С.25, 32, 44.

37. Власов Л. Солженицын в Прибалтике (мои встречи с Александром Солженицыным и Натальей Решетовской) // Славяне. М., 1991. № 2. С.28

38. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С.120.
Солженицын А. И. Сквозь чад. С.32.

39. Решетовская Н. А. В споре со временем. С.36.

40. Там же.

41. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.15.

42. Буханов В.У Солженицына в Рязани // Литературная Россия. 1963. 25 января. См. также: Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С.48.

43. Солженицын А. И. Малое

собрание сочинений. Т.1. М., 1991. С.230.

44. Об этом см. далее.

45. Запись беседы с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 8 января 1993 г. // Архив автора.

46. Там же.

47. Столяров К. А. Палачи и жертвы. С.334.

48. Ключников А. Александр Солженицын: реабилитация // Советский воин. 1990. № 2. С.5.

49. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.16.

50. Там же.

51. История СССР. Т.Х. С.504.

52. Викторов Б. А. Без грифа

«секретно». С. 303–304.

53. История СССР. Т.Х. С. 667–668.

54. Солженицын А. И. Прусские ночи. Paris, 1974.

55. Солженицын А. И. Протеревши глаза. С. 118–150.

56. Там же. С. 129–130.

57. Там же. С. 146–149.

58. Там же. С.143.

59. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. М., 1991. С.384.

60. Солженицын А. И. Сквозь чад. С.33.

61. Столяров К. А. Палачи и жертвы. С. 256–257 (фото).

Глава 2

Узник ГУЛАГа

«Ни на что непохожий арест»

1. Косолапов П. Новое имя в нашей литературе // Советская Россия. 1962. 28 ноября. См. также: Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С.43.

2. Буханов В. У Солженицына в Рязани // Там же. С.48.

3. One Day with Soizhenitsiyn. An Interview by Pavel Licko //

Soizhenitsiyn. A Documentary Record. Edited and with an Introduction by Leopold Labedz. Baltimore, 1972. P.34.

4. Солженицын А. И. Автобиография // Левитская Н. Г. Александр Солженицын: Библиографический указатель. Август 1988–1990. М., 1991. С.10.

5. Солженицын А. И. Заявление прессе. 2 февраля 1974 г. // Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С.68.

6. Викторов Б. А. Без грифа «секретно». М., 1990. С. 301–308.

7. Столяров К. А. Палачи и жертвы. М., 1997. С. 333–345.

8. Там же. С. 333–335.

9. Там же. С.335.

10. Там же. С.340.

11. Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. N.Y — L. 1984. P.142.

12. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. М., 1991. С. 137.

13. Там же. С.23.

14. Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. P.145.

15. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.24.

16. Основанием для такого предположения служит то, что в описании ареста А. И. Солженицына на командном пункте факт составления подобного протокола отсутствует.

17. Ключенков А. Александр

Солженицын: реабилитация // Советский воин. 1990. № 2. С.23, 82.

18. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.24.

19. Там же. С.122.

20. Солженицын А. И. Протеревши глаза. М., 1999. С.153.

21. Решетовская Н. А. В споре со временем. С.53.

22. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т. 5. С. 14–16.

23. Там же. С.121.

24. Там же. С.122.

25. Там же. С.123.

26. Там же. С.21, 380.

27. Столяров К. А. Палачи и жертвы. С.340.

28. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С. 347–424.
29. Там же. С. 21–22.
30. Там же. С.21.
31. Там же. С.22.
32. Там же. С. 21–22, 408–409.

Удивительное следствие

1. Решетовская Н. А. Хронограф
// Архив Н. А. Решетовской.
2. Столяров. Палачи и жертвы.
М., 1997. С.344.
3. Там же. С.340.
4. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.134.
5. Там же. С.151, 155.

6. Там же. С. 134–168.

7. Там же. С.145, 152–153.

8. Там же. С.153.

9. Столяров К. А. Палачи и жертвы. С.342.

10. Там же. С.343.

11. Там же. С.342.

12. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.108.

13. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.1. Paris, 1973. С.144.

14. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.102.

15. Там же. С.101.

16. Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1987 г.: Сборник, составленный А. И. Ульяновой-

Елизаровой. М-Л... 1927. С.357.

17. Запись беседы с военным историком В. М. Лурье. С-Петербург. 10 октября 2002 г. По телефону // Архив автора.

18. Солженицын А. И. Протеревши глаза. М., 1999. С.223.

19. Солженицын А. И. Телеинтервью компании Останкино (Интервью ведет Станислав Говорухин). Кавендиш, 28 апреля 1992 // Солженицын А.И Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С.378.

20. РСФСР. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 сентября 1943 г. и приложением

постатейно-систематизированных материалов. М., 1943. С.31.

21. Запись беседы с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 8 января 1993 г. // Архив автора.

22. Лурье С. Из бумаг Л. Пантелеева // Нева. 1988. № 12. С. 195–196.

23. Запись беседы с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 8 января 1993 г. // Архив автора.

24. Там же.

25. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.101.

26. Солженицын А. И. Протеревши глаза. С. 115–116.

27. Солженицын А. И. Телеинтервью компании

«Останкино». 28 апреля 1992 г. // Солженицын А.И Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С. 376–379.

28. Запись бесед с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 8, 9 и 10 января 1993 г. // Архив автора.

29. Солженицын А. И. Выступление по французскому телевидению. Париж, 9 марта 1976 // Солженицын А.И Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С.385.

30. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.102.

31. Солженицын А. И. Телеинтервью компании «Останкино». 28 апреля 1992 г. // Солженицын А.И Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С.377.

32. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.102.

33. Во время встреч с Н. Д. Виткевичем 8-10 января 1993 г. я несколько раз задавал ему этот вопрос, и всякий раз он или отделивался общими словами или же переводил разговор на другую тему.

34. Солженицын А. И. Телеинтервью компании «Останкино». 28 апреля 1992 г. // Солженицын А.И Публицистика. Т.3. С.377.

35. Там же.

36. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.102.

37. «Такая война не может быть вничью»: Из фронтовых писем

А. Солженицына жене Наталье Решетовской // Сын отечества. 1992. № 25. 19 июня. С. 8–9.

38. Солженицын

А. И. Телеинтервью компании «Останкино». 28 апреля 1992 г. // Солженицын А.И Публицистика. Т.3. С.377.

39. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.124.

40. Там же. Т.6. С.384.

41. Там же. Т.5. С.120.

42. Запись беседы с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 10 января 1993 г. // Архив автора.

43. Викторов Б. А. Без грифа «секретно». С.306.

44. Виткевич Н. Д. Меня предал

Солженицын // В кругу последнем.
М., 1974. С.140.

45. Там же. С.141.

46. Виктор Б. А. Без грифа
«секретно». С. 305–306.

47. Власов Л. Солженицын в
Прибалтике (мои встречи с
Александром Солженицыным и
Натальей Решетовской) // Славяне.
1991. № 2. С.28.

48. Решетовская Н. А. В споре со
временем. С. 54–57.

49. Simonjan K. S. Hvem er
Solsjenitsyn? Melbyhus, 1976.

50. Солженицын А. И.: 1) Сквозь
чад. Paris, 1979. С.48; 2) Малое
собрание сочинений. Т.5. С.102.

51. Шпачков В. Уже в четвертом

классе Солженицын начал писать полное собрание своих сочинений // Комсомольская правда. 1992. 31 октября.

52. Ключенков А. Александр Солженицын: реабилитация // Советский воин. 1990. № 2. С.23, 82.

53. Викторов Б. А. Без грифа «секретно». С. 301–308.

54. Лурье С. Из бумаг Л. Пантелеева // Нева. 1988. № 12. С. 195–196.

55. Викторов Б. А. Без грифа «секретно». С.307.

56. Столяров К. А. Палачи и жертвы. С.350.

57. Там же. С. 256–257 (фото).

58. Там же. С.340.

59. Там же. С.344.

60. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5.169.

Странный приговор

1. Столяров К. А. Палачи и жертвы. М., 1997. С.344.

2. Викторов Б. А. Без грифа «секретно». М., 1990. С.306.

3. Могильницкий В. Человек под номером // Труд. 1998. 13 января.

4. Лурье С. Из бумаг Л. Пантелеева // Нева. 1988. № 12. С. 195–196.

5. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х гг. // Знамя. 2000. № 11.

С.162.

6. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Paris, 1973. Т.1. С.151.

7. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. М., 1991. С.107.

8. Там же. С.210.

9. РСФСР. Уголовный кодекс. Официальный текст с изменениями на 1 сентября 1943 г. и приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1943.. С.30.

10. Там же. С.12.

11. Там же. С.22.

12. Там же. С.30.

13. Там же. С.27.

14. Там же. С. 30–31.

15. Там же. С.22.

16. Постановление 23 Пленума Верховного суда СССР. 1929 г. // Уголовный кодекс. М., 1938. С. 131–132.

17. Запись бесед с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 10 января 1993 г. // Архив автора.

18. Лурье С. Из бумаг Л. Пантелеева // Нева. 1988. № 12. С. 195–196.

19. Столяров К. А. Палачи и жертвы. М., 1997. С. 256–257 (фото).

20. Там же.

21. Там же.

Знакомство с ГУЛАГом

1. Решетовская Н. А. В споре со временем. М., 1975. С.50.

2. Там же. С. 56–57.

3. Там же. С.56.

4. Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 23 января 1993 г. // Архив автора.

5. Решетовская Н. А. В споре со временем. С. 58–59.

6. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

7. Решетовская Н. А. В споре со временем. С. 58–59.

8. Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. N.Y — L. 1984. P.193; Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.197.

9. Там же. Т.6. М., 1991. С.112.

10. Решетовская Н. А. В споре со временем. С.61.

11. Там же. С.73.

12. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. С.116.

13. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.21.

14. Там же.

15. Решетовская Н. Открытое письмо в редакцию альманаха «Кубань» // Кубань. 1989. № 7. С. 60–61; Колодный Л. Архипелаг судьбы // Московская правда. 1989. 5 декабря.

16. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. С.170.

17. Там же. С. 161–185.

18. Там же. С.171.

19. Там же. С. 182–183.

20. Там же. С.183.

21. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

22. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. С.162.

23. Там же. С.169.

24. Там же. 227–233.

25. Там же. С.229.

26. Там же. С.228.

27. Там же.

28. Там же. С.230.

29. Там же. С.231.

30. Там же.

31. Там же. Т.5. С.409.

32. Ерасов А. Неизвестный Солженицын // Труд. 1994. 4 июня.

33. Власов Л. Солженицын в Прибалтике (мои встречи с Александром Солженицыным и Натальей Решетовской // Славяне. 1991. № 2. С.28.

34. Там же. С. 28–29.

35. Выступления товарища Л. П. Берия на собрании избирателей Тбилисско-Сталинского избирательного округа // Известия. 1946. 6 февраля.

36. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.408.

37. Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. P.220.

38. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.414.

39. Коган В. Два обращения //

Континент. Париж, 1981. № 29.
С.153.

40. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.416.

41. Там же. С. 414—415.

42. Гранин Д. А. Зубр. М., 1989;
Тимофеев-Ресовский
Н. В. Воспоминания: Истории,
рассказанные им самим, с письмами,
фотографиями и документами. М.,
2000.

43. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.414.

44. Коган В. Два обращения // Континент. Париж, 1981. № 29.
С.153.

45. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.414.

46. Смит Г. Д. Атомная энергия для военных целей: Официальный отчет о разработке атомной бомбы под наблюдением правительства США. Перевод с англ. под ред. Г. Н. Иванова. М., 1946. С.5.

47. Там же. С.2.

48. Книжная летопись. 1946. № 42. С.19.

49. Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 23 января 1993 // Архив автора.

50. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

Первый круг ада или «Райские острова»?

1. Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. N.Y — L. 1984 P. 225–226.

2. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.22.

3. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

4. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. М., 1991. С. 408–412.

5. Решетовская Н. А. В споре со временем. М., 1975. С.76.

6. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. М., 1991. С.296.

7. Викторov Б. А. Без грифа «секретно». М., 1990. С.307.

8. Там же.

9. Там же.

10. Там же.

11. Там же. С. 307–308.

12. Столяров К. А. Палачи и жертвы. М., 1997. С.348.

13. Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. P. 227–228; Копелев Л. З. Утоли мои печали. Мемуары. М., 1991. С. 31–33.

14. Запись беседы с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 9 января 1993 // Архив автора; Зорохович А. А. Шарашка «Первого круга». Глава 4 из книги «Воспоминания» // Звезда. 1992. № 7. С. 185–201; Копелев Л. З. Утоли мои печали. С.196, 235, фотографии; Никифоров С. Н. Каким он был, таким он и

остался... // Наш современник. 2000.
№ 11. С. 210–227.

15. Декабристы.

Биографический справочник. М.,
1988. С.73; Серков А. И. Русское
масонство. 1731–2000.

Энциклопедический словарь. М.,
2001. С.356.

16. Копелев Л. З. Хранить вечно.
М., 1990; Российская еврейская
энциклопедия. Т.2. М., 1995. С.69.

17. Берданский В. Восстание
Дмитрия Панина // Новый мир. 1997.
№ 3. С. 168–174.

18. Серков А. И. Русское
масонство. 1731–2000. С. 433–434.

19. Копелев Л. З. Утоли мои
печали. С.138.

20. Решетовская Н. А. В споре со временем. С.95.

21. Запись беседы с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 8 января 1993 г. // Архив автора

22. Там же.

23. Копелев Л. З. Утоли мои печали. С.33.

24. Шпачков В. Уже в четвертом классе Солженицын начал писать собрание своих сочинений // Комсомольская правда. 1992. 31 октября.

25. Копелев Л. З. Утоли мои печали. С.63.

26. Там же.

27. Там же. С.66.

28. Там же. С.69.

29. Российская еврейская энциклопедия. Т.3. М., 2000. С. 159–160.

30. Решетовская Н. А. В споре со временем. С.92.

31. Там же. С.95.

32. Там же. С.102.

33. Там же.

34. Там же. С. 103–105.

35. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 25–26.

36. Решетовская Н. А. В споре со временем. С. 103–105.

37. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.27.

38. Там же. С. 28–29.

39. Копелев Л. З. Утоли мои печали. С. 110–115.

40. Там же. С.117.

41. Там же. С.118.

42. Там же.

43. Там же. С.121.

44. Никифоров С. Н. Каким он был, таким он и остался // Наш современник. 2000. № 11. С.218.

45. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2001. № 4. С. 80–141.

46. Там же. С. 97–98.

47. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

48. Панин Д. М. Лубянка — Экибастуз. Лагерные записки. С. 445.

Решетовская Н. А. В круге втором. Откровения первой жены Солженицына. М., 2006. С. 118–119, 125

49. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.26.

50. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.28.

51. Копелев Л. З. Утоли мои печали. С.136.

52. Панин Д. М. Собрание сочинений в четырех томах. Т.1. Лубянка — Экибастуз. Созидатели и разрушители. М., 2001. С.280.

53. Там же. С.268.

54. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов //

Новый мир. 2001. № 4. С.100.

55. Шпачков В. Уже в четвертом классе Солженицын начал писать полное собрание своих сочинений // Комсомольская правда. 1992. 31 октября.

56. Копелев Л. З. Утоли мои печали. С. 325–326.

56а. Решетовская Н. А. В круге втором. Откровения первой жены Солженицына. М., 2006. С. 118–121. См. также: С.127, 129, 143, 148.

57. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.2. М., 1991. С. 292–293.

58. Копелев Л. З. Утоли мои печали. С.137.

59. Запись беседы с

Н. А. Решетовской. Москва. 23 января 1993 г. // Архив автора.

60. Копелев Л. З. Утоли мои печали. С. 237.

Каторга

1. Панин Д. Лубянка — Экибастуз. Лагерные записки. М., 1990. С.445.

2. Там же.

3. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. М., 1991. С.29.

4. Овсянников А. История двух тысячелетий в датах: Справочное пособие. Тула. 1996. С.470.

5. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С. 29, 30, 38, 39–30.

6. Могильницкий В. Человек под номером // Труд. 1998. 13 января.

7. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.50.

8. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С. 50–51.

9. Там же. С. 30–40.

10. Там же. С.52.

11. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

12. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С. 52–55.

13. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.27.

14. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.49; Панин Д. М. Лубянка — Экибастуз. Лагерные записки. М., 1990. С. 478—479.

15. Цит. по: Краснов А. Реабилитация нашего современника // Континент. Париж, № 51. С.384.

16. Панин Д. М. Лубянка — Экибастуз. Лагерные записки. С.479.

17. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.29.

18. Копелев Л. З. Утоли мои

печали. С.99; Запись беседы с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 8 и 9 января 1993 г. // Архив автора.

19. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.30; Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 23 января 1993 г. // Архив автора.

20. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С. 160–163.

21. Там же. С.162.

22. Там же. С. 171–173.

23. Там же. С. 173–174.

24. Солженицын А. И. Сквозь чад. Paris, С. 53–54.

25. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.181.

26. Солженицын А. И. Сквозь

чад. С. 53–54.

27. Столяров К. А. Палачи и жертвы. М., 1997. С.351. См. также: Копелев Л. З. Утоли мои печали. С.99.

28. Солженицын А. И. Сквозь чад. С. 53–54.

29. Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. P.301.

30. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.183.

31. Солженицына Н. А. В споре со временем. С.124.

32. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.184.

33. Там же. Т.6. С.383.

34. Там же. Т.7. С.184.

35. Солженицын А. И. Малое

собрание сочинений. Т.4. М., 1991. С.60.

36. Панин Д. М. Лубянка — Экибастуз. С. 514–516.

37. Там же. С.516.

38. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.184.

39. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1-е изд. Т.3. Paris, 1996. С.285.

40. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.184.

41. Запись беседы с онкологом Андреем Владимировичем Воробьевым. С-Петербург, п. Песочное. 9 октября 1994 г. // Архив автора.

42. Решетовская Н. А. В споре со

временем. С.124.

43. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. М., 1991. С. 382–383.

44. Там же. Т.7. С.42.

45. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.30.

46. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.185.

Тайна «12 тысяч строк»

1. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. М., 1991. С.418.

2. Солженицын

А. И. Протеревши глаза. М., 1999.
С. 5–177.

3. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.8.

4. Солженицын А. И. Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве. Париж, март 1976 // Солженицын А.И Публицистика. Т.2. Ярославль. 1996. С.418.

5. Солженицын А. И. Пресс-конференция в Париже. 10 апреля 1975 // Там же. С.259. См. также: С. 263–264.

6. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. М., 1991. С. 72–73.

7. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.8.

8. Солженицын А. И. Телеинтервью в Париже. 11 апреля 1975 // Солженицын А.И. Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С.263.

9. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.73.

10. Там же. С. 73–74.

11. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.8.

12. Солженицын А. И. Протеревши глаза. С. 179–210.

13. Там же. Суперобложка.

14. Там же. С.177.

15. Солженицын А. И. Прусские ночи, Paris, 1974. С.64.

16. Солженицын А. И. Пьесы и киносценарии. Paris, 1981. С. 7–124.

17. Там же. С. 125–250.

18. Нива Ж. Солженицын // Дружба народов. 1990. № 4. С.254.

19. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М... 1990. С. 384–385.

20. Там же. С.245.

21. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.75.

22. Там же. С.74.

23. Там же. С. 74–75.

24. Там же. С.55, 75.

25. Там же. С.74.

26. Солженицын

А. И. Протеревши глаза.
Суперобложка.

27. Там же. С.177.

28. Там же. С. 213–342.

29. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.7.

30. Там же. С.12.

31. Солженицын

А. И. Протеревши глаза.
Суперобложка.

32. Там же. С. 300–301, 306–307.

33. Там же. Суперобложка.

34. Солженицын А. И. Малое
собрание сочинений. Т.7. С.73.

35. Там же. С.81.

36. Там же. С.82.

37. Солженицын А. И. Бодался

теленос с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 120–121.

38. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.248.

39. Паллон В. Здравствуйте, кавторанг // Известия. 1964. 15 января. См. также: Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об. А. И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С.180.

40. Оноприенко П. За колючей проволокой (интервью с М. Д. Нефедовым) // Заветы Ильича. Экибастуз. 1990. 28 февраля.

41. Солженицын А. И. Протеревши глаза. С. 172–173.

42. Солженицын А. И. Пресс-

конференция в Лондоне. 11 мая 1983
// Солженицын А.И Публицистика.
Т.3. Ярославль, 1997. С.108.

43. Солженицын А. И. Интервью
с Рудольфом Аугштайном для
журнала Шпигель. Кавендиш, 9
октября 1987 // Там же. С.289.

44. Солженицын А. И. Интервью
с Дэвидом Эйкманом для журнала
Тайм. Кавендиш, 23 мая 1989 // Там
же. С.337.

45. Солженицын А. И.: 1) Малое
собрание сочинений. Т.6. М., 1991.
С.383; 2) Протеревши глаза. С.199.

46. Солженицын
А. И. Автобиография // Левитская
Н. Г. Александр Солженицын:
Библиографический указатель.

Август 1988–1990. М., 1991. С.9.

47. Солженицын

А. И. Протеревши глаза. С.6.

48. Там же. С. 179–210.

49. Там же. С. 5–175.

50. Там же. С. 213–342.

51. Солженицын А. И. Пьесы и киносценарии. С. 7–124.

52. Там же. С. 125–250.

53. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.35.

Перед лицом «смерти»

1. Столяров К. А. Палачи и жертвы. М., 1997. С.353.

2. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. М., 1991. С.274.

3. Там же.

4. Малый атлас СССР. М., 1978. С. 48–49, 96–97.

5. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С. 274–282.

6. Там же. С. 282–283.

7. Кунгурцев Ю. Солженицын в Казахстане // Ленинская смена. Алма-Ата, 1965. 10 января. См. также: Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962–1974. М... 1998. С. 55–56.

8. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.282.

9. Там же.

10. Солженицын

А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.3. Paris, 1975. С.444.

11. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.285.

12. Там же. С.287.

13. Кунгурцев Ю. Солженицын в Казахстане // Слово пробивает себе дорогу. С.53.

14. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.295.

15. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.8.

16. Там же.

17. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.295.

18. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.8.

19. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Paris, 1975. С.9.

20. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.121.

21. Там же. С. 121–122.

22. Там же. С.121.

23. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.31.

24. Кунгурцев Ю. Солженицын в Казахстане // Слово пробивает себе дорогу. С. 55–57.

25. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 11. С.122.

26. Кунгурцев Ю. Солженицын в Казахстане // Слово пробивает себе дорогу. С.55.

27. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.32.

28. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

29. Солженицын А. И. Протеревши глаза. М., 1999. Суперобложка.

30. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.31.

31. Там же. С.32.

32. Решетовская Н. А. Открытое

письмо в редакцию альманаха
Кубань // Кубань. 1989. № 7. С. 61–62.

33. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.32.

34. Там же.

35. Там же.

36. Солженицын А. И. Малое
собрание сочинений. Т.6. С.395.

37. Эткинд Е. Г. Записки
незаговорщика. Барселонская проза.
СПб., 2001. С.407.

38. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.33.

39. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом. Paris, 1975. С.8.

40. Решетовская Н. А. Открытое

письмо в редакцию альманаха
Кубань // Кубань. 1989. № 7. С. 61–62.
Афанасьева Е. Неподсудность памяти
(беседа с Н. А. Решетовской) //
Московский комсомолец. 1991. 3
августа.

41. Там же.

42. Цит. по: Решетовская
Н. А. Открытое письмо в редакцию
альманаха «Кубань» // Кубань. 1989.
№ 7. С. 62–63.

43. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.32.

44. Решетовская Н. А. В споре со
временем. С.131.

45. Солженицын А. И. Бодался
теленки с дубом // Новый мир. 1991.

№ 11. С.122.

46. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.33.

47. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.8.

48. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.295.

49. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.122.

50. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.33.

51. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.8.

52. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.295.

53. Решетовская Н. А. В борьбе со временем. С.132.

54. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.33.

55. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.4. М., 1991.

56. Нива Ж. Солженицын // Дружба народов. 1990. № 4. С.254.

57. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.4. С. 60–61.

58. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С.145.

59. Запись беседы с петербургским онкологом А.В.В. С-

Петербург, п. Песочное. 9 октября
1994 г. // Архив автора.

«В угаре радости»

1. Решетовская Н. А. В споре со временем. М., 1975. С.132.
2. Там же.
3. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.33.
4. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. М., 1991. С.295.
5. Там же.
6. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 6. С.8.

7. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.289.

8. Там же. С.295.

9. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.8.

10. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.289.

11. Там же. С.295.

12. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.122.

13. Солженицын А. И. Пьесы и киносценарии. Paris, 1981. С. 251–350.

14. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия.

С. 384–385 (фото).

15. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.122.

16. Солженицын А. И. Пьесы и киносценарии. С. 251–350.

17. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.122.

18. Запись беседы с петербургским онкологом Андреем Владимировичем Воробьевым. С-Петербург, п. Песочное. 9 октября 1994 г. // Архив автора.

19. Решетовская Н. А. В споре со временем. С.135.

20. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия.

С.33.

21. Решетовская Н. А. Открытое письмо в редакцию альманаха Кубань // Кубань. 1989. № 7. С. 61–62.

22. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.33. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 122–123.

23. Там же. № 6. С.8.

24. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.1. С.343; Решетовская Н. А. Солженицын и читающая Россия. С.40.

25. Там же. С.37.

26. Там же. С. 384–385 (фото).

27. Там же. С.34.

28. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

29. Там же.

30. Солженицын А. И. Малое
собрание сочинений. Т.7. С.252.

31. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.34.

32. Решетовская Н. А.: 1)
Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской; 2) Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.35.

33. Там же. С. 384–385 (фото).

34. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

35. Солженицын А. И. Малое

собрание сочинений. Т.7. С. 296–297.

36. Решетовская Н. А. В споре со временем. С.136.

37. Копелев Л. З. Утоли мои печали. М., 1991. С.99.

38. Там же. С.323.

39. Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы жили в Москве, 1956–1980. М., 1988. С.25.

40. Копелев Л. З. Утоли мои печали. С.99.

41. Ключенков А. Александр Солженицын: реабилитация // Советский воин. 1990. № 2. С.22.

42. Викторov Б. А. Без грифа «секретно». С. 301–302.

43. Столяров К. А. Палачи и жертвы. М., 1997. С. 350–351.

44. Там же. С.351.

45. Ключенков А. Александр

Солженицын: реабилитация //

Советский воин. 1990. № 2. С.82.

46. Столяров К. А. Палачи и
жертвы. С. 256–257 (фото).

47. Там же. С. 354–355.

48. Ключенков А. Александр

Солженицын: реабилитация //

Советский воин. 1990. № 2. С.82.

49. Столяров К. А. Палачи и
жертвы. С.355.

50. Решетовская Н. А. В споре со
временем. С.136.

51. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.34.

52.

Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

53. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.34.

Глава 3

Необычный учитель

Новая жизнь

1. Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы
жили в Москве. 1956–1980. М., 1990.
С.74.

2. Там же. С. 74–75.

3. Н.А. Решетовская. Александр

Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.34;

4. Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 23 января 1993 г. // Архив автора.

5. Солженицын А. И. Протеревши глаза. М., 1999. Суперобложка.

6. Солженицын А. И. Сквозь чад. Paris, 1979. С.50.

7. Там же. С.48.

8. Там же.

9. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 120–121.

10. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

11. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. М., 1991. С.297.

12. Столяров К. А. Палачи и жертвы. М., 1997. С.355.

13. Б.А. Викторов. Без грифа «секретно».. М., 1990. С.308.

14. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

15. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. 1-е изд. Т.3. Paris. 1976. С. 464–465.

16. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С. 297–298.

17. Солженицын А. И. Телеинтервью компании

«Останкино». (Интервью ведет Станислав Говорухин). Кавендиш, 28 апреля 1992 // Солженицын А.И Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С.377.

18. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.38.

19. Там же.

20. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.35.

21. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

22. Там же.

23. Шпачков В. Уже в четвертом классе Солженицын начал писать

полное собрание своих сочинений // Комсомольская правда. 1992. 31 октября.

24. Солженицын А. И. Письмо на Ставрополье // Ставрополье. Ставрополь, 1991. № 6. С.3.

25. Лалакин Н. Д. Память благовести: Документальная повесть. М., 1993.

26. Решетовская Н. А. В споре со временем. М., 1975. С.139.

27. Владимирская страница в жизни Солженицына // Слово. Владимир, 1990. № 2. С. 1–2.

28. Ермилова Т. А. Солженицын в Мезиновке // Ленинское знамя. Гусь-Хрустальный. 1990. 27 марта.

29. Владимирская страница в

жизни Солженицына // Слово.
Владимир, 1990. № 2. С. 1–2.

30. Решетовская
Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

31. Орлова Р. Д. Воспоминания о
непрошедшем времени. М., 1993.
С.219.

32. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 12. С.38.

33. Решетовская Н. А. В споре со
временем. С.139.

34. Там же. С.142.

35. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С. 37–38.

36. Нива Ж. Солженицын //

Дружба народов. 1990. № 4. С.254.

37. Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы жили в Москве. С.75.

38. Столяров К. А.: Палачи и жертвы. М., 1997. С. 355–356.

39. Там же.

40. Там же.

41. Лакшин В. Я. «Новый мир» во времена Хрущева (1961–1964). Страницы дневника // Знамя. 1990. № 7. С. 122–123.

42. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т.6. Франкфурт-на-Майне. 1970. С. 151–153.

43. Медведев Ж. А. Десять лет после «Одного дня Ивана Денисовича». Лондон, 1973. С. 38–40; Лурье С. Из бумаг Л. Пантелеева

// Нева. 1988. № 12. С. 195–196;
Слово пробивает себе дорогу.
Сборник статей и документов об
А. И. Солженицыне. 1962–1974. М.,
1998. С. 371–373.

44. Лурье С. Из бумаг
Л. Пантелеева // Нева. 1988. № 12.
С. 195–196.

45. Решетовская
Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

46. А.И. Солженицын. Малое
собрание сочинений. Т.1. М., 1991.
С.343.

47. Решетовская
Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

48. Там же.

49. Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы жили в Москве. С.75.

В рязанском уединении

1. Кашкадамов П. Учитель с улицы Революции // Учительская газета. 1962. 1 декабря.

2. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 9–10.

3. Буханов В. У Солженицына в Рязани // Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С.47.

4. Солженицын А. И. Бодался

теленос с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.10.

5. Буханов В. У Солженицына в Рязани // Слово пробивает себе дорогу. С.47.

6. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.28, 48.

7. Там же. С.39.

8. Там же. С.40.

9. Буханов В. У Солженицына в Рязани // Слово пробивает себе дорогу. С.46.

10. Решетовская Н. А. В споре со временем. М., 1975. С.145.

11. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1991. С.39.

12. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

13. Там же.

14. Там же.

15. Солженицын А. С. Малое собрание сочинений. Т.7. М., 1991. С.310.

16. Решетовская Н. А. В споре со временем. С.147.

17. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

18. Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы жили в Москве. М., 1988. С. 75–76.

19. Там же. С.28.

20. Российская еврейская

энциклопедия. Т.2. М., 1995. С.69.

21. Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы жили в Москве. С. 75–76.

22. Решетовская Н. А. В споре со временем. С.147.

23. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.9.

24. Решетовская Н.А... Александр Солженицын и читающая Россия. С.46.

25. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

26. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.46.

27. Солженицын А. И. Малое

собрание сочинений. Т.7. С.371.

28. Там же. С.81.

29. Там же. С.372.

30. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 46–48.

31. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

32. Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва 23 января 1993 г. // Архив автора.

33. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.48.

34. Буханов В. У Солженицына в Рязани // Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов

об А. И. Солженицыне. 1962–1974.
М., 1998. С.47.

35. Там же.

36. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С. 384–385 (фото).

37. Солженицын
А. И. Протеревши глаза. М., 1999.
Суперобложка.

38. Решетовская
Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

39. Решетовская Н. А. В споре со
временем. С.164.

40. Солженицын А. И. Бодался
теленос с дубом // Новый мир. 1991.
№ 6. С.49; Решетовская
Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

41. Решетовская Н. А. В споре со временем. С. 160–165.

42. Там же. 164–165.

43. Там же. С.167.

Перед выходом на сцену

1. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.48.

2. Там же.

3. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.3. М., 1991. С. 5–111.

4. Солженицын

А. И. Радиоинтервью к 20-летию

Одного дня Ивана Денисовича для Би-Би-Си (Интервью ведет Барри Холланд). Кавендиш, 8 июня 1982 // Солженицын А.И Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С.21.

5. Солженицын А. И. Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве. Париж, март 1976 // Там же. Т.2. Ярославль. 1996. С.424.

6. Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. N.Y — L. 1984. P.382.

7. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С. 384–385 (фото).

8. Там же. С.48.

9. Солженицын А. И. Радиоинтервью к 20-летию

выхода «Одного дня Ивана Денисовича» для Би-Би-Си (интервью ведет Барри Холланд). Кавендиш. 8 июня 1982 г. // Солженицын А.И Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С.21.

10. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 384–385 (фото).

11. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.48.

12. Решетовская Н. А. В споре со временем. М., 1975. С.155.

13. Там же. С.152.

14. Шпачков В. Уже в четвертом классе Солженицын начал писать полное собрание своих сочинений //

Комсомольская правда. 1992. 31 октября. Запись беседы с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 8 января 1993 // Архив автора.

15. Решетовская Н. А.: 1) Хронограф // Архив автора. 2) В споре со временем. С.158.

16. Решетовская Н. А.: 1) Хронограф // Архив автора. 2) В споре со временем. С.155.

17. Там же. С.156.

18. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.3. М., 1991. С.146.

19. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 384–385 (фото).

20. Орлова Р. Д., Копелев

Л. З. Мы жили в Москве, 1956–1980.
М., 1988. С.76.

21. Там же.

22. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

23. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С. 48–49.

24. Там же. С.49.

25. Там же.

26. Там же. С. 384–385 (фото).

27. Решетовская Н. А. В споре со
временем. С.156.

28. Солженицын А. И. Знают
истину танки // Дружба народов.
1989. № 11. С. 70–132.

29. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

30. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С. 384—385 (фото).

31. Решетовская
Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

32. А.И. Солженицын. Письмо
на Ставрополье // Ставрополье.
Ставрополь, 1991. № 6. С.3.

33. Решетовская
Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

34. Там же.

35. Там же.

36. Солженицын А. И. Бодался
теленос с дубом // Новый мир. 1991.

№ 6. С.12.

37. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.50.

38. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 128–129.

39. Там же. С.129.

40. Там же.

41. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

42. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.13.

43. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.49.

44. Там же. С. 384–385 (фото).

45. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

46. Солженицын А. И. Бодался
теленос с дубом // Новый мир. 1991.
№ 11. С.129.

47. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

48. Там же.

49. Российская еврейская
энциклопедия. Т.2. М., 1995. С.69.

50. Там же. С.351; Орлова Р. Д.:

1) Воспоминания о непрошедшем
времени. М., 1993.

51. Орлова Р. Д., Копелев

Л. З. Мы жили в Москве. С.45, 59.

52. Российская еврейская энциклопедия. Т.1. М., 1994. С.328.

53. Там же; Гнедин Е. А. Выход из лабиринта. Евгений Александрович Гнедин и о нем. Мемуары, дневники, письма. М., 1994.

54. Серков А. И. Русское масонство, 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 433–434.

55. Там же; Кривошеина Н. А. Четыре трети нашей жизни. М., 1999. С.14.

56. Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы жили в Москве. С.211.57
Шейнис З. С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат,

человек. М., 1989. С.431.

58. Там же. С.123, 131;
Российская еврейская энциклопедия.
Т.2. С. 188–189.

59. Орлова Р. Д., Копелев
Л. З. Мы жили в Москве. С.211.

60. Решетовская
Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

61. Орлова Р. Д., Копелев
Л. З. Мы жили в Москве. С. 76–77.

62. Солженицын А. И. Бодался
теленки с дубом // Новый мир. 1991.
№ 12. С.38.

63. Решетовская
Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

Как решалась судьба «Ивана Денисовича»?

1. Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы жили в Москве, 1956–1980. М., 1988. С.77.

2. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.17.

3. Там же. С.16; Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы жили в Москве. С.78.

4. Там же. С.79.

5. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.18.

6. Там же. С.16.

7. Там же.

8. Решетовская

Н. А. Восхождение // Культурно-просветительная работа. 1989. № 9. С. 50–51.

9. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 19–20.

10. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

11. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.21.

12. Решетовская

Н. А. Восхождение // Культурно-просветительная работа. 1989. № 9. С.51.

13. Солженицын А. И. Бодался

теленек с дубом // Новый мир. 1991.
№ 6. С.26.

14. Там же. № 11. С.130.

15. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия. М.,
1990. С.58.

16. Там же.

17. Решетовская
Н. А. Восхождение // Культурно-
просветительная работа. 1989. № 9.
С.52.

18. Солженицын А. И. Бодался
теленек с дубом // Новый мир. 1991.
№ 6. С. 21–24.

19. Там же. С.21.

20. Запись беседы с
Н. Д. Виткевичем. Брянск. 9 января
1993 г. // Архив автора;

Решетовская Н. А. В споре со временем. М., 1975. С.180.

21. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.59;

22. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.26.

23. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.1. М., 1991. С.343.

24. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.124.

25. Там же. С.130.

26. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.60.

27. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.31.

28. Политические партии в России. М., 1996. С.254.

29. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.22.

30. Там же.

31. Там же. С.23.

32. Чехонин Б. И. Журналистика и разведка. М., 2002. С.158.

33. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.23.

34. Чехонин Б. И. Журналистика и разведка. С.158.

35. Борис Поплавский о оценке

и воспоминаниях современников.
СПб. — Дюссельдорф, 1993.
Поплавский Б.: 1) Неизданное:
дневники, статьи, письма. М., 1996,
2) Собрание сочинений. М., 2000.

36. Чехонин Б. И. Журналистика
и разведка. С.158.

37. Запись беседы с Андреем
Александровичем Васильевым.
Петербург. 20 мая 2003 г. // Архив
автора.

38. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 12. С.23.

39. Решетовская
Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

40. Солженицын А. И. Бодался

теленек с дубом // Новый мир. 1991.
№ 6. С. 26–27.

41. Решетовская Н. А.: 1)
Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

42. Солженицын А. И. Бодался
теленек с дубом // Новый мир. 1991.
№ 11. С.124.

43. Орлова Р. Д., Копелев
Л. З. Мы жили в Москве. С. 78–79.

44. Солженицын А. И. Бодался
теленек с дубом // Новый мир. 1991.
№ 6. С. 24–25.

45. Орлова Р. Д., Копелев
Л. З. Мы жили в Москве. С. 78–79;
Твардовский А. Т. Рабочие тетради
60-х гг. // Знамя. 2000. № 6. С.116.

46. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

47. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 6. С. 26–27.

48. Решетовская Н. А.: 1)
Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской; 2) Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.62.

49. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 6. С. 26–27.

50. Решетовская
Н. А. Восхождение // Культурно-
просветительная работа. 1989. № 9.
С.53.

51. Там же. № 10. С.46.

52. Решетовская Н. А.: 1) Хронограф // Архив Н. А. Решетовской; 2) Александр Солженицын и читающая Россия. С. 64–65.

53. Там же. С.65. Солженицын А. И. Случай на станции Кочетовка // Малое собрание сочинений. Т.3. С. 170–223.

54. Солженицын А. И. Из телеинтервью компании CBS (интервью ведет Уолтер Кронкайт). Цюрих, 17 июня 1974 // Солженицын А.И Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С.97.

55. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х гг. // Знамя. 2000. № 6. С.129.

56. Там же.

57. Там же. С.131.

58. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.29.

59. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х гг. // Знамя. 2000. № 6. С.132.

60. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.29.

61. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х гг. // Знамя. 2000. № 6. С.136.

62. Там же. С.135.

63. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон.1990. № 2. С.65.

64. Мянoвич Т. Тень КГБ в ореоле Горбачева: Немецкая книга о перестройке // Континент. М.-Париж, 1992. № 71. С.218.

65. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х гг. // Знамя. 2000. № 6. С.136.

66. Боффа Д. История Советского Союза. Т.2. М.,1990. С.507.

67. Там же.

68. Бурлацкий Ф. Брежнев и крушение «оттепели» // Л. И. Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991. С.116.

69. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.30.

70. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С.66.

71. Там же. С.70.

72. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.42.

Редкий дебют

1. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 1. С.69.

2. Симонов К. О прошлом во имя будущего // Известия. 1962. 18 ноября. См. также: Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и

документов об А. И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С. 19–21.

3. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 1. С.70.

4. Солженицын А. И. Радиоинтервью к 20-летию выхода Одного дня Ивана Денисовича для Би-Би-Си. 8 июня 1982 г. // Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С.24.

5. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х гг. // Знамя. 2000. № 7. С.140.

6. Бакланов Г. Чтоб это никогда не повторилось // Литературная газета. 1962. 22 ноября. См. также: Слово пробивает себе дорогу. С. 21–

26.

7. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 1. С.73.

8. Ермилов В. Во имя правды, во имя жизни. По страницам литературных журналов // Правда. 1962. 23 ноября. См. также: Слово пробивает себе дорогу. С. 26–28.

9. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С. 79–80.

10. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х гг. // Знамя. 2000. № 6. С.141.

11. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.83.

12. Там же.

13. Там же.

14. Дымшиц А. Жив человек // Литература и жизнь. 1962. 28 ноября.

15. Кашкадамов И. Учитель с улицы революции // Учительская газета. 1962. 1 декабря.

16. Роман-газета. 1963. № 1(277). А. И. Солженицын. Один день Ивана Денисовича. М., 1963. С.47.

17. Бройдо Е. Такому больше никогда не бывать // Полярная правда. Мурманск, 1962. 2 декабря. См. также: Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С.17.

18. Тарасова Н. Вхождение Солженицына в советскую литературу и дискуссия о нем // Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т.6. Франкфурт-на-Майне. 1970. С.200.

19. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.100.

20. Друзе И. О мужестве и достоинстве человека // Дружба народов. 1963. № 1. С. 272–274. См. также: Слово пробивает себе дорогу. С.32

21. Буханов В. У Солженицына в Рязани // Слово пробивает себе дорогу. С.51.

Часть вторая

Рязанский праведник

(1962–1974).

Глава 1

Из фавора в опалу

Первый год славы

1. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.41.

2. Там же. 41–42.

3. Там же. С. 42–43.

4. Там же. С.42.

5. Там же. С.43.

6. Там же. С.44.

7. Там же. С. 44–46.

8. Там же. С.45.

9. Там же. С.48.

10. Там же. С.58.

11. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия. М.,
1990. С.111.

12. Там же. С. 114–115.

13. Там же. С.115.

14. Там же. С.120.

15. Гордзенский С. Я. Миша //

Звезда. 1994. № 6. С.61.

16. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия //

Дон. 1990. № 2. С.57.

17. Решетовская. К истории двух

документов // Родник. 1989. № 8. С.31.

18. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.48.

19. Там же. С. 48–56.

20. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С.66.

21. Там же. С.68.

22. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.57.

23. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.5.

24. Там же. С.6.

25. Там же. С. 6–7. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.57.

26. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С.63.

27. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.24.

28. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 384–385 (фото).

29. Там же. С.128.

30. Там же. С.130.

31. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.120.

32. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С.73.

33. Там же. С.74.

34. Там же. С.76.

35. Там же.

36. Там же. С.77.

37. Там же. С.78.

38. Там же. С.80.

39. Шаламов В. Т. Из литературного наследия. Публикация и примечания И. Сиротинской // Знамя. 1990. № 7. С.71.

40. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С.80.

41. Чуковский К. И. Дневник. 1930–1969. М., 1997. С. 341–342.

42. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С.81.

43. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.3. М., 1991. С. 224–263.

44. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.59.

45. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.138.

46. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С.83.

47. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.121, 141–143. Эткинд Е. Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза.

СПб., 2001. С. 399–401.

48. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.143.

49. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 133–134.

50. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С. 87–88.

51. Шаламов В. Т. Из литературного наследия // Знамя. 1990. № 7. С.71.

52. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1991. № 2. С.89.

53. Там же. С.91.

54. Там же. С. 95–96.

55. Там же. С.100.

56. Там же. Шаламов В. Т. Из литературного наследия // Знамя. 1990. № 7. С. 73–74.

57. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С.100, 102.

58. Там же. С. 102–104.

59. Там же. С. 105–106.

60. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.61.

61. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 152–154.

62. Там же. С.158.

63. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия //

Дон. 1990. № 2. С.107.

64. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С. 5–6.

65. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С. 106–108.

66. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С.111.

67. Солженицын А. И. Из телеинтервью компании CBS (интервью ведет Уотер Кронкайт). Цюрих, 17 июня 1974 // Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С.120.

68. Солженицын А. И. Пресс-конференция в Париже. 10 апреля

1975 // Там же. С.239.

69. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.62.

70. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С.111.

71. Там же. С.108.

72. Там же.

73. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.161.

Несостоявшийся лауреат

1. Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы жили в Москве. 1956–1980. М., 1988.

С.71.

2. В Комитете по Ленинским премиям в области литературы и искусства // Известия. 1963. 28 декабря.

3. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С.112.

4. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.164.

5. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000. № 11. С.144.

6. Лакшин В. Я. «Новый мир» во времена Хрущева (1961–1964). Страницы дневника // Знамя. 1990. № 7. С.109.

7. Войнович В. Н. Портрет на фоне мифа. М., 2002. С.37.

8. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С.116.

9. Там же. С. 118–119.
Решетовская Н. А. В споре со временем. М., 1975. С. 195–197.

10. Гордин Я. А. Дело Бродского // Нева. 1989. № 2. С. 134–166.
Эткинд Е. Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб., 2001. С.94–97, 100.

11. Орлова Р. Д., Копелев Л. З. мы жили в Москве. 1956–1980. М., 1990. С.104.

12. Решетовская
Н. А. Александр Солженицын и

читающая Россия. С.168.

13. От Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства // Литературная газеты. 1964. 20 февраля.

14. Решетовская Н. А. В споре со временем. С. 197–198.

15. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С. 119–120.

16. Там же. С.120.

17. Решетовская Н. А. В споре со временем. С. 199–203.

18. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 384–385 (фото).

19. Там же. С. 174–178.
Решетовская Н. А. В споре со

временем. С. 203–205.

20. Лакшин В. Я. «Новый мир» во времена Хрущева (1961–1964). Страницы дневника // Знамя. 1990. № 7. С.123.

21. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.178.

22. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000. № 11. С.162.

23. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.178.

24. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С.124.

25. Документы из архива ЦК

КПСС по делу А. И. Солженицына // Континет. 1993. № 75. С.163.

26. Бурлацкий Ф. М. Никита Хрущев и его советники — красные, черные, белые. М., 2002. С. 328–331.

27. Бурлацкий Ф. Брежнев и крушение «оттепели» // Л. И. Брежнев. Материалы биографии. М., 1991. С.116.

28. Там же. С.106.

На исходе хрущевской «оттепели»

1. Лакшин В. Я. «Новый мир» во времена Хрущева (1961–1964). Страницы дневника // Знамя. 1990. № 7. С.124.

2. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С.124.

3. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000. № 12. С.125.

4. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 63–66.

5. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000. № 12. С.125.

6. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 63–66.

7. Лакшин В. Я. «Новый мир» во времена Хрущева (1961–1964). Страницы дневника // Знамя.

1990. № 7. С.127.

8. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С. 124–126.

9. Там же. С.126.

10. Лакшин В. Я. «Новый мир» во времена Хрущева (1961–1964). Страницы дневника // Знамя. 1990. № 7. С.129.

11. Там же.

12. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 66–69.

13. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 2. С.127.

14. Бианки Н. Встречи в «Нового мира» (фрагменты из книги) //

Книжное обозрение. 1990. 16 марта.

15. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.124.

16. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 3. С.84.

17. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.185.

18. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. № 3. С.85.

19. Иллеш А. Кто он — диссидент № 1? // Звезда. 1990. № 3. С.143.

20. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000.

Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 732–733.

21. Там же.

22. Сахаров А. Д. Воспоминания // Знамя. 1990. № 10. С.9.

23. Новодевичий мемориал. Некрополь Новодевичьего кладбища. М., 1995. С.243.

24. Гордиевский О., Эндрю К. КГБ: разведывательные операции от Ленина до Горбачева. М, 1999. С.541.

25. Русская мысль. Париж, 1981. 11 февраля (статья М. Поповского).

26. Сахаров А. Д. Воспоминания // Знамя. 1990. № 12. С.83.

27. Там же. С. 84–85.

28. Там же. С.85.

29. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.134.

30. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.1. М., 1991. С.343.

31. Лакшин В. Я. «Новый мир» во времена Хрущева (1961–1964). Страницы дневника // Знамя. 1990. № 7. С. 131–134.

32. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 3. С.85.

33. А.Солженицын. С Варламом Шаламовым // Новый мир. 1999. № 4. С.166.

33а. Солженицын // Новая газета. 2005. 63. 28–31 августа

(интервью Вячеслава Всеволодовича Иванова).

34. Зильберберг И. Необходимый разговор с Солженицыным. Англия, 1976. С.59.

35. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С.85.

36. Медведев Р. Неизвестный Андропов. Ростов-на-Дону, 1999. С.208.

37. Медведев Ж. А. Десять лет после «Одного дня Ивана Денисовича». С.10, 16–17.

38. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.188.

39. Лакшин В. Я. «Новый мир»

во времена Хрущева (1961–1964).
Страницы дневника // Знамя. 1990.
№ 7. С.135.

40. Чуковский К. И. Дневник.
1930–1969. М., 1997. С.360.

41. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.188.

42. Решетовская Н. А. Дневник.
// Архив Н. А. Решетовской.

43. Там же.

44. Солженицын А. И. Письмо
на Ставрополье // Ставрополье.
Ставрополь. 1991. № 6. С.3.

45. Решетовская Н. А. Дневник.
// Архив Н. А. Решетовской.

46. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.

1990. С. 189–190.

47. Сообщение о Пленуме ЦК КПСС // Правда. 1964. 16 октября // Боффа Д. История Советского Союза. Т.2. М., 1990. С.526.

48. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.24–25.

49. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000. № 12. С.137.

50. Там же.

51. Серков. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. С. 57–58.

52. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.25.

1. Родионов П. А. Как начинался застой // Знамя. 1989. № 8. С. 202–203.

2. Бурлацкий Ф. Брежнев и крушение «оттепели» // Л. И. Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991. С.110.

3. Медведев Ж. А. 10 лет после «Одного дня Ивана Денисовича». Масmilan, 1973. С. 42–43.

4. Краткие биографии членов ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С.50.

5. Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме // Знамя. 1989. № 1. С.159.

6. Медведев Р. А. Личность и эпоха. Политический портрет Брежнева. Кн.1. М., 1991. С.250.

7. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс- М., 1992. С.198.

8. Там же. С.241.

9. Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров. М... 2002. С.40.

10. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С.85.

11. Медведев Р. А. Неизвестный Андропов. Ростов-на-Дону, 1999. С.169.

12. Решетовская Н. А. Дневник // Архив Н. Д. Решетовской.

13. Солженицын А. И. Бодался

теленос с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.73.

14. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.193.

15. Запись беседы с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 8 и 9 января 1993 // Архив автора. Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 23 января 1993 г. // Там же.

16. Там же.

17. Никифоров С. Н. Каким он был, таким он и остался // Наш современник. 2000. № 11. С.217.

18. Карякин Ю. Ф. Эпизод из современной борьбы идей // Проблемы мира и социализма. 1964. № 9. С. 79–85.

19. Вольтон Тьерри. КГБ во Франции. М., 1993. С.200.

20. Шахназаров Г. Х. С вождями и без них. М., 2001. С.7, 83–84.

21. Там же. С.95. Кто есть кто в России. М., 1998. С. 288–289.

22. Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 17 апреля 2003 г. // Архив автора.

23. Зильберберг И. Необходимый разговор с Солженицыным. Англия. 1976. С.134.

24. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 3. С.89.

25. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.194.

26. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

27. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия.

С.194.

28. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

29. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия.

С.194.

30. Солженицын А. И. Бодался

теленки в дубе // Новый мир. № 11.

С.135.

31. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия.

С.195.

32. Медведев Ж. А. 10 лет после «Одного дня Ивана Денисовича». С. 51–52.

33. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.196.

34. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

35. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.196.

36. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

37. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.196.

38. Медведев Ж. А. 10 лет после «Одного дня Ивана Денисовича». С. 48–49.

39. Решетовская Н. А.: 1) Александр Солженицын и читающая Россия. С. 196–198. 2) Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

40. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.198.

41. Там же. С.198.

42. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. Д. Решетовской.

43. Там же.

44. Там же. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. № 6. С.73. См. также:

№ 12. С.35.

45. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

46. Решетовская Н. А. Дневник //

Там же.

47. Там же.

48. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия.

С.198.

49. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

50. Там же.

51. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия.

С.199.

52. Солженицын А. И. Бодался

теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.73.

53. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.199.

54. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. № 6. С.73.

55. Зеньковский Н. А. Самые закрытые люди. М, 2002. С. 132–134.

56. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. № 6. С. 73–76.

57. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 199–200.

58. Медведев Ж. А. 10 лет после «Одного дня Ивана Денисовича».

С.52.

59. Там же.

60. Там же. С.53.

61. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. № 3. С. 93–94.

62. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 200–201.

63. Медведев Ж. А. 10 лет после «Одного дня Ивана Денисовича». С.54.

64. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. № 6. С.73.

65. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.202.

Провал «архива»

1. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.77.

2. Цена метафоры, или преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1990.

3. Лауреаты Нобелевской премии. Энциклопедия. Т.2. М., 1992. С. 192–196.

4. Есенин-Вольпин А. С. Весенний лист. Лондон, 1961.

5. Нарица М. А.: 1) Конец или начало? (записки художника;

Рассказы; Куда идти искусству. М., 1996; 2) После реабилитации (невыдуманная история из жизни «под колпаком»). Публикация М. Ф. Нарницы // Звезда. 1997. № 11. С. 174–185.

6. Буковский В. И возвращается ветер // Миф о застое. Л., 1991. С. 44–47; Романов Е. Р. В борьбе за Россию. Воспоминания. М... 1999. С. 200–204, 314; Biographical Dictionary of Dissidents in the Soviet Union. 1956–1975. // Compiled and edited by S.P. de Boer, E. J. Drissen and H. L. Verhaar. Hague — Boston — London. 1982. P.574.

7. Солженицын А. И. Бодался теленко с дубом // Новый мир. 1991.

№ 6. С. 77–78.

8. Там же. С.78.

9. Там же.

10. Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы жили в Москве. 1956–1980. М., 1988. С.116. Воронель Н. А. Без прикрас. Воспоминания. М., 2003. С.222.

11. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.78.

12. Лакшин В. Я. Берега культуры. М., 1994. С. 268–269.

13. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.79.

14. Там же.

15. Там же.

16. Там же.

17. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая россия.
С.205.

18. Солженицын А. И. Бодался

теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 6. С.81.

19. Там же.

20. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия.
С.207.

21. Солженицын А. И. Бодался

теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 6. С.81.

22. Медведев Ж. А. Десять лет

после «Одного дня Ивана
Денисовича». С. 54–55.

23. Там же. С.56.

24. Там же.

25. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.79, 81.

26. С.103.Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.80.

27. Там же. С.82.

28. Там же.

29. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. № 3. С.98.

30. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.207.

31. Там же.

32. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 6. С.79.

33. Там же. С.81.

34. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.207.

35. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.76.

36. Там же. № 11. С.135.

37. Там же. № 12. С.25.

38. Там же. № 7. С.136.

39. Из истории общественно-литературной борьбы 60-х годов. Твардовский, Солженицын, «Новый мир» по документам Союза писателей СССР. 1967–1970. Публикация Ю. Буртина и А. Воздвиженской // Октябрь. 1990.

№ 9. С.177.

40. Медведев Ж. Десять лет после «Одного дня Ивана Денисовича». Лондон, 1973. С. 49–62. Зильберберг И. И. Необходимый разговор с Солженицыным. Англия, 1976. С.131.

41. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Paris, 1975. С.115.

42. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 131–132.

43. Там же. № 6. С.80, 87, 88, 89, 100, 115; № 7. С.134, 136, 148; № 11. С.124, 135.

44. Зильберберг И. И. Необходимый разговор с Солженицыным. Англия. 1976.

Глава 2

Начало противостояния

«Угрожаемый автор»

1. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.135.

2. Там же.

3. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. М., 1991. С.371.

4. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия.

С.40.

5. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.111.

6. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С. 227–316. Решетовская Н. А. Дневник // Архив Н. А. Решетовской.

7. Там же. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. М., 1991. С. 18–95.

8. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.13.

9. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С. 208–209.

10. Медведев Ж. А. Десять лет спустя после «Одного дня Ивана Денисовича». Лондон, 1973. С.57.

11. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.209.

12. Там же. С. 209–210.

13. Там же. С.209.

14. Там же. С.210.

15. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.82.

16. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.211.

17. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 3. С. 102–103.

18. Чуковский К. И. Дневник. 1930–1969. М., 1997. С.378.

19. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С. 31–32

20. Там же. С.39.

21. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 211–212.

22. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

23. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.212.

24. Чуковский К. И. Дневник. 1930–1969. С.378.

25. Там же. С.379.

26. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

27. Солженицын А. И. Бодался

теленос с дубом // Новый мир. 1991.

№ 6. С.85.

28. Решения партии и

правительства по хозяйственным

вопросам (1917–1967 гг.). Т.5. М.,

1968. С. 640–684.

29. Медведев Р.А... Личность и

эпоха. Политический портрет

Л. И. Брежнева. Кн.1. М., 1991.

С.163.

30. Залесский К. А. Империя

Сталина. Биографический

энциклопедический словарь. М.,

2000. С.491.

31. А.Овсянников. История двух тысячелетий в датах. Тула, 1996. С.481.

32. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.84.

33. Там же. № 12. С.13.

34. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

35. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.212.

36. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

37. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия //

Дон. 1990. № 3. С.103.

38.

Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

39. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 12. С.13.

40. Там же.

41. Там же. С. 13–14.

42. Там же. С.16.

43. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 6. С.85.

44. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия //
Дон. 1990. № 3. С.103.

45. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 6. С.86.

46. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М... 1994. С. 8–14;

47. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.85.

48. Там же. С. 87–88.

49. Там же. С.86

50. Там же. С.87.

51. Там же.

52. Там же.

53. Медведев Ж. А. Десять лет после Одного дня Ивана Денисовича. С.63; Лауреаты Нобелевской премии. Энциклопедия. Т.1. М., 1992. С. 504–509.

54. Солженицын А. И. Не
обычай дёгтем щи белить, на то
сметана // Публицистика. Т.2.
Ярославль, 1996. С. 7–12;
Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С. 213–214.

55. Там же. С. 213–217. См.
также: Решетовская Н. А. Хронограф
// Архив Н. А. Решетовской.

56. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия //
Дон. 1990. № 3. С.106.

57. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.218.

58. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия //

Дон. 1990. № 3. С.106.

59. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.88.

60. Там же. С. 88–89.

61. Там же. С.89.

62. Там же. С. 90.

63. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.220.

64. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 3. С.109.

65. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

66. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия.

С.221.

67. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 3. С.108.

68. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.221.

69. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.90.

70. Там же. С.91.

71. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.222.

72. Там же. С. 222–224.
Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 3. С.109.

73. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.226.

74. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.92.

75. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.226.

76. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.92.

77. Там же.

78. «Не приемлю роман в его неверии...». Вокруг жизни и творчества А. И. Солженицына // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 147–148.

1. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.135.

2. Там же. С. 135–136.

3. Буковский В. К. И возвращается ветер // Миф о застое. Л., 1991. С. 51–57.

4. Там же.

5. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.137.

6. Решетовская Н. А. Дневник // Архив Н. А. Решетовской.

7. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 3. С.112.

8. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.70.

9. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 3. С.113.

10. Там же.

11. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.229.

12. Решетовская Н. А. Дневник // Архив Н. А. Решетовской.

13. Решетовская Н. А. Хронограф // Там же.

14. Решетовская Н. А. Дневник // Там же.

15. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 11. С.136.

16. Сузи Хелли. Солженицын в Эстонии // Таллин. 1989. № 5 (68). С. 120–121.

17. Там же.

18. Смоль Б. «На хуторе безымянном в эстонской глухомани творил А. Солженицын свой „Архипелаг ГУЛАГ“». Кто прятал его?» // Рабочая трибуна. 1991. 11 июля. См. также: Сузи Х.: 1) Из редакционной почты // Таллин. 1990. № 1. С.127. 2) Хозяйка хутора Солженицына // Московские новости. 1990. 1 июля.

19. Решетовская Н. А. Дневник // Архив Н. А. Решетовской.

20. Решетовская

Н. А. Хронограф // Там же.

21. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. № 3. С.114.

22. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.136.

23. Солженицын А. И. Евреи в СССР и в будущей России. Сидорченко А. И. Soli deo Gloria. «Тиходонская» трагедия писателя Федора Крюкова. Славянск, 2000. С.74.

Возвращение к «Раковому корпусу»

1. Самутин Л. А. Я был

власовцем... СПб, 2002. С.230.

2. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М... 1990. С.234.

3. Гарасева А. М. Я жила в самой бесчеловечной стране... М... 1997. С.273.

4. Решетовская Н. А. Дневник // Архив Н. А. Решетовской.

5. Там же.

6. СССР. Энциклопедический справочник. М., 1979. С.1683.

7. Медведев Р. А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. Кн.1. М., 1991. С. 169–170.

8. Миф о застое. Л., 1991. С. 59–61.

9. Сахаров А. Д. Воспоминания
// Знамя. 1990. № 12. С. 89–91.

10. Цена метафоры, или
преступление и наказание
Синявского и Даниэля. М., 1990.

11. Миф о застое. С. 73–74.

12. Бетелл Н. Путешествие
англичанина в поисках России. М.,
2002. С.21.

13. Розанова М. «Солженицын
полоснул меня таким взглядом, что
поняла — это враг на всю жизнь» //
Комсомольская правда. 1999. 13
января.

14. Запись беседы с Татьяной
Александровной Угримовой. Москва.
7 июня 2003 г. // Архив автора.

15. Решетовская Н. А.: 1)

Дневник // Архив Н. А. Решетовской;
2) Александр Солженицын и читающая Россия. С. 236–237;
Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.3. М., 1991. С. 281–285.

16. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

17. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.96.

18. Решетовская Н. А.: 1) Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 3. С.121; 2) Дневник // Архив Н. А. Решетовской.

19. Решетовская Н. А. Хронограф // Там же.

20. Солженицын А. И. Бодался

теленос с дубом // Новыи мир. 1991.
№ 12. С.14.

21. Там же.

22. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

23. Там же.

24. Там же.

25. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия.

С.239.

26. Там же. См. также:

Решетовская Н. А. Хронограф //

Архив Н. А. Решетовской.

27. Там же.

28. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия.

С.239.

29. Там же.30 Там же.

31. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.96.

32. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.239.

33. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

34. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.240.

35. Решетовская Н. А.: 1) Александр Солженицын и читающая Россия. С.240; 2) Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

36. Там же.

37. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 3. С.122.

38. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

39. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.241.

40. Там же.

41. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

42. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 3. С.122.

43. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия.

С.241.

44. Там же. С.243.

45. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.99.

46. Там же.

47. Там же. С.100.

48. Там же.

49. Там же. С. 100–101.

50. Там же.

51. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 3. С.125.

52. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

53. Там же.

54. Там же.

55. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.101.

56. Там же.

57. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.247.

58. Там же. С. 244–247.

После самоотречения

1. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

2. Там же.

3. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.248.

4. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.14

5. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.281.

6. Из истории общественно-литературной борьбы 60-х годов. Твардовский, Солженицын, «Новый мир» по документам Союза писателей СССР. 1967–1970. Публикация Ю. Буртина и А. Воздвиженской // Октябрь. 1990. № 9. С.178.

7. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

8. Там же. См. также: Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 3. С. 130–131.

9. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.251.

10. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.101.

11. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.252.

12. Там же. С.253.

13. Решетовская Н. А. Дневник // Архив Н. А. Решетовской.

14. Там же.

15. Там же. См. также: Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия.

С. 252–253, 262–263.

16. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.254.

17. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.103.

18. Сахаров А.Д... Воспоминания // Знамя. 1990. № 12. С.91.

19. Там же. С. 92–93. Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров. М., 2002. С. 39–40.

20. Сахаров А. Д. Воспоминания Знамя. 1990. № 12. С. 92–93.

21. Там же. С.93.

22. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 6. С.101.

23. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 263–267.

24. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.105.

25. Там же. С. 112–113; Решетовская Н. А. Дневник // Архив Н. А. Решетовской.

26. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.105.

27. Там же. С. 105–106, 112–113.

28. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С. 12–15.

29. Решетовская Н. А. Дневник //

Архив Н. А. Решетовской.

30. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.103.

31. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С.19.

Вторая зима под Тарту

1. Перед отъездом он отправил Наталье Алексеевне открытку, которую она получила на следующий день, 3 декабря (Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской).

2. Солженицын А. И. Малое

собрание сочинений. Т.7. М., 1991. С.371.

3. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.137.

4. Там же.

5. Там же. С.136.

6. Там же. № 6. С. 106–107.

7. Солженицын А. И. Август Четырнадцатого // Звезда. 1990. № 12. С.44.

8. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.106–107.

9. Там же. № 11. С.138.

10. Решетовская Н. А. Дневник // Архив Н. А. Решетовской.

11. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.280.

12. Там же. С. 280–281.

13. Решетовская Н. А. Дневник // Архив Н. А. Решетовской.

14. Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 23 января 1993 г. // Архив автора.

15. Решетовская Н. А. Разрыв. Иркутск, 1992. С.9.

16. Решетовская Н. А. Дневник // Архив Н. А. Решетовской.

17. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.281.

18. Там же.

19. Там же.

20. Решетовская Н. А. Дневник //

Архив Н. А. Решетовской.

21. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.371.

22. Там же. С.382.

23. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.136.

24. Решетовская Н. А. Дневник. // Архив Н. А. Решетовской.

25. Запись беседы с Е. Ц. Чуковской. Москва. 6 июня 2003 г. По телефону // Архив автора.

26. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.104. № 11. С.136.

27. Запись беседы с бывшим редактором Лениздата В. Н. Буниным. С-Петербург. 25 мая

2003 // Архив автора.

28. Запись беседы с заведующей машинописным бюро Санкт-Петербургского Института истории РАН Инной Ивановной Крупской. СПб., 25 мая 2003 г. // Архив автора.

29. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Т.2. Paris, 1974. С.657.

30. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №.11. С.138.

31. Там же. С.141.

32. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.286.

33. Там же.

Весна 67-го

1. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С. 94–95.

2. Бетелл Н. Путешествие англичанина в поисках России. М., 2002. С.28.

3. Там же.

4. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.278.

5. Бетелл Н. Путешествие англичанина в поисках России. С.28.

6. Solzhenitsyn. A Documentary

Record. Edited and with an Introduction by Leopold Labedz. Baltimore, 1972. P.32.

7. Ibid.

8. Бетелл Н. Путешествие англичанина в поисках России. С. 28–29.

9. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

10. Там же.

11. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.288.

12. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.108.

13. Из истории общественно-литературной борьбы 60-х годов.

Твардовский, Солженицын, «Новый мир» по документам Союза писателей СССР. 1967–1970. Публикация Ю. Буртина и А. Воздвиженской // Октябрь. 1990. № 8. С.197.

14. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1990. № 6. С.109.

15. Там же. С. 108–111.

16. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С.22.

17. Решетовская Н.А Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

18. Храбровицкий А. В. Солженицын // Советская библиография. 1990. № 4. С.137.

19. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.288.

20. Решетовская Н.А Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

21. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.288.

22. Бетелл Н. Путешествие англичанина в поисках России. С. 28–29.

23. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С. 22–23.

24. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия... С.288.

25. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия // Дон. 1991. № 4. С.23.

26. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.294.

27. Бетелл Н. Путешествие англичанина в поисках России. С.29.

28. Решетовская Н. А. Дневник // Архив Н. А. Решетовской.

29. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.111.

30. One Day with Solzhenitsyn. An Interview, by Pavel Licko // Soizhenitsin. A Documentary Record. Edited and with an Introduction by Leopold Labedz. Baltimore, 1972. P. 32–38.

31. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

32. Бетелл Н. Путешествие англичанина в поисках России. С.29.

33. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С.24.

34. Андреева-Карлайл О. Солженицын: В круге тайном // Вопросы литературы. 1991. № 1. С.198.

35. Там же. С.195.

36. Там же.

37. Там же. С. 203–204.

38. Там же. С.205.

39. Там же. № 5. С. 171–173.

40. Там же. № 1. С.197, 200, 209–

41. Там же. С.225.

42. Там же. № 2 С.186.

43. Там же. № 2. С. 186–187.

44. Who is who in America. 40 ed.

1978–1979. Chicago, 1980. P.2826.

45. Карлайл О. В. Солженицын.

В круге тайном // Вопросы литературы. 1991. № 2. С. 202–203.

46. Там же. № 1. С.201. № 3.

С. 120–123. Флегон А. Вокруг Солженицына. L., 1981. Т.2. С.969.

47. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С.24.

48. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия. С.294.

49. Там же.

50. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

51. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.294.

52. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С.24.

53. Из истории общественно-литературной борьбы 60-х годов. Твардовский, Солженицын, «Новый мир» по документам Союза писателей СССР. 1967–1970. Публикация Ю. Буртина и А. Воздвиженской // Октябрь. 1990. № 9. С.178.

54. Там же.

55. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.294.

56. Там же. С.295.

57. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.116.

58. Там же. № 7. С.66.

59. Там же.

60. Кондратович

А. И. Новомировский дневник. 1967–1970. М., 1991. С.34;

61. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1990. № 7. С.66.

62. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия //

Дон. 1990. № 4. С.25.

63. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.295.

64. Шелепин А. Н. История — учитель суровый // Л. И. Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991. С.240.

65. Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 407–414.

66. Яковлев А. Н. Омут памяти. М., 2001. С.186–188.

67. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.295.

68. Там же. С.296.

69. Там же.

70. Там же.

71. Бетелл Н. Путешествие англичанина в поисках России. С. 29–30.

72. В Большом Кремлевском дворце // Литературная газета. 1967. 24 и 31 мая.

73. В Большом Кремлевском дворце // Там же. 31 мая.

74. Из истории общественно-литературной борьбы. Твардовский, Солженицын, «Новый мир» по документам Союза писателей СССР. П. «Дело Солженицына». Публикация Ю. Буртина и А. Воздвиженской // Октябрь. 1990. № 9. С.168.

75. Там же. С.171.

Глава 3

На пути к Нобелевской премии

Незаметный поворот

1. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.26.

2. Шнеерсон М. Александр Солженицын: очерки творчества. Франкфурт-на-Майне, 1984. С.258.

3. Документы из архива ЦК КПСС по делу А. И. Солженицына // Континент. №.75. Москва-Париж, 1993. С.173.

4. Решетовская Н. А. Хронограф
// Архив Н. А. Решетовской.

5. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С. 302–303.

6. История дипломатии. Т.5. М., 1979. С. 478–481.

7. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С.66.

8. Аграновский А. Апрель в Праге 1968 года // Знамя. 1990. № 1. С.173.

9. Документы из архива ЦК КПСС по делу А. И. Солженицына // Континент. № 75. Москва-Париж, 1993. С. 169–171.

10. Солженицын А. И. Бодался

теленос с дубом // Новыи мир. 1991. № 7. С.66.

10а. Угримов А. М. Из Москвы в Москву через париж и Воркуту. М., 204. С. 610–622

11. Информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС // Правда. 1967. 21 и 22 июня.

12. Яковлев А. Н. Омут памяти. М., 2001. С.187.

13. Там же. С.188.

14. Там же. С.187.

15. Бурлацкий Ф. М. Никита Хрущев и его советники, красные, черные, белые. М., 2002. С.333.

16. Аграновский А. Апрель в Праге 1968 года //Знамя. 1990. № 1. С.175.

17. Горбачев М. С. Власть и реформы. Кн.1. М., 1995. С.118.

18. Медведев Р. А. Неизвестный Андропов. Ростов-на-Дону, 1999. С.124.

19. Кондратович А. И. Новомировский дневник. 1967–1970. М., 1991. С.57.

20. Информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС // Правда. 1967. 22 июня.

21. Млечин Л. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М., 1999. С. 499–500.

22. Там же. С.500.

23. Медведев Р. А. Неизвестный Андропов. С. 117–118.

24. Млечин Л. Председатели

КГБ. Рассекреченные судьбы. С.500.

25. Там же.

26. Документы из архива ЦК КПСС по делу А. И. Солженицына // Континент. № 75. Москва-Париж, 1993. С.171.

27. Там же.

28. Там же. С.173.

29. Там же. С.174.

30. Там же.

31. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С.67. Кондратович А. И. Новомировский дневник. С. 33–35.

32. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С.67.

33. Там же. С. 67–72, 134–135.

34. Кондратович

А. И. Новомировский дневник. С.43.

35. Там же.

36. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С.34.

37. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

38. Кондратович

А. И. Новомировский дневник.
С. 52–53.

39. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

40. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия.

С.309.

41. Там же.

42. Там же. С. 309–310.

43. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С.37.

44. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 309–310; Прохватилов В. «Почта по кругу» (несколько страниц из книги, пока не изданной) // Звезда. 1994. № 6. С. 66–67.

45. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С.37.

46. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.311. Самутин Л. А. Я был

власовцем... СПб., 2002. С. 232–237.

47. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.312.

48. Кодратович А. И. Новомировский дневник. С.66.

49. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.312.

50. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

51. Там же. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 312–314.

52. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.138.

53. Эткинд Е. Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза. М., 2001. С. 403–404.

54. Чуковский К. И. Дневник. 1930–1969. М., 1997. С.392.

55. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 384–385 (фото).

56. Там же. С.314.

57. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1991. № 4. С.40.

58. Решетовская Н. А.: 1) Хронограф // Архив Н. А. Решетовской. 2) Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С.40.

59. Там же.

60.

Кондратович

А. И. Новомировский дневник. С.97.

61. Там же. С.106.

Из жизни отважного «копьеборца»

1. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С.44.

2. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С. 134–135.

3. Там же. С.76.

4. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С.45.

5. Там же. Солженицын

А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С. 76–79.

6. Там же. С.76.

7. Там же. С.77.

8. Там же. С.135. См. также: Там же. С. 151–157. Стенограмма заседания Секретариата Правления Союза писателей 22 сентября 1967 г. (Из истории общественно-литературной борьбы. Твардовский, Солженицын, «Новый мир» по документам Союза писателей СССР. П. «Дело Солженицына») // Октябрь. 1990. № 9. С. 171–204).

9. Бианки Н. Встречи в «Новом мире» (фрагменты из книги) // Книжное обозрение. 1990. 16 марта.

10. Там же.

11. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С.48.

12. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.27.

13. Андреева-Карлайл О. В круге тайном // Вопросы литературы. № 3. С. 97–101.

14. Там же. С.97.

15. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С.98.

16. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С. 50.

17. Цит. по: Решетовская Н. А. Александр Солженицын и

читающая Россия. С.280.

18. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С. 48–49.

19. Решетовская М.К. — Самутину Л. А. 8 октября 1967 г. Из Баку в Воркуту // Архив М. Л. Кузьминой.

20. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С.49.

21. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.326. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С. 65–79.

22. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия.

С.327.

23. Там же С.329.

24. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. №Дон. № 4. С.51.

25. Кондратович

А. И. Новомировский дневник. 1967–1970. М., 1991. С.127, 130.

26. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991.№ 7. С.80.

27. Там же. С. 80–83.

28. Там же. С.83, 147;
Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С.52.

29. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 7. С.83.

30. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С.52.

31. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С.83.

32. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С. 52–53.

33. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С. 147–148.

34. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия // Дон. 1990. № 4. С.53.

35. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 7. С.83.

36. Бетелл Н. Путешествие англичанина в поисках России. С.30.

37. Там же.

38. Там же. С. 30–31.

39. Там же. С. 31–32.

40. Решетовская

Н. А. Отлучение. Из жизни Александра Солженицына. Воспоминания жены. М., 1994. С.28.

41. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. № 11. С. 95–96.

42. Решетовская

Н. А. Отлучение. С. 28–29.

43. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.332.

44. Кондратович

А. И. Новомировский дневник.
С. 141–142.

45. Решетовская Н. А. Дневник // Архив Н. А. Решетовской.

46. Решетовская
Н. А. Хронограф // Там же.
Солженицын А. И. Бодался теленок с
дубом // Новый мир. 1991. № 7.
С. 83–85.

47. Там же. С.85. Решетовская
Н. А. Александр Солженицын и
читающая Россия // Дон. 1990. № 4.
С.53.

48. Кондратович
А. И. Новомировский дневник.
С. 150–152.

49. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия.
С.333.

50. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия //
Дон. 1990. № 4. С.57.

51. Решетовская Н. А. Дневник //
Архив Н. А. Решетовской.

52. Там же.

53. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.336.

54. Там же.

55. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 7. С.85.

56. Кондратович

А. И. Новомировский дневник.
С.157.

57. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 338–339;

58. Кондратович А. И. Новомировский дневник. С.160.

Вторая редакция «Архипелага»

1. Полная хронология XX века. Составитель Н. Уильямс. М., 1999. С.423, 426 Гордиевский О., Эндрю К. КГБ. Разведывательные операции от Ленина до Горбачева. М., 1999. С.515.

2. Аграновский А. Апрель в Праге 1968 года // Знамя. 1990. № 1.

С.173.

3. Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. Нью-Йорк, 1992. С.98.

4. Биляк В. Правда осталась правдой. Статьи речи. Октябрь 1967 года — декабрь 1970 года 2 изд. М., 1984. С. 7–23.

5. Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. С.98.

6. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.62.

7. Там же.

8. Там же.

9. Там же.

10. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С. 99–100.

11. Андреева-Карлайл

О. В. Солженицын: В круге тайном // Вопросы литературы. 1991. № 3. С. 123–124, 214–215.

12. Основанием для такой датировки является тот факт, что в декабре 1967 г. А. И. Солженицын был в Москве только в эти дни.

13. Андреева-Карлайл

О. В. Солженицын: В круге последнем // Вопросы литературы. 1991. № 3. С. 123–124.

14. Якович Е. За строкой «Архипелага»: «Кланяюсь им» // Литературная газета. 1989. 2 ноября.

15. Решетовская Н. А. Дневник // Архив Н. А. Решетовской.

16. Там же.

17. Решетовская

Н. А. Отлучение. Из жизни
Александра Солженицына.
Воспоминания жены. М., 1994. С.10.

18. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия //
Дон. 1990. № 4. С.63.

19. «Надо решать вопросы
литературной жизни». Письма
А. Твардовского к К.А. Федину //
Октябрь. 1990. 2. С. 195–203.

20. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 8. С.69.

21. Решетовская

Н. А. Отлучение. С.10.

22. Там же. С. 11–12.

23. Там же.

24. Якович Е. За строкой
Архипелага: Кланяюсь им //

Литературная газета. 1989. 2 ноября.

25. Решетовская Н. А. Дневник //

Архив Н. А. Решетовской.

26. Там же.

27. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.351.

28. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 7. С.87.

29. Решетовская
Н. А. Отлучение. С.16.

30. Решетовская М.К. —
Л. А. Самутину. 3 марта 1968 г. Из
Рязани в Воркуту // Архив
М. Л. Кузьминой.

31. Решетовская

Н. А. Отлучение. С.17.

32. Томашевская З. Б. И сей день
не без завтрашнего // Звезда. 1994.
№ 6. С. 73–81.

33. Самутин Л. А. Я был
власовцем... СПб., 2002. С. 244–254.

34. Решетовская
Н. А. Отлучение. С. 16–18.

35. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.351.

36. Там же.

37. Решетовская Н. А. Дневник //
Архив Н. А. Решетовской.

38. Там же.

39. Солженицын А. И. Малое
собрание сочинений. Т.7. М., 1991.

С.382.

40.

Храбровицкий

А. В. Солженицын // Советская
библиография. 1990. № 4. С.140.

41. Там же. С.139.

В лучах «пражской весны»

1. Яковлев Н. Н. Мечтатель с
Лубянки // Молодая гвардия. 1992.
№ 8. С. 147–167.

2. К.Х К 10-летию избрания
Дубчека // Русская мысль. 1978. 2
февраля.

3. Полная хронология XX века.
Составитель Н. Уильямс. М., 1999.
С.431.

4. Там же. С.432.

5. Медведев Р. А. Неизвестный Андропов. Ростов-на-Дону, 1999. С.210.

6. Крышук Н., Лурье С. Свобода важнее демократии // Нева. 1989. № 9. С.126.

7. Мильштейн И. Человек имеет право // Миф о застое. Л., 1991. С.118.

8. Там же. С.121.

9. Орлова Р. Д. Воспоминания о непрошедшем времени. М., 1993. С.354. Решетовская Н. А. Отлучение. Из жизни Александра Солженицына. Воспоминания жены. М., 1994. С.279.

10. Сахаров А. Д. Воспоминания

// Знамя. 1990. № 12. С.94.

11. Там же. 1991. № 1. С.165.

12. Там же.

13. Там же. С. 166–167.

14. Там же. С.167.

15. Медведев Р. А. Неизвестный Андропов. Ростов-на-Дону, 1999. С.187.

16. Там же. С.189.

17. Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. М., 1997. С. 24–25.

18. Там же. С.25.

19. Там же.

20. Там же. С. 25–26.

21. Сахаров А. Д. Воспоминания

// Знамя. 1991. №.1. С.168.

22.

Лобанов

М. П. Просвещенное мещанство // Молодая гвардия. 1968. № 4. С. 294–306.

23. Янов А. Л. Русская идея и 2000-й год // Нева. 1990. № 10. С.151.

24. Там же. С.152.

25. Там же.

26. Чалмаев В. А. Неизбежность // Молодая гвардия. 1968. № 9. С. 259–289.

27. Янов А. Русская идея и 2000-й год // Нева. 1990. № 10. С.153.

28. Яковлев. Омут памяти. М., 2001. С.177.

Завершение «Архипелага»

1. Решетовская Н. А. Отлучение. Из жизни Александра Солженицына. Воспоминания жены. М., 1994. С.19.

2. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.14.

3. Там же. С.7.

4. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

5. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С.88.

6. Кондратенко

А. И. Новомировский дневник. 1967–1970. М., 1991. С.220.

7. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С.89.

8. Документы по «делу»
А. Солженицына // Новый журнал.
1968. Кн.93. С.220.

9. Там же. С. 209–268.

10. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 7. С.89.

11. Там же. С.91.

12. Российская еврейская
энциклопедия. Т.2. М., 1995. С.201.

13. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 7. С. 89–90.

14. Там же. С.91.

15. Там же. С. 91–92.

16. Солженицын А. И. Угодило
зернышко промеж двух жерновов //
Новый мир. № 11. С.96.

17. Бетелл Н. Путешествие англичанина в поисках России. М., 2002. С. 33–34.

18. Там же. С. 34–35.

19. Солженицын А. И. Попало зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. № 11. С.96.

20. Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С. 347–348.

21. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С.92.

22. Там же. С.9.

23. Там же. С.150.

24. Бетелл Н. Путешествие англичанина в поисках России. С.34.

25. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.141.

26. Там же. № 12. С.14.
Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

27. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.14.

28. Там же.

29. Там же. № 7. С.93.

30. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.354.

31. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С.96.

32. Беседа со студентами

Цюрихского университета. 20
февраля 1975 г. // Публицистика. Т.2.
Ярославль, 1996. С.215.

33. Решетовская Н. А. Разрыв.
Иркутск, 1992. С.149.

34. Кремлевский самосуд.
Секретные документы Политбюро о
писателе А. Солженицыне. М...
1994. С.236.

35. Солженицын А. И. Бодался
Теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 8. С.18.

36. Солженицын А. И. Бодался
теленки с дубом. Paris. 1975. С.338.

37. Там же. С.412.

38. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С. 355–356.

39. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.32.

40. Там же. С. 28–29.

41. Там же. № 7. С.97.

На пороге мировой славы

1. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.1. М., 1991. С.343.

2. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С. 358–359.

3. Уильсон Н. Полная хронология XX века. М., 1999. С.433.

4. Орлова Р. Д. Воспоминания о

непрошедшем времени. М., 1993. С.354.

5. Сахаров А. Д. Воспоминания // Знамя. 1991. № 1. С. 172–174.
Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.52, № 12. С.41.

6. Там же.

7. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.552.

8. Запись беседы с Алексеем Брониславовичем Сосинским. Москва. 3 июня 2003 г. // Архив автора.

9. Там же.

10. Розанова М. «Солженицын

полоснул меня таким взглядом, что я поняла — это враг на всю жизнь». // Комсомольская правда. 1999. 13 января.

11. Запись беседы с А. Б. Сосинским. Москва. 3 июня 2003 г. // Архив автора.

12. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.42.

13. Там же. С.15.

14. Медведев Ж. А. Десять лет после Одного дня Ивана Денисовича. Лондон, 1973. С.110. Решетовская Н. А. Отлучение. Из жизни Александра Солженицына. Воспоминания его жены Натальи Решетовской. М., 1994. С.72.

15. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.47.

16. Российская еврейская энциклопедия. Т.2. С.272; И было утро. Воспоминания об отце Александре Мене. М., 1992; Памяти протоиерея Александра Меня. Сборник. М., 1991.

17. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.361.

18. Там же. См. также: Решетовская Н. А. Отлучение. С. 40–41.

19. Медведев Ж. А. Десять лет после Ивана Денисовича. С.153.

20. Солженицын А. И. Бодался

теленек с дубом // Новый мир. 1991.
№ 7. С.97.

21. Идейная борьба.
Ответственность писателя //

Литературная газета. 1968. 26 июня.

22. Бетелл Н. Путешествие
англичанина в поисках России. М.,
2002. С.35.

23. Солженицын А. И. Бодался
теленек с дубом // Новый мир. 1991.
№ 7. С.97, 99.

24. Медведев Ж. А. Десять лет
спустя после Ивана Денисовича.
С.111.

25. Солженицын А. И. В круге
первом. Paris, 1969.

26. Шнеерсон М. Александр
Солженицын: очерки творчества.

Франкфурт-на-Майне, 1984. С. 370–385.

27. Андреева-Карлайл О. В. В кругу тайном // Вопросы литературы. 1991. № 3. С. 186–187.

28. Кондратович А. И. Новомировский дневник. 1967–1970. М., 1991. С.295.

29. Там же. С.298.

30. Решетовская Н. А. Отлучение. С. 85–86.

31. Медведев Ж. А. Десять лет спустя после Ивана Денисовича. С.111.

32. Решетовская Н. А. Отлучение. С.87.

33. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

34. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.7.

35. Там же. № 7. С.88.

36. Решетовская

Н. А. Отлучение. С.91.

37. Там же. С.94.

38. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

39. Там же.

40. Там же.

41. Андреева-Карлайл

О. В. Солженицын: В круге тайном // Вопросы литературы. № 3. С.196, 199–200.

42. Решетовская Н. А. Александр

Солженицын и читающая Россия.
С.366.

43. Решетовская
Н. А. Отлучение. С.100.

44. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 7. С.109.

45. Там же. С.99.

В преддверии эпопеи

1. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 12. С.42.

2. Там же. С. 47–49.

3. Там же. С.47.

4. Там же. Левитин- Краснов

А. Евгений Барабанов // Русская мысль. 1975. 9 октября. Biographical Dictionary of Dissidents in The Soviet Union. 1956–1975. / Compiled and edited by S.P. de Boer, E. I. Drissen and H. L. Verhaar. Hague — Boston — L., 1982. P.39.

5. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.47.

6. Там же. Biographical Dictionary of Dissidents in The Soviet Union. 1956–1975. P.63.

7. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.48.

8. Там же. С. 49–50.

9. Там же. С.50.

10. Там же. № 12. С.51.

11. Кондратович

А. И. Новомировский дневник. 1967–1970. М., 1991. С.329.

12. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.367.

13. Решетовская М.К. — Л. А. Самутину. 13 декабря 1968 // Архив М. Л. Кузьминой.

14. Самутин Л. А. Я был власовцем... СПб., 2002. С. 248–254.

15. Решетовская Н. А. Отлучение. Из жизни Александра Солженицына. Воспоминания жены. М., 1994. С.103.

16. Там же.

17. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С.99.

18. Решетовская М.К. — Л. А. Самутину. 13 декабря 1968 // Архив М. Л. Кузьминой.

19. Там же.

20. Гарасева А. М. Я жила в самой бесчеловечной стране... М., 1997. С.281.

21. Там же.

22. Решетовская
Н. А. Отлучение. С.103.

23. Кондратович
А. И. Новомировский дневник.
С.331.

24. Андреева-Карлайл
О. В. Солженицын: в круге

последнем // Вопросы литературы.
1991. № 4. С.203.

25. Там же. С.207.

26. Солженицын А. И. Бодалося
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 12. С.42.

27. Там же. № 8. С. 7–8.

28. Иллеш А. Кто он —
диссидент № 1? // Звезда. 1990. № 3.
С.143.

29. Солженицын А.и. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 11. С.138.

30. Решетовская
Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

31. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 7. С.111.

32. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.368.

33. Там же.

34. Александр Солженицын. Евреи в СССР и в будущей России. Анатолий Сидорченко. *Soli deo Gloria*. «Тиходонская» трагедия писателя Федора Крюкова. Славянск, 2000. С.74.

35. Biographical Dictionary of Dissidents in The Soviet Union. 1956–1975. / Compiled and edited by S.P. de Boer, E. I. Drissen and H. L. Verhaar. Hague — Boston — L., 1982. P. 178–180. Григоренко П. Воспоминания // Звезда.1990. № 10. С.204.

36. Там же. № 12. С. 168–171.

37. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

38. Там же.

39. Александр Солженицын и
читающая Россия. С.369.

40. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив

Н. А. Решетовской.

41. История дипломатии. Т.5.
1979. С.426.

Начало эпопеи

1. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 12. С.70.

2. Решетовская Н. А. Хронограф
// Архив Н. А. Решетовской.

3. Солженицын А. И. Интервью
с Даниэлем Рондо для парижской
газеты Либерасьон. Кавендиш, 1
ноября 1983 // Публицистика. Т.3.
Ярославль, 1997. С.197.

4. Солженицын А. И. Август
Четырнадцатого // Звезда. 1990.
№ 12. С.44.

5. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия. М.,
1990. С.370.

6. Там же.

7. Там же.

8. Солженицын

А. И. Радиоинтервью к 20-летию

выхода Одного дня Ивана
Денисовича для Би-Би-Си (интервью
ведет Барри Холланд). Кавендиш, 8
июня 1982 // Публицистика. Т.3.
С. 29–30.

9. Солженицын А. И. Август
Четырнадцатого // Звезда. 1990.
№ 12. С.44.

10. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С. 370–371.

11. Решетовская Н. А. Сеславино
в моей жизни // Кубань. 1990. № 4.
С.46.

12. Решетовской
Н. А. Александр Солженицын и
читающая Россия. С.371.

13. Там же.

14. Там же. 371–372.

15. Там же.

16. Григоренко

П. Г. Воспоминания // Звезда. 1990.
№ 12. С.175.

17. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.372.

18. Дементьев А. О традициях и
народности (литературные заметки)
// Новый мир. 1969. № 4. С. 215–235.

19. Кондратович

А. И. Новомировский дневник. 1967–
1970 гг. М., 1991. С.405.

20. Чуковский К. И. Дневник.
1930–1969. М., 1997. С.466.
Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.

С.372.

21. Там же. С. 372–374.

22. Там же С.374.

23. Решетовская

Н. А. Отлучение. С.145.

24. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.376.

25. Там же. С. 376–377.

26. Кондратович

А. И. Новомировский дневник. С. 420–421.

27. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.377.

28. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.8.

29. Там же.

30. Буковский В. Московский процесс. Париж-Москва, 1996. С.190.

31. Давыдов О. Квадратура Круга // Независимая газета. 1992. 24 июля.

32. Решетовская Н. А. Отлучение. С.149.

33. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.377.

34. Там же. С.376.

35. Решетовская Н. А. Отлучение. С. 145–146.

36. Кондратович А. И. Новомировский дневник. С.424. Яковлев А. Н. Омут памяти. М., 2001. С.176.

37. Солженицын А. И. Бодался

теленек с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С. 114–115.

38. Там же. С. 111–114.

39. Вишневская Г. П. Галина. Минск, 1997. С.482.

40. Решетовская Н. А. Сеславино в моей жизни // Кубань. 1990. № 4. С. 47–48.

41. Вишневская Г. Солженицын и Ростропович // Юность. 1989. № 6. С.73.

42. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.51.

43. Решетовская Н. А. Сеславино в моей жизни // Кубань. 1990. № 4. С.49.

44. Солженицын А. И. Бодался

теленек с дубом // Новый мир. 1991.
№ 8. С.10.

45. Солженицын

А. И. Публицистика. Т.1. Ярославль,
1995. С. 26–48.

46. Там же. С. 24–35.

47. Там же. С. С.41.

48. Там же. С. С. 38–39.

49. Андреева-Карлайл

О. В. Солженицын: В круге тайном // Вопросы литературы. № 4. С. 207–208.

50. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Paris. 1975. С.338.

51. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.379.

52. Солженицын А. И. Бодался

теленек с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С.116.

53. Решетовская Н. А. Сеславино в моей жизни // Кубань. 1990. № 4. С.49.

54. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.103.

55. Решетовская Н. А. Отлучение. С.169.

56. Там же. С.170.

«Свободный художник»

1. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С.117.

2. Там же.

3. Там же. С. 118–120.

4. Из истории общественно-литературной борьбы. Твардовский, Солженицын, «Новый мир» по документам Союза писателей СССР. III. Исключение Солженицына из Союза писателей (ноябрь-декабрь 1969 г.). Публикация Ю. Буртина и А. Воздвиженской // Октябрь. 1990. № 10. С. 178–179.

5. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.44.

6. Решетовская Н. А. Сеславино в моей жизни // Кубань. 1990. № 4. С.50.

7. Документы из архива ЦК

КПСС по делу А. И. Солженицына // Континент. 1993. № 75. С. 180–181.

8. Кондратович

А. И. Новомировский дневник. 1967–1970. М., 1991. С. 445.

9. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Там же. № 7. С. 120.

10. Там же. С. 120–121.

11. Гарасева А. М. Я жила в самой бесчеловечной стране... Воспоминания анархистки. М., 1997. С. 283.

12. Из истории общественно-литературной борьбы. Твардовский, Солженицын, «Новый мир» по документам Союза писателей СССР. III. Исключение Солженицына из

Союза писателей (ноябрь-декабрь 1969 г.). Публикация Ю. Буртина и А. Воздвиженской // Октябрь. № 10. С. 180–203.

13. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С.122.

14. Кондратович А. И. Новомировский дневник. С.447.

15. Можаяев Б. А. Еще о каиновой печати и нательном кресте (Об авторе «Архипелага», о судьбе книги «Бодался теленок с дубом» и прочих «старых историях» // Книжное обозрение. 1990. 6 апреля.

16. Из истории общественно-литературной борьбы. Твардовский,

Солженицын, «Новый мир» по документам Союза писателей СССР. IV. Ликвидация «Нового мира» (февраль 1970 г.). Публикация Ю. Буртина и А. Воздвиженской // Октябрь. 1990. № 11. С.177.

17. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.44.

18. Там же. № 7. С. 123–124.

19. Солженицын А. И. Открытое письмо Секретариату Союза писателей РСФСР. 12 ноября 1969 г. // Публицистика. Т.2. С.37.

20. Там же.

21. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.44.

22. Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С. 395–414.

23. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М... 1990. С. 384–385.

24. Там же. С.387.

25. Медведев Р. А. Неизвестный Андропов. Ростов-на-Дону, 1999. С.174.

26. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.387.

27. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.9.

28. От Секретариата Правления

Союза писателей РСФСР // Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С. 405–408.

29. Там же. С.409.

30. Решетовская

Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

31. Решетовская Н. А. Сеславино в моей жизни // Кубань. 1990. № 4. С.51.

32. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.10.

33. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.389.

34. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С.116.

35. Решетовская Н. А. Хронограф // Архив Н. А. Решетовской.

36. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.389.

37. Там же. С.390.

38. Решетовская Н. А. Сеславино в моей жизни // Кубань. 1990. № 4. С. 52–53.

39. Из истории общественно-литературной борьбы. Твардовский, Солженицын, «Новый мир» по документам Союза писателей СССР. IV. Ликвидация «Нового мира»

(февраль 1970 г.). Публикация
Ю. Буртина и А. Воздвиженской // Октябрь. 1990. № 11. С.177.

40. Там же. С.184.

41. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С.128.

42. Кондратович
А. И. Новомировский дневник.
С.495.

43. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С.128.

44. Кондратович
А. И. Новомировский дневник.
С.495.

45. Из истории общественно-литературной борьбы. Твардовский,

Солженицын, «Новый мир» по документам Союза писателей СССР. IV. Ликвидация «Нового мира» (февраль 1970 г.). Публикация Ю. Буртина и А. Воздвиженской // Октябрь. 1990. № 11. С.186.

46. Там же.

47. Кондратович

А. И. Новомировский дневник. С.501.

48. Из истории общественно-литературной борьбы. Твардовский, Солженицын, «Новый мир» по документам Союза писателей СССР. IV. Ликвидация «Нового мира» (февраль 1970 г.). Публикация Ю. Буртина и А. Воздвиженской // Октябрь. 1990. № 11. С.187.

49. Солженицын А. И. Богатырь
// Новый мир. 2000. № 6. С.129-

50. Янов А. Л. Русская идея и
2000-й год // Нева. 1990. № 10. С.154.

51. Там же. Семанов С. Н. Семь
тайн генсека с Лубянки. М., С.143.

52. Там же.

53. Янов А. Л. Русская идея и
2000-й год // Нева. 1990. № 10.
С. 154–155.

54. Там же. С. 157–158.

55. Там же. С.158.

56. Яковлев А. Н. Омут памяти.
М., 2001. С.189.

57. Янов А. Л. Русская идея и
2000-й год // Нева. 1990. № 10. С.159.

58. Там же.

59. Яковлев А. Н. Омут памяти.

На финишной прямой

1. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.51.

2. Медведев Ж. А. Десять лет спустя после Ивана Денисовича. Лондон, 1973. С.147.

3. Андреева-Карлай О. В. Солженицын: в круге тайном // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 221–222.

4. Там же. С. 213–215.

5. Там же. С.217.

6. Там же. С. 217–218.

7. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир.1998. № 11. С.109.

8. Бетелл Н. Путешествие англичанина в поисках России. М... 2002. С.38.

9. Там же. С. 38–39.

10. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир.1998. № 11. С.110.

11. Решетовская Н. А. Сеславино в моей жизни // Кубань. 1990. № 4. С.53.

12. Там же.

13. Там же. С. 53–54.

14. 30 декабря 1970 г. у нее родился второй сын, которого назвали Ермолай (Вишневская

Г. П. Галина, Минск, 1997. С.505).

15. Гродзенский С. Я. Миша // Звезда. 1994. № 6. С.64.

16. Решетовская
Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

17. Там же.

18. Медведев Ж. А. Десять лет
после Одного дня Ивана Денисовича.
С.148.

19. Медведев Р. А. Солженицын
и Сахаров. М., 2002. С.7.

20. «Без коренной
демократизации наше общество не
сможет разрешить стоящих перед
ним проблем». Письмо
А. Д. Сахарова, В. Ф. Турчина,
Р. А. Медведева в ЦК КПСС //

Известия ЦК КПСС. 1990. № 11.
С. 150–159.

21. Сахаров А. Д. Воспоминания
// Знамя. 1991. № 1. С.182.

22. Решетовская Н. А. Сеславино
в моей жизни // Кубань. № 4. 1990.
С.54.

23. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.
С.393.

24. Решетовская
Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

25. Медведев Р. Неизвестный
Андропов. М., 1999. С.213.

26. Сахаров А. Д. Воспоминания
// Знамя. 1991. № 1. С.185.

27. Документы из архива ЦК

КПСС по делу А. И. Солженицына.
Публикация А. Петрова // Континент.
М-Париж, 1993. № 75. С.183.

28. Медведев Ж. А. Десять лет
спустя после Ивана Денисовича.
С.148.

29. Решетовская Н. А. Сеславино
в моей жизни // Кубань. 1990. № 4.
С.54. Солженицын А. И. Бодался
теленоч с дубом // Новый мир. 1991.
№ 8. С.10.

30. Решетовская
Н. А. Хронограф // Архив
Н. А. Решетовской.

31. Сахаров А. Д. Воспоминания
// Знамя. 1991. № 1. С.186.

32. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия.

С.397.

33. Медведев Ж. А. Десять лет после Одного дня Ивана Денисовича. Лондон, 1973. С.153.

34. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.11.

35. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С. 398–401

36. Решетовская Н. А. Дневник. Копия // Архив Н. А. Решетовской

37. Решетовская Н. А. Отлучение. С. 278–280.

38. Решетовская Н. А. «Сеславино» в моей жизни // Кубань. 1990. № 4. С.58.

Глава 4

Непризнанный гений

Нобелевский лауреат

1. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.87.

2. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 11–12.

3. Там же.

4. Кремлевский самосуд. С. 92–93.

5. Решетовская Н. А. Разрыв.

Иркутск, 1992. С.12.

6. Кремлевский самосуд. С.103.

7. Сахаров А. Д. Воспоминания.
// Знамя. 1991. № 1. С. 184–188. № 2.
С.155.

8. Там же. № 1. С.191.

9. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 8. С.53.

10. Там же. С.14.

11. Кремлевский самосуд.
С. 132–135.

12. Медведев Ж. А. Десять лет
спустя после Ивана Денисовича.
С.163.

13. Кремлевский самосуд. С.138.

14. Медведев Ж. А. Десять лет
после Одного дня Ивана Денисовича.

С.161.

15. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.53.16 Сахаров А.Д. Воспоминания // Знамя. 1991. № 2.

С.135.

17. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 16–17.

18. Вишневская Г. «Родину дает нам Бог» // Книжное обозрение. 1990. 9 февраля.

19. Солженицын А. И. Август Четырнадцатого // Звезда. 1990. № 12. С.44.

20. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.11.

21. Вишневская Г. П. Галина. Минск, 1997. С.505.

22. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.18.

23. Там же. № 8. С.20.

24. Солженицын А. И. Пресс — конференция в Париже 10 апреля 1975 // Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С. 236–237.

25. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.20.

Публикация «Августа»

1. Солженицын А. И. Бодался

теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С. 79–134.

2. Там же. № 12. С.52.

3. Там же. С.49.

4. Там же. № 8. С. 19–20.

5. Там же. № 12. С.52.

6. Солженицын А. И. Август четырнадцатого (10–21 августа ст. ст.). Узел I. Paris, 1971. С.572.

7. Андреева-Карлайл О. В. Солженицын: В круге последнем // Вопросы литературы. 1991. № 5. С.175.

8. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.22.

9. Там же. № 12. С.46.

10. Там же. С.49.

11. Там же. С.53.

12. Там же. № 8. С.22.

13. Там же.

14. Медведев Ж. А. Десять лет спустя после Ивана Денисовича. Лондон, 1973. С.179.

15. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 157–166.

16. Солженицын А. И. Август Четырнадцатого // Звезда. 1990. № 12. С.44.

17. Печать о Солженицыне. М., 1972.

18. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.27.

19. Цит. по: Ж. Нива
Солженицын // Дружба народов.
1990. № 5. С.203.

20. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 8. С.23.

21. Солженицын А. И. Август
четырнадцатого (10–21 августа ст.
ст.) Узел I. Paris, 1971. С.572.

22. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 8. С.19.

23. Солженицын А. И. Красное
колесо. Повествование в отмеренных
сроках. Узел II. Октябрь
Шестнадцатого // Наш современник.
1990. № 1. С.69.

24. Солженицын А. И. Бодался

теленок с дубом // Новый мир. 1991.
Там же. № 12. С. 18–19.

Когда не пишется

1. Решетовская Н. А. Разрыв. Иркутск, 1992. С. 8–10.
 2. Там же. С. 12–13.
 3. Там же. С. 15–17.
 4. Самутин Л. А. Я был власовцем... СПб., 2002. С.285.
 5. Решетовская Н. А. Разрыв. С.17.
 6. Там же. С. 17–21.
 7. Там же. С. 24–25.
- Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11.

С.125.

8. Там же.

9. Эткинд Е. Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб., 2001. С.76.

10. Решетовская Н. А. Разрыв. С.27.

11. Там же. С. 27–28.

12. Хейфец М. Русский патриот Владимир Осипов // Континент. 1981. № 27. С. 159–214. № 28. С. 134–181. Biographical Dictionary of Dissidents in The Soviet Union. 1956–1975. / Compiled and edited by S.P. de Boer, E. I. Drissen and H. L. Verhaar. Hague — Boston — L., 1982. P.409. Янов А. Л. Русская идея и 2000-й год // Нева. 1990. № 10. С. 160–167.

Померанц Г. Корзина цветов
нобелевскому лауреату // Октябрь.
1990. № 11. С. 144–148.

13. Митрохин Н. А. Русская
партия. Движение русских
националистов в СССР. 1953–1985.
М., 2003. С.472. См. также: 204–205,
460.

14. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 8.С.24.

15. Решетовская Н. А. Разрыв.
С. 29–30.

16. Там же. С. 30–34.

17. Там же. С. 34–36.

18. Там же. С. 36–38.

19. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 8. С.24.

20. Угримов А. А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М., 2004. С. 581–582

21. К истории покушения на А. И. Солженицына в августе 1971 г. // Русская мысль. 1992. 29 мая.

22. Горлов А. Случай на даче // Нева. 1991. № 5. С. 130–131.

23. Там же. С. 131–134.

24. Кремлевский самосуд. С. 167–168.

25. Там же. С. 166–167.

26. Солженицын А. И. Потёмщики света не ищут // Комсомольская правда. 2003. 23 октября

27. Жуков Н. Два года до

изгнания. Дневниковые записи
личного врача писателя
А. И. Солженицына // Побратим. М.,
№ 4.

*Страсти вокруг Нобелевской
премии*

1. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 8. С.28.

2. Там же. С.27.

3. Там же. С.100.

4. Там же. С.101.

5. Там же.

6. Там же.

7. Там же. С. 101–103.

8. Там же. С.28.

9. Медведев Ж. А. Десять лет спустя после «Одного дня Ивана Денисовича». Лондон, 1973. С. 185–186.

10. Солженицын А. И. Публицистика. Т.1. Ярославль, 1995. С.703.

11. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.28.

12. Солженицын А. И. Публицистика. Т.1. С.705.

13. Солженицын А. И. Всероссийскому Патриарху Пимену // Там же. Т.1. С. 133–137.

14. Там же.

15. Солженицын А. И. Бодался

теленек с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.18.

16. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М... 1994. С. 195–196.

17. Орлова Р. Д., Копелев Л. К. Мы жили в Москве. 1956–1980. М, 1988. С.172.

18. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.23.

19. Орлова Р. Д., Копелев Л. К. Мы жили в Москве. С.173.

20. Кремлевский самосуд. С.197.

21. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.57.

22. См., например: Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.387. Т.6. С.31.

23. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.142.

24. Там же.

25. Передача «Секретные встречи в Москве» с участием А. И. Солженицына и С. Фредриксона по российскому телевидению 11 декабря 1993 г.

26. Кремлевский самосуд. С. 217–219.

27. Там же.

28. Там же.

29. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 8. С.30,

30. Там же. С. 103–111.

31. Кремлевский самосуд. С.218.

32. Солженицын А. И. Бодался

теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 8. С.30.

33. Там же.

34. Кремлевский самосуд. С.193.

35. Солженицын А. И. Бодался

теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 8. С. 30–31.

36. Там же.

37. Там же.

38. Там же. С. 28–29.

39. Кремлевский самосуд. С.

176.

40. Там же. С.190.

41. Там же. С. 190–191.

42. Кремлевский самосуд.
С. 198–201.
43. Там же. С. 202.
44. Там же. С. 203–217.
45. Там же. С. 227–228.
46. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 8. С.30.
47. Кремлевский самосуд. С.221.

Развод

1. Решетовская Н. А. Разрыв.
Иркутск, 1992. С.71.
2. Там же.
3. Эткинд Е. Г. Записки
незаговорщика. Барселонская проза.

СПб., 2001. С.425.

4. Там же. С. 425—426.

5. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.37.

6. Солженицын А. И. Радиоинтервью компании Би-Би-Си (интервью ведет И. И. Сапиэт). Кавендиш, февраль 1979 // Публицистика. Т.2. Ярославль. 1996. С.484.

7. Солженицын А. И. Радиоинтервью о «Красном колесе» для «Голоса Америки». 31 мая 1984 // Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С. 253—254.

8. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 8. С.31.

9. Писарев Е. История автографа Солженицына // Российская газета. 1992. 29 августа. Солженицын в Тамбове 26 мая 1972 г. // Содействие. Тамбов. 1989. № 12.

10. Решетовская Н. А. Разрыв. Иркутск, 1992. С.71.

11. Там же.

12. Там же. С.46.

13. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.85.

14. Разрыв. С.47, 53–54, 70.

15. Там же. С. 74–76.

16. Действия Солженицына контролируются // Источник. 1994. № 2(9). С. 97–98.

17. Хейфец М. Русский патриот Владимир Осипов // Континент. 1981. № 28. С. 159–163.

18. Решетовская Н. А. Разрыв. С. 78–79. Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 23 января 1993 г. // Архив автора.

19. Решетовская Н. А. Разрыв. С.78.

20. Там же. С. 79–80. Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 23 января 1993 г. // Архив автора.

21. Решетовская Н. А. Разрыв. С.82, 84, 90, 95.

22. Там же. С. 94–95.

23. Там же. С.109.

24. Там же. С.112.

25. Там же. С. 113–119.

26. Там же. С. 117–124.

27. Там же. С.126.

28. Андреева-Карлайл

О. В. Солженицын: В Круге тайном // Вопросы литературы. № 5. С.181.

29. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С.111.

30. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.32.

31. Владимиров С. Солженицын в рубище // В круге последнем. М., 1974. С. 120–123.

32. Решетовская Н. А. Разрыв. С.127.

33. Там же. С. 127–133.

34. Там же. С.133.

35. Там же. С. 143–144.

36. Там же. С.134.

37. Документы из архива ЦК КПСС по делу А. И. Солженицына. Публикация А. Петрова // Континент. М.-Париж, 1993. № 75. С.191.

38. Там же. С. 191–192.

39. Там же. С.192.

40. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 112–113.

Лето 73-го

1. Томашевская З. Б. И сей день не без завтрашнего // Звезда. 1994. № 6. С. 73–81.

2. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.34.

3. Два года до высылки. Дневниковые записи личного врача писателя А. И. Солженицына — Н. Жукова // Побратим. М., 1990. № 4.

4. Решетовская Н. А. Разрыв. Иркутск, 1992. С. 138–150.

5. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. № 12. С.19.

6. Решетовская Н. А. Разрыв. С.146.

7. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.37.

8. Там же. С.36.

9. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 9. С.117.

10. Вишневская Г. П. Солженицын и Ростропович // Юность. 1989. № 7. С.94.

11. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Там же. 1991. № 8. С.36.

12. Там же. С.37.

13. Решетовская Н. А. Разрыв. С. 148–151.

14. Там же. С. 151–152.

15. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С. 63–64.

16. Там же. № 8. С. 37–38.

17. Сахаров А. Д. Воспоминания
// Знамя. 1991. № 2. С.171.

18. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 8. С. 112–116.

19. Там же. С.38.

20. Там же. С.40.

21. Кремлевский самосуд.
Секретные документы Политбюро о
писателе А. Солженицыне. М., 1994.
С. 229–234.

22. Там же. С.234.

23. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 11. С.143.

24. Кремлевский самосуд.
С. 235–236.

25. Солженицын А. И. Бодался

теленек с дубом // Новый мир. 1991.
№ 11. С.143.

26. О смерти Елизаветы
Денисовны Воронянской.
Публикация Т. Зазориной.
Примечания В. Иофе // Звезда. 1994.
№ 6. С. 81–84.

27. Самутин Л. А. Я был
власовцем... СПб., 2002. С. 197–198.

28. Там же. С.199.

29. Там же. С.201.

30. Солженицын А. И. Бодался
теленек с дубом // Новый мир. 1991.
№ 11. С.144.

31. Самутин Л. А. Я был
власовцем... С.201–210.

32. Солженицын А. И. Бодался
теленек с дубом // Новый мир. 1991.

№ 11. С.142.

33. Воронель Н. Без прикрас. Воспоминания. М., 2003. С.180.

34. Бианки-Ливеровская Е. В. «Гулаг» в земельной банке // Час пик. 1990. 10 декабря.

35. Самутин Л. А. Я был власовцем... С.212–217.

36. Там же. С. 217–219.

37. Эткинд Е. Г. Записки незаговорщика. Барселонвская проза. Спб, 2001. С.81.

38. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 145–146.

39. Там же. № 8. С. 41–42.

40. Там же. С.39.

41. Там же. С.41.

42. Там же. № 12. С.64. См.
также: № 11. С.146.

43. Там же. № 8. С.40.

44. Там же. № 12. С.57.

45. Там же.

46. Кремлевский самосуд. С.236.

47. Решетовская Н. А. Разрыв.
С.148.

48. Там же. С. 133.

В ожидании «Архипелага»

1. Кремлевский самосуд.
Секретные документы Политбюро о
писателе А. Солженицыне. М., 1994.
С.246.

2. Там же. С.251.

3. Там же. С. 290–319.

4. Там же. С. 329–330.

5. Там же. С. 333–334.

6. Там же. С. 330–331.

7. Солженицын А. И. Бодался

теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 8. С. 47–50.

8. Решетовская Н. А. Разрыв.

Иркутск, 1992. С. 159–161.

9. Кремлевский самосуд. С. 340–

345.

10. Там же. С.345.

11. Решетовская Н. А. Разрыв.

С. 153–154.

12. Солженицын А. И. Бодался

теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 8. С.45.

13. Там же. С.43.

14. Там же. Сахаров А. Д. Воспоминания // Знамя. 1991. № 2. С.178.

15. Сахаров А. Д. Воспоминания // Знамя. 1991. № 2. С. 182–183. См.: Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.55.

16. Великий гражданин под колпком КГБ и ЦК КПСС // Известия. 1992. 21 мая

17. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.20.

18. Два года до изгнания. Дневниковые записи личного врача писателя А. И. Солженицына Н. Жукова // Побратим. 1990. № 6.

19. Солженицын А. И. Бодался

теленос с дубом // Новый мир. 1991.
№ 12. С.20.

20. Там же. № 8. С. 5–57.

21. Там же. С. 56–57.

22. С позиций клеветника // Правда. 1974. 6 января.

23. Кремлевский самосуд. С.
С. 352–363.

24. Там же. С. 362–363.

25. Там же. С.363.

26. Торговцы паданцами // Правда. 1974. 8 января. См. также: Противники разрядки и их пособники // Там же. 9 января. Антисоветская диверсия // Там же. 11 января.

27. Гневное осуждение // Правда. 1974. 13 января.

28. Соловьев И. Путь предательства // Правда. 1974. 14 января.

29. Решетовская Н. А. Произведение ненаучное, неисторическое // В кругу последнем. М., 1974. С. 129–138.

30. Виткевич Н. Д. Меня предал Солженицын // В кругу последнем. С. 138–143.

31. Солженицын А. И. Заявление прессе // Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С. 61–63.

32. Солженицын А. И. Интервью журналу Тайм // Там же. С. 64–66.

33. Кремлевский самосуд. С. 436–437.

34. Медведев Р. Неизвестный

Андропов. С. 184–185.

35. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.66.

36. Там же. С.67.

37. Там же.

38. Солженицын А. И. Жить не по лжи // Публицистика. Т.1. Ярославль, 1995. С. 187–194.

39. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 71–73

40. Там же. С. 73–89.

41. Там же. С.77.

42. Там же. С. 79–80, 86–87, 87–88.

43. Там же. С.78.

44. Войнович В. Н. Портрет на

фоне мифа. М... 2002. С.47.

45. Там же.

46. Там же.

47. Там же.

Часть третья

Вермонтский затворник (1974–1994).

Глава 1

Как Ленин в Цюрихе

Письмо вождям

1. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 92–93.

2. Там же. С. 92–93.

3. Солженицын А. И. Из телеинтервью компании CBS

(интервью ведет Уолтер Кронкайт).
17 июня 1974 // Публицистика. Т.2.
Ярославль, 1996. С.92.

4. Солженицын А. И. Угодило
зернышко промеж двух жерновов //
Новый мир. 1998. № 9. С.47.

5. Там же.

6. Там же.

7. Там же. 50.

8. Алой В. Записки аутсайдера //
Минувшее. Т.23. СПб., 1998. С. 173–
174.

9. Арест и высылка
А. Солженицына // Русская мысль.
Париж, 1974. 21 февраля

10. Солженицын А. И. Угодило
зернышко промеж двух жерновов //
Новый мир. 1998. № 9. С.51.

11. Там же. С. 113–115.

12. Солженицын

А. И. Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С.599.

13. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.67.

14. Если верить

А. И. Солженицыну, он рассматривал тогда Норвегию как страну, в которой думал поселиться (Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С.54).

15. Солженицын А. И. Письмо вождям Советского Союза // Публицистика. Т.1. Ярославль. 1995. С. 148–186.

16. Там же. С.705.
17. Там же. С.150.
18. Там же. С. 150–153.
19. Там же. С. 150–151.
20. Там же. С.152.
21. Там же.
22. Там же. С. 154–158.
23. Там же. С.157.
24. Там же. С. 158–162.
25. Там же. С.160.
26. Там же. С.159.
27. Там же. С.162.
28. Там же. С. 163–167.
29. Там же. С. 166–167.
30. Там же. С. 167–173.
31. Там же. С. 173–179.
32. Там же. С.178.
33. Там же. С.179.

34. Там же. С. 179–186.

35. Там же. С. 180–181.

36. Там же. С.182.

37. Там же. С.184.

38. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир.1998. № 9. С. 63–64.

39. Флегон А. Вокруг Солженицына. Т.1. Л., 1981. С. 511–512.

40. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.60.

41. Там же. С.68.

42. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 256–287.

43. Там же. С. 276–280.

44. Там же. С. 284–287.

45. Солженицын А. И. Письмо
вождям Советского Союза //
Публицистика. Т.1. С. 179–186.

46. Солженицын А. И. Угодило
зернышко промеж двух жерновов //
Новый мир. 1998. № 9. С.63.

47. Сахаров А. Д. О письме
Александра Солженицына «Вождям
Советского Союза» // Знамя. 1990.
№ 2. С. 14–21.

48. Солженицын А. И. Угодило
зернышко промеж двух жерновов //
Новый мир. 1998. № 9. С.59.

На новом месте

1. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С. 65–69.

2. Там же. С.65.

3. Там же.

4. Там же.

5. Там же. С. 65–66.

6. Там же. С. 66–69.

7. Документы из архива ЦК КПСС по делу А. И. Солженицына. Публикация А. Петрова // Континент. М.-Париж, 1993. № 75. С. 215–216.

8. Шеварев Д. «Сестра работы и мать моих детей». Беседа с Н. Д. Солженицыной // Комсомольская Правда. 1994. 31 декабря.

9. Солженицын А. И. Угодило

зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С. 60–61.

10. Документы их архива ЦК КПСС по делу А. И. Солженицына // Континент. Москва-Париж, 1993. № 75. С.218.

11. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С. 77–78.

12. Там же. С.81.

13. Солженицына Н. Д. «Архипелаг ГУЛАГ» помогает выжить. Правда о фонде Солженицына // Труд. 1992. 14 марта.

14. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С.73.

15. Biographical Dictionary of

Dissidents in The Soviet Union. 1956–1975. / Compiled and edited by S.P. de Boer, E. I. Drissen and H. L. Verhaar. Hague — Boston — L., 1982. P. 160–161.

16. Российская еврейская энциклопедия. Т.1. М., 1994. С.308.

17. Чудакова М. Жил один москвич. Памяти Александра Гинзбурга // Время новостей. 2002. 22 июля.

18. Там же.

19. Померанц Г. Корзина цветов нобелевскому лауреату // Октябрь. 1990. № 11. С.146, 150.

20. Кулаков В. Лионозово (история одной поэтической группы) // Вопросы литературы. 1991. № 3.

С. 3–45.

21. Процесс четырех. Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского, Лашковой. Сост. П. Литвинов. Амстердам, 1971. С.8.

22. Померанц Г. Корзина цветов нобелевскому лауреату // Октябрь. 1990. № 11. С.150.

23. Латынина А. Портрет диссидента: Александр Гинзбург // Литературная газета. 1990. 18 июля.

24. Российская еврейская энциклопедия. Т.1. С.308.

25. Буковский В. «И возвращается ветер...». Письма русского путешественника. М., 1990. С.111.

26. Померанц Г. Корзина цветов
нобелевскому лауреату // Октябрь.
1990. № 11. С.150.

27. Российская еврейская
энциклопедия. Т.1. С.308.

28. Там же.

29. Солженицын А. И.,
Солженицына Н. Д. Памяти
Александра Гинзбурга // Известия.
2002. 22 июля.

30. Процесс цепной реакции.
Сборник документов по делу
Ю. Т. Галанскова, А. И. Гинзбурга,
А. А. Добровольского,
В. И. Лашковой. Франкфурт-на-
Майне, 1971. С.58.

31. Biographical Dictionary of
Dissidents in The Soviet Union. 1956—

1975. / Compiled and edited by S.P. de Boer, E. I. Drissen and H. L. Verhaar. Hague — Boston — L., 1982. P. 160–161.

32. В защиту Александра Гинзбурга. Призыв Натальи Солженицыной // Русская мысль. 1978. 2 марта.

33. Розанова М. Солженицын полоснул меня таким взглядом, что я поняла — это враг на всю жизнь // Комсомольская правда. 1999. 13 января.

34. Солженицына Н. Д. «Архипелаг ГУЛАГ» помогает выжить. Правда о фонде Солженицына // Труд. 1992. 14 марта.

35. Чудакова М. Жил один

москвич. Памяти Александра
Гинзбурга // Время новостей. 2002.
22 июля.

36. Солженицын А. И. Угодило
зернышко промеж двух жерновов //
Новый мир. 1998. № 9. С.73.

37. Там же.

38. Там же.

39. Там же.

40. Солженицына Н. Д.
«Архипелаг ГУЛАГ» помогает
выжить. Правда о фонде
Солженицына // Труд. 1992. 14 марта.

41. Там же.

42. Яковлев Н. Н. ЦРУ против
СССР. 3 изд. М., 1983. С.241.

43. Владимир Максимов в
Париже // Русская мысль. 1974. 7

марта.

44. Максимов В. «Надо признаться — все мы жертвы...» // Книжное обозрение. 1990. 6 апреля.

45. Романов Е. Р. В борьбе за Россию. Воспоминания. М., 1999. С.210.

46. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С.76.

47. Максимов В. «Надо признаться — все мы жертвы...» // Книжное обозрение. 1990. 6 апреля.

48. Максимов В. История одной капитуляции // Правда. 1994. 28 декабря.

49. Солженицын А. И. Пресс-конференция в Париже. 10 апреля

1975 // Публицистика. Т.2. С.257.

50. Солженицын А. И. Пресс-конференция о сборнике «Из-под глыб». Цюрих, 16 ноября 1974 // Публицистика. Т.2. С.165.

51. Солженицын А. И. Слово к журналу // Публицистика. Т.2. с. 117–118, 598.

52. Романов Е. Р. В борьбе за Россию. С.211.

53. Из телеинтервью компании CBS (интервью ведет Уотер Кронкайт). Цюрих, 17 июня 1974 // Публицистика. Т.2. С. 88–116.

54. Там же. С.110.

55. Там же. С.101.

56. Там же. С. 105–106.

57. Там же. С. 113–114.

58. Уильямс Н. Полная хронология XX века. М... 1999. С.89.

59. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. Сб. ст. СПб., 1995. С. 36–42.

60. Богданов Р. Г. Американские планы развязывания войны против СССР // Американский экспансинизм. Новейшее время. М., 1986. С. 206–229.

61. Уильямс Н. Полная хронология XX века. С.262.

62. Громыко А. А. Внешняя экспансия капитала. История и современность. М., 1982.

63. Из телеинтервью компании CBS (интервью ведет Уотер Кронкайт). Цюрих, 17 июня 1974 //

Публицистика. Т.2. С.102.

64. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.,1998. С. 13–20.

65. Из телеинтервью компании CBS (интервью ведет Уотер Кронкайт). Цюрих, 17 июня 1974 // Публицистика. Т.2. С.90.

66. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С. 80–81.

67. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 57–95.

68. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С. 87–88.

69. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.2. Paris,

1974.С.563.

70. «Русская мысль» опубликовала сообщение о выходе второго тома «Архипелага Гулаг» 12 сентября 1974 г.

71. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. М., 1991.С.227–231.

72. Там же. С.231.

73. Войнович В. Н. Портрет на фоне мифа. М., 2002. С. 52–53.

***В ожидании почетного
гражданства***

1. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов //

Новый мир. 1998. № 9. С. 88–90.
№ 11. С.114.

2. Там же. № 11. С.110.

3. См.: Бетелл Н. Путешествие англичанина в поисках России. М., 2002.

4. Там же. С.63, 65.

5. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С.90.

6. Солженицын А. И. Сенату Соединенных Штатов Америки. 30 октября 1974 // Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С. 128–129.

7. Там же. С.599.

8. Там же.

9. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов //

Новый мир. 1998. № 9. С.91.

10. Солженицын А. И. Пресс-конференция о сборнике Из-под глыб. Цюрих, 16 ноября 1974 // Публицистика. Т.2. С.130.

11. Из-под глыб. Сб. ст. М., 1992.

12. Там же. С. 130–166.

13. Там же.

14. Солженицын А. И.: 1) Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Публицистика. Т.1. Ярославль, 1995. С. 49–86. 2) Образованщина // Там же. С. 87–132.

15. Янов А. Л. Русская идея и 200-й год // Нева. 1990. № 11. С.157.

16. Солженицын А. И. Пресс-конференция о сборнике Из-под глыб.

Цюрих, 16 ноября 1974 // Публицистика. Т.2. С. 152–153.

17. Вручение А. И. Солженицыну Нобелевской премии // Русская мысль. 1974. 19 декабря.

18. Солженицын А. И. Пресс-конференция в Стокгольме. 12 декабря 1974 // Публицистика. Т.2. С. 167–201.

19. Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. N.Y — L. 1984. P.1021.

20. Солженицын А. И. Пресс-конференция в Стокгольме. 12 декабря 1974 // Публицистика. Т.2. С.189.

21. Романов Е. Р. В борьбе за Россию. Воспоминания. М., 1999.

С. 205–207; Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С. 95–96, 102.

22. Там же. С.99.

23. Шаховская З. Солженицын в Париже // Русская мысль. 1975. 9 января.

24. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С. 99–100.

25. Там же. С.105. № 11. С.119.

26. Там же. № 9. С.100.

27. Там же. С. 100–101.

28. Там же. С. 101–102.

29. Аллой В. Записки аутсайдера // Минувшее. СПб, Т.22. 1997. С.147.

30. Там же.

31. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С.102.

32. Солженицын А. И. Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках. Узел II. Октябрь Шестнадцатого // Наш современник. 1990. № 1. С.69.

33. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С.102.

34. Солженицын А. И. Беседа со студентами-славистами в Цюрихском университете. 20 февраля 1975 // Публицистика. Т.2. С. 211–233.

35. Солженицын А. И. Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках. Узел II. Октябрь

Шестнадцатого // Наш современник. 1990. № 1. С.69.

36. Там же.

36а. Шнеерсон М. Александр Солженицын: очерки творчества. Франкфурт-на-Майне, 1984. С.273.

37. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С.102.

38. Твардовская В. А. Письмо Солженицыну из Москвы. // Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М... 1974. С. 509–520.

39. Лакшин В. Я. Берега культуры. М., 1994. С. 325–374.

40. Солженицын А. И. Угодило

зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С. 103.

41. Там же.

42. Там же.

43. А.И. Солженицын в Мурмелоне // Часовой. 1975. № 586–587. Васильев В. Солженицын в Мурмелоне // Русская мысль. Париж. 1975. 17 апреля.

44. Солженицын А. И. Пресс-конференция в Париже. 10 апреля 1975 // Публицистика. Т. 2. С. 234–260.

45. Солженицын А. И. Телеинтервью в Париже. 11 апреля 1975 // Там же. С. 261–281.

46. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов //

Новый мир. 1998. № 9. С. 106–108.

47. Там же. С. 108–110.

48. Бетелл Н. Путешествие англичанина в поисках России. М., 2000. С.7.

49. Там же. С. 65–66.

50. Там же. С.66.

США: туда и обратно

1. Солженицын А. И. Третья мировая? // Публицистика. Т.1., Ярославль, 1995. С. 225–228.

2. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С. 120–121.

3. Там же. С. 121–122.

4. Солженицын в Канаде и на Аляске // Русская мысль. Париж, 1975. 5 июня.

5. М. Канский. А. И. Солженицын в США // Русская мысль. Париж, 1975. 19 июня

6. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С.125.

7. Солженицын А. И. Речь в Вашингтоне перед представителями профсоюзов АФТ-КПП. 30 июня 1975 // Публицистика. Т.1. Ярославль, 1996. С. 229–255.

8. Там же. С. 236–237.

9. Там же. С.237.

10. Солженицын А. И. Выступление по французскому

телевидению. Париж 9 марта 1976 // Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С.400.

11. Солженицын А. И. Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета, 8 июня 1978 // Публицистика. Т.1. Ярославль, 1995. С.322.

12. Солженицын А. И. Речь в Вашингтоне перед представителями профсоюзов АФТ-КПП. 30 июня 1975 // Публицистика. Т.1. Ярославль, 1995. С.249.

13. Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С.202.

14. Солженицын в Вашингтоне. Начало новой эпохи? // Русская мысль. 1975. 10 июля.

15. Солженицын А. И. Речь в Нью-Йорке перед представителями профсоюзов АФТ-КПП. 9 июля 1975 // Публицистика. Т.1. С. 256–279.

16. Солженицын А. И. Телеинтервью компании NBS. Программа «Встречи с прессой». 13 июля 1975 // Публицистика. Т.2. С. 284–291.

17. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С.134.

18. Солженицын А. И. Публицистика. Т.1. С.280. Т.2. С.284.

19. Солженицын А. И. Речь на приеме в Сенате США. 15 июля 1975 // Публицистика. Т.1. С. 280–283.

20.

Солженицын

А. И. Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С.603.

21. Солженицын А. И. Заявление для «Нью-Йорк Таймс». 21 июля 1975 // Публицистика. Т.2. С.292.

22. Солженицын в Вашингтоне. Начало новой эпохи? // Русская мысль. Париж, 1975. 10 июля.

23. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С.90.

24. Там же. 1998. № 11. С.136.

25. Там же.

26. Там же. С.138.

27. Там же. С. 137–138.

28. Там же. 1998. № 9. С.61.

29. Там же. С.105.

30. Кокен Ф.-К. Пьер Паскаль (1980–1983): его политический и духовный путь // Из глубины времен. Вып.8. СПб., 1997. С. 130–140.

31. Струве Н. А. Православие и культура. М., 2000. С.197.

32. Носик Б. М. Русские тайны Парижа. СПб. 2001. С.306.

33. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. № 11. С.109.

34. Там же. 1998. № 11. С.104.

35. Там же. С. 144–145.

36. Там же. С.146.

37. Солженицын А. И.: 1) Телеинтервью компании Би-Би-Си // Публицистика. Т.2. С. 330–345. 2) Телеинтервью компании Би-Би-Си в

связи с выходом книги «Ленин в Цюрихе» // Там же. С. 346–353. 3) О работе русской секции Би-Би-Си // Там же. С. 354–365.

38. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С.146.

39. Солженицын А. И.: 1) Телеинтервью японской компании NET-TOKYO (интервью ведет Госуке Утимура). 5 марта 1976 // Публицистика. Т.2. С. 367–382, 2) Выступление по французскому телевидению. 9 марта 1976 // Там же. С. 383–407, 3) Из интервью газете Франс Суар. 10 марта 1976 // Там же. С. 408–416, 4) Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве //

Там же. С. 417–448.

40. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С. 148–149.

41. Солженицын А. И. Выступление по испанскому телевидению. 20 марта 1976 // Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С. 449–459.

42. Солженицын А. И. Пресс-конференция в Мадриде. 20 марта 1976 // Там же. С. 460–468.

43. Там же. С.464.

44. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С.152.

45. Там же.

1. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. Архипелпаг ГУЛАГ. М., 1991. С.371.

2. Там же. С.372.

3. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т. 5–7. М., 1991.

4. Там же. Т.5. С. 109–130.

5. Там же. Т.6. С. 332–348.

6. Там же. Т.7. С. 150–155.

7. Там же. Т.6. С. 246–258.

8. Там же. Т.7. С. 91–109.

9. Там же. С. 110–133.

10. Там же. С. 134–149.

11. Там же. Т.6. С. 290–310.

12. Там же. Т.7. С. 72–90.

13. Там же. С. 41–55.

14. Там же. Т.6. С. 259–264.

15. Там же. Т.7. С. 56–71.

16. Там же. Т.5. С. 226–245.

17. Там же. С. 28–40.

18. Там же. Т.7. С. 156–169.

19. Там же. С. 170–192.

20. Там же. С. 193–224.

21. Там же. Т.5. С. 347–374.

22. Там же. С. 394–408.

23. Там же. С. 408–424.

24. Там же. Т.6. С. 395–408.

25. Там же. Т.7. С. 299–314.

26. В.Арсланов. Трудные уроки

Кенгира // Октябрь. 1990. № 12.
С.186.

27. Солженицын А. И. Малое
собрание сочинений. Т.7. С.382.

28. Кремлевский самосуд.

Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.13.

29. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. С. 18–95.

30. Там же. Т.7. С.326.

31. Там же. Т.6. С.400.

32. Там же. Т.5. С.1.

33. Там же. Т.6. С.7.

34. Там же. Т.7. С.355.

35. Там же. Т.5. С.51.

36. Там же. С.261.

37. Там же. Т.5. С.27.

38. Там же. Т.6. С.395.

39. Там же. Т. 5–7. М... 1991.

40. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.141.

41. Там же. № 12. С.14.

42. Там же. С.42.

43. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.9.

44. Там же. Т.7. С.372.

45. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 119–146. № 12. С. 5–76.

46. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С. 110–133.

47. Храбровицкий

А. В. Солженицын // Советская библиография. 1990. № 4. С. 138–140.

Глава 2

Опять за колючей проволокой

1. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С.152.
2. Там же. 1998. № 11. С.152.
3. Там же. С. 152–153.
4. Солженицын А. И. Слово на приеме в Гуверовском институте. Стэндфорд, 24 мая // Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С. 298–304.
5. Слово при получении премии Фонда свободы. Стэндфорд, 1 июня // Там же. С. 305–308.
6. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С.72.
7. Там же. С.73.

8. Там же.

9. Там же.

10. Там же. С.74.

11. Там же. С.77.

12. Там же.

13. Там же. С. 77–78.

14. Там же.

15. Там же. С.81.

16. Александр Солженицын:
конец затворничеству? // Аргументы
и факты. № 44

17. Там же.

18. Солженицын А.И Угодило
зернышко промеж двух жерновов //
Новый мир. 1999. № 2. С.74.

19. Шнеерсон М. Александр
Солженицын: очерки творчества.
Франкфурт-на-Майне, 1984. С.277.

20. Там же. С.278.

21. Солженицын А.И Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С.81.

22. Эткинд Е. Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб., 2001. С. 405–407.

23. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С.81.

24. Там же. С. 67–68.

25. Там же. С.68.

26. Там же.

27. Там же. С.81.

28. Там же. С. 87–90.

29. Там же.

30. Там же. С.90.

31. Там же. С.89.

32. Там же. С.91.

33. Алой В. Записки аутсайдера
// Минувшее. Т.23. СПб., 1998. С.162.

34. Солженицын А. И. Угодило
зернышко промеж двух жерновов //
Новый мир. 1999. № 2. С.79.

35. Солженицын А. И. Письмо
читателя // Публицистика. Т.2.
Ярославль, 1996. С. 474–477.

36. Алой В. Записки аутсайдера
// Минувшее. Т.22. СПб., 1997. С.146.

37. Флегон А. Вокруг
Солженицына. Т.2. С.792.

38. Там же. С.803.

39. Там же. С.806.

40. Там же. С. 806–807.

41. Алой В. Записки аутсайдера
// Минувшее. Т.23. СПб., 1998. С.159.

42. Там же. С. 173–174.

43. Там же. С. 160–162.

44. Там же. С.162.

45. Максимов В. Е. История одной капитуляции // Правда. 1994. 28 декабря.

46. Алой В. Записки аутсайдера // Минувшее. Т.23. С.162.

47. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С.79.

48. Максимов В. Е. История одной капитуляции // Правда. 1994. 28 декабря.

49. Русская мысль. 1978. 18 мая.

50. Флегон А. Вокруг Солженицына. Т.2. 1981. С.807. Русская мысль. 1978. 23 ноября.

51. Флегон А. Вокруг Солженицына. Т.2. 1981. С.857.

Под «огнем» КГБ

1. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С.71.

2. Запись беседы с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 9 января 1993 г. // Архив автора..

3. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. Зернышко // Н.М. 1999. № 2. С.72, 135.

4. Солженицын А. И. Сквозь чад. Paris, 1979. С.12.

5. Зильберберг

И. И. Необходимый разговор с Солженицыным. Англия, 1976.

6. Sivonjan K. S. Hvem er Solsjentsyn? Melbyhus? 1976.

7. Scammel M. Solzhenitsyn. P. 986, 1018; Ветров, он же Солженицын // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 72–73.

8. Там же. С. 74–76.

9. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С. 71–72.

10. Scammel M. Solzhenitsyn. P.985.

11. Carlisle. Solzheitsyn and the secret Circel. N-Y., 1978. Андреева-

Карлайл О. В. Солженицын: В круге тайном // Вопросы литературы. 1991. № 1. С. 192–225. № 2. С. 185–204, № 3. С. 89–127, № 4. С. 188–224. № 5. С.-171-210.

12. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.563.

13. Ржезач Т. Спираль измены Солженицына. М., 1978.

14. Там же. С. 5–6.

15. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С.131.

16. Ржезач Т. Спираль измены Солженицына. С.120.

17. Там же. С.97.

18. Копелев Л. З. Подлог // Посев. 1978. № 11 (ноябрь). С.6.

19. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Ч.3 (1882–1887) // Новый мир. 2001. № 4. С. 80–81.

20. Там же.

21. Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. 3 изд. М. 1983. С. 187–217.

22. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. С.243.

По второму кругу

1. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т. 1–2. Paris, 1978. 419+404 с.

2. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т.3. Paris, 1978. 327 с.

3. Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. 3 изд. М., 1983. С.30.

4. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. М., 1991. С.372.

5. Там же. С.382.

6. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т. 5–7. Paris. 1980. 589+638+573 с.

7. См., например: Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. М., 1991. Т.5. С. 292 (1978 г.). Т.6. С.32 (1975), 244 (1978), Т.7. С.340 (1980).

8. Солженицын А. И. 1) Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1–3. Paris, 1973–1976. 2) Собрание сочинений.

Т. 5–7. Архипелаг ГУЛАГ. Paris. 1980. 589+638+573 с.

9. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.2. Paris, 1974. С.151.

10. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т.6. Paris, 1978. С.138.

11. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.2. С.596.

12. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т.6. С.563.

13. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.56.

14. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.1. Paris, 1973. С.277.

15. Там же.

16. Солженицын А. И. Собрание сочинений, Т.5. С.267.

17. Солженицын

А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.1. Paris, 1973.С.476.

18. Солженицын А.и. Собрание сочинений. Т.5. С.457.

19. Солженицын А. И.: Архипелаг ГУЛАГ. Т.1. Paris, 1973. С.559.

20. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т.5. С.535.

21. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.59.

22. Солженицын
А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.1. Paris, 1973. С.460; Солженицын
А. И. Собрание сочинений. Т.5. С.442.

23. Солженицын

А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1 изд. Т.3. Paris, 1976. С.87.

24. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т.7. Paris, 1978. С.84.

25. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.1. Paris, 1973.С.225.

26. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т.5. С.212.

27. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С.157.

28. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С. 20–21.

29. Военная энциклопедия. Т.6. М., 1978. С. 144–145.

В дебрях эпохи

1. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 9. С.155.

2. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.107.

3. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т.3. Paris. 1979. 505 с.

4. Шнеерсон М. Александр Солженицын: очерки творчества. Франкфурт-на-Майне. Посев, 1984. С.281.

5. Солженицын А. И. Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках. Узел II. Октябрь Шестнадцатого // Наш современник. 1990. № 1. С.69.

6. Солженицын

А. И. Персидский трюк // Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С. 511–512.

7. Шнеерсон. Александр Солженицын: очерки творчества. С.281.

8. Солженицын А. И. Публицистика. Т.2. С.712.

9. Солженицын А. И. Чем грозит России плохое понимание России // Там же. С. 336–381.

10. Солженицын А. И. Коммунизм у всех на виду — не понтя // Там же. С. 329–335.

11. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 9. С.142.

12. Солженицын А. И. Иметь

мужество видеть // Публицистика.
Т.1. С. 382–405.

13. Солженицын А. И. Угодило
зернышко промеж двух жерновов //
Новый мир. 2000. № 9. С.113.

14. Там же. С.166.

15. Там же. С.166, 168.

16. Там же. С.140.

17. Солженицын А. И. Август
Четырнадцатого // Звезда. 1990.
№ 12. С.44.

18. Солженицын А. И. Угодило
зернышко промеж двух жерновов //
Новый мир. 2000. № 9. С.140.

19. Солженицын А. И. Собрание
сочинений. Т.8 Paris, 1981. 594 с.;
Т.9.Paris, 1981. 394 с.

20. Нива Ж. Солженицын //

Дружба народов. 1990. № 4. С.260.

21. Флегон А. Вокруг Солженицына. Т. 1–2. Л., 1981.

22. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2001. № 4. С. 81–86.

23. Там же. 2000. № 9. С.117.

24. Там же. С.140.

25. Солженицын А. И. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения. 31 октября 1983 г. // Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С. 173–193.

26. Солженицын А. И. Наши плюралисты // Там же. Т.1. С.406.

27. Солженицын А. И. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения. 31 октября 1983 г. //

Публицистика. Т.3. С.184.

28. Солженицын А. И.: 1) Наши плюралисты // Публицистика. Т.1. С. 406–444. 2) Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 12. С.124.

29. Солженицын А. И. Скоро все увидим без телевизора // Публицистика. Т.3. С. 11–16.

30. Солженицын А. И. Письмо президенту Рейгану. 3 мая 1982 г. // Там же. С.17.

31. Там же.

32. Там же.

33. Там же. С.18.

34. Солженицын

А. И. Радиоинтервью к 20-летию выхода «Одного дня Ивана

Денисовича» для Би-Би-Си (интервью ведет Барри Холланд) (Кавендиш, 8 июня 1982) // Там же. С. 21–30.

35. Там же. С. 29–30.

36. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 12. С.97.

37. Солженицын А. И. Теленинтервью японской компании Нихон (интервью ведет Госуке Утимура). Токио, 5 октября 1982 // Публицистика. Т.3. С.46.

38. Солженицын А. И. Коммунизм к брежневскому концу // Публицистика. Т.3. С. 31–44.

39. Солженицын А. И.: 1) Телеинтервью японской компании

«Нихон» (5 октября 1982) // Там же. С. 46–59, 2) Три узловые точки японской новой истории. Речь в Токио (9 октября // Там же. С. 60–73, 3) Круглый стол в газете «Йомиури» (13 октября 1982) // Там же. С. 74–95.

40. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 12. С. 98–100.

41. Солженицын А. И. Свободному Китаю // Публицистика. Т3. С. 96–102.

42. Солженицын А. И.: 1) Заявление при отъезде с Тайваня // Там же. С.103.

43. Островский А. В. Универсальный справочник по истории России. СПб., 2000. С.63.

44. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 12. С. 123–124.

45. Там же. С.139.

46. Солженицын А. И. Слово при получении Темплтоновской премии. Бэкингемский дворец, 10 мая 1983 г. // Публицистика. Т.1. С. 445–446.

47. Солженицын

А. И. Темплтоновской лекция. Гилдхолл, 10 мая 1983 // Там же. С. 447–456.

48. Солженицын А. И. Пресс-конференция в Лондоне. 11 мая 1983 г. // Там же. Т.3. С. 104–119.

49. Солженицын А. И. Интервью лондонской газете «Таймс»

(интервью ведет Бернард Левин).
Лондон, 16 мая 1983 // Там же.
С. 120–136.

50. Солженицын
А. И. Теленитервью с Мальколмом
Магэриджем для Би-Би-Си. Лондон,
16 мая 1983 // Там же. С. 137–144.

51. Солженицын
А. И. Выступление в Итонском
коледже. Виндзор, 17 мая 1963 // Там
же. С. 145–156.

52. Солженицын А. И. Угодило
зернышко промеж двух жерновов //
Новый мир. 2000. № 12. С.139.

53. Там же. С.140.

54. Солженицын А. И. Собрание
сочинений. Т.10. Публицистика.
Общественные заявления, интервью,

пресс-конференции. Paris, 1983. 594 с.

55. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т. 11–12. Paris, 1983. 467+592 с.

56. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 12. С.142.

57. Янов А. Л. Русская идея и 2000-й год // Нева. 1990. № 11. С. 166–167.

58. Там же. С.167.

5.9 Солженицын А. И. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения (31 октября 1983 г.) // Солженицын А. И. Публицистика. Т.3. С.177.

1. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 12. С.143.

2. Там же. С.146.

3. Там же. С.140.

4. Там же. С.146.

5. Солженицын А. И. Интервью для парижской газеты «Либерасьон». Кавендиш. 1 ноября 1983 г. // Звезда. 1996. № 1. С.74. При перерепечатке этого интервью приведенные слова были опущены (Публицистика. Т.3. Ярославль. 1997. С.196).

6. Интервью для парижской газеты «Либерасьон». Кавендиш. 1 ноября 1983 // Звезда. 1996. № 1.

С. 73–74. Эти слова в в перепечатанном тексте тоже приведены неполностью.

7. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т. 13–14. Paris, 1984. 592+589 с.

8. От редакции // Нева. 1990. № 1. С.8.

9. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2001. № 4. С.124.

10. Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. N.Y — L. 1984.

11. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2001. № 4. С. 86–96.

12. Там же. С.110.

13. Лосев Л. Великолепное

будущее России. Заметки при чтении
«Августа Четырнадцатого»
А. Солженицына // Континент. 1984.
№ 42. С. 289–320.

14. Там же. С. 304–307, 315.

15. Янов А. Л. Русская идея и
2000-й год // Нева. № 11. С. 168.

16. Солженицын А. И. Малое
собрание сочинений. Т. 5. М., 1991.
С. 349.

17. Янов А. Л. Русская идея и
2000-й год // Нева. № 11. С. 168.

18. Солженицын А. И. Интервью
с Дэвидом Эйкманом для журнала
Тайм (23 мая 1989) // Публицистика.
Т. 3. С. 329.

19. Солженицын А. И. Угодило
зернышко промеж двух жерновов //

Новый мир. 2001. № 4. С.107.

20. Там же. С.115.

21. Там же. С. 108–110.

22. Там же. С.111.

23. Там же. С. 128–130.

24. Там же. С. 129–130.

25. Там же. С.114.

26. Там же. С. 118–121.

27. Там же. С.121.

28. Там же. С.125.

29. Там же.

30. Там же. С.126.

31. Войнович. Портрет на фоне мифа. М., 2002. С. 100–101.

32. Там же. С.101.

33. Там же. С. 102–139.

34. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов //

Новый мир. 2001. № 4. С.127.

35. Там же. С.128.

36. Там же.

37. Там же.

38. Там же. С. 126–127.

39. Там же. С.126.

40. Там же. С.141.

41. Там же. С.124.

42. Солженицын

А. И. Радиоинтервью о Марте
Семнадцатого для Би-Би-Си
(интервью ведет Владимир Чугунов).
Кавендиш, 29 июня 1987 //
Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997.
С.275.

43. Солженицын А. И. Собрание
сочинений. Т.17. Париж, 1987. 748 с.

44. Тоже. Т.18. Париж, 1988. 680

с.

45. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2001. № 4. С.141.

46. Там же. С.124

47. Солженицын А. И. Интервью с Даниэлем Рондо для парижской газеты Либерасьон. Кавендиш, 1 ноября 1983 // Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С.205.

48. Солженицын А. И. Радиоинтервью к 20-летию выхода Одного дня Ивана Денисовича для Би-Би-Си. Интервью ведет Барри Холланд. Кавендиш, 8 июня 1982 // Публицистика. Т.3. С. 29–30.

49. Солженицын А. И. Интервью

с Даниэлем Рондо для парижской газеты Либерасьон. Кавендиш, 1 ноября 1983 // Публицистика. Т.3. С.205.

50. Васильков А. Вермотский отшельник // Труд. 1989. 12 мая. См. также: А. И. Солженицын и его творчество. Международная конференция. Нью-Йорк, 1980. 96 с.

Глава 3

Триумф и трагедия?

Наследник Катона

1. Медведев Р. А. Солженицын и

Сахаров. М., 2002. С. 74–75.

2. Солженицын

А. И. Радиоинтервью о Марте Семнадцатого для Би-Би-Си (29 июня 1987) // Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С. 273–284.

3. Солженицын А. И. Интервью с Рудольфом Аугштайном для журнала Шпишгель (9 октября 1997) // Там же. С. 285–320.

4. Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм». Кавендиш, 23 мая 1989 г. // Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С. 321–344.

5. Там же. С.341.

6. Островский

А. В. Универсальный справочник по

истории России. СПб., 2000. С.65.

7. Буковский В. Московский процесс. Париж-Москва., 1996. С.457.

8. Там же. С.457, 470.

9. Там же. С.457.

10. Там же.

11. Там же. С.458.

12. Васильков А. Вермонтский отшельник // Труд. 1989. 12 мая.

13. Резниченко Г. Возвращение изгнанника. Как был напечатан Архипелаг. Главы из книги Новый мир в эпоху перестройки) // Родина. 1991. № 11–12. С.8.

14. Там же.

15. Рэмник Д. Александр Солженицын — новый день жизни // Русская мысль. 1990. 2 февраля.

16. Резниченко Г. Возвращение изгнанника... // Родина. 1991. № 11–12. С.8.

17. Там же. С.9.

18. Васильков А. Вермонтский отшельник // Труд. 1989. 12 мая.

19. Чуковская Е. Ц. Вернуть Солженицыну гражданство СССР // Книжное обозрение. 1988. 5 августа.

20. Резниченко Г. Возвращение изгнанника... // Родина. 1991. № 11–12. С.9.

21. Там же. С.10.

22. Рэмник Д. Александр Солженицын — новый день жизни // Русская мысль. 1990. 2 февраля.

23. Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров. М., 2002. С.77.

24. Резниченко Г. Возвращение изгнанника... // Родина. 1991. № 11–12. С. 10–11.

25. Там же.

26. Там же. С.12.

27. Там же. С.9.

28. Солженицын А. И. Матренин двор // Огонек. 1989. № 23 (3-10 июня). С. 12–16. № 24 (10–17 июня). С. 20–23.

29. Борисов В. Вокруг Солженицына // Русская мысль. 1989. 23 июня.

30. Резниченко Г. Возвращение изгнанника... // Родина. 1991. № 11–12. С.13.

31. Рэмник Д. Александр Солженицын — новый день жизни //

Русская мысль. 1990. 2 февраля.

32. Резниченко Г. Возвращение изгнанника... // Родина. 1991. № 11–12. С. 13–14.

33. Александр Солженицын: конец затворничеству? // Аргументы и факты. 1991. № 44.

34. Солженицын А. И. Нобелевская лекция // Новый мир. 1989. № 7. С. 135–144.

35. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ // Новый мир. 1989. № 8. С. 7–95; № 9. С. 68–165; № 10. С. 25–149; № 11. С. 63–

36. Решетовская Н. А. Разрыв. Иркутск, 1992. С. 170.

37. Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров. С. 79.

38. Солженицын А. И. В круге первом // Новый мир. 1990. № 1–5.

39. Солженицын А. И. Раковый корпус // Там же. № 6–8.

40. Солженицын А. И. Август Четырнадцатого // Звезда. 1990. № 1-12.

41. Солженицын А. И. Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках. Узел. II. Октябрь Шестнадцатого // Наш современник. 1990. № 1-12.

42. Солженицын А. И. Март Семнадцатого (главы 1-170) // Нева. 1990. № 1–6.

43. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир № 6. С. 6–116. № 7. С. 65–158. № 8. С. 5-

44. В эту публикацию было включено «Пятое дополнение» — «Невидимки»: Новый мир. 1991. № 11. С. 119–146. № 12. С. 5–76.

45. Залыгин С. П. Год Солженицына // Новый мир. 1990. № 1. С. 233–258.

46. Запись беседы с Д. Г. Юрасовым. Москва. 6 июня 2003 г. // Архив автора.

47. Мостовщиков С. В советском гражданстве восстановлены // Известия. 1990. 17 августа.

48. Мостовщиков С. В советском гражданстве восстановлены // Известия. 1990. 19 августа.

49. Гинзбург А. Стране не нужен

Архипелаг // Русская мысль. 1990. 24 августа.

50. Письмо Председателя Совета министров РСФСР И. Силаева А. Солженицыну // Советская Россия. 1990. 18 августа.

51. Солженицын А. И. Ответ главе российского правительства. 23 августа 1990 г. // Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С.345.

52. Афанасьев А. Он никогда не уходил из России // Комсомольская правда. 1990. 18 сентября.

53. Там же.

54. Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров. С.82.

Как нам обустроить Россию?

1. Шаханазаров Г. Х. С вождями и без них. М., 2001. С.348.

2. Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. С.17.

3. Сироткин В. Г. Кто обворовал Россию? М., 2003. С.156.

4. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Публицистика. Т.1. Ярославль, 1995. С.538.

5. Там же. С.539.

6. Там же. С. 539–541.

7. Ленин В.И. — Шаумяну С. Г. 6 декабря 1913 г. // Полн. собр. соч. Т.48. С.235.

8. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Публицистика. Т.1.

Ярославль, 1995. С.543.

9. Там же. С.548.

10. Там же. С.549.

11. Кремлевский самосуд.

Секретные документы о писателе
А. Солженицыне. М., 1994. С. 10–11.

12. Солженицын А. И. Как нам
обустроить Россию? Посильные
соображения // Публицистика. Т.1.
С. 550–567.

13. Филатов С. А. Совершенно
несекретно. М., 2000. С.177.

14. Горбачев М. С. Жизнь и
реформы. Кн.2. М., 1995. Известия.
1991. С. 525–529.

Оглушительная неудача

1. Соколин Б. М. Кризисная экономика России. Рубеж тысячелетий. СПб., 1997. С. 205–206.

2. Сироткин В. Г. Кто обворовал Россию? М... 2003. С. 157–158.

3. Островский А. В. Универсальный справочник по истории России. СПб, 2000. С.65.

4. Там же. С.66.

5. А.Солженицын намерен вернуться // Известия. 1991. 16 сентября..

6. Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров. М., 2002. С.118.

7. Там же.

8. Панасенков С. Возвращение на Итаку // Российская газета. 1991. 17 сентября.

9. Руднев В. Прокуратура СССР приносит извинения Солженицыну // Известия. 1991. 20 сентября.10
Прокуратура признает
общепризнанное // Известия. 1991.
19 сентября.

11. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т. 19–20. Paris, 1991. 597+ 564 с.

12. Войнович В. Н. Портрет на фоне мифа. М., 2002. С.85.

13. Цит. по: Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров. С.74.

14. Войнович В. Н. Портрет на фоне мифа. С.75.

15. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 9. С. 153.

16. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т. 11–12. Paris, 1983–1984. 467+546 с.

17. Там же. Т. 13–14. Paris, 1984. 592+589 с.

18. Там же. Т. 15–18. Paris, 1986–1987. 712+758+748+680 с.

19. Там же. Т. 19–20. Paris, 1991. 597+564 с.

20. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 9. С. 153.

21. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С. 103.

22. Солженицын А. И. Интервью швейцарскому еженедельнику «Вельвохе». (интервью ведет Феликс

Миллер). 13 сентября 1993 // Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С.404.

23. Солженицын А. И. Интервью журналу Ле Пуэн (Интервью ведет Жорж Сюфер). Цюрих, декабрь 1975 // Публицистика. Т.2. С.324.

24. Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве. Париж, март 1976 // Там же. С.444.

25. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 9. С.112.

26. Там же. С.121.

27. Аллой В. Записки аутсайдера // Минувшее. Т.21. СПб., 1997. С.124.

28. Русская мысль. Париж, 1976. 26 февраля (сообщение о смерти).

29. Максимов В. Е. История одной капитуляции // Правда. 1994. 28 декабря.

30. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000. № 7. С.140.

31. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т.8. Париж, 1981. С. 125–250.

32. Розанова М. «Солженицын полоснул меня таким взглядом, что я поняла — это враг на всю жизнь» // Комсомольская правда. 1999. 13 января.

33. Там же.

«А он все не едет...»

1. Островский

А. В. Универсальный справочник по истории России. С.66.

2. Филатов С. А. Совершенно не секретно. М., 2000. С.177.

3. Соколин Б. М. Кризисная экономика России: рубеж тысячелетий. СПб., 1997.

4. Солженицын А.и. Интервью со Стигом Фредирксоном для шведского телевидения. Унтерэрэндинген (Швейцария), 16 сентября 1993 // Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С.413.

5. Запись беседы с Д. Г. Юрасовым. Москва. 6 июня 2003 г. // Архив автора.

6. Литературное

представительство

А. И. Солженицына обрело не только адрес, но и телефон // Известия. 1992. 8 мая.

7. Солженицына Н. Д. На своей земле // Известия. 1992. 25 мая.

8. Запись беседы с Д. Г. Юрасовым. Москва. 6 июня 2003 г. // Архив автора.

9. Там же.

10. Там же.

11. Соколин Б. М. Кризисная экономика России: рубеж тысячелетий. С. 132–139.

12. Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров. М., 2002. С.90.

13. Солженицын А. И. Интервью швейцарскому еженедельнику

Вельвохе. 13 сентября 1993 г. // Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С. 393–404.

14. Солженицын А. И. Речь в Международной академии философии (княжество Лихтенштейн). 14 сентября 1993. Гинзбург А. Почему он вечно оказывается прав? // Русская мысль. 1993. 23–29 сентября.

15. Солженицын А. И. Интервью со Стигом Фредриксоном для шведского телевидения. 16 сентября 1993 г. Унтерэрэндиген // Там же. С. 405–415.

16. Солженицын А. И. Публицистика. Т.3. С.550. Русская мысль. 1993. 23–29 сентября

17. Солженицын

А. И. Парижская встреча в прямом эфире. Телевизионная передача Бернарда Пиво Культурный бульон. 17 сентября 1993 г. // Там же. С. 416–435.

18. Солженицын А. И. Из интервью газете Фигаро. 19 сентября 1993 г. // Там же. С. 436–443.

19. Солженицын А. И. Слово о Вандейском восстании. Вандея, 25 сентября // Публицистика. Т.1. Ярославль, 1995. С. 613–615.

20. Александр Солженицын в Вандее // Русская мысль. 1993. 30 сентября — 6 октября.

21. Солженицын А. И.: 1) Из интервью журналу Фокус. 7 октября

1993 г. // Публицистика. Т.3. С. 444–451. 2) Интервью немецкому еженедельнику Ди Цайт. 8 октября 1993 г. // Там же. С. 451–462.

22. Александр Солженицын о России накануне выборов // Русская мысль. 1993. 28 октября — 3 ноября. Солженицын А. И. Интервью для российских телезрителей. 21 октября 1993 г. // Публицистика. Т.3 С. 463–470.

23. Солженицын А. И. Ответ Президенту Ельцину на поздравление с 75-летием. 12 декабря 1993 г. // Публицистика. Т.3. С.471.

В разрушенном Карфагене

1. Войнович В. Н. Москва, 2042-й. М., 2002. С.

2. Шушарин Д. В ожидании Солженицына // Сегодня. 1994. 2 апреля

3. Солженицына Н. Д. Солженицын возвращается // Известия. 1994. 18 мая

4. Грязневич В. Место для Солженицына: Кого везет к нам белый конь? // Смена. 1994. 31 мая.

5. Виноградов И. Я готов отдать ему свой голос // Московские новости. 1994. 22–29 мая.

6. Власов С. Господин президент, к Вам едет ревизор: к возвращению Солженицына // Литературные новости. 1994. № 9-10.

С.5.

7. Скворцов

Ю. Уполномоченный Бога по
Российской Федерации // Куранты.
1994. 31 мая.

8. С возвращением, Александр
Исаевич // Известия. 1994. 28 мая.

9. Там же.

10. Там же.

11. Медведев Р. А. Солженицын
и Сахаров. М., 2002. С. 95–100.

12. Там же. С.96, 101.

13. Войнович В. Н. Портрет на
фоне мифа. М., 2002. С.173.

14. С возвращением Александр
Исаевич // Известия. 1994. 28 мая.

15. Войнович В. Н. Портрет на
фоне мифа. М... 2002. С.173.

16. Там же.

17. Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров. С.99.

18. Цит. по: Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров. С.107.

19. Там же. С.99.

20. Солженицын А. И. Русский вопрос к концу XX века // Публицистика. Т.1. Ярославль. 1995. С. 616–702.

21. Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров. С.101.

22. Солженицын А. И. По минуте в день. М., 1995. С.127.

23. Ледовских Н. В. Возвращение в Матренин двор или один день Александра Исаевича. Рязань, 2003.

24. Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров. С.101.

25. Там же. С. 101–103.
А. И. Солженицын. По минуте в день. М... 1995. С. 153–172.

26. Дедков И. Как трудно даются иные дни // Новый мир. 1996. № 4. С.173.

27. Костиков В. Роман с президентом. М., 1997. С.339.

28. Солженицын А. И. По минуте в день. М., 1995.

29. Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров. С.105.

30. Там же. С.106.

31. Цит. по: Там же. С.126.

32. Там же.

33. Там же. С.127.

34. Там же. С.109.

35. Там же. С.113.

36. Там же. С.115. Солженицын

А. И. Россия в обвале. М., 1998.

37. Медведев Р. А. Солженицын
и Сахаров. С.115.

38. Поляков А. Что
позаимствовал А. И. Солженицын из
«Русской смуты» (интервью главного
редактора Молодой гвардии
Александра Кротова газете «Русский
вестник») // Молодая гвардия. 1998.
№ 12. С. 2–3.

39. Цит. по: Сироткин В. Г. Кто
обворовал Россию? М., 2003. С. 175–
176.

40. Там же.

41. Новый мир. 1998. № 9. С. 47–

125. № 11. С. 93–153. 1999. № 2. С. 67–140. 2000. № 9. С. 112–183. № 12. С. 97–156. 2001. № 4. С. 80–141.

42. Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров. С. 127–128.

43. Там же. С.128.

44. Солженицын А. И.: 1) Желябутские высылки. Двухчасовой рассказ // Новый мир. 1998. № 3. С. 3–29. 2) Адлинг Швеннигтен. Односуточная повесть // Там же. С. 30–55.

45. Медведев Р. А. Солженицын и Сахаров. С.128

46. Там же.

47. Путин встретился с Солженицыным // Известия. 2000. 21

сентября.

Опять евреи

1. Солженицын А. И. Двести лет вместе. Т. 1–2. М., 2001–2002.

2. Там же. Т.1. С.5

3. Мороз Е. Русско-еврейские отношения по версии А. И. Солженицына // Народ Книги в мире книг. СПб., 2001. № 35. С. 1–10.

4. Лошак В. Раскаленный вопрос (беседа с А. И. Солженицыным) // Московские новости. 2001. № 25. 19–25 июня. С. 8–9.

5. Илькина К. и др. Цитатник для семитов и антисемитов //

Аргументы и факты. 29. С.19.

6. Там же.

7. Там же. См. также:

Аргументы и факты. 2001. 18 июля.

8. Попирный Н. Открытое письмо А. И. Солженицыну // Еврейские новости. 2003. № 6.

9. См.: Померанц Г. История спора с Солженицыным // Литературные новости. 1994. № 11. С. 6–7.

10. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.1. М., 1991. С.282.

11. Флегон А. Вокруг А. И. Солженицына. Т.1. Л., 1981. С.519.

12. Российская еврейская

энциклопедия. Т.1. М... 1994. С.478.

13. Цит. по: Флегон А. Вокруг Солженицына. Т.1. С.519.

14. Российская еврейская энциклопедия. Т.1. С.478.

15. Солженицын А. И. На возврате дыхания и сознания // Публицистика. Т.1. Ярославль, 1995. С. 38–39.

16. Там же. С.54.

17. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. М., 1991. С.384.

18. Солженицын А. И. Бодался теленко с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.133.

19. Солженицын А. И. Двести лет вместе. Т.1. М., 2001. С.297.

20. Войнович В. Н. Портрет на фоне мифа. С.60.

21. Солженицын А. И. Двести лет вместе. Т.2. М., 2002. С.552.

Часть четвертая

БЕЗ МАСКИ И ГРИМА

Глава 1

«Злодей и гений не совместны»

Волшебник изумрудного города

1. Burg D., Feifer G. Soizhenitsyn.
L.-N.Y., 1972.

2. Солженицын А.и. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 12. С.56.

3. Войнович В. Портрет на фоне

мифа. М., 2002. С.53.

4. Грибачев Н. Метеорит // Знамя. 1990. № 6. С.91.

5. Самойлов Д. Из книги «Памятные записки» // Вопросы литературы. 1991. № 12. С.115

6. Флегон А. Вокруг Солженицына. Т. 1–2. Л., 1981.

7. Войнович В. Н. Москва, 2042. Париж, 1986.

8. Войнович В. Н. Портрет на фоне мифа. М., 2002.

«Подайте милостыню ей»

1. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. М., 1991.

С.42, 93.

2. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №.6 С.33.

3. Там же. С.32.

4. Вишневская Г. П. Галина. Минск, 1997. С. 483–484.

5. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.41, 43.

6. Чуковский К. И. Дневник. 1930–1969 гг. М., С.387.

7. Гарасева А. М. Я жила в самой бесчеловечной стране... Воспоминания анархистки. М., 1997. С.280.

8. Григоренко П. Г. Воспоминания // Звезда. 1990.

№ 12. С.169.

9. Там же. С.170.

10. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.20.

11. Войнович В. Н. Портрет на фонде мифа. М... 2002. С. 29–30.

12. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 7. С.67.

13. Кондратович А. И. Новомировский дневник. 1967–1970. М., 1991. С.44.

14. Бианки Н. Встречи в «Новом мире» (фрагменты из книги) // Книжное обозрение. 1990. 16 марта.

15. Гарусева А. М. Я жила в самой бесчеловечной стране...

С.276.

16. Кондратович

А. И. Новомировский дневник. 1967–1970 гг. М., 1991. С.97.

17. Вишневская Г. Галина. С.489.

18. Солженицын

А. И. Выступление по испанскому телевидению. 20 марта 1976 // Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С. 458–459.

19. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.103.

20. Владимиров С. Солженицын в рубище // В круге последнем. М., 1994. С.120.

21. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия //

Дон. 1990. № 3. С.94.

22. В середине 1960-х годов оптовая цена автомобиля «Москвич-408» составляла 1444 руб. (Цены и ценообразование в промышленности СССР (1965–1970). Статистический сборник. Т.1. М., б.д. С.184). Между тем розничные цены на автомашины в те годы превышали оптовые в несколько раз.

23. Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва // Архив автора.

24. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.238.

25. Запись беседы с

Н. А. Решетовской. Москва. 17
апреля 2003 г. // Архив автора.

26. Солженицын А. И. Бодался
теленос с дубом // Новый мир. 1991.
№ 6. С.20.

27. Решетовская Н. А. Александр
Солженицын и читающая Россия. М.,
1990. С.55.

28. Кондратович
А. И. Новомировский дневник. С.97.

29. Бианки Н. Встречи в «Новом
мире» (фрагменты из книги) //
Книжное обозрение. 1990. 16 марта.

30. Решетовская
Н. А. Отлучение. Из жизни
Александра Солженицына.
Воспоминания жены. М., 1994.
С.100.

31. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.111, 189–190.

32. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.100. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т.6. Франкфурт-на-Майне, 1970. С. 370–385.

33. Андреева-Каралай О. К. Солженицын: в круге тайном // Вопросы литературы. 1991. № 3. С.125.

34. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.138.

35. Там же. С.145.

Любовь к «чернухе»

1. Бушин В. Мастер полуправды // Молодая гвардия. 1992. № 1–2. С. 250–263.

2. Воздвиженский В. Солженицын? который? // Огонек. 1991. № 47. С. 4–6. № 48. С. 28–30.

3. Солженицын А. И. Пресс-конференция в Стокгольме. 12 декабря 1974 // Публицистика. Т.2. Ярославль, 1996. С.167.

4. См. выше.

5. Солженицын А. И. Из интервью газете «Франс суар».

Париж, 10 марта 1976 // Публицистика. Т.2. С.410.

6. Солженицын А. И. Телеинтервью с Малколмом Магарэджем для Би-Би-Си. Лондон, 16 мая 1983 // Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С.144.

7. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С.136.

8. Солженицын А. И. Из телеинтервью компании CBS (интервью ведет Уолтер Кронкайт). Цюрих, 17 июня 1974 // Публицистика. Т.2. С.104.

9. Островский А. В. Универсальный справочник по истории России. СПб., 2000. С.233.

10. Солженицын А. И. Иметь мужество видеть. Полемика в журнале «Foreign Affers» // Публицистика. Т.1. Ярославль, 1985. С.384.

11. Солженицын А. И. Телеинтервью с конгрессменом Лебутийе об американском радиовещании на русском языке (23 октября 1981) // Публицистика. Т.2. С.569.

12. Солженицын А. И. Выступление по испанскому телевидению (20 марта 1976) // Там же. С.453.

13. Солженицын А. И. Пресс-конференция в Мадриде (20 марта 1976) // Там же. С.466.

14. Солженицын А. И. Конец одного советского десятилетия (Нойе Цюрихер цайтунг. 15 января 1975) // Там же. С.205.

15. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.1. Paris, 1973. С.587.

16. Там же. Т.2. Paris, 1974. С.201.

17. Солженицын А. И. Выступление по испанскому телевидению. Мадрид, 20 марта 1976 г. // Публицистика. Т.2. с.450.

18. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С.20, 28.

19. Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект)

// Социальные исследования. 1991.
№ 6. С.23.

20. Солженицын А. И. По минуте в день. М., 1995. С.127.

21. Земсков В. Н.: 1) Заключенные, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 152–153.

22. Солженицын А. И. Пресс-конференция в Стокгольме. 12 декабря 1974 // Публицистика. Т.2. С.179.

23. Солженицын А. И. Коммунизм к концу брежневского периода. Статья для газеты «Йомниури» // Публицистика.

Т.3. Ярославль, 1997. С.32.

24. В защиту Александра Гинзбурга. Призыв Натальи Солженицыной // Русская мысль. 1978. 2 марта.

25. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000. С.81.

26. Солженицын А. И. Выступление по испанскому телевидению. Мадрид, 20 марта 1976 г. // Публицистика. Т.2. С.450.

27. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. М., 1991. С.37.

28. Исупов

В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000. С.117.

29. Солженицын

А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.2. Париж, 1975. С.10.

30. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. С.8.

31. Там же.

32. Солженицын А. И. О работе русской секции Би-Би-Си // Публицистика. Т.2. С.359.

33. Максудов. Потери населения в СССР в 1931–1938 гг. // СССР: внутренние противоречия. Т.5. N.-Y., 1982. С.176.

34. Солженицын

А. И. Выступление по испанскому телевидению. Мадрид, 20 марта 1976 г. // Публицистика. Т. 2. С.451.

35. Там же.

36. Максудов. Потери населения в СССР в 1931–1938 гг. // СССР: внутренние противоречия. Т.5. С. 178–180.

37. Солженицын

А. И. Коммунизм к концу брежневского периода статья для газеты «Йомиури» // Публицистика. Т.3. С.40.

38. Народное хозяйство СССР в 1990 г. М... 1991. С.67. Российский статистический ежегодник. 2000 г. Статистический сборник. М., 2002. С.82, 128.

39. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.74.

О «чистоте» его имени

1. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.73.

2. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.7. С.290.

3. Там же.

4. Там же.

5. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.9.

6. Там же. № 8. С.10.

7. Максимов В. Е. История одной капитуляции // Правда. 1994. 28 декабря.

8. Там же.

9. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.36.

10. Там же.

11. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.5.

12. Там же.6.

13. Там же.7.

14. Войнович В. Н. Портрет на фоне мифа. М., 2002. С. 159–162.

15. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 6. С.48.

16. См. выше — С.

17. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 6. С. 96.

18. Там же. С.107.

19. См. выше

20. См. выше.

21. См. выше.

22. Шаламов В. Т. Из записных книжек // Знамя. 1995. № 6. С. 143–144.

23. Солженицын А. И. С Варламом Шаламовым // Новый мир. 1999. № 4. С.169.

24. Шаламовский сборник. Вып.2. Вологда, 1997. С.24, 69, 73. См. также: Сиротинская

И. Александр Солженицын о Варламе Шаламове // Новый мир. 1999. № 9. С. 236–237.

25. Солженицын А. И. С Варламом Шаламовым // Новый мир. 1999. № 4. С.169. См. также: Новый мир. 1999. № 9. С. 236–237.

26. Подобным образом Александр Исаевич стал изъясняться в «Теленке», начиная с «Третьего дополнения» (февраль 1971 г.): Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. № 7. С.87, 91, 96.

27. Бушин В. Гении и прохиндеи. С.105.

28. Войнович В. Н. Потрет на фоне мифа. С.174.

1. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С. 120.
2. Там же. С. 121.
3. Там же.
4. Солженицын А. И. Протеревши глаза. М., 1999. С.143, 146–149.
5. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. С. 124.
6. Там же. Т.6. С.384.
7. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. С.322.
8. Кремлевский скамосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.514. Солженицын А. И. Бодался

теленко с дубом // Новый мир. 1991.
№ 11. С.133.

9. Там же. № 6. С.79.

10. Там же. № 12. С.76.

11. Максимов В. История одной
капитуляции // Правда. 1994. 28
декабря

12. Там же.

13. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 6. С.111.

14. Там же. С.93.

15. Кремлевский самосуд.
Секретные документы Политбюро о
писателе А. Солженицыне. М., 1994.
С.5.

16. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 7. С.133.

17. Там же. № 6. С.94.

18. Там же. С.111.

19. Там же.

20. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С.114.

21. Максимов В. История одной капитуляции // Правда. 1994. 28 декабря.

22. Там же.

23. Флегон А. Вокруг Солженицына. Т.1. Л., 1981. С. 281–283.

24. См. выше — С.

25. Солженицын А. И. Бодался теленко с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.116.

26. Солженицын А. И. Письмо
вождям Советского Союза //
Публицистика. Т.1. Ярославль, 1995.
С.186.

27. Солженицын А. И. Бодался
теленко с дубом // Новый мир. 1991.
№ 8. С. 46–47.

28. Солженицын А. И. На случай
ареста // Публицистика. Т.2.
Ярославль, 1996. С.70.

29. Солженицын А. И. Интервью
лондонской газете Таймс (интервью
ведет Бернард Левин). Лондон, 16
мая 1983 г. // Публицистика. Т.3.
Ярославль, 1997. С.120.

30. Солженицын А. И. Бодался
теленко с дубом // Новый мир. 1991.
№ 8. С.8.

31. Гарасева А. М. Я жила в самой бесчеловечной стране... Воспоминания анархистки. М., 1997. С.272.

32. Лакшин В. Я. Берега культуры. М., 1994. С.358.

33. Там же.

«Человек исключительной скромности»

1. Дмитрий Панин об «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына // Русская мысль, Париж, 1974. 17 января.

2. Самутин Л. А. Я был власовцем... СПб., 2002. С.258.

3. Решетовская Н. А. Разрыв. Иркутск, 1992. С.46.

4. Войнович В. Н. Потрет на фоне мифа. М., 2002. С.182.

5. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерново // Новый мир. 2001. № 4. С.129.

6. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.371.

7. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.13.

8. Решетовская Н. А. В споре со временем. М., 1975. С.43.

9. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.57.

10. Самутин Л. А. Я был власовцем... С.299.

11. Войнович В. Н. Потрет на фоне мифа. С.183.

12. Там же. С. 143–144.

13. В.Шаламов. Из записных книжек. Публикация И. Сиротинской // Знамя. 1995. № 6. С.155.

14. Солженицын А. И. С Варламом Шаламовым // Новый мир. 1999. № 4. С.168.

15. Бушин В. Гении и прохиндени. М., 2003. С.83.

Глава 2

Следы ведут на «Лубянку»

Делец или провокатор?

1. КГБ: вчера, сегодня, завтра? // Русская мысль. 1992. 21 февраля.

2. Щаранский Н. Не убоюсь зла. М., 1991. С. 74–75, 97–105, 128, 173. Литературные новости. 1992. № 7. С. 12–13.

3. Солженицын А. И. Потемщики света не ищут // Комсомольская правда. 2003. 23 октября

4. Паламарчук П. Александр Солженицын. Путеводитель. М., 1991. С.31.

Сверстюк Е. Солженицына атакую клопы // Глобус. Часть вторая. 2003. 5–11 мая.

5. Нива Ж. Солженицын // Дружба народов. 1990. № 5. С.203.
Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.23.

6. Цит. по: Флегон А. Вокруг Солженицына. С.491.

7. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С.59.

8. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.2. Paris, 1974. С.563.
Русская мысль, Париж, 1974. 12 сентября.

«Мастер конспирации»

1. См. например: Солженицын

А. И. Интервью со Стигом Фредриксоном для шведского телевидения. Унтерэрэндинген (Швейцария), 16 сентября 1993 г. // Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С. 405–406.

2. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С.35.

3. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.9.

4. Там же.

5. Там же. С. 9–10.

6. Там же. С.26. № 11. С.124, 127.

7. Там же. С.59.

8. Там же. С. 47–65.

9. Там же. № 8. С.69.

10. Там же.

11. Солженицын А. И. Интервью со Стигом Фредриксоном для шведского телевидения. Унтерэрэндиген (Швейцария), 16 сентября 1993 // Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997. С.405.

12. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 119–146. № 12. С. 5–76.

13. Там же. № 8. С.46.

14. Там же. № 11. С. 123.

15. Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. 1956–1980. М., 1988. С.74.

16. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 12. С.25.

17. Чуковский К. И. Дневник. 1930–1969. М., 1997. С.379.

18 Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.136.

19. Сузи Х. Солженицын в Эстонии // Таллин. 1989. № 5(68). С. 120–121. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.281.

20. Там же.

21. Орел Э. В. Записки врача, сделанные в рабочее время // Куранты. 1991. 1 октября.

22. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С.107.

23. Решетовская Н. А. Александр Солженицын и читающая Россия. С.57.

24 Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. №6. С.9.

25. Григоренко П. Г. Воспоминания // Звезда. 1990. № 12. С.169.

26. Буханов В. У Солженицына в Рязани // Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962–1964. М., 1998. С.47.

27. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.9.

28. Там же. № 11.С.119–146.

№ 12. С. 5–76.

29. Запись беседы с
Т. А. Угримовой. Москва. 7 июня
2003 г. // Архив автора.

30. Запись беседы с
А. А. Васильевым. С-Петербург. 20
мая 2003 г. // Архив автора.

31. Солженицын А. И. Бодался
теленек с дубом // Новый мир. 1991.
№ 7. С. 79–80.

32 Там же. № 11. С.119.

О бездарности КГБ

1. Сузи Х. Хозяйка хутора
Солженицына // Московские
новости. 1990. 1 июля.

2. Чехонин Б. И. Журналистика и разведка. М., 2002. С.157.

3 Там же. С.158.

4. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8 С.115.

5. Там же. С.69.

6. Там же. № 12. С.47 (имеется в виду встреча в августе 1973 г., во время которой А. И. Солженицын передал В. Н. Курдюмову для пересъемки «Октябрь Шестнадцатого» //Там же. С.46).

7. Зильберберг И. И. Необходимый разговор с Солженицыным. Англия. 1976. С.140.

8. Юринский В. Записки

управдома «Матренин двор» // Московские ведомости. 1990. № 10.

9. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе

А. Солженицыне. М., 1994. С. 217–221.

10. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. М., 1991. С.397.

11. Флегон А. Вокруг Солженицына. Т.2. Л., 1981. С. 904–905.

12. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С.95.

13. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991.

№ 11. С. 132–133.

14. Солженицын А.И. — Никифорову С. Н. 4 февраля 1993 г. // Наш современник. 2000. № 11. С.218.

15. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 11. С. 94–95.

16. Там же. № 9. С. 84–86.

17. Русская мысль. 1974. 11 июля.

18. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 143–145.

19. Там же. № 8. С.53.

20. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. М., 1991. С.292.

21. Розанова М. В. Абрам да

Марья // Независимая газета. 1993.
12 января.

22. Вишневская Г. П. Галина.
Минск, 1997. С. 171–177, 213–214.

23. Терц А. (Синявский А.).
Собрание сочинений в двух томах.
Т.2. М., 1992. С. 544–610.

24. Вместо колонки редактора.
О «руке КГБ» и прочем // Континент.
1986. № 49. Там же. С. 337–342.

25. Терц А. (Синявский А. Д.).
Собрание сочинений в двух томах.
Т.2. М., 1992. С. 544–610 (глава «Во
чреве китовом»).

26. Вместо колонки редактора.
О «руке КГБ» и прочем // Континент.
1986. № 49. С.337.

27. Розанова-Синявская

М. В. Кто за кого решает // Московские новости. 1990. 20 января. В печати упоминается рукопись М. В. Розановой «Некоторые уточнения к статье С. Хмельницкого», в которой тоже подтверждается данный факт (Закючая разговор // Континет. № 50. 1986. С. 381–382), однако при работе над этой книгой обнаружить ее не удалось.

28.

Воспоминания

С. Хмельницкого «Из чрева китова» были опубликованы в Тель-Авиве в журнале «22» (№ 48 за 1986). Однако ни в РГБ, ни РНБ обнаружить этого номера журнала не удалось. Позднее они были перепечатаны в других

изданиях: (Континент. 1992. № 71. С. 315–349. Литературные новости. 1992. № 6. С. 10–11. Вопросы литературы. 2002. № 5. С.).

29. Терц А. (Синявский А. Д.). Собрание сочинений в двух томах. Т.2. М., 1992. С. 544–610.

30. Письмо Э. Пельтье (Замойска) первоначально было напечатано в газете «Монд» 26 октября 1984 г. (Литературные новости. 1992. № 9. С. 10–11), а затем — в журналах «Время и мы» (1986. № 91. С.), «Двадцать два» (1986. № 49. С. 221–222) и «Континент» (1986. № 49. С. 338–339. № 50. С. 380–381).

31. Эткинд Е. Г. Андрей

Синявский чист перед богом и людьми // Время и мы. № 91. С. (перепечатано: Литературные новости. 1992. № 9. С. 10–11). Розанова-Синявская М. В.: 1) Кто за кого решает // Московские новости. 1990. 21 января. 2) ... надцатый суд над Синявским // Литературные новости. 1992. № 9. С. 10–11.

32. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. М., 1991. С. 227–231.

33. Розанова-Синявская М. В. Кто за кого решает // Московские новости. 1990. 21 января. См. также: Терц А. (Синявский А. Д.). Собрание сочинений в двух томах. Т.2. С.586.

34. Буковский В. Московский процесс. Париж-Москва. 1996. С. 186–188.

35. Там же. С. 188–189.

36. Хмельницкий С. Из чрева китова // Континент // 1992. № 71. С. 315–346.

37. Рахаева Ю. Кагэбиада Андрея Синявского // Новое время. 1992. № 44 (2470). С.92

38. Максимов В. Е. Заявление для печати. Необходимое разъяснение // Синтаксис. 1994. № 34. С. 161–162. См. также: Голошток И. С сокращениями и без. То, что проходит в Тель-Авиве, не проходит в Москве // Независимая газета. Приложение Exlibris. 2003. 6

февраля.

39. Максимов В. Заявление для печати. Необходимое разъяснение // Синтаксис. 1994. № 34. С.161.

40. Там же.

41. Российская еврейская энциклопедия. Т.1. М., 1995. С.286.

42. Петровский Л. П. Фронт Эрнста Генри // Кентавр. 1995. № 6. С. 114–125. Запись беседы с Михаилом Семеновичем Ростовским. Москва. Кафе Zen. 3 июня 2003 г. // Архив автора.

43. Шахматов А. Время врывается в книги. Автограф дает Эрнст Генри // Книжное обозрение. 1987. 11 сентября.

44. Петровский Л. П. Фронт

Эрнста Генри // Кентавр. 1995. № 6.
С.115.

45. Там же. С.116.

46. Там же. С.115.

47. Шахматов А. Время
врывается в книги. Автограф дает
Эрнст Генри // Книжное обозрение.
1987. 11 сентября.

48. Biographical Dictionary of
Dissidents in The Soviet Union. 1956—
1975. / Compiled and edited by S.P. de
Boer, E. I. Drissen and H. L. Verhaar.
Hague — Boston — L., 1982. P.156.

49. Петровский Л. П. Фронт
Эрнста Генри // Кентавр. 1995. 6.
С.117.

50. Запись беседы с
Владимиром Иосифовичем

Пятницким. Петербург. 11 июня 2003 г. По телефону // Архив автора.

51. Biographical Dictionary of Dissidents in The Soviet Union. 1956–1975. P.156.

52. Гордиевский О., Эндрю К. Разведывательные операции от Ленина до Горбачева. М, 1999. С.202.

53. Biographical Dictionary of Dissidents in The Soviet Union. 1956–1975. P.156.

54. Российская еврейская энциклопедия. Т.1. М., 1995. С.286.

55. Запись беседы с В. И. Пятницким. С-Петербург. 11 июня 2003 г. По телефону // Архив автора.

56. Запись беседы с

М. С. Ростовским. Москва. Кафе Zen.
3 июня 2003 г. // Там же.

57. Запись беседы с Андреем Александровичем Васильевым. С-Петербург. 20 мая 2003 г. // Там же.

58. Чехонин Б. И. Журналистика и разведка. С.158.

59. Запись беседы с Андреем Александровичем Васильевым. С-Петербург. 17 мая 2003 г. По телефону // Архив автора.

60. Там же. Запись беседы с А. Б. Сосинским. Москва. 3 июня 2003 г. // Архив автора.61

Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.25

62. Андреева-Карлайл О. В. Солженицын: в круге тайном //

Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 221.

63. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С. 29–30

64. Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. 1956–1980. М, 1988. С.109.

65. Запись беседы с А. А. Васильевым. С-Петербург. 20 мая 2003 г.// Архив автора.

66. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.30.67 Там же.

68. Носик Б. М. Русские тайны Парижа. СПб... 2001. С.298.

69. Млечин Л. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М,

1998. С.500.

70. Бакатин В. Избавление от КГБ. М., 1992. С. 160–161.

Что они знали о нем?

1. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С. 229–232.

2. Там же. С.235.

3. Там же. С. 198–203.

4. Там же. С. 203–217.

5. Там же. С. 173–175.

6. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. М., 1991. С. 178–188.

7. Кремлевский самосуд. С.132.

8. Андреева-Карлайл

О. В. Солженицын: в круге тайном // Вопросы литературы. 1991. № 4. С.204.

9. Документы из архива ЦК КПСС по делу А. И. Солженицына // Континент. Москва-Париж, 1993. № 75. С.178.

10. Там же. С.165.

11. Кремлевский самосуд. С. 9–10.

12. Там же. С. 10–11.

13. Там же. С. 11–12.

14. Там же.

15. Там же.

16. Там же. С. 12–13.

17. Там же. С. 13–14.

Как они с ним боролись

1. Буковский В. Московский процесс. Париж-Москва. 1996. С.93.

2. Там же. С.94.

3. Идейная борьба.

Ответственность писателя // Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962–1974. М... 1998. С. 353–357.

4. Где ищет писательский талант и славу Нобелевский комитет // Комсомольская правда. 1970. 17 октября. См. также: Там же. С. 420–423.

5. Печать о Солженицыне. М., 1972.

6. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Там же. 1991. № 8. С. 113–116.

7. Лиханов Д. Смертельная жара // Совершенно секретно. 1992. № 4. С. 10–11. См. также: К истории покушения на А. И. Солженицына в августе 1971 г. // Русская мысль. 1992. 29 мая.

8. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. М., 1996. С. 675–683.

9. К истории покушения на А. И. Солженицына в августе 1971 г. // Русская мысль. 1992. 29 мая.

10. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С.111.

11. В круге последнем. М., 1974.

12. Там же. С.172.

13. Там же.

14. Гаврилов Э. П. Издательство и автор. Вопросы от ответы по авторскому праву. М., 1991. С.93.

15. Решетовская Н. А. Разрыв. Иркутск, 1992. С. 128–130, 140–144, 147–148, 150–151, 158–159.

16. Документы из архива ЦК КПСС по делу А. И. Солженицына // Констинент. Москва- Париж, 1973. № 75. С.217.

17. Там же. С.229.

18. Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. N.Y — L. 1984. P.1021.

19. Решетовская Н. А. В споре со временем. М... 1975.

20. Scammell M. Solzhenitsyn: A biography. P. 951–952. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. М., 1991. С.292.

21. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С.71.

22. Романов Е. Р. В борьбе за Россию. Воспоминания. М., 1999. С.314. Слово пробивает дорогу. Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С. 416–417.

23. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С. 71–72.

24. Там же. С. 122–123. Сравните: Госбезопасность не

уни­ма­ет­ся. Заяв­ле­ние
А. Сол­же­ни­цы­на кор­ре­спон­ден­ту
жур­на­ла «Time». 3 мая // Рус­ская
мысль. 1974. 30 мая. Ме­жду э­ти­ми
пу­бли­ка­ци­я­ми заяв­ле­ния
А. И. Сол­же­ни­цы­на есть не­ко­то­рые
рас­хо­ж­де­ния.

25. Там же.

26. Не­у­да­в­шая­ся со­вет­ская
про­во­ка­ция // Ча­со­вой. 1974. № 576.
С.20.

27. Сол­же­ни­цын А. И. У­го­ди­ло
зер­ныш­ко про­ме­ж двух жер­но­вов //
Но­вый мир. 1998. № 9. С.122.

28. Ве­тров, он же Сол­же­ни­цын
// Во­ен­но-ис­то­ри­че­ский жур­нал.
1990. № 12. С. 72–77.

29. Кре­м­лев­ский са­мо­суд.

С. 556–561.

30. Там же. С.563.

31. Там же. С.567.

32. Там же. С. 566–567.

33. Там же. С. 567–568.

34. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2001. № 4. С. 80–81.

35. Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. 3 изд. М., 1983. С. 187–217.

36. Документы из архива ЦК КПСС по делу А. И. Солженицына // Континент. 1993. 75. С. 219–221.

37. Автором одной из таких книг под названием «Не сотвори кумира» стал Л. А. Самутин (Самутина Т. П. Мой муж написал эту книгу по заданию КГБ // Книжное обозрение.

1990. 19 октября). Частично эта книга была опубликована в 1990 г. (Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 19–27. № 10. С. 46–55. № 11. С. 67–77), полностью в 2002 г. (Самутин Л. А. Я был власовцем... СПб., 2002. С. 185–306).

38. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.41.

39. Войнович В. Портрет на фоне мифа. М., 2002. С.42.

Отпечатки пальцев

1. Документы из архива ЦК КПСС по делу А. И. Солженицына //

Континент. 1993. № 75. С.165.

2. Там же. С.166.

3. Идейная борьба.

Ответственность писателя // Слово пробивает себе дорогу. Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962–1974. М... 1998. С.349

4. Кремлевский самосуд.

Секретные документы Политбюро о писателе А.Солженицыне. М., 1994. С.25.

5. Зильберберг

И. И. Необходимый разговор с Солженицыным. Англия, 1976. С.100.

6. Солженицын А. И. Бодался

теленос с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.40.

7. Кремлевский самосуд. С.236.

8. Солженицын А. И. Бодался

теленек с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.57.

9. Там же. С.46.

10. Решетовская Н. А. Разрыв.

Иркутск, 1992. С.152.

11. Солженицын А. И. Бодался

теленек с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.37.

12. Гинзбург А. И. Стране не

нужен Архипелаг // Русская мысль. 1990. 24 августа.

13. Идашкин Ю. Как изгоняли

Солженицына [беседа с бывшим старшим следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Ю. Зверевым] //

Интерпол. 1991. № 1. С. 273–274.

14. Прокуратура СССР признает общепризнанное // Известия. 1991. 19 сентября

15. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. М., 1991. С.13, 16–17.

16. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.25.

17. Там же. С.115.

18. Там же. № 12. С.40.

19. Васильев П. «Аббат» выходит на связь (беседа с Г. Якуниным) // Аргументы и факты. 1992. № 1. С.5.
Бакатин В. В. Избавление от КГБ. М., 1992. С. 160–161.

20. Показательно, что

А. И. Солженицын сохранил подобное обозначение даже в третьем издании своих воспоминаний:

А. И. Бодаля теленок с дубом. М., 1996. С.297.

21. Бакатин В. Избавление от КГБ. С. 160–161.

По следам одного откровения

1. Солженицын А. И. Сквозь чад. Paris, 1979. С.13.

2. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Ч.3 (1982–1987) // Новый мир. 2001. № 4. С. 81–86.

3. Флегон А. Вокруг Солженицына. Т. 1–2. Л., 1981.

4. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. М., 1991. С.231.

5. Там же. С.227.

6. Копелев Л. З. Утоли мои печали. М., 1991. С. 51–52.

7. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.6. С. 231–233.

8. Лурье С. Из бумаг Л. Пантелеева // Нева. 1988. № 12. С.195.

9. Кремлевский самосуд. Секретные материалы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.231.

10. Там же. С.341.

11. Запись беседы с Н. Д. Виткевичем. Брянск. 10 января 1993 г. // Архив автора.

12. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.79.

Глава 3

В паутине ЦРУ

Масонский след

1. Сосинский В.Б... Конурка (об Алексее Ремизове, Александре Алехине, братьях Модильяни и других). Отрывки // Вопросы

литературы. 1991. № 6. С.-167-168.
См. также: Сосиснский В. Б. Рассказы
и публицистика. М., 2002.

2. Не исключено, правда, что
Б. Б. Сосинский фигурирует в
«Теленке» без фамилии как
«родственник» В. Л. Андреева
(Солженицын А. И. Бодался теленок
с дубом // Новый мир. 1991. № 12.
С.28, 32).

3. В.Сосинский. Конурка //
Вопросы литературы. 1991. № 6.
С. 167–168. Серков А. И. Русское
масонство. 1731–2000.
Энциклопедический словарь. М...
2001. С.762.

4. Там же.

5. Солженицын А. И. Бодался

теленек с дубом. Paris, 1975. С.

6. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.119.

7. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. М., 1996. С.7.

8. Кривошеин И. А. Послесловие // Кривошеина Н. А. Четыре трети нашей жизни. М., 1999. С.277.

9. Там же. С.167.

10. Серков А. И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб., 1999. С.44.

11. Кривошеин И. А. Послесловие // Кривошеина Н. А. Четыре трети нашей жизни. М., 1999. С.277.

12. Копелев Л. З. Утоли мои

печали. М., 1991. С. 141–142.

13. Серков А. И.: 1) История русского масонства. 1845–1945. СПб., 1997. 2) История русского масонства после Второй мировой войны. СПб., 1999. 3) Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001.

14. Там же. С.1160.

15. Там же. С.1175.

16. Там же. С.1194.

17. Там же. С.1202.

18. Там же. С.1153.

19. Там же. С.1196.

20. Там же. С.1181.

21. Там же. С.1217.

22. Там же. С.1198.

23. Там же. С.1184.

- 24. Там же. С.1182.
- 25. Там же. С.1185.
- 26. Там же. С.1192.
- 27. Там же. С.1196.
- 28. Там же. С.1166.
- 29. Там же. С.1212.
- 30. Там же. С.1155.
- 31. Там же. С.1183.
- 32. Там же. С.1178.

33. Кривошеина Н. А. Четыре трети нашей жизни. Париж, 1984. М.,1999.

34. Носик Б. М. Русские тайны Парижа. СПб., 2001. С.484.

35. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 57–58, 1188, 1196.

36. Who's who in America. 38th edition. 1974–1975. Chicago, 1974. P.1390.

«Окно в Европу»

1. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.59.

2. Там же.

3. Там же. С. 47–49.

4. Там же. С.49.

5. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. С. 278–279.

6. К.К. Грюнвальд —

Л. 3. Копелеву. 15 мая-11 сентября 1963 г. // РГАЛИ. Ф.2549. Оп.1. Д.194. Л.1–3.

7. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. С.1147, 1153, 1155, 1158, 1165, 1175, 1182, 1183, 1184, 1197, 1201, 1211, 1218.

8. Кривошеин И. А. Послесловие // Кривошеина Н. А. Три четверти жизни. М., 1999. С.278.

9. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.49.

10. Там же. С.48. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 / Сост. В. Н. Чуваков. Т.2. М., 1999. С.452.

11. Татаринова Е. Памяти

Л. П. Детердинг // Русская мысль.
1981. 12 февраля.

12. Незабытые могилы. Т.2.
С.452.

13. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 12. С. 48–49.

14. Там же. С.49.

15. Там же.

16. Там же.

17. Там же. С. 49–50.

18. Серков А. И. Русское
масонство. 1731–2000.
Энциклопедический словарь. С.775,
1194–1195.

19. Сведения, полученные от
петербургского генеалога
А. А. Шумкова // Архив автора.

20. Там же. Боханов
А. Н. Деловая элита России. 1914 г.
М... 1994. С. 151–152.

21. Незабытые могилы. Т.2.
С. 488–489.

22. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 12. С.50.

23. Андреева-Карлайл
О. В. Солженицын: в круге тайном //
Вопросы литературы. 1991. № 4.
С. 214–217.

24. Солженицын А. И. Бодался
теленок с дубом // Новый мир. 1991.
№ 12. С.62.

25. Список общего состава
чинов Отдельного корпуса
жандармов. Ч.1. Пг., 1916. С.

26. Падение царского режима.
Т.7. М.-Л., 1927. С.386, 423;
Татищев Н. Д. В дальнюю дорогу. Т.2.
Париж, б.д. С. 96–101.

27. Серков А. И. Русское
масонство. 1731–2000.
Энциклопедический словарь. С.788.

28. Там же. С.788, 1169, 1175–
1177, 1194–1195.

29. Носик Б. М. Русские тайны
Парижа. СПб, 2001. С. 290–305.

30. Солженицын А. И. Бодался
теленек с дубом // Новый мир. 1991.
№ 12. С.62.

31. Там же. С. 50–51.

32. Там же.

33. Там же. № 12. С. 59–60.

34. Там же.

35. Там же.

36. Там же.

37. Там же.

38. Там же. С. 60–61.

39. Там же. С.61.

40. Передача «Секретные

встречи в Москве» с участием

А. И. Солженицына и

С. Фредриксона по российскому

телевидению. 11 декабря 1993 г. В

опубликованном тексте беседы эти

сведения отсутствуют (Солженицын

А. И. Интервью со Стигом

Фредриксоном для шведского

телевидения. Унтерэрэндинген

(Швейцария), 16 сентября 1993 //

Публицистика. Т.3. Ярославль, 1997.

С. 405–415.

41. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.63.

42. Там же. С.64.

43. Там же. С.65.

44. Там же. С.67.

45. Там же.

46. Там же. С.68.

47. Там же. С. 65–66.

48. Солженицын А.И Угодило зернышко промеж двух жерновов // Там же. 1998. № 9. С.78.

49. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С. 67–68.

В дружбе с НТС

1. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т.8. Пьесы и сценарии. Paris, 1981. С. 7–124.

2. Самутин Л. А. Я был власовцем... СПб., 2002. С. 235–254.

3. Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А.Солженицыне. М., 1994. С. 173–175.

4. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений Т.5. М., 1991. С. 178–182.

5. Черезов К. Маска НТС или НТС без маски. М., 1965; НТС как есть. М., 1967; На службе ЦРУ. Разоблачение антисоветской деятельности Народно-трудового союза. М., 1977; Романов Е. Р. В

борьбе за Россию. Воспоминания. М., 1999; НТС: Мысль и дело. 1930–2000. М., 2000.

6. Буковский В. Московский процесс. Париж-М... 1996. С. 169–170.

7. НТС. Мысль и дело. 1930–2000. М., 2000. С.9, 10, 14, 47.

8. Там же. С. 21–27; Трушнович Я. Аресты руководства НТС в Берлине // Посев. 1992. № 4. С. 117–122.

9. Чикарлеев Ю. Трагедия НТС. Эпизод тайной войны. New York, 1987. С.43–68.

10. Там же.

11. Владимов Г. Необходимое объяснение. 12 июня 1986 г. //

Континент. 1986. № 47. Приложение.
С. II.

12. Романов Е. Р. В борьбе за
Россию. М., 1999. С. 187–188.

13. Поремский В. Д. Стратегия
антибольшевистской эмиграции.
Избранные статьи 1934–1997. М.,
1998. С.37.

14. Там же. С. 38.

15. Поремский В. Д. О
конструктивных силах // Встречи.
1982. № 242–243. С. 8–11. Назаров М.
О конструктивных силах // Встречи.
1980. № 223–224. С. 10–11. См.
также: Встречи. 981. 229–230. С.1

16. Назаров М. Миссия русской
эмиграции. Т.1. М., 1994. С.391.

17. Там же.

18. Поремский В. Д. Стратегия антибольшевистской эмиграции. С. 91–132.

19. В.Каган. Два обращенца // Континент. 1981. № 29. С.153, 162–163.

20. Романов Е. Р. В борьбе за Россию. С.204.

21. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т.6. Франкфурт-на-Майне. Посев, 1970. С. 197–242.

22. Романов Е. В борьбе за Россию. С. 182–183, 311.

23. Там же. С.204.24
Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С.71.

25. Романов Е. В борьбе за Россию. С.204.

26. Там же. С.205.

27. К вопросу о приоретте // Литературная газета. 1970. 14 октября. См. также: Слово пробивает дорогу. Сборник статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962–1974. М., 1998. С. 416–419.

28. Экран международных событий // Часовой. 1969. № 517. С.3.

29. Цит. по: Слово пробивает себе дорогу. С.416.

30. Солженицын А. И. Сочинения. Т. 1–6. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1970.

31. Романов Е. Р. В борьбе за Россию. С.205.

32. Слово пробивает дорогу. С.418.

33. Посев. 1970. № 11. С.26.

34. Процесс цепной реакции.

Сборник документов по делу
Ю. Т. Галанскова, А. И. Гинзбурга,
А. А. Добровольского,
В. И. Лашковой. Франкфурт-на-
Майне, 1971. С.53, 55, 58, 61 и др.

35. Там же. С.61.

36. Юрий Галасков. Франкфурт-
на-Майне, 1980. С. 8–10;
Романов Е. Р. В борьбе за Россию.
С.161, 304–305. НТС: Мысль и дело.
1930–2000. М., 2000. С.56.

37. Там же. С. 160–161, 271–272.

38. Там же. С. 311–312.

39. Процесс цепной реакции.
С. 68–69.

40. Солженицын А. И. Бодался

теленек с дубом // Новый мир. 1991. № 8. С.61.

41. Солженицын А. И. Собрание сочинений. Т.9. Paris, 1981. С.368.

42. Стратегические проблемы освободительной борьбы. Б.м. 1972. С.110.

43. Цит. по: Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. 3 изд. М., 1983. С.195.

44. Назаров М. Миссия русской эмиграции. Т.1. М., 1994. С.393.

45. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С.77.

46. Романов Е. Р. Борьба за Россию. С.278.

47. Незабытые могилы. Т.2. С.249.

48. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С.95.

49. Романов Е. Р. Борьба за Россию. С. 270–271.

5 °Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1998. № 9. С.96.

51. Пушкарев Б. Жизнь, отданная России. Биографи В. Д. Поремского // Поремский В. Д. Стратегия антибольшевистской эмиграции. Избранные статьи 1934–1997. М., 1998. С. 8–12.

52. Романов Е. Р. Борьба за Россию. С. 291–292. Вся Москва на 1914 г. М., 1914. Ч.2. С.555.

53. Романов Е. Р. Борьба за

Россию. С.291.

54. НТС. Мысль и дело. 1930–2000. М., 2000. С. 82–83.

55. Романов Е. Р. Борьба за Россию. С.207.

56. Там же. С.186, 312.

57. Там же. С.285.

58. Там же. С.186, 229, 312–313.

59. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.29.

60. НТС. Мысль и дело. 1930–2000. М., 2000. С. 82–83.

61. На службе ЦРУ: разоблачение антисоветской деятельности НТС. М., 1977.

62. Черезов К. К. Маска НТС и НТС без маски. М., 1965. Романов

Тень ЦРУ

1. Солженицын
А. И. Публицистика. Т. 1–3.
Ярославль, 1995–1997.

2. За рубежом. Белград-Париж-
Оксфорд. Хроника семьи Зерновых.
1921–1972. Под ред. Н.М. и
М. В. Зерновых. Paris, 1973. С. 104–
105.

3. Там же. С. 97–98, 105.

4. Колпакиди А.И. и Лемехов
О. И. Главный противник. ЦРУ
против России. М... 2002. С.11.

5. За рубежом. Белград-Париж-

Оксфорд. Хроника семьи Зерновых.
С. 97–106.

6. Вейдле В. Издательство
Ymca-Press // Русская мысль. 1976.
19 февраля. Карташев А. В.,
Струве Н. А. 70-лет издательства
Ymca-Press. 1920–1990. Paris, 1990.

7. Первоначально он назывался
«Вестник русского студенческого
христианского движения в Западной
Европе».

8. Татаринова Е. 50-летие
Русского Студенческого
Христанского движения // Русская
мысль. 1974. 3 января.

9. Карташев А. В., Струве Н. А.
70-лет издательства Ymca-Press.
1920–1990. Paris, 1990. С.28.

10. Татаринова Е. 50-летие Русского Студенческого Христанского движения // Русская мысль. 1974. 3 января. Протопоп А. Князев. И. В. Морозов (1919–1978) // Новый журнал. N.Y. 1979. № 135. С. 217–218.

11. Морозов И. В. Александр Исаевич Солженицын // Вестник РСХД. № 84. Paris, 1967. С. 1–4.

12. Вейдле. Издательство YMCA-Press // Русская мысль. Париж. 1976. 19 февраля

13. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С.50.

14. Там же. С.29.

15. Аллой В. Записки аутсайдера

// Минувшее. Т.22. СПб., 1997. С.157.

16. Флегон А. Вокруг Солженицына. Т.1. Л., 1981. С.12.

17. Аллой В. Записки аутсайдера
// Минувшее. Т.22. С.157.

18. Там же. Т.23. СПб., 1998.
С184-185.

19. Там же. С.185.

20. Сиротинская. Александр Солженицын о Варалааме Шаламове
// Новый мир. 1999. № 9. С.237.

21. Там же.

22. Войнович В. Н. Портрет на фоне мифа. М., 2002. С.94.

23. Флегонт А. Вокруг Солженицына. Т.1. Л., 1981. С. 79–80.

24. Там же. Т.1. С.65.

25. Войнович В. Н. Портрет на

фоне мифа. С.94.

26. Максимов В. Е. История одной капитуляции // Правда. 1994. 28 декабря.

27. Солженицын А.и. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С.85. 2001. № 4. С.128.

28. Там же. 1999. № 2. С.85.

29. Там же.

30. Там же.

31. Флегон А. Вокруг Солженицына. Т.2. С.853.

32. Имеется в виду редактируемая ею газета «Русская мысль», которая никак не отреагировала на книгу А. Флегона.

33. Аллой В. Записки аутсайдера

// Минувшее. Т.23. С.174.

34. Там же.

35. И.Жолковская-Гинзбург стала членом редакционной коллегии «Русской мысли» в декабре 1980 г. (Русская мысль. 1980. 11 и 18 декабря).

36. Аллой В. Записки аутсайдера // Минувшее. Т.21. 1997. С.111.

37. Там же.

38. Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 9. С.126.

39. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С.547.

40. Там же. С. 1165–1167.

41. Там же. С. 1154–1156.

42. Там же. С. 1177–1178.

43. Там же. С. 1205–1207.

44. Там же. С.221.

45. Там же. С. 44–45.

46. Там же. С. 207–208.

47. Там же. С. 350–351.

48. Там же. С.418.

49. Там же. С.930.

50. Солженицына Н. Д.

«Архипелаг ГУЛАГ» помогает
выжить. Правда о фонде
Солженицына // Труд. 1992. 14 марта.

51. Солженицын А. И. Угодило
зернышко промеж двух жерновов //
Новый мир. 1998. № 9. С.73.

52. Конквест Р. Большой террор.
Кн.2. Рига, 1991. С. 404–405.

53. Кузнецов Э., Хейфец М. Про шпионов // Континент. 1981. № 9. С.249.

54. О положении Русского фонда помощи политзаключенным и их семьям // Русская мысль. 1981. 28 января.

55. Солженицын А. И. Заявление прессе. 18 января 1974 г. // Публицистика. Т.2. Ярославль. 1996. С.62.

56. Солженицын А.И Угодило зернышко зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С.83.

57. Там же.

58. Там же.

59. Там же. 2001. № 4. С.130.

60. Юрьев К.:1) Операция «Фонд» // Советская Россия. 1986. 18 июля. 2) Доходы мошенников. О тех, кто не оставляет попыток расшатать социализм и об отношении к ним читателей // Советская Россия. 1987. 15 марта.

61. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. М., 1996. С.567.

62. Российская еврейская энциклпедия. Т.1. С.309.

63. Щаранский Н. Не убоюсь зла. М., 1991. С.274.

64. Русский общественный фонд помощи заключенным и их семьям // Русская мысль. 1983. 20 октября.

65. Там же.

66. Сиротинская И. Александр

Солженицын о Варлааме Шаламове
// Новый мир. 1999. № 9. С.236.

67. Там же. С.237.

68. Солженицын А. И. Угодило
зернышко прмеж двух жерновов //
Новый мир.2001. № 4. С.81.

69. Жириновский В. В. От
Андропова до Солженицына и
обратно в вагоне, оплаченном Би-Би-
Си // Московский комсомолец. 1994.
11 октября.

70. Максимов В. Е. История
одной капитуляции // Правда. 1994.
28 декабря.

71. Розанова М. Солженицын
полоснул меня таким взглядом, что я
поняла — это враг на всю жизнь //
Комсомольская правда. 1999. 13

января.

72. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С. 65–66.

73. Там же. С.69.

74. Who's who in America. 43rd edition. 1984–1985. Vol.2. Chicago, 1984. P.2454.

75. Пыхалов И. В. Спецслужбы США. СПб.-М., 2002. С.337.

76. Там же.

77. Там же.

78. Там же.

79. Who's who in America. 43rd edition/ 1984–1985. Vol.2. P.2454.

80. Пыхалов И. В. Спецслужбы США. С. 337–338.

81. Платонов О. Терновый венец

России. Загадки Сионских
протоколов. М., 1999. С.706. Who`s
who in America. 43rd edition/ 1984–
1985. Vol.2. P.

82. Нива Ж. Солженицын и
Россия // Русская мысль. Париж,
1992. 3 января.

Глупость или измена

1. Безбородов А. Б. и др. Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР в 50-80-е годы. Учебное пособие. М., 1994. Королева Л. А. Диссидентское движение в СССР в 60-70-е годы. Автореферат... кандидата исторических наук. М... 1995. Афанасьева Л.П. Личные архивы деятелей диссидентского движения в России 1950-1980-х гг. Автореферат... кандидата исторических наук. М., 1996. Кириллов В. М. История репрессий и правозащитного движения в России. Учебное пособие.

Екатеринбург, 1999.

2. Максимов В. Е. Открытое письмо председателю КГБ СМ СССР В. В. Бакатину. 25 августа 1991 г. // Синтаксис. 1991. № 31. С.156.

3. Млечин Л. М. Председатели КГБ: рассекреченные судьбы. М., 1999. С.503.

4. Буковский В. Московский процесс. Париж-Москва, 1996. С.169.

5. Чикарлеев Ю. Трагедия НТС. Эпизод тайной войны. Нью-Йорк, 1987.

6. Щекочихин Ю. «Наш человек» в НТС // Литературная газета. 1990. 5 декабря.

7. С этой целью мною были просмотрены три названные издания

за 1990–1991 гг.

8. См. выше. С.

9. Сахаров А. Д. Воспоминания
// Знамя. 1990. №.12. С.90.

10. Там же. С. 95–96. Григоренко
П. Г. Воспоминания // Звезда. 1990.
№ 10. С.199. Солженицын
А. И. Бодался теленок с дубом //
Новый мир. 1991. №.6. С.101.
Медведев Р. А. Солженицын и
Сахаров. М., 2002. С. 39–40, 44–45.

11. Митрохин Н. А. Русская
партия. Движение русских
националистов в СССР. 1953–1985.
М., 2003. С.138.

12. Сахаров А. Д. Воспоминания
// Знамя. 1990. № 12. С. 90–91.

13. Медведев Р. А. Солженицын

и Сахаров. М., 2002. С. 39–40.

14. Сахаров А. Д. Воспоминания // Знамя. 1990. № 12. С.94.

15. Мянoвич Т. Тень КГБ в ореоле Горбачева. Немецкая книга о перестройке // Континент. 1992. № 71. С.218.

16. Красильников Р. Новые крестоносцы. ЦРУ и перестройка. М, 2003. С.351. См. также: Чехонин Б. И. Журналистика и разведка. М., 2002. С.267.

17. Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М., 2003. С.403.

Примечания

В одном из дореволюционных изданий о Георгиевске сказано — «малолюдное еврейское поселение», окруженное «немецкими колониями» (Кавказ: Справочная книга, составленная старожилом. Вып. 1. Тифлис, 1887. С.34).

Здесь и далее выделения в тексте, сделаны мною — А.О.

Здесь, вероятно, следует отметить, что, по сведениям Н. В. Ледовских, еще до призыва Александра Исаевича на службу Наталья Алексеевна получила предложение в случае прихода оккупантов остаться в Морозовске для подпольной работы.

Известно девять фронтовых встреч Н. Д. Виткевича и А. И. Солженицына: 12 мая, 24 июня, 9 июля, 21 августа, 22 ноября, 13 и 28–29 декабря 1943 г., 2–3 января и 21–22 марта 1944 г. (Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 12 августа 1993 г. // Архив автора).

С 14 апреля 1943 г. по 4 мая 1946 г. Второе управление Народного комиссариата государственной безопасности возглавляло контрразведку (Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. Составители А. И. Кокурин и Н. В. Петров. М., 1997. С.125).

Непонятно: если из лагеря на
Калужской заставе
А. И. Солженицына *«выдернули по
спецнаряду»*, почему более двух
месяцев его держали в Бутырской
тюрьме?

До сих пор мы не имеем полного представления о всех перемещениях А. И. Солженицына 1945–1953 гг. Так, в «Архипелаге» дважды упоминается его пребывание в Иванове (Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Т.5. М, 1991. С. 368–369. Т.6. М., 1991. С.283). Но когда он там был и что делал, мы не знаем.

Воспоминания Л. З. Копелева о его пребывании в шарашке были опубликованы в 1981 г. (Копелев Л. З. Утоли мои печали. Анн-Арбор, 1981).

В связи с этим, вероятно, следует обратить внимание на то, что П. Герценберг стал прототипом одного из героев романа «В круге первом» — раскаявшегося осведомителя Руськи Доронина, который был изгнан из «шарашки» за то, что не только раскрыл факт своего сотрудничества, но и провалил еще нескольких осведомителей.

В. Т. Шаламов писал: «К глубокому сожалению, по выдумке Солженицына, *не знающего лагерей*, везде зеки и зек — чего нет в жизни, а есть только в повести Солженицына. Слово зэка не имеет множественного числа как слово пальто и т. д.» (В. Шаламов. Из записных книжек. Публикация И. Сиротинской // Знамя. 1995. № 6. С.172).

Еще более значительные размеры этой опухоли Александр Исаевич рисовал в одной из бесед с К. И. Чуковским: «У меня внутри опухоль была как два кулака, теперь уменьшилась, ташкентские врачи, очень хорошие, лечили» (Чуковский К. И. Дневник. 1930–1969. М., 1997. С. 341–342).

Берлик — поселок, в котором жил А. И. Солженицын, — предместье Кок-Терека.

О том, что А. И. Солженицын был реабилитирован в 1956 г. говорится и в «Записке КГБ при СМ СССР и Прокуратуры СССР», направленной в ЦК КПСС 27 марта 1972 г. (Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.198).

Н. А. Решетовская утверждала, что *до 1964 г. ничего не слышала не только о подобной работе, но и о ее замысле* (Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 23 января 1993 г. // Архив автора).

Рукопись с таким названием была обнаружена у Н. Д. Солженицыной весной 1974 г. при выезде за границу (Документы из архива ЦК КПСС по делу А. И. Солженицына // Континент. № 75. М.-Париж, 1993. С.216).

Тогда же было сделано еще одно хранение — у Н. И. Кобозева, который, правда, хранил рукописи «не у себя, а у сестры невестки по брату своему» (Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.127).

Отец Б. Ю. Поплавского Юлиан Игнатьевич до революции жил в Москве и являлся помощником директора завода Гужона (*Богословский А.* Легенда Бориса Поплавского // Русская мысль. 1992. 18 сентября).

Познакомился Александр
Исаевич и с художником
П. Д. Кориным, который, как считает
Н. А. Митрохин, был одним из тех,
кто вдохновил писателя
И. М. Шевцова на нашумевший в
свое время роман «Тля» (Митрохин
Н. А. Русская партия. Движение
русских националистов в СССР
1953–1985. М., 2003. С.66).

«...в круг лиц, близких к „Политическому дневнику“ входили Г. Арбатов, Г. Батищев, А. Бовин, Ф. Бурлацкий, Э. Генри, Е. Гинзбург, Л. Карпинский, В. Лакшин, О. Лацис, Ю. Любимов, Ю. Черниченко, Г. Шахнаназаров» (Митрохин Н. А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985. М., 2003. С.138).

Речь идет о вдове биолога Марте Мартыновне Порт, имевшей под Тарту хутор, называвшийся Хаава (Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С.134).

Роман был вывезен за границу В. Б. Сосинским (Запись беседы с А. Б. Сосинским. Москва. 3 июня 2003 г. // Архив автора) и опубликован итальянским издателем Д. Фельтринелли, которого подозревали в связях с коммунистами и в финансировании «красных бригад» (Отец «красных бригад» // Посев. 1986. № 9. С. 27–28.).

Так к тому времени стал называться 1-й Касимовский переулок (Запись беседы с Н. В. Ледовских. Москва. 6 июня 2003 г. // Архив автора).

С декабря 1966 г. съезд Союза писателей СССР был перенесен на май 1967 г.

После изъятия романа «В круге первом» и пьесы «Пир победителей» они были отпечатаны небольшим тиражом для служебного пользования.

Томас Портер Уитни (р. 26 января 1917) был сыном Герберта Портера Уитни и Луизы Метцгер. Первая жена — Tryphena Грэй (1936–1949), вторая — Юлия Запольская (1953–1965), третья — Юдит Форрестел (с 1966). Работал в Москве с 1944 по 1953 г. (Who's Who in America // Who's who in America. 38th edition. 1974–1975. Vol.2. Chicago, 1974. P.3291).

Летом 1967 г. в Москве А. И. Солженицын встречался с известным в свое время меньшевиком М. П. Якубовичем и записал его воспоминания, которые были использованы в «Архипелаге» (Солженицын А. И. Малое собрание сочинений, Т.5. М., 1991. С.268, 291). Встреча состоялась на квартире Александра Петровича Улановского (Улановская Н., Улановская М. История одной семьи. М., 1994. С.385), за плечами которого был не только ГУЛАГ, но и годы работы в советской разведке — в Германии,

Дании, Китае США (ГРУ: Дела и люди. М. — СПб., 2003. С. 479–480).
Дочь Александра Петрович Майя стала женой известного диссидента Анатолия Якобсона.

Иоганн Коплениг (Koplenig)
(р.1881) — в социал-
демократическом движении с 1909 г.,
с 1918 г. — коммунист, с 1924 г. —
генеральный секретарь ЦК
компартии Австрии (с 1945 г. —
председатель), с 1928 г. — член
Исполнительного комитета
Коммунистического Интернационала
(ИККИ), с 1935 г. — член
Президиума ИККИ, в 1945 г. — вице-
канцлер, в 1945–1959 гг. — член
парламента Австрии (Малый
энциклопедический словарь. Т.1.
С. 534–535).

Именно в это время Н.Бетелл стал лордом. «В декабре 1967 года, — пишет он, — вскоре после моего возвращения в Лондон, скончался мой кузен Гай, и я совершенно неожиданно получил возможность заседать в палате лордов британского парламента по праву наследования» (Бетелл Н. Путешествия англичанин в поисках России. М., 2002. С. 30–31).

29 декабря 1967 г.

А. И. Солженицын вернулся в
Давыдово (Решетовская

Н. А. Дневник // Архив

Н. А. Решетовской).

И. Р. Шафаревич женат на Любви Юрьевне Висковской (р.1921), — мать которой Любовь Николаевна являлась дочерью Николая Ивановича Гучкова (1860–1935) от его брака с Верой Петровной Боткиной (ум.1916) (Воробьева Ю. С. Родословная Гучковых // Из глубины времен. № 12. СПб., 2000. С. 228–230).

Л. А. Самутин утверждал, что он встречался с А. И. Солженицыным в Ленинграде 18 марта, специально приехав для этого из Воркуты (Самутин Л. А. Я был власовцем... СПб., 2002. С.244).

В начале 1970 г. Н. Горбаневскую на посту редактора «Хроники» заменил Анатолий Якобсон. Затем «Хронику» редактировали Галина и Илья Габай, Габриэль Суперфин, Юлий Ким (Миф о застое. Л., 1991. С.121).

О жене В. Луи см.: Загадочная англичанка в Москве. Необычная карьера жены Виктора Луиса // Русская мысль. 1975. 2 января.

О В. Луи см. также: Тьерри Вольтон. КГБ во Франции. Перевод с французского. М., 1993. С. 204–205. Гордиевский О., Эндрю К. КГБ. Разведывательные операции от Ленина до Горбачева. М., 1999. С.499.

«Мы, — писал П. Г. Григоренко о Ю. Г. Штейне, — знали и любили не только его, но и всю семью» (Григоренко П. Г. Воспоминания // Звезда.1990. № 12. С.168.).

Елена Георгиевна Боннэр родилась в 1923 г. Ее отец Геворк Алиханов, возглавлял отдел кадров Коминтерна, в 1937 г. он был арестован и обратно уже не вернулся. Была репрессирована и ее мать. Получив в 1953 г. медицинское образование Е. Г. Боннэр работала врачом в Ираке, потом занималась литературной деятельностью, в 1965 г. стала членом КПСС (Боннэр Е. Постскрипtum. Книга о горьковской ссылке // Нева. 1990. № 5. С. 136–137).

Из сообщения КГБ при СМ СССР в ЦК КПСС от 30 декабря 1972 г.: «По полученным комитетом госбезопасности данным, 29 декабря 1972 года СОЛЖЕНИЦЫН в Москве в церкви „Воскресение на Успенском Вражке“ (Ул. Неждановой) совершил обряд крещения своего второго сына Игната. При крещении помимо матери ребенка Светловой присутствовали РОСТРОПОВИЧ, ВИШНЕВСКАЯ и член-корреспондент Академии Наук СССР ШАФАРЕВИЧ. После совершения обряда крещения на квартире

Светловой (ул. Горького) был устроен
обед, на котором, кроме указанных
выше лиц, присутствовали близкие
связи СОЛЖЕНИЦЫНА —
СТОЛЯРОВА, УГРИМОВ,
УЛАНОВСКИЙ и священник
Леонид» (Источник. 1994. № 2(9).
С.99).

С января 1973 г. Ж. А. Медведев находился в Англии в заграничной командировке, летом того же года он был лишен советского гражданства, и в том же году в Лондоне вышла его книга «Десять лет после Одного дня Ивана Денисовича», посвященная А. И. Солженицыну.

В записной книжке Е. Д. Воронянской были обнаружены два телефона: Владимира Вячеславовича Егерёва (следователь КГБ) и Георгия Георгиевича Никандрова (оперативный работник КГБ) (Звезда. 1994. № 6. С. 79–82).

Выступая на этом заседании, Ю. В. Андропов сообщил, что «жить за рубежом» А. И. Солженицын «может безбедно», так как «у него в европейских банках на счетах находится 8 млн. рублей» (Кремлевский самосуд. С.354). В 1973 г. официальный курс доллара в СССР составлял 73 коп. (Валюты стран мира. Справочники. М, 1987. С.344), следовательно, 8 млн. руб. были эквиваленты примерно 11 млн. дол.

«...Дмитрий Михайлович, — писала Н. А. Решетовская, — был православным. Потом он стал католиком. Потом женился на еврейке, чтобы уехать в Израиль, а оказался в Париже» (Решетовская Н. А. В споре со временем. М., 1975. С.151).

«Я знаю, например, человека, — писал А. Флегон, — который явился к американскому послу в Лондоне с предложением создать Советскую коммунистическую партию (ленинскую) в изгнании», но оно не встретило поддержки (Флегонт А. Вокруг Солженицына. Т.1. Л., 1980. С.275).

По утверждению Ф. Голуба, до 1969 г. он, используя свои дипломатические возможности, содействовал вывозу рукописей А. И. Солженицына на Запад (Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. N.Y — L. 1984. P.885).

Выступая в кёльнском Институте славистики, В. П. Некрасов выразил сожаление, что эта книга не попала в руки редактора «Нового мира» Анны Самойловны Берзер, которая умела «отжимать воду» и без ущерба для содержания «Архипелага» сократила бы его объем по меньшей мере вдвое (Шафаревич И. Слово о Солженицыне // Наш современник. 1990. № 1. С.6).

В таком случае получается, что все гонорары за «Архипелаг», поступившие на счет А. И. Солженицына до второй половины 1977 г., остались в его собственности.

См. также: А. И. Солженицын и его творчество. Международная конференция. Нью-Йорк, 1988. 96 с.

Имеются сведения, что незадолго до смерти Д. Н. Панина из-под его пера вышла подобная же работа, которая называлась «Как нам наладить Россию?» Было бы интересно выяснить, что совпадало во взглядах ее автора и взглядах А. И. Солженицына, в чем они расходились.

«Один из его *бывших русских редакторов* рассказывал мне, — писал о А. И. Солженицыне бывший американский посол в Москве Бим, — что его первые рукописи содержали массу красноречивого, но непереваренного материала, который требовалось организовать в понятное целое. Оригинал его „Одного дня из жизни Ивана Денисовича“, который Хрущев позволил опубликовать, был в три раза длинее окончательного варианта и перегружен вульгаризмами и... пассажами, которые нуждались в

редактировании» (J. Beam. Zmultiple Exposure: An amer. Ambassador's unique perspective on East-west iss. N.Y., 1978. P. 232–233).

Истины ради следует отметить, что с Ю. Прокофьевым Александр Исаевич познакомился только в 1992 г. и до возвращения домой с ним больше не встречался (Захарчук М. Через всю Россию проехал вместе с Александром Солженицыным кинооператор Юрий Прокофьев // Красная звезда. 1994. 4 августа).

Через полгода после публикации этого письма А. И. Солженицын вынужден был признать авторство статьи «Евреи в СССР и в будущей России», опубликованной А. И. Сидорченко (Солженицын А. И. Потёмщики света не ищут // Комсомольская правда. 2003. 23 октября).

В этом отношении несомненный интерес представляют данные об агентурно-осведомительной сети среди трудпоселенцев на 1 декабря 1944 г. Из них явствует, что на 643986 человек приходилось 174 резидента (куратора), 561 агент и 12590 осведомителей. Следовательно один осведомитель приходился примерно на пятьдесят трудпоселенцев, что дает около 2 %. Если же брать только взрослое население, этот показатель будет выше примерно в два раза (Земсков В. Н. Кулацкая ссылка

накануне и в годы Великой
Отечественной войны
Социологические исследования.
1992. № 2. С.23).

Перед смертью Н. А. Решетовская призналась, что в Рязани дала согласие сотрудничать с госбезопасностью, но когда сюда переехал А. С. Солженицын и она поставила его в известность об этом, то по его настоянию от сотрудничества с КГБ отказалась (Запись беседы с Н. В. Ледовских. Москва. 24 апреля 2004 г. // Архив автора).

Среди тех, с кем был знаком А. И. Солженицын и кто оказывал ему различные услуги, известны и другие лица, имевшие связи с советской разведкой: Валентина Голуб, Александр Петрович Улановский, Павел Личко.

В окружении Л. З. Копелева в 1970 г. высказывались подозрения, что КГБ имел самое непосредственное отношение к этому знакомству.

Как нам теперь известно, подобный «протокол» был подготовлен совместными усилиями сотрудников 10 Управления МВД ЧССР и 5 Управления КГБ СССР (Солженицын А. И. Потёмщики света не ищут // Комсомольская правда. 2003. 23 сентября).

В связи с этим обращает на себя внимание то, что в протоколе обыска, опубликованного И. И. Зильбербергом, отсутствуют фамилии понятых и офицеров КГБ, производивших обыск (Зильберберг И. И. Необходимы разговор с Солженицыным. Англия, 1996. С. 73–77).

Рассказывая о событиях осени 1965 г., Н. А. Решетовская сообщила мне еще один очень любопытный факт. Оказывается, 11 сентября 1965 г. на квартире И. И. Зильберберга наряду с прочими рукописями А. И. Солженицына была обнаружена его поэма «Прусские ночи» (Запись беседы с Н. А. Решетовской. Москва. 23 января 1993 г. // Архив автора). Однако в опубликованном И. И. Зильбербергом протоколе обыска она не значится (Зильберберг И. И. Необходимый разговор с

Солженицыным. Англия. 1996.
С. 73–77).

Стремясь подчеркнуть распространенность подобного явления, А. И. Солженицын в брошюре «Сквозь чад» утверждает, что из «множества вербовок», «может быть», *«две трети остаются потом без движения»*. Было интересно узнать, откуда у него такая статистика? (Солженицын А. И. Сквозь чад. Paris, 1979.).

Полное имя Владимира
Брониславовича Сосинского
Бронислав-Владимир-Рейнгольд.
Официально он значился как
Владимир, неофициально его звали
Брониславом (Запись беседы с
Алексеем Брониславовичем
Сосинским. Москва. 3 июня 2003 г. //
Архив автора).

С учетом этого заслуживает внимания уже отмеченный в литературе факт, что, находясь в эмиграции, И. А. Кривошеин принадлежал к числу тех масонов, которые считали необходимым распространение своей деятельности на территорию СССР (Серков А. И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб., 1999. С.34).

БЫВШИЙ камергер
Императорского двора и член Совета
Волжско-Камского коммерческого
банка Эммануил Павлович Бенигсен
в эмиграции состоял в восьми
масонских ложах, среди членов
которых мы видим И. А. Кривошеина
(Серков А. И. Русское масонство.
1731–2000. Энциклопедический
словарь. М., 2001. С.104, 1153, 1160,
1185, 1194).

У А. И. Серкова третья жена Н. Д. Татищева фигурирует под фамилией Шрейблан (Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С.788), у А. Богословского — Шрайбман (Богословский А. Легенда Бориса Поплавского // Русская мысль. 1992. 2 октября), у Б. М. Носика — Шнейдерман, дочь то ли кантора, то ли раввина из Кишинева (Носик Б. М. Русские тайны Парижа. СПб., 2001. С.287, 302).

Имеются сведения, что после высылки А. И. Солженицына за границу Е. Г. Эткинд решил передать ему свой экземпляр Архипелага и с этой целью позвонил С. Н. Татищеву. Однако, когда последний явился на вокзал, где был оставлен этот экземпляр, и открыл ячейку камеры хранения, то был задержан сотрудниками КГБ, после чего и выслан во Францию (Воронель Н. Без прикрас. М... 2003. С.).

Первая попытка НТС установить контакт с А. И. Гинзбургом была сделана не позднее 1965 г. (Гинзбург А. И. Ответ господину Хьюгесу // Вечерняя Москва. 1965. 3 июня).

И. И. Тхоржевский (1878–1951) был ближайшим помощником А. В. Кривошеина. Находясь в эмиграции, он с 1939 г. сотрудничал в журнале «Часовой», с 1945 г. в «Русской мысли», в 1949 г. стал редактором журнала «Возрождение». Входил в масонские ложи, среди членов которых были И. А. Кривошеин и К. К. Грюнвальд (Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С.818–819).

Николай Борисович был внуком морского офицера Вадима Константиновича Жданова (1886–1945), который эмигрировал в Париж и здесь стал масоном. От брака с Маргаритой Генриховной Ждановой-Леванши (1884–1974), тоже входившая в масонскую ложу, имел сына Бориса (1912–1995), который пошел по стопам родителей и также отдал дань увлечения масонством. Среди собратьев отца и сына Ждановых были М. В. Гардер, Н. В. Голеевский, К. К. Грюнвальд, И. А. Кривошеин, А. П. Макинский,

М. А. Струве, Н. Д. Татищев (Серков
А. И. Русское масонство. 1731–2000.
Энциклопедический словарь. М...
2001. С. 330–331).

«Ближе к середине 80-х», утверждал В. Е. Аллой, состоялся новый передел и А. И. Солженицын вошел в состав акционеров ИМКА-пресс (Аллой В. Записки аутсайдера // Минувшее. Т.23. СПб., 1998. С.163).

Сестра Ольги Юрьевны Мария (1894–1930) находилась замужем за графом Петром Андреевичем Бобринским (1893–1962), который в разное время он состоял в одиннадцати масонских ложах. Среди его собратьев мы видим К. К. Грюнвальда, И. А. Кривошеина и Н. Д. Татищева (Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М... 2001. С.122).

Это были Георгий Петрович Винс (p.1928), Марк Юльевич Дымшиц (p.1927), Эдуард Самойлович Кузнецов (p.1939) и Валентин Яковлевич Мороз (p.1936) (Biography and Genealogy master Index. Vol.7. S-t. Detroit. 1980. P.350; International Bibliography of Biography. 1970–1987. Vol.5.L-Munich-N.Y.-Paris. 1988. P.118, 302–303, 379–380, 615–616).

По мнению В. К. Буковского, «на весь Советский Союз диссидентов было тысяч десять» («Я вдруг расцвел в удивительные сжатые сроки». Писатель Владимир Буковский в беседе с Андреем Карауловым // Независимая газета. 1992. 31 января).

После того, как вышло первое издание этой книги, один из бывших секретарей ЦК КПСС в разговоре со мной выразил сомнение в точности этих слов. Тогда я обратился в Фонд Горбачева на имя его исполнительного директора Ольги Михайловны Здравомысловой с просьбой подтвердить или же опровергнуть подлинность приведенного выше высказывания М. С. Горбачева. Ответа не последовало.